

63.310/3
D 75

U. I. Sprünge.
Comme. Mott.
Ustoye I. I. I. I.
Mott.

63,310/3

резинка

783331

9 (M) 03

Д 75 Дройзен И. Г.
История эллинизма. Т.
1: История Александра
Великого.

1890

50-00

783331

02600

м/ф

Р.ф

60 г. 1955

63,3(0)3
975

ИСТОРИЯ ЭЛЛИНИЗМА.

Сочиненіе І. Г. Дройзена.

Переводъ М. ШЕЛГУНОВА

съ французскаго, дополненнаго авторомъ,
изданія, подъ редакціей А. БУШЕ-ЛЕКЛЕРКА.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

ИСТОРИЯ АЛЕКСАНДРА ВЕЛИКАГО.

Изданіе К. М. Солдатенкова

Уплатеніе възл. —
Библ. № 7
Им. Карла-Фредр.
Брунтона-де-Пина
МОСКВА

ЧИТАЛЬНИЦА

МОСКВА.

Типо-литографія В. О. Рихтера, Тверская улица, домъ Талазневой.
1890.

2606

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Книга первая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Предметъ сочиненія.—Ходъ развитія Греціи.—Царь . Филиппъ и его политика.— Коринѣскій союзъ 338 года.—Персидское царство до Дарія III. Стр. 1

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Страна, народъ и царская династія Македонин.—Внутренняя политика царя Филиппа II.—Дворянство; дворъ.—Олимпиада.—Молодость Александра.—Раздоры въ царскомъ семействѣ.—Атталъ.—Убіеніе Филиппа II. . . 44

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Опасность извѣщъ.—Походъ 336 года въ Грецію.—Возобновленіе коринѣскаго союза.—Смерть Атталы.—Сѣверные сосѣди.—Походъ во Фракію, на Дунай и противъ илирійцевъ.—Второй походъ въ Грецію. Разрушеніе Фивъ.—Вторичное возобновленіе коринѣскаго союза. 61

Книга вторая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Приготовленія къ войнѣ.—Финансы.—Союзники царства.—Армія.—Переходъ въ Азію.—Битва при Граникѣ.—Запятіе западнаго берега Малой Азіи.—Завоеваніе Галикарнасса.—Походъ черезъ Ликію, Памфилію и Пизидію.—Организація новыхъ областей 87

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Приготовленіе Персін къ войнѣ.—Персидскій флотъ подъ начальствомъ Мемнона и греки.—Переходъ Александра черезъ Тавръ.—Занятіе Киликіи.—Битва при Иссъ.—Манифестъ.—Движеніе въ Грецію.—Осада Тира.—Взятіе Газы.—Занятіе Египта. 132

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Стр.

Персидскія вооруженія.—Походъ Александра въ Сирію, черезъ Эвфратъ, и на Тигръ.—Битва при Гавгамелѣ.—Походъ на Вавилонъ.—Занятіе Сузы.—Походъ на Персеполь 169

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Выступленіе изъ Персеполя. — Отступленіе Дарія изъ Экбатаны. — Умерщвленіе его.—Александръ въ Парѣи.—Предпріятіе Зопиріона, возмущеніе Фракіи, возстаніе Агиса, его пораженіе, умиротвореніе Греціи. 201

Книга третья.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Преслѣдованіе Бесса.—Возстаніе въ Арѣ.—Движеніе войска къ югу, черезъ Арѣю, Дрангіану, Арахозію, и къ южнымъ склонамъ индійскаго Кавказа.—Мысль Александра и теорія Аристотеля.—Открытіе заговора.—Новая организація войска 221

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Походъ Александра въ Бактріану.—Преслѣдованіе Бесса, его выдача.—Походъ противъ скиновъ, на Яксартъ.—Возстаніе въ Согдіанѣ. — Усмирненіе мятежниковъ.—Зимовка въ Заріаспѣ.—Вторичное возмущеніе согдіанцевъ.—Усмирненіе ихъ.—Остановка въ Маракандѣ. — Убіеніе Клита.—Вторженіе киевовъ въ Заріаспу. — Зимовка въ Навтакѣ.—Крѣпости гипарховъ.—Бракосочетаніе съ Роксаной.—Заговоръ царскихъ юношей.—Наказаніе Каллисена 238

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Индія.—Война по сю сторону Инда.—Переходъ черезъ Индъ. — Походъ къ Гидаспу.—Государь Таксилы. — Война съ царемъ Поромъ.—Битва при Гидаспѣ.—Война съ независимыми племенами.—Войско на берегахъ Гидазиса.—Возвращеніе 269

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Возвращеніе на родину.—Флотъ на Аксинѣ. — Война съ маллами.—Грозная жизни Александра опасность.—Сраженія на пизнемъ Индѣ. — Отбытіе Кратера.—Битва въ дельтѣ Инда. — Плаваніе Александра по океану.—Его отбытіе изъ Индіи 307

Книга четвертая.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Отбытіе.—Война на землѣ Оритовъ.—Походъ войска черезъ пустыню Гедрозіи.—Прибытіе остатковъ войска въ Карманию.—Неархъ въ Гармозіи.—Беспорядки въ государствѣ.—Казни.—Возвращеніе въ Персію.—Вторичное бѣгство Гарпаала.—Свадебныя торжества въ Сузѣ.—Новая организація государства.—Выступленіе въ Опись. 333

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Стр.

Мятежъ солдатъ въ Описѣ.—Увольненіе ветерановъ.—Гарпалъ въ Греціи.—Расколъ между партіями въ Аеинахъ.—Постановленіе относительно возвращенія изгнанниковъ.—Происки Гарпала въ Аеинахъ.—Процессъ Гарпала.—Внутренняя политика Александра и ея послѣдствія 554

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Походъ Александра въ Мидію.—Смерть Гефестіона.—Война противъ Косеевъ.—Возвращеніе въ Вавилонъ.—Посольства.—Отправки въ южное море.—Вооруженія, новые планы.—Болѣзнь Александра.—Его смерть. . . 382

П р и м ѣ ч а н і я.

Примѣчанія къ 2-ой главѣ первой книги	3
„ „ 3-ей главѣ первой книги	11
„ „ 1-ой главѣ второй книги	20
„ „ 2-ой главѣ второй книги	37
„ „ 3-ей главѣ второй книги	48
„ „ 4-ой главѣ второй книги	57
„ „ 1-ой главѣ третьей книги	64
„ „ 2-ой главѣ третьей книги	68
„ „ 3-ей главѣ третьей книги	80
„ „ 4-ой главѣ третьей книги	92
„ „ 1-ой главѣ четвертой книги	100
„ „ 2-ой главѣ четвертой книги	107
„ „ 3-ей главѣ четвертой книги	114

П р и л о ж е н і я.

Матеріалы къ исторіи Александра	125
Первоисточники.	126
Документы, письма и рѣчи	138
Тираны Эреза	153
Царская область и независимые города	160
Иліонскій союзъ городовъ	163
Возвращеніе изгнанниковъ	166
Хронологія смерти Александра	167
Хронологія Діодора.	176

КНИГА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРЕДМЕТЪ СОЧИНЕНІЯ.—ХОДЪ РАЗВИТІЯ ГРЕЦІИ. ЦАРЬ ФИЛИППЪ И ЕГО ПОЛИТИКА.—
КОРИНѢСКІЙ СОЮЗЪ 338 ГОДА.—ПЕРСИДСКОЕ ЦАРСТВО ДО ДАРІЯ III.

Во всемірной исторіи имя Александра знаменуетъ собою конецъ одного періода и начало новой эры.

Двухсотлѣтнюю борьбу эллиновъ съ персами, первое, извѣстное исторіи, серьезное столкновеніе запада съ востокомъ, Александръ заканчиваетъ уничтоженіемъ персидскаго царства, завоеваніями, доходившими до африканской пустыни и простиравшимися за Яксартъ и за Индъ, и распространеніемъ греческаго господства и образованности среди отжившихъ культурныхъ народовъ, т. е. началомъ эллинизма.

Исторія не знаетъ другого столь изумительнаго по своему характеру событія; никогда, ни раньше, ни послѣ, такому небольшому народу не удавалось такъ скоро и такъ полно ниспровергнуть господство такого исполинскаго государства и на мѣстѣ разрушеннаго зданія создать новыя формы государственной и народной жизни.

Откуда же маленькій греческій міръ почерпнулъ отвагу для такого предпріятія, силу для такихъ побѣдъ, средства для достиженія такихъ результатовъ? Почему персидское царство, съумѣвшее покорить столько царствъ и народовъ и господствовать надъ ними въ теченіе двухъ вѣковъ, еще недавно впродолженіе двухъ поколѣній имѣвшее своими подданными эллиновъ азіатскаго побережья, и игравшее роль верховнаго судьи на островахъ и на самомъ континентѣ Греціи, пало подъ первымъ ударомъ македонянъ?

Нѣкоторое объясненіе дастъ намъ діаметральная противоположность ихъ организаціи во всѣхъ отношеніяхъ, которая, заранѣе опредѣленная географическими условіями, все болѣе и болѣе росла по мѣрѣ историческаго развитія, и къ тому времени, когда Александръ выступилъ противъ Дарія, кризисъ былъ *готовъ разразиться*.

Сравнительно со старыми культурными народами Азии эллины народъ молодой; родственныя по языку племена лишь постепенно сгруппировались подъ этимъ именемъ; ихъ исторію составляетъ счастливое созданіе національнаго единства и тщетное исканіе единства политическаго.

До того времени, когда это имя вошло во всеобщее употребленіе, они имѣютъ о своей старинѣ только неопредѣленные и сказочныя свѣденія. Они считаютъ себя автохтонами на гористомъ, изрѣзанномъ заливами полуостровѣ, отъ Скарда и верховьевъ Аксіа тянущемся къ югу до Тэзара. Они упоминаютъ о какомъ то царѣ Пелазгѣ, правившемъ въ Аргосѣ, царство котораго обнимало Додопу и Фессалию, склоны Пипда и Пэонію, всю землю «до свѣтлыхъ водъ Стримона»; вся Эллада, говорятъ они, цѣкогда звалась Пелазгіей.

Сѣверныя племена остались въ своихъ горахъ и долинахъ, сохранили свой земледѣльческій и пастушескій бытъ, свою исконную религіозность, которая, не давая еще богамъ отдѣльныхъ именъ, называла ихъ просто «силами», потому что «въ ихъ силѣ все», и которая въ смѣшѣ свѣта и тьмы, жизни и смерти и въ явленіяхъ природы видѣла свидѣтельства и примѣры ихъ строгаго господства.

Другія племена нужда дома или любовь къ скитальчеству повела къ сосѣднимъ берегамъ моря или за море, гдѣ они могли искать себѣ добычи въ войнѣ и морскомъ разбоѣ и основать себѣ новое отечество съ помощью рѣшимости и силы. Въ тѣ времена отъ личной силы зависѣло все, и полная рѣшимость и самостоятельность была условіемъ успѣха предпріятій и вѣрности наживы; идея божества у нихъ перемѣнилась: вмѣсто прежнихъ мирныхъ, жившихъ и дѣйствовавшихъ среди природы божествъ, у нихъ были и считались теперь божествами силы, двигавшія и наполнявшія текущую ихъ жизнь, существа одаренныя энергичной волей, рѣшительностью и могучей рукою. За наружной перемѣной послѣдовала и внутренняя; они стали эллинами. Одни ограничились тѣмъ, что спустились съ горъ въ равнины Фессалии. Віотій, Пелопоннеса и остались тамъ; другихъ манило Эгейское море съ его красивыми островами и берегъ къ востоку отъ нихъ съ его обширными плодородными равнинами, позади которыхъ высятся ведущія къ центральному плоскогорію Малой Азии горы,—а растущее движеніе посылало имъ вослѣдъ все новыя и новыя толпы.

Въ самой Греціи, гдѣ «цари» со своими «гетѣрами», своими дружинниками, спустились въ близлежащія долины и равнины и изгнали или покорили прежнихъ обитателей, развилось правящее сословіе гетѣровъ; царскую власть, съ которой они начали, они скоро устранили или низвели къ одному лишь имени, чтобы обезпечить за господствомъ аристократіи болѣе строгую замкнутость и устойчивость. Съ своей стороны изгнанники и переселенцы, чтобы прочнѣе утвердиться и быстрѣе распространиться на чужбинѣ и среди чужихъ, начали искать и скоро нашли еще болѣе свободныя формы жизни и возможности къ еще болѣе быстрому, смѣлому развитію своихъ силъ; они значительно опередили метрополию своимъ богатствомъ, житейскимъ комфортомъ и развитіемъ искусства.

Пѣсни Гомеровы являются завѣщаніемъ этого обильнаго движе-

нѣмъ времени, этого переселенія народовъ, когда эллины въ тѣсныхъ и все же богатыхъ предѣлахъ своей старой и новой родины дѣлали первые шаги на поприщѣ исторической жизни.

Это море съ его островами, съ его берегами, все кругомъ, было теперь ихъ міромъ. Тянушіеся отъ Геллеспонта до Истма, а оттуда до тѣпарскаго мыса горы окружаютъ его; даже на самомъ морѣ Кіеера, Критъ, Родосъ являются звеньями этой окружающей цѣпи, возобновляющейся на берегу Каріи въ видѣ могучихъ горныхъ образований и, постепенно опускаясь въ видѣ богатыхъ бассейновъ рѣкъ, плодородныхъ равнинъ и горныхъ склоновъ, достигающей съ снѣжныхъ вершинъ Иды и до Геллеспонта.

Въ теченіи цѣлыхъ столѣтій эллинская жизнь развивалась въ этомъ замкнутомъ кругу особенно пышнымъ цвѣтомъ, но распустилась у тѣхъ, которые объединились подъ именемъ іонянъ. «Кто видитъ ихъ», говоритъ «слѣпой хіосскій пѣвецъ» объ іонійскомъ праздникѣ на Делосѣ, «стройныхъ мужей, прекрасно опоясанныхъ женщинъ, ихъ быстрые корабли, ихъ безконечное богатство, тотъ подумалъ бы, что они свободны отъ старости и смерти». Благодаря постоянной дальнѣйшей колонизаціи, исходившей сначала отъ нихъ, а скоро и отъ другихъ племенъ на берегахъ, по островамъ и на родинѣ по Пропонтидѣ, вдоль Понта до устья Танаиса и у подножья Кавказа выросли новые цвѣтущіе греческіе города; въ Сициліи и южной Италіи создадась новая Эллада, эллины населили африканскій берегъ около Сирта, по берегамъ Морскихъ Альпъ и до Пиренеевъ выросли эллинскія Колоніи. Эти эллины проникли вездѣ, куда только могли достигнуть ихъ быстрые корабли, какъ будто весь міръ принадлежалъ имъ; они вездѣ селились маленькими общинами, искусно сближались съ окрестными жителями, каковы бы ни были ихъ языкъ и народность, и перенимали и усваивали то, что находили для себя подходящимъ. Не взирая на пестрое разнообразіе діалектовъ, культовъ и занятій, обусловливавшихся мѣстомъ и характеромъ города, не взирая на постоянное соперничество одного противъ другого, колоній противъ метрополіи, они, когда стекались изъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ на олимпійскія или пифійскія игры, вступали въ борьбу изъ-за одной и той же награды, приносили жертвы на однихъ и тѣхъ же алтаряхъ, наслаждались одними и тѣми же пѣснями.

Изъ этихъ пѣсенъ, которыя въ безчисленныхъ мифахъ и сказаніяхъ, въ приключеніяхъ, скитаніяхъ и битвахъ отцовъ рисовали имъ картину самихъ себя,—прекраснѣйшими и наиболѣе любимыми были пѣсни о походахъ на востокъ; съ ними ихъ мысль постоянно обращается къ востоку. Съ востока похищаетъ Зевесъ сидонскую царевну и называетъ ея именемъ Европу. На востокъ бѣжитъ Іо, чтобы обнять эллинскаго бога, что на родинѣ запрещаетъ ей ревность Геры. На барабѣ съ золотыми рунами хочетъ бѣжать на востокъ Гелла; но она падаетъ въ море, не успѣвъ достигнуть недалекаго противоположнаго берега. Аргонавты пускаются въ путь, чтобы привезти на родину изъ лѣсовъ Колхиды золотое руно; это первый большой походъ героевъ на востокъ, но вмѣстѣ съ героями возвращается Медея, волшебница, которая вноситъ ненависть и смерть

въ царственные дома Эллады, пока, наконецъ, презрѣнная и отвергнутая аѳинскимъ героемъ, она не возвращается въ свое мидійское отечество.

За походомъ Аргонавтовъ слѣдуетъ вторая борьба героевъ, война на родинѣ противъ Оивъ, печальный первообразъ ненависти и братоубійственныхъ войнъ, которымъ въ послѣдствіи суждено было опустошить Элладу. Въ роковомъ осмѣленіи Лаій родилъ сына, не взирая на предсказаніе бога; Эдипъ, не знающій ни своихъ родителей, ни родины, вопрошаетъ бога; онъ ищетъ чужбины, но возвращается на родину, убиваетъ отца, вступаетъ въ бракъ съ матерью и царствуетъ въ городѣ, для котораго было бы лучше, чтобы загадка убивающаго мужей сфинкса никогда не разъяснялась. Узнавъ наконецъ о своемъ преступленіи, онъ разрушаетъ свѣтъ своихъ ясныхъ очей, предаетъ проклятію себя, свой родъ, свой городъ; и судьба спѣшитъ исполнить его проклятіе, пока братъ не убьетъ брата, пока эгигоны не отомстятъ за смерть своихъ отцовъ, пока развалыны не скроютъ мѣста этого тройного или четверного злодѣянія.

Такимъ образомъ, среди преступленій и злодѣяній, близится къ своему концу времена героевъ. Царевичи, искавшіе руки прекрасной Елены, сидятъ дома, окруженные своими женами и дѣтьми, и не сражаются болѣе съ великанами и преступленіемъ. Но вотъ герольды Агамемнона призываютъ къ походу на востокъ, во имя клятвы, нѣкогда данной женихами: троянскій царевичъ, гостепріимно принятый Менелаемъ въ свой дворецъ, похитилъ у него супругу, руки которой искали столь многіе. Греческіе цари плывутъ изъ Авлиды въ Азію, съ царями же ихъ гетэры и ихъ народы. Долгіе годы борятся и терпятъ они; могучій Ахиллъ видитъ смерть своего Патрокла и не находитъ успокоенія до тѣхъ поръ, пока не убьетъ и не провлачить вокругъ стѣнъ Трои умертвившаго его Гектора; затѣмъ самого его сражаетъ стрѣла Париса, и теперь, возвѣщаетъ богъ, паденіе Трои близко. Городъ искушаетъ своимъ страшнымъ концомъ преступленіе нарушителя правъ гостепріимства. Пошедшіе въ походъ достигли того, чего хотѣли; но родина для нихъ потеряна; одни умираютъ въ волнахъ возмущеннаго моря, другіе занесены въ страны далекихъ варваровъ, третьи падаютъ жертвой кровавой хитрости, которая ждетъ ихъ у домашнего очага. Времена героевъ пришли къ концу, и начинается будничныи міръ, «такой, каковы люди теперь».

Таковы легенды, указанія и предчувствія старины. И когда пѣсни Гомеридовъ умолкли передъ новыми пѣснями, они начали сбываться.

До сихъ поръ эллинамъ еще не приходилось помѣряться съ могущественнымъ врагомъ. Каждый городъ самъ по себѣ былъ въ состояніи защищаться отъ опасности, которая грозила ему, или искусно избѣгнуть ея. Но языку и обычаямъ, на религиозныхъ празднествахъ и праздничныхъ играхъ они были какъ бы однимъ народомъ, но политически представляли изъ себя безконечное множество отдѣльныхъ, лишенныхъ всякаго единства, городовъ и государствъ; только дорійская аристократія въ Спартѣ, подчинившая себѣ древнихъ обитателей долины Эвроты, завоевавшая близлежащія пограничныя мѣстности Аргоса и Аркадіи, и обратившая въ илоты доріанъ Ме-

сеніи, соединила наконецъ большинство городовъ Пелопоннеса въ одинъ союзъ, въ которомъ каждый городъ сохранялъ или создавалъ аналогичную существовавшей въ городѣ спартанцевъ аристократію. Господствуя надъ Пелопоннесомъ, будучи врагомъ уже начавшагося среди покоренныхъ низшихъ классовъ движенія, славная тѣмъ, что сломила во многихъ мѣстахъ тираннію, тамъ и сямъ выросшую изъ этого движенія, Спарта считалась носительницей истинно-эллинскаго духа и руководящей державой эллинскаго міра.

Около этого времени противъ расходившихся все болѣе и болѣе широкими кругами волнъ греческаго міра возникло обратное теченіе опаснаго характера. Карфагеняне показали въ Сиртѣ, чтобы удержатъ жителей Киренаики; они заняли Сардинію, соединились съ этрусками, чтобы вытѣснить фокійцевъ изъ Корсики. Города Іоніи, лишеныя единства, ослабленныя почти каждый внутренними раздорами, не могли болѣе противиться лидійскому царю; они по одиночкѣ заключили съ нимъ договоры и платили ему дань за ту полусвободу, которую онъ имъ оставилъ. Затѣмъ на дальнемъ востокѣ появился Киръ со своимъ персидскимъ народомъ, завладѣлъ Мидійскимъ царствомъ и основалъ державу «мидянъ и персовъ»; ихъ войска побѣдили при Галисѣ, подошли къ Сардамъ и сломали лидійское царство; азіатскіе греческіе города тщетно обращались съ просьбой о помощи къ Спартѣ; они попытались противиться Персамъ, но были покорены одинъ за другимъ; покорились и сосѣднія острова. Всѣ они должны были платить дань, доставлять войска; въ большинствѣ ихъ при содѣйствіи персидскаго царя появился новый видъ тиранніи, заключающейся въ иноземномъ господствѣ; въ другихъ знать возобновила при покровительствѣ персовъ свою власть надъ демомъ; они соревновали другъ съ другомъ въ угодливости; 600 греческихъ кораблей послѣдовало за персидскимъ царемъ въ его походъ противъ скинновъ, послѣ котораго подчинились персамъ и сѣверная сторона Пропонтиды и берегъ до Стримона.

Какъ глубоко были унижены эти когда-то столь гордые и счастливыя іонійскіе города. Они недолго переносили это униженіе; они возмутились, хотя только отъ Эретрії и Аѳинъ получили помощь кораблями, которые впрочемъ скоро вернулись обратно. Походъ іонянъ противъ Сардъ не удался; съ моря и съ суши надвинулась армія персидскаго царя; затѣмъ послѣдовало пораженіе въ бухтѣ Милета, разрушеніе этого города, страшная казнь надъ возставшими и полное пораженіе.

Лучшая треть Греціи была сломлена; ссылка, безконечная эмиграція довели населеніе до мнимума. Финикійскіе флоты персидскаго царя господствовали надъ Эгейскимъ моремъ. Уже Карфагеняне начали подвигаться впередъ съ западнаго конца Сициліи, гдѣ они утвердились еще раньше; эллины Италіи допускали это, вполнѣ поглощенные собственными раздорами; между Сибарисомъ и Кротономъ вспыхнула борьба, окончившаяся разрушеніемъ Сибариса, а тѣмъ временемъ подвигавшіеся къ югу этруски завоевали уже и Кампанію; сила греческой народности въ Италіи начала ослабѣвать.

Въ Греціи хорошо видѣли, въ чемъ заключался корень зла. Во

время борьбы съ лидійскимъ царемъ Фалесъ убѣждалъ соединить всѣ города Іоніи въ одно государство, такимъ образомъ, чтобы впредь каждый городъ составлялъ только одну изъ общинъ этого государства. И когда началось персидское завоеваніе, Віантъ Пріенскій совѣтовалъ всѣмъ іонійцамъ съобща выселиться, и, водворившись на даѣнемъ западѣ, осуществить то, что посовѣтовалъ Фалесъ.

Но все предшествовавшее развитіе эллинскаго міра, его главная сила и разивѣтъ были обусловлены полной свободой передвиженія и той подвижностью, съ какой эллины распространялись во всѣ стороны и вездѣ пускали новые ростки, этимъ безконечно жизненнымъ партикуляризмомъ общинъ, одна другой меньше, который, занимаясь съ самодовольнымъ равнодушіемъ, какое только можно себѣ представить, ближайшими и касавшимися его лично дѣлами, теперь оказался величайшей опасностью, настоящимъ «пан-эллинскимъ бѣдствіемъ».

Спартѣ не было суждено сдѣлаться державой, которая могла бы спасти Грецію. И хотя, благодаря начавшемуся свободному движенію дѣма, тиранія мѣстами и развилась въ могущественную организацию, но, будучи основана на пасилии противъ аристократовъ и любви народныхъ массъ, она снова пала.

Только въ одномъ мѣстѣ, въ Аѣинахъ, за ея паденіемъ послѣдовало не возвращеніе аристократіи, какъ этого ждала и добивалась Спарта, но смѣлая реформа въ свободномъ духѣ, законодательство «съ равными правами для всѣхъ», которое оставило за вошедшими въ составъ аттическаго государства мѣстечками только ихъ общинную самостоятельность и вызвало этимъ такое развитіе внутреннихъ силъ, что оно еще при первыхъ своихъ шагахъ могло уже выдержать соединенное нападеніе руководимыхъ Спартой сосѣднихъ аристократическихъ государствъ. Теперь Спарта соглашалась возвратить въ Аѣины даже тирана, а эгинеты, видѣвшие въ Аѣинахъ страшнаго соперника на морѣ, одни продолжали борьбу, отъ которой отказались другія государства Целопоннеса. Чтобы защищаться противъ превосходныхъ силъ ихъ флота, Аѣины должны были вернуть посланные на помощь іонянамъ корабли; а за оказаніе этой помощи они, когда палъ Милетъ, должны были ожидать мщенія персидскаго царя.

Уже его сухопутное войско и флотъ тянулись отъ Геллесπονта вдоль берега, покоряя тамъ греческіе города, континентальныхъ еракійцевъ и македонскаго царя. Фессалійская знать, равно какъ и полныя озлобленія противъ Аѣинъ царствовавшія въ Віотіи фамиліи династовъ искали персидской дружбы. Герольды царя объѣзжали острова и города, требуя земли и воды; посланные въ Аѣины были сброшены со скалы. Спарта сдѣлала то же и, теперь оба эти государства, только что стоявшіе другъ противъ друга, имѣли общаго врага. Но когда персы уже появились на Эвбеѣ, разрушили Эретрію, высадились на аттическомъ берегу у Мараѡна, Спарта все еще медлила послѣдовать зову аѣинянъ. Изъ всѣхъ эллиновъ только платѣйцы сражались рядомъ съ аѣинянами; день Мараѡна спасъ Аѣины и Грецію.

Это было только первое счастливое столкновение. Аѳины должны были быть готовы къ новой, болѣе серьезной опасности.Themistocle, по смѣлости мысли и энергіи исполненія величайшій государственный мужъ, какого только имѣли Аѳины, указалъ путь, чтобы встрѣтить ее.

Прежде всего, слѣдовало не давать варварамъ возможности сдѣлать вторично неожиданное нападеніе на Аттику съ моря; для Спарты и Пелопоннеса тоже было вопросомъ жизни и смерти отрѣзать превосходнымъ силамъ непріятеля болѣе близкій путь по морю. Морскія государства Элады—Эгина, Коринѳъ, Аѳины не имѣли столько военныхъ кораблей, сколько выставляли для персидскаго флота одни азіатскіе эллины. По предложенію Themistocle — средства для этого дало серебро изъ лаурійскихъ рудниковъ—флотъ Аѳинъ былъ увеличенъ вътрое, Пирей превращенъ въ крѣпкую военную гавань, а въ скорости были выстроены и длинныя стѣны, соединявшія городъ съ гаванью. Привлеченіе въ качествѣ гребцовъ во флотъ массы бѣднѣйшихъ гражданъ, не обязанныхъ служить въ голитахъ, къ почетному долгу службы усилило демократическій характеръ государственнаго строя и въ тоже время придало ему выдержку болѣе строгой морской службы.

Вторая опасность обнаружилась одновременно съ приближеніемъ громадной арміи персидскаго царя. Открытіе въ ту пору кареагеніями военныхъ дѣйствій въ Сициліи должно было показать грекамъ всю величину грозившей имъ бѣды. Но среди нихъ повсюду господствовали несогласія, ненависть и мелочные споры, раздраженность и обособленность упрямаго партикуляризма. Только союзъ между тираннами Сиракузъ и Агригента и соединеніе ими всѣхъ боевыхъ силъ греческой Сициліи подавало тамъ надежду выдержать нападеніе пунійцевъ. Какимъ образомъ создать подобное объединеніе въ Эладѣ? По совѣту Themistocle Аѳины подчинились гегемоніи Спарты; Спарта и Аѳины пригласили греческіе города заключить между собою вооруженный союзъ, общій совѣтъ котораго долженъ былъ засѣдать въ Коринѳѣ. Подобный союзъ могъ бы связать между собою только присоединившихся къ нему; оставалось сдѣлать наиболѣе смѣлый шагъ, создать политическій принципъ изъ національнаго единства, существовавшаго до сихъ поръ только въ языкѣ, религіи и умственной жизни, и создать такимъ образомъ коалицію всѣхъ эллиновъ хотя бы только для борьбы противъ варваровъ. Синедрионъ въ Коринѳѣ дѣйствовалъ и распоряжался въ этомъ смыслѣ; онъ рѣшилъ, что до побѣды надъ варварами должны быть прекращены всѣ раздоры между греческими городами; онъ объявилъ государственной измѣной всякую помощь персамъ словомъ или дѣломъ; и всякій городъ, сдавшійся персамъ, не будучи принужденнымъ къ этому, долженъ былъ посвящаться богу и десятая часть его жителей обращена въ рабовъ при храмѣ, когда будетъ одержана побѣда.

День Саламина спасъ Эладу, побѣда при Гимерѣ—Сицилію. Но къ эллинскому союзу присоединилось только большинство городовъ Пелопоннеса, въ средней же и сѣверной Греціи кромѣ Аѳинъ присоединились только Themis и Платея. Битвы при Платеѣ и Микале освободили вплоть до Олимпа материкъ Греціи, острова и іонійское побережье, а спустя

нѣсколько лѣтъ также Геллеспонтъ и Византію. Въ тоже время тиранъ Сиракузъ разбилъ въ союзъ съ жителями Кумъ этрусковъ въ неаполитанскомъ заливѣ, а тарентинцы, потерпѣвшіе раньше тяжелое пораженіе отъ япиговъ, по побѣдившіе ихъ въ новыхъ битвахъ, сдѣлались владыками адриатическаго моря.

Но ни италійскіе и сицилійскіе греки не присоединились къ основанному на Истмѣ союзу, ни этотъ союзъ самъ, стоя подъ вялой и подозрительной гегемоніей Спарты, не заставилъ присоединиться къ себѣ Віотіи, долины Сперхея и Фессалии. Аѳинянамъ, которые при Саламинѣ выставили болѣе кораблей, чѣмъ всѣ остальные вмѣстѣ, и которые вынудили у Спарты освобожденіе острововъ и Іоніи, освобожденные предложили гегемонію надъ союзными морскими силами, и Спарта принуждена была допустить то, чему не могла помѣшать: внутри союза образовался новый союзъ.

УжеThemistokles, въ которомъ спартанцы видѣли своего злѣйшаго врага, налѣ въ Аѳинахъ подъ ударами своихъ противниковъ, той партіи, которая въ тоже время въ союзъ со Спартой видѣла и желала получить опору противъ возрѣбствовашаго демократическаго движенія. Быть можетъ, онъ и придалъ бы другую, болѣе прочную форму заключенному Аѳинами морскому союзу; теперь же организовавшіе его государственные люди ограничились болѣе свободными формами, равноправностью входившихъ въ составъ его государствъ и пощадили ихъ партикуляризмъ. Вредныя послѣдствія такой организациі союза не замедлили скоро сказаться; необходимость принуждать къ исполненію союзныхъ обязанностей, карать упушенія, сопротивленіе и отпаденія превратила руководящій городъ въ правящій и деспотическій, свободныя союзныя государства въ подданныхъ, подчиненныхъ даже юрисдикціи аттическаго дема.

Какъ властелинъ морскаго союза для охраны моря и для борьбы съ варварами, Аѳины владѣли островами эгейскаго моря, эллинскими городами на сѣверной сторонѣ его до Византіи, берегомъ Азіи отъ входа въ Понтъ до Фазелиса на намфильскомъ морѣ. Подъ живымъ импульсомъ этого могущества снова поднялись эллинская торговля и благосостояніе, пользовавшіяся теперь широкой защитой, а сами Аѳины, смѣло и творчески иди впереди во всѣхъ областяхъ умственной жизни, сдѣлались центромъ панэллинской образованности въ полномъ смыслѣ этого слова.

Хотя номинально Спарта и сохранила свою гегемонію, по она видѣла, что ея значеніе все болѣе и болѣе падаетъ; она начала тайно возбуждать недовольство среди союзниковъ Аѳинъ, между тѣмъ какъ Аргосъ, Мегара, Ахейцы и даже Мантиней уже присоединились къ Аѳинамъ. Возмущеніе обращенныхъ въ илотовъ мессенянъ, требованіе спартанцами, не бывшими въ состояніи справиться съ ними, помощи у союзныхъ Аѳинъ, отсылка изъ боязни обмана и измѣны присланнаго на помощь войска обратно еще до окончанія войны, повлекли за собой роковой кризисъ. Аѳинскій народъ отвернулся отъ тѣхъ, которые посовѣтовали снарядить эту экспедицію, далъ, чтобы устранить навсегда ихъ вліяніе, широкое развитіе демократическимъ учрежденіямъ государства, отрекся отъ эллинскаго союза, а съ нимъ

и отъ спартанской гегемоніи и рѣшилъ послать ко всѣмъ эллинскимъ городамъ, еще не принадлежавшимъ къ морскому союзу, приглашеніе заключить новый всеобщій союзъ.

Разрывъ былъ полный. Началась ожесточенная борьба, не ограничившаяся эллинскими землями: Египетъ отложился отъ персидскаго царя съ однимъ изъ потомковъ древнихъ фараоновъ во главѣ и просилъ помощи у Аѳинъ; самостоятельный Египетъ могъ бы постоянно угрожать персидской монархіи съ тыла; берега Сиріи, Кипръ и Киликія тоже не замедлили бы отдѣлиться; въ виду такихъ соображеній Аѳины послали на берега Ила сильный флотъ.

Этотъ смѣлый замыселъ аѳинской политики потерпѣлъ неудачу. Египетъ палъ подъ ударами персовъ; потерявъ тамъ тяжелыя потери, послѣ кровавыхъ и не всегда удачныхъ битвъ на отечественныхъ границахъ, Аѳины, чтобы отомстить за нанесенное имъ варварами пораженіе, заключили со Спартой миръ и пожертвовали всѣми пріобрѣтеніями, сдѣланными ими на счетъ пелопоннесскаго союза на материкѣ.

Остановка Аѳинъ на своемъ пути не примирила ни Спарты, ни аристократическихъ государствъ, ни партикуляризма. То обстоятельство, что Аѳины крѣпче прежняго держали въ рукахъ бразды правленія надъ своими союзниками, усилило озлобленіе подданныхъ, которые теперь уже считали себя выравъ надѣяться найти въ спартацахъ и въ персидскомъ царѣ надежную точку опоры. Не взирая на все это, Периклъ, хотя силы Аѳинъ были наготовѣ, а сокровищница полна, думалъ съ помощью стоявшей выше всего мудрой умѣренности и строгаго соблюденія союзнаго договора, сохранить миръ, а съ нимъ и господство Аѳинъ на морѣ, и то только въ его прежнемъ объемѣ; по благодаря этой политикѣ Аѳины потеряли инициативу пзвнѣ, а внутри усилилась оппозиція тѣхъ, которые въ дальнѣйшемъ развитіи демократіи, въ полномъ примѣненіи ея принциповъ и у союзниковъ, въ распространеніи господства на понтійскіе и на сицилійскіе и италійскіе греческіе города видѣли единственную возможность встрѣтить тройную опасность, грозившую аттическому могуществу: соперничество Спарты и аристократическихъ государствъ, ждавшую только удобнаго случая ненависть Персовъ и отпаденіе союзниковъ.

Таковы элементы кровавой войны, въ теченіи цѣлыхъ тридцати лѣтъ бушевавшей среди эллинскаго міра и потрясшей его до основанія, — войны, въ которой суждено было погибнуть накопившемуся въ Аѳинахъ и подъ ихъ охраной избытку благосостоянія, образованности и благороднаго искусства и распространявшемуся вмѣстѣ съ ними пониманію правдивныхъ идей.

Въ этой войнѣ былъ моментъ — время Алкивіада и сицилійской экспедиціи, — когда побѣда аѳинскаго могущества и распространеніе его также и на моря запада казалось несомнѣннымъ; Кароагениянъ крайне тревожило то, «что аѳиняне пойдутъ на ихъ города». Но гениальное легкомысліе того, который послалъ на своемъ золотомъ щитѣ изображеніе пускающаго стрѣлы Эрота, дала интригѣ его олигархическихъ и демократическихъ противниковъ на родилъ случай устра-

нить его, — его, который одинъ только и могъ бы довести до конца начатое предпріятіе. Онъ перешелъ къ спартамцамъ, указалъ имъ пути, чтобы взять верхъ надъ Аѳинцами, склонилъ въ пользу ихъ дѣла сатраповъ Малой Азіи и золото персидскаго царя, конечно подъ условіемъ категорическаго согласія Спарты на то, чтобы персидскому царю снова принадлежало все, что принадлежало ему прежде.

Война продолжала свирѣпствовать съ неслыханной перемѣнчивостью; на соединеніе съ флотами Спарты, Коринѳа и отложившихся союзниковъ Аѳинъ пришелъ нанятый на персидскія деньги флотъ Сициліи. Ни съ чѣмъ несравнимое зрѣлище представляеть собою эта борьба аѳинскаго народа, его возобновлявшіяся все съ новой и новой энергіей усилія спасти свой разрушающійся государственннй организмъ, его борьба, которую онъ продолжалъ до послѣдняго человѣка и до послѣдняго золотого вѣника въ своей сокровищницѣ. Послѣ послѣдней одержанной имъ побѣды, — побѣды при Аргинузахъ, — Аѳины, раздираемыя раздорами партій, преданныя своими полководцами, мучимыя голодомъ, пали; спартаецъ Лизандръ разрушилъ длинныя стѣны и отдалъ Аѳины во власть Тридцати.

Было сокрушено не одно только могущество Аѳинъ. Въ теченіе этой долгой и ожесточенной войны измѣнился характеръ аѳинскаго дема; изъ входившихъ нѣкогда въ его составъ счастливыхъ элементовъ наиболѣе устойчивые исчезли, а педерживаемыя ничѣмъ демократическія страсти доставили слишкомъ большую силу разрушительному рационализму, воспитавшему среди него олигарховъ, которые теперь, пользуясь подъ управленіемъ Тридцати полною свободой, начали поработать измученный народъ. Среди нихъ находились послѣдніе выродившіеся остатки старинныхъ славныхъ семей, жестоко опустошенныхъ войною; еще большому опустошенію подверглось старинное земледѣльческое сословіе гоплитовъ, которое непріятельскія вторженія на территорію Аттики сначала изъ году въ годъ, а потомъ на цѣлыя годы загнали въ городъ, гдѣ оно, безъ работы, въ пищеть, затянутае водворотомъ городской жизни, сдѣлалось чернью. Когда, черезъ непродолжительное время изгнанники вернулись силой, прогнали Тридцать тиранновъ и возстановили демократію, — то было возстановлено только имя Аѳинъ, имя солововскаго законодательства; все было бѣдно, жалко, безсильно и подавлено; а то обстоятельство, что полномочія должностей уменьшались съ вдвойнѣ ревливой заботливостью, что вліяніе выдающихся личностей по возможности устранялось, что были найдены новыя формы, дѣлавшія неисполнимымъ самомалѣйшее ограниченіе демократической свободы, установило эту опасную форму государственнаго строя въ самомъ опасномъ фазисѣ ея колебаній, въ фазисѣ пробужденія послѣ сильнаго хмѣля.

Своимъ призывомъ къ свободѣ тридцать лѣтъ тому назадъ Спарта соединила противъ Аѳинъ всю ненависть, весь страхъ и все недовольство, и окружила себя элементами партикуляризма. Теперь побѣда ея была полная; Спарта возбуждала восхищеніе въ возвращавшихся теперь повсюду аристократахъ, и ея героемъ, ея богомъ былъ Лизандръ; ему воздвигались алтари и въ честь его устанавли-

лись праздники. Древнее право Спарты на гегемонію, казалось, объединило теперь наконецъ Грецію.

Но это былъ не прежній спартанскій городъ; первымъ требованіемъ возбуждавшего столько удивленія законодательства Ликурга было, чтобы гражданинъ былъ солдатомъ и жилъ бы, не имѣя личной собственности, въ строгомъ подчиненіи порядку и дисциплинѣ; ореолъ, окруженною которымъ привыкли видѣть Спарту, исчезъ теперь вмѣстѣ съ побѣдой; теперь обнаружилось, сколько алчности, жажды наслажденій, извращенности и духовной нищеты господствовало въ ней на ряду съ властолюбіемъ, и наглости на ряду съ коварствомъ и ханжествомъ; число спартіатовъ постоянно уменьшалось: вмѣсто девяти или десяти тысячъ, бывшихъ во времена персидскихъ войнъ, въ слѣдующую эпоху ихъ была только тысяча. Привыкшіе на родинѣ къ безпрекословному повиновенію и внѣшней дисциплинѣ, они теперь, сдѣлавшись гармостями въ городахъ Эллады, управляли тѣмъ своевольнѣе и насильственнѣе, вездѣ стараясь ввести тотъ же олигархическій режимъ, замѣнившій въ самой Спартѣ древнюю возбуждавшую удивленіе аристократію; вездѣ налагалось введеніе его, изгнаніе побѣжденной партіи, конфискація ея имущества; бродячая масса политическихъ бѣглецовъ и ихъ планы и попытки къ насильственному возвращенію породили постоянную смуту и броженіе среди эллинскаго міра.

И правда, Спарта немедленно послала въ Азію войско, но войско наемниковъ, для поддержки возставшаго Кира, противъ персидскаго царя, его брата. И когда Киръ палъ вблизи Вавилона, когда 10000, непобѣжденные въ бою, непобѣжденные и на своемъ долгомъ богатомъ битвами пути среди чуждыхъ земель, достигли моря и возвратились на родину, когда сатрапы персидскаго царя снова завладѣли греческими городами Азіи и потребовали у нихъ дани, тогда Спарта послала въ Азію юнаго царя Агезилая, который началъ торжественнымъ жертвоприношеніемъ въ Авлидѣ, словно это предпріятіе было національной войной грековъ, а онъ былъ вторымъ Агамемнономъ. Но віотійскія власти прервали жертвоприношеніе и изгнали жертвующихъ изъ святилища; ни Фивы, ни Коринѣтъ, ни Аѣны, ни другіе союзники не оказали требуемой помощи, и первымъ дѣломъ Агезилая въ Азіи было заключеніе перемирія съ сатрапомъ.

Теперь озлобленіе противъ Спарты въ греческихъ земляхъ стало сильнѣе, чѣмъ оно когда-либо было противъ Аѣны. Фиванцы помогли аѣнскимъ бѣглецамъ освободить ихъ родной городъ; Коринѣтъ принужденъ былъ безучастно смотрѣть, какъ въ его колоніи Сиракузахъ, которая страдала отъ жестокихъ партійныхъ раздоровъ и для успокоенія которой онъ отослалъ одного изъ своихъ лучшихъ гражданъ, поддерживаемая спартанцами партія умертвила коринѣскаго посредника и основала тираннію Діонисія; но возмутительнѣе всего было то, что спартанцы, чтобы принудить Элиду къ повиновенію, пошли войной на страну божьяго мира, опустошили ее и раздѣлили по округамъ.

Когда при дворѣ въ Сузѣ, помня о прежнемъ походѣ грековъ почти до Вавилона, озабоченно смотрѣли на наступленіе Агезилая, ког-

да выяснилась еще болѣе серьезная опасность новаго возмущенія Египта, съ которымъ Спарта тотчасъ же вступила въ сношенія, одинъ аттический бѣглецъ, Кононъ, одинъ изъ десяти стратиговъ при Аргинузахъ, составилъ самый надежный планъ защиты. Сатрапъ Фарнабазъ получилъ необходимыя деньги, чтобы побудить главнѣйшія государства Эллады къ открытой борьбѣ противъ Спарты и чтобы въ то же время создать флотъ, который подъ начальствомъ Конона изгналъ бы съ моря ея силы. При новомъ призывѣ къ свободѣ, Коринѣ. Фивы, Аѣны, Аргосъ составили эллинскій союзъ и поднялись противъ Спарты; за ихъ первой побѣдой послѣдовало быстрое возвращеніе Агезилая, битвой при Коронѣ онъ проложилъ себѣ обратный путь черезъ Віотію. Но Кононъ уже побѣдилъ спартапцевъ и уничтожилъ половину ихъ кораблей. Затѣмъ Фарнабазъ переправился съ флотомъ въ Грецію, объявляя вездѣ, что онъ несетъ не рабство, а свободу и независимость, присталъ къ Киоерѣ, у самыхъ береговъ Лаконіи, появился затѣмъ въ союзномъ совѣтѣ эллиновъ на Истмѣ, убѣждая ихъ ревностно продолжать борьбу, и при своемъ возвращеніи оставилъ Конону половину флота, который теперь послѣшилъ въ Аѣны, чтобы возстановить на персидскія деньги длинныя стѣны и основать новый аѣнскій флотъ, и навербовать войско наемниковъ; легкое оружіе пельтастовъ, изобрѣтенное и усовершенствованное Идонкратомъ, превзошло тактическое искусство Спарты.

Для Спарты наступила крайняя необходимость вызвать перемѣну. Средство было подъ руками; изсякновеніе персидскаго золота должно было положить конецъ и энтузіазму и могуществу враговъ Спарты. Анталкидъ, посланный въ Сузы, одержалъ верхъ надъ Конономъ; персидскій царь послалъ «приказъ» эллинамъ, въ которомъ заявлялъ, что «онъ считаетъ справедливымъ, чтобы города Азіи принадлежали ему и изъ острововъ Кипръ и Клазомены, аѣнціанамъ же Лемносъ, Имбросъ и Скиросъ, а чтобы всѣ другіе греческіе города отъ мала до велика были автономными; съ тѣми, кто не приметъ этого мира, онъ будетъ бороться кораблями и деньгами на сушѣ и на морѣ съ помощью тѣхъ, которые на него согласны». Съ могущественнымъ флотомъ, корабли для котораго доставили отчасти греческія сатрапіи Малой Азіи, отчасти тираны Сиракузскій, возвратился Анталкидъ домой мимо Кикладъ; корабли противниковъ послѣшно отступили.

Этотъ миръ былъ спасеніемъ для Персея; благодаря обѣщанному ему обладанію Кипромъ—овладѣть островомъ стоило еще много лѣтъ труда—персидскій царь могъ надѣяться сломить и Египетъ; Аѣны были удовлетворены предоставленіемъ имъ трехъ острововъ; провозглашенная автономія внесла раздоръ въ самыя маленькія области Эллады и сдѣлала невозможнымъ всякій союзъ, всякое территориальное объединеніе, всякую могущественную организацію въ панэллиническомъ духѣ, а Спарта была сдѣлана надсмотрщицей и хранительницей этой персидской политики въ Греціи.

Съ уничтоженіемъ территориальныхъ и городскихъ союзовъ Спарта дѣятельно принялась за довершеніе, согласно принципу автономіи, начатой Лизандромъ системы олигархизаціи, прерванной Коринѣскимъ

войной. Соединеніе Олинѣомъ городовъ Халкидики въ одинъ союзъ, насильственное присоединеніе къ нему съ помощью угрозъ даже и нежелающихъ, обращеніе угрожаемыхъ такимъ образомъ къ Спартѣ съ просьбой о помощи подали ей поводъ къ походу туда, которому послѣ долгаго сопротивленія городъ долженъ былъ уступить и распустить свой союзъ. На своемъ пути въ Олинѣ спартанцы напали на Фивы, ввели въ нихъ олигархію, изгнали всѣ неблагонадежные со спартанской точки зрѣнія элементы и оставили гарнизонъ въ Кадмеѣ. Это былъ апогей спартанскаго могущества, апогей и въ томъ отношеніи, что согласно съ истинной природой системы насилія всякое движеніе, поднимавшееся противъ ея гнета, подавало только новый поводъ усилить его, а усилившійся гнетъ вызывалъ новое сопротивленіе, оправдывавшее усиленіе деспотическихъ мѣръ, чтобы сломить это сопротивленіе.

Но въ этомъ расчетѣ былъ маленькій пробѣлъ. Правда, Лизандръ сломилъ аѣнское могущество, но не ту образованность, которая разцвѣла въ Аѣнахъ, не тотъ демократическій духъ времени, который выросъ вмѣстѣ съ ней. Чѣмъ произвольнѣе становилось господство Спарты, тѣмъ болѣе обрщалась оппозиція противъ нея къ демократіи, которая была сильнѣйшимъ оружіемъ Аѣннъ противъ Спарты. Введеніе автономіи дѣйствовало тоже въ этомъ направленіи; вездѣ разрѣшались старинныя узы, которыми окружавшія большой городъ мѣстечки ставились прежде въ обязательныя къ нему отношенія; разрушительная автономія и дерзкія притязанія на свободу проникли въ самыя потаенныя уголки и долины; эллинскій міръ дробился все болѣе и болѣе на все болѣе мелкіе атомы и, благодаря постоянно растущему броженію этого распушеннаго и крайне возбужденнаго партикуляризма, развилъ въ себѣ избытокъ силъ и формъ, неурядицъ и взрывчатыхъ элементовъ, сохранить дальнѣйшее господство надъ которыми уже болѣе не могла исключительно механическая и внѣшняя сила Спарты.

Притомъ еще другое обстоятельство. Пока, благодаря аттическому морскому союзу, Эгейское море было центромъ эллинскаго міра, пока окружавшіе его греческіе города постоянно чувствовали за собою готовую силу союза, варвары на востокъ и на сѣверѣ держались возможно далеко; когда въ ту пору еракійскія племена по Гебру дерзнули проникнуть впередъ, Аѣины основаніемъ на Стримонѣ Амфиполя—туда было послано 10000 колонистовъ—преградили имъ путь къ греческимъ городамъ побережья; для обезпеченія безопасности морского пути и береговъ было достаточно одного появленія аѣнскаго флота въ Понтъ; въ дни аѣнскаго могущества усилилась элленизація острова Кипра, даже въ Египтѣ эллинскій флотъ бился противъ персовъ, даже Карфагенъ боялся морского могущества Аѣннъ.

Анталкидовъ миръ принесть въ жертву не одни города азіатскаго побережья; лежавшее посреди ихъ море было потеряно; его острова, хотя номинально и автономныя, бухты и берега самой Эллады были лишены всякаго прикрытія. И какъ разъ въ это время зашевелились народы сѣвера; береговые города отъ Византіи до Стримона, защищаемые только своими стѣнами и своими наемниками, недолго могли

бы противиться напору еракійскихъ народовъ; еще слабо объединенныя области Македоніи, раздоры между которыми, какъ нѣкогда аѳиняне, питали теперь Спарта и города Халкидики, сами находились въ постоянной опасности наплыва одрисовъ съ востока, трибалловъ съ сѣвера и иллирійцевъ съ запада; позади нихъ между Адриатическимъ моремъ и Дунаемъ уже надвигалось кельтское переселеніе народовъ. Трибаллы начали свои разбойничьи набѣги, которые они скоро доведутъ до Абдеры; иллирійцы ворвались въ Эпиръ, одержали побѣду въ большомъ сраженіи, въ которомъ пало 15000 эпиротовъ, опустошили страну до самыхъ отдѣляющихъ ее отъ Фессаліи горъ и затѣмъ повернули назадъ, чтобы вернуться черезъ открытые горныя переходы въ Македонію. Для защиты отъ этой опасности Олинеъ соединилъ города Халкидики въ одинъ союзъ; разрушеніе его спартапцами сдѣлало сѣверъ Греціи беззащитнымъ противъ варваровъ.

Въ то же время еще болѣе серьезная опасность начала грозить западнымъ грекамъ. Съ паденіемъ морскаго могущества Аѳинъ карѳагеняне снова начали свое наступательное движеніе въ Сициліи, взяли Гимеру на сѣверѣ, Селинунтъ, Агригентъ, Гелу и Камарину; чтобы получить миръ, Діонисій сиракузскій долженъ былъ оставить эти города данниками нунійцевъ. Кельты ворвались черезъ Альпы въ Италію, покорили этрусскія земли на По, перешли черезъ Апеннины и сожгли Римъ; самниты напали на греческіе города Кампаніи и покоряли ихъ одинъ за другимъ, а Діонисій захватилъ города находившіеся въ Бруттіи; удержался одинъ только Тарентъ. Но крайней мѣрѣ, сиракузская тираннія все-таки была энергична и дѣятельна; въ постоянно возобновлявшейся борьбѣ Діонисій вырвалъ изъ рукъ карѳагенянъ берегъ острова до Агригента, побѣдилъ этрусскихъ морскихъ разбойниковъ и опустошилъ ихъ казнохранилище въ Агиллѣ и приобрѣлъ организованной въ обширныхъ размѣрахъ колонизаціей берега до устьевъ По и острововъ иллирійскаго побережья господство надъ Адриатическимъ моремъ. Со своимъ правильно организованнымъ господствомъ, со своимъ заботливымъ управленіемъ, съ своей одинаково энергичной борьбой противъ безпорядочной демократической и противъ партикуляристической «свободы», съ своимъ войскомъ изъ греческихъ, кельтскихъ, иберскихъ и сабельскихъ наемниковъ, со своей отважной, вѣроломной и циничной политикой по отношенію къ другу и недругу, этотъ монархъ былъ повидимому послѣднимъ оплотомъ и защитой грековъ на западѣ,—былъ такимъ *principe*, о какомъ мечталъ для спасенія современной ему Италиі великій флорентинецъ, но стоявшимъ на высотѣ тогдашней образованности, такъ какъ онъ привлекалъ къ своему двору философовъ, художниковъ и поэтовъ и самъ писалъ трагедіи. Тираннія Діонисія и не менѣе маккиавеллистическое господство Спарты при Агезилаѣ служатъ типами эллинской политики въ эти смутныя времена.

Послѣдующее время только еще усилило смуту. Изъ образованности, центромъ которой были Аѳины, изъ школъ риториковъ и философовъ вышли политическія теоріи, которыя, ни мало не заботясь о фактическомъ положеніи и данныхъ условіяхъ, измышляли формы и функции идеальнаго государства, государства полной свободы и добродѣтели,

которое одно только могло бы исправить все зло и принести единственное спасение. Сперва они были только лишнимъ смущающимъ элементомъ среди этого безпорядочнаго броженія деспотизма и рабства, произвола и безсилія, среди суетнаго стремленія и искусства лавины и тѣмъ болѣе открытой зависти бѣдливѣйшихъ массъ, особенно тамъ, гдѣ демократія давала имъ равныя права и большинству рѣшающій голосъ. Когда мы прослѣдимъ, какъ распространялись и приобретали вліяніе въ вольныхъ городахъ, при дворахъ династовъ и тиранновъ до самой Сициліи, Кипра и понтійской Гераклеи и даже при дворахъ сатраповъ школы Платона, Исократы и др., философія, риторика и просвѣщеніе, мы ясно увидимъ, какъ надъ всѣмъ этимъ партикуляризмомъ и мѣстнымъ устройствомъ поднималось новое обобщающее начало, назовемъ его хоть верховенствомъ образованности, отъ котораго было крайне далеко грубое господство Спарты.

Рѣшающій поворотъ вышелъ не изъ теорій, но, когда онъ удался, она одѣла его ореоломъ великаго дѣянія и помогла ему расширить свое вліяніе; плывя вмѣстѣ съ усиливающимся теченіемъ, она шла къ тому, чтобы осуществиться.

Три долгіе года терѣли Оивы спартанскихъ гармоствоу, спартанскій гарнизонъ въ Кадмеѣ, паглыи произволъ господствовавшей подъ ея охраной олигархіи и все новыя и новыя казни и изгнанія. Наконецъ изгнанники дерзнули на освобожденіе своего роднаго города; предводительствуемые Целопидомъ, они, благодаря счастливо удавшейся измѣнѣ, напали на олигарховъ, умертвили ихъ и призвали народъ защищать вмѣстѣ съ ними демократію и возстановить древнее господство ихъ города надъ Віотіей. Присоединеніе къ движенію Эпанионда, этого благороднаго, философскаго, вольномыслящаго челоуѣка, въ душѣ котораго жилъ прекрасный образъ великаго будущаго, придало движенію его идеальный характеръ. Гарнизонъ Кадмеи былъ вынужденъ удалиться, города Віотіи, автономія которыхъ была предписана «миромъ персидскаго царя», снова привлечены къ віотійскому союзу, сопротивленіе Орхомена, Танагры, Платеи и Теспій сломлено вооруженной силой, стѣны ихъ разрушены, общины уничтожены и граждане изгнаны вонъ.

Тщетно спартанцы старались воспрепятствовать этому. Новый подъемъ Аѳинъ какъ разъ теперь, ихъ быстрое рѣшеніе создать новый флотъ, новую симмахію, но съ девизомъ автономіи, показали спартанцамъ весь размѣръ угрожающей опасности. Уже Оивы перешли за границы Віотіи, предприняли попытку принудить фокейцевъ присоединиться къ новому союзу и соединились съ Ясономъ ферейскимъ, съумѣвшимъ вырвать изъ рукъ династовъ господство надъ Тессаліей и думавшимъ надолго сосредоточить въ своихъ рукахъ военное господство. Аѳинскіе стратиги разбили спартанскій флотъ въ битвѣ при Наксосѣ, битва при Левктрахъ открыла Оивамъ дорогу въ Целононнесь, гдѣ съ исчезновеніемъ страха передъ Спартой началась новая шумная жизнь; подъ охраной побѣдоноснаго оружія Оивы вездѣ ниспровергали ярмо олигархіи, разбѣяныя деревушки соединялись въ городскія общины, освобождались и возстановили свое государство даже порабощенные мессенцы.

Этой побѣдой Аѣины были обязаны быстрому и искусному финансовому мѣропріятію, имѣвшему, правда, въ то же время такое внутреннее вліяніе, которое оставило и демократіи почти только одну виѣшнюю форму. Богатые граждане на основаніи новой оцѣнки доставляли необходимыя средства для постройки флота и для вербовки наемниковъ, раздѣлившись на группы, въ которыхъ наиболѣе богатые выдавали деньги впередъ и завѣдывали дѣломъ. Деміогласился на эту плутократію, которая ему ничего не стоила, согласился тѣмъ болѣе, что она съ побѣдой при Наксѣсѣ создала ему новый морской союзъ, обѣщавшій ему въ будущемъ могущество, денежные взносы и клерухіи. Острова и береговые города охотно присоединились къ нему, такъ какъ онъ обѣщаль имъ охрану и выставялъ своимъ основнымъ принципомъ автономію, предписанную персидскимъ царемъ. Такимъ образомъ Аѣины, колеблясь между падающей Спартой и усиливающимися Фивами, пытались возстановить образъ своего прежняго господства, иногда даже принуждая силой нежелающихъ; прежде всего слѣдовало привлечь Амфиноль, основанный пѣкогда Аѣинами и съ помощью котораго они прежде господствовали надъ еракійскимъ побережьемъ; они приложили всѣ старанія, чтобы съ помощью македонянъ и еракійскихъ князей достигнуть своей цѣли. Поддерживаемый Олиноомъ, Амфиноль выдерживалъ многократныя нападенія Аѣинъ.

Теперь въ эту борьбу за гегемонію надъ Греціей вступила четвертая держава. Могущественный Язонъ ферскій, почтенный вѣсалийцами по старинному обычаю ихъ страны званіемъ тага, военачальника, энергично набравшій войско, строившій корабли и создавшій еще невиданный въ Греціи флотъ, объявилъ во всеуслышаніе, что его вооруженія направлены противъ варваровъ на востокъ и что онъ думаетъ идти войной за море противъ персидскаго царя; уже, чтобы придать задуманному предпріятію религіозную санкцію, онъ съ торжественнымъ посольствомъ приготавлился праздновать пнѣійскія игры въ Дельфахъ, когда былъ убитъ заговорщиками, семью юношами, которымъ затѣмъ эллинскій міръ оказалъ почести какъ «убійцамъ тирана». Послѣ кровавыхъ фамилныхъ распръ остатокъ его власти перешелъ въ руки его зятя, Александра ферскаго; черезъ десять лѣтъ онъ былъ убитъ своими ближайшими родственниками.

Такимъ образомъ Фивы освободились отъ соперника въ тылу, а Спарта находилась въ полномъ упадкѣ; чтобы предупредить новое усиленіе Аѣинъ, Фивы тоже построили флотъ и пачали давать себя чувствовать и на морѣ. Едва успѣвъ освободиться, объединенная Аркадія уже полагала, что не пуждается болѣе въ фиванцахъ и можетъ даже потребовать господства въ Целононнѣсѣ. Аркадцы двинулись на помощь аргивянамъ, чтобы прикрывать отъ Аѣинъ и Коринѣа ихъ нападеніе на Эпидавръ, вторглись въ долину Эвроты и захватили въ свои руки часть Лаконіи; но тиранъ Діонисій прислалъ на помощь спартанцамъ 2000 кельтскихъ наемниковъ, и аркадцы были отброшены назадъ; съ тѣмъ большимъ ожесточеніемъ обратились они противъ своихъ западныхъ сосѣдей; они ринулись на Олимпію,

чтобы руководить ближайшимъ празднованіемъ торжества въ честь бога, и въ святилищѣ бога произошло сраженіе, въ которомъ они обратили въ бѣгство элейцевъ, и несчетныя сокровища храма испались въ ихъ рукахъ.

Такъ было здѣсь, такъ было и вездѣ; всякій былъ противъ каждаго; повидимому, въ Греціи силы и страсти доставало только для того, чтобы ослаблять то, что было еще могущественно, и опрокидывать то, что грозило подняться. Отъ благодарности, вѣрности, великихъ мыслей и національныхъ задачъ въ эллинской политикѣ осталось мало или ничего, а наемничество и эмиграція расшатывали всякій твердый порядокъ и деморализовали гражданъ.

Даже Фивы не чувствовали себя достаточно сильными для того, чтобы поддерживать созданныя ими перемѣны; они боялись, что Спарта и Аѣины могутъ объяснить при персидскомъ дворѣ основаніе Мегалополя и Мессеніи какъ нарушеніе мира, «приказаннаго персидскимъ царемъ», и добыть у Персіи денегъ для дальнѣйшей борьбы. Пелопидъ и еще нѣсколько человѣкъ были посланы изъ Пелопоннеса въ Сузы, гдѣ уже находились спартанскіе послы, и куда не замедлили появиться и аѣинскіе. Эти греческіе люди выложили теперь передъ персидскимъ царемъ и его дворомъ всю грязь своей родины; но Пелопидъ одержалъ верхъ. Персидскій царь указалъ, чтобы Мессенія осталась автономной, Аѣины вытащили свои корабли на берегъ, чтобы Амфиполь былъ автономенъ и стоялъ бы подъ покровительствомъ персидскаго царя; противъ ослушавшихся этого приказа греки должны были идти войною; если же какой-либо городъ не захотѣлъ бы идти, то противъ него надо было выступить прежде всего.

Это былъ Анталкидовъ миръ на пользу Фивъ. И Фивы пригласили теперь къ себѣ государства Греціи, чтобы выслушать приказъ царя. Спартацы совершенно отвергли его, аркадцы протестовали противъ приглашенія въ Фивы, Коринѣ отказался принести присягу въ мирѣ персидскаго царя, а въ Аѣинахъ возвратившіеся послы были казнены какъ измѣнники.

Тогда Пелопидъ былъ захваченъ въ плѣнъ и умерщвленъ вышеупомянутымъ Александромъ ферскимъ. Чтобы возстановить порядокъ въ Пелопоннесѣ, Эпаминондъ перешелъ черезъ Истмъ и побѣдилъ при Мантинѣ спартанцевъ и союзныхъ съ ними элейцевъ, мантинейцевъ и ахейцевъ; но онъ самъ нашелъ смерть въ бою. А спартанскій царь, старикъ Агезилай, принявъ отъ эфоровъ порученіе отправиться въ Египетъ, набравъ на египетскія деньги наемниковъ и привелъ царю Таху, имѣвшему на службѣ уже 10000 эллиновъ, еще 1000 наемниковъ, чтобы защищать противъ персидскаго царя попытку возобновить господство фараоновъ.

День Мантиней положилъ конецъ могуществу Фивъ, которыя, представленныя и облагороженныя личностями отдѣльныхъ дѣятелей, по смерти ихъ не сумѣли ни удержать за собою освобожденныхъ или основанныхъ вновь городовъ, ни примирить съ собою уничтоженные города Віотіи и сосѣднихъ фокейцевъ, локровъ, малійцевъ и эвбейцевъ, прикованныхъ къ Фивамъ силой. Послѣ непродолжительнаго

опьяненія гегемоніи, Фивы, привыкшія къ высокоумію и требовательности, сдѣлались тѣмъ болѣе невозможными въ своемъ паденіи.

Второй морской аѳинскій союзъ то же не имѣлъ большого успѣха. Увлеченный небрежностью, корыстолюбіемъ, легкомысленными государственными людьми, уже давно привыкшій посылать на поле битвы наемниковъ вмѣсто своихъ собственныхъ гражданъ, онъ позволялъ своимъ стратигамъ вымогать деньги у друга и недруга; вмѣсто того чтобы вести войну, позволялъ себѣ вводить въ союзные города аѳинскихъ чиновниковъ и гарнизоны, изгонять — такъ было въ Самосѣ — союзниковъ, раздѣлять ихъ дома и поля между аѳинскими клерухами съ такимъ полнымъ пренебреженіемъ къ праву и къ своему долгу относительно заключеннаго союза, что наиболѣе сильные воспользовались первымъ случаемъ, чтобы отложиться. Усмирить ихъ уже болѣе не удалось: Аѳины потеряли вторично свою гегемонію на морѣ; но они сохранили за собою еще Самосъ и нѣсколько другихъ мѣстъ; на ихъ верфяхъ было болѣе 350 триаръ, болѣе, чѣмъ у какого-либо другого греческаго государства.

Не въ меньшемъ упадкѣ находились, повидимому, и греки запада. Діонисій сиракузскій до самой своей смерти сохранилъ всю строгость и твердость своей власти; при его называвшемся тѣмъ же именемъ сынѣ философы Діонъ, Каллиппъ и самъ Платонъ, предприняли осуществлять свои идеалы при дворѣ тиранна, пока юный монархъ, наскучивъ этими вещами, не началъ показывать оборотную сторону своей превратно образованной духовной нищеты. За бесплодное десятилѣтіе его господства и не менѣе бесплодное слѣдующее десятилѣтіе пала династія и разсыпалась монархія смѣлаго учредителя.

Произведенія греческаго духа въ поэзіи и искусствѣ и другихъ областяхъ умственной жизни изумительны еще и въ это время; имена Платона и Аристотеля показываютъ достаточно ясно, какія творенія этотъ вѣкъ присоединилъ къ предыдущимъ.

Но условія общественной и частной жизни въ Греціи были поражены тяжелой болѣзнію; они были безнадежны, если бы греки продолжали двигаться все въ томъ же ложномъ кругу.

Мало того, что старинныя связующія формы религіи и нравственности, семейной жизни, государственнаго и общественнаго порядка были расшатаны или раздѣлены рационализмомъ; мало того, что частыя политическія перемѣны разрушили связь съ землею въ маленькихъ общинахъ, что съ ростомъ бродячей массы политическихъ изгнанныхъ росла опасность новыхъ, болѣе серьезныхъ взрывовъ, но по Греціи распространилась разнузданная масса наемниковъ, уже вполне сьорганизовавшаяся въ «ремесло», готовая сражаться за и противъ свободы, тиранніи и отечества, за и противъ персовъ, карфагенянъ, египтянъ и вездѣ, гдѣ только можно было заработать деньги. Хуже было то, что эта образованная Греція своими постоянно возобновлявшимися попытками провести въ жизнь идеалъ государства только увеличивала зло, которое она хотѣла излечить, что, исходя изъ ложныхъ посылокъ, она приходила къ не менѣе ложнымъ заключеніямъ, что она, постоянно имѣя въ виду только автономію малыхъ и малѣйшихъ общинъ, не находила формъ для обезпеченія

хотя бы этой автономіи и свободы и для защиты, не говоримъ уже множества ея крупныхъ національныхъ благъ, по хотя бы уже серьезно угрожаемаго существованія націи.

А между тѣмъ было ясно, что нужно Греціи. «Среди имѣвшихъ до сихъ поръ гегемонію государствъ», говоритъ Аристотель, «каждое считало согласнымъ съ своими интересами проводить въ зависѣвшихъ отъ нихъ городахъ строй соотвѣтствовавшій ихъ собственному, одни демократію, другіе олигархію, думая не объ ихъ благѣ, но о собственной выгодѣ, такъ что никогда или рѣдко, или только у немногихъ, осуществлялась истинная лежавшая въ серединѣ форма государственности; а у населенія сдѣлалось привычкой не стремленіе къ равенству, а желаніе или повелѣвать или покоряться». Коротко и ясно указываетъ великій мыслитель на происходящее изъ этого лихорадочное и изнурительное состояніе: изгнанія, насилія, возвращеніе бѣглецовъ, раздѣленіе имуществъ, увеличеніе долговъ, освобожденіе рабовъ съ цѣлью произвести переворотъ; то демъ нападаетъ на имущіе классы, то богатые захватываютъ олигархическую власть надъ демомъ; законъ и администрація нигдѣ болѣе не охраняютъ меньшинства отъ большинства, и противъ этого послѣдняго меньшинству остается только оружіе; гарантія суда исчезаетъ, внутреннему миру грозитъ ежеминутная опасность; всякій демократическій городъ является прибѣжищемъ для демократическихъ, всякій олигархическій для олигархическихъ изгнанниковъ, которые не отступаютъ ни передъ какими средствами, чтобы поскорѣе добиться возврата и произвести на своей родинѣ переворотъ, чтобы отплатить побѣжденнымъ тѣмъ же, что имъ пришлось потерѣть отъ нихъ. Между греческими государствами, малыми и ничтожными, нѣтъ другого общаго права, кромѣ этого военнаго положенія страстныхъ партійныхъ раздоровъ, и первая перемѣна партіи въ союзномъ государствѣ разрушаетъ едва успѣвшія образоваться федераціи.

Съ каждымъ днемъ становилось яснѣе и очевиднѣе, что времена автономнаго партикуляризма, частичныхъ союзовъ съ гегемоніей или безъ нея прошли, что необходимы новыя государственныя формы, панэллиническія, столь широкія, чтобы въ нихъ могли выдѣлиться другъ изъ друга смѣшанныя до сихъ поръ понятія города и государства, и чтобы городъ нашелъ внутри государства свое мѣсто, какъ община, прообразомъ чему служило устройство демовъ Аттики, чего попыткой былъ первый морской союзъ, но что было приведено въ исполненіе только относительно власти федеральнаго правительства, а не относительно общинной равноправности членовъ союза. И не только это: съ тѣхъ поръ въ Греціи развилось слишкомъ много силъ, притязательности и соперничества, вошло въ привычку слишкомъ много потребностей и возбужденій, условіемъ жизни сдѣлалось слишкомъ много жизни для того, чтобы грекъ, заключенный въ узкое пространство, въ которомъ все малое являлось великимъ и все великое малымъ, могъ удовлетвориться тѣмъ, чѣмъ онъ былъ и что онъ имѣлъ, или продолжать развиваться дальше. Въ Греціи накопилось множество элементовъ броженія, которыхъ было бы достаточно, чтобы перевернуть міръ; прикованные къ родной почвѣ, не выходя

изъ сферы родины, они могли только подобно драконовой жатвѣ Кадма растерзать и разрушить самихъ себя. Весь вопросъ заключался въ томъ, чтобы былъ положенъ конецъ ихъ беспорядочно разросшимся распрямъ, чтобы имъ было открыто новое широкое поле для плодотворной дѣятельности, чтобы великая мысль зажгла въ нихъ всѣ благородныя страсти, и чтобы ко множеству еще не заглушенныхъ жизненныхъ ростковъ былъ открытъ доступъ свѣту и воздуху.

Съ тѣхъ поръ какъ побѣды Лизандра сломили древне-аттическое могущество, опасность извнѣ для Греціи постоянно возрастала со всѣхъ сторонъ; разложившись болѣе прежняго на уже вполне обособленные кружки, она все болѣе и болѣе теряла почву на всѣхъ своихъ національныхъ границахъ. Греки Ливіи были оттѣснены пунійцами за Сиртъ; въ Сициліи тѣ же пунійцы отняли у нихъ большую западную половину острова; въ Италіи подъ напоромъ апенинскихъ народовъ у нихъ отпадалъ членъ за членомъ. Варвары на нижнемъ теченіи Дуная, тѣснимые остановленными уже въ своемъ напорѣ на Италію кельтами, начали свои попытки прорваться къ югу. Греческіе города на западномъ и сѣверномъ берегу Понта съ трудомъ могли защищаться отъ трибалловъ, гетовъ и скифовъ; изъ городовъ южнаго берега только Гераклея нашла нѣкоторую опору въ тиранніи, основанной тамъ однимъ изъ учениковъ Платона. Другіе греческіе города Малой Азіи, стоя подъ властью персидскаго царя, болѣе или менѣе произвольно управлялись и разграблялись его сатрапами, династами и пронырливыми олигархами. Богатые острова около береговъ находились тоже подъ господствомъ персидскаго вліянія; греческое море не принадлежало грекамъ болѣе; Анталкидовъ миръ отдалъ въ руки двора въ Сузѣ и дворовъ сатраповъ рычагъ, съ помощью котораго можно было все болѣе и болѣе ослаблять Грецію, заботливо питая вражду между руководящими государствами, и, между тѣмъ какъ въ Греціи великія политическія дѣла рѣшались «приказами» персидскаго царя, привлекать къ себѣ на службу столько опытныхъ греческихъ воиновъ, сколько это казалось нужнымъ.

Мысль о національной борьбѣ противъ персидской державы никогда не забывалась въ Греціи; она была для эллиновъ тѣмъ же, чѣмъ впослѣдствіи въ теченіи многихъ столѣтій борьба съ невѣрными для христіанъ Запада. Даже Спарта старалась нѣкоторое время скрыть подъ этой маской свои честолюбивыя и корыстолюбивыя стремленія; Лизонъ ферскій видѣлъ въ національной борьбѣ, къ которой онъ готовился, оправданіе для основанной имъ тиранніи. Чѣмъ яснѣе становилось безсиліе и внутренняя расшатанность исполнискон монархіи, тѣмъ легче и выгоднѣе казался трудъ уничтоженія ея, тѣмъ общѣе и увѣреннѣе становилось ожиданіе, что это случится и должно случиться. Пусть Платонъ и его школа старались найти и осуществить идеальное государство, но Исократъ, пользовавшійся все-таки болѣе широкимъ и популярнымъ вліяніемъ, постоянно возвращался къ тому, что должно начать борьбу противъ Персіи и что такая борьба будетъ скорѣе торжественнымъ шествіемъ, чѣмъ походомъ; какъ можно, говорили греки, выносить позоръ, что эти варвары желаютъ быть стражами мира въ Элладѣ, между тѣмъ какъ Греція въ состояніи совер-

шать дѣла, достойныя того, чтобъ молить объ нихъ боговъ. И Аристотель говоритъ: эллины могли бы господствовать надъ вселенной, будь они соединены въ одно государство.

И та, и другая идея представлялись сами собою, сама собою представлялась и та мысль, соединить объ эти идеи, объединеніе эллиновъ и борьбу съ персами, въ одно цѣлое и не дожидаться съ однимъ, пока не будетъ сдѣлано другое. Только какъ привести въ осуществленіе эти идеи?

Это предпринялъ царь македонскій Филиппъ. Можно сказать, что онъ долженъ былъ предпринять это, если желалъ возстановить и упрочить расшатавшую царскую власть своего дома. Политика Аѣнвъ, Спарты, Олиновъ, Фивъ и ѳессалійскихъ влѣстителей постоянно поддерживала распри въ царскомъ семействѣ, поддерживала узурпаціи отдѣльных главъ княжескихъ фамилій страны и побуждала варваровъ на македонскихъ границахъ къ вторженіямъ и разбойническимъ набѣгамъ на Македонію. Единственное право поступать подобнымъ образомъ давало имъ только безсиліе македонскаго царства, и поэтому нужно было только созданіе достаточной силы, чтобы доказать свое право по сравненію съ ними, и тогда они не могли уже разсчитывать на болѣе деликатныя и мягкія мѣры со стороны македонскихъ царей, чѣмъ тѣ, которыя они сами позволяли себѣ столь долгое время употреблять во вредъ его интересамъ.

Успѣхи Филиппа зиждутся на прочномъ основаніи, которое онъ сумѣлъ придать своему могуществу, на постепенности шаговъ впередъ его политики сравнительно съ той, то торопливой, то вялой и всегда обсчитывающей въ своихъ средствахъ и цѣляхъ политикой греческихъ государствъ, но главнымъ образомъ на единствѣ, таинственности, быстротѣ и послѣдовательности его предпріятій, которыя тѣми, противъ кого они были направлены, считались невозможными до тѣхъ поръ, пока уже не оставалось болѣе средствъ ускользнуть отъ нихъ или оказать имъ сопротивленіе. Между тѣмъ какъ въ ѳессалии съ убіеніемъ Александра начались безпорядки, аѣиняне сосредоточили все свое вниманіе на союзнической войнѣ, ѳиванцы на священной войнѣ, которая должна была принудить фокейцевъ къ повиновенію, а спартанцы прилагали всѣ свои усилія снова достигъ нѣ котораго вліянія въ Пелопонессѣ, Филиппъ настолько раздвинулъ свои границы къ югу и востоку, что съ Амфиполемъ онъ имѣлъ проходъ во Ѳракію, съ горной областью Пангея ея золотыя рудники, съ берегомъ Македоніи ѳермейскій заливъ и доступъ къ морю, а съ Мессоной путь въ ѳессалію. Нѣсколько времени спустя его призвали на помощь сильно тѣснимые фокейцами ѳессалійцы; онъ явился, но съ трудомъ могъ удержаться противъ прекрасно руководимаго войска грабителей храма; только съ прибытіемъ подкрѣпленій ему удалось отбросить ихъ назадъ; онъ стоялъ у входа въ Фермопилы; онъ поставилъ въ Пагасахъ македонскій гарнизонъ и такимъ образомъ сдѣлался господиномъ надъ гаванью ѳессаліи и путемъ въ Эвбею. Тогда у аѣинянъ открылись глаза; подъ руководствомъ Демосѳена они начали борьбу противъ силы, которая, казалось, простирала руки къ господству надъ Греціей.

Никто не станет сомнѣваться въ патріотизмъ Демосоена и въ его желаніи поддержать честь и могущество Аѳинъ; и онъ съ полнымъ правомъ вызываетъ изумленіе какъ величайшій ораторъ всѣхъ временъ. Былъ ли онъ такъ же великъ, какъ государственный мужъ, былъ ли онъ государственнымъ мужемъ, какого требовала національная политика Греціи, это другой вопросъ. Еслибы въ этой борьбѣ побѣда не склонилась на сторону Македоніи, какова была бы дальнѣйшая участь Греціи? Въ лучшемъ случаѣ возстановленіе аѳинскаго могущества въ томъ видѣ, какъ оно только-что пало вторично, или основанная на автономіи союзниковъ федерация, которая не сдумѣла бы ни отразить варваровъ на сѣверѣ, ни подняться противъ варваровъ на востокѣ, ни привлечь къ себѣ и защитить нападшій греческій элементъ на западѣ, — или же наконецъ установленіе аѳинскаго господства надъ подвластными областями, какъ уже теперь во владѣніи Аѳинъ въ формѣ клерухій отчасти находились Самость, Лемность, Имбросъ, Скиросъ и въ болѣе свободной формѣ Тенедосъ, Проконнесъ, Херсопесъ и Делосъ; по мѣрѣ того, какъ аѳиняне расширяли бы свое господство, ихъ встрѣчала бы все болѣе ревность, все сильнѣйшее противодѣйствіе соперничающихъ государствъ; они только усилили бы уже столь глубоко вкоренившійся расколъ и разорванность греческаго міра; чтобы удержаться, они были бы рады всякой помощи, гдѣ бы она ни встрѣтилась, даже помощи Персовъ, еракійскихъ и иллирійскихъ варваровъ и тиранній. Или Аѳины хотѣли только устранить не поддающіяся опредѣленію перемѣны, которыя грозило внести господство Македоніи надъ Элладой, чтобы сохранить положеніе вещей такимъ, какимъ оно было. А это положеніе вещей было настолько жалко и позорно, насколько это лишь возможно, и дѣлалось все хуже и тревожнѣе по мѣрѣ того, чѣмъ долѣе его оставляли въ этомъ уродливомъ и безобразномъ состояніи партикуляризма, среди котораго Греція постепенно умирала. Хотя аѳинскіе патріоты и полагали или говорили, что ведутъ борьбу противъ Филиппа во имя свободы, автономіи, эллинской образованности и національной чести, но побѣда Аѳинъ не обезнечила бы ни одного изъ этихъ благъ, и возобновленіе господства аѳинскаго дема надъ союзниками или подвластными мѣстностями съ его истасканной и изношенной демократіей, съ его сифогантами, демагогами и наемными войсками не сохранило бы ихъ. Когда Демосоенъ думалъ, что съ этими болтливыми, невоинственными, опешившими гражданами Аѳинъ можно еще вести серьезную политику и довести до конца долгую и трудную борьбу, то, хотя силою своихъ рѣчей ему и удавалось увлекать ихъ до блестящихъ рѣшеній и наэлектризовывать ихъ на минуту до дѣйствій, это было заблужденіе, дѣлающее, можетъ быть, честь его сердцу, но конечно не уму; еще болѣе большимъ заблужденіемъ было, когда онъ думалъ, что союзъ съ Фивами, Мегалополиемъ, Аргосомъ и другими государствами, кое-какъ образовавшійся въ минуту опасности, можетъ остановить усиливающееся могущество царя Филиппа, который, если бы у него и удалось выиграть сраженіе, вернулся бы съ удвоенными силами, тогда какъ греческимъ союзамъ первое пораженіе положило бы конецъ. Демосоенъ долженъ былъ знать, что озна-

чало то, что не онъ самъ былъ полководцемъ, исполняющимъ рекомендуемые имъ политическіе проекты, что онъ долженъ былъ ввѣрять ихъ, а съ ними и судьбы государства такимъ полководцамъ какъ своевольный Харитъ или безпутный Харидимъ, умѣвшимъ управляться съ бандами наемниковъ и доставлять имъ необходимые «харчи». Онъ долженъ былъ знать, что въ самихъ Аѳинѣхъ, лишь только онъ пріобрѣлъ бы вліяніе, противъ него соединились бы богатство, трусость и эгоизмъ, что, опираясь на нихъ, его личные противники пустили бы въ ходъ все прижимки и затрудненія законодательства, чтобы помѣшать его планамъ, — планамъ, цѣну которыхъ послѣ дня при Херонѣ одинъ аѳинскій гражданинъ опредѣлилъ горькими словами: «не потеряй мы сраженія, мы бы погибли».

Для пониманія послѣдовавшихъ за этой великой катастрофой событій необходимо въ существенныхъ чертахъ прослѣдить приведшій къ ней ходъ борьбы между Аѳинами и Македоніей.

Великая политическая дѣятельность Демосфена началась, когда успѣхи Филиппа противъ фокейцевъ, его вліяніе на партіи въ Эвбеѣ и занятіе имъ Амфиполя обнаружили образованіе такого могущественнаго государства, которое превзошло все самыя смѣлыя мечтанія греческой политики. То обстоятельство, что аѳиняне, занявъ послѣ первыхъ успѣховъ Филиппа противъ фокейцевъ въ 325 году Термопилы, сами выдали, чего они хотятъ, указало дальнѣйшій путь ихъ противнику. У нихъ еще былъ ихъ флотъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и перевѣсъ на морѣ, которому недоставало лишь быстроты и рѣшительности, чтобы раздавить только теперь еще создавшійся македонскій флотъ. Аѳины были опаснѣйшимъ врагомъ Филиппа въ Греціи; ихъ необходимо было изолировать и побѣдить быстро слѣдовавшими одинъ за другимъ ударами.

Олиноѣ, стоявшій во главѣ снова вступившихъ въ союзъ Халкидическіхъ городовъ, четыре года тому назадъ, когда еще шла борьба за Амфиполь, соединился съ Филиппомъ противъ Аѳинъ и принялъ изъ его рукъ занятую аѳинскими клерухами Потидею; онъ тоже считалъ себя достаточно умнымъ, чтобы извлекать выгоды изъ того, кого уже боялся; теперь послѣ первыхъ успѣховъ Филиппа надъ фокейцами Олиноѣ послалъ въ Аѳины предложеніе заключить союзъ; чтобы начать борьбу противъ нихъ, Филиппъ воспользовался тѣмъ случаемъ, что они приняли подъ свою защиту бѣжавшаго претендента на македонскій престолъ и отказывались выдать его. Несмотря на присланную Аѳинами помощь, халкидскій союзъ былъ побѣжденъ, Олиноѣ разрушенъ, а другіе города союза присоединены къ македонской территоріи (348).

Въ то же время аѳиняне предприняли неудачную экспедицію въ Эвбею; изъ тиранновъ отдѣльныхъ городовъ большинство держало сторону Филиппа; онъ занималъ такимъ образомъ положеніе, угрожавшее Атикѣ съ тыла. Онъ самъ, оставивъ Олиноѣ, уже въ третій разъ, — обратился противъ еракійскаго царя Керсоблента, который поддерживалъ Олиноѣ по наущенію Аѳинъ. Теперь македонскій флотъ былъ въ состояніи грабить аѳинскіе острова Лемносъ, Имбросъ и Скиросъ и захватывать аѳинскіе купеческіе корабли; даже Параль,

одна изъ священныхъ аѳинскихъ тріазъ, была захвачена у береговъ Мараѳона и какъ трофей уведена въ Македонію. А Фивы, жестоко тѣснимые фокейцами, просили помощи у Филиппа и пригласили его занять ѳермопильскій проходъ. Чтобы избѣжать этого непріятнаго поворота, Аѳины предложили миръ; то обстоятельство, что Аѳины, чтобы прикрыть ѳермопилы и Геллеспонтъ, потребовали включить въ миръ фокейцевъ и Керсоблента, грабителей храма и варвара, что наконецъ они и безъ этихъ условій готовы были согласиться на миръ (346), показывало, сколько значенія пріобрѣлъ Филиппъ и какъ много потеряли Аѳины. Наступившій въ одно время съ этимъ послѣдній кризисъ въ священной войнѣ еще ухудшилъ положеніе.

Еще фокейцы занимали ѳермопилы и отложившіеся отъ Фивъ віотійскіе города Орхомень и Коронею; правда, сокровищница Дельфъ была близка къ истощенію, но они надѣялись на Аѳины, и къ нимъ на помощь съ тысячею голлитовъ пришелъ спартанскій царь Архидамъ. Обѣщаніемъ передать дельфійскую святыню въ руки Спарты Филиппъ добился возвращенія спартанцевъ домой; за право свободно отступить со своими 8000 наемниковъ предводитель фокейцевъ—это было въ тѣ дни, когда аѳинскій демъ соглашался на этотъ миръ—передалъ македонянамъ ѳермопилы. Филиппъ вступилъ въ Віотию; Орхомень и Коронея сдались; Фивы были рады получить обратно эти города изъ рукъ Филиппа. Вмѣстѣ съ ѳиванцами и ѳессалійцами Филиппъ созвалъ совѣтъ Амфиктіоновъ; Аѳины не приняли въ немъ участія. Такимъ образомъ былъ произнесенъ приговоръ надъ фокейцами: они были исключены изъ священнаго союза, ихъ 22 города уничтожены, стѣны ихъ разрушены; тѣ, которые удалились вмѣстѣ съ наемниками, были прокляты и объявлены внѣ закона, какъ грабители храма; едва было не прошло предложеніе этейцевъ казнить всѣхъ способныхъ носить оружіе жителей. Дальнѣйшимъ постановленіемъ амфиктіоновъ голосъ фокейцевъ былъ переданъ Филиппу, и въ его руки отданы завѣдываніе пифійскими играми и охрана дельфійскаго храма.

Такимъ образомъ онъ сталъ во главѣ этого священнаго союза, который, благодаря только-что происшедшему, пріобрѣлъ такое политическое значеніе, какого онъ никогда прежде не имѣлъ. Первое примѣненіе этого значенія коснулось Аѳинъ, которыя медлили признать принятыя постановленія и переданныя Филиппу полномочія; амфиктіонійское посольство явилось въ Аѳины, чтобы потребовать положительнаго согласія. Въ случаѣ отказа, собраніе изрекало отлученіе надъ Аѳинами, а войско Филиппа было готово привести его въ исполненіе. Даже самъ Демосѳенъ совѣтовалъ уклониться отъ священной войны.

Увѣреннымъ шагомъ шла впередъ политика Филиппа. Теперь эпирское царство было у него въ рукахъ; надежда на общую борьбу противъ Спарты склонила на его сторону города Целопоннеса; его приверженцы господствовали въ Элидѣ, Сикіонѣ, Мегарѣ, въ Аркадіи, Мессеніи и Аргосѣ. Затѣмъ онъ сталъ твердой ногою въ Акаріаніи, заключилъ союзъ съ этолянами и отдалъ имъ Навпактъ, котораго они желали. Со стороны суши держава Аѳинъ была окружена со

всѣхъ сторонъ и почти что парализована. Но имъ оставалось еще море; вмѣстѣ съ Херсонесомъ ихъ флотъ обезпечивалъ имъ Геллес-понтъ и Пропонтиду. Филиппъ долженъ былъ стараться поразить ихъ тамъ. Продолжая постоянно повторять имъ свои увѣренія въ дружбѣ и миролюбіи, онъ снова бросился на Керсоблента и родствен-ныхъ ему мелкихъ еракійскихъ князей, подчинилъ себѣ земли по обоимъ берегамъ Гебра, обезпечилъ ихъ за собою рядомъ основан-ныхъ имъ въ глубинѣ страны городовъ, и греческіе города на Понтѣ до самого Одесса охотно вступили съ нимъ въ союзъ. Впечатлѣніе, произведенное его успѣхами, было такъ сильно, что король Гетовъ на нижнемъ Дунаѣ просилъ его дружбы и прислалъ ему въ жены свою дочь.

Въ меньшей степени устрашили эти успѣхи и противниковъ Фи-липпа въ Греціи. Требованіе аѳинянъ возстановить еракійскихъ кня-зей, бывшихъ ихъ союзниками, отправка клеруковъ для защиты угрожаемаго Херсонеса, отказъ города Кардіи принять ихъ, откло-неніе Аѳинами предложенія Филиппа рѣшить споръ третейскимъ су-домъ и нападеніе и разрушеніе аѳинскими стратегами уже принадле-жавшихъ Македоніи городовъ на Пропонтидѣ повело къ новой войнѣ.

Филиппъ заключилъ союзы съ Византіей, Перинѳомъ и другими городами, освободившимися отъ Аѳинъ въ союзническую войну, и въ силу этого потребовалъ ихъ помощи въ борьбѣ противъ еракійцевъ; но они не оказали ея, боясь его увеличивавшагося могущества; Аѳины предложили имъ союзъ и помощь войсками. Они отвратили уже отъ него большинство городовъ Эвбеи, заключили союзъ съ Коринѳомъ, акарнанцами, Мегарой, Ахеей и Коркирой и вступили въ новые пере-говоры съ Родосомъ и Косомъ; они указали при дворѣ въ Сузахъ на опасности, которыми угрожало персидскому царству растущее мо-гущество Филиппа; аѳинскій стратегъ въ Херсонесѣ получилъ пер-сидскія субсидіи, и увлеченіе аѳинскаго дема дѣломъ спасенія грече-ской свободы росло съ каждымъ днемъ.

Послѣ побѣды надъ еракійцами Филиппъ обратился противъ Пе-ринѳа и Византіи, служившей ключемъ къ Понту; съ паденіемъ этихъ городовъ могущество Аѳинъ было бы подрѣзано подъ самый корень. На ультиматумъ Филиппа аѳиняне отвѣчали объясненіемъ, что онъ нарушилъ предположенный миръ; они послали византійцамъ обѣщанный флотъ; отъ Родоса, Коса и Хіоса, союзниковъ Византіи, явилась по-мощь; ближайшіе сатрапы поспѣшили поддержать Перинѳа и послали войска во Фракію.—Филиппъ принужденъ былъ отступить.

Онъ обратился теперь противъ скиѳовъ. Скиѳскій царь Атей по сю сторону устья Дуная былъ опаснымъ сосѣдомъ для новооснованнаго имъ города въ долинѣ Гебра; онъ побилъ его. Затѣмъ онъ напра-вился домой черезъ область трибалловъ; они, бывшіе нерѣдко докуч-ными сосѣдами для границъ Македоніи, должны были тоже научиться трепетать его силы. Ему надлежало обезпечить себя въ тылу, чтобы нанести рѣшительный ударъ аѳинянамъ.

А эти дѣйствовали ему въ руку. Они возобновили свои старинныя приношенія въ дельфійскомъ храмѣ за битву при Платѣ съ надписью: «изъ добычи, отнятой у соединившихся для общей борьбы противъ

эллиновъ, персовъ и вивянъ». Въ собраніи амфиктіоновъ локры Амфиссы принесли, по наущенію Фивъ, жалобу на это и потребовали тяжелой денежной пени; аѳинскій посолъ Эсхинъ отвѣчалъ имъ упрекомъ въ томъ, что они вспахали принадлежавшую дельфійскому храму землю; онъ привелъ собраніе въ такое возбужденіе, что было принято рѣшеніе, немедленно покарать этихъ грабителей храма; но земледѣльцы Амфиссы прогнали назадъ амфиктіоновъ и пришедшихъ съ ними дельфійцевъ. Послѣ такого позора было рѣшено созвать экстраординарное собраніе амфиктіоновъ, которое должно было принять необходимыя мѣры, чтобы покарать это кощунство. Посланные Аѳинъ и Фивъ не явились; Спарта была исключена со времени окончанія священной войны; явившіеся на собраніе постановили объявить священную войну противъ Амфиссы и поручили ее близлежащимъ племенамъ. Она не имѣла успѣха; земледѣльцы Амфиссы продолжали упорствовать. Слѣдующее очередное собраніе—осенью 339 года—поручило царю Филиппу наказать ихъ кощунство и принять на себя гегемонію въ священной войнѣ.

Онъ явился не съ одной только цѣлью наказать пахарей Амфиссы. Аѳины возобновили войну противъ него и принудили его отступить изъ-подъ Византіи и Перинѳа; благодаря своему походу за дельфійскаго бога онъ могъ привести свое сухопутное войско въ ближайшее сосѣдство съ границами Аттики и продолжать войну тамъ, гдѣ аѳинянамъ не могли оказать никакой помощи ихъ морскія силы; то обстоятельство, что они сами подали поводъ къ рѣшенію относительно Амфиссы и что они должны были теперь обратиться противъ того, кто пришелъ исполнить его, открывало передъ глазами всего міра ихъ неправоту и внутреннія противорѣчія ихъ политики. Онъ имѣлъ право разсчитывать на Фивы, которыя къ тому же, будучи полны озлобленія противъ Аѳинъ, были обязаны со времени войны противъ фокейцевъ благодарностью ему и спасшему ихъ оружію Македоніи и были связаны съ нимъ союзомъ. Никея у входа въ Термопилы съ юга, которую онъ отдалъ ѳессалійцамъ, открывала ему путь къ югу. Отъ Гераклеи, лежавшей при сѣверномъ входѣ въ Термопилы, онъ послалъ впередъ черезъ проходъ въ области Доридѣ, ближайшимъ путемъ къ Амфиссѣ часть своего войска; съ главными силами онъ прошелъ черезъ Никею въ проходъ, ведущій къ Элатеѣ, расположенной на возвышенной части фокейской равнины Кефиссы; поздней осенью 339 года онъ былъ въ Элатеѣ и укрѣпился тамъ; передъ нимъ лежали открытыми границы Віотіи и путь въ Аѳины, позади его были проходы, обезпечивавшіе его связь съ ѳессаліей и Македоніей.

Онъ обослался съ Фивами и предложилъ городу, если онъ пойдетъ съ нимъ вмѣстѣ противъ Аѳинъ, участіе въ побѣдной добычѣ и расширеніе его области, или, если онъ не желаетъ воевать заодно съ нимъ, требовалъ безпрепятственнаго пропуску. Одновременно съ этимъ въ Фивы явились аѳинскіе послы; не взирая на все случившееся за послѣдніе двадцать лѣтъ, рвенію Демосѳена удалось добиться заключенія союза между Аѳинами и Фивами. Фивы послали на помощь локрамъ Амфиссы корпусъ наемниковъ; Аѳины предоставили имъ

10000 солдатъ, на вербованныхъ ими; оба города пригласили изгнанныхъ фокейцевъ возвратиться на родину и помогли имъ снова укрѣпить нѣсколько главныхъ пунктовъ страны. Но македоняне подступили къ Амфиссу и побили наемныя полчища враговъ; Амфисса была разрушена, Афины и Фивы вооружались съ величайшей поспѣшностью и призвали къ оружію даже гражданъ, чтобы встрѣтить въ Фокидѣ главныя силы Филиппа; афинское войско двинулось къ Фивамъ и соединилось съ біотійскимъ. Два удачныхъ сраженія придали имъ храбрости и увѣренности въ себѣ; Коринѣ, Мегара и другіе союзники Афинъ прислали тоже вспомогательныя войска.

Но Филиппъ не отступилъ; онъ вытребовалъ подкрѣпленія изъ Македоніи; съ тѣми, которыхъ привелъ его сынъ Александръ, его войско усилилось до 30,000 человекъ. Можетъ быть въ это время царь послалъ въ Фивы предложеніе вступить въ переговоры; но энергичный протестъ Демосфена побѣдилъ миролюбіе біотарховъ. Если бы только войско союзниковъ—численностью оно превосходило македонское—въ такой же степени сумѣло удержать за собою и военную инициативу; они стояли на крѣпкой позиціи при входѣ въ Фокиду, у Кефиссы. Движеніе Филиппа влѣво принудило ихъ отступить назадъ на равнину Біотіи. При Херонѣ Филиппъ встрѣтилъ ихъ для битвы (августъ 338 года); борьба была въ высшей степени упорная; долго колебавшееся сраженіе рѣшила атака кавалеріи, руководимая Александромъ; побѣда была полная. Войско союзниковъ было разсѣяно и уничтожено. Судьба Греціи была въ рукахъ Филиппа.

Но въ намѣренія его политики не входило, да онъ и не былъ настолько ослѣпленъ своей побѣдой, чтобы обратить Грецію въ провинцію Македоніи. Только фиванцы понесли заслуженную кару за свое отпаденіе. Они должны были снова принять къ себѣ изгнанниковъ и составить изъ нихъ новый совѣтъ, который присудилъ вчерашнихъ вожаковъ и совратителей города къ смерти или изгнанію. Біотійскій союзъ былъ уничтоженъ, общины Платей, Орхомена и Теспій восстановлены, Оропъ, отнятый Фивами у Атики двадцать лѣтъ тому назадъ, возвращенъ Афинамъ, наконецъ была занята македонскимъ гарнизономъ Кадмея, такая позиція, откуда можно было поддерживать спокойствіе не только въ Фивахъ, но и въ Атикѣ и во всей Средней Греціи.

Насколько строго были наказаны Фивы, настолько же милостиво было поступлено съ Афинами. Въ минуты перваго волненія послѣ погрома тамъ приготовились къ борьбѣ на жизнь и на смерть; во главѣ войска хотѣли поставить Харидима и вооружить рабовъ:—участъ Фивъ и предложенія царя охладили ихъ рвеніе; предложенный царемъ черезъ одного изъ плѣнныхъ, оратора Деада, миръ былъ принятъ; афиняне получали обратно безъ выкупа всѣхъ плѣнныхъ, сохраняли Делось, Самось, Имбросъ, Лемносъ и Скиросъ и снова приобрѣтали Оропъ; ихъ усмотрѣнію—можетъ быть только для формы—было предоставлено присоединиться или нѣтъ къ общему миру царя съ эллинами и къ союзному совѣту, который онъ учредить вмѣстѣ съ ними. Афинскій демъ постановилъ оказать царю

всевозможныя почести, далъ ему, его сыну Александру и его полководцамъ Антипатру и Пармениону право гражданства, воздвигъ ему какъ «благодѣтелю города» статую на площади и т. п.

Но свое дѣло въ Греціи царь думалъ основать не на одномъ только страхѣ; и македонская партія, на которую онъ рассчитывалъ или которая образовалась снова, состояла не изъ однихъ только измѣнниковъ и купленныхъ деньгами людей, какъ это изображаетъ Демосеенъ. Замѣчательно, что однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ приверженцевъ царя былъ Демаратъ, другъ и боевой товарищъ Тимолеона при освобожденіи Сициліи, болѣе всѣхъ исполненный великой мыслью о національной борьбѣ противъ персовъ. И другіе то же должны были держаться убѣжденія, высказаннаго Аристотелемъ въ словахъ: что царская власть по своей природѣ только одна въ состояніи стоять выше партій, разшатывающихъ государственную жизнь Греціи, что она одна только можетъ создать «справедливую среднюю форму государства; «ибо задача царя быть стражемъ, чтобы имущіе классы не терпѣли ущерба въ своемъ имуществѣ, а дѣмъ не терпѣлъ бы отъ своеволія и высокомерія». Частые опыты тиранніи не могли достигнуть этого результата, «потому что она опирается не на свое собственное право, какъ изстари учрежденная царская власть, но на благосклонность дема, или на насиліе и правонарушеніе».

Дѣйствовалъ ли Филиппъ въ этомъ смыслѣ?

Минуя область Аттики, онъ прошелъ далѣе, въ Пелопоннесъ. Мегара, Коринѣъ, Эпидавръ и другіе города, думавшіе прежде защищаться за своими стѣнами, просили теперь мира; царь даровалъ имъ миръ каждому въ отдѣльности, — коринѣянамъ подъ условіемъ, чтобы Акрокоринѣъ былъ занятъ македонскимъ гарнизономъ; подобными же мирными договорами, съ наказомъ присылать въ Коринѣъ уполномоченныхъ для заключенія всеобщаго мира, сопровождалось его дальнѣйшее движеніе по Пелопоннесу. Только Спарта отвергла всѣ предложенія; Филиппъ прошелъ по лаконской области до самаго моря и, по рѣшенію третейскаго суда изъ всѣхъ эллиновъ, опредѣлилъ границы Спарты съ Аргосомъ, Тегеей, Мегалополею и Мессеніей, такъ что важнѣйшіе проходы попали въ руки тѣхъ, которые предпочли бы, чтобы полное уничтоженіе ненавистнаго государства освободило ихъ отъ всѣхъ будущихъ заботъ.

Уже посольства греческихъ государствъ — кромѣ Спарты — собрались въ Коринѣъ; тамъ былъ заключенъ «всеобщій миръ и союзный договоръ», быть можетъ на основаніи предложеннаго царемъ Филиппомъ плана, но конечно не въ формѣ односторонняго македонскаго приказа. Свобода и автономія каждаго греческаго государства, мирное пользованіе своею собственностью и взаимная гарантія этого, свобода сношеній и постоянный миръ между ними, — таковы были основы этого соглашенія; для обезпеченія и приведенія въ исполненіе пунктовъ этого договора, былъ установленъ «всеобщій союзный совъѣтъ, на который каждое государство должно было послать своихъ представителей; главной ихъ задачей было слѣдить за тѣмъ, «чтобы въ союзныхъ государствахъ не происходило изгнаній или казней вопреки существующимъ законамъ и конфискацій, прощенія долговъ,

раздѣла имуществъ и освобожденія рабовъ съ цѣлями переворота. Между объединенными такимъ образомъ государствами и македонскимъ царемъ былъ заключенъ вѣчный оборонительный и наступательный союзъ; ни одинъ грекъ не долженъ былъ служить противъ царя или помогать его врагамъ, подъ страхомъ быть наказаннымъ изгнаніемъ и потерей всего имущества. Судъ надъ нарушителями союзнаго договора былъ переданъ совѣту амфиктіоновъ. Наконецъ, какъ краеугольный камень всего, была рѣшена война противъ персовъ, «чтобы отомстить имъ за всѣ содѣянные надъ греческими храмами святотатства; царь Филиппъ былъ назначенъ полководцемъ въ этой войнѣ, съ неограниченной властью на сушѣ и на морѣ.

Филиппъ возвратился въ Македонію, чтобы заняться приготовленіями къ великой національной войнѣ, которую онъ думалъ начать ближайшей весной. Посылка сатрапа на помощь въ Фракію давала ему вполне законный поводъ начать войну съ персидскимъ царемъ.

Замѣчательно, что въ то же время судьбы Сициліи устраивались совершенно обратнымъ образомъ. Въ самомъ жалкомъ состояніи, тѣснимые тираннами и угрожаемые карфагенянами, патриоты Сициліи обратились къ Коринѳу съ мольбой о спасеніи. Оттуда былъ посланъ къ нимъ съ небольшимъ войскомъ благородный Тимолеонъ. Онъ низложилъ тираннію въ Сиракузахъ и затѣмъ въ другихъ городахъ по очереди и отбросилъ карфагенянъ на ихъ прежнія граицы въ западномъ углу острова (339); въ освобожденные города онъ привлекъ множество новыхъ греческихъ поселенцевъ, восстановилъ въ нихъ демократическую свободу и автономію; въ Сициліи, повидимому, должна была снова разцвѣсти та форма государственной жизни, которая пала на родинѣ. Но новосозданное положеніе вещей только ненадолго пережило смерть великаго мужа (337); еще прежде, чѣмъ карфагеняне успѣли рѣшиться на новыя нападенія, эти демократіи путемъ олигархіи или тиранніи уже снова враждовали между собою. Менѣе всего они могли ожидать спасенія изъ Великой Греціи; быстро усиливавшееся именно теперь движеніе италійскихъ народовъ создавало тамъ еще не пришедшимъ въ полный упадокъ городамъ новыя опять затрудненія; царь Архидамъ спартанскій, взятый на службу терентинцами, палъ, сражаясь во главѣ своихъ наемниковъ съ мессанійцами, какъ говорятъ, въ тотъ самый день, когда Филиппъ побѣдилъ при Хероней.

Эта битва и коринѳскій союзъ повлекли за собою по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ родины объединеніе эллиновъ, служившее гарантіей внутренняго мира и общей національной политики во внѣ. Это объединеніе было не только международнаго, но и государственно-правового характера, какъ его иѣкогда рекомендовали іонійцамъ Фалесъ и Біантъ: это не была та гегемонія, которую аѳиняне въ лучшіе дни своей славы слишкомъ скоро должны были превратить въ господство, чтобы удержать ее за собою, и не та система насилія, которую послѣ анталкидова мира пыталась установить Спарта именемъ персидскаго царя на служеніе его политикѣ, — но это была федеральная консти-туція съ правильнo организованнымъ совѣтомъ и судомъ надъ входящими въ составъ союза государствами, съ общинной автономіей

отдѣльных государствъ, съ постояннымъ миромъ въ предѣлахъ родины и свободой внутреннихъ сношеній, съ гарантіей всѣхъ за каждою и, наконецъ, съ окончательно рѣшенной войною противъ персовъ, причемъ главенство въ командѣ надъ войсками и во внѣшней политикѣ всякаго государства, въ силу союзной клятвы, было передано гегемону союза, властителю Македоніи.

Какой тяжелой борьбы, какихъ суровыхъ мѣръ ни стоило достиженіе этихъ результатовъ, но македонскій царь оказывалъ честь себѣ и эллинамъ, когда предполагалъ, что борьба противъ персовъ, ставшая возможной только такимъ образомъ, что расширение общаго національнаго могущества, внѣшніе успѣхи и благословенія внутри, которыя обѣщало это дѣло въ случаѣ своей удачи, заставятъ забыть пораженія и жертвы, которыхъ потребовало его созданіе. Но только его неоднократныя завѣренія и принятыя имъ на себя по союзному договору обязательства служили ручательствомъ, что его оружіе будетъ посвящено великой національной борьбѣ; его собственный интересъ предписывалъ ему съ самаго начала эту политику, собрать силы Греціи, чтобы получить возможность рѣшиться на борьбу съ Персіей, а эту борьбу предпринять для того, чтобы тѣмъ вѣрнѣе соединить и прочно слить воедино еще оставшіяся здоровыми силы въ жизни греческихъ государствъ.

Его могущество, одно только, подобно защитному валу, и прикрывавшее Элладу отъ варваровъ сѣвера, подъ ударами которыхъ уже пала Италія, было теперь достаточно велико и торжественнымъ образомъ призвано выступить во главѣ объединенной Греціи на борьбу противъ варваровъ на востокъ. Эта война вела за собой освобожденіе греческихъ острововъ и городовъ, со времени паденія Аѳинъ, со времени Лизандра и со времени анталкидова мира снова подавлявшихъ персидскому игу, — открытіе Азіи для свободныхъ сношеній и греческой промышленности, для прилива туда эллинской жизни, а избытку безпокойныхъ, волнующихся и одичалыхъ элементовъ, отъ которыхъ до сихъ поръ тяжело страдала изнывавшая въ своемъ безпорядочномъ партикуляризмѣ и порождавшая все новыя, худшія и болѣе разрушительныя элементы Греція дала мѣсто, случай и заманчивыя перспективы найти въ новыхъ условіяхъ жизни, новую почву для дѣятельности и исцѣлиться, работая надъ множествомъ новыхъ задачъ.

Космополитическій духъ, развившійся въ Греціи въ одно время съ упорнымъ партикуляризмомъ, благодаря распространившимся на весь міръ сношеніямъ, множеству изгнанниковъ, наемничеству, куртизанкамъ, рационализму и образованности, долженъ былъ наконецъ, чтобы не растратить бесполезно остатокъ національныхъ силъ, найти соотвѣтственное выраженіе въ правильной дѣятельности съ разсчитанными послѣдствіями. Этой цѣли онъ достигалъ походомъ въ Азію.

Если такимъ образомъ со стороны Европы все было готово къ окончательному кризису, то со стороны Азіи точно также обширное

царство персовъ достигло того пункта, когда элементы силы, на которыхъ были основаны его прежніе успѣхи, истощились и оно повидимому держалось только инертной силой разъ совершившагося факта.

О природѣ и устройствѣ этого персидскаго царства до насъ дошло немного свѣдѣній, да и это немногое по большей части весьма внѣшняго характера, — почти исключительно свѣдѣнія съ точки зрѣнія тѣхъ, которые въ персахъ видѣли и презирали только варваровъ; и лишь въ величавой фигурѣ Дарія, нарисованной намъ однимъ изъ бойцовъ при Марафонѣ въ его драмѣ о персидскихъ войнахъ, чувствуется отчасти глубоко-могучая натура этого благороднаго народа.

Быть можетъ, мы имѣемъ право дополнить и углубить это впечатлѣніе тѣмъ, какъ выразился его характеръ въ непосредственномъ складѣ его внутренней жизни, въ его религіи и его священной исторіи. Они свидѣлствуютъ о высокой нравственной силѣ, съ которой персы сравнительно съ другими народами Азіи вступаютъ въ исторію, о серьезномъ и торжественномъ пониманіи задачъ, для которыхъ живетъ индивидуумъ и народъ.

Чистота дѣлъ, словъ и помысловъ — вотъ чего требуетъ эта религія; правдивость, святость жизни, исполненіе долга съ полнымъ самоотверженіемъ — вотъ законъ, открытый людямъ Заратуштрой, провозвѣстникомъ божьяго слова. Въ сагахъ о Джемшидѣ и Густаспѣ, о битвахъ съ туранцами, у нихъ развиваются представленія о томъ, чего искать и избѣгать должна дѣйствительная жизнь, совсѣмъ иная чѣмъ у грековъ въ ихъ пѣсняхъ о Троѣ, Фивахъ и Аргонавтахъ.

Въ самой глубокой древности по возвышеннымъ равнинамъ, простирающимся отъ Демавенда до рѣки Синда, бродили дикія орды; затѣмъ появился возвѣститель поваго закона, пастырь челоуѣковъ, Хаома, передалъ свое ученіе отцу Джемшида и люди начали селиться и воздѣлывать поля; и когда Джемшидъ сдѣлался царемъ, онъ упорядочилъ жизнь своего народа и сословіи своего царства; въ его блестящее царствованіе не умирали животныя и не увядали растенія, въ водѣ и плодахъ нигдѣ не было недостатка, не было ни мороза, ни жаровъ, ни смерти, ни страстей, повсемѣстно господствовалъ миръ. Онъ съ гордостью говорилъ: «отъ меня исходитъ разумъ, еще не было царя подобнаго мнѣ; земля стала такою, какъ я желалъ; пищу, сонъ и радость люди имѣютъ черезъ меня; у меня все могущество, и смерть я изгналъ съ лица земли; поэтому они должны называть меня творцомъ вселенной и молиться мнѣ». Тогда блескъ божій оставилъ его; губительный Зохаъ побѣдилъ его, прогналъ и началъ свое грозное царствованіе; затѣмъ послѣдовали времена дикаго возстанія, изъ котораго побѣдителемъ вышелъ наконецъ герой Феридунъ; онъ и послѣ него его родъ, родъ «людей первой вѣры», господствовали надъ Ирапомъ, ведя постоянно тяжелую борьбу съ дикими туранцами, пока наконецъ при шестомъ царѣ послѣ Феридуна, при царѣ Густаспѣ, не появился вѣстникъ неба, Заратуштра, чтобы научить царя мыслить, говорить и дѣйствовать согласно съ закономъ.

Основой цоваго закона была вѣчная борьба между свѣтомъ и тьмою, между Ормуздомъ и семью князьями свѣта съ одной стороны и Ари-

маномъ и семью князьями тьмы съ другой; оба они со своими войсками борются за господство надъ міромъ; все сотворенное принадлежитъ свѣту, но тьма принимаетъ участіе въ безпощадной борьбѣ; только человѣкъ стоитъ между ними, чтобы по свободному выбору или помогать добру или уступать злу. Сыны свѣта, иранцы, ведутъ такимъ образомъ великую борьбу за Ормузда, чтобы подчинить его господству вселенную, устроить ее по образцу царства свѣта и хранишь ея процвѣтаніе и чистоту.

Таковы вѣрованія этого народа и импульсы, изъ которыхъ развивалась его историческая жизнь; они живутъ, одни воздѣлывая поля, другіе ведя пастушескую жизнь, въ суровой горной мѣстности Персидѣ, подъ властью своихъ благородныхъ родовъ, о безчисленныхъ замкахъ которыхъ мы слышимъ по прошествіи цѣлыхъ вѣковъ; во главѣ ихъ стоитъ племя парсагадовъ, знатнѣйшему роду которыхъ, роду Ахеменидовъ, принадлежитъ наследственная царская власть надъ народомъ. Царевичъ Киръ при дворѣ царя въ Экбатанѣ увидѣлъ столько высокомерія, слабости и достойныхъ презрѣнія поступковъ, что почелъ за благо завладѣть властью для своего болѣе строгаго народа. Онъ созываетъ, — такъ гласитъ сказаніе, — племена, въ одинъ день приказываетъ имъ вспахать поле и почувствовать весь гнетъ подданства, а на другой день созываетъ ихъ на торжественный пиръ; онъ приглашаетъ ихъ сдѣлать выборъ между печальной жизнью раба, пригнетеннаго къ землѣ, и прекрасною жизнью побѣдителя; и они избираютъ борьбу. Онъ ведетъ ихъ на мидянь, одерживаетъ побѣду и становится властелиномъ ихъ царства, доходившаго до Галиса и до Яксарты. Въ дальнѣйшей борьбѣ онъ подчиняетъ себѣ лидійское царство и страну до моря Яоновъ, и вавилонское царство до самыхъ границъ Египта. Сынъ Кира, Камбизъ, присоединяетъ къ этому царство фараоновъ; изъ древнихъ народовъ и царствъ никто не можетъ противиться силѣ молодого народа. Но мидяне пользуются походомъ персидскаго царя за Египетъ въ пустыню и его внезапной смертью; ихъ жрецы, маги, провозглашаютъ персидскимъ царемъ одного изъ своей среды, называютъ его младшимъ сыномъ Кира, на три года освобождаютъ народы отъ военной службы и податей; и народы охотно подчиняются имъ. Но въ скоромъ времени возстаетъ ахеменидъ Дарій съ главами шести другихъ племенъ и они умерщвляютъ маговъ и ихъ знатнѣйшихъ приверженцевъ. «Я возвратилъ господство, отнятое у нашего рода; я возстановилъ храмы и поклоненіе покровителю нашего царства; такимъ образомъ милостью Ормузда я возвратилъ себѣ отнятое, я возвратилъ прежнее счастье своему царству, Персіи, Мидіи и другимъ провинціямъ», — такъ гласитъ надпись Дарія.

Дарій организовалъ царство. Персидской культуры, которая могла бы побѣдить и передѣлать также и внутренне побѣжденные открытою силой народы, какъ нѣкогда сдѣлали это культуры Вавилона и Ассиры, не существовало; религія свѣта, составлявшая главную силу и преимущество персидскаго народа, не могла и не хотѣла обращать къ себѣ; поэтому слѣдовало утвердить единство и прочность царства на организациі державы, которая его основала и должна была управ-

лять имъ. Эта организація была полною противоположностью того, какъ развился греческій міръ: въ Греціи мы находимъ одинъ народъ раздѣлившимся на тысячи вполне автономныхъ кружковъ, изъ которыхъ каждый жилъ своей изолированной жизнью благодаря неисчерпаемому богатству ихъ подвижнаго и оригинальнаго ума, — въ Персіи множество націй, по большей части уже отжившихъ и неспособныхъ устроить свою собственную жизнь, были сплочены въ одно силою оружія и удерживались строгимъ и гордымъ превосходствомъ персидскаго народа и персидскаго царя, «богоподобнаго человѣка», во главѣ ихъ.

Эта монархія, простиравшаяся отъ греческаго моря до Гималаев, отъ африканской пустыни до степей Аральскаго озера, не отнимаетъ у народовъ ихъ индивидуальности и привычнаго имъ образа жизни, охраняетъ ихъ въ томъ, «чего требуетъ ихъ право», относится съ терпимостью ко всѣмъ религіямъ, заботится о торговлѣ и благосостояніи народовъ, оставляетъ имъ даже ихъ родовыхъ князей, если они изъявляютъ покорность и платятъ дань, — но ставитъ надъ ними крѣпко сплоченное знаніе военнаго и административнаго единства, носители котораго избираются изъ господствующаго племени, племени «мидянъ и персовъ». Одинаковая религія, суровая и строгая жизнь въ поляхъ и лѣсахъ, воспитаніе при дворѣ и на глазахъ царя призванной къ военной службѣ знатной молодежи, собранное при этомъ дворѣ войско десяти тысячъ безсмертныхъ, двѣ тысячи копѣйниковъ и двѣ тысячи всадниковъ, стекающіяся изъ всѣхъ частей обширнаго государства въ столицу подати и собираемыя въ государственномъ казначействѣ подарки, строгая іерархія и чиновничество собирающихся при дворѣ знатныхъ персовъ до самыхъ «единостольниковъ» и «родственниковъ» царя включительно — все это вмѣстѣ придаетъ столицѣ государства необходимую силу и значеніе, чтобы быть объединяющимъ и могущественнымъ центромъ. Строющаяся по всему царству съѣзды большихъ дорогъ, почтовые станціи съ находящимися всегда наготовѣ эстафетами, крѣпости воздвигнутыя около всѣхъ важныхъ проходовъ и пунктовъ границы обезпечиваютъ связь между частями страны и возможно быстрое пользованіе центральной силой. Послы персидскаго царя могутъ такимъ образомъ менѣе чѣмъ въ десять дней передавать депеши изъ Сузы въ Сарды (350 миль) и въ каждой мѣстности есть готовое войско, чтобы исполнить заключающійся въ нихъ приказъ.

Въ административномъ отношеніи Дарій раздѣлилъ царство на двадцать сатрапій, не принимая въ соображеніе національности или историческихъ мотивовъ; это географическіе округа, опредѣляемые природными границами. Всѣ отношенія мѣстныхъ жителей къ государству ограничиваются тѣмъ, что они должны оставаться покорными, платить дань и, когда происходитъ общій наборъ, отправлять военную службу, содержать сатрана съ его дворомъ и расположенныя въ главныхъ городахъ и пограничныхъ крѣпостяхъ ихъ области войска персидскаго царя. Сатрапы — «цари только подвластные персидскому царю» — ответственны за повиновеніе и порядокъ въ ихъ сатрапіи, для защиты которой, равно какъ и для увеличенія области

и дапи, они ведутъ войну и заключаютъ миръ по приказу и безъ приказа изъ столицы. Они, въ свою очередь, тоже передаютъ отдѣльные округа своей области мѣстнымъ жителямъ или своимъ любимцамъ, которые собираютъ дань и управляютъ тамъ. Расположенными въ сатрапіи войсками они могутъ пользоваться, но эти войска стоятъ подъ командой назначенныхъ самимъ царемъ полководцевъ, соединяющихъ часто въ однихъ рукахъ начальство надъ войсками нѣсколькихъ смежныхъ сатрапій. Бдительность и храбрость войскъ, вѣрность сатраповъ, постоянный надзоръ царя за ними при посредствѣ своихъ пословъ, эта поднимающаяся ступенями пирамида монархическихъ организаций—есть форма, сплачивающая подвластные земли и народы.

Черезъ богатые льготы, постоянно возобновляемые дары въ знакъ милости и почести и черезъ крупное жалованье за военную службу знать и народъ Персіи какъ бы участвуютъ въ преимуществахъ власти своего царя. Это, а съ другой стороны постоянный надзоръ и контроль, строжайшая дисциплина, произвольное и часто кровавое правосудіе царя поддерживаютъ страхъ и вѣрность долгу въ призванныхъ къ службѣ. Горе сатрану, который даже только мало заботится о земледѣліи, о благосостояніи своей провинціи и объ орошеніи, который не разводитъ парковъ, въ провинціи котораго убываетъ народонаселеніе или отстаетъ культура почвы, который угнетаетъ подданныхъ: по волѣ царя и мыслию и дѣломъ они должны быть правыми слугами чистаго ученія; всѣ ихъ взоры должны быть обращены на царя: и только на него; какъ Ормуздъ, котораго онъ является изображеніемъ и орудіемъ, править царствомъ свѣта и борется съ губительнымъ, замышляющимъ зло Ариманомъ, такъ же и онъ неограниченъ, непогрѣшимъ, выше всѣхъ и вся.

Таковы основныя черты этой организаціи власти, являющіяся результатомъ особенностей въ характерѣ персидскаго народа, его старинной наивной приверженности ко главѣ племени и гордаго чувства законности, господствовавшего въ его старыхъ родовыхъ организаціяхъ. Эта грандіозная организація деспотической власти покоилась на томъ основаніи, что личное достоинство и сила одного ея обладателя возобновлялась въ каждомъ преемникѣ, что дворъ и гаремъ вблизи, сатрапы и начальники войскъ вдали не переставали быть руководимыми и управляемыми имъ и что господствующій народъ оставался вѣренъ самому себѣ, своей строгости и грубости и слѣпой преданности богу царю.

Въ царствованіе Дарія могущество Персіи достигло своего высшаго расцвѣта, па какой оно только было способно; подвластные народы благословляли ея господство; даже вездѣ въ греческихъ городахъ нашлись почтенные люди, которые, цѣною тиранніи, готовы были склонить себя и своихъ согражданъ подъ персидское иго; нравственное уваженіе благородныхъ персовъ къ умнымъ эллинамъ не могло увеличиться отъ этого. Послѣ Дарія, послѣ поражений при Саламинѣ и Микале начали показываться первые признаки застоя и упадка, которому должно было, съ прекращеніемъ его побѣдоноснаго и завоевательнаго роста, подвергнуться это неспособное къ внутрен-

нему развитію государство. Ослабленіе деспотической силы и вліяніе двора и гарема начали давать себя чувствовать уже по смерти Ксеркса; завоеванія на еракійскомъ берегу, Геллеспонтъ и Босфоръ, греческіе острова и города по берегамъ Малой Азіи были потеряны; скоро отдѣльные изъ подвластныхъ народовъ начали дѣлать попытки къ освобожденію, возстаніе Египта и возстановленіе тамъ старинной туземной династіи уже встрѣтило поддержку со стороны Эллады. Съ другой стороны, чѣмъ счастливѣе были въ своихъ войнахъ сатрапы передовыхъ земель и чѣмъ болѣе видѣли они ослабленіе личной воли и силы своего повелителя, тѣмъ смѣлѣе дѣйствовали они въ своихъ собственныхъ интересахъ и стремились къ самостоятельной и наслѣдственной власти въ своихъ сатрапіяхъ. Но крѣпкое зданіе государства было еще достаточно прочно, а въ знати и народѣ Персіи была еще настолько жива старинная дисциплина и вѣрность, что она могла еще бороться съ проявляющимся мѣстами зломъ.

Серьезнѣе сдѣлалась опасность, когда по смерти Дарія II (427—404) его младшій сынъ Киръ поднялъ знамя возстанія противъ старшаго, Артаксеркса II, который уже надѣлъ на себя тиару. Киръ, родившійся не до вступленія отца на престолъ, какъ его братъ, но когда его отецъ былъ уже царемъ, считалъ себя обладателемъ такихъ же законныхъ правъ, въ силу которыхъ Ксерксъ наслѣдовалъ пѣкогда Дарію; еще отецъ послалъ его, любимца матери Паризатиды, «Караномъ» въ Малую Азію и сдѣлалъ его, повидимому, «владыкой» надъ сатрапіями Каппадокіей, Фригіей и Лидіей; между тѣмъ какъ прежніе сатраны на морскомъ берегу, Тиссафернъ и Фарнабазъ, во время жестокой борьбы между Аѣнинами и Спартой поддерживали изъ соперничества другъ съ другомъ то одно, то другое государство, Киръ, слѣдуя безспорно вѣрной въ интересахъ своего государства политикѣ, быстро и рѣшительно сталъ на сторону Спарты. Даже по свидѣтельству грековъ этотъ молодой князь былъ полонъ ума и эпергін, военныхъ талантовъ и отличался свойственною его народу строгостью характера; онъ могъ показать спартанцу Лизандру паркъ, который онъ почти весь создалъ собственными руками; и когда послѣдній недовѣрчиво посмотрѣлъ на его золотую цѣпь и богатыя одежды, Киръ поклялся Митрой, что онъ каждый день не садится за столъ, пока не исполнитъ своего долга относительно полевыхъ работъ и воинскихъ упражненій. Онъ научился понимать и цѣнить военное искусство и храбрость грековъ; то обстоятельство, что главнымъ образомъ его помощь доставила Лизандру побѣду надъ Аѣнинами, что съ наденіемъ Аѣнѣ наступилъ конецъ морскому господству, наносившему до сихъ поръ тяжелый уронъ персидскому царству, и что Спарта изъявила положительное согласіе на возвращеніе Персіи греческихъ городовъ Азіи, дѣлало, по его мнѣнію, безопаснымъ намерѣвать, какъ ядро войска, съ которымъ онъ думалъ овладѣть подобавшимъ ему царствомъ, 13,000 греческихъ наемниковъ, пеструю смѣсь изъ всѣхъ греческихъ государствъ, послѣдъ которымъ Спарта потомъ прислала въ Иссъ еще 700 голпитовъ. Тиссафернъ, сатрапъ Іоніи, личный врагъ Кира, своевременно послалъ предосте-

реженіе въ Сузу; Артаксерксъ выступилъ противъ мятежника со всеѣми войсками своего царства; на границѣ Вавилоніи при Кунаксѣ произошло сраженіе. Послѣ побѣды грековъ на ихъ крылѣ Киръ съ 600 всадниковъ бросился на окружавшихъ царя 6000 всадниковъ, проворвался черезъ ихъ ряды, бросился на самого царя и ранилъ его, но затѣмъ палъ подъ ударомъ царя и его тѣлохранителей. Рану царя вылечилъ его врачъ, грекъ Ктезій. Гаремъ Кира тоже попалъ въ руки царя, и въ числѣ плѣнницъ двѣ гречанки, доставленныя ихъ родителями къ царевичу въ Сарды; одной изъ нихъ, милитянкѣ, удалось убѣжать въ лагерь грековъ, другая, прелестная и образованная Мильто изъ Фокеи, перешедшая въ гаремъ персидскаго царя, впослѣдствіи, какъ рассказываютъ греки, долго играла въ немъ значительную роль.

Вышнимъ образомъ день Кунаксы возстановилъ могущество персидскаго царя. Но о глубокой дезорганизациі свидѣтельствовало уже то, что передъ самымъ сраженіемъ много знатныхъ персовъ перешло изъ царскаго войска къ мятежнику; опаснымъ симптомомъ было и то, что эта кучка грековъ на полѣ битвы разсѣяла и разбила несчастное войско царя, что затѣмъ, пройдя въ боевомъ порядкѣ по всему царству, она достигла береговъ Понта. Неужели организациія государства была настолько слаба, что непріятельское войско могло такъ безнаказанно пройти три, четыре сатрапіи съ ихъ пограничными крѣпостями? Мятежникъ не могъ бы никогда миновать проходовъ Тавра, если бы сатрапы Киликіи, принадлежавшій къ древнему мѣстному роду Сиеннезиевъ, если бы персидскій флотъ, бывшій подъ начальствомъ египтянина Тама, исполнили свой долгъ. Но главнымъ образомъ то, что Киръ, имѣвшій слишкомъ обширную власть въ переднихъ сатрапіяхъ, проникнутыхъ по окружавшимъ ихъ берегамъ греческимъ элементомъ, могъ привлечь къ себѣ на службу такую массу греческихъ воиновъ, показывало, что эти сатрапіи требовали болѣе внимательнаго и строгаго надзора, чѣмъ прежде. Была ошибочна не система сатрапій; это была ошибка центральной власти, что караны и сатрапы могли привыкнуть заниматься политикой за свой собственный счетъ, управлять какъ независимые территориальныя владѣтели и создавать въ тираннахъ городовъ, откушникахъ податей и щедро одаряемыхъ любимцахъ партію своихъ приверженцевъ, дававшую имъ достаточно силы для угрозъ вверху и гнета внизу.

Быть можетъ, и независимо отъ этого соображенія число сатрапій Малой Азіи—по устройству Дарія I только четыре—было увеличено тѣмъ, что большая сатрапія Фригія, обнимавшая все внутреннее плоскогорье отъ Пропонтиды до Тавра и армянскихъ горъ, была разбита на три сатрапіи—Фригію на Геллеспонтѣ, Великую Фригію и Каппадокію,—что отъ сатрапіи Іоніи была отдѣлена вся Карія и южный берегъ до Киликіи и что, наконецъ, Киликія впредь была оставлена безъ сатрапа и, какъ кажется, сдѣлалась непосредственно царскою областью.

Уже спартанцы подъ предводительствомъ Агезилая были въ переднихъ земляхъ, чтобы испытать свое счастье въ борьбѣ съ Персией.

Недостатокъ энергіи и безуспѣшность дѣйствій Тиссаферна, вернушагося на свой постъ, дали въ руки царицы-матери оружіе, чтобы отомстить ненавистному за смерть ея любимца, ему былъ посланъ преемникъ съ приказомъ умертвить его.

Весьма серьезное значеніе представляло вспыхнувшее въ это же время возстаніе въ Египтѣ. Еще при Кунаксѣ въ войскѣ персидскаго царя бились и египетскіе воины; но въ Греціи уже знали, что Египетъ отложился; Тамъ бѣжалъ съ флотомъ въ Египетъ, а Спарта вступила въ сношенія съ Мемфисомъ, получила оттуда субсидіи и обѣщаніе дальнѣйшей помощи. Весьма легко могло случиться, что и финикійскіе города, и Кипръ, гдѣ царь Эвагоръ ревностно вводилъ греческіе обычаи, послѣдовали бы примѣру Египта; нападеніе сухопутныхъ греческихъ войскъ на сатрапіи Малой Азіи ставило на карту все морское могущество Персіи; опасность, которой подвергалось персидское царство во время Перикла, повторялась теперь въ болѣекихъ размѣрахъ. Какъ избѣгнуть ея?

Правильный путь указалъ аѳинянинъ Кононъ, нашедшій послѣ послѣдняго пораженія Аѳинъ убѣжище при дворѣ Эвагора. По его совѣту, сатрапъ Фригіи на Геллеспонтѣ получилъ приказъ собрать флотъ и персидскими деньгами доставить государствамъ Греціи возможность бороться противъ Спарты. Побѣда Конона при Книдѣ, объявленіе войны Фивами, Коринѳомъ, Аѳинами, появленіе Фарнабаза съ флотомъ у береговъ Лаконіи и въ собраніи союзниковъ въ Коринѳѣ принудили Агезилая быстро возвратиться на родину. Тѣснимая со всѣхъ сторонъ, Спарта скоро начала искать милости и союза персидскаго царя; она послала Анталкида для заключенія того мира, которымъ Спарта отдавала Персіи греческіе города Азіи и кромѣ того Кипръ. Такимъ образомъ Персія съ помощью уже не войска, но дипломатіи, сдѣлалась госпожею надъ греками; поддерживая то спартанцевъ, то аѳинянъ, дворъ въ Сузѣ не давалъ перевести духъ все еще вздорившимъ между собой государствамъ Греціи; онъ заставлялъ ихъ разсуждать другъ друга.

Но при этой борьбѣ въ Греціи не только мятежники противъ персидскаго царя, Кипръ, Египетъ и берегъ Сиріи нашли случай получить себѣ оттуда помощь, но и сатрапы Малой Азіи въ своихъ отношеніяхъ къ смутамъ въ Элладѣ не руководствовались теперь одними только указаніями изъ столицы. Рука слишкомъ добродушнаго Аргахсеркса была недостаточно крѣпка, чтобы дать себя почувствовать. Несмотря на десятилѣтнюю борьбу, онъ добился отъ кипрскаго царя только того, что Кипръ согласился платить прежнюю дань. Египтомъ, несмотря на посланное имъ наемное греческое войско и несмотря на предводительствовавшего имъ Ификрата, овладѣть ему болѣе не удалось. Возмущившихся Кадузиевъ въ горахъ каспійскихъ проходовъ онъ не могъ болѣе покорить несмотря на всѣ усилія. Горные народы между Сузою, Экбатаной и Персеполемъ вышли изъ повиновенія, и когда персидскій царь проѣзжалъ со своимъ дворомъ черезъ ихъ область, они требовали и получили дань за право проѣзда. Наконецъ, возмущились нѣкоторые изъ сатраповъ Малой Азіи: Аріобарзанъ во Фригіи на Геллеспонтѣ, Автоерататъ въ Лидіи, Ма-

весолъ и Оронть; только измѣна Оронта, котораго они избрали своимъ предводителемъ, спасла персидскому царю полуостровъ.

Въ еще болѣе печальномъ видѣ преданіе, правда греческое, показываетъ намъ слабость старѣющагося Артаксеркса относительно своего двора; здѣсь онъ является игрушкой въ рукахъ своей матери, своего гарема, своихъ евнуховъ. Его сынъ Дарій, котораго онъ, уже девяностилѣтній старецъ, назначилъ своимъ наслѣдникомъ съ правомъ уже теперь носить тиару, получивъ отъ отца отказъ въ какой-то милости, задумалъ устроить заговоръ противъ его жизни, и тогда, по приказанію отца, которому этотъ заговоръ былъ открытъ, поплатился за него смертью. Ближайшимъ наслѣдникомъ престола былъ теперь Аріасиъ, а за нимъ Арзамъ; но третій сынъ Охъ, какъ разсказываютъ, довелъ съ помощью ложныхъ слуховъ объ отцовской немилости перваго до самоубійства, а втораго устранилъ съ помощью наемныхъ убійцъ. Тотчасъ же вслѣдъ за этимъ (358) умеръ Артаксерксъ II. Ему наслѣдовалъ Охъ.

Охъ является въ преданіи настоящимъ типомъ азіатскаго деспота, кровожадный и хитрый, энергичный и сластолюбивый, еще болѣе страшный холодной и обдуманной рѣшительностью своихъ дѣйствій; подобный характеръ могъ еще разъ поднять потрясенное въ самыхъ внутреннихъ своихъ основаніяхъ могущество Персіи и оживить его призракомъ силы и свѣжести и принудить къ повиновенію возмущившіеся народы и непокорныхъ сатраповъ, пріучая ихъ молча смотрѣть даже на свои прихоти, свою жажду крови и на свое безумное сластолюбіе. Онъ началъ съ убіенія своихъ младшихъ братьевъ и ихъ приверженцевъ; и персидскій дворъ съ изумленіемъ называлъ его именемъ его отца, не имѣвшаго никакой другой добродѣтели, кромѣ кротости.

Средства, съ помощью которыхъ онъ вступилъ на престолъ, а можетъ быть уже и предшествовавшія ему кровавыя событія послужили причиной или предлогомъ къ новымъ мтежамъ въ переднихъ сатрапіяхъ и къ болѣе смѣлымъ дѣйствіямъ Египта. Поднялись управлявшій Іоніей Оронть и управлявшій Фригіей на Геллеспонтѣ Артабазъ; аѣискія надписи говорятъ о союзѣ Оронта съ Аѣинами. Артабазъ привлекъ къ себѣ двухъ родосскихъ гражданъ, двухъ опытныхъ военачальниковъ, братьевъ Ментора и Мемнона, женился на ихъ сестрѣ и поставилъ ихъ во главѣ своихъ греческихъ наемниковъ. Аѣинскіе стратиги Харитъ, Харидемъ и Фокіонъ оказывали ему помощь. Другіе сатрапы остались на сторонѣ персидскаго царя; главнымъ образомъ сатрапы Каріи, Мавесолъ, принадлежавшій къ древнему царскому роду страны; его дѣломъ было отпаденіе аѣинскихъ союзниковъ (357) съ Родосомъ, Косомъ и Хиосомъ во главѣ; но Аѣины тѣмъ ревностнѣе помогали возмущившимся сатрапамъ; посланное противъ нихъ царское войско было разбито Харитомъ; аѣиняне ликовали точно о второй мараѳонской побѣдѣ. Но въ Аѣины явилось персидское посольство съ жалобой на Харита и погрозило послать на помощь врагамъ Аѣинъ 300 триэръ; тогда аѣиняне поспѣшили смягчить гнѣвъ царя и заключили миръ съ отложившимися союзниками (355). Артабазъ продолжалъ борьбу и безъ помощи Аѣинъ, его шуринъ

Мемнонъ предпринялъ походъ противъ тиранна киммерійскаго Босфора, съ которымъ вела войну Гераклея, важнѣйшій городъ на восточномъ берегу Понта. Самъ Артабазъ получилъ помощь отъ еванянъ, приславшихъ ему ихъ полководца Паммена съ 5000 наемниковъ; съ ихъ помощью, онъ въ двухъ сраженіяхъ разбилъ войска царя. Но затѣмъ Артабазъ заключилъ еванскаго полководца въ темницу, такъ какъ тотъ, повидимому, велъ переговоры съ противниками; Памменъ вѣроятно получилъ предписаніе дѣйствовать такъ изъ Фивъ, куда персидскій царь приказалъ послать большія суммы денегъ. Съ этого момента счастье быстро покинуло Артабаза; онъ долженъ былъ бѣжать (около 351 года), онъ и Мемнонъ нашли убѣжище при македонскомъ дворѣ, а Менторъ отправился въ Египетъ.

Египетъ уже давно былъ главнымъ очагомъ борьбы противъ Персїи. Когда еще царствовалъ Артаксерксъ II, Тахъ, сынъ Нектанеба, готовился тамъ къ большому предпріятію; съ войскомъ изъ 80,000 египтянъ, 10,000 греческихъ наемниковъ, къ которымъ Спарта прислала еще 1000 подѣ начальствомъ престарѣлаго Агезилая, съ флотомъ изъ 200 кораблей, начальство надъ которымъ принялъ аѳинянинъ Хабрій, онъ думалъ завоевать еще и Сирію. Но царь Тахъ своимъ пренебреженіемъ и недовѣріемъ къ царю Агезилаю и своими вымогательствами среди египетскаго народа пріобрѣлъ себѣ такую вражду, что, пока онъ находился въ Сиріи, сынъ его дяди Нектанебъ II могъ провозгласить себя фараономъ и, такъ какъ Агезилай склонилъ на сторону новаго властелина и греческія войска, то Таху не оставалось другого исхода, какъ бѣжать въ Сузы и просить пощады у персидскаго царя. Но въ Мендитѣ противъ Нектанеба поднялся другой претендентъ и нашелъ массу приверженцевъ; дѣло зашло такъ далеко, что фараонъ былъ окруженъ вмѣстѣ со своими греками и вплотную окопанъ кругомъ валами и рвами, пока наконецъ престарѣлый Агезилай не напалъ со своими греками на 100,000 войско и не разсѣялъ и не обратилъ въ бѣгство всю мендитскую толпу; это былъ послѣдній подвигъ престарѣлаго спартанскаго царя; онъ умеръ, когда собирался отплыть въ Спарту (358).

Скудныя извѣстія объ этомъ времени сообщаютъ только, что еще Артаксерксъ II послалъ своего сына Оха противъ Египта, что походъ этотъ былъ неудаченъ и что Охъ, тотчасъ же по вступленіи на престолъ, воевалъ съ кадюзянами и побѣдилъ ихъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя, около 354 года, въ Аѳинахъ были весьма озабочены предпринятыми царемъ Охомъ обширными вооруженіями, болѣе обширными, чѣмъ всѣ предпринимавшіяся со времени Ксеркса; думали, что онъ хочетъ сперва покорить Египетъ, чтобы потомъ броситься на Грецію; Дарій тоже сперва покорилъ Египетъ, а потомъ обратился противъ Греціи, Ксерксъ тоже сперва смирилъ возмущившійся Египетъ, а затѣмъ предпринялъ свой походъ на Грецію: въ Аѳинахъ говорили, что Охъ уже выступилъ; что его флотъ стоитъ наготовѣ, чтобы перевезти войска за море, что на 1200 верблюдахъ везутъ за нимъ его казну и что на это золото онъ, кромѣ своего азіатскаго войска, наwerbуетъ тысячи греческихъ наемниковъ; Аѳины, памятуя день Марафона и Саламина должны начать противъ

него войну. Такъ быстро, конечно, персидское войско нельзя было собрать. И еще ранѣе этого къ продолжавшемуся въ Малой Азіи возстанію присоединилась и Финикія. Сидоняне со своимъ княземъ Теннесомъ на собраніи въ Триполѣ убѣдили отложиться и другіе города; былъ заключенъ союзъ съ Нектанебомъ, царскіе замки и парки разрушены, магазины сожжены, находившіеся въ городахъ персы убиты; всѣ они, а особенно знаменитый своимъ богатствомъ и изобрѣтательностью Сидонъ, вооружались съ большимъ рвеніемъ, вербовали наемниковъ и готовили корабли. Персидскій царь, войско котораго собралось у Вавилона, повелѣлъ сатрапу Сиріи Белезису и Мазею, управлявшему Киликіей, напасть на Сидонъ. Но Теннесъ, поддерживаемый присланными ему Нектанебомъ 4000 греческихъ наемниковъ подъ начальствомъ Мемнона, успѣшно отразилъ ихъ. Въ то же время возстали девять городовъ на Кипрѣ и соединились съ египтянами и финикійцами, чтобы, подобно имъ, быть независимыми и управляться своими новыми князьями. Они тоже снаряжали корабли и вербовали греческихъ наемниковъ. Нектанебъ самъ былъ вооруженъ какъ нельзя лучше; во главѣ его наемниковъ стояли аѳинянинъ Діофантъ и спартаецъ Ламій.

«Съ позоромъ и стыдомъ»,—говоритъ одинъ греческій ораторъ этого времени,—«онъ долженъ былъ отступить». Онъ началъ готовиться къ третьему походу и пригласилъ греческія государства поддержать его; это было время послѣднихъ стадій священной войны; но все-таки ѳивы прислали ему 1000 наемниковъ подъ командой Лакрата и Аргосъ 3000 подъ начальствомъ Никострата; въ греческихъ городахъ Азіи было наведено 6000 человекъ, поставленныхъ подъ начальство Багая. Персидскій царь приказалъ сатрапу Каріи Идріею напасть на Кипръ; самъ онъ обратился противъ финикійскихъ городовъ. При видѣ такихъ громаднхъ силъ, финикійцы упали духомъ; только сидоняне рѣшились сопротивляться до конца; они сожгли свои корабли, чтобы лишить себя возможности бѣжать. Но, по совѣту Ментора, царь Теннесъ завязалъ уже переговоры и они вдвоемъ предали городъ; когда сидоняне увидали, что цитадель и ворота уже находятся въ рукахъ непріятеля и что спасеніе невозможно, они зажгли городъ и искали смерти въ пламени; погибло около 40,000 человекъ. Цари Кипра упали духомъ и покорились.

Паденіе Сидона открывало путь въ Египетъ. Войско персидскаго царя двинулось вдоль берега къ югу и со значительными потерями достигло, черезъ пустыню, отдѣляющую Азію отъ Египта, стѣну пограничной крѣпости Пелузія, защищаемой 5000 грековъ подъ начальствомъ Филофрона; еванцы подъ командой Лакрата, горя желаніемъ поддержать свою боевую репутацію, тотчасъ же пошли на приступъ, но были отброшены; только наступленіе ночи спасло ихъ отъ болѣе тяжелыхъ потерь. Нектанебъ могъ рассчитывать выдержать борьбу; у него было 20,000 грековъ, столько же ливійцевъ и 60,000 египтянъ, множество находившихся на Кипрѣ кораблей могли помѣшать непріятелю переправиться черезъ рѣку, даже еслибы онъ взялъ укрѣпленія, воздвигнутыя вдоль праваго берега Нила.

Персидскій царь раздѣлилъ свои силы. Онъ самъ двинулся вверхъ

по Нилу, угрожая Мемфису. Вiotійскіе наемники и персидская пѣхота подѣ начальствомъ Лакрата и сатрапа Лидіи Ризака должны были штурмовать Пелузію; аргивскіе наемники подѣ командой Никострата и 1000 отборныхъ персовъ подѣ командой Аристазана были посланы съ 80 тріарами, чтобы попытаться высадиться въ тылу Пелузіи; четвертый отрядъ съ наемниками Ментора и 6000 грековъ Багой наступалъ къ югу отъ Пелузіи, чтобы отрѣзать сообщеніе съ Мемфисомъ. Отважному Никострату удалось высадиться въ тылу неприятельской линіи, оцѣ побилъ расположенныхъ тамъ египтянъ, а отрядъ Клейнія коссаго разбилъ подоспѣвшихъ къ нимъ на помощь греческихъ наемниковъ. Нектанебъ посилѣшилъ стянуть свои войска въ тылу Мемфиса. Послѣ отчаяннаго сопротивленія Филофронъ сдалъ Пелузію съ правомъ свободно отступить. Менторъ и Багой обратились противъ Бубаста; требованіе покориться и угроза повторить въ случаѣ бесполезнаго сопротивленія постигшую Сидонъ кару вызвала наружу раздоръ, существовавшій между готовыми пожертвовать своей жизнью греками и трусливыми египтянами; греки продолжали борьбу; за взятіемъ наконецъ города—оно стоило бы жизни любимцу царя Багою, еслибы Менторъ не подоспѣлъ къ нему на помощь—послѣдовало занятіе всѣхъ остальныхъ пунктовъ Нижняго Египта. Нектанебъ не считалъ себя болѣе безопаснымъ въ столицѣ противъ наступавшихъ превосходныхъ силъ и спасся вверхъ по Нилу со своими сокровищами въ Эѳіопію.

Такимъ образомъ—около 344 года—Египетъ покорился Артаксерксу III. Онъ далъ почувствовать свой гнѣвъ странѣ, которая въ теченіи шестидесяти лѣтъ была отдѣлена отъ его царства. Времена Камбиза наступили снова. Послѣдовало множество казней и самыхъ ужасныхъ опустошеній; персидскій царь собственноручно закололъ священнаго быка Аписа и приказалъ лишить храмы ихъ украшеній, ихъ золота, даже ихъ священныхъ книгъ. Съ этихъ поръ онъ звался «кинжаломъ» въ устахъ народа. Назначивъ сатрапомъ Ферендакеса, и отпустивъ домой со щедрыми дарами греческихъ наемниковъ, царь съ несчетной добычей, покрытый славой, возвратился въ Сузы.

Когда десять лѣтъ тому назадъ Артаксерксъ III только что началъ вооружаться, то какой серьезной изображали аѳинскіе ораторы опасность для Греціи, если Египетъ снова сдѣлается персидскимъ. Теперь Аѳины тревожило только возрастающее могущество македонскаго царя, готоваго уже наложить свою руку на Перінеъ и Византію. Конечно, Филиппъ могъ думать, что онъ долженъ снѣшить, пока Персія—греческихъ наемниковъ и греческихъ союзниковъ она нашла бы столько, сколько пожелала бы нанять—не бросится на Европу; потому варваровъ прежде всего хлынулъ бы на его владѣнія.

Персидское царство было такъ сильно, какъ въ свои лучшіе дни; а то, что оно научилось вести свои войны съ помощью греческихъ полководцевъ и греческихъ наемниковъ, обезнечивало ему, повидимому, новое превосходство, пока Греція оставалась тѣмъ, чѣмъ она была,—полною бродячихъ силъ, разорванною на безконечное число автономій, управляемой въ каждомъ городѣ постоянно смѣнявшимися другъ-друга партіями. Персидскому царю снова принадлежало все цар-

ство его предковъ, за исключеніемъ земель по ту сторону Геллеспонта, присоединенныхъ къ персидскому царству Даріемъ и Ксерксомъ, Фракіи, Македоніи и Фессаліи. Въ своемъ хиіархѣ Багоѣ и въ родосѣ Менторѣ онъ имѣлъ прекрасныхъ исполнителей своихъ дальнѣйшихъ операцій; связанные между собою обѣтомъ дружбы, они служили своему господину и руководили имъ; Багой былъ всемогущъ при дворѣ и въ верхнихъ сатрапіяхъ, а Ментору былъ ввѣренъ берегъ Малой Азіи и въ то же время, повидимому, онъ въ званіи Карана, какъ нѣкогда Киръ, стоялъ во главѣ боевыхъ силъ Малой Азіи.

По просьбѣ Ментора, персидскій царь даровалъ помилованіе Артабазу, Мемнону и ихъ семействамъ, нашедшимъ себѣ убѣжище при македонскомъ дворѣ; они возвратились обратно. Изъ этого времени жизни Мемнона намъ сохраненъ фактъ, ведущій къ поучительнымъ заключеніямъ. Одинъ Виоинецъ, Эвбулъ, мѣняла по ремеслу, вѣроятно путемъ откупа податей; завладѣлъ городомъ Атарнеемъ, крѣпостью Ассомъ и богатымъ берегомъ противъ Лесбоса и завѣщалъ ихъ своему преданному Гермею, бѣжавшему три раза рабу, какъ говорили въ злорѣчивыхъ Аѣниахъ; тамъ Гермей былъ извѣстенъ какъ ученикъ Платона и какъ другъ Аристотеля; по смерти Платона Аристотель воспользовался его приглашеніемъ пожить нѣкоторое время въ Атарнеѣ (348—47). Менторъ обратился противъ этого богатаго «тирана», пригласилъ его на свиданіе, чтобы указать ему пути къ царской милости, затѣмъ приказалъ его схватить и послалъ его въ Сузы, гдѣ онъ былъ распятъ на крестѣ, а самъ Менторъ завладѣлъ его сокровищами и землями. Только его племянница и пріемная дочь спаслась и бѣжала къ Аристотелю; онъ взялъ обѣдѣвшую, «но нравственную и хорошую дѣвушку» въ жены.

Это было въ то время, когда Филиппъ ходилъ на фракійцевъ и повидимому угрожалъ Византіи и Перинѳу. Тогда Демосеенъ совѣтовалъ аѣнианамъ послать къ персидскому царю пословъ, объяснить ему цѣль македонскихъ вооруженій и сказать ему, что одинъ изъ могущественнѣйшихъ друзей Филиппа и участникъ во всѣхъ его планахъ уже схваченъ и находится въ рукахъ цари. Арзитъ, сатрапъ Фригіи на Геллеспонтѣ, послалъ перинѳянамъ деньги, провіантъ, оружіе и наемныя войска подъ начальствомъ аѣнианина Аполлодора. Но на просьбу аѣнскихъ пословъ о персидскихъ субсидіяхъ персидскій царь отвѣчалъ «очень гордымъ и варварскимъ письмомъ». Презиралъ ли онъ только аѣнианъ или замышлялъ имъ погибель, какъ бы то ни было, событія въ Греціи быстро шли впередъ и завершились кризисомъ какъ разъ въ ту минуту, когда его постигъ внезапный конецъ.

Со времени своего славнаго возвращенія изъ Египта онъ пребывалъ въ своей столицѣ, господствуя съ необузданнымъ произволомъ и жестокостью. Всѣ боялись его и ненавидѣли; единственный чловѣкъ, къ которому онъ питалъ довѣріе, злоупотребилъ имъ. Его довѣренное лицо, Багой, былъ египтяниномъ; весь преданный вѣрѣ и суевѣрію своей родины, гибели которой онъ самъ содѣйствовалъ, онъ не забылъ посягательства отечественныя святилищъ и убійства священ-

наго Аннса; чѣмъ болѣе росло въ народѣ и при дворѣ озлобленіе противъ персидскаго царя, тѣмъ смѣлѣе становились планы его вѣроломнаго любимца. Евнухъ заручился содѣйствіемъ царскаго врача и ядъ положилъ конецъ жизни ненавистнаго; царство было въ рукахъ евнуха; чтобы еще болѣе укрѣпить за собою свое положеніе, онъ возвелъ на престолъ младшаго сына царя, Арзеса, а его братьевъ умертвилъ; спасся только одинъ, Висоанъ. Это случилось приблизительно во время битвы при Херопеѣ.

Скоро Арзесъ почувствовалъ наглую гордость евнуха, онъ не простилъ ему смерти отца и братьевъ. Багой носилъ предупредить его; менѣе чѣмъ послѣ двухлѣтняго царствованія онъ приказалъ умертвить царя съ его дѣтьми; тіара была вторично въ его рукахъ. Но царскій домъ опустѣлъ; отъ руки Оха пали сыновья Артаксеркса II, отъ руки Багой сыновья и внуки Оха, кромѣ спасшагося бѣгствомъ Висоана. Былъ еще въ живыхъ сынъ того Дарія, которому его отецъ Артаксерксъ II даровалъ тіару, но отказалъ въ просимой милости, по имени Арбуналъ; но глаза персовъ обратились на Кодоманна, принадлежавшаго къ боковой линіи дома Ахеменидовъ; онъ былъ сынъ Арзама, племянникъ Артаксеркса II и Сизигамбиды, дочери того же Артаксеркса; въ войнѣ, которую Охъ велъ съ кадюзинами, онъ принялъ вызовъ ихъ великана-предводителя, принять который никто другой не рѣшался, и побѣдилъ его; тогда персы присудили ему награду за храбрость, его имя славили старъ и младъ, царь Охъ осыпалъ его подарками и хвалами и сдѣлалъ его сатрапомъ Арменіи. Уступилъ ли Багой теперь этому желанію персовъ, или льстилъ себя надеждой, что Кодоманнъ останется ему предагъ за достигнутую черезъ его посредство тіару, какъ бы то ни было, ему очень скоро пришлось узнать, какъ сильно онъ ошибался. Царь — онъ называлъ себя Даріемъ — ненавидѣлъ убійцу и презиралъ его совѣты; Багой рѣшилъ устранить его съ дороги и подмѣшалъ ему въ кубокъ ядъ; но Дарій былъ предупрежденъ; онъ призвалъ евнуха и приказалъ ему, какъ бы въ знакъ своей милости, выпить кубокъ. Такъ понесъ Багой позднее наказаніе.

Бразды правленія были теперь въ рукахъ такого царя, какого Персія давно не имѣла; прекрасный и серьезный, какимъ любить представлять себя своего царя азіаты, милостивый ко всѣмъ и любимый всѣми, одаренный всѣми добродѣтелями своихъ великихъ предковъ, свободный отъ отвратительныхъ пороковъ, позорившихъ жизнь Оха и сдѣлавшихъ его пагубой для государства, Дарій казался призваннымъ исцѣлить отъ язвъ, которыми оно страдало, полученное имъ безъ помощи преступленія и крови царство. Никакое возмущеніе не обезпокоило начала его царствованія; Египетъ былъ возвращенъ Персіи, Бактрія и Сирія вѣрны и покорны царю; властью благороднаго Дарія Азія отъ береговъ Іоніи до Инда, повидимому, была теперь объединена такъ прочно, какъ никогда. И этотъ царь долженъ былъ быть послѣднимъ изъ потомковъ Кира, господствовавшимъ надъ Азіей, какъ будто бы пужна была невинная голова, чтобы искупить то, чего нельзя было уже исцѣлить.

Уже на дальнемъ западѣ собиралась буря, которая должна была

уничтожить Персію. Уже приморскіе сатрапы послали извѣстіе, что македонскій царь заключилъ миръ и союзъ съ государствами Эллады и что онъ собираетъ войско, чтобы слѣдующей весной вторгнуться въ провинціи Малой Азіи. Дарій во что бы то ни стало желалъ избѣжать этой войны; онъ точно чувствовалъ, что его громадное царство, расшатанное и умирающее внутри, пужается только во вѣшнемъ толчкѣ, чтобы разсыпаться. Въ этой перѣшительности онъ пропустилъ послѣдній моментъ, чтобы предупредить нападеніе, котораго онъ боялся.

Въ то время, когда онъ вступилъ на престолъ, царь Филиппъ посылалъ подъ начальствомъ Пармениона и Атталы первыя войска черезъ Геллеспонтъ, чтобы утвердиться въ греческихъ городахъ ближайшихъ сатрапій. Уже участникамъ эллинскаго союза было послано приказаніе посылать свои контингенты въ Македонію, а свои тріеры въ македонскій флотъ. Самъ онъ думалъ выступить въ скорѣйшемъ времени, чтобы во главѣ македонско-эллинскихъ силъ приступить къ дѣлу, для котораго онъ до сихъ поръ работалъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

СТРАНА, НАРОДЪ И ЦАРСКАЯ ДИНАСТІЯ МАКЕДОНИИ.—ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА ЦАРЯ ФИЛИППА II.—ДВОРЯНСТВО; ДВОРЬ.—ОЛИМПИАДА.—МОЛОДОСТЬ АЛЕКСАНДРА.—РАЗДОРЫ ВЪ ЦАРСКОМЪ СЕМЕЙСТВѢ. АТТАЛА.—УБИЕНІЕ ФИЛИППА II.

Но былъ ли Филиппъ, были ли его македоніне греками, чтобы имѣть право принять на себя борьбу противъ персовъ въ духѣ греческаго народа и греческой исторіи?

Защитники старой партикуляристической политики и греческой «свободы» не разъ отрицали это, и ихъ великій представитель Демосенъ заходитъ въ своемъ патріотическомъ рвеніи такъ далеко, что увѣряетъ, будто Филиппъ не только не изъ эллиновъ, но даже не родствененъ съ ними, и что онъ принадлежитъ къ варварамъ, которые не годятся даже быть хорошими рабами ¹⁾.

Древнѣйшія преданія рисуютъ намъ иную картину. У Эсхила, какъ уже упомянуто, царь Аргоса, Пелазгъ, говоритъ, что его народъ, названный по его имени пелазгами, живетъ до свѣтлыхъ водъ Стримона и занимаетъ, вмѣстѣ съ гористой страной Додоны, земли около Пинды и обширныя равнины Пэопин. Такимъ образомъ старый македонскій боецъ считаетъ народы, живущіе въ бассейнѣ рѣки Галиакмона и Аксіа, единоплеменными съ древнимъ населеніемъ земель, лежащихъ между Олимпомъ и Тэнаромъ и къ западу отъ Пинды. Высокій Пиндъ, отдѣляющій Тессалію отъ горной страны Додоны и отъ Эпира, образуетъ своими сѣверными отрогами до Чаръ-Дага, древняго Скарда, границу между Македоніей и Иллиріей; затѣмъ хре-

бегъ поворачиваетъ къ востоку къ верховьямъ Стримона и по его лѣвому берегу тянется далѣе на юго-востокъ, къ морю, подъ именемъ Орбела, завершая природную границу македонско-пѣонской области и границу съ еракійскими народами на востокъ и сѣверъ. Въ окруженной такимъ образомъ горами области Галиакмонъ, Аксій со своими притоками и Стримонъ прорѣзываютъ еще вторую и третью горныя цѣпи, которые такими же concentрическими крутами, какъ Нииндъ, Скарда и Орбель, подхватываютъ внутреннюю береговую равнину Пеллы и Фессалоники, лежащую у еермейскаго залива, а двойной поясъ котловинъ, черезъ который прорываются эти три рѣки и изъ которыхъ Аксій и Галиакмонъ достигаютъ по этой береговой равнинѣ до моря недалеко другъ отъ друга, естественнымъ образомъ раздѣляетъ народонаселеніе этихъ земель на кантональныя племена и дѣлаетъ береговую равнину ихъ центромъ и сборнымъ пунктомъ.

По рассказамъ Геродота, народъ, носившій поздиѣ имя доринъ, вытѣсненный изъ Фессалии, переселился къ Ниинду въ долину Галиакмона и носилъ тамъ имя македонянъ²⁾. По другимъ сказаніямъ Аргей, родоначальникъ македонянъ, выселился изъ Аргоса въ Орестидъ, лежавшей у верховьевъ Галиакмона области, и этимъ объясняется въ нихъ имя Аргеадовъ, которое носилъ царскій домъ³⁾. По другому преданію⁴⁾, сдѣлавшемуся потомъ ходячимъ въ странѣ, три брата, Гераклиды изъ царскаго рода въ Аргосѣ, происходившаго отъ Тимена, пришли на сѣверъ къ иллирійцамъ, затѣмъ провикли далѣе въ гористую часть Македоніи и наконецъ поселились въ Эдессѣ у величественныхъ каскадовъ, съ которыми воды вступаютъ въ обширную и плодотворную береговую равнину. Здѣсь въ Эдессѣ, называвшейся также Эгами, младшій изъ трехъ братьевъ основалъ свое царство, которое затѣмъ постепенно росло и наконецъ соединило сосѣдніе округа Имаѳію, Мигдонію, Воттію, Піерію и Амфракситиду подъ именемъ македонянъ.

Они принадлежали къ тѣмъ же пелазгическимъ племенамъ, которыми нѣкогда занимали всю территорію Греціи и изъ которыхъ впоследствии также и другія племена представлялись эллинамъ, отъ которыхъ они отстали въ развитіи, варварами или полу-варварами. Объ этомъ родствѣ свидѣлствуетъ религія и обычаи македонянъ; если на границахъ и происходило смѣшеніе съ иллирійскими и еракійскими племенами, то все-таки языкъ македонянъ является близкимъ къ древнѣйшимъ діалектамъ греческаго языка⁵⁾.

Въ военномъ устройствѣ македонянъ до позднѣйшихъ временъ осталось въ употребленіи имя этэровъ. Если послѣднее, какъ въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться, появилось въ странѣ вмѣстѣ съ учрежденіемъ царской власти, то македонскимъ гераклидамъ предстояла та же задача, какъ и ихъ предкамъ въ Целлопоннесѣ, а именно необходимость по переселеніи въ чужую страну основать свою силу и право на подчиненіи туземцевъ, съ тою только разницей, что здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ дорическихъ государствахъ, старое смѣшалось съ новымъ и слилось въ одно цѣлое, сохранившее свѣжесть, но также и грубую суровость предковъ, — скажемъ даже, героическое время въ его непозитическомъ видѣ. Здѣсь существовали обычаи весьма

стариннаго склада. Кто не убилъ еще ни одного врага, долженъ былъ ходить подпоясанный педоуздкою⁶⁾; кто не убилъ еще ни одного кабана въ открытомъ полѣ, не имѣлъ права возлечь на пиру, но долженъ былъ сидѣть⁷⁾; при похоронахъ дочь умершаго должна была тушить костеръ, на которомъ былъ сожженъ трупъ⁸⁾; существуетъ разсказъ, что трофеи первой побѣды, одержанной Пердиккой надъ туземными племенами, были по волѣ боговъ въ теченіи ночи опрокинуты львомъ, въ знакъ того, что тутъ не враги побѣждены, а пріобрѣтены друзья⁹⁾, и съ тѣхъ поръ у македонянъ такъ и осталось обычаемъ не воздвигать трофеевъ по случаю побѣды надъ врагами; этого не дѣлали ни Филиппъ послѣ дня при Херонеѣ, ни Александръ послѣ побѣды надъ персами и индусами.

Въ самые годы этихъ побѣдъ Аристотель пишетъ: «Изъ греческихъ земель царская власть сохранилась только въ Спартѣ, у молоссовъ и въ Македоніи,—у спартанцевъ и молоссовъ потому, что ея прерогативы были такъ ограничены, что царямъ больше не завидовали». Между тѣмъ какъ вездѣ въ другихъ мѣстахъ царская власть, завышая найти себѣ опору въ простомъ народѣ, была вытѣснена развитіемъ аристократіи; между тѣмъ какъ въ послѣдствіи даже простой народъ, долго бывшій исключеннымъ отъ всякаго участія въ руководствѣ общественной жизнью и терпѣвшій гнетъ, возсталъ наконецъ противъ этой аристократіи, отнявъ у знатныхъ родовъ ихъ преимущества и низвелъ ихъ къ равноправности демократической общинной жизни,—Македонія сохранила свою исконную царскую власть, такъ какъ здѣсь въ отношеніяхъ между сословіями не успѣли развиться элементы столкновеній и ненависти; «превосходя всѣхъ богатствомъ и уваженіемъ», говоритъ Аристотель, здѣсь сохранилась старинная царская власть¹⁰⁾.

Опасности здѣсь были другого рода. Царская власть принадлежала царскому роду; но престолонаслѣдіе въ немъ не было установлено настолько прочно, чтобы имъ заранѣе устранялось всякое сомнѣніе и неудовольствіе. Чѣмъ свободнѣе здѣсь была царская власть, тѣмъ болѣе требовала она личной энергіи и дѣлъ отъ того, кто являлся ея носителемъ; весьма часто бывало такъ, что малолѣтнему, неспособному или бездѣятельному наслѣднику престола приходилось уступить свое мѣсто болѣе энергичному родному или двоюродному брату; такимъ образомъ по смерти Александра I Филаллина его младшій сынъ Пердикка II не уснокоплся до тѣхъ поръ, пока не устранилъ своихъ старшихъ братьевъ Аминту, Филиппа и Алкета¹¹⁾; такимъ образомъ сынъ Пердикки Архелай, родившійся въ незаконномъ бракѣ, вытѣснилъ законнаго наслѣдника и умертвилъ его, когда тотъ былъ еще ребенкомъ¹²⁾. Въ другихъ случаяхъ простазія, организованная форма опеки, давала въ руки средства для узурпаціи¹³⁾.

Была еще и другая опасность: многіе примѣры показываютъ, что младшіе сыновья царя, а также и чужеземцы, получали въ наслѣдственное владѣніе участки въ странѣ, конечно, подъ верховенствомъ царя, но съ такими царственными полномочіями, которые давали имъ право призывать народъ на военную службу и держать собственныя войска. Такимъ образомъ младшій братъ Александра I, Ар-

ридей ¹⁴⁾, получилъ княжество Элиміотиду въ горной части Македоніи, и оно осталось въ его родѣ, а братъ Пердикка Филиппъ получилъ удѣлъ въ верхнемъ теченіи Аксія. Царская власть не могла усиливаться, если она не могла держать въ повиновеніи этихъ княжескихъ лицъ, пока еще къ тому же онѣ находили себѣ опору въ пѣонахъ, агріанцахъ, линкитійцахъ и другихъ пограничныхъ областяхъ, управлявшихся независимыми князьями. Во время персидскихъ войнъ Александръ I, повидимому, впервые принудилъ линкитійцевъ, пѣоновъ, орестовъ и тимеейцевъ признать македонское господство ¹⁵⁾; но ихъ князья сохранили свой княжескій санъ, а съ нимъ и свои княжескія владѣнія.

Объ устройствѣ Македоніи до насъ дошло слишкомъ мало извѣстій, чтобы можно было сказать, насколько обширна была власть царя. Если царь Архелай въ послѣднее десятилѣтіе пелопонесской войны могъ создать массу новыхъ учрежденій, если царь Филиппъ могъ преобразовать монетную систему своей родины, бывшую съ тѣхъ поръ крайне неравнобѣрной, и создать совершенно новую организацію войска, то царская власть должна была имѣть весьма широкое право регламентаціи. Но, конечно, право опредѣлялось обычаемъ и традиціей ¹⁶⁾ замѣняла недостатокъ законодательства. Можно сказать, что царская власть была такъ же далека отъ азіатской деспотіи, какъ народъ отъ крѣпостничества и рабской подчиненности ¹⁷⁾; «македоняне—свободные люди», говоритъ одинъ древній писатель ¹⁸⁾, не пѣсеты, какъ масса народа въ Фессаліи, не илоты, какъ въ землѣ спартанцевъ, но народъ земледѣловъ ¹⁹⁾, имѣющихъ свободную и наследственную собственность, имѣющихъ общинное устройство съ мѣстными собраніями и мѣстнымъ судомъ ²⁰⁾, обязанныхъ безъ всякихъ исключеній военной службой; когда царь призываетъ страну еще и въ позднѣйшее время, войско считается собравшимся народомъ и призывается въ народное собраніе для совѣта и суда.

Въ этомъ войскѣ замѣтно выступаетъ многочисленная знать подъ именемъ «этэровъ» ²¹⁾, боевыхъ товарищей, извѣстныхъ уже пѣсинамъ Гомера. Эту знать мы врядъ ли имѣемъ право называть аристократіей; ее отличали только большая обширность владѣній, воспоминанія о благородномъ происхожденіи и близкія отношенія къ личности царя, награждавшего вѣрную службу почестями и дарами ²²⁾. Даже княжескія фамиліи, которыя прежде пользовались независимой властью въ верхнихъ частяхъ страны и которыя, хотя и стали въ зависимыя отношенія къ болѣе могущественнымъ царямъ Македоніи, все-таки сохранили въ своей власти свою прежнюю территорію, вступили со своимъ народомъ въ такія же отношенія, какія существовали въ македонскомъ царствѣ. Большихъ городовъ въ эллинскомъ смыслѣ въ этой землѣ мужиковъ и знати не было; города, лежавшіе на морскомъ берегу, были греческими колоніями, независимыми общинами, стоявшими въ сознательной оппозиціи съ лежавшей въ глубинѣ материка страной.

Болѣе оживленныя сношенія Македоніи съ Греціей начались около времени персидскихъ войнъ, особенно въ царствованіе Александра I, «Филалліна», какъ называетъ его Пиндаръ. Уже его отецъ предло-

жилъ бѣжавшему изъ Аѳинъ Гиппій, сыну Пизистрата, убѣжище и поземельную собственность въ своей странѣ. Самъ Александръ, который долженъ былъ слѣдовать за войскомъ персовъ въ Элладу, дѣлалъ, что могъ, — припомнимъ только битву при Платеяхъ, — чтобы быть полезнымъ эллинамъ; такъ какъ онъ доказалъ свое происхождение отъ Тименидовъ Аргоса, то ему было даровано право участія въ олимпійскихъ играхъ, — признаніе того, что онъ эллинъ²³).

Подобно ему, и его ближайшіе преемники²⁴) съ большимъ или меньшимъ умѣньемъ и энергіей старались поставить свою страну въ непосредственную связь съ торговлей, политической жизнью и образованностью Эллады. Близость богатыхъ торговыхъ колоній въ Халкидидѣ; существовавшія благодаря имъ частыя сношенія съ главными государствами Греціи, боровшимися за обладаніе ими и искавшими или боявшимися вліянія Македоніи; почти непрекращавшаяся борьба въ самой Элладѣ, заставлявшая многія знаменитыя имена бѣжать изъ отчины и искать спокойствія и почестей при богатомъ дворѣ въ Пеллѣ, — все это покровительствовало успѣхамъ Македоніи.

Наиболѣе важно и плодотворно было время царя Архелая; между тѣмъ какъ пелопонесская война волновала и терзала всю остальную Элладу, подъ его разумнымъ руководствомъ Македонія дѣлала быстрые успѣхи; онъ построилъ крѣпости, которыхъ прежде въ странѣ не было; проложилъ дороги; продолжалъ далѣе начатую организацію войска²⁵); «во всемъ», говоритъ Фукидидъ, «онъ сдѣлалъ для Македоніи болѣе, чѣмъ предшествовавшіе ему восемь царей». Въ честь олимпійскаго Зевса и музъ, онъ около Діона, недалеко отъ гробницы Ороея, учредилъ, по образцу греческихъ, гимназическіе и музыкаскіе²⁶) агоны. Его дворъ, при которомъ собирались поэты и различные художники²⁷) и который былъ сборнымъ пунктомъ македонской знати, служилъ народу образцомъ и руководилъ его дальнѣйшимъ развитіемъ; Архелай считался современниками богатѣйшимъ и счастливѣйшимъ человѣкомъ на свѣтѣ.

Послѣ него внутренніе раздоры возобновились сильнѣе прежняго, быть можетъ возбужденные и раздутые реакціей противъ собиравшейся съ силами царской власти, но въ то же время направленные и противъ новой образованности и новыхъ обычаевъ, вводителемъ которыхъ являлись цари; носителями этихъ тенденцій, поощрившихся всѣми мѣрами политикой руководящихъ государствъ Греціи, явились по самому ходу вещей княжескіе роды и часть этаровъ, тогда какъ масса народа, повидавшему, оставалась равнодушной.

Уже противъ царя Архелая поднялся линкестійскій князь Арравей²⁸) въ союзѣ съ элиміотійскимъ Сиррой, выставивъ предлогомъ или месть за устраненіе законнаго наслѣдника, или защиту устраненнаго Пердиккой ближайшаго законнаго наслѣдника изъ царскаго дома Аминта, сына Арридея, внука Аминта. Архелай купилъ миръ тѣмъ, что выдалъ свою старшую дочь замужъ за Сирру элиміотійскаго, а младшую за Аминту²⁹). Немного спустя онъ былъ, какъ говорятъ, случайно убитъ на охотѣ³⁰). Ему наслѣдовалъ его малолѣтній сынъ Орестъ подъ опекой Аэропа, но опекунъ умертвилъ его и самъ сдѣлался царемъ. Аэропъ несомнѣнно сынъ того Арравея, изъ вакхид-

скаго рода князей Линкистиды на границѣ Иллиріи, съ помощью которыхъ его предки такъ часто боролись съ македонскими царями; все то, что сдѣлали Аэропъ, его сыновья и внуки въ слѣдующіе шестьдесятъ лѣтъ, рисуетъ ихъ постоянными противниками новыхъ монархическихъ тенденцій царскаго дома и представителями освободившихся стариной болѣе свободныхъ условій жизни. Постоянно возобновлявшіеся мятежи и сопровождавшія ихъ перемѣны на тронѣ служатъ доказательствомъ борьбы царскаго рода съ партикуляристическими стремленіями.

Аэропъ сумѣлъ удержать за собою престолъ; но когда онъ умеръ въ 392 году, власть захватилъ въ свои руки Аминта Малый; его въ 392 году умертвилъ Дерда³¹⁾, и царемъ сдѣлался сынъ Аэропа, Павзаній. Его опять вытѣснилъ³²⁾ Аминта, сынъ Арридея (390—369); съ нимъ старшая линія царскаго дома снова вступила въ свои права.

Годы его царствованія полны смуть, которыя, казалось, дѣлали потрясенную Македонію легкою добычею всякаго нападенія. Призванные вѣроятно линкистіяцами иллирійцы произвели опустошительное вторженіе въ страну, побѣдили царское войско и принудили самого царя бѣжать за предѣлы отечества. Въ теченіе двухъ лѣтъ царская власть была въ рукахъ у Аргея, а принадлежалъ ли онъ къ царскому дому, или былъ братомъ Павзанія, или былъ линкистіяцемъ, остается неизвѣстнымъ. Но Аминта возвратился назадъ съ Ѳессалійскою помощью, и снова возвратилъ себѣ свое царство, правда приведенное въ ужасное состояніе; города и мѣстности на берегу находились въ рукахъ олинѣянъ, даже Пелла закрыла царю ворота. Его бракъ съ Эвридикой, принадлежавшей къ обоимъ княжескимъ домамъ, къ дому Элимаиды и Линкистиды, былъ, вѣроятно, заключенъ для того, чтобы достигнуть наконецъ примиренія³³⁾.

Затѣмъ пошли послѣдствія анталикидова мира и походъ спартацевъ противъ Олинѣа; Аминта присоединился къ походу, князь Элиміотиды, Дерда, тоже послѣдовалъ за спартацами съ 400 всадниковъ. Но достигнуть такъ скоро цѣли было нелегко; Дерда былъ взятъ въ плѣнъ. И когда наконецъ (380) Олинѣъ былъ сломенъ, поднялись Фивы, затѣмъ послѣдовали вторженія Спарты при Наксосѣ и при Левктрахъ; Олинѣъ возобновилъ халкидскій союзъ; Язонъ ферскій соединилъ въ одно силы Ѳессаліи и принудилъ вступить въ союзъ съ собой Алкета энирскаго и Аминту III, но былъ убитъ нападунъ великихъ успѣховъ (370). Слабый Аминта не могъ бы защититься отъ его господства. Онъ умеръ немного спустя; ему наследовалъ старшій изъ его трехъ сыновей, Александръ II; его мать, элиміотянка, быстро покончила съ нимъ. Она уже давно находилась въ тайной связи съ мужемъ своей дочери, Птолемеемъ, происходившимъ изъ неизвѣстнаго рода; пока Александръ, призванный на помощь Ѳессалійцами, удачно воевалъ, она уговорила любовника поднять противъ него оружіе; Птолемей одержалъ побѣду надъ успѣвшимъ возвратиться царемъ; тогда не замедлили вмѣшаться Фивы; необходимо было ослабить Македонію, прежде чѣмъ она достигнетъ дальнѣйшихъ успѣховъ въ Ѳессаліи; Пелопидъ устроилъ соглашеніе, по которому Александръ давалъ въ заложники тридцать знатныхъ маль-

чиковъ, а Птолемей, какъ кажется, получилъ удѣльное княжество съ городомъ Олоромъ (по имени его онъ называется). Соглашеніе это какъ будто было создано для того, чтобы тѣмъ вѣрнѣе погубить царя; онъ былъ убитъ на праздникъ во время пляски: мать отдала убійцѣ свою руку и престолъ подѣ именемъ опеки надъ своими младшими сыновьями Пердиккой и Филиппомъ (368—365). Противъ него поднялся прибывшій по призыву многихъ македонянъ изъ Халкидики Павзаній — онъ носитъ титулъ «члена царскаго дома»; отъ какой линіи его онъ происходитъ, опредѣлить теперь нельзя. Онъ сдѣлалъ быстрые успѣхи ³⁴⁾; Эвридика съ двумя своими дѣтьми бѣжала къ Ификрату, стоявшему недалеко съ аѳинскимъ войскомъ, и онъ подавилъ возстаніе. Но это не утвердило положенія Птолемея; убіеніе Александра было нарушеніемъ договора съ Ѡивами; друзья убитаго обратились къ Пелопиду, стоявшему съ войскомъ въ Ѡивахъ; онъ явился съ быстро набернованнымъ войскомъ; но золото Птолемея разсѣяло его; Пелопидъ ограничился тѣмъ, что заключилъ съ нимъ новый договоръ; въ залогъ своей вѣрности Птолемей далъ 50 этровъ и своего сына Филоксена; можетъ быть при этомъ случаѣ попалъ въ Ѡивы и Филиппъ.

Впрочемъ Пердикка III отомстилъ узурпатору за смерть своего брата смертью. Чтобы освободиться отъ вліянія Ѡивъ, онъ примкнулъ къ Аѳинамъ и со славою бился рядомъ съ Тимоѳеемъ противъ олинѳянъ. Но затѣмъ, вѣроятно призванные линкистійцами, въ его предѣлы вторглись иллирійцы; онъ сначала успѣшно отражалъ ихъ, но затѣмъ палъ въ одномъ большомъ сраженіи, и 4000 чело- вѣкъ пали съ нимъ; страна далеко вглубь была опустошена иллирійцами, а съ сѣвера въ нее ворвались пѣоны.

Таково было положеніе дѣлъ, когда въ 359 году вступилъ на престолъ Филиппъ, сперва вмѣсто малолѣтняго сына Пердикки, Аминты. Онъ—вѣроятно со смертью Птолемея—уже возвратился на родину; по соглашенію, вступить въ которое Пердикка посовѣтовалъ Платонъ, ему было дано удѣльное княжество; войска, которыя онъ тамъ держалъ ³⁵⁾, дали ему первую точку опоры. Опасность была велика; страна была занята иллирійцами и пѣонами; явились старшіе претенденты Аргей и Павзаній, поддерживаемые Аѳинами и еракійскими князьями; три незаконныхъ сына его отца требовали престола. Поддерживаемый пошедшей навстрѣчу его желаніямъ страной, Филиппъ преодолѣлъ первыя затрудненія; его осторожность, умъ и рѣшительность спасли царство отъ иллирійцевъ, еракійцевъ и пѣоновъ, престолъ—отъ претендентовъ, а царскій домъ—отъ новыхъ интригъ и смутъ. И когда аѳиняне, цѣною признанія ихъ притязаній на Амфи-поль имѣвшіе глупость отказаться отъ общаго дѣла борьбы противъ него, были обезпечены его успѣхами и, чтобы сломить силу Македоніи единовременнымъ вторженіемъ варваровъ съ трехъ сторонъ, заключили оборонительный и наступательный союзъ съ иллирійцемъ Грабомъ, пѣономъ Липпеемъ и еракійцемъ Кетрипорисомъ и его братьями,—Амфиполь былъ уже взятъ и граждане перешли на сторону Филиппа; онъ быстро появился на границахъ, и далеко еще не готовые къ войнѣ варвары должны были поспѣшно покориться ³⁶⁾.

Къ 356 году границы были вполне обезпечены отъ варваровъ. Скоро исчезли и партіи при дворѣ; принадлежавшіе къ партіи линкистійцевъ Птолемей и Эвридика умерли; одинъ изъ сыновей Аэропа, Александръ, былъ позднѣе купленъ бракомъ съ дочерью вѣрнаго Антипатра; двое другихъ, Иромень и Арравей, другими милостями, а сыновья Арравей, Неоптолемъ и Аминта, воспитывались при дворѣ³⁷⁾. Объ обоихъ претендентахъ, Аргеѣ и Павзаніи, историческое преданіе молчитъ. Наконецъ законнаго наслѣдника, сына Пердикки Аминту, именемъ котораго сначала правилъ Филиппъ, онъ, когда тотъ выросъ, связалъ бракомъ со своей дочерью Кинаной³⁸⁾.

Такимъ образомъ Македонія была въ рукахъ монарха, который счумѣлъ методически и умно развить силы своего государства, воспользоваться ими и увеличить ихъ до такой степени, что они наконецъ были достойны великой идеи вступить во главѣ греческаго міра въ борьбу съ Персіей. Въ историческомъ преданіи, какъ оно до насъ дошло, изумительные успѣхи царя заставили забыть составлявшіе это могущество элементы, благодаря которымъ они были достигнуты; и между тѣмъ какъ это преданіе наблюдаетъ за каждымъ хитрымъ движеніемъ руки, захватывавшей одно за другимъ государства Греціи, относительно тѣла, къ которому принадлежитъ эта рука и которому она обязана своей силой и увѣренностью своихъ движеній, оно оставляетъ насъ почти въ совершенной темнотѣ; соблазнительное золото, которое часто показываетъ, а въ нужную минуту и раздаетъ эта рука, является почти единственнымъ существеннымъ средствомъ, съ помощью котораго дѣйствовалъ Филиппъ.

Если мы ближе всмотримся во внутреннюю жизнь его государства, то мы ясно различимъ два рычага, которые, хотя существовали еще и ранѣе, но только Филиппомъ были развиты во всемъ ихъ значеніи и сдѣлались основой его могущества.

«Когда мой отецъ вступилъ на престолъ», — говоритъ у Арріана Александръ взбунтовавшимся въ 324 году въ Опидѣ македонянамъ, — «вы были кочевниками, нищими, одѣтыми въ шкуры, вы пасли на горахъ овецъ и едва могли отбивать ихъ отъ сосѣднихъ иллирійцевъ, еракійцевъ и трибалловъ; онъ далъ вамъ хламиду солдата, свелъ васъ въ равнину и научилъ быть равными въ бою съ сосѣдними варварами». Конечно, уже ранѣе въ случаѣ войны въ поле выходилъ всякій способный носить оружіе македонянинъ, чтобы по окончаніи войны снова возвратиться къ своему плугу или очагу. Опасное положеніе, при которомъ вступилъ на престолъ Филиппъ, войны, которыми онъ особенно въ первые годы своего царствованія долженъ былъ защищать свою угрожаемую отовсюду страну, подали ему поводъ снова взяться за дальнѣйшее продолженіе дѣла, начатаго уже царемъ Археласомъ и снова уничтоженнаго послѣдовавшими за его царствованіемъ внутренними смутами³⁹⁾. Опираясь на обязательность военной службы, онъ создалъ національное войско, которое, возрастая все болѣе и болѣе, наконецъ насчитывало въ себѣ 40,000 человекъ⁴⁰⁾.

Онъ счумѣлъ не только сформировать его, но и дать ему нужную дисциплину и военную выправку. Намъ сообщаютъ, что въ пѣхотѣ

онъ уничтожилъ ненужный обозъ и телѣги съ поклажей, всадникамъ дозволилъ имѣть только по одному кошоуху, и что часто, даже въ лѣтніе жары, онъ заставлялъ ихъ маршировать и дѣлать нерѣдко переходы въ 6—7 миль съ полнымъ багажемъ и провіантомъ на нѣсколько дней. Дисциплина въ войскѣ была такъ строга, что въ войнѣ 338 года два высшихъ офицера были разжалованы за то, что привезли съ собой въ лагерь одну арфистку ⁴¹⁾. Съ самой службой развилась строгая іерархія начальниковъ и подчиненныхъ и лѣстница чиновъ, подниматься по которой дозволяли только заслуги и признанная храбрость.

Благія послѣдствія такой военной организаціи не замедлили сказаться. Ея результатомъ было то, что различныя мѣстности царства привыкли чувствовать себя однимъ цѣлымъ, а македоняне однимъ народомъ; она сдѣлала возможнымъ то, что новопріобрѣтенныя области срослись съ древней Македоніей. Но главнымъ образомъ вмѣстѣ съ этимъ единствомъ и съ этимъ типомъ милитаризма, сдѣлавшимся отнынѣ преобладающимъ, она дала македонскому народу гордое сознаніе своей военной силы и нравственную мощь подчиняться установленному порядку и іерархіи, главой которыхъ былъ самъ царь. А ему, въ свою очередь, земледѣльческое населеніе страны давало гибкій и прочный матеріалъ для его цѣлей, а знать этаровъ—элементы для контингента офицеровъ, исполненныхъ чувства чести и желанія отличиться ⁴²⁾. Такое войско должно было стоять выше полчищъ наемниковъ или даже обычнаго контингента гражданъ греческихъ государствъ; такой крѣпкій и свѣжій народъ не могъ не превзойти пресыщеннаго демократической цивилизаціей и возбужденнаго или притупленнаго городской жизнью грека. Милость случая сохранила въ этой македонской странѣ старинную силу и характеръ до тѣхъ поръ, пока ему не выпало на долю показать себя на великихъ задачахъ; въ борьбѣ между царями и аристократіей она даровала здѣсь побѣду не надмѣнной аристократіи, какъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ въ Греціи, но царской власти. И эта царская власть у свободнаго и крѣпкаго народа пахарей, эта военная монархія придала теперь македонскому народу силу, форму и движеніе, необходимость которыхъ хотя и признавали даже демократіи Греціи, но сохранить и развить которыя въ прочную организацію у нихъ недоставало необходимыхъ силъ.

Напротивъ, образованность, лучшій плодъ греческой жизни, должна была вниолиѣ и совершенно проникнуть въ жизнь македонскаго народа и начатое уже прежними царями дѣло должно было продолжаться. Примѣръ царя и его двора игралъ здѣсь крайне важную роль, и знатный элементъ страны скоро занялъ столь же естественное, какъ и вліятельное положеніе, сдѣлавшись образованною частью націи; такое различіе не могло развиваться ни въ одномъ изъ главныхъ государствъ Греціи: спартанцы всѣ были грубы и отличались отъ илотовъ и періэковъ своей страны только тѣмъ, что были ихъ господами; свободные аѳиняне по крайней мѣрѣ сами всѣ безъ исключенія считали себя крайне образованными, а въ другихъ мѣстахъ существованіе аристократіи хотя и прекратилось со введеніемъ демокра-

тія, по возникновеніе различія между бѣднымъ и богатымъ повлекло за собою тѣмъ болѣе неизбѣжный упадокъ уровня умственной жизни.

Филиппъ жилъ въ Фивахъ во время Эпаминонда; на его судьбу рано приобрѣлъ вліяніе Эвфрей изъ Орея, одинъ изъ учениковъ Платона; самого Филиппа Изократъ называетъ другомъ литературы и образованія, а приглашеніе Аристотеля въ учителя къ сыну подтверждаетъ это. Чтеніе всевозможныхъ лекцій, которое онъ, повидимому, ввелъ и который прежде всего предназначались для окружавшихъ его пажей, имѣло своей цѣлью заботу объ образованіи молодого поколѣнія знати, которое онъ по мѣрѣ возможности старался привлекать къ своему двору, привязывать къ своей личности и приучать къ непосредственному служенію царскому дому. Какъ пажи и, въ болѣе зрѣлой молодости въ рядахъ этэровъ, какъ тѣлохранители (*σωματοφύλακες*) царя, какъ командиры отдѣльныхъ частей войска, при посольствахъ къ греческимъ государствамъ, гдѣ они такъ часто являлись, знать имѣла достаточно случаевъ отличиться или получить награду за оказанныя услуги; но вездѣ чувствовался недостатокъ образованности и аттическихъ манеръ, какихъ желалъ царь и какими онъ самъ обладалъ. Самый ожесточенный противникъ его долженъ былъ признаться, что Аѣины не могутъ указать на подобнаго ему въ свѣтскомъ изяществѣ; и если обыкновенно при его дворѣ, соотвѣтственно грубости македонскаго характера, происходили пиры, шумъ и пьянство ⁴³⁾, «какъ у кентавровъ или лэстригоповъ» по презрительному выраженію Теопомпа, то придворныя празднества, пріемъ иностранныхъ пословъ и празднованіе великихъ игръ были тѣмъ блестяще въ эллинскомъ духѣ и вкусѣ, все было роскошно и устроено на широкую ногу, а не жалко и скудно. Имѣнія царскаго дома, поземельныя подати страны, пошлины съ пристаней, рудники Пангеона, приносившіе ежегодно 1000 талантовъ дохода, и главнымъ образомъ введенные Филиппомъ въ управленіе порядокъ и экономія ⁴⁴⁾ придали такой блескъ его царствованію, какъ это было только одинъ разъ въ Греціи,—въ Аѣипахъ, въ вѣкъ Перикла.

Дворъ Пеллы съ его роскошью, военнымъ блескомъ и собиравшейся при немъ знатью могъ производить импонирующее впечатлѣніе даже на аѣинскихъ пословъ. Многіе изъ этихъ знатныхъ родовъ, какъ мы уже замѣтили, были княжескаго происхожденія; таковъ былъ линкистійскій родъ Вакхіадовъ; таковъ былъ родъ Полисперхона, княжившій въ тимфейской землѣ ⁴⁵⁾; таковъ родъ Оронта, которому повидимому принадлежала область Орестиды ⁴⁶⁾; старшій сынъ Оронта, Пердикка, получилъ командованіе надъ фалангой Орестиды, какъ кажется, той самой, которая, когда онъ самъ сдѣлался ипсирхомъ, перешла къ его брату Алкету. Самымъ знатнымъ изъ этихъ княжескихъ родовъ, боковой линіей царскаго дома, былъ родъ Элиміотиды, происходившій отъ вышеупомянутаго князя Дерды, жившаго во время пелопонесской войны ⁴⁷⁾; около 380 года этой землей владѣлъ другой Дерда и ходилъ тогда противъ Олипеа въ союзѣ съ Аминтой македонскимъ и спартапцами; но, какъ мы уже сказали, онъ былъ взятъ въ плѣнъ олипеянами ⁴⁸⁾. Цѣлью Филиппа, когда онъ женился на его сестрѣ Филѣ, было желаніе крѣпче привязать его этимъ къ

себѣ или загладить какую-нибудь ссору. Братья Дерды, Махата и Арпаль ⁴⁹⁾, упоминаются въ числѣ окружавшихъ царя лицъ. Во всякомъ случаѣ въ отношеніяхъ между Филиппомъ и этимъ семействомъ оставалась пятинутость, которая не всегда достаточно искусно скрывалась и которую, быть можетъ, царь намѣренно поддерживалъ для того, чтобы сомнительною милостью держать ихъ на нѣкоторомъ отдаленіи и подъ постояннымъ страхомъ; въ одномъ процессѣ, гдѣ судьей былъ царь, Махата едва могъ добиться справедливаго приговора, и однимъ несправедливымъ поступкомъ, въ которомъ провинился кто-то изъ родственниковъ этого дома, Филиппъ не преминулъ воспользоваться для того, чтобы публично оскорбить всю фамилію; просьбы за виновнаго, съ которыми обратился къ царю Арпаль, братъ Махаты, были рѣзко отвергнуты ⁵⁰⁾.

Изъ множества находившихся при дворѣ Пеллы знатныхъ родовъ, особеннаго упоминенія по своей важности заслуживаютъ два рода: родъ Іоллы и Филоты. Сыномъ Филоты былъ тотъ вѣрный и благо-разумный Парменіонъ, которому Филиппъ не разъ ввѣрялъ начальство надъ важнѣйшими экспедиціями; ему онъ былъ обязанъ побѣдой 356 года надъ дардадцами, ему онъ приказалъ въ 343 году занять Эвбею; братья Парменіона, Азандръ и Агаѳонъ, а еще болѣе его сыновья, Филота, Никаноръ и Гекторъ, принимали впослѣдствіи значительное участіе въ славныхъ подвигахъ отца; его дочери вышли замужъ за знатнѣйшихъ сыновъ государства: одна за фалангарха Койна, другая за Аттала, чья племянница была впослѣдствіи супругой царя. Не менѣе вліятельное и почетное положеніе занималъ сынъ Іоллы, Антипатръ, или, какъ называли его македоняне, Антипа; это видно уже изъ словъ царя: «я спалъ спокойно, потому что Антипа бодрствовалъ» ⁵¹⁾; его испытанная вѣрность и трезвая проницательность, которую онъ проявлялъ въ военныхъ и политическихъ дѣлахъ ⁵²⁾, дѣлали его вполне пригоднымъ для высокаго званія на-мѣстника царства, которое онъ скоро долженъ былъ занять; женитьба на его дочери казалась царю вѣрнѣйшимъ средствомъ привязать къ себѣ знатный родъ линкистійцевъ; его сыновья, Кассандръ, Архіа и Іолла, пріобрѣли значеніе лишь впослѣдствіи.

Таковъ былъ дворъ и нація въ томъ видѣ, какой имъ придалъ Филиппъ; мы должны прибавить, что монархическій элементъ въ государственной жизни Македоніи не могъ не пріобрѣсти рѣшительнаго перевѣса, какъ благодаря историческому положенію этого государства, такъ и благодаря личной энергіи Филиппа. Характеръ и образъ дѣйствій царя становятся понятными только въ общей связи цѣлаго. Стоя въ центрѣ противорѣчій и противоположностей самаго разнообразнаго характера, грекъ относительно своего народа, македонянинъ для грековъ, онъ превосходилъ первыхъ греческою хитростью и коварствомъ, вторыхъ македонскою грубостью и энергіей, а тѣхъ и другихъ яснымъ пониманіемъ своихъ цѣлей, строгою логикой въ проведеніи своихъ плановъ и быстротою и тайною исполненія. Онъ умѣлъ всегда оставаться загадкой для своихъ противниковъ, являться имъ всегда плаче, не съ той стороны и не въ томъ направленіи, какъ они ожидали. Склонный отъ природы къ сладострастію и на-

слаженію, онъ былъ также несдержанъ, какъ и непостояненъ въ своихъ привязанностяхъ; часто онъ, повидимому, находился въполнѣ во власти своихъ страстей, а между тѣмъ во всякомъ данномъ случаѣ онъ былъ ихъ полнымъ господиномъ, трезвымъ и холоднымъ, какъ этого требовали его цѣли; и можно сомнѣваться, гдѣ болѣе проявлялась его истинная натура: въ добродѣтеляхъ ли, или въ его ошибкахъ. Въ немъ, какъ въ одной картинѣ, отражаются образованность его вѣка, его лоскъ, умъ, фривольность и его смѣсь великихъ идей и утонченной изворотливости.

Рѣшительной его противоположностью была его супруга Олимпіада, дочь эпирскаго царя Неоптолема, происходившаго изъ рода Ахилла; Филиппъ въ свои молодые годы познакомился съ ней при празднованіи мистерій въ Самоѳракіи и женился на ней съ согласія ея опекуна и дяди, Ариввы⁵³). Прекрасная собой, несообщительная, полная внутренняго огня, она была горячо предана таинственному служенію Орфея и Вакха и темному волшебству ѳракійскихъ женщинъ; во время ночныхъ оргій, гласить преданіе, она впереди всѣхъ носилась по горамъ въ дикомъ изступленіи, потрясая ѳирсомъ и змѣей; въ ея снахъ повторялись тѣ же фантастическія картины, которыми былъ полонъ ея умъ; за день до свадьбы, гласить преданіе, она видѣла во снѣ, что вокругъ нея шумитъ грозная буря, что яркая молнія ударила въ ея чрево, что затѣмъ изъ него блеснула яркій огонь, пожирающее пламя котораго широко распространилось и затѣмъ исчезло⁵⁴).

Когда преданіе говоритъ намъ, что въ ночь, когда родился Александръ, кромѣ многихъ другихъ знаменій сгорѣлъ въ Эфесѣ храмъ Артемиды, который съ Мегабизомъ, стоявшимъ во главѣ своихъ евнуховъ и іеродуловъ, былъ для эллиновъ настоящимъ восточнымъ святилищемъ, что затѣмъ вѣсть о рожденіи сына царя Филиппъ получилъ одновременно съ извѣстіемъ о трехъ побѣдахъ⁵⁵), то въ формѣ сказки она выражаетъ общій смыслъ богатой подвигами жизни героя и идею великой связи между событіями лучше, чѣмъ это часто тщетно старалась указать наука, а еще чаще преувеличивала.

Говоря о царѣ Филиппѣ, Теопомпъ говоритъ⁵⁶): «Никогда, принимая все во вниманіе, Европа не носила такого человѣка, какъ сынъ Аминты». Но чтобы завершить дѣло, въ которомъ онъ видѣлъ цѣль своей жизни, ему, упорному, разсчетливому, работавшему не покладая рукъ, недоставало послѣдняго нѣчто, котораго ему не было дано судьбою. Онъ могъ ухватиться за эту мысль, какъ за средство объединить Грецію и обратить взоры своихъ македонянъ къ высшей цѣли; эта мысль была внушена ему образованностью и исторіей Греціи; къ этой мысли вынудило его то трудное положеніе вещей, въ которомъ ему такъ долго и такъ тяжело приходилось бороться, а къ ея осуществленію не необходимость и не неудержимая увлекательность этой мысли; видя его медлящимъ среди постоянно новыхъ приготовленій и уклоняющимся въ сторону, можно было бы усомниться въ его вѣрѣ въ нее; конечно, эти приготовленія были необходимы; но, нагромождая Осеу на Целіонъ, вы все-таки не достигнете Олимпа боговъ. Да, онъ видѣлъ по ту сторону моря страну побѣдъ и будущ-

ности Македоніи; но затѣмъ его взглядъ затмился, и его планы заволоклись воздушными образами его желаній. То же исканіе великаго дѣла сообщились отъ него его окружающимъ, знати и всему народу, оно сдѣлалось постоянно звучащимъ основнымъ тономъ македонской жизни, заманчивой тайной будущаго: они воевали съ еракійцами и побѣждали грековъ; но цѣлью, для которой они воевали и побѣждали, былъ востокъ.

Въ такой средѣ провелъ Александръ годы своего дѣтства, и уже рано душу мальчика должны были занимать сказанія о востокѣ, о тихой золотой рѣкѣ и источникѣ солнца, о золотой виноградной лозѣ съ кистями изумруднаго винограда и объ лугахъ Низы, гдѣ родился Діонисъ; затѣмъ онъ подросъ и услышалъ о побѣдахъ при Мараонѣ и Саламинѣ, о священныхъ храмахъ и гробницахъ, разрытыхъ и оскверненныхъ персидскимъ царемъ съ его состоявшимъ изъ рабовъ войскомъ, о томъ, какъ тогда и его предокъ, Александръ первый, долженъ былъ дать персамъ воду и землю и послѣдовать за ними съ войскомъ противъ эллиновъ, какъ теперь Македонія пойдетъ на Азію и отомстить за предковъ. Когда однажды въ Пеллу прибыли послы изъ персидской столицы, онъ заботливо распрашивалъ ихъ о войскахъ и народахъ ихъ царства, о законахъ и обычаяхъ, объ организациіи и жизни этихъ народовъ, и персы удивлялись мальчику ⁸⁷⁾.

Не менѣе важнымъ обстоятельствомъ было и то, что учителемъ юнаго царевича былъ Аристотель,—величайшій мыслитель древности (345—344). Когда у него родился сынъ, Филиппъ просилъ его объ этомъ, и Аристотель будто бы отвѣчалъ: «Меня радуетъ не то, что онъ родился, но то, что онъ родился въ твоё время; выросшій и воспитанный тобой, онъ будетъ достоинъ насъ и не посрамитъ положенія, которое вносльдствіи будетъ его наслѣдіемъ» ⁸⁸⁾. Тотъ, который завоевалъ міръ для мысли, воспиталъ того, кто долженъ былъ завоевать его мечомъ; ему подобаетъ слава внушенія страстному мальчику зародышей и шири мысли, мыслей о величіи, научившихъ его презирать наслажденіе и бѣжать отъ сладострастія ⁸⁹⁾, облагородившихъ его страсти и придавшихъ его силѣ мѣру и глубину. Александръ всю свою жизнь сохранилъ самое сердечное уваженіе къ своему учителю; своему отцу онъ обязанъ только жизнью, говорилъ онъ, своему учителю тѣмъ, что онъ живетъ достойно.

Среди такихъ вліяній сложился его геній и характеръ; полный жажды дѣла и любви къ славѣ, онъ скорбѣлъ о побѣдахъ своего отца, которыя не оставятъ ему больше никакого дѣла. Образцомъ его былъ Ахиллъ, происхожденіемъ отъ котораго онъ любилъ хвалиться и которому ему суждено было уподобиться своею славой и своими страданіями. Какъ Ахиллъ любилъ своего Патрокла, такъ онъ любилъ друга своей юности, Гефестіона; и если онъ считалъ своего предка счастливымъ тѣмъ, что Гомеръ передалъ потомству память о его дѣлахъ, то героическія сказанія восточныхъ и западныхъ народовъ не уставали украшать имя Александра чудеснымъ ореоломъ человѣческаго и сверхчеловѣческаго величія. Онъ любилъ болѣе мать, чѣмъ отца; отъ нея онъ наслѣдовалъ энтузіазмъ и ту глубокую живость чувства ⁶⁰⁾, которая отличаетъ его въ ряду ге-

роевъ старыхъ и новыхъ временъ. Этому соотвѣтствовала его внѣшность: его рѣзкая походка, блестящій взоръ, откинутые назадъ волосы и вила его голоса изобличали въ немъ героя; когда онъ спалъ, онъ очаровывалъ кротостью своего лица, нѣжнымъ румянцемъ, игравшимъ на его щекахъ, взглядомъ своихъ влажныхъ глазъ и слегка склоненной налѣво головой. Въ конныхъ упражненіяхъ онъ выдавался между всѣми; еще мальчикомъ онъ укротилъ дикаго вессалійскаго коня Букефала, на котораго никто не рѣшался сѣсть и который впослѣдствіи во всѣхъ его войнахъ служилъ ему боевымъ конемъ. Первый походъ онъ совершилъ еще въ царствованіе своего отца; между тѣмъ какъ Филиппъ осаждалъ Византію, онъ покорилъ маэдовъ ⁶¹⁾ и основалъ тамъ городъ своего имени; еще болѣе прославился онъ въ битвѣ при Херонеѣ, выигранной благодаря его личной храбрости. Годъ спустя онъ побѣдилъ въ весьма жаркомъ бою иллірійскаго князя Плевріа ⁶²⁾. Отецъ, повидимому, безъ зависти видѣлъ въ сынѣ будущаго завершителя своихъ плаповъ; послѣ столькихъ потрясеній, которыхъ стоило странѣ престолонаслѣдіе въ царскомъ домѣ, онъ будетъ спокоенъ за ея будущность, когда рядомъ съ нимъ стоитъ наслѣдникъ, достойный повидимому высшихъ задачъ, ожидающихъ будущаго царя, которому, какъ онъ выражался, «Македонія будетъ мала» и которому «не придется, какъ ему, раскayваться во многомъ, чего уже болѣе не измѣнить» ⁶³⁾.

Но затѣмъ начались раздоры между отцомъ и сыномъ: Александръ видѣлъ, что Филиппъ пренебрегаетъ его матерью и предпочитаетъ ей вессалійскихъ танцовщицъ и греческихъ гетеръ; затѣмъ царь даже избралъ себѣ вторую супругу изъ знатныхъ дочерей страны, племянницу Атталы, Клеопатру. Свадьба, какъ рассказываютъ, праздновалась по македонскому обычаю съ блескомъ и шумомъ; пили и смѣялись; всѣ уже были возбуждены виномъ; тогда Атталъ, дядя молодой царицы, воскликнулъ: «Македоняне, просите боговъ благословить чрево нашей царицы и подарить странѣ законнаго наслѣдника престола!» Александръ былъ при этомъ; въ жестокомъ гнѣвѣ онъ крикнулъ ему: «А меня ты считаешь незаконнымъ, негодяй?» и бросилъ въ него кубкомъ. Царь вскочилъ въ ярости, выхватилъ висѣвшій у бедра мечъ и бросился, чтобы пронзить сына; вино, ярость и полученная при Херонеѣ рана сдѣлали его шаги невѣрными; онъ закачался и упалъ на землю. Друзья поспѣшили удалить Александра изъ зала; «Смотрите, друзья», сказалъ онъ, выходя: «мой отецъ хочетъ идти изъ Европы въ Азію, а не можетъ дойти отъ стола до стола». Вмѣстѣ со своею матерью онъ покинулъ Македонію; она отправилась въ Эпиръ, на свою родину, а онъ поѣхалъ далѣе къ иллірійцамъ ⁶⁴⁾.

Вскорѣ послѣ этого въ Пеллу пріѣхалъ коринѣскій другъ царя, Демаратъ; послѣ перваго привѣтствія царь спросилъ, что дѣлается среди эллиновъ и живутъ ли они въ мирѣ и согласіи? Другъ отвѣчалъ съ благородной откровенностью: «О царь, зачѣмъ ты спрашиваешь о мирѣ и согласіи въ греческихъ земляхъ, когда свой собственный домъ ты наполнилъ неудовольствіемъ и ненавистью и удалилъ отъ себя тѣхъ, кому надлежало бы быть тебѣ всего ближе

и милѣе! Царь молчалъ; онъ зналъ, какъ былъ любимъ Александръ, чѣмъ онъ считался и чѣмъ онъ былъ; онъ боялся подать грекамъ поводъ къ худымъ толкамъ и, быть можетъ, къ еще худшимъ дланамъ. Самъ Демаратъ долженъ былъ взять на себя посредничество; скоро отецъ съ сыномъ помирились, и Александръ вернулся.

Но Олимпіада не забыла, что она была презрѣна и оттолкнута; она осталась къ Эпирѣ и склоняла своего брата поднять оружіе противъ Филиппа и освободиться отъ зависимости отъ него ⁶⁵). Вѣроятно, она не переставала предупреждать и раздражать и своего сына. Поводовъ къ неудовольствію было достаточно; Атталъ и его друзья вездѣ занимали первое мѣсто. Но когда посланнымъ карійскаго династа Пиксодала, добивавшимся союза съ Филиппомъ и предлагавшимъ ему породниться домами, былъ въ мужья дочери династа предложенъ Арридей, сынъ царя отъ ѳессаліянки, Александру оставалось только предположить, что подвергаются опасности его права на престолъ. Друзья его были того же мнѣнія; они совѣтовали ему рѣшительно и съ величайшей поспѣшностью противоѣствовать планамъ царя. Довѣренный человѣкъ, актеръ ѳессалъ, былъ посланъ сказать карійскому династу, что пусть онъ не отдастъ своей дочери слабоумному незаконному сыну, но что Александръ, законный сынъ царя и будущій наслѣдникъ престола, готовъ сдѣлаться зятемъ такого могущественнаго князя. Филиппъ узналъ объ этомъ дѣлѣ и до крайности разсердился; въ присутствіи молодого Филота, одного изъ друзей Александра, онъ упрекнулъ его въ нечестности его недовѣрія и его скрытности; онъ недостойнъ своего высокаго рожденія, своего счастья, своего призванія, если не стыдится жениться на дочери карійца, на рабынѣ варварскаго царя. Друзья, давшіе этотъ совѣтъ Александру, Гарпаль, сынъ Птолемея Лага Неархъ, братья Эригий и Лаомедонтъ, были удалены отъ двора и изъ страны; отъ Коринѳа была потребована выдача ѳессала ⁶⁶),

Такъ наступилъ 336 годъ. Приготовленія къ войнѣ съ персами велись съ величайшей энергіей, были созданы контингенты союзныхъ государствъ, въ Азію было послано значительное передовое войско подъ командой Парменіона и Аттала, чтобы занять позиціи по ту сторону Геллеспонта, освободить эллинскіе города ⁶⁷) и открыть дорогу большому союзному войску. Весьма странно, что царь раздѣлялъ такимъ образомъ свои силы, тѣмъ болѣе странно, что онъ отправилъ часть ихъ, которая во всякомъ случаѣ не могла быть достаточною, прежде, чѣмъ вполне обезпечилъ себя въ дѣлахъ внутренней политики. Отъ него не могли скрыться движенія въ Эпирѣ; они грозили, повидимому, войной въ будущемъ, которая не только обѣщала еще болѣе затянуть походъ въ Персію, но, если бы она окончилась удачно, не принесла бы значительныхъ выгодъ, а въ противномъ случаѣ разрушила бы однимъ ударомъ дѣло, стоившее столькихъ усилій и потребовавшее отъ царя двадцати лѣтъ труда. Война должна была быть избѣгнута; отношенія Молосса къ Македоніи не могли оставаться такими непрочными; онъ былъ закупленъ предложеніемъ, которое было для него почетнымъ и въ то же время гарантировало ему его власть. Филиппъ обручилъ съ нимъ свою дочь отъ

Олимпіады, Клеопатру; свадьба должна была совершиться еще осенью того же года; эту свадьбу царь рѣшилъ отпраздновать съ величайшей пышностью и сдѣлать ее въ то же время праздникомъ объединенія всѣхъ эллиновъ и общимъ освященіемъ персидской войны; въдъ на его вопросъ, побѣдитъ ли онъ персидскаго царя, дельфійскій богъ отвѣчалъ ему: «Видишь, быкъ увѣнчанъ; конецъ близокъ; жертвоприноситель готовъ»,

Въ числѣ находившихся при дворѣ знатныхъ юношей былъ нѣкто Павзанія, отличавшійся своей красотой и пользовавшійся большой любовью царя. Жестоко оскорбленный Атталомъ, на одномъ пиру, онъ обратился въ величайшемъ негодованіи къ царю, который, хотя и отнесся съ порицаніемъ къ поступку Атталы, но ограничился тѣмъ, что постарался смягчить оскорбленнаго юношу подарками и принялъ его въ число своихъ тѣлохранителей. Послѣ этого царь женился на племянницѣ Атталы, а Атталъ на дочери Парменіона; Павзанія терялъ всякую надежду отомстить за себя; тѣмъ глубже засѣла въ немъ досада, жажда мести и ненависть къ тому, который лишилъ его этой надежды. Въ своей ненависти онъ былъ не одинъ; линкистійскіе братья не забыли, чѣмъ были ихъ отецъ и братъ; они вступили въ тайныя сношенія съ персидскимъ царемъ, и были тѣмъ опаснѣе, чѣмъ мепѣе они этимъ казались ⁶⁸). Незамѣтно недовольныхъ собиралось все болѣе и болѣе; софистъ Гермократь разжигалъ пламя ядомъ своихъ искусныхъ рѣчей, онъ вошелъ въ довѣріе къ Павзаніи. «Какъ можно достигнуть величайшей славы? спросилъ юноша. «Убей того, кто совершилъ величайшее», былъ отвѣтъ софиста ⁶⁹).

Наступила осень ⁷⁰), а съ ней и свадебное празднество; свадьба должна была праздноваться въ Эгахъ, прежней резиденціи, съ того времени, какъ расцвѣла Целла, оставшихся мѣстомъ погребенія царей; гости стекались со всѣхъ сторонъ: изъ Греціи съ большой пышностью прибыли Теоры, многіе съ золотыми вѣнками для Филиппа ⁷¹), съѣхались князья агріановъ, пѣоновъ и одризовъ, вельможи государства, знатное дворянство страны и несмѣтная масса народа. Среди громкихъ ликованій, привѣтствій и почетныхъ приношеній, среди торжественныхъ процессій и пировъ проходитъ первый день; герольды приглашаютъ на слѣдующее утро въ театръ. Еще не разсвѣло, а уже пестрая толпа суетливо спѣшила по улицамъ къ театру; окруженный пажами и тѣлохранителями, приближается наконецъ въ праздничномъ одѣяніи царь; онъ посылаетъ свиту впередъ въ театръ, считая, что не нуждается въ ней среди ликующей толпы. Тутъ на него бросается Павзанія, поражаетъ его кинжаломъ въ грудь и, пока царь падаетъ, кидается къ ожидающимъ его у воротъ лошадямъ; на бѣгу онъ спотыкается и падаетъ; Пердикка, Леоннатъ и другіе тѣлохранители нагоняютъ и закалываютъ его.

Собраніе разбѣгается въ полномъ замѣшательствѣ; все смущено и встревожено. Кому долженъ принадлежать престолъ, кто спасетъ его? Старшій изъ сыновей царя—Александръ; но македоняны страшитъ дикая ненависть его матери, къ которой, въ угоду царю, многіе относились съ презрѣніемъ и пренебреженіемъ. Она уже въ Эгахъ, чтобы

присутствовать при погребеніи мужа; она точно предчувствовала, точно заранѣе знала объ ужасномъ событіи; убіеніе царя называютъ ея дѣломъ, она держала наготовѣ лошадей для убійцы. И Александръ тоже зналъ о предполагавшемся убійствѣ, — еще лишнее доказательство того, что онъ не сынъ Филиппа, а зачатъ и рожденъ среди чернаго колдовства; вотъ гдѣ причина отвращенія царя къ нему и его дикой матери, вотъ гдѣ причина второго брака съ Клеопатрой. Мальчику, котораго она только что родила ⁷²⁾, принадлежитъ тронъ; и развѣ Атталъ, ея дядя, не пользовался довѣріемъ царя? онъ достоинъ взять на себя регентство. Другіе думаютъ, что ближайшее право на престолъ принадлежитъ Аминтѣ, сыну Пердикки, который еще ребенкомъ принужденъ былъ передать Филиппу бразды правленія надъ окруженнымъ опасностями государствомъ; только превосходныя качества Филиппа дѣлаютъ простительной его узурпацію: по нестаряющемуся праву Аминта долженъ получить теперь престолъ, котораго онъ сдѣлалъ себя достойнымъ своимъ долгимъ отреченіемъ ⁷³⁾. Въ свою очередь, линкистійцы и ихъ приверженцы утверждаютъ: если противъ кровныхъ послѣдниковъ Филиппа выставляются на видъ болѣе старыя права, то раньше отца Пердикки и Филиппа царство принадлежало ихъ отцу и брату, и узурпаторы не должны больше похищать его у нихъ; кромѣ того Александръ и Аминта почти еще мальчики, послѣдній съ дѣтства отвыкъ отъ надежды на тронъ и лишенъ необходимой для царя силы, а Александръ, находящійся подъ вліяніемъ своей жаждущей мести матери, благодаря своей гордости, своему испорченному воспитанію во вкусѣ дия, своему презрѣнію къ нравамъ доброй старины еще опаснѣе для вольностей края, чѣмъ былъ даже его отецъ Филиппъ; они же, линкистійцы, напротивъ, являются друзьями страны и принадлежатъ къ роду, всегда стремившемуся сохранить во всей ихъ неприкосновенности обычай старины; состарившись среди македонянъ, близко знакомые съ желаніями народа, находясь въ дружбѣ съ великимъ царемъ въ Сузѣ, они одни только могутъ защитить страну отъ его гнѣва, если онъ придетъ требовать удовлетворенія за начатую Филиппомъ безумно-смѣлую войну; къ счастью рука ихъ друга во время освободила край отъ царя, который считалъ ничѣмъ право и благо народа, клятвы и добродѣтель.

Такъ говорили партіи; но народъ ненавидѣлъ цареубійцъ и не боялся войны; онъ забылъ сына Клеопатры, такъ какъ представитель его партіи былъ далеко; онъ не зналъ сына Пердикки, бездѣйствіе котораго казалось достаточнымъ доказательствомъ его неспособности. На сторонѣ Александра были всѣ права и участіе, которое вызываютъ незаслуженныя оскорбленія, кромѣ того слава, которую онъ стяжалъ въ войнахъ съ мѣдами и иллирійцами и побѣдой при Хероннѣ, и еще болѣе прекрасныя славы образованности, привѣтливости и великодушія; даже во главѣ государственныхъ дѣлъ ему уже приходилось стоять съ успѣхомъ; ему принадлежали довѣріе и любовь народа; особенно въ войскѣ онъ могъ быть увѣренъ. Линкистіецъ Александръ понималъ, что ему не остается никакой надежды; онъ поспѣшилъ къ сыну Олимпіады и былъ первымъ, который привѣтствовалъ его царемъ македонянъ ⁷⁴⁾.

Первымъ дѣломъ Александра было «не простое принятіе стоявшаго вѣ сомнѣній наслѣдія»; онъ, двадцатилѣтній юноша, долженъ былъ показать, имѣетъ ли онъ призваніе и силу быть царемъ. Увѣренною рукою онъ взялся за бразды правленія, и смятеніе прекратилось. Онъ, но македонскому обычаю, призвалъ войско, чтобы принять отъ него поздравленіе: измѣнилось только имя царя, сказалъ онъ ему, но могущество Македоніи, порядокъ вещей и надежды на завоеванія остались тѣ же. Онъ удержалъ прежнюю обязательность военной службы и освободилъ тѣхъ, которые служили въ войскѣ, отъ всѣхъ другихъ повинностей и обязательствъ ⁷⁵). Введенныя имъ частыя упражненія и переходы возстановили военный духъ войска, расшатанный послѣдними событіями, и вдохнули въ него вѣру въ своего царя ⁷⁶).

Цареубійство требовало строжайшаго наказанія; это наказаніе было въ то же время самымъ вѣрнымъ средствомъ упрочить новое правительство. Обнаружилось, что линкистійскіе братья были подкуплены боявшимся войны съ Филиппомъ персидскимъ царемъ и что они, въ надеждѣ захватить съ помощью персовъ въ свои руки престолъ, устроили заговоръ, котораго Павзанія былъ только слѣпымъ орудіемъ; заговорщики были казнены въ день похоронъ, въ ихъ числѣ линкистійцы Арравей и Геромеъ; такъ какъ братья ихъ Александръ покорился, то онъ былъ помилованъ; сынъ Арравея, Неонтолемъ, бѣжалъ къ персамъ ⁷⁷).

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Опасность извнѣ.—походъ 336 года въ грецію.—возобновленіе коринфскаго союза.—смерть аттала.—сѣверные сосѣди.—походъ во фракію, на дунай и противъ иллирійцевъ.—второй походъ въ грецію.—разрушеніе еивъ.—вторичное возобновленіе коринфскаго союза.

Быстро и твердой рукою взялся Александръ за бразды правленія и возстановилъ спокойствіе внутри страны. Но изъ-за границы получались извѣстія крайне тревожнаго свойства.

Въ Малой Азіи Атталь, разсчитывая на свои войска, которыя онъ съумѣлъ расположить къ себѣ, составилъ планъ овладѣть престоломъ, подъ предлогомъ защиты интересовъ своего двоюроднаго внука, сына Клеопатры; его войско, а еще болѣе сношенія, въ которыя онъ вступилъ съ врагами Македоніи, дѣлали его очень опаснымъ. Кромѣ того, въ греческихъ земляхъ началось движеніе, грозившее всеобщимъ отпаденіемъ. При извѣстіи о смерти Филиппа (первое извѣстіе получилъ Демосеенъ черезъ тайныхъ гонцовъ страстига Харидема, стоявшаго вблизи фракійскихъ береговъ ¹) аѳиняне отпраздновали веселый праздникъ ²) и издали почетное постановленіе въ память убійцы; эти предложенія внесъ самъ Демосеенъ; говоря въ народномъ собраніи,

онъ назвалъ Александра дурачкомъ ³⁾, который не отважится выйти за предѣлы Македоніи,—и употребилъ всѣ зависящія отъ него мѣры, чтобы добиться открытаго разрыва съ Македоніей Аѳинъ, Фивъ, Тессаліи и всей Греціи, какъ будто бы клятва, которой эти государства клялись отцу при заключеніи союзнаго договора, не имѣла обязательной силы по отношенію къ сыну ⁴⁾. Онъ посылалъ гонцовъ и письма къ Атталу и велъ переговоры съ персіей о субсидіяхъ для борьбы противъ Македоніи. Аѳины дѣятельно готовились къ войнѣ и вооружали свой флотъ; Фивы собирались изгнать изъ Кадмеи македонскій гарнизонъ; этолы, бывшіе ранѣе друзьями Македоніи, рѣшили вооруженной рукою возвратитъ обратно прогнанныхъ Филиппомъ изъ Акрананіи жителей; амвракіоты прогнали македонскій гарнизонъ и ввели у себя демократію; Аргосъ, элейцы, аркадцы всѣ были готовы сбросить съ себя ярмо Македоніи, а Спарта ему никогда не подчинялась ⁵⁾.

Тщетно посылалъ Александръ пословъ, увѣрявшихъ въ его добромъ расположеніи къ Элладѣ и въ его уваженіи къ существующимъ вольностямъ; эллины были опьянены надеждой, что теперь наконецъ возвратилась старая пора славы и свободы; они думали, что побѣда несомнѣнна; при Херонеѣ, говорили они, все македонское войско подъ командой Филиппа и Парменіона едва могло побѣдить войска Аѳинъ и Фивъ; теперь всѣ эллины объединены, а противъ нихъ стоитъ мальчикъ, неувѣренный даже въ своемъ собственномъ престолѣ и который предпочтетъ перипатезировать въ Целлѣ, чѣмъ отважится вступить въ борьбу съ Греціей; его единственный испытанный полководецъ Парменіонъ находится въ Азіи и значительная часть войска съ нимъ и его уже тѣснятъ персидскіе сатрапы, другая часть войска, находящаяся подъ командой Аттала, готова открыто стать на сторону эллиновъ противъ Александра; даже ѳассалійскіе всадники, даже воинственный народъ ѳракійцевъ и пѳоновъ освободились изъ-подъ власти Македоніи, да ей прегражденъ и свободный доступъ въ Грецію, такъ какъ Александръ врядъ ли рѣшится оставить свое царство на жертву набѣгамъ сѣверныхъ сосѣдей и нападеніямъ Аттала. Дѣйствительно, народы на сѣверѣ и востокѣ грозили выйти изъ подъ зависимости Македоніи, или же при первомъ поводѣ сдѣлать разбойничій набѣгъ на границы государства.

Положеніе Александра было затруднительно и требовало быстрыхъ мѣръ. Его друзья (возвратились даже недавно изгнанные) заклинали его уступить, пока еще не все потеряно, примириться съ Атталомъ и привлечь на свою сторону посланное въ Азію войско, предоставить грекамъ дѣйствовать, пока не пройдетъ ихъ первый порывъ, склонить на свою сторону подарками ѳракійцевъ, гетовъ и иллирійцевъ и обезоружить милостями мятежные элементы. Такимъ путемъ, конечно, Александръ могъ бы весьма прочно утвердиться въ Македоніи и мирно править своимъ государствомъ; вѣроятно, постепенно онъ могъ бы пріобрѣсти то же вліяніе надъ Элладой и ту же власть надъ живущими кругомъ варварами, которыя имѣлъ его отецъ, а въ концѣ концовъ могъ бы даже и думать о походѣ въ Азію, какъ объ немъ думалъ его отецъ въ теченіе всей своей жизни. Но не такой чело-
вѣкъ былъ Александръ; принятое имъ рѣшеніе показываетъ его намъ

во всей мощи и смѣлости его ума. «Его геіи влекъ его», какъ это было сказано объ одномъ изъ героевъ позднѣйшихъ временъ.

Совокупность угрожавшихъ ему опасностей раздѣлялась на три категоріи: сѣверъ, Азія и Эллада. Если онъ двинется противъ народовъ сѣвера, тогда Атталъ будетъ имѣть время усилить свое войско, а можетъ быть даже и переправиться изъ Азіи въ Европу; союзъ греческихъ городовъ окрѣпнетъ, и онъ будетъ принужденъ карать вооруженной силой какъ измѣну и открытое возмущеніе государствъ то, что теперь онъ можетъ еще карать какъ дѣло партіи и какъ внушенія невѣрныхъ и подкупленныхъ персидскимъ золотомъ демагоговъ. Если онъ двинется противъ Эллады, то даже небольшое войско будетъ въ состояніи преградить ему путь черезъ проходы и надолго задержать его, тогда какъ Атталъ будетъ имѣть возможность безпрепятственно оперировать у него въ тылу и соединиться съ возмущившимися еракійцами. Но рискованнѣе всего было бы двинуться противъ самого Аттала; государства Греціи были бы на слишкомъ долгое время предоставлены самимъ себѣ, македонянамъ пришлось бы вести междоусобную войну противъ македонянъ, въ которой послѣднее слово принадлежало бы, можетъ быть, персидскимъ сатрапамъ; наконецъ Атталъ, на котораго царь долженъ былъ смотрѣть только какъ на измѣнника, былъ бы признанъ силой, борьба съ которой унизила бы царя въ глазахъ эллиновъ и варваровъ. Но еслибы счумѣть поразить его, то цѣпь была бы порвана и остальное пришло бы само собою.

Атталъ, какъ виновный въ государственной измѣнѣ, былъ присужденъ къ смерти; одинъ изъ «друзей» ⁶⁾, Гекатей изъ Кардіи, получилъ приказъ переправиться во главѣ корпуса въ Азію, соединиться съ войсками Парменіона и доставить Аттала въ Македонію живымъ или мертвымъ. Такъ какъ со стороны непріятелей на сѣверѣ въ самомъ худшемъ случаѣ можно было опасаться только опустошительныхъ набѣговъ, и ихъ легко было покорить при походѣ въсплѣдствіи, то царь рѣшилъ вторгнуться съ войскомъ въ Элладу прежде, чѣмъ тамъ будутъ въ состояніи выставить противъ него значительныя боевыя силы.

Около этого времени въ Пеллу явились гонцы Аттала, называвшіе клеветою распространившіеся насчетъ его слухи, въ красивыхъ выраженіяхъ увѣрившіе въ его преданности и въ доказательство его искренности вручившіе въ руки царя письма, которыя онъ получилъ отъ Демосоена относительно готовившихся въ Элладѣ вооруженій ⁷⁾. Царь, который изъ этихъ документовъ и изъ попытки Аттала къ сближенію могъ заключить, что сопротивленіе, которое его ожидаетъ въ Элладѣ, не будетъ велико, не взялъ назадъ своего приказанія; на вѣрность своему долгу стараго Парменіона онъ могъ положиться, хотя Атталъ и приходился ему зятемъ.

Самъ онъ двинулся въ Фессалію и направился вдоль берега моря къ проходѣмъ Пеней; главный проходъ Темпе и боковой проходъ Каллиневку онъ пашелъ занятыми сильнымъ отрядомъ. Взять ихъ открытой силой было нелегко, а между тѣмъ всякое промедленіе было опасно; тогда Александръ создалъ себѣ новый путь. Къ югу отъ

главнаго прохода высятся скалистыя массы Осы, подымаясь не такъ круто со стороны моря, какъ со стороны Пенея; къ этому менѣе крутому мѣсту Александръ повелъ свое войско, приказалъ, гдѣ это было необходимо, вырубить въ камняхъ ступени и, перейдя такимъ образомъ горы, спустился въ равнину Фессалии⁸⁾, въ тылу вессалийскаго пикета. Не проливъ ни капли крови, онъ овладѣлъ страшною, которую онъ желалъ не покорить, но склонить на свою сторону, чтобы обезпечить себѣ при войнѣ съ Персїей содѣйствіе превосходной вессалийской конницы. Онъ пригласилъ собраться всю знать Фессалии; онъ напомнилъ имъ о ихъ общемъ съ македонянами происхожденіи отъ рода Ахилла, о благодѣяніяхъ своего отца, освободившаго страну отъ ига кровожаднаго ферскаго тирана и возстановленіемъ исконныхъ тетрархій Алева, освободившаго ее навсегда отъ возстаній и тираннїи⁹⁾; онъ требовалъ только тѣхъ привилегій, которыя они добровольно даровали его отцу, и признанія за нимъ предоставленной тому эллинскимъ союзомъ гегемоніи надъ Элладой¹⁰⁾; подобно своему отцу онъ обѣщалъ хранить и защищать права и вольности отдѣльныхъ фамилій и мѣстностей, дать при войнѣ съ Персїей ихъ всадникамъ полное участіе въ военной добычѣ, а Фтію, родину ихъ общаго предка Ахилла, почтить освобожденіемъ отъ податей¹¹⁾. Фессалийцы поспѣшили принять такіа милостивыя и почетныя условія, рѣшили общимъ постановленіемъ утвердить за Александромъ принадлежавшія его отцу права и, наконецъ, въ случаѣ нужды, двинуться вмѣстѣ съ Александромъ въ Элладу для подавленія безпорядковъ¹²⁾. Подобными же льготами онъ, кромѣ вессалийцевъ, склонилъ на свою сторону и сосѣднихъ съ ними¹³⁾ эпіановъ, маліевъ и долоповъ, — племена, изъ которыхъ каждое имѣло по голосу въ совѣтѣ амфиктіоновъ и переходъ которыхъ на его сторону открывалъ ему путь черезъ Фермопилы.

Благодаря быстротѣ, съ которой была занята и успокоена Фессалия, греческія государства не имѣли времени занять важнѣйшіе проходы горы Эты. Въ планы Александра не входило прибѣгать къ насильственнымъ мѣропріятіямъ, придавая такимъ образомъ важность и значеніе движенію, которое, насколько это было возможно, должно было выставить безумнымъ дѣломъ одной партіи. Испуганная близостью македонскаго войска, Эллада поспѣшила надѣть на себя маску глубокаго мира. Такъ какъ благодаря этому прежній порядокъ вещей, установленный Филиппомъ, остался безъ перемѣны, то Александръ созвалъ¹⁴⁾ амфиктіоновъ въ Фермопилы и потребовалъ отъ нихъ признанія за нимъ гегемоніи, которая и была ему дарована общимъ постановленіемъ.

Хотя вессалийцы и амфиктіоны признали гегемонію Александра, по ни Фивы, ни Аѣны, ни Спарта не прислали пословъ въ Фермопилы. Быть можетъ, Фивы теперь только и поднялись; они могли рассчитывать на сочувствіе многихъ городовъ, а можетъ быть и на ихъ помощь. Конечно, готовы къ войнѣ они не были; Спарта не могла оправиться съ того времени, какъ Эпаминондъ стоялъ лагеремъ на рѣкѣ Эвротѣ; въ Кадмеѣ, въ Халкидѣ, на Эвбей, въ Акрокоринѣ¹⁵⁾ стояли еще македонскіе гарнизоны; въ Аѣнахъ, какъ всегда, много

говорили и мало дѣлали; даже тогда, когда пришло извѣстіе, что царь уже находится въ Тессаліи, что онъ, соединившись съ тессалійцами, вторгнется въ Элладу и что онъ весьма гнѣвно отзывался объ ослѣпленіи аѳинянъ, приготовленія велись по прежнему вяло ¹⁶⁾, хотя Демосѳенъ и не переставалъ проповѣдывать войну. Быстрое наступленіе македонскаго войска могло спасти Элладу отъ большого наслія.

Александръ спустился изъ Термонилъ въ віотійскую равнину и сталъ лагеремъ вблизи Кадмеи; о сопротивленіи еивянъ не было и рѣчи. Когда въ Аѳинахъ узнали, что Фивы уже находятся въ рукахъ Александра и что теперь двухдневнаго перехода достаточно, чтобы привести непріятели къ стѣнамъ города, то даже самые ярые поборники свободы пали духомъ; было рѣшено наскоро привести стѣны въ оборонительное состояніе, очистить равнину и свезти все движимое имущество въ Аѳины, «такъ что городъ, служившій предметомъ удивленія и борьбы, какъ скотный дворъ наполнился овнами и рогатымъ скотомъ» ¹⁷⁾; въ то же время было рѣшено послать навстрѣчу царю пословъ, которые должны были постараться смягчить его и просить прощенія въ томъ, что аѳиняне не сразу признали его гегемонію; такимъ образомъ, думали они, быть можетъ еще удастся спасти обладаніе Оропомъ, который они два года тому назадъ получили изъ рукъ Филиппа ¹⁸⁾. Демосѳенъ, бывшій однимъ изъ пословъ, съ Киѳерона вернулся обратно, или помня о своемъ письмѣ къ Атталу, или чтобы не быть вынужденнымъ открыть своихъ сношеній съ Персіей ¹⁹⁾; онъ предоставилъ другимъ посламъ передать просьбы аѳинскаго дѣма. Александръ милостиво принялъ ихъ ²⁰⁾, простилъ все случившееся, возобновилъ заключенные ранѣе съ его отцомъ договоры и потребовалъ только, чтобы для дальнѣйшихъ переговоровъ Аѳины послали уполномоченныхъ въ Коринѳъ. Дѣмъ счелъ своей обязанностью постановить въ честь молодого царя еще большія почести, чѣмъ два года тому назадъ въ честь его отца ²¹⁾.

Александръ двинулся далѣе къ Коринѳу, куда были приглашены уполномоченные союзныхъ государствъ ²²⁾. Была приглашена и Спарта; это доказывается упоминаніями о заявленіи спартанцевъ, что у нихъ не въ обычаѣ слѣдовать за другими, но самимъ предводительствовать ²³⁾. Александръ безъ труда могъ бы принудить ихъ покориться, но это было бы и не умно, и не стоило бы труда; онъ хотѣлъ только возможно скорѣйшаго успокоенія Греціи и признанія гегемоніи Македоніи въ войнѣ противъ персовъ. Въ этомъ смыслѣ была возобновлена и скрѣплена клятвой формула союза, и Александръ былъ провозглашенъ полновластнымъ стратигомъ эллиновъ.

Александръ достигъ того, чего желалъ. Было бы интересно знать господствовавшее относительно него настроеніе умовъ въ греческихъ земляхъ; вѣроятно, оно не было ни такимъ возмущеннымъ, ни такимъ лицемернымъ, какъ въ этомъ желаетъ насъ убѣдить ожесточенное служеніе дѣлу свободы аттическихъ ораторовъ или аффектированная тираннофобія греческихъ моралистовъ времени римской имперіи. Другую сторону медали показываетъ намъ тотъ фактъ, что изъ Эфеса прибылъ къ Александру ученикъ Платона Делій, посланный

эллинами Азии, и «болѣе всѣхъ убѣждалъ и разжигалъ его» начать войну противъ персовъ ²⁴⁾). Изъ числа его ближайшихъ друзей Эригий и Лаомедонтъ были переселившимися въ Амфиполь уроженцами Лесбоса, которымъ было достаточно извѣстно несчастное положеніе ихъ управляемой друзьями персовъ родины, — грустный комментарій къ автономіи, которую персидскій царь даровалъ по анталкидову миру островамъ отъ Родоса до Тенедоса; греческій элементъ былъ тамъ осужденъ на несомнѣнную гибель, еслибы Александръ не пришелъ и не побѣдилъ ²⁵⁾). Въ самой Элладѣ только Фивы, сами виновныя въ этомъ, могли жаловаться на погибель своей автономіи; въ Аѳинахъ настроеніе легкомысленнѣйшей черни, которая когда-либо господствовала, было постоянно въ зависимости отъ послѣднихъ впечатлѣній и ближайшихъ надеждъ; а ворчливое недовольство Спарты свидѣтельствуетъ о большей послѣдовательности и слабости, чѣмъ силѣ, и болѣе о капризѣ, чѣмъ объ истинномъ чувствѣ собственнаго достоинства. Мы можемъ предположить, что болѣе благо-разумная часть греческаго народа сочувствовала великому національному дѣлу, на порогѣ къ которому они находились, и юному герою, лившемуся, чтобы осуществить его; проведенные Александромъ въ Коринѣ дни, повидимому, служили тому доказательствомъ. Со всѣхъ сторонъ собрались туда художники, философы и политическіе дѣятели, чтобы посмотреть на царственнаго юношу, питомца Аристотеля; всѣ тѣснились около него и ловили каждый его взглядъ и каждое слово. Только Діогенъ синопскій спокойно оставался въ своей бочкѣ на палестрѣ въ предмѣстьи города. Александръ отправился къ нему самъ; онъ пошелъ его лежащимъ передъ своей бочкой и грѣющимся на солнцѣ, поздоровался съ нимъ и спросилъ, не имѣетъ ли онъ какого-нибудь желанія; «не затмевай мнѣ солнца», былъ отвѣтъ философа. На это царь сказалъ своей свитѣ: «Клянусь Зевесомъ, еслибъ я не былъ Александромъ, я желалъ бы быть Діогеномъ» ²⁶⁾). Быть можетъ, это только одинъ изъ безчисленныхъ анекдотовъ, рассказывавшихся объ этомъ чудакѣ.

Къ началу зимы Александръ возвратился въ Македонію, чтобы приготовиться къ откладывавшемуся до сихъ поръ походу противъ пограничныхъ варварскихъ народовъ. Атталъ былъ уже устраненъ съ дороги; Гекатей соединился съ Пармениономъ и, не считая себя достаточно сильными для того, чтобы арестовать Аттала среди войска, которое онъ съумѣлъ расположить къ себѣ, они приказали умертвить его согласно полученному ими приказу ²⁷⁾; отложившіяся войска, частью македоняне, частью греческіе наемники, ²⁸⁾ снова возвратились къ исполненію своего долга.

Таково было положеніе дѣлъ въ Азіи; въ самой Македоніи Олимпіада воспользовалась отсутствіемъ своего сына, чтобы со сладострастьемъ унитъ мезью до послѣдней капли. Если убіеніе царя и не было ея дѣломъ, то, безспорно, оно было ея желаніемъ; но тѣ, благодаря которымъ ей и ея сыну пришлось вынести столько униженій, были еще живы; молодая вдова Клеопатра и ея младенецъ тоже должны были умереть. Олимпіада приказала умертвить дитя на груди матери и принудила мать задушить себя своимъ собственнымъ

поясомъ ²⁹⁾. Рассказываютъ, что Александръ разсердился за это на свою мать; болѣе чѣмъ сердиться слыть не могъ. Но противники все еще не падали духомъ; открывались все новые и новые заговоры; въ одномъ изъ плановъ на убіеніе Александра, какъ открылось, принималъ участіе Аминта, сынъ царя Пердикки, которому Филиппъ отдалъ руку своей дочери Кипраны; онъ былъ казненъ ³⁰⁾.

Между тѣмъ посланный впередъ корпусъ распространился вдоль берега къ югу и къ востоку; лѣвый флангъ его опирался на вольный городъ Кизикъ на Пропонтидѣ, а на правомъ Парменіонъ занялъ Гриней, лежавшій къ югу отъ Каика. Въ Эфесѣ, весьма важномъ опорномъ пунктѣ для дальнѣйшаго наступленія Парменіона, уже поднялся демосъ и изгналъ державшую руку персовъ олигархію ³¹⁾. Не подлежитъ сомнѣнію, что демосъ, тѣснимый или тиранинами, какъ въ городахъ острова Лесбоса, или олигархами, какъ на Хиосѣ и Косѣ, и держимый ими въ новиновеніи персамъ, повсюду съ возрастающимъ возбужденіемъ смотрѣлъ на успѣхи македонскаго оружія. Если посылка впередъ этого корпуса и была ошибкой и помѣхой для первыхъ дѣйствій Александра, то теперь этотъ корпусъ и созданное имъ возбужденіе умовъ могли служить прикрытіемъ въ тылу по крайней мѣрѣ при еракійскомъ походѣ; занятыя имъ позиціи и крейсировавшій въ Геллеспонтѣ македонскій флотъ дѣлали невозможной всякую попытку персовъ переправиться во Фракію.

А между тѣмъ ощущалась настоятельная необходимость дать почувствовать еракійцамъ, гетамъ, трибалламъ и иллирійцамъ превосходство македонскаго оружія, чтобы установить съ ними сносныя отношенія прежде, чѣмъ приступить къ великому походу въ Азію. Эти народы, окружавшіе Македонію съ трехъ сторонъ, были во время Филиппа сдѣланы отчасти подданными, отчасти обязанными данью союзниками македонскаго царства, или же, какъ иллирійскія племена, путемъ неоднократно наносимыхъ имъ поражений, были установлены въ своихъ разбойническихъ набѣгахъ ³²⁾. Теперь, по смерти Филиппа, эти варвары думали, что наступило время освободиться отъ тягостной зависимости и по прежнему вольно кочевать и разбойничать со своими главарями, какъ это дѣлали ихъ отцы.

Такимъ образомъ теперь поднялись иллирійцы съ княземъ ихъ Клитомъ ³³⁾ во главѣ, отецъ котораго Бардилисъ, бывшій сначала угольщикомъ, а потомъ царемъ, соединилъ отдѣльныя волости для общихъ разбойничьихъ набѣговъ и въ тяжелое время Аминты и алопта Итолея занялъ даже пограничныя области Македоніи, пока наконецъ Филиппъ послѣ тяжелой борьбы не отбросилъ его за лихитское озеро. Теперь Клитъ замыслилъ захватить въ свои руки хоть проходы къ югу отъ него. Жившіе рядомъ и позади нихъ вплоть до берега моря у Аполлоніи и Диррахіи тавлантины со своимъ княземъ Главкіемъ во главѣ вооружались, чтобы воевать заодно съ ними. Автаріаты, два поколѣнія тому назадъ поселившіеся въ долинахъ Бронга и Ангра, сербской и болгарской Моравы, охваченные общимъ движеніемъ своихъ иллирійскихъ сородичей и жаждою добычи ³⁴⁾, точно также готовились вторгнуться въ предѣлы Македоніи.

Еще болѣе опаснымъ казалось многочисленное, враждебное маке-

допянамъ еракійское племя трибалловъ ³⁵⁾, жившее теперь къ сѣверу отъ горы Гема и внизъ по Дунаю. Одинъ разъ уже, около 370 года, когда автаріаты вытѣснили ихъ изъ ихъ области на Моравѣ, они проложили себѣ путь черезъ горы до Абдеры и затѣмъ обремененные добычей возвратились къ Дунаю, гдѣ они прогнали гетовъ съ мѣста ихъ жительства. Изгнанные геты удалились на обширныя равнины по лѣвому берегу Дуная, которыя, равно какъ и болотистыя лѣса устьевъ Дуная и степь Добруджи, принадлежали скивамъ, которыми правилъ тогда престарѣлый царь Атей; они привели его въ такое стѣсненное положеніе ³⁶⁾, что престарѣлый царь обратился наконецъ, черезъ посредство своихъ греческихъ друзей, въ Аполлонію съ просьбой о помощи къ Филиппу; но прежде, чѣмъ явилась эта помощь, онъ заключилъ съ гетами миръ и обратилъ свое оружіе противъ того, кого самъ призвалъ на помощь; онъ заплатилъ за это вѣроломство тяжелымъ пораженіемъ (339). Но на возвращавшагося съ богатой добычей домой Филиппа (онъ избралъ себѣ путь черезъ землю трибалловъ) напали тѣ, которыхъ онъ уже устрошилъ, какъ онъ думалъ, отняли у него часть добычи, а полученная имъ при этомъ рана вынудила его возвратиться домой, безъ отместки; слѣдующей осенью амфиктіонійская война призвала его въ Элладу, затѣмъ онъ былъ принужденъ заняться борьбой съ Фивами, устройствомъ коринфскаго союза и, наконецъ, войной съ иллирійцемъ Плевріемъ; смерть застигла его прежде, чѣмъ онъ могъ обратиться противъ трибалловъ. Неужели же вступленіе на престолъ юнаго царя и слишкомъ хорошо извѣстные раздоры при дворѣ въ Селлѣ не были также соблазнительны для трибалловъ, какъ и для иллирійцевъ?

Если они поднимутся теперь, то живущіе бокъ-о-бокъ съ ними у Гема еракійскія племена, «страшныя какъ разбойники даже для разбойниковъ» мѣды, бессы и кориниллы, не воспротивятся ихъ вторженію, а соединятся съ ними и сдѣлаютъ опасность только вдвое болѣе; жившіе къ югу отъ нихъ въ Родопѣ до долины Нессы такъ называемые вольные еракійцы, несомнѣнно, какъ это было и ранѣе при походѣ противъ Абдеры, будутъ заодно съ трибаллами. А въ примыкавшихъ къ Македоніи съ сѣвера полупокоренныхъ областяхъ, а именно въ лежавшемъ между Стримономъ и верхнимъ теченіемъ Аксія и все еще могущественномъ княжествѣ пэоновъ ³⁷⁾ македонскій царь отнюдь не могъ быть безусловно увѣренъ, хотя въ настоящую минуту они еще были спокойны. Не менѣе ненадежными казались жившіе въ бассейнѣ Гебра и простиравшіеся къ югу до Пропонтиды, а къ востоку до Понта, еракійцы, распадавшіеся нѣкогда на множество маленькихъ княжествъ, но вмѣстѣ представлявшіе собою значительную силу, пока въ династіи одризскихъ царей (они всѣ происходили отъ этого царскаго дома Тира, жившаго во время Перикла одризскаго царя) они имѣли нѣчто вродѣ объединяющаго начала; послѣ долгой и тяжелой борьбы царь Филиппъ уничтожилъ ихъ единство и заставилъ ихъ признать его власть ³⁸⁾; требованіе аеипами отъ Филиппа возстановленія въ ихъ правахъ Керсobleнты и стараго Тира повело за собою тяжелую войну 340 года.

Возможно, что послѣ побѣды при Хероней Филиппъ упорядочилъ и свои отношенія къ Θракии; не подлежитъ никакому сомнѣнiю, что нѣкоторые изъ этихъ князей сохранили за собой отцовское наслѣдiе ³⁹⁾, но въ зависимости отъ Македонiи. Чувствовать надъ собою эту зависимость имъ было весьма тяжело, тяжело тѣмъ болѣе, что македонскiя поселенiя по Гебру, а можетъ быть и бывшiй намѣстникомъ надъ ними македонскiй стратигъ принуждали ихъ оставаться спокойными ⁴⁰⁾. Хотя эти народы и не воспользовались наступившими послѣ убiенiя Филиппа неурядицами для открытыхъ непрiязненныхъ дѣйствiй и не находились въ сношенiяхъ съ заговорщиками, съ Атталомъ и съ аеинянами, но боязнъ возбуждаемая ими въ совѣтѣ Александра была такъ велика, что всѣ считали болѣе благо-разумнымъ идти на уступки и, еслибы даже они отложились, отнести къ нимъ мягко, чѣмъ сурово требовать отъ нихъ покорности и уваженiя къ существующимъ договорамъ. Но Александръ понималъ, что уступчивость и полумѣры заставили бы Македонiю, непобѣдимую, когда она нападала, стать въ унижительное оборонительное положенiе, что они придали бы только болѣшую смѣлость дикимъ и жаждущимъ добычи варварамъ и сдѣлали бы невозможной войну съ Персiей, такъ какъ нельзя было ни оставить границъ открытыми для ихъ нападений, ни отказаться отъ ихъ помощи въ качествѣ легкой пѣхоты при войнѣ съ Персiей.

Теперь опасности въ Грециі были счастливо устранены и наступило такое время года, когда можно было рассчитывать перейти черезъ горы безъ особенныхъ затрудненiй ⁴¹⁾. Такъ какъ изъ указанныхъ народовъ тѣ, которые принадлежали Македонiи, еще не приняли никакихъ рѣшительныхъ дѣйствiй или по крайней мѣрѣ со времени возвращенiя Александра въ Македонiю, казалось, не думали о дальнѣйшихъ предпрiятiяхъ, и такъ какъ съ другой стороны, чтобы заставить ихъ забыть самую мысль объ отпаденiи и какихъ либо новшествахъ, надо было воочию показать имъ превосходство македонскаго оружія и твердую рѣшимость пустить его въ ходъ, то царь положилъ предпринять походъ противъ трибалловъ, которые еще не были наказаны за то, что напали на Филиппа при его возвращенiи изъ скийскаго похода и ограбили его.

Передъ царемъ открывалось два пути черезъ горы въ землю трибалловъ: или спуститься въ равнину ихъ, поднявшись вверхъ по теченiю Аксiа и пройдя черезъ сѣверные проходы и землю бывшихъ постоянно вѣрными агриановъ, или пройти на востокъ черезъ область свободныхъ ѳракійцевъ въ долину Гебра и подняться затѣмъ на Гемъ, чтобы поразить трибалловъ на ихъ восточныхъ границахъ; этотъ второй путь заслуживалъ предпочтенiя, потому что онъ велъ черезъ владѣнія ненадежныхъ народовъ, а именно одризскихъ ѳракійцевъ. Единовременно съ выступленiемъ былъ посланъ приказъ Византіи послать къ устьямъ Дуная нѣкоторое количество военныхъ кораблей, чтобы обезпечить перенраву черезъ эту рѣку ⁴²⁾. Антипатръ остался въ Пеллѣ для управленiя государствомъ ⁴³⁾.

Изъ Амфиполя царь ⁴⁴⁾ двинулся сначала на востокъ, черезъ область свободныхъ ѳракійцевъ, вверхъ по долинѣ Несса, и перешелъ

затѣмъ черезъ эту рѣку ⁴⁵⁾, оставивъ лѣвѣ Филиппы, и потомъ Орбелъ; затѣмъ онъ переправился черезъ Родону, чтобы, пройдя черезъ область одризовъ ⁴⁶⁾, достигнуть проходовъ Гема. Послѣ десяти дней пути, такъ гласитъ преданіе, Александръ былъ у подножія горы; узкая и крутая дорога, идущая здѣсь между высокими горами, была занята непріятелемъ, отчасти обитателями этихъ горъ ⁴⁷⁾, отчасти вольными еракійцами, которые, повидимому, всѣми силами желали воспрепятствовать переходу. Вооруженные только кинжаломъ и охотничьимъ дротикомъ, покрытые лисьей шапкой вмѣсто шлема, такъ что они не могли вступить въ открытый бой съ тяжеловооруженными македонянами, они думали разорвать и привести въ безпорядокъ наступавшую на вершины боевую линію непріятеля, скатывая внизъ во множествѣ свои телѣги, съ которыми они заняли вершины, чтобы потомъ напасть на приведенные въ безпорядокъ ряды. Александръ, видѣвшій опасность и убѣдившійся, что ни въ какомъ другомъ мѣстѣ переходъ невозможенъ, отдалъ приказъ пѣхотѣ разступаться вездѣ, гдѣ это дозволить мѣстность, когда покатыя телѣги, и пропускать ихъ въ образовавшіеся промежутки; тамъ же, гдѣ нельзя будетъ разступиться въ стороны, солдаты, упершись копьёмъ въ землю, должны въ плотную соединить щиты надъ своими головами, чтобы катящіеся внизъ телѣги проѣхали надъ ними. Покатились телѣги и пронесли мимо отчасти въ промежутки, отчасти по щитамъ, не причинивъ никакого вреда. Съ громкимъ крикомъ бросились теперь македоняне на еракійцевъ; выдвинутые впередъ со стороны праваго крыла стрѣлки отражали своими стрѣлами натискъ непріятеля и прикрывали движеніе въ гору тяжеловооруженныхъ; эти послѣдніе, наступавшіе сомкнутымъ строемъ, безъ всякаго труда выбили легковооруженныхъ варваровъ изъ ихъ позиціи, такъ что послѣдніе уже не могли оказать никакого сопротивленія наступавшему на лѣвомъ крылѣ съ гипасистами и агрианами царю, но побросали оружіе и бѣжали, кто какъ могъ. Они потеряли полторы тысячи человѣкъ убитыми; ихъ жены, дѣти и все имущество сдѣлались добычею македонянъ и были посланы на продажу въ приморскіе города подъ присмотромъ Лизаніи и Филоты ⁴⁸⁾.

Затѣмъ Александръ спустился по болѣе отлогимъ сѣвернымъ склонамъ горы въ долину трибалловъ и переправился черезъ Лигинъ (вѣроятно Янтру около Тырнова), текущую здѣсь на разстояніи приблизительно трехъ переходовъ отъ Дуная ⁴⁹⁾. Князь трибалловъ, Сирмъ, извѣщенный о движеніи Александра, послалъ впередъ къ Дунаю жещинъ и дѣтей трибалловъ и приказалъ переправить ихъ на островъ Певку ⁵⁰⁾; туда же уже раньше спаслись бѣгствомъ сосѣдніе съ трибаллами еракійцы ⁵¹⁾; самъ Сирмъ тоже бѣжалъ туда со своими людьми; но большинство трибалловъ направилось назадъ къ рѣкѣ Лигину, откуда день тому назадъ выступилъ Александръ, несомнѣнно съ цѣлью завладѣть проходами въ тылу. Едва царь узналъ это, какъ онъ быстро вернулся назадъ, чтобы отыскать ихъ, и захватилъ ихъ неожиданно въ то время, когда они только что стали лагеремъ; они быстро выстроились на опушкѣ лѣса, тянувагося вдоль рѣки. Пока колонны фаланги выступали, Александръ пустилъ впередъ стрѣлковъ и пращниковъ, приказавъ имъ своими стрѣлами и камнями вы-

манить врага въ открытое поле. Непріятель перешелъ въ наступленіе и, когда онъ, особенно на правомъ крылѣ, слишкомъ далеко выдвинулся впередъ, справа и слѣва на него бросились три илы всадниковъ; остальные илы, а за ними и фаланга, атакovali центръ; непріятель, храбро державшійся до сихъ поръ, не выдержалъ натиска одѣтыхъ въ броню всадниковъ и бросился бѣжать черезъ лѣса къ рѣкѣ; при этомъ бѣгствѣ погибло три тысячи человекъ, а остальнымъ удалось спастись, благодаря темнотѣ лѣса и наступленію ночи.

Затѣмъ Александръ опять продолжалъ свой прежній путь и на третій день достигъ береговъ Дуная, гдѣ его уже ожидали корабли изъ Византіи; на нихъ немедленно были посажены стрѣлки и тяжело-вооруженные, чтобы атаковать островъ, куда спаслись бѣгствомъ трибаллы и еракійцы; но островъ былъ хорошо охраняемъ, берегъ крутъ, рѣка сжатая въ этомъ мѣстѣ берегами быстра, кораблей слишкомъ мало, а геты на сѣверномъ берегу рѣки, казалось, были готовы принять сторону непріятеля. Александръ отозвалъ корабли обратно и рѣшилъ, не теряя времени, напасть на собравшихся на противоположномъ берегу готовъ; когда, побѣдивъ ихъ, онъ будетъ господиномъ обоихъ береговъ, тогда не будетъ въ состояніи дерзаться и островъ на Дунаѣ.

Геты ⁵²⁾, численность которыхъ доходила приблизительно до четырехъ тысячъ всадниковъ и болѣе чѣмъ десяти тысячъ пѣхотинцевъ, расположились на сѣверномъ берегу Дуная передъ дурно укрѣпленнымъ городомъ, лежавшимъ нѣсколько въ сторонѣ отъ рѣки, они, должно быть, ожидали, что непріятелю понадобится нѣсколько дней, чтобы переправиться черезъ рѣку, такъ что такимъ образомъ имъ представится случай напасть и уничтожить отдѣльные отряды, которые будутъ переправляться. Дѣло происходило въ половинѣ мая ⁵³⁾, поля кругомъ города готовъ были покрыты хлѣбомъ, колосья котораго были настолько высоки, что могли скрыть переправляющіяся войска отъ глазъ непріятеля. Все дѣло было въ томъ, чтобы поразить готовъ быстрымъ нападеніемъ; такъ какъ корабли изъ Византіи не могли принять на себя достаточнаго количества войска, то изъ окрестностей было собрано множество небольшихъ челноковъ, которыми пользуются туземцы, чтобы удить на рѣкѣ рыбу, разбойничать или посѣщать своихъ друзей въ другихъ деревняхъ; кромѣ того мѣха, служившіе македонянамъ палатками, были наполнены сѣномъ и крѣпко связаны вмѣстѣ. Въ тишинѣ ночи полторы тысячи всадниковъ и четыре тысячи пѣхотинцевъ, съ царемъ во главѣ, переправились черезъ рѣку и пристали къ берегу ниже города, скрываемые обширными хлѣбными полями. Съ наступленіемъ дня они начали наступать черезъ поля, имѣя впереди пѣхоту, которой было приказано косить хлѣбъ сариссами и двигаться впередъ до тѣхъ поръ, пока она не достигнетъ незасѣянаго поля. Тамъ конница, до сихъ поръ слѣдовавшая за пѣхотой, поскакала впередъ въ атаку на правомъ крылѣ, подъ начальствомъ царя, а слѣва, упираясь въ рѣку, перешла въ наступленіе выстроившаяся развернутымъ строемъ фаланга, надъ которой начальствовалъ Пиканоръ. Геты, испуганные непонятной смѣлостью Александра, который такъ легко и притомъ въ одну ночь

переправился черезъ величайшую изъ рѣкъ, со всею поспѣшностью поспѣшили укрыться въ городъ, не будучи въ состояніи выдержать ни атаки всадниковъ, ни натиска фаланги; а когда они увидали, что враги наступаютъ и туда, то, взявъ съ собою столько женъ и дѣтей, сколько могли вынести ихъ лошади, они бѣжали далѣе въ глубину страны. Царь вступилъ въ городъ, разрушилъ его, послалъ въ Македонію добычу съ Филиппомъ и Мелеагромъ и принесъ на берегу рѣки благодарственную жертву Зевсу спасителю, Ираклу и рѣкѣ. Въ его намѣренія не входило расширять предѣлы своего могущества до обширныхъ равнинъ, тянувшихся на сѣверъ отъ Дуная; теперь, когда геты узнали силу македонянъ, широкая рѣка была надежной границей, и по близости не было никакого другого народа, сопротивленія котораго можно было бы бояться. Указавъ этими жертвоприношеніями на самую сѣверную цѣль своихъ предпріятій, царь еще въ тотъ же самый день вернулся въ свой лагерь на южномъ берегу рѣки изъ экспедиціи, не стоившей ему ни одного человека ⁵⁴).

Потерпѣвъ такое тяжелое и неожиданное пораженіе, придунайскіе народы послали въ лагерь царя пословъ съ дарами, состоявшими изъ продуктовъ ихъ страны, и просили мира, который и былъ имъ охотно дарованъ; подчинился даже князь трибалловъ, Сирмъ, видѣвшій очень хорошо, что онъ не будетъ въ состояніи удержать за собою свои острова на Дунаѣ. Въ царскій лагерь явилось также посольство отъ кельтскихъ племенъ, обитавшихъ около горъ у Адриатическаго моря, которые, по словамъ одного очевидца, «велики ростомъ и много думаютъ о себѣ» и которые, узнавъ о громкихъ подвигахъ царя, просили его дружбы. На пиру молодой царь спросилъ ихъ, чего они болѣе всего бояться? онъ думалъ, что они назовутъ его;—они отвѣчали: «ничего, кромѣ того, чтобы какъ-нибудь на нихъ не упало небо; по дружбу такого героя они цѣнятъ выше всего». Царь называлъ ихъ своими друзьями и союзниками и отпустилъ ихъ съ богатыми дарами, но впослѣдствіи все-таки думалъ, что кельты хвастуны ⁵⁵).

Когда такимъ образомъ побѣда надъ вольными еракійцами принудила оставаться спокойными также и одризскихъ еракійцевъ, побѣда надъ трибаллами восстановила македонское господство надъ народами, жившими къ югу отъ Дуная, нанесенное гетамъ пораженіе обезнечило Дунай какъ границу, чѣмъ и достигалась цѣль этой экспедиціи, тогда Александръ поспѣшилъ возвратиться на югъ, въ Македонію; пройдя черезъ область своихъ союзниковъ агріановъ (въ равнинѣ Софін) ⁵⁶), онъ уже получилъ извѣстіе, что князь Клитъ со своими иллирійцами овладѣлъ проходомъ Пеліона, что князь тавлантиновъ Главкій уже спѣшитъ на соединеніе съ Клитомъ и что сговорившіеся съ ними автаріаты собираются напасть на македонское войско, когда оно будетъ проходить черезъ горы.

Положеніе Александра было трудное; находясь отъ проходовъ восточной границы, которую иллирійцы уже перешли, на разстояніи болѣе чѣмъ восьми дней пути, онъ уже болѣе не былъ въ состояніи спасти Пеліонъ, ключъ къ обоимъ рѣчнымъ бассейнамъ Галіакмона

и Апса (Деволъ); хотя нападеніе автаріатовъ задержало его только на два дня, но все-таки соединенныя силы иллирійцевъ и тавлаптинцевъ были достаточно велики для того, чтобы пропикнуть отъ Пеліона въ самое сердце Македоніи, занять важную линію по теченію рѣки Эригона и, сами сохраняя сообщеніе со своей родиной открытымъ для себя черезъ проходъ Пеліона, отрѣзать царя отъ южныхъ областей его государства и отъ Греціи, гдѣ уже начало замѣчаться опасное движеніе. Правда, Филота съ сильнымъ гарнизономъ занималъ Кадмею, а въ распоряженіи Антипатра находились въ Македоніи силы, чтобы поддержать его; но безъ того войска, которое находилось съ царемъ, они не могли сдѣлать многого; и это войско находилось въ серьезной опасности; Александръ рисковалъ въ этой игрѣ многимъ; одно неудачное сраженіе, и всѣ результаты, достигнутые съ такимъ трудомъ имъ и его отцомъ — пропадали.

Лангаръ, князь агріановъ, давшій ему еще при жизни Филиппа безспорныя доказательства своей вѣрности и контингентъ котораго въ только что оконченномъ походѣ сражался съ отличнымъ мужествомъ, явился къ нему на помощь со своими гипаспистами и лучшими и отборнѣйшими войсками, какія онъ только имѣлъ; и когда затѣмъ Александръ, крайне озабоченный задержкой, которую могли причинить ему автаріаты, освѣдомился объ ихъ численности и вооруженіи, то Лангаръ сообщилъ ему, что ему нечего опасаться этихъ людей, по имени воинственнаго горнаго народа; если царь позволитъ, то онъ самъ произведетъ вторженіе въ ихъ страну, такъ что имъ будетъ достаточно дѣла у себя дома и не придется думать о дальнѣйшихъ нападеніяхъ на непріятеля. Александръ далъ свое согласіе, и Лангаръ, грабя и опустошая, вторгся въ ихъ долины, такъ что они не препятствовали дальнѣйшему движенію македонянъ. Царь награждалъ своего преданнаго союзника за его вѣрную службу, обручилъ съ нимъ свою свободную сестру Кинну и пригласилъ его пріѣхать отпраздновать свою свадьбу по окончаніи войны въ Пеллу. Но Лангаръ тотчасъ же послѣ этого похода заболѣлъ и умеръ.

Въ могучемъ горномъ краѣ, образующемъ водораздѣлъ между рѣками Македоніи и Иллиріи, къ юго-востоку отъ лихнитскаго озера (озера Охриды) находится промежутокъ почти въ двѣ мили шириною, черезъ который Апсъ (Деволъ) проникаетъ къ западу; онъ образуетъ природныя ворота между верхней Македоніей и Иллиріей. Царь Филиппъ не зналъ покоя до тѣхъ поръ, пока не расширилъ предѣловъ своей страны до береговъ озера; между господствовавшими надъ ведшей туда дорогой позиціями и укрѣпленіями, горная крѣпость Пеліонъ была самой лучшей и самой важной; расположенная какъ баціонъ противъ окружавшихъ ее кругомъ горъ Иллиріи, она прикрывала также путь, ведшій къ югу изъ долины Эригона въ долину Галиакмона и въ южную Македонію; ведшая отсюда къ Пеліону дорога шла вдоль прорѣзавшаго себѣ путь черезъ горы русла Аксія и была мѣстами такъ узка, что войско едва могло проходить, имѣя по четыре человѣка въ ряду ³⁷). Эта важная позиція теперь находилась уже въ рукахъ иллирійскихъ князей; Александръ форсированнымъ маршемъ двинулся вверхъ по Эригону, чтобы, если возможно, снова завладѣть крѣпостью до прихода тавлаптинцевъ.

Подступивъ къ городу, онъ сталъ лагеремъ около Анса, намѣреваясь на слѣдующій день пойти на штурмъ. Клитъ уже занялъ покрытыя лѣсомъ высоты, кругомъ города, угрожая такимъ образомъ непріятелю съ тылу въ случаѣ, если бы онъ сдѣлалъ попытку напасть; по обычаю своей страны, онъ принесъ въ жертву трехъ мальчиковъ, трехъ дѣвочекъ и трехъ черныхъ барановъ, и потомъ выступилъ, какъ бы желая завязать бой съ македонянами; но когда послѣдніе приблизились къ высотамъ, иллирійцы послѣдно оставили свои крѣпкія позиціи, оставили даже жертвы, которыя попали въ руки македонянъ, и отступили въ городъ, подъ стѣнами котораго теперь расположился Александръ, чтобы, такъ какъ атака не удалась, окружить его окопами и принудить сдаться. Но уже на слѣдующій день на высотахъ появился съ сильнымъ войскомъ Главкій; Александръ долженъ былъ отказаться отъ мысли штурмовать со своими паличными силами наполненную воинами крѣпость, имѣя при этомъ врага въ тылу на горахъ. Въ его положеніи была необходима величайшая осторожность. Филота, посланный на фуражировку съ отрядомъ всадниковъ и необходимыми подводами, едва не попалъ въ руки тавлантинцевъ; только быстрое появленіе на помощь Александра съ гипасистами, агріанами и стрѣлками и 300 всадниками дало Филоту возможность возвратиться и спасло важный транспортъ. Положеніе войска становилось труднѣе со дня на день; почти запертый въ долину, Александръ не имѣлъ ни достаточно войска для того, чтобы рѣшиться вступить въ рѣшительный бой съ войсками обоихъ князей, ни достаточно провіанта, чтобы продержаться до прибытія подкрѣпленій. Онъ долженъ былъ отступить, но отступление казалось вдвое опаснѣе; Клитъ и Главкій не безъ основанія думали, что къ этой весьма неблагопріятной позиціи царь находится въ ихъ рукахъ; возвышающіяся кругомъ горы они заняли безчисленнымъ множествомъ конницы, и массой аконтистовъ, пращниковъ и тяжело вооруженныхъ, которые могли напасть въ узкой дорогѣ на войско и искрошить его, между тѣмъ какъ иллирійцы изъ крѣпости напали бы на отступающихъ съ тыла.

Смѣлымъ движеніемъ, какое могло исполнить только одно македонское войско, Александръ разрушилъ всѣ надежды непріятеля. Пока главная масса конницы и всѣ легко вооруженные, оборотясь фронтомъ къ находившемуся въ городѣ непріятелю, дѣлали невозможной всякую опасность съ этой стороны, фаланга выстроенная въ 120 рядовъ, имѣя по бокамъ 200 всадниковъ прикрытія, двинулась впередъ по равнинѣ, соблюдая величайшую тишину, чтобы не слышать всякое слово команды. Равнина была съ трехъ сторонъ окружена горами, съ которыхъ тавлантинцы угрожали флангамъ двигавшагося впередъ войска; но все карре метало дротики и наступало на высоты, затѣмъ оно внезапно сдѣлало поворотъ направо и стало наступать въ этомъ направленіи, а когда другой отрядъ непріятеля началъ угрожать ихъ новому флангу, обратилось противъ него; смѣняя такимъ образомъ неоднократно съ величайшей точностью одну позицію другою, македоняне двигались между занятыми непріятелемъ высотами и наконецъ построились на лѣвомъ

флангъ «клиномъ», какъ бы желая пробиться ⁵⁸⁾. При видѣ этихъ неотразимыхъ и произведенныхъ съ быстротою и порядкомъ движеній, тавлантинцы не рѣшились на нападеніе и отступили съ передовыхъ высотъ. Но когда македонцы испустили боевой крикъ и ударили дротиками въ щиты, то варваровъ охватилъ паническій ужасъ и они поспѣшно бросились бѣжать черезъ высоты въ городъ. Теперь высоты, черезъ которыя шла дорога, занималъ только одинъ отрядъ; Александръ приказалъ этерамъ своей стражи ⁵⁹⁾ съѣсть на коней и атаковать высоты; если врагъ окажетъ намѣреніе сопротивляться, то половина ихъ должна слѣшиться и сражаться пѣшкомъ въ перемежку со всадниками. Но непріятель, увидавъ, что на него идутъ въ атаку, удалился съ высотъ направо и палѣво. Тогда царь занялъ высоты, поспѣшно приказалъ взойти на нихъ остальнымъ пламъ конницы, двумъ тысячамъ стрѣлковъ и агріановъ, затѣмъ онъ приказалъ гипаспистамъ, а за ними слѣдомъ и фалангамъ перейти черезъ рѣку, двинуться въ боевомъ порядкѣ по тому берегу направо и выставить тамъ метательныя орудія. Самъ онъ тѣмъ временемъ остался на этой возвышенности съ аррьергардомъ и наблюдалъ за движеніями непріятеля, который, лишь только замѣтилъ переправу войска, какъ уже двинулся къ горамъ, чтобы напасть на отступавшій съ Александромъ аррьергардъ. Направленная противъ нихъ атака цари и боевой крикъ фаланги, сдѣлавшей видъ, что она хочетъ обратно переправиться черезъ рѣку и произвести нападеніе, заставили ихъ отступить, и Александръ со своими стрѣлками и агріанами бѣгомъ спустился въ рѣку. Онъ самъ переправился первымъ и, когда увидалъ, что непріятель тѣснить аррьергардъ его войска, приказалъ расположеннымъ на другомъ берегу метательнымъ орудіямъ открыть дѣйствія по непріятелю, а стоявшимъ въ рѣкѣ стрѣлкамъ оборотиться и стрѣлать; между тѣмъ какъ Главкія со своими тавлантинцами не отваживался подойти на разстояніе выстрѣла, послѣдніе македонцы перешли черезъ рѣку, такъ что Александръ при всемъ этомъ опасномъ маневрѣ не потерялъ ни одного человѣка; онъ самъ сражался на самыхъ опасныхъ пунктахъ и былъ раненъ ударомъ палицы въ шею и камнемъ въ голову.

Этимъ движеніемъ Александръ не только спасъ свое войско отъ очевидной опасности, но могъ также со своей позиціи на берегу рѣки видѣть всѣ пути и всѣ операціи непріятеля и держать его въ бездѣйствіи, если ему понадобится потребовать подкрѣпленій ⁶⁰⁾. Но непріятель далъ ему еще раньше случай произвести нападеніе, которое положило быстрый конецъ этой войнѣ. Непріятель, полагая, что это отступленіе было дѣломъ страха, расположился длинною линіею передъ Пеліономъ, забывъ защититься валомъ и рвами, или обратить должное вниманіе на службу на форпостахъ. Объ этомъ узналъ Александръ; на третью ночь онъ незамѣтно съ гипаспистами, стрѣлками, агріанами и двумя фалангами переправился черезъ рѣку и приказалъ стрѣлкамъ и агріанамъ перейти въ наступленіе, не дожидаясь прибытія остальныхъ колоннъ; они ворвались въ лагерь съ той стороны, гдѣ менѣе всего было возможно сопротивленіе; и непріятели послѣ ужаснаго пробужденія отъ глубокаго сна, безоруж-

ные, безъ руководства или мужества, чтобы сопротивляться, были изрублены, — одни въ шатрахъ, другіе на длинной улицѣ лагеря, третьи во время безпорядочнаго отступленія, а преслѣдованіе остальныхъ продолжалось до самыхъ горъ тавлантиновъ; кому удалось бѣжать, тотъ спасся цѣною потери оружія. Самъ Клитъ бросился въ городъ, поджегъ его и подъ охраною пожара бѣжалъ къ Главкіи въ область тавлантипцевъ ⁶¹⁾. Такимъ образомъ съ этой стороны снова была восстановлена старая граница, и миръ, повидимому, былъ дарованъ побѣжденнымъ князьямъ, подъ условіемъ признанія верховныхъ правъ Александра ⁶²⁾.

Быстрые и сильные удары, которыми царь, не разъ рѣшавшійся на рискованныя нападенія, поразилъ иллирійцевъ, позволяютъ намъ судить о нетерпѣнн, съ какимъ онъ желалъ покончить это дѣло. Пока у него еще была масса дѣла съ иллирійцами, на югѣ началось движеніе, которое, не будь оно скоро заглушено, могло бы надолго воспрепятствовать осуществленію великаго плана похода на Персію, а можетъ быть и сдѣлать его навсегда невозможнымъ.

Эллины признали гегемонію Александра и на собраніи въ Коринѣ скрѣпили союзъ съ нимъ присягой; но теперь его войско было далеко, и слова тѣхъ, которые напоминали о древней свободѣ и древней славѣ, скоро нашли открытыя уши и сердца. Конечно, пока еще молодость Александра позволяла съ презрѣніемъ смотрѣть на него при персидскомъ дворѣ въ Сузѣ, они считали выгоднымъ лавировать; въ ушахъ аѳинянъ еще звучали слова, которыми имъ недавно написалъ персидскій царь: «я не дамъ вамъ денегъ, не просите меня, потому что вы все-таки ничего не получите ⁶³⁾». Но постепенно тамъ начали понимать, какой врагъ родился для персидскаго царства въ Александрѣ. Мемнонъ (его брата уже не было въ живыхъ) былъ посланъ съ 5000 греческихъ наемниковъ противъ переправившихся уже въ Азію македонскихъ войскъ. Но движеніе среди азіатскихъ грековъ грозило ему большими затрудненіями; лучшимъ средствомъ защиты было уже давно испытанное средство бороться съ врагами персидскаго царства въ Элладѣ и съ помощью эллиновъ.

Дарій отправилъ къ эллинамъ посланіе, въ которомъ призывалъ ихъ къ войнѣ противъ Александра; онъ послалъ деньги отдѣльнымъ государствамъ, въ Аѳины 300 талантовъ, но у дема еще хватило благоразумія не принять ихъ; ихъ принялъ Демосеенъ, чтобы употребить ихъ въ интересахъ персидскаго царя и противъ скрѣпленнаго клятвою мира ⁶⁴⁾. Онъ состоялъ въ перепискѣ со стратигами персидскаго царя, служившей, безъ сомнѣнія, для того, чтобы давать и получать свѣдѣнія относительно войны съ Александромъ. Рука объ руку съ Ликургомъ и другими единомышленными съ нимъ народными вождями, онъ дѣлалъ все нужное для того, чтобы приготовить и возбудить новую борьбу противъ господства Македоніи, и особенно для того, чтобы подтолкнуть къ новымъ предпріятіямъ ѳивскихъ эмигрантовъ, во множествѣ нашедшихъ пріемъ въ Аѳинахъ. Чѣмъ дальше находился Александръ, чѣмъ долѣе онъ пребывалъ вдали, тѣмъ больше становилось мужество и усердіе этой партіи; распространившіеся о понесенномъ Александромъ въ землѣ трибалловъ по-

раженіи слухи были встрѣчены съ полнымъ довѣріемъ ⁶⁵). Въ Аркадіи, въ Элидѣ, въ Мессеніи, у этолянъ тоже пробудилась прежняя жажда новыхъ порядковъ и новыя надежды; по больше всѣхъ чувствовали иго македонскаго господства оиванцы; занимавшій ихъ цитадель гарнизонъ какъ бы постоянно напоминалъ имъ ихъ теперешній позоръ и утрату ихъ прежней славы.

Въ это то время распространилось извѣстіе, что Александръ палъ въ бою съ трибаллами; Демосоевъ показалъ собравшемуся народу человека, получившаго рану въ томъ же самомъ сраженіи, въ которомъ Александръ будто-бы палъ передъ его глазами ⁶⁶). Кто могъ теперь сомнѣваться? Кто съ радостью не склонился бы теперь на убѣжденія тѣхъ, которые говорили: вотъ наступило время освободиться отъ македонскаго ига, — заключенные съ Александромъ договоры кончаются съ его смертію, а персидскій царь, готовый выступить на защиту свободы греческихъ государствъ, предоставилъ въ распоряженіе людей, которые подобно ему стремятся единственно къ благу и свободѣ эллиновъ, богатая субсидія для поддержки всѣхъ направленныхъ противъ Македоніи предпріятій. Не менѣе персидскихъ денегъ содѣйствовало этимъ планамъ и то, что на ряду съ Демосоевомъ говорилъ за нихъ неподкупный Ликургъ. Важнѣе всего было дѣйствовать не теряя времени и какимъ нибудь великимъ подвигомъ создать центръ для всеобщаго возстанія.

Понятно, что въ понесшихъ тяжелое наказаніе Оивахъ, что среди находившихся въ Аѳинахъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ оиванскихъ бѣглецовъ и изгнанниковъ настроеніе умовъ было таково, что нужно идти на все. Изгнанники уже разъ выступали изъ Аѳинъ на освобожденіе Кадмеи; ихъ велъ Пелопидъ, побѣда при Левктрахъ и Мантинеѣ были славными плодами этого геройскаго поступка. Конечно, въ союзномъ договорѣ каждый городъ торжественно обѣщалъ не дозволить эмигрантамъ предпринимать изъ его стѣнъ насильственное возвращеніе на родину; но царь, съ которымъ былъ скрѣпленъ этотъ договоръ, былъ теперь мертвъ. Несомнѣнно, не безъ соглашенія съ Демосфеномъ, можетъ быть даже снабженные имъ частью находившихся въ его рукахъ персидскихъ денегъ, многіе эмигранты покинули Аѳины; къ ночи они прибыли въ Оивы, гдѣ ихъ друзья уже ожидали ихъ. Они начали съ того, что умертвили двухъ вожаковъ македонской партіи, спустившихся ничего не подозревая съ Кадмеи ⁶⁷). Они пригласили гражданъ на собраніе, сообщили о случившемся и о томъ, на что можно надѣяться; дорогимъ именемъ свободы и прежней славы заклинали они народъ сбросить иго македонянъ и увѣряли, что вся Греція и персидскій царь готовы оказать имъ помощь; но когда они сообщили, что Александра нечего больше бояться, что онъ палъ въ Иллиріи, тогда народъ опредѣлилъ возстановить древнюю свободу, назначить новыхъ віотарховъ, изгнать изъ Кадмеи гарнизонъ и черезъ пословъ пригласить на помощь другія государства.

Все, казалось, обѣщало самый лучшій успѣхъ; элейцы уже прогнали приверженцевъ Александра; этолѣе волновались, Аѳины вооружались, Демосоевъ послалъ въ Оивы оружіе ⁶⁸), и аркадцы выступили на помощь оиванцамъ. И когда послы Антипатра явились на

Истмъ, чтобы напомнить уже достигшимъ его мятежникамъ о заключенныхъ договорахъ и чтобы потребовать отъ нихъ определенной союзнымъ договоромъ помощи⁶⁹⁾, то слушали не ихъ, а горячіи мольбы оиванскихъ пословъ, которые, съ перевитыми шерстью оливковыми вѣтвями въ рукахъ, призывали на защиту святого дѣла⁷⁰⁾. Тѣмъ болѣе велика была горячность въ самихъ Фивахъ; Кадмея была окружена налессадами и другими сооруженіями, такъ что къ находившемуся въ крѣпости гарнизону не могла пропикнуть ни помощь, ни съѣстные припасы; рабы были освобождены; они и метѣки были вооружены для войны, городъ былъ въ изобилии снабженъ провіантомъ и оружіемъ; Кадмея должна была скоро пасть, тогда Фивы и вся Эллада будутъ свободны, тогда будетъ отомщенъ позоръ Херопеи, и Коринѣскій союзъ, этотъ призракъ независимости и безопасности, исчезнетъ передъ радостнымъ свѣтомъ новаго утра, уже занимающагося, повидимому, надъ Элладой.

Въ это время распространился слухъ, что македонское войско приближается форсированнымъ маршемъ и что оно стоитъ въ Оихистѣ всего въ двухъ миляхъ разстоянія. Вожаки успокоиваютъ народъ: это вѣдь Антипатръ; съ того времени, какъ убить Александръ, македонянь нечего болѣе бояться. Затѣмъ явились гонцы съ извѣстіемъ, что это самъ Александръ; они были дурно приняты: это, говорили имъ, ливкистіецъ Александръ, сынъ Аэропа. Черезъ день послѣ этого царь, котораго считали мертвымъ, стоялъ со своимъ войскомъ подъ стѣнами города⁷¹⁾.

Какъ все вообще въ этой первой войнѣ царя поразительно и внезапно, полно живости и силы. такъ главнымъ образомъ этотъ переходъ. Двѣ недѣли тому назадъ онъ далъ послѣднее сраженіе у Пеліона; при извѣстіи о происходящихъ въ Фивахъ событіяхъ онъ выступилъ, въ недѣлю прошелъ черезъ горы и достигъ Пеллинея при верховьяхъ Пеней; быстро пройдя далѣе къ Сперхею, перейдя черезъ Термопилы и вступивъ въ предѣлы Віотіи, онъ стоялъ теперь у Оихисты, въ двухъ миляхъ отъ Фивъ, почти въ 60 миляхъ отъ Пеліона⁷²⁾. Первымъ послѣдствіемъ его внезапнаго появленія было то, что шедшіе на помощь народы Аркадіи не отважились идти далѣе Истма, что аоніянне опредѣлили не двигать своихъ войскъ до тѣхъ поръ, пока не рѣшится начатая противъ Александра борьба, и что орхоменяне, платейцы, ѳеслійцы, фокейцы и другіе враги оиванцевъ, считавшіе себя уже совершенно отданными въ жертву ярости своихъ прежнихъ мучителей, съ удвоеннымъ рвеніемъ примкнули къ македонянамъ. Царь не думалъ сразу прибѣгать къ силѣ; онъ двинулся съ войскомъ изъ Оихисты и сталъ лагеремъ передъ сѣверною стѣной около гимназіи Юлая, ожидая, что оиванцы, увидавъ передъ собой его войско, поймутъ все безуміе своего предпріятія и будутъ просить о мирномъ соглашеніи. Но они, хотя и лишенные всякихъ надеждъ на помощь, и не думали смириться, а приказали всадникамъ и легковооруженнымъ произвести вылазку, причемъ имъ удалось отбѣснить назадъ непріятельскіе форпосты, и съ удвоеннымъ рвеніемъ стали наступать къ Кадмеѣ. Даже и теперь Александръ все еще медлилъ начать борьбу, которая, будучи разъ начата, должна была имѣть

роковыя послѣдствія для греческаго города; на второй день онъ двинулся къ южнымъ воротамъ, ведущимъ въ сторону Аѳинъ и къ которымъ съ внутренней стороны примыкаетъ Кадмея, и сталъ здѣсь лагеремъ, чтобы быть вблизи для поддержки находившихся въ цитадели македонянъ; онъ все еще медлитъ нападеніемъ. Говорятъ, онъ далъ знать находившимся въ городѣ, что, если они выдадутъ зачипицковъ возстанія, Феникса и Проонта, то онъ проститъ и забудетъ случившееся ⁷³). Многіе въ городѣ совѣтовали и даже требовали, чтобы было послано къ царю съ просьбой о прощеніи; но вѣтарахи, изгнанники и тѣ, которые пригласили ихъ возвратиться, не ожидая отъ Александра никакого дружескаго пріема, убѣждали народъ сопротивляться до послѣдней возможности; царю, говорили они, должно отвѣтить: если онъ желаетъ мира, то пусть выдастъ имъ Антипатра и Филоту; должно объявить, что всѣ, кто заодно съ ними и съ персидскимъ царемъ желаетъ освободить Элладу, приглашаются явиться къ нимъ въ городъ ⁷⁴). Александръ еще и теперь не хотѣлъ нападать.

Но Пердикка, фаланга котораго составляла авангардъ македонскаго лагеря и стояла недалеко отъ непріятельскихъ окоповъ, счелъ минуту для нападенія настолько благоприятною, что, не дожидаясь приказа Александра, атаковалъ укрѣпленія, прорвался черезъ нихъ и напалъ на непріятельскіе аванпосты ⁷⁵). Аминта, стоявшій со своей фалангой рядомъ съ Пердиккой, тоже быстро выступилъ изъ лагеря и слѣдомъ за нимъ напалъ на второй валъ. Царь видѣлъ ихъ движенія и, боясь оставить ихъ однихъ противъ непріятеля, — приказалъ стрѣлкамъ и агріанамъ ворваться въ окопы, а агимъ велѣлъ выступить, вмѣстѣ съ другими гинаспистами, но остановиться передъ наружными окопами. При штурмѣ второго вала палъ тяжело раненый Пердикка, но двѣ фаланги, соединившись со стрѣлками и агріанами, взяли валъ приступомъ и проникли въ городъ черезъ ложбину воротъ Электры до самаго Гераклеона, когда еванцы оборотились съ громкимъ крикомъ и ринулись на македонянъ, какъ что послѣдніе со значительнымъ урономъ — пало семьдесятъ стрѣлковъ и въ томъ числѣ ихъ предводитель, критянинъ Эвриботъ — бѣгомъ принуждены были отступить къ гинаспистамъ. Въ эту минуту Александръ, видя, что занятые преслѣдованіемъ еванцы не соблюдаютъ никакого порядка, быстро двинулся на нихъ съ сомкнутою фалангой; они были опрокинуты и бѣжали такъ поспѣшно, что македоняне вмѣстѣ съ ними ворвались въ ворота, между тѣмъ какъ въ то же время въ другихъ мѣстахъ стѣна, лишенная вслѣдствіе множества находившихся въ ея аванпостовъ всякой защиты, была занята взшедшими на нее македонянами и сообщеніе съ Кадмеей было восстановлено. Теперь для города не было спасенія; гарнизонъ Кадмеи съ частью ворвавшихся бросился въ нижній городъ на Амфіэонъ; другіе перелзли черезъ стѣны и бѣгомъ бросились на рынокъ. Тщетно сражались еванцы съ отчаянною храбростью; со всѣхъ сторонъ проникали въ городъ враги; Александръ былъ вездѣ и воодушевлялъ своихъ словомъ и примѣромъ; еванская конница, разсѣянная по улицамъ, бросилась черезъ оставшіяся еще свободными ворота въ открытое поле; пѣ-

хотинцы спасались, кто куда могъ, въ поле, въ дома, въ храмы, наполненные рыдающими женщинами и дѣтьми. Теперь не столько македоняне, сколько фокейцы, платейцы и другіе віотійцы, исполненные озлобленія, произвели ужасное кровопролитіе; не были пощажены даже женщины и дѣти, ихъ кровь обагрила алтари боговъ ⁷⁶). Только сумракъ наступившей ночи положилъ конецъ грабежу и убійству; число павшихъ македонинъ равнялось пятистамъ, а ѳиванцевъ было уже убито шесть тысячъ, когда приказъ царя положилъ конецъ рѣшнѣ.

На слѣдующій день царь созвалъ собраніе членовъ Коринфскаго союза ⁷⁷), принимавшихъ участіе въ борьбѣ, и предоставилъ имъ рѣшить судьбу города. Судьями надъ ѳивами были тѣ же платейцы, орхоменяне, фокейцы, ѳессійцы, которымъ долго приходилось выносить ужасный гнѣтъ ѳиванцевъ, города которыхъ были иѣкогда разрушены ими ⁷⁸), а сыновья и дочери обезчещены и проданы въ рабство. Они постановили, что городъ долженъ быть сравненъ съ землей, что земля, за исключеніемъ той, которая принадлежала храму, должна быть раздѣлена между союзниками Александра, что всѣ ѳиванцы съ женами и дѣтьми должны быть проданы въ рабство и что свобода должна быть дарована только жрецамъ и жрицамъ, да еще лицамъ, связаннымъ узами гостепріимства съ Филиппомъ, Александромъ и македонянами; Александръ повелѣлъ также пощадить домъ Пиндара и его потомковъ. Тридцать тысячъ человѣкъ ⁷⁹) всякаго возраста и состоянія было продано и разсѣяно по всему свѣту, затѣмъ стѣны были снесены, дома очищены и разрушены; народа Эпаминонда теперь болѣе не существовало и городъ представлялъ ужасную грудю развалинъ, «кенотафъ ихъ славы»; наверху въ уединенной цитадели македонскій гарнизонъ сторожилъ храмы и «могилы мертвыхъ».

Участъ ѳивъ была потрясающая; только поколѣніе тому назадъ онѣ владѣли гегемоніей въ Элладѣ, ихъ священныя отряды освобождали ѳессалію и поилъ своихъ коней въ Эвротѣ; теперь они были изглажены съ лица земли. Греки всѣхъ партій неисчерпаемы въ своихъ жалобахъ на паденіе ѳивъ и слишкомъ часто несправедливы къ царю, который не могъ спасти ихъ. Впослѣдствіи, когда среди наемныхъ полчищъ Азіи въ его руки, какъ военнопленныя, попадались ѳиванцы, онѣ никогда не относились къ нимъ иначе, какъ съ великодушіемъ; уже теперь, когда борьба только что была кончена, онѣ дѣйствовали такимъ же образомъ. Одна благородная ѳивянка, какъ рассказываютъ, была схвачена и связанная приведена къ нему; ея домъ былъ разрушенъ ѳракійцами Александра, она сама была обезчещена ихъ предводителемъ и затѣмъ съ страшными угрозами ее пачали спрашивать, гдѣ она спрятала свои сокровища; она повела ѳракійца къ скрытому въ кустахъ колодезю; здѣсь, сказала она, погружены ея сокровища; и когда онъ спустился въ колодезь, она забросала его камнями до смерти. Тогда ѳракійцы привели ее на судъ къ царю; она сказала, что она Тимоклея, сестра того ѳеагена, который, будучи стратигомъ при Херонѣѣ, палъ, сражаясь противъ Филиппа за свободу грековъ. Не менѣе правдоподобенъ и конецъ рассказа, что Александръ простилъ мужественную женщину и даровалъ свободу ей и ея роднымъ ⁸⁰).

Паденіе и разрушеніе Фивъ не могло не отрезвить эллиновъ отъ ихъ мимолетнаго энтузіазма. Элейцы поспѣшили призвать обратно изгнанныхъ ими приверженцевъ Александра; аркады вернули свои войска съ Истма и осудили на смерть тѣхъ, которые подговаривали ихъ къ этому походу противъ Александра; отдѣльныя племена это-ляпъ отправили пословъ къ царю и просили прощенія за то, что у нихъ случилось. Подобно этому было поступлено и въ другихъ мѣстахъ.

Аѳиняне, несмотря на присесенную ими въ союзѣ клятву, дозволили возвратиться на родину ѳиванскимъ эмигрантамъ, постановили по предложенію Демосеена послать помощь въ Фивы и выслать въ море флотъ; но они не воспользовались колебаніями Александра для того, чтобы двинуть свои войска въ Фивы (они могли бы быть тамъ въ два перехода). Они праздновали великія мистеріи (въ началѣ сентября), какъ разъ въ то время, когда бѣглецы принесли вѣсть о паденіи города; празднество было прервано въ величайшемъ смятеніи, все движимое плущество было спесено изъ деревень въ городъ, затѣмъ было созвано собраніе, которое по предложенію Демада рѣшило отправить посольство изъ десяти пріятныхъ царю мужей, чтобы поздравить его съ счастливымъ возвращеніемъ изъ земли трибалловъ и съ театра иллирійской войны, а также и съ подавленіемъ и справедливымъ наказаніемъ возставшихъ Фивъ, и чтобы въ то же время просить разрѣшенія для города поддержать свою исконную славу гостепріимства и молосердія также и теперь относительно ѳиванскихъ бѣглецовъ. Царь потребовалъ ⁸¹⁾ выдачи Демосеена, Ликурга, затѣмъ Харидема, ожесточеннаго противника македонскаго господства, положившаго конецъ его хищническому способу веденія войны, Эфіальта, который недавно отправлялся посломъ въ Сузы, и другихъ; они, сказавъ онъ, являются не только причиною понесеннаго Аѳинами при Херонѣ пораженія, но и всѣхъ тѣхъ несправедливостей, которыя послѣ смерти Филиппа были дозволены противъ его памяти и противъ законнаго наслѣдника македонскаго престола; въ паденіи Фивъ они виновны не менѣе, чѣмъ организаторы возстанія въ самихъ Фивахъ; тѣ изъ этихъ послѣднихъ, которые теперь нашли убѣжище въ Аѳинахъ, должны быть также выданы. Требованіе Александра вызвало жестокіе дебаты въ народномъ собраніи въ Аѳинахъ; Демосеенъ заклиналъ народъ «не выдавать, какъ овцы въ баснѣ, своихъ сторожевыхъ собакъ волку». Народъ, не зная, что предпринять, ждалъ мнѣнія строгаго Фокиона; его совѣтомъ было: какою бы то ни было цѣною купить прощеніе царя и не прибавлять неблагоприятнымъ сопротивленіемъ къ несчастью Фивъ еще и погибель Аѳинъ; тѣ десятеро, которыхъ требуетъ Александръ, должны теперь показать, что они изъ любви къ отечеству готовы лично принести величайшія жертвы. Но Демосеенъ убѣдилъ своею рѣчью народъ, а пятью талантами принадлежавшаго къ македонской партіи оратора Демада, чтобы этотъ послѣдній былъ посланъ къ царю и просилъ его предоставить аѳинскому народу судъ надъ виновными ⁸²⁾. Царь согласился, отчасти изъ уваженія къ Аѳинамъ ⁸³⁾, отчасти изъ желанія приступить скорѣе къ походу въ Азію, во время котораго онъ не желалъ оставлять въ Греціи никакого подозрительнаго недовольства; было потре-

бовано только изгнаніе Харидема, этого дикаго авантюриста, къ которому когда-то чувствовалъ отвращеніе самъ Демосеенъ; Харидемъ бѣжалъ въ Азію къ персидскому царю ⁸⁴). Вскорѣ и Эфіальтъ съѣлъ на корабль и покинулъ Аѣны.

Когда такимъ образомъ спокойствіе въ Элладѣ было восстановлено, а уничтоженіе Фивъ и македонскій гарнизонъ въ Кадмеѣ могли служить достаточной гарантіей противъ новыхъ движеній въ будущемъ, Александръ выступилъ изъ лагеря передъ Фивами и осенью 335 года возвратился въ Македонію. Года было достаточно, чтобы упрочить его подвергавшійся многимъ, опасностямъ престолъ; увѣренный въ повиновеніи сосѣднихъ варварскихъ народовъ, въ спокойствіи въ Элладѣ, въ преданности своего народа, онъ могъ назначить слѣдующую весну для начала предпріятія, которое должно было имѣть рѣшающее значеніе въ судьбахъ Азіи и въ ходѣ слѣдующихъ вѣковъ.

Слѣдующіе затѣмъ мѣсяцы были посвящены приготовленіямъ къ великой войнѣ; изъ Греціи, изъ Фессаліи, съ горъ и изъ долинъ Фракіи явились толпы союзниковъ; вербовались наемники и готовились корабли для переправы въ Азію. Царь занимался совѣщаніями ⁸⁵), чтобы составить планъ операцій похода согласно сообщеніямъ, которыя были получены относительно природныхъ условій странъ востока, относительно важности въ военномъ отношеніи бассейновъ рѣкъ, горныхъ хребтовъ, городовъ и странъ. Мы были бы весьма счастливы, еслибы имѣли объ этомъ болѣе подробныя свѣдѣнія и особенно о томъ, имѣли ли при дворѣ въ Пеллѣ представленіе о географическихъ условіяхъ царства, на которое думали напасть, и о его протяженіи по ту сторону Тавра и Тигра. Конечно, Анабазисъ Ксенофонта, а вѣроятно и персидская исторія Ктези были извѣстны; много свѣдѣній могло быть получено отъ грековъ, служившихъ наемниками въ Азіи, отъ персидскихъ посольствъ и отъ Артабазы и Мемнона, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ жившихъ бѣглецами при македонскомъ дворѣ. Но какъ ни старательно собирались свѣдѣнія, они могли быть только ненадежнымъ матеріаломъ для плановъ войны до Эвфрата и во всякомъ случаѣ не далѣе Тигра; объ устройствѣ земель, лежавшихъ далѣе къ востоку, о существовавшихъ тамъ разстояніяхъ, несомнѣнно, не имѣлось никакихъ представленій.

Затѣмъ былъ опредѣленъ порядокъ дѣлъ на родинѣ: Антипатръ былъ назначенъ намѣстникомъ ⁸⁶), съ войскомъ, достаточнымъ для того, чтобы обезпечить спокойствіе въ Элладѣ, защищать границы Македоніи и держать въ повиновеніи окружные народы; князя союзныхъ варварскихъ племенъ были приглашены лично участвовать въ войнѣ, чтобы этимъ еще болѣе обезпечить царство отъ переменъ и чтобы ихъ единоплеменики, стоя подъ ихъ начальствомъ, были тѣмъ храбрѣе ⁸⁷). Еще одно опасеніе было высказано въ военномъ совѣтѣ главнымъ образомъ Антипатромъ и Парменіономъ: кому, въ случаѣ непредвидѣннаго несчастія, должны принадлежать права на царскій престолъ? Они заклинали царя жениться до похода и подождать рожденія послѣдника престола. Онъ отвергъ ихъ предложенія: недостойно, сказалъ онъ, ни его, ни македонца, ни эллиновъ, ду-

мать о свадьбѣ и брачномъ ложѣ, когда Азія уже готова къ войнѣ ⁸⁸). Неужели онъ долженъ ждать до тѣхъ поръ, пока придетъ уже собирающийся флотъ финикійскій и кипріотскій, и соберется и перейдетъ черезъ Тавръ набираемое персидскимъ царемъ войско? онъ не имѣетъ права долѣе медлить, если желаетъ пріобрѣсти Малую Азію и въ ней базисъ для дальнѣйшей войны.

Источники говорятъ, что онъ дѣйствовалъ такъ, какъ будто бы навсегда прощался съ Македоніей. Все, что принадлежало ему на родинѣ, имѣнья, лѣса и деревни, даже пошлины съ гаваней и другіе доходы, онъ раздарилъ своимъ друзьямъ, и когда почти все уже было раздѣлено, на вопросъ Пердикки: что же остается ему самому, отвѣчалъ: «Надежда»; тогда Пердикка отказался отъ своей доли: «Позволь намъ, которые будутъ биться вмѣстѣ съ тобой, раздѣлить съ тобой надежду»; и многіе друзья послѣдовали примѣру Пердикки ⁸⁹). Этотъ рассказъ преувеличенъ, но онъ соотвѣтствуетъ настроенію умовъ передъ выступленіемъ; царь умѣлъ вызвать все большій и большій подъемъ духа; наполнявшій его энтузіазмъ сообщался его генераламъ, окружавшимъ его знатымъ всадникамъ и всему войску, слѣдовавшему за нимъ; съ юношей-героемъ во главѣ, они, увѣренные въ побѣдѣ, вызывали весь міръ на бой.

КНИГА ВТОРАЯ.

AMERICAN

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ВОЙНѢ.—ФИНАНСЫ.—СОЮЗНИКИ ЦАРСТВА. — АРМІЯ. — ПЕРЕХОДЪ ВЪ АЗІЮ. — БИТВА ПРИ ГРАНИКѢ. — ЗАНЯТІЕ ЗАПАДНАГО БЕРЕГА МАЛОЙ АЗІИ. — ЗАВОЕВАНІЕ ГАЛИКАРНАССА. — ПОХОДЪ ЧЕРЕЗЪ ЛИКІЮ, ПАМФИЛІЮ И ПИДИЮ. — ОРГАНИЗАЦІЯ НОВЫХЪ ОБЛАСТЕЙ.

Съ перваго взгляда предпріятіе Александра кажется стоящимъ въ большомъ несоотвѣтствіи съ тѣми средствами, которыя находились въ его распоряженіи. Побить врага на полѣ битвы было только меньшей половиной его дѣла; онъ долженъ былъ еще подумать о томъ, какимъ образомъ надолго упрочить успѣхи своего оружія.

По своему протяженію территорія, силами которой онъ могъ располагать, едва равнялась тридцатой части персидскаго царства; столь же неравнымъ являлось и отношеніе между численностью народонаселенія здѣсь и тамъ, между сухопутными и морскими боевыми силами его и Персіи. Если же мы прибавимъ, что по смерти Филиппа македонская сокровищница была истощена и обременена 500 талантами долга, между тѣмъ какъ въ казнохранилищахъ персидскаго царя въ Сузѣ, Экватанѣ, Персеполѣ и т. д. были сосредоточены огромные запасы благороднаго металла, что Александръ по окончаніи своихъ вооруженій, для которыхъ онъ долженъ былъ занять 800 талантовъ, имѣлъ въ своемъ распоряженіи для начала войны съ Азіей не болѣе 60 талантовъ ¹⁾, то его предпріятіе представится намъ безумно смѣлымъ и почти химерическимъ.

Характеръ дошедшихъ до насъ преданій не позволяетъ искать въ нихъ отвѣта на представляющіеся здѣсь вопросы. Даже умный Арріанъ сообщаетъ только о виѣшнемъ, почти исключительно военномъ ходѣ дѣла, при случаѣ съ моральной оцѣнкой своего героя, приводя почти одни только имена тѣхъ, которые помогали ему совѣтомъ и дѣломъ при этой войнѣ; объ администраціи, финансахъ, политическомъ устройствѣ, о государственной канцеляріи, кабинетѣ царя, о лицахъ, бывшихъ въ этихъ должностяхъ исполнителями воли его,

онъ не говоритъ ничего; онъ не выясняетъ себѣ и читателю, какимъ образомъ дѣла и успѣхи, о которыхъ онъ сообщаетъ, были возможны и дѣйствительно осуществились, каковы были средства, насколько все было предусмотрено заранее, каковы были цѣли и руководящія практическія точки зрѣнія и какова была сила воли, тонкой проницательности и военнаго и политическаго гения, обусловившая ихъ осуществленіе.

Изъ указанной нами массы вопросовъ на первый разъ достаточно выдвинуть тѣ, которые являются самыми существенными здѣсь, въ началѣ этого изумительнаго ряда побѣдъ.

Многіе думали понять характеръ Александра и его гения, представляя его фантазеромъ, который со своими, не менѣе полными энтузіазма, воипственными народами двинулся въ Азію поражать персовъ, гдѣ и какъ онъ бы ихъ ни нашелъ, ожидая, что случай позволитъ ему идти еще дальше. Другіе полагали, что онъ только осуществилъ ту мысль, которая постоянно занимала его отца, которую не уставали проповѣдывать философы, ораторы и патріоты и которая, въ сущности, была порождена и развита греческой образованностью.

Мысль, прежде чѣмъ она перейдетъ въ дѣло, есть только мечта, призракъ, игра возбужденной фантазіи; только тотъ, кто осуществляетъ ее, придаетъ ей форму, плоть и кровь, импульсъ своихъ собственныхъ стремленій, кладетъ на нее отпечатокъ мѣста и времени своей дѣятельности, а условія и взаимодѣйствія мѣста и времени полагаютъ ей постоянно новыя предѣлы, придаютъ ей все болѣе и болѣе рѣзкія формы выраженія, пося на себѣ отпечатокъ его силы и его слабостей.

Выступилъ ли Александръ въ походъ, какъ искатель приключеній, какъ мечтатель съ мыслью вообще завоевать Азію вплоть до окружающихъ ее певѣдомыхъ морей? или онъ зналъ чего онъ хочетъ и чего можетъ хотѣть, и сообразно съ этимъ намѣтилъ свои военные и политическіе планы и принялъ свои мѣры?

Вопросъ не въ томъ, чтобы вывести обратное заключеніе изъ ряда его успѣховъ, указать на связывавшій ихъ планъ и выставить его очевидность какъ доказательство; спрашивается, есть ли доказательство тому, что это дѣло еще до своего начала представлялось его уму такимъ какимъ ему суждено было сдѣлаться.

Быть можетъ, къ рѣшенію этого вопроса насъ приведетъ одинъ фактъ, о которомъ, правда, наши источники умалчиваютъ. Непосредственные остатки того времени, кромѣ немногихъ надписей и памятниковъ искусства, мы имѣемъ только въ монетахъ, серебряныхъ, золотыхъ и мѣдныхъ, которыхъ дошли до насъ тысячи съ именемъ Александра, въ иѣмыхъ свидѣтеляхъ, которыхъ научное изслѣдованіе заставило наконецъ заговорить. Въ сравненіи съ золотыми и серебряными монетами персидскихъ царей, безчисленныхъ греческихъ городовъ и македонскихъ царей до Александра они представляютъ собою весьма замѣчательное явленіе.

Выше было упомянуто, что царь Филиппъ ввелъ новую монетную систему въ своихъ земляхъ; она, по выраженію одного знаменитаго

ученаго, была какъ бы первымъ отдаленнымъ шагомъ къ завоеванію Персіи ²⁾. Она состояла въ томъ, что, между тѣмъ какъ въ греческомъ мірѣ господствовала серебряная валюта, а въ персидскомъ царствѣ золотая, онъ началъ чеканить золото по валютѣ дариковъ, а серебро по валютѣ, ближе всего соотвѣтствовавшей торговой цѣнѣ золота. Такимъ образомъ онъ поставилъ золотую валюту «не на мѣсто, но наряду съ исключительно господствовавшей до сихъ поръ въ греческомъ мірѣ серебряной валютой и ввелъ этимъ въ своемъ царствѣ двойную валюту» ³⁾. Всѣ своихъ серебряныхъ монетъ, которыхъ должно было идти 15 на золотую монету въ 8, 60 гр., онъ установилъ въ 7, 24 гр., сообразно съ отношеніемъ цѣны золота къ цѣнѣ серебра, равнявшимся въ торговлѣ 1: 12, 51; это была приблизительно валюта имѣвшихъ широкое распространеніе родосскихъ серебряныхъ монетъ.

Золотыя монеты Александра по вѣсу и содержанію золота соотвѣтствуютъ «филиппеямъ», но его серебряныя монеты слѣдуютъ совершенно другой системѣ; это тетрадрахмы въ 17,00—17,20 гр. и ихъ дробныя части, совершенно соотвѣтствующія аттической системѣ, съ цѣнностью золота относительно серебра равной 1: 12, 30. Это уменьшеніе было сдѣлано не съ намѣреніемъ возвратиться отъ двойной валюты отца къ чистой серебряной валютѣ эллиновъ, хотя отпавъ «драхма Александра» и сдѣлалась общей, ходячей во всемъ царствѣ, единицей цѣнности, по—и это болѣе важно для нашего вопроса—среди огромной массы драхмъ Александра нѣтъ ни одной монеты, соотвѣтствующей вѣсомъ монетамъ Филиппа ⁴⁾.

Трудно предположить, чтобы это нововведеніе было произведено безъ существенныхъ мотивовъ. Когда Филиппъ ввелъ двойную валюту, его намѣреніемъ было, при упадкѣ цѣны золота въ торговлѣ съ греческимъ міромъ, гдѣ господствовала серебряная валюта, установить цѣну обоихъ благородныхъ металловъ и поддержать такимъ образомъ ихъ равновѣсіе. Дальнѣйшее паденіе цѣны золота повлекло бы за собою отливъ серебра и изъ Македоніи, какъ это уже произошло раньше съ Персіей, въ томъ отношеніи, насколько цѣна серебра была выше цѣны золота, за которое его можно было купить. Введеніемъ новой монетной системы Александръ, такъ сказать, объявлялъ войну персидскому золоту; золото было сдѣлано простымъ товаромъ, товаромъ, который съ завоеваніемъ сокровищъ персидскаго царя и съ возвращеніемъ къ обращенію лежавшихъ тамъ мертвыми массъ золота могло продолжать обезцѣниваться дальше, не вліяя въ равной степени на упадокъ опредѣляемыхъ серебромъ цѣнъ въ греческомъ мірѣ. Серебро аттического вѣса отнынѣ сдѣлалось мѣрою цѣнности, тетрадрахма нарицательной величиной такой монетной единицы, въ которой могли быть объединены почти всѣ монетныя системы Греціи какъ дробь своимъ общимъ знаменателемъ. А черезъ полъ-поколѣнія «драхма Александра» стала всемірной монетой.

Мы не станемъ вдаваться въ рѣшеніе вопроса, имѣла ли эта реформа монетной системы Македоніи цѣлью финансовую помощь въ настоящихъ денежныхъ обстоятельствахъ ⁵⁾, разсчитали ли Александръ и его совѣтники экономическія послѣдствія этой мѣры и пред-

видѣли ли они дальнѣйшее паденіе цѣны золота, которое послѣдуетъ, когда поступать въ обращеніе персидскія сокровища. Достаточно, если коренная реформа показываетъ намъ, до какой степени былъ продуманъ заранѣ великій планъ, прежде, чѣмъ было приступлено къ его исполненію.

Второй предварительный вопросъ состоитъ въ томъ, на какихъ основахъ было поставлено предпріятіе, на которое выступалъ Александръ, и было ли его желаніемъ немедленно послѣ переправы черезъ Геллеспонтъ покинуть этотъ базисъ и, — какъ было употреблено вѣрное выраженіе, — сжечь за собою корабли.

Мы должны предоставить дальнѣйшему ходу нашего изложенія объясненіе того, отчего мы не вдаемся здѣсь въ рѣшеніе постановленной нами такимъ образомъ альтернативы. Во всякомъ случаѣ, началъ для Александра все зависѣло отъ того, былъ ли надеженъ его базисъ и только постольку, поскольку онъ былъ таковымъ въ военномъ и политическомъ отношеніи, онъ могъ отважиться на первый рѣшительный ударъ и рассчитывать на его дальнѣйшія послѣдствія.

Царство Александра простиралось отъ Византіи до Эвроты и въ глубину страны за Гемъ и Пиндъ до Дуная и Адриатическаго моря; эта область обнимала какъ бы прямымъ угломъ сѣверную и западную изъ четырехъ сторонъ Эгейскаго моря, а его восточную сторону составляли принадлежавшіе персидскому царству, но занятые греческими городами берега Малой Азіи; Критъ, лежащій передъ открытой южной стороной этого моря, былъ греческимъ, но представлялъ собою особый міръ, подобно Великой Греціи и Сициліи и греческимъ городамъ на сѣверѣ и на югѣ Понта.

Вполнѣ увѣренъ былъ Александръ въ области, лежавшей въ вершинѣ этого прямого угла и составлявшей какъ бы краеугольный камень его государства. Здѣсь въ македонскихъ земляхъ, со включеніемъ Тимфеи и Паравей на западѣ и области Стримона на востокѣ, онъ былъ царемъ по рожденію, которому знать, селяне и города — даже основанные греками, какъ Амфиноль — были безусловно преданы.

Къ этому ядру его государства справа, слѣва и сзади примыкали остальные области, въ самыхъ разнообразныхъ формахъ политической зависимости, начиная съ полной покорности и кончая простой федераціей.

Особенную важность представляли земли Фракіи, та часть его государства, которая лежитъ около и напротивъ береговъ Малой Азіи, простираясь отъ начала Геллеспонта до конца Босфора. Фракійское царство, обнимавшее пѣкогда бассейнъ Гебра до самыхъ горъ, было разрушено царемъ Филиппомъ и хотя, повидимому, и уцѣлѣлъ его остатокъ въ княжествѣ одризовъ, но оно зависѣло отъ Македоніи и было обязано военной службой. Фракія, если мы позволимъ себѣ употребить здѣсь римское понятіе, сдѣлалась провинціей Македоніи. Чтобы удержать ее за собою, въ господствующихъ пунктахъ страны были основаны и колонизованы новые города: Филиппополь, Калива, Вероя, Александрополь и другіе; это были не свободныя колоніи въ древне-эллинскомъ смыслѣ, но военныя станціи, для наполненія которыхъ

привлекались, отчасти насильственно, изблизи и издалека, поселенцы, хотя и составлявшие гражданскую общину и пользовавшиеся общинной автономіей ⁶⁾. Территорія Фракіи—по крайней мѣрѣ съ 335 года мы объ этомъ знаемъ—стояла подъ управленіемъ македонскаго стратига. Неизвѣстно, насколько далеко простиралась подвластная ему область за проходы Гема и не управлялъ ли второй стратигъ, какъ можно предположить судя по неясному извѣстію отъ 331 или 326 года, землями «по Понту», или же народы отъ Гема до Дуная послѣ похода 335 года были обязаны сохранять мирныя сосѣдскія отношенія и, можетъ быть, платить дань. Греческіе города по фракійскому побережью Понта, отъ Аполлоніи и Месемвріи до Каллатиды и Истра, находились, правда, въ дружескихъ отношеніяхъ еще съ Филиппомъ; но они, повидимому, не вступили въ болѣе близкія связи съ Македоніей и послѣ похода 335 года ⁷⁾. При этомъ походѣ Византія послала на Дунай корабли, несомнѣнно, только на основаніи союзнаго договора; Византія во время Александра и Діадоховъ не чеканила монетъ Александра, слѣдовательно, оставалась самостоятельнымъ государствомъ, какъ греческіе города коринфскаго союза; неизвѣстно, присоединилась ли Византія къ этому союзу, или, что важнѣе, заключила съ Македоніей сепаратный договоръ.

Весьма замѣчательно то, что почти всѣ греческіе города на нижнемъ фракійскомъ побережьи чеканили монеты Александра, подобно Пеллѣ, Амфиполю, Скопю и другимъ городамъ Македоніи; слѣдовательно, подобно этимъ послѣднимъ, они подчинены македонскимъ монетнымъ законамъ и, подобно имъ, не являются уже «самостоятельными государствами» ⁸⁾, хотя и пользуются общинной автономіей. Изъ этихъ, такъ сказать, царскихъ городовъ во Фракіи лежатъ Авдера и Маронея на дорогѣ къ Геллеспонту, Кардія при вступленіи въ Херсонесъ, Криотта при входѣ въ Геллеспонтъ съ сѣвера противъ Лампсака, Ситъ и Килла на мѣстѣ переправы въ Авидъ (Абидосъ), Перинѣ и Селимвріи на Пропонтидѣ ⁹⁾.

На сѣверѣ Македоніи лежало княжество паэоновъ, а далѣе княжество агриановъ, стоявшія подъ верховенствомъ Македоніи и имѣвшія право или обязанность нести военную службу въ войскъ царя; мы имѣемъ монеты, по крайней мѣрѣ, пеонскихъ князей, относящіяся ко времени непосредственно послѣ Александра, но они не слѣдуютъ македонской валютѣ и не имѣютъ чекана Александра ¹⁰⁾.

Народы, жившіе сѣвернѣе ихъ до адриатическаго моря, трибаллы, автаріаты, дарданцы, тавлантинцы и иллирійцы Клита походомъ 335 года были принуждены сохранять спокойствіе и заключить договоры, въ которыхъ они должны были признать свою зависимость отъ Македоніи; должны ли они были платить дань, неизвѣстно.

Весьма своеобразны отношенія эпирскаго царства къ Македоніи. Съ тѣхъ поръ какъ царь Филиппъ отнялъ его у Ариавы, передалъ племяннику его Александру, брату Олимпіады, и расширилъ его предѣлы до амвракійскаго залива, оно, какъ естественная опора, стояло рядомъ съ Македоніей; бракъ молодого царя съ дочерью Филиппа, а быть можетъ и нѣкоторое участіе во власти Олимпіады, повидимому, должно было бы еще тѣснѣе привязать ихъ къ инте-

ресамъ Македоніи. Какъ странно, что несмотря на это эпироты не выступаютъ на сторонѣ Македоніи ни въ битвахъ 335 года, и не принимаютъ участія въ большомъ походѣ въ Азію; мало того, черезъ годъ, мы не можемъ даже сказать, съ согласія ли Македоніи ¹²⁾, эпирскій царь «съ 15 военными кораблями и множествомъ судовъ для транспорта войскъ и лошадей ¹³⁾» предпринимаетъ свой походъ въ Италію. Еслибы соглашеніе съ Македоніей можно было доказать, то мы приобрѣли бы важный моментъ для пониманія политическихъ идей этого времени. Но, быть можетъ, мы должны припомнить, что въ государственномъ устройствѣ молоссовъ царская власть не играла такой роли, какъ въ Македоніи, но была крайне связана присягою, которую царь давалъ народу, а народъ царю; такимъ образомъ, что царь могъ свободно распоряжаться только тѣмъ, что приносили ему его царскія имѣнія; такимъ образомъ царь молоссовъ предпринималъ, вѣроятно, свой походъ не отъ имени эпирскаго государства, но на собственный счетъ и рискъ повелѣлъ въ Италію войско наемниковъ, чтобы биться на чужой службѣ, подобно многимъ спартанскимъ царямъ.

Объ характерѣ отношеній греческихъ государствъ къ Македоніи мы говорили выше. Здѣсь необходимо возвратиться къ этому вопросу, чтобы коснуться нѣкоторыхъ пунктовъ, имѣющихъ политическое значеніе, хотя они, правда, не все могутъ быть приведены въ ясность.

Фессалийцевъ къ Александру привязывалъ не только коринѣскій союзъ; ихъ сближало съ Македоніей государственное устройство, соединившее въ одну общину ихъ четыре области, то устройство, которое придалъ имъ или возобновилъ у нихъ царь Филиппъ, и въ силу котораго военныя и финансовыя средства страны находились почти въ полномъ распоряженіи македонскаго царя ¹⁴⁾. Обнимало ли это государственное устройство также и горныя племена Фессалии, издревле «присоединенныя области», долоповъ, эніановъ, маліевъ и т. д. или ихъ привязывалъ къ Македоніи только амфиіонскій союзъ, мы теперь опредѣлить не можемъ.

Этоліане тоже, повидимому, не принадлежали къ коринѣскому союзу, но возобновили свой прежній сепаратный договоръ съ Македоніей, отдавшій въ 338 году въ ихъ руки Навпактъ.

Коринѣскій союзъ обнималъ «Элладу до Термопиль» ¹⁵⁾; къ нему не присоединилась только Спарта. Изъ приведенныхъ выше параграфовъ союзнаго законодательства ясно, что оно должно было служить не одной только руководящей державѣ для того, чтобы обезпечить за собой гегемонію въ Элладѣ и греческіе контингенты для войны съ Персіей, но также и для того, чтобы поддерживать внутренній миръ въ предѣлахъ союзной области и границы владѣній на основаніи принятыхъ въ 338 году постановленій ¹⁶⁾ и чтобы исключить всякое дальнѣйшее вліяніе персидской политики на отдѣльныя государства союза. Мы имѣемъ настолько мало дальнѣйшихъ извѣстій относительно организациі союза, что не можемъ даже опредѣлить, постоянно ли засѣдалъ синедрионъ въ Коринѣ или собирался только въ извѣстные промежутки времени ¹⁷⁾, имѣла ли Македонія въ немъ мѣсто и голосъ, или же, что вѣроятнѣе, Македонія стояла внѣ союза,

и только царь, какъ «полномочный стратигъ» для персидской войны, имѣлъ въ своихъ рукахъ опредѣленный договоромъ контингентъ войска и завѣдываніе дѣлами внѣшней политики. При морской симмахіи во время Перикла Аѣны обладали дѣйствительнымъ господствомъ надъ своими союзниками и довольно сурово пользовались имъ, перенеся даже веденіе ихъ процессовъ въ аттическія судилища¹⁸⁾; при второй аттической морской симмахіи аѣнское государство и совокупность автономныхъ союзниковъ были приравнены другъ къ другу, такимъ образомъ, что синедріонъ союзниковъ, постоянно собиравшійся въ Аѣнахъ, вмѣстѣ съ совѣтомъ и народомъ Аѣны обсуждалъ предполагаемыя мѣропріятія, и по предложеніямъ синедріона аѣнскій демъ изрекалъ окончательное постановленіе¹⁹⁾. Если царь Филиппъ при основаніи коринѣскаго союза ограничился несравненно болѣе свободной формой, если Александръ, несмотря на дважды подаваемый ему поводъ, не требовалъ и не настаивалъ на болѣе суровыхъ формахъ, то, вѣроятно, ему казалось или ненужнымъ, или невозможнымъ развить эту федерацію, говоря пышнымъ языкомъ, изъ международной лиги въ государственное цѣлое.

Мы должны это имѣть въ виду для правильной оцѣнки вытекавшихъ отсюда послѣдствій. Снособъ, какимъ былъ заключенъ союзъ, какъ онъ затѣмъ былъ нарушенъ и снова заключенъ, достаточно ясно показываетъ, что данныхъ клятвъ однихъ было недостаточно, чтобы обезпечить Александру помощь союзныхъ государствъ противъ персидскаго царя и ихъ вѣрность общей политикѣ. Но, по крайней мѣрѣ, суррогатомъ этого было существованіе партій почти во всякомъ греческомъ городѣ и старинная исто-партикуляристическая вражда сосѣднихъ городовъ другъ съ другомъ; и мы не можемъ упрекнуть македонскую политику за то, что она оказывала поддержку своимъ приверженцамъ, чтобы не позволить перейти власти въ руки тѣхъ, которые, продолжая работать противъ заключеннаго союза, по самому положенію вещей явились бы персидской партіей. Для большей благонадежности въ Акрокоринѣ, въ Халкидѣ, на Эвбей и въ Кадмеѣ были расположены македонскіе гарнизоны; и для поддержки ихъ, а вовсе не для того только, чтобы поддерживать страхъ среди жившихъ за Гемомъ и въ Иллиріи варварскихъ племенъ, Александръ при своемъ выступленіи въ походъ оставилъ въ Македоніи значительное войско, вѣроятно, цѣлую половину собственно македонскаго войска, которая въ то же время ежегодно увеличивалась рекрутами и служила какъ депо для пополненія убыли въ находившемся въ Азіи войскѣ.

Оставался еще одинъ весьма существенный пробѣлъ. Македонскій флотъ далеко уступалъ персидскому. Персидскій царь, какъ выяснилось сразу, могъ сейчасъ же выставить въ море 400 военныхъ кораблей; его флотомъ былъ флотъ финикійцевъ и кипріотовъ, лучшихъ моряковъ античнаго міра; владѣя лежавшими у западнаго берега Малой Азіи островами, которые, хотя и получили по Апталкидову миру автономію, но управляемые тираннами или олигархами, находились въ полномъ распоряженіи персидскаго царя, онъ могъ быть господиномъ Эгейскаго моря во всякое время, когда бы только пожелалъ

этого. Еслибы государства коринфскаго союза соединили свои военные корабли съ флотомъ Македоніи,—а одни Аѣины имѣли въ своихъ верфяхъ болѣе 350 кораблей,—то было бы легко утвердиться на этомъ морѣ еще до появленія персидскаго флота. На Македоніи ни при основаніи союза, ни при его возобновленіи не считала возможнымъ или удобнымъ для своей политики требовать отъ греческихъ государствъ значительной поддержки на морѣ ²⁰⁾. Если она предполагала придать борьбѣ съ Персией уже при первомъ вступительномъ походѣ существенный характеръ территоріальной войны, то ее, очевидно, побудили къ этому политическія, а не военныя соображенія.

Съ своимъ войскомъ Александръ долженъ былъ имѣть полную увѣренность въ успѣхѣ, или вѣрнѣе—здѣсь мы переходимъ къ нашему третьему вопросу—онъ долженъ былъ такъ разсчитать силу предназначавшейся къ отправленію въ Азію арміи, ея вооруженіе, организацію и отношенія между различными родами оружія въ ней, чтобы имѣть право чувствовать полную увѣренность въ успѣхѣ.

Уже царь Филиппъ довелъ численность македонскаго войска до приблизительно 30,000 человекъ пѣхоты и 4000 всадниковъ; при немъ оно получило свое своеобразное устройство; это была развитая военная организація грековъ, перспесенная въ условія Македоніи и усовершенствованная дальше сообразно съ ними; эти реформы естественнымъ образомъ были направлены къ тому, чтобы имѣть возможность употреблять въ дѣло разные роды оружія, пѣхоту и конницу, легкія и тяжело вооруженныя войска, ополченіе и наемныя войска съ несравненно болѣе свободою и болѣе совершенными результатами, чѣмъ тѣ, которые были до сихъ поръ достигнуты военнымъ искусствомъ грековъ.

При своемъ выступленіи въ Азію Александръ, правда по извѣстію, оказывающемуся весьма ненадежнымъ, оставилъ въ Македоніи подъ начальствомъ Антипатра 12,000 человекъ пѣхоты и 1,500 всадниковъ, а ихъ мѣсто заступили у него 1500 вессалійскихъ всадниковъ, 600 всадниковъ и 7,000 пѣхотинцевъ изъ греческихъ союзныхъ войскъ, 5,000 греческихъ наемниковъ и кромѣ того пѣшіе еракійцы и одризкіе и пеонскіе всадники ²¹⁾. Общая численность двинутаго къ Геллеспонту войска, по самому достовѣрному извѣстію, была «немного болѣе 30,000 человекъ пѣхоты и болѣе 5,000 всадниковъ ²²⁾».

Вся масса пѣхоты и каваллеріи была раздѣлена по родамъ оружія и по національностямъ, а не такъ, какъ римскіе легіоны и дѣленія новѣйшаго времени, представляющія собою, благодаря соединенію въ себѣ всѣхъ родовъ оружія, какъ бы арміи въ миниатюрѣ. Противъ такихъ враговъ, какъ народныя полчища Азіи, которыя, не имѣя понятія о военномъ порядкѣ и искусствѣ, собираютъ все свои силы только для одного рѣшительнаго удара и считаютъ все потеряннымъ послѣ одного пораженія; а побѣдой надъ организованными войсками выигрываютъ только новыя опасности, противъ такихъ враговъ распределеніе по роду оружія и по національностямъ имѣетъ преимущество самой простой тактической формы и естественной внутренней сплоченности; въ тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ фаланга Александра побѣдила войско Дарія, семь римскихъ легіоновъ были потомъ опрокинуты бурными нападеньями паревъ.

Войско, которое Александръ повелъ въ Азію, сохранило въ своей основѣ македонскую организацію; присоединившіеся къ нему контингенты союзниковъ, равно какъ и присоединенные къ прежнему составу наемниковъ паемныя полчища служили только для того, чтобы пополнять по возможности два элемента этой организаціи, въ которую они вошли, ея подвижность и устойчивость.

Въ греческой тактикѣ тяжелая пѣхота была преобладающимъ родомъ оружія до тѣхъ поръ, пока въ пельтастахъ къ пей не присоединилась легкая ипѣантерія, подъ ударами которой пали спартапцы. Въ боевомъ строю македонскаго войска эти двѣ формы пѣхоты, фалангиты и гипасписты, составляли тоже самую сильную по численности часть войска ²³⁾.

Особенность фаланги составляло вооруженіе отдѣльныхъ солдатъ и ея строевой порядокъ. Фалангиты — это гоплиты въ греческомъ смыслѣ, хотя они нѣсколько легче вооружены, чѣмъ греческіе ²⁴⁾; они вооружены шлемомъ, кольчугой ²⁵⁾, наколѣнниками и круглымъ щитомъ, прикрывающимъ всю ширину человѣка; главное ихъ оружіе составляетъ македонская сарисса, копье въ 14—16 футовъ длины ²⁶⁾, и короткій греческій мечъ. Предназначенные главнымъ образомъ для рукопашнаго боя, они должны были строиться такимъ образомъ, чтобы съ одной стороны быть въ состояніи спокойно ожидать самаго сильнаго натиска непріятеля, а съ другой стороны однимъ вѣрнымъ ударомъ пробить ряды его; они обыкновенно строились въ шестнадцать рядовъ ²⁷⁾, причемъ копья первыхъ пяти рядовъ выдавались передъ фронтомъ, представляя для атакующаго непріятеля непроницаемую, недоступную стѣну; слѣдующіе ряды клали свои сариссы на плечи переднихъ, такъ что нападеніе этой «боевой массы», благодаря страшной двойной силѣ тяжести и движенія было положительно непреодолимо ²⁸⁾. Только пройденная каждымъ отдѣльнымъ солдатомъ полная школа гимнастики дѣлала возможными то единство, точность и быстроту, съ которыми этой сплоченной на небольшомъ пространствѣ массѣ людей приходилось исполнять самыя сложныя движенія ²⁹⁾; въ сраженіи они представляютъ собою «движущіеся крѣпости», какъ двѣ тысячи лѣтъ спустя татарскій ага назвалъ сплоченные бранденбургскіе батальоны, состоявшіе изъ каре пикинеровъ и мушкетеровъ. Такихъ македонскихъ гоплитовъ, «педзетеровъ», въ двинутомъ въ Азію войскѣ было шесть таксисовъ или фалангъ ³⁰⁾, находившихся подъ командой стратиговъ ³¹⁾ Пердикки, Кина, Аминты, сына Андромеда, Мелеагра, Филиппа, сына Аминты, и Кратира; таксисы, повидимому, были сформированы и набраны по областямъ: такъ таксисъ Кина былъ изъ Элиміотиды, таксисъ Пердикки изъ Орестиды и Липкистиды, таксисъ Филиппа, которымъ впоследствии командовалъ Полисперхонтъ, изъ Тимфея.

У греческихъ тяжеловооруженныхъ, какъ наемниковъ, такъ и союзниковъ, были особые командиры; стратигомъ союзниковъ былъ Антигонъ, бывший впоследствии царемъ; стратигомъ наемниковъ Менандръ, одинъ изъ гетеровъ. Для крушыхъ дѣлъ эти союзники и наемники, повидимому, соединялись въ одно цѣлое съ македонскими гоплитами такимъ образомъ, что опредѣленное число лоховъ маке-

донскаго таксиса, педзетеры, вмѣстѣ съ опредѣленнымъ числомъ лоховъ союзниковъ и наемниковъ образовали фалангу Пердикки, Кипа и т. д. ³²⁾. Общая сумма тяжелой пѣхоты въ войскѣ Александра должна была доходить до 18000 человекъ.

Затѣмъ шло специально македонское войско гипасистовъ. Чтобы имѣть войско болѣе подвижное при атакѣ, чѣмъ голлиты, и болѣе тяжелое, чѣмъ легковооруженное, уже аэппияниъ Хабріій сформировалъ отрядъ воиновъ, снабженныхъ холщевыми панцырями, болѣе легкимъ щитомъ и болѣе длиннымъ мечемъ, чѣмъ у голлитовъ, подъ именемъ пельтастовъ. Въ Македоніи этотъ новый родъ оружія вѣроятно былъ введенъ въ тѣхъ войскахъ, которыя, въ противуположность призывной милиціи, несли постоянную службу, на что повидимому указываетъ ихъ имя, означающее тѣлохранителей, прикрывавшихъ щитомъ (царя) ³³⁾. При походѣ 335 года мы видѣли на многихъ примѣрахъ примѣненіе къ дѣлу этого корпуса. Часто условія мѣстности не позволяли свободно пустить въ дѣло фалангу, еще чаще было необходимо предпринимать такія атаки, быстрыя движенія и захваты, для которыхъ въ фалангахъ было слишкомъ мало подвижности, а въ легкихъ войскахъ недостаточно устойчивости; эти гипасисты были болѣе другихъ пригодны для занятія высотъ, захвата рѣчныхъ переправъ и для поддержки и дальнѣйшаго развитія кавалерійскихъ атакъ ³⁴⁾. Весь этотъ корпусъ, какъ онъ назывался «гипасисты гетеровъ», находился подъ командой сына Пармениона, Никанора, братъ котораго, Филота, начальствовалъ надъ конницей гетеровъ. Первый таксисъ назывался агемой, царской свитой гипасистовъ ³⁵⁾.

Въ кавалеріи первое мѣсто занимаютъ македонскія и ѳессалійскія илы. Они состоятъ изъ конной знати Македоніи и ѳессаліи; одинаковые по вооруженію, по опытности и по славі, они соревнуютъ другъ съ другомъ въ желаніи отличиться на глазахъ царя, который обыкновенно сражается во главѣ ихъ. Значеніе этого рода оружія для предпріятія Александра видно въ каждомъ изъ данныхъ имъ большихъ сраженій, и быть можетъ еще болѣе въ быстрыхъ перѣздахъ, какъ послѣднее преслѣдованіе Дарія и охота на Бесса. Одинаково страшные въ массовой атакѣ и въ единоборствѣ, всадники Александра своей стройностью и опытностью одолѣвали азіатскую конницу, въ какихъ бы большихъ массахъ она ни появлялась, а ихъ нападеніе на непріятельскую пѣхоту обыкновенно рѣшало дѣло. Они носятъ шлемъ; нашейникъ, панцырь, наплечники и набедренники, и вооружены копьемъ и мечомъ при бедрѣ ³⁶⁾. Македонскими гетерами командуетъ сынъ Пармениона, Филота, состоящій, повидимому, въ званіи гиппарха ³⁷⁾; они называются «конницей гетеровъ». Они составляютъ восемь иль или эскадроновъ, называемыхъ то по своимъ илархамъ, то по македонскимъ мѣстностямъ. Въ битвѣ при Арбелѣ отдѣльные эскадроны находятся подъ командой Клита, Главкія, Аристона, Сополида, Ираклида, Димитрія, Мелеагра и Игилоха. Эскадронъ Сополида называется по Амфинолю на Стримонѣ, эскадронъ Ираклида по мѣстности Воттіеѣ и т. д. Эскадронъ Клита ³⁸⁾ назывался царской илой и составлялъ агему конницы. Изъ ѳессалійскихъ

илъ самая сильная и испытанная есть пла Фарсала ³⁹); ѳессалійской конницей командуетъ Кала, сынъ Гарпала.

Въ войскѣ есть также и греческіе всадники, принадлежащіе къ контингентамъ союзниковъ ⁴⁰); они обыкновенно дѣйствуютъ вмѣстѣ съ ѳессалійскими ⁴¹), но составляютъ отдѣльный корпусъ; они находятся подъ командой сына Менелая, Филиппа. Всадники, на вербованные въ Греціи, появляются только при позднѣйшихъ походахъ.

Наконецъ слѣдуетъ упомянуть о легкихъ войскахъ, пѣшихъ и конныхъ. Они на вербованы отчасти въ верхней Македоніи, отчасти въ земляхъ ѳракійцевъ, пеоновъ и агріановъ, и всѣ носятъ обычное въ каждой изъ этихъ странъ оборонительное и наступательное оружіе. Привыкшіе уже на родинѣ къ охотѣ, разбою и безчисленнымъ мелкимъ войнамъ между своими предводителями, они были пригодны для летучихъ стычекъ, прикрытія во время марша, — для всего того, примѣнять къ чему научились въ началѣ восемнадцатаго вѣка ландуровъ, гусаровъ, улановъ и татаръ.

Среди легкой пѣхоты самыми многочисленными были ѳракійцы, находившіеся подъ командой Ситалка, принадлежавшаго вѣроятно къ ѳракійскому княжескому дому ⁴²). Что они составляютъ нѣсколько такисовъ, можно заключить уже изъ ихъ количества ⁴³); они носятъ названіе аконтистовъ, метателей дротиковъ и, повидимому, вооружены маленькимъ щитомъ, такъ какъ вооруженіе пельтастовъ составляетъ подражаніе ѳракійскому ⁴⁴). Затѣмъ слѣдуютъ агріаны ⁴⁵), они тоже аконтисты и находятся подъ командой Аттала, который вѣроятно былъ сыномъ князя Лангара. Наконецъ слѣдуютъ стрѣлки изъ лука, отчасти македонскіе, отчасти наемные, главнымъ образомъ съ Крита; нѣтъ почти ни одного сраженія, въ которомъ они и агріаны не были бы впереди; въ теченіе одного года мѣсто таксарха было три раза замѣняемо новыми лицами; при началѣ войны ими командовалъ Клеархъ ⁴⁶).

Наряду съ пѣхотой стоитъ легкая конница, отчасти македонская, отчасти пеоны, одризы, племена, которыя изстари славились своею превосходной конницей; ихъ количества опредѣлить мы не можемъ. Пеонами командовалъ Аристонъ, одризскими ѳракійцами Агаѳонъ, сынъ Тириммы, происходившіе вѣроятно оба изъ княжескаго рода. Они и македонскій корпусъ сариссофоровъ подъ начальствомъ линкестійца Аминта носятъ названіе продромовъ, развѣдчиковъ ⁴⁷).

Эти легкія войска внесли въ войско Александра элементъ, значеніе котораго до тѣхъ поръ не было вполне признано въ греческомъ военномъ искусствѣ. Легкія войска въ греческихъ арміяхъ до Александра не могли пріобрѣсти большаго значенія ни благодаря своему количеству, ни благодаря своему примѣненію къ дѣлу, и не могли освободиться отъ пренебрежительнаго до извѣстной степени отношенія, такъ какъ они отчасти происходили изъ простого народа, отчасти были наемными варварами, сила которыхъ заключалась въ искусствѣ нападать изъ засады, шумно атаковать и отступать въ мнимомъ безпорядкѣ, что казалось греческимъ воинамъ двусмысленнымъ и антипатичнымъ. Знаменитый спартанскій полководецъ Бразидъ самъ признавался, что нападеніе этихъ народовъ, когда они

издаютъ свой дикій боевой крикъ и угрожающе потрясаютъ оружіемъ, заключаетъ въ себѣ нѣчто страшное, а ихъ своенравные переходы изъ нападенія въ бѣгство и изъ безпорядочнаго отступленія въ преслѣдованіе нѣчто такое ужасное, что ему можетъ противустоять только строгій порядокъ греческаго войска. Теперь эти легковооруженные народы явились существенной составной частью македонскаго войска, чтобы помогать его операціямъ своеобразно съ національными особенностями своихъ военныхъ приемовъ и, что касается, ихъ самихъ, чтобы сдерживаться господствовавшей въ этой арміи суровой дисциплиной и приобрести большую цѣнность ⁴⁸⁾.

О расположеніи арміи на походѣ и въ лагерѣ мы не имѣемъ заслуживающихъ упоминанія извѣстій. Въ большихъ дѣлахъ повторяется въ существенныхъ чертахъ одна и та же схема построенія, которую мы опишемъ здѣсь въ ея характеристическихъ пунктахъ, чтобы избѣжать повтореній въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеніи. Центръ составляетъ тяжелая пѣхота съ ея шестью фалангами въ правильно смѣняющемся порядкѣ, каждая фаланга подъ начальствомъ своего стратига. Къ фалангамъ примыкаютъ справа таксисы гипаспистовъ, а къ этимъ послѣднимъ восемь эскадроновъ македонской конницы въ ея правильно смѣняющемся порядкѣ; легкія войска праваго крыла, или сариссофоровъ и пеоновъ, а также и агрианъ и стрѣлки употребляются смотря по обстоятельствамъ для развѣдокъ, для подготовительной атаки, для прикрытія фланговъ на концѣ крыла и т. д. На лѣвомъ крылѣ фаланги прежде всего, если только они не заняты въ другомъ мѣстѣ, напр., для прикрытія лагеря, строятся еракійцы Ситалка, соотвѣтствуя какъ пельтасты гипаспистамъ праваго крыла; затѣмъ идутъ контингенты греческой конницы, затѣмъ вессалійская конница, наконецъ легкія войска этого крыла, одризскіе всадники Агавола, а въ слѣдующіе годы войны также и второй отрядъ стрѣлковъ. Центръ боевой линіи находится между третьей и четвертой фалангой и отъ него считаютъ оба «крыла», изъ которыхъ правое, обыкновенно предназначенное для атаки, находится подъ командой царя, а лѣвое подъ командой Парменіона.

Особенности арміи Александра всего сильнѣе выступаютъ въ двухъ отношеніяхъ.

Въ греческихъ арміяхъ число всадниковъ было всегда ограниченное; въ битвахъ Эпаминонда ихъ численное отношеніе къ пѣхотѣ возрастаетъ до 1: 10. Въ войскѣ Александра оно почти вдвое больше, равняясь 1: 6. Уже при Херонѣ Александръ во главѣ конницы лѣваго крыла блистательнымъ образомъ рѣшилъ почти проигранное сраженіе. Для войны противъ войскъ персидскаго царя, силу которыхъ составляли конные народы Азіи, онъ усилилъ именно этотъ родъ оружія, которому предназначилъ собственно наступательную роль; врага должно было поразить въ его сильной сторонѣ ⁴⁹⁾.

Заслуживаетъ вниманія то, что стремя и подковы были неизвѣстны грекамъ и македонянамъ; правда они были неизвѣстны также и коннымъ народамъ Азіи, которымъ иначе уже одно это преимущество дало бы положительный перевѣсъ. При неимоверныхъ трудахъ, при длинныхъ переходахъ въ зимнее время по скользкому льду горныхъ

дорогъ, которые при своихъ позднѣйшихъ походахъ Александръ заставлялъ дѣлать лошадей своей конницы, мы не должны забывать отсутствія подковъ. Не меньшимъ увеличеніемъ трудностей для всадниковъ было то, что имъ приходилось ѣздить безъ сѣдла и стремянъ, только на крѣпко привязанныхъ покрывалахъ; въ сраженіи отсутствіе стремянъ для всадника было такою помѣхой, какъ мы это съ трудомъ можемъ себѣ представить. Будучи принужденъ дѣйствовать конемъ и мечемъ не стоя на стременахъ, но только сидя, онъ такъ сказать располагалъ силой только верхней части своего туловища и поэтому приходилось тѣмъ болѣе разсчитывать на силу удара сомкнутой массы, чтобы пробиться черезъ ряды непріятеля. Какъ кажется, главной цѣлью при обученіи всадниковъ было приучить ихъ къ полной свободѣ движеній на лошади, слѣды чего, быть можетъ, мы еще можемъ найти въ относящихся къ этому времени статуяхъ³⁰⁾.

Еще болѣе характернымъ отличіемъ этой арміи является то, что въ ней были не только офицеры, но настоящее офицерское сословіе. Какъ въ позднѣйшіе вѣка основанное Густавомъ Адольфомъ *Gymnasium illustre* для дворянъ было настоящей «Академіей кавалерійскихъ упражненій», такъ и «Соматофилакія», отрядъ «дѣтей царскихъ» въ военномъ и научномъ отношеніи былъ школой знатной македонской молодежи; изъ нея вышли «гетеры» конницы, офицеры гипаспистовъ, педзетеровъ, сарриссофоровъ и т. д., чтобы затѣмъ дойти до болѣе высокихъ степеней, какъ это видно еще изъ многихъ примѣровъ такого повышенія. Высшее положеніе занимали или, по крайней мѣрѣ, ближе всего стояли къ царю семь соматофилаковъ и, какъ кажется, называвшіеся гетерами въ тѣсномъ смыслѣ³¹⁾, причемъ и тѣ, и другіе постоянно находились въ распоряженіи царя, чтобы служить ему совѣтомъ и дѣломъ и временно принимать на себя командованіе. Затѣмъ высшимъ офицеромъ послѣ царя былъ старый Парменионъ, а въ Македоніи Антипатръ, но послали ли они особый титулъ, — неизвѣстно. Затѣмъ шли — мы не знаемъ, въ какомъ порядкѣ³²⁾ — гиппархи различныхъ корпусовъ кавалеріи, стратеги фалангъ, гипаспистовъ, греческихъ союзниковъ и наемниковъ; затѣмъ, вѣроятно, илархи кавалеріи, хилархи гипаспистовъ, таксархи педзетеровъ и т. д. Когда иногда приглашаются въ военный совѣтъ также и «гегемоны» союзниковъ и наемниковъ³³⁾, то, повидимому, подъ этимъ понимаются начальствующие лица, какъ Ситалкъ, начальствовавшій надъ ѳракійскими акоптистами. Атталъ, начальникъ агріановъ, и Агаѳонъ и Аристонъ, командовавшіе надъ одризскими и пеонскими всадниками, быть можетъ, также и командиры греческихъ континентовъ и лоховъ греческихъ наемниковъ³⁴⁾.

Таково было войско Александра³⁵⁾. Его отецъ организовалъ его, закалялъ суровой дисциплиной и многочисленными походами и, крѣпко соединивъ ѳессалійскую конницу съ македонской, создалъ еще невиданную въ греческомъ мірѣ кавалерію. Но до полного примѣненія къ дѣлу своего военного превосходства, до свободнаго и полнаго владѣнія своею собственною силой, можно даже сказать, до пониманія ея — Филиппъ не поднялся; при Херонеѣ, гдѣ онъ командовалъ

македонскими всадниками праваго крыла, онъ не пробилъ наступавшей линіи непріятеля и приказалъ даже фалангѣ отступить, хотя и сохраняя полный порядокъ; атака Александра съ ессалийской конницей лѣваго крыла на быстро наступавшую линію непріятеля рѣшила успѣхъ дня. Уже тогда, а еще болѣе въ сраженіяхъ 335 года, Александръ показалъ, что онъ умѣетъ смѣлѣе, неожиданно и всегда съ рѣшающимъ успѣхомъ примѣнять къ дѣлу непреодолимую наступательную силу этого войска, а равнымъ образомъ и то, что онъ въ одно и то же время является полководцемъ и первымъ солдатомъ своего войска и его передовымъ бойцомъ въ полномъ смыслѣ слова. Характеръ его личнаго участія и то, что онъ всегда шелъ на непріятеля во главѣ рѣшающей атаки, воспламеняло болѣе, чѣмъ что бы то ни было другое, соревнованіе его офицеровъ и войскъ. По численности его войско было невелико, но оно вступило въ Азію, имѣя такую стройную организацію, такое тактическое совершенство отдѣльных родовъ оружія, такого предводителя, и такую увѣренность въ своемъ моральномъ превосходствѣ, что не сомнѣвалось и въ побѣдѣ.

Персидское царство не имѣло задатковъ къ тому, чтобы оказать усиленное сопротивленіе; въ его обширности, въ отношеніи къ покореннымъ народамъ, въ исполненной недостатками организаціи управленія и войска лежала уже необходимость его паденія.

Если мы бросимъ взглядъ на состояніе персидскаго царства въ то время, когда вступилъ на престолъ Дарій III ³⁶⁾, то мы безъ труда увидимъ, что оно было близко къ окончательному распаденію и гибели. Причина лежала не въ упадкѣ нравовъ двора, господствующаго племени и подвластныхъ народовъ; постоянный спутникъ деспотизма, этотъ упадокъ нравовъ никогда не подрывалъ силы деспотизма, которая, какъ это въ теченіи достаточно долгаго времени доказало царство османовъ, можетъ оказывать постоянно новыя и новыя успѣхи со всѣхъ сторонъ на поприщѣ дипломатіи и на полѣ битвы, несмотря на отвратительную жизнь двора и гарема, на постоянное коварство и низость вельможъ, на насильственные перемѣны влстителей и звѣрскую жестокость противъ бывшей еще вчера всесильною партіи. Несчастьемъ Персіи былъ рядъ слабыхъ правителей, которые не могли держать въ рукахъ бразды правленія настолько твердо, насколько это было необходимо для дальнѣйшаго существованія государства; послѣдствіемъ этого явилось то, что среди народовъ исчезъ страхъ, среди сатраповъ исчезло повиновеніе, а въ царствѣ — единственное поддерживавшее его объединяющее начало; среди народовъ, которые еще повсюду сохранили свою древнюю религію, свои законы и нравы и отчасти своихъ туземныхъ князей, усилилось стремленіе къ самостоятельности, въ сатрапахъ, этихъ слишкомъ могущественныхъ наместникахъ обширныхъ и далекихъ земель, жажда независимости, а въ правящемъ народѣ, который, привыкнувъ къ находившейся въ его рукахъ власти, забылъ условія, при какихъ родилась эта власть и данныя для сохраненія ея долгое время: равнодушіе къ персидскому царю и къ роду Ахеменидовъ. Въ теченіи слѣдовавшихъ за походомъ Ксеркса въ Европу ста лѣтъ почти пол-

наго бездѣйствія въ греческихъ земляхъ развилось своеобразное военное искусство, вступать въ борьбу съ которымъ Азія и избѣгала и разучилась; походъ десяти тысячъ показалъ, что греческое военное искусство сильнѣе, чѣмъ несмѣтныя полчища Персіи; на это искусство полагались сатрапы, когда они возмущались, на него полагался царь Охъ, когда онъ выступалъ, чтобы подавить возстаніе въ Египтѣ; такъ что государство, основанное побѣдами персидскаго оружія, было принуждено поддерживать себя греческими наемниками.

Охъ еще разъ возстановилъ вышнее единство своего царства и съ помощью требуемой деспотизмомъ кровавой строгости съумѣлъ придать авторитетъ своей власти; но было уже слишкомъ поздно: онъ самъ впалъ въ бездѣйствіе и слабость, сатрапы сохранили свое слишкомъ могущественное положеніе, а народы, особенно принадлежавшіе къ западнымъ сатрапіямъ, не забыли подъ возобновившимся гнетомъ, что они были уже близки къ тому, чтобы стряхнуть его. Послѣ ужасныхъ новыхъ смутъ престолъ наконецъ достался Дарію; еслибы онъ былъ не добродѣтеленъ, а энергиченъ, не великодушнъ, а безжалостенъ, не кротокъ, а деспотиченъ, онъ могъ бы спасти свое царство; персы его обожали, его сатрапы были ему преданы, но это не было спасеніемъ; онъ былъ любимъ, не возбуждалъ страха, и скоро должно было выясниться, для сколькихъ вельможъ его государства ихъ личная выгода была дороже воли и милости властелина, въ которомъ они могли изумляться всему, кромѣ величія монарха.

Царство Дарія простиралось отъ Инда до греческаго моря, отъ Яксарта до ливійской пустыни. Его господство или, скорѣе, господство его сатраповъ не разнилось сообразно съ характеромъ различныхъ народовъ, надъ которыми они господствовали; оно нигдѣ не было народнымъ, нигдѣ не было упрочено органически развившимся и имѣвшимъ глубокіе корни устройствомъ; оно ограничивалось произволомъ минуты, постоянными вымогательствами и извѣстной наслѣдственностью должностной власти, вошедшей, совершенно вопреки смыслу монархизма, въ теченіе долгаго господства слабыхъ царей, въ обычай, такъ что персидскій царь почти не имѣлъ надъ ними другой власти, кромѣ власти оружія или той, которой они готовы были подчиняться изъ личныхъ разчетовъ. Національныя особенности, продолжавшія существовать во всѣхъ странахъ персидскаго царства, дѣлали дряхлый колоссъ еще болѣе неспособнымъ подняться, чтобы оказать сопротивленіе; народы Ирана, Аріаны и земель Бактріи были воинственны и довольны всякою властью, лишь бы она только вела ихъ къ войнѣ и добычѣ; гирканскіе, бактрскіе и согдіанскіе всадники составляли постоянныя войска сатраповъ въ большинствѣ провинцій; но особенной приверженности къ персидскому царскому дому у нихъ не было ни слѣда и, насколько нѣкогда въ народныхъ войскахъ Кира, Камбиза и Дарія они были страшны, когда нападали, настолько же мало теперь они были способны къ серьезной и упорной оборонѣ, особенно когда противъ нихъ стояла боевая опытность и мужество грековъ. Народы же запада, покорность среди которыхъ поддерживалась всегда съ трудомъ и часто только съ помощью кроваваго насилія, были, конечно, даже рады оставить дѣло

Персіи при приближеніи къ ихъ границамъ побѣдоноснаго непріятеля. Олигархія или тиранны, существованіе которыхъ зависѣло отъ могущества сатраповъ и персидскаго царства, едва были въ силахъ удерживать грековъ на берегахъ Малой Азіи въ зависимыхъ отношеніяхъ, а жившіе внутри полуострова народы, испытывая постоянный гнетъ въ теченіи двухъ столѣтій, не имѣли ни силы, ни интереса стоять за Персію; даже въ прежнихъ возстаніяхъ малоазійскихъ сатраповъ они не принимали участія; они были тупы, пришиблены и забыли свое прошлое. Тоже можно было сказать и объ обѣихъ Сиріяхъ по сю и по ту сторону Эвфрата; многовѣковое рабство согнуло этимъ народамъ спину, они принимали съ покорностью все, что ихъ ни ожидало; только на берегу Финикіи сохранились старинныя жизнь и оживленіе, представлявшія для Персіи болѣе опасности, чѣмъ вѣрности, и только соперничество съ Сидономъ и собственныя выгоды могли сохранять Тиръ вѣрнымъ персамъ. Наконецъ Египетъ никогда не забывалъ и не отрекался отъ своей ненависти къ чужеземцамъ, и опустошительный походъ Оха хотя и ослабилъ его, но не склонилъ его на сторону Персіи. Всѣ эти земли, завоеванныя персидскимъ царствомъ себѣ на гибель, при смѣломъ нападеніи съ запада надо было считать почти потерянными.

Поэтому издавна главной заботой персидской политики была поддержка соперничества между государствами Греціи, стремленіе ослаблять сильныхъ, натравливать на нихъ слабыхъ, поддерживать этихъ послѣднихъ и съ помощью выработанной системы подкупа и возбужденія раздоровъ препятствовать эллинамъ дѣйствовать сообща, чему Персія не была бы въ состояніи оказать сопротивленіе. Это долго удавалось, пока наконецъ македонское царство, подвигаясь впередъ быстрыми и увѣренными шагами, не начало угрожать сдѣлать всѣ эти попытки бесполезными. Послѣ побѣды при Херонее съ послѣдовавшимъ за ней основаніемъ эллинскаго союза при дворѣ въ Сузѣ должны были знать, что предстоитъ впереди.

Только Дарій — онъ сдѣлался царемъ около того времени, когда былъ убитъ Филиппъ — принялъ мѣры противъ переходившихъ уже черезъ Геллеспонтъ войскъ. Онъ поручилъ родосцу Мемнону, брату Мендора, наличныхъ греческихъ иоменниковъ, съ приказаніемъ выступить противъ македонянъ и защищать границы государства. Нетрудно было видѣть, что такимъ образомъ можно было задержать отдѣльный корпусъ, а не македонско-греческое войско, котораго авангардомъ онъ былъ, и которое уже готовилось къ переправѣ въ Азію; точно также было невозможно до его прихода набрать, стянуть въ одно мѣсто и послать въ Малую Азію персидское государственное ополченіе; самымъ легкимъ и благоразумнымъ казалось убить опасность въ корнѣ. Были завязаны сношенія съ македонскимъ дворомъ, и царь Филиппъ — такъ заявляетъ Александръ въ одномъ позднѣйшемъ письмѣ къ персидскому царю ⁵⁷) — былъ убитъ съ его вѣдома и согласія. Возбуждавшее тревогу предпріятіе было, повидимому, разрушено однимъ ударомъ, а начавшіяся въ Фессаліи, Греціи, Фракіи и Иллиріи волненія заставили забыть даже самыя послѣднія опасенія; когда же Атталъ во главѣ своихъ войскъ и по соглашенію съ руко-

водящими государственными мужами Афинъ объявилъ себя противъ вступленія Александра на престолъ, тогда персидскія интриги видимому еще разъ одержали побѣду. Теперь Мемнонъ обратился противъ Магнезіи, занятой Парменіономъ и Атталомъ, и съ помощью ловкихъ маневровъ нанесъ имъ чувствительный урокъ. Тѣмъ временемъ Александръ привелъ въ порядокъ дѣла въ Македоніи и возстановилъ спокойствіе въ Греціи: Атталъ былъ устраненъ и войска быстро вернулись къ вѣрности; Парменіонъ съ одной частью войска завоевалъ Гриней и обратился затѣмъ противъ Питаны, между тѣмъ какъ Кала, сынъ Гарнала, съ другой частью старался утвердиться въ глубинѣ области Троады ⁵⁸). Необходимость для македонскаго царя принять походъ противъ еракійцевъ, трибалловъ и иллирійцевъ дала персидскому двору еще болѣе времени для приготовленій; царское войско и флотъ на морскихъ берегахъ были собраны; но все-таки главнымъ образомъ надо было разсчитывать на возмущеніе и отпаденіе въ Греціи и ждать, что удастся сдѣлать Мемнону со своими незначительными боевыми силами.

Главнымъ оборонительнымъ пунктомъ противъ вторженія со стороны Геллеспонта былъ Кизикъ; выстроенный на островѣ, отдѣленный отъ близлежащаго материка только мелкимъ проливомъ, окруженный въ послѣднія десятилѣтія крѣпкими стѣнами, снабженный верфями для 200 триеръ, этотъ густо населенный свободный городъ представлялъ для того, кто имъ владѣлъ или чью сторону онъ бралъ, позицію, которая господствовала надъ Пропонтидой, азіатскимъ берегомъ до Лампсакъ и входомъ въ Геллеспонтъ съ востока. Для македонскаго корпуса въ Азіи было весьма важно, что этотъ городъ не былъ на сторонѣ персовъ. Мемнонъ думалъ захватить его врасплохъ; во главѣ 5000 греческихъ наемниковъ онъ выступилъ изъ своихъ владѣній — въ западной Вионіи ⁵⁹)— и быстрыми переходами подступилъ къ городу; ему едва не удалось овладѣть Кизикомъ, ворота котораго были не заперты, такъ какъ обитатели думали, что видятъ передъ собою войско Калы; когда это не удалось, онъ опустошилъ область города и посѣлился въ Эолиду, гдѣ Парменіонъ осаждалъ Питану; появленіе Мемнона заставило послѣдняго снять осаду города. Затѣмъ (городъ Лампсакъ тоже принадлежалъ ему) онъ быстро направился въ Троаду, гдѣ нашелъ Калу уже значительно подвинувшимся впередъ; Лампсакъ служилъ Мемнону прекраснымъ опорнымъ пунктомъ для его движеній; превосходя непріятеля по численности своего войска, онъ одержалъ въ сраженіи побѣду, и Кала былъ принужденъ отступить къ Геллеспонту и ограничиться занятіемъ крѣпкой позиціи въ Ротеѣ ⁶⁰).

Не видно, удержалъ ли Кала за собой даже эту позицію; во всякомъ случаѣ вскорѣ Парменіонъ лично явился ко двору въ Пеллѣ. Быть можетъ его отозвалъ царь, потому что по окончаніи похода на сѣверъ казалось нужнымъ удержать за собою только пункты, прикрывавшіе переправу въ Азію и составлявшіе какъ бы голову моста; а имѣя флотъ неподалеку, для этого было достаточно небольшого числа войска въ Ротеѣ и, пожалуй, въ Авидѣ ⁶¹). Тѣмъ страннѣе, что Мемнонъ, бывшій превосходнымъ полководцемъ, не принялъ болѣе

энергичныхъ мѣръ, чтобы очистить весь берегъ; сатрапы въслѣдствіи упрекали его, что онъ, чтобы сдѣлать себя необходимымъ, старается протянуть войну; или это была правда, или зависть сатраповъ лишила его средствъ сдѣлать большее.

Весною 334 года флотъ персидскаго царя былъ готовъ къ выступленію въ море; сатрапамъ и военачальникамъ Малой Азіи былъ посланъ приказъ подойти ближе къ берегу и вступить въ сраженіе съ македонянами на самомъ порогѣ Азіи. Это войско собралось въ равнинѣ Зелей, — 20000 человекъ персидскихъ, бактрскихъ, мидійскихъ, гирканскихъ и пафлагонскихъ всадниковъ и столько же греческихъ наемниковъ ⁶²⁾, войско, которое, какъ это скоро выяснилось, было храбро и достаточно велико для того, чтобы, имѣя хорошаго вождя, преградить путь непріятелю. Но персидскій царь не назначилъ никакого высшаго военачальника; рѣшающій голосъ относительно хода операций принадлежалъ общему совѣту вождей; это были, кромѣ Мемнона, Арситъ, гипархъ Фригіи на Геллеспонтѣ, области, которой опасность грозила прежде всего, Спиреридатъ, сатрапъ Лидіи и Іоніи, Атизій, сатрапъ Великой Фригіи, Миеробузанъ, гипархъ Каппадокіи, персъ Омаръ и другіе персидскіе вельможи ⁶³⁾. Несомнѣнно, что Мемнонъ былъ среди нихъ самымъ опытнымъ, если не единственнымъ полководцемъ; но ненавидимый какъ грекъ и любимецъ царя, онъ имѣлъ въ военномъ совѣтѣ менѣе вліянія, чѣмъ это было бы желательно для успѣха персидскаго дѣла,

Во время этихъ дѣлавшихся въ малой Азіи приготовленій приготовленія Александра настолько подвинулись впередъ, что онъ могъ выступить въ началѣ весны 334 года ⁶⁴⁾. Онъ прошелъ черезъ Амфиполь на Стримонѣ вдоль берега черезъ Авдиру, Маронею и Кардію, и на двадцатый день былъ въ Сестѣ. Его флотъ былъ уже на Геллеспонтѣ. Парменионъ получилъ приказъ вести изъ Сеста въ Авидію конницу и большую часть пѣхоты. Съ остальной частью пѣхоты царь двинулся въ Элеунтъ, лежавшій насупротивъ троянскаго берега, чтобы принести жертву на могильномъ холмѣ Протезилая, перваго героя, павшаго въ войнѣ противъ Трои, чтобы походъ на востокъ былъ для него счастливымъ, чѣмъ для Протезилая. Затѣмъ войско было посажено на корабли; 160 тріаръ и множество грузовыхъ судовъ ⁶⁵⁾ крейсировали въ эти дни между прекрасными, блиставшими роскошной весенней растительностью берегами Геллеспонта, который нѣкогда былъ поработенъ и подвергнутъ бичеванію Ксерксомъ; Александръ, стоя самъ на рулѣ своего царскаго корабля, направлялъ его отъ могилы Протезилая къ лежавшей напротивъ бухтѣ, которая со временъ Ахилла и Агамемнона пазывалась гаванью ахейцевъ и надъ которой высились надгробные курганы Аякса, Ахилла и Патрокла. Посреди Геллеспонта онъ принесть жертву Посейдону и сдѣлалъ изъ золотой чаши возліяніе Нереидамъ. Затѣмъ они приблизились къ берегу; тріара Александра достигла берега первою; съ носа корабля царь метнулъ свое копьё въ страну непріятеля, и затѣмъ первымъ изъ всѣхъ выскочилъ въ полномъ вооруженіи на берегъ. Онъ отдалъ приказъ, чтобы отнынѣ, въ воспоминаніе, на этомъ мѣстѣ были воздвигнуты алтари. Затѣмъ въ сопровожденіи страти-

говъ и свиты гинаспистовъ направился къ развалинамъ Иліона, принесъ жертву въ храмѣ илійской Аѳины, посвятилъ ей свое оружіе и взялъ вмѣсто него оружіе храма, и первымъ долгомъ священній щитъ, слывшій щитомъ Ахилла ⁶⁶). На алтарѣ Зевса хранителя очага, онъ принесъ жертву также и тѣни Пріама, чтобы смягчить его гнѣвъ противъ рода Ахилла, такъ какъ сынъ Ахилла убилъ престарѣлаго царя у священнаго очага. Но особенно почтилъ онъ память своего великаго предка Ахилла: онъ возложилъ вѣнки на могилу героя и возлилъ на нее благоуханія; его другъ Гефестіонъ сдѣлалъ то же на могилѣ Патрокла; затѣмъ были даны разнообразныя игры. Многіе туземцы и эллины явились, чтобы поднести царю золотыя вѣнки, между ними былъ аѳинянинъ Харитъ, властитель Сигея, тотъ самый, выдачи котораго Александръ потребовалъ годъ тому назадъ. Въ заключеніе празднествъ царь приказалъ возстановить Иліонъ, даровалъ гражданамъ новаго города автономію и свободу отъ податей и общалъ не забывать объ нихъ и послѣ.

Затѣмъ онъ двинулся къ равнинѣ Арисвы, гдѣ стояло лагеремъ остальное войско, высадившееся на берегъ у Авиды подъ начальствомъ Парменіона ⁶⁷). Немедленно былъ отданъ приказъ выступить навстрѣчу неприятелю, который, какъ было извѣстно, сосредоточился у Зелеи, миляхъ въ пятнадцать къ востоку. Путь шелъ черезъ Перкоту въ Лампсакъ, городъ Мемнона; граждане его не видѣли для себя никакого другого спасенія, какъ черезъ посольство просить царя о помилованіи; во главѣ посольства стоялъ Анаксименъ, извѣстный ученый и радушно принимавшійся ранѣе царемъ Филиппомъ челоуѣкъ; по его ходатайству Александръ простилъ городъ ⁶⁸).

Изъ Лампсака войско двинулось дальше, идя недалеко отъ берега, имѣя въ авангардѣ линкистіица Аминту съ илой конницы, что изъ Аполлоніи, и четырьмя илами сариссофоровъ. При ихъ приближеніи сдался городъ Пріанъ, лежавшій на Пропонтидѣ недалеко отъ устьевъ Граника; этотъ пунктъ, господствующій надъ пересѣкаемой Граникомъ равниной Адрастеи, былъ важенъ именно теперь, когда по донесеніямъ Аминты персидское войско подступило къ берегамъ Граника и поэтому сдѣсь слѣдовало ожидать перваго столкновенія съ неприятелемъ.

Если Александръ, какъ это было ясно, желалъ дать сраженіе по возможности скоро, то персы тѣмъ болѣе должны были стараться избѣжать его. На военномъ совѣтѣ въ Зелеѣ Мемнонъ не совѣтовалъ вступать въ сраженіе, въ которомъ нечего было рассчитывать на побѣду или, въ случаѣ побѣды, на какія-либо выгоды; иѣхота македонянъ, говорилъ онъ, значительно превосходитъ персидскую и они вдвойнѣ опаснѣе потому, что будутъ биться подъ начальствомъ своего царя, тогда какъ въ персидскомъ войскѣ Дарій отсутствуетъ; предполагая даже, что персы одержатъ побѣду, все-таки тылъ македонянъ останется прикрытымъ и вся ихъ потеря будетъ состоять въ неудачномъ нападеніи; персы же, будучи побѣждены, потеряютъ страну, которую они должны защищать; единственнымъ выгоднымъ исходомъ является избѣгать всякаго рѣшительнаго сраженія; войско Александра снабжено провіантомъ только на короткое время, должно мед-

ленно отступать, оставляя позади себя пустыню, гдѣ непріятель не найдетъ ни корма, ни скота, ни крова; тогда Александръ будетъ побѣжденъ безъ боя, и небольшія жертвы спасутъ персовъ отъ болѣе крупныхъ и неподдающихся предварительному расчету. Мнѣніе Мемнона не встрѣтило сочувствія въ совѣтѣ персидскихъ полководцевъ, его считали недостойнымъ величія Персіи; особенно горячо возражалъ Арситъ, сограпъ Фригіи на Геллеспонтѣ: въ своей сатрапії, говорилъ онъ, онъ не позволитъ зажечь *ни одного* дома. Остальные персы подали вмѣстѣ съ нимъ голосъ за сраженіе, столько же изъ желанія сразиться, сколько изъ нелюбви къ иноземцу греку, уже теперь пользовавшемуся слишкомъ большимъ значеніемъ у персидскаго царя и, повидимому, желавшему затянуть войну, чтобы еще болѣе подняться въ милости царя. Они двинулись навстрѣчу македонянамъ къ берегамъ Граника, рѣшивъ воспрепятствовать съ крутыхъ береговъ этой рѣки всякому дальнѣйшему движенію Александра, и построились на правомъ берегу такимъ образомъ, что самый берегъ былъ занятъ персидскою конницею, а шедшій отъ рѣки подъемъ стоявшими на нѣкоторомъ разстояніи греческими наемниками ⁷⁰⁾

Тѣмъ временемъ Александръ черезъ равнину Адрастеи подвигался къ Гранику, раздѣливъ тяжелую пѣхоту на двѣ колонны, составившія правое и лѣвое крыло, и имѣя на правомъ флангѣ македонскую, а на лѣвомъ вессалійскую и греческую конницу; व्यючный скотъ и большая часть легкой пѣхоты слѣдовали за колоннами; авангардъ составляли сариссофоры и человекъ пятьсотъ легкой пѣхоты подъ начальствомъ Игилоха. Уже главная масса войска приближалась къ рѣкѣ, какъ вдругъ быстро прискакало нѣсколько сариссофоровъ съ извѣстіемъ, что непріятель стоитъ по ту сторону рѣки въ боевомъ порядкѣ, и что конница расположена длинною линіей по крутому и глинистому берегу рѣки, а пѣхота — на нѣкоторомъ разстояніи позади. Александръ понялъ заключающуюся въ диспозиціи непріятеля ошибку: тутъ поручалась войскамъ, задача которыхъ состояла въ стремительномъ нападеніи, оборона трудной мѣстности, а прекрасныхъ греческихъ наемниковъ дѣлали праздными зрителями боя, который только имъ и былъ бы по плечу; смѣлой кавалерійской атаки должно было быть достаточно, чтобы утвердиться на противоположномъ берегу и этимъ выиграть сраженіе, а слѣдовавшіе за конницею гинасписты и фаланги должны были упрочить этотъ успѣхъ и извлечь изъ него плоды. Онъ приказалъ войскамъ, шедшимъ походной колонной, растянуться направо и налево и построиться въ боевой порядокъ. Парменіонъ явился къ нему, чтобы отсовѣтовать вступать въ сраженіе: благоразуміе было бы, говорилъ онъ, сначала стать лагеремъ на берегу рѣки; непріятель, уступающій имъ по количеству пѣхоты, не рѣшится провести ночь вблизи македонянъ, отступить и такимъ образомъ будетъ возможно произвести на слѣдующее утро переправу безъ всякой опасности, прежде чѣмъ персы снова подойдутъ и выстроются въ боевой порядокъ: день близится къ концу, рѣка во многихъ мѣстахъ глубока и стремительна, противоположный берегъ крутъ, линіей переходить нельзя, а надо пере-

правляться черезъ рѣку колоннами; непріятельская конница нападетъ на нихъ съ фланговъ и перерубитъ ихъ прежде, чѣмъ дѣло дойдетъ до боя; первая неудача будетъ чувствительна не только въ настоящую минуту, но также сильно повліяетъ и на исходъ войны ⁷¹⁾. Царь отвѣчалъ: «Я это прекрасно понимаю, но мнѣ было бы стыдно, еслибы, когда мы такъ легко переправились черезъ Геллеспонтъ, эта маленькая рѣчка могла задержатъ нашу переправу; это не соответствовало бы также ни славы македонянъ, ни моему обыкновенію встрѣчать опасность лицомъ къ лицу; персы же, я полагаю, если не узнаютъ немедленно, передъ чѣмъ трепетать, ободрятся, воображая, что они могутъ выдержать сравненіе съ македонянами». Съ этими словами онъ отослалъ Нарменіона на лѣвое крыло, которымъ тотъ долженъ былъ начальствовать, а самъ поскакалъ къ находившимся на правомъ крылѣ эскадронамъ.

По блеску его оружія, по красовавшемуся на его шлемѣ бѣлому перу и по почтительному отношенію къ нему окружающихъ находившіеся на противоположномъ берегу персы увидѣли, что Александръ находится противъ ихъ лѣваго крыла и что отсюда слѣдуетъ ожидать главнаго нападенія; они поспѣшно выстроили плотными рядами ядро своей конницы у самаго берега противъ него; здѣсь находился Мемнонъ со своими сыновьями и Арзамъ со своими собственными всадниками; затѣмъ слѣдовала боевая линія фригійскаго гипарха Арсита, сатрапъ Лидіи Спиреридатъ съ гирканскими всадниками и находившимися въ его свитѣ сорока знатными персами, затѣмъ далѣе состоявшій изъ отрядовъ конницы центръ, и наконецъ правое крыло подъ начальствомъ Реоміора ⁷²⁾. Нѣкоторое время оба войска стояли молча другъ противъ друга въ напряженномъ ожиданіи, — персы готовые броситься на врага, когда онъ, переправившись черезъ рѣку и не успѣвъ еще построиться, начнетъ подниматься на крутые берега, Александръ же — ища быстрымъ взглядомъ, какъ и гдѣ возможно нападеніе. Затѣмъ онъ сѣлъ на боевого коня, пригласилъ войска слѣдовать за нимъ и мужественно сражаться и подалъ знакъ къ нападенію. Впереди былъ линкистіецъ Аминта съ сариссофорами, пѣзонами и однимъ такисомъ ⁷³⁾, къ нему была присоединена пла Аполлоній подъ командой Итолея, сына Филиппа, которой въ этотъ день принадлежало первое мѣсто среди конницы и право произвести первое нападеніе ⁷⁴⁾. Когда они вошли въ рѣку ⁷⁵⁾, при звукѣ трубъ и боевыхъ пѣсенъ за ними послѣдовалъ царь во главѣ остальныхъ плъ гетеровъ; тѣмъ временемъ, пока нападеніе Итолея займетъ крайнее лѣвое крыло, онъ хотѣлъ сдѣлать съ семью плами полуоборотъ направо, напасть на центръ непріятеля и привести его въ разстройство, опираясь справа на Итолея, а слѣва на наступавшую линію пѣхоты. Лѣвое крыло Нарменіона, слѣдуя косою линіей по теченію рѣки, должно было ослабить правое крыло непріятеля.

Аминта и Итолей приблизились къ занятому непріателемъ берегу рѣки и сраженіе началось. Персы, во главѣ которыхъ здѣсь находились Мемнонъ и его сыновья, старались всѣми зависящими отъ нихъ мѣрами отразить ихъ нападеніе, бросая свои метательныя копья съ высокаго берега, или же подойдя къ самой рѣкѣ и стараясь от-

тѣснить выходившихъ на берегъ; эти послѣдніе, задерживаемые еще болѣе находившейся на берегу вязкой глиной, только съ трудомъ могли удержаться и понесли большія потери, особенно тѣ, которые были направо, тогда какъ бывшіе лѣвъѣ уже имѣли поддержку. Царь съ агемой конницы ⁷⁶⁾ былъ уже на другомъ берегу, и уже атаковалъ то мѣсто берега, гдѣ была сосредоточена наиболѣе густая масса непріятеля и гдѣ находились военначальники. Тотчасъ же здѣсь, около самого царя, завязался ожесточеннѣйшій бой, къ которому одна за другой примыкали другія илы, переходившія затѣмъ черезъ рѣку; этотъ бой конницы своимъ упорствомъ, постоянствомъ и яростію рукопашной схватки походилъ на битву пѣхоты; конь съ кономъ, человѣкъ съ человѣкомъ, македоняне бились своими копьями, персы своими болѣе легкими дротиками, а затѣмъ своими кривыми саблями; первые старались отбросить персовъ отъ берега на равнину, вторые отбросить македонянъ обратно въ рѣку. Бѣлый султанъ царя видѣлся среди самой густой сѣчи; въ пылу боя его копье сломалось, онъ крикнулъ своему копюшему, чтобы ему подали другое; но и у того копье было сломано и онъ бился обернутымъ тупымъ концомъ; едва успѣлъ Демаратъ коринескій подать царю свое оружіе, какъ подскочилъ новый отрядъ избранныхъ персидскихъ всадниковъ; ихъ начальникъ, Миѳридатъ, скакалъ впереди прямо на Александра и его дротикъ ранилъ царя въ плечо; копье Александра повергло персидскаго князя мертвымъ на землю. Въ ту же минуту Ризакъ, братъ павшаго, бросился на Александра и раздробилъ ударомъ сабли его шлемъ, такъ что сабля оцарапала даже кожу на лбу царя; Александръ черезъ кольчугу глубоко вонзилъ въ его грудь свое копье, и Ризакъ опрокинулся назадъ съ лошади. Къ царю подскочилъ лидійскій сатрапъ Спирридатъ; уже онъ запелъ надъ спиной царя свою саблю, чтобы нанести смертельный ударъ, но его предупредилъ черныи Клитъ: однимъ ударомъ меча онъ отдѣлилъ его руку отъ туловища и затѣмъ нанесъ ему смертельный ударъ. Бой становился все яростнѣе; персы бились съ величайшей храбростію, чтобы отомстить за смерть своего князя, между тѣмъ какъ черезъ рѣку, нападая и рубя, переправлялись все новыя и новыя отряды; тщетно старались противустоять имъ Нифатъ, Петинъ и Миѳробузанъ; тщетно Фарнакъ, зять Дарія, и Арбупаль, внукъ Артаксеркса, старались удержать свои, готовыя уже разсѣяться, войска; скоро они пали мертвыми на полѣ сраженія. Центръ персовъ былъ разбитъ, и бѣгство сдѣлалось всеобщимъ; на полѣ сраженія осталось около тысячи, а по другимъ источникамъ двѣ съ половиной тысячи персовъ, а остальные бѣжали въ разсыпную съ поля битвы. Александръ не сталъ далеко преслѣдовать ихъ, такъ какъ на высотахъ стояла еще вся масса непріятельской пѣхоты подъ командой Омара, рѣшившись поддержать славу греческихъ наемниковъ въ бою противъ македонскаго оружія. Это было все, что имъ оставалось; праздные зрители кровавой борьбы, которая при ихъ участіи, можетъ быть, была бы выиграна, не имѣя опредѣленныхъ приказаній на тотъ случай, въ возможность котораго не вѣрила гордость персидскихъ князей. они остались стоять сомкнутыми рядами на своихъ высотахъ; безпорядочное бѣгство конницы

пришело ихъ въ жертву; предоставленные самимъ себѣ, они ожидали нападенія побѣдоноснаго войска и своей гибели, рѣшившись продать свою жизнь возможно дорогою цѣною ⁷⁷⁾. Александръ двинулъ на нихъ фалангу и одновременно приказалъ атаковать ихъ со всѣхъ сторонъ конницы въ ея полномъ составѣ, даже вессалійской и греческой конницы лѣваго крыла. Послѣ короткой, но отчаянной борьбы, въ которой подъ царемъ была убита лошадь, наемники были побѣждены; удалось спастись только тѣмъ, которые скрылись между тѣлами убитыхъ; двѣ тысячи этихъ наемниковъ были взяты въ плѣнъ.

Потери Александра были сравнительно незначительны; при первой атакѣ на полѣ битвы осталось двадцать пять всадниковъ изъ илы Аполлонія и кромѣ того пало около шестидесяти всадниковъ и тридцати пѣхотинцевъ ⁷⁸⁾. На слѣдующій день они были погребены въ полномъ вооруженіи и со всѣми воинскими почестями, а оставшіяся дома родители и дѣти ихъ освобождены отъ податей ⁷⁹⁾. Александръ лично позаботился о раненныхъ, обошелъ ихъ, осмотрѣлъ ихъ раны и выслушалъ отъ каждого рассказъ о томъ, какъ онъ ихъ получилъ. Онъ приказалъ похоронить также и павшихъ персидскихъ вождей и греческихъ наемниковъ, нашедшихъ смерть на службѣ врагу; но зато взятые въ плѣнъ греки были закованы въ цѣли и отосланы въ Македонію на общественныя каторжныя работы за то, что они, вопреки общему постановленію Греціи, сражались противъ Греціи за персовъ; только еиванцы получили прощеніе. Богатый персидскій лагерь попалъ въ руки Александра; онъ раздѣлилъ побѣдную добычу со своими союзниками; своей матери Олимпіадѣ онъ послалъ золотые кубки, пурпуровые ковры и другія драгоценности, найденныя въ шатрахъ персидскихъ князей, а въ память двадцати пяти всадниковъ, павшихъ первыми въ бою, приказалъ ваятелю Лизиппу отлить столько же бронзовыхъ статуй и выставить ихъ въ Діонѣ; въ Аѣины, въ даръ Палладѣ Аѣинѣ, онъ послалъ триста полныхъ вооруженій съ надписью: «Александръ, сынъ Филиппа, и эллины, за исключеніемъ лакедемонянъ, отняли у варваровъ въ Азіи».

Побѣда при Граникѣ уничтожила армію Персіи по сю сторону Тавра; войско сатрапій, служившихъ передовымъ оплотомъ государства, было разсѣяно, пало духомъ и настолько уменьшилось въ своемъ составѣ, что не могло болѣе рѣшиться на встрѣчу съ македонянами въ открытомъ полѣ; персидскіе гарнизоны, расположенные во всѣхъ большихъ городахъ, слишкомъ незначительные для того, чтобы выдержать нападеніе побѣдоносной арміи, могли тоже считаться побѣжденными. Кромѣ того, многіе предводители персовъ, въ числѣ ихъ лидійскій сатранъ, пали; Арситъ, гипархъ Фригіи на Геллеспонтѣ, вскорѣ послѣ сраженія самъ лишилъ себя жизни, какъ говорили, вслѣдствіе упрековъ совѣсти и изъ боязни отвѣтственности, и наконецъ, важныя приморскія области тѣмъ легче должны были сдѣлаться добычей македонянъ, что въ богатыхъ греческихъ городахъ все еще продолжали существовать проникнутые демократическимъ образомъ мыслей люди, которымъ теперь представлялся случай освободиться отъ персидскаго ига и отъ приверженныхъ къ Персіи олигарховъ.

Александръ не могъ колебаться насчетъ того, куда теперь направиться, чтобы самымъ выгоднымъ образомъ воспользоваться плодами своей побѣды и усилить ея значеніе. Быстрое движеніе въ глубь Малой Азіи доставило бы ему обширныя области, крупную добычу, землю и людей; но его цѣлью было уничтожить армію персидскаго царя; теперь въ эгейскомъ морѣ уже находился персидскій флотъ, который, еслибы онъ двинулся въ глубь страны, могъ бы оперировать за спиной царя, овладѣть берегами и завязать сношенія съ Элладой. Александръ долженъ былъ предупредить это своими усиліями на сушѣ; чтобы двинуться далѣе къ востоку, онъ долженъ былъ создать себѣ возможно обширный и прочный операціонный базисъ; если же онъ будетъ опираться только на Геллеспонтъ, то сатрапіи эгейскаго моря останутся въ рукахъ непріятеля, который можетъ оттуда тревожить его флангъ. Чтобы имѣть возможность двинуться за Тавръ, было необходимо владѣть всѣмъ западнымъ и южнымъ берегомъ Малой Азіи. Впечатлѣніе выигранной побѣды тѣмъ быстрѣе и тѣмъ надежнѣе заинтересовывало въ побѣдѣ греческаго элемента эти приморскія области, что онѣ были полны греческихъ или эллинизировавшихся городовъ.

Александръ поручилъ сатрапію во Фригіи на Геллеспонтѣ Камъ, сыну Гарпала, который былъ уже знакомъ съ этой мѣстностью благодаря двухлѣтнему пребыванію въ ней и казался самымъ подходящимъ лицомъ для управленія этой столь важной въ военномъ отношеніи областью; въ управленіи не было введено никакихъ дальнѣйшихъ перемѣнъ, даже повинности остались тѣми же, какъ они платились персидскому царю. Большинство не греческихъ обитателей центральныхъ областей Малой Азіи явились съ добровольнымъ изъясненіемъ покорности; они были тотчасъ же отпущены на родину. Зелиты, выступившіе къ Грапику вмѣстѣ съ персидскимъ войскомъ, получили прощеніе, потому что они принимали участіе въ бою по принужденію. Парменіонъ былъ отправленъ въ Даскилій, резиденцію фригійскаго сатрапа; онъ занялъ городъ, уже очищенный персидскимъ гарнизономъ. Двигаться далѣе къ востоку въ этомъ направленіи въ настоящую минуту не было необходимости, такъ какъ для движенія на югъ Даскилій служилъ достаточнымъ прикрытіемъ.

Самъ Александръ направился къ югу и пошелъ на Сарды, резиденцію сатрапіи Лидіи. Сарды были знамениты своей древней цитаделью, которая, расположенная на отдѣльной, обрывистой скалѣ, выступающей отъ Тмола въ равнину, и окруженная тройною стѣною, считалась неприступной; въ ней находилось казнохранилище этой богатой сатрапіи, дававшее начальнику города возможность увеличивать и содержать и безъ того уже значительный гарнизонъ, а сильное войско въ Сардахъ могло бы служить самой лучшей опорой для персидскаго флота ⁸⁰⁾. тѣмъ болѣе пріятной неожиданностью было, что не доходя до города мили двѣ къ Александру явился Миеринъ, персидскій начальникъ гарнизона, съ самыми уважаемыми гражданами города, послѣдніе, чтобы передать царю городъ, первый — цитадель и казнохранилище. Царь послалъ впередъ занять цитадель Аминту, сына Андромена, а самъ послѣдовалъ за нимъ послѣ небольшой ос-

тановки; перса Миерина онъ оставилъ около себя и всячески отличалъ его, настолько же для того, конечно, чтобы вознаградить его за покорность, какъ и для того, чтобы показать, какъ онъ ее награждаетъ. Жителямъ Сардъ и лидійцамъ онъ возвратилъ свободу и гражданское устройство ихъ отцовъ, котораго они были лишены въ теченіи двухсотъ лѣтъ, проведенныхъ ими подъ гнетомъ персидскихъ сатрановъ. Чтобы почтить городъ, онъ рѣшилъ украсить цитадель храмомъ олимпійскаго Зевса; когда онъ искалъ самаго подходящаго мѣста для этого въ предѣлахъ Акрополя, вдругъ поднялась буря, и на то мѣсто, гдѣ нѣкогда стоялъ дворецъ лидійскихъ царей хлынулъ проливной дождь съ громомъ и молніей; это мѣсто царь и выбралъ для храма, который отнынѣ долженъ былъ украсить собою высокую цитадель знаменитаго Креза ⁸¹⁾.

Сарды были вторымъ важнымъ пунктомъ въ операціонной линіи Александра, воротами къ центральнымъ землямъ Малой Азіи, куда отъ этого центра переднеазиатской торговли вели большія дороги. Правителемъ Лидіи былъ назначенъ братъ Марменіона Асандръ; въ качествѣ гарнизона сатрапіи подъ его начальствомъ были оставлены отрядъ конницы и легкой пѣхоты; съ нимъ остались Никія и Павзаній, принадлежавшіе къ числу этеровъ, Павзаній какъ комендантъ сардской цитадели и ея гарнизона, который былъ составленъ изъ контингента Аргоса, а Никія для распредѣленія и сбора повинностей. Другой корпусъ, состоявшій изъ контингентовъ мелопонесцевъ и другихъ эллиновъ, былъ посланъ подъ командой Калы и линкистійца Александра, получившаго вмѣсто Калы команду надъ вессалійской конницей, въ область, принадлежавшую родосцу Мемпону ⁸²⁾. Послѣ паденія Сардъ могло казаться необходимымъ повести оккупацию дальше также и на лѣвомъ флангѣ и, завладѣвъ болѣе обширной частью берега Пропонтиды, обезпечить за собою ведущую въ глубь страны по берегу Сангарія дорогу. Наконецъ и флотъ — имъ командовалъ Никаноръ — послѣ побѣды при Граникѣ получилъ приказъ идти въ Лесбосъ и Милетъ; вѣроятно, его появленіе было причиною, что Митилена примкнула къ македонскому союзу ⁸³⁾.

Самъ царь съ главными силами двинулся изъ Сардъ въ Іонію, города которой уже многіе годы томились подъ игомъ персидскихъ гарнизоновъ или державшихъ сторону персовъ олигарховъ и которые, какъ они ни были пригнетены продолжительнымъ рабствомъ, громко призывали къ себѣ еще не забытую древнюю свободу, которая теперь какъ бы чудомъ боговъ еще разъ была готова возвратиться къ нимъ. Нельзя сказать, чтобы такое настроеніе вездѣ нашло себѣ громкое выраженіе; тамъ, гдѣ олигархическая партія была достаточно сильна, дѣмъ долженъ былъ молчать; но можно было быть увѣреннымъ, что при приближеніи несущаго освобожденіе войска демократія вспыхнетъ яркимъ пламенемъ; во всякомъ случаѣ теперь, какъ это свойственно греческому характеру, о началѣ новой свободы свидѣтельствовали безграничная радость и страстная ненависть къ угнетателямъ.

Эфесъ, царь іонійскихъ городовъ, предупредилъ всѣ другіе великимъ примѣромъ. Еще во время Филиппа, быть можетъ вслѣдствіе

извѣстныхъ коринѣскихъ постановленій 338 года, дѣмъ объявилъ себя свободнымъ; Автофрадатъ подступилъ съ войскомъ къ городу, потребовалъ къ себѣ для переговоровъ его должностныхъ лицъ, затѣмъ во время переговоровъ напалъ со своими войсками на населеніе, не думавшее ни о какой дальнѣйшей опасности, взявъ многихъ въ плѣнъ, а многихъ приказалъ казнить⁸⁴⁾. Съ этого времени къ Эфесѣ снова находилъ персидскій гарнизонъ и власть снова перешла въ руки Сирфакса и его рода.

Въ числѣ лицъ, покинувшихъ по смерти Филиппа дворъ въ Пеллѣ, находился Аминта, сынъ Антиоха, братъ котораго Ираклидъ начальствовалъ надъ илой конницы изъ Воттіен; хотя Александръ никогда не относился къ нему иначе, какъ вполне милостиво, но Аминта, или сознавая за собою какую-либо вину, или питая какія-либо дурныя намѣренія, бѣжалъ изъ Македоніи⁸⁵⁾ и явился въ Эфесъ, гдѣ олигархія встрѣтила его съ полнымъ почетомъ. Тѣмъ временемъ произошла битва при Граникѣ, Мемнонъ съ жалкими остатками разбитаго войска спасся на берегъ Іоніи и бѣжалъ далѣе въ Эфесъ. Здѣсь вѣсть о пораженіи персовъ произвела сильнѣйшее волненіе; въ народѣ пробудилась надежда на восстановленіе демократіи, и олигархія угрожала серьезная опасность. Въ это время передъ городомъ появился Мемнонъ; партія Сирфакса послѣдила открытъ ему ворота и, соединившись съ персидскими войсками, начала яростно свирѣпствовать противъ народной партіи; могила Геропиѣа, освободителя Эфеса, была открыта и осквернена, священное казнохранилище въ большомъ храмѣ Артемиды было разграблено, находившаяся въ храмѣ колонна съ статуей царя Филиппа была опрокинута, — словомъ, произошло все то, что всегда еще болѣе позорить конецъ тиранніи, чѣмъ ея начало⁸⁶⁾. Тѣмъ временемъ побѣдопосное войско Александра подступало все ближе и ближе; Мемнонъ уже отправился въ Галикарнасъ, чтобы принять тамъ возможно лучшія мѣры обороны; и Аминта, не считавшій себя болѣе безопаснымъ при такомъ возбужденномъ состояніи народа и не считавшій возможнымъ удержать въ своихъ рукахъ городъ противъ македонянъ, поспѣшилъ вмѣстѣ съ находившимися тамъ наемниками захватить въ гавани двѣ тріеры и бѣжалъ къ персидскому флоту, который въ количествѣ четырехсотъ кораблей уже появился въ эгейскомъ морѣ. Лишь только народъ увидѣлъ себя освобожденнымъ отъ войскъ, какъ онъ поднялъ знамя всеобщаго возстанія противъ олигархической партіи; многіе знатные граждане спаслись бѣгствомъ; Сирфаксъ, его сыпъ и сыновья его братьевъ искали спасенія въ храмѣ, но разъяренный народъ оторвалъ ихъ отъ алтарей и побилъ камнями; бросились искать еще оставшихся въ живыхъ, чтобы предать ихъ такой же смерти. Въ это время Александръ, черезъ день послѣ бѣгства Аминты, вступилъ въ городъ, положилъ конецъ рѣзни и приказалъ снова принять изгнанныхъ въ угоду ему гражданъ и навсегда установить демократію; повинности, платившіяся до сихъ поръ Персіи, онъ передалъ Артемидѣ и распространилъ принадлежавшее храму право убѣжища на одну стадію отъ ступеней храма⁸⁷⁾. Можетъ быть, вмѣстѣ съ этимъ были опредѣлены и новыя границы принадлежавшей храму области, чтобы

предупредить въ будущемъ споры между храмомъ и политической общиной, во всякомъ случаѣ посредничество царя положило конецъ раздорамъ въ средѣ самой общины «и если что-нибудь служить къ его славѣ», говорить Арріанъ, «то это то, что онъ тогда сдѣлалъ въ Эфесѣ».

Въ Эфесѣ къ Александру явились уполномоченные отъ Траллъ и Магнезии на Меандрѣ, чтобы передать ему эти два важнѣйшихъ въ сѣверной Каріи города; занять эти города былъ посланъ Нарменіонъ съ отрядомъ изъ пяти тысячъ человекъ пѣхоты и двумястами всадниковъ⁸⁸). Въ то же время Алзимахъ⁸⁹), братъ Лизимаха, былъ съ такимъ же количествомъ войска отрѣженъ на сѣверъ въ эолійскіе и іонійскіе города съ приказомъ вездѣ уничтожить олигархію, возстаповить народное правленіе, возобновить прежніе законы и простить имъ платившіяся прежде Персіи повинности. Послѣдствіемъ этихъ экспедицій было уничтоженіе также и въ Хиосѣ олигархіи, во главѣ которой стоялъ Аполлонидъ, паденіе тиранніи въ городахъ Лесбоса Антиссъ и Эресъ и занятіе Митилены македонскимъ гарнизономъ⁹⁰).

Самъ царь остался еще нѣкоторое время въ Эфесѣ, бытность въ которомъ сдѣлало для него вдвойнѣ пріятною знакомство съ Апеллесомъ, величайшимъ изъ жившихъ тогда художниковъ; въ это время былъ написанъ портретъ Александра съ молніей въ рукахъ, еще долгое время послѣдствіи служившій украшеніемъ большого храма Артемиды⁹¹). Его занимали различныя планы относительно возстановленія греческихъ приморскихъ городовъ⁹²); прежде всего онъ приказалъ возстановить городъ Смирну, распавшійся на нѣсколько слободъ со времени разрушенія его лидійскими царями, соединить плотиною городъ Клазомены со служившимъ ему гаванью островомъ, перерѣзавъ клазоменскій перешеекъ до Теосы, чтобы кораблямъ не нужно было дѣлать далекаго обхода кругомъ чернаго мыса; это предпріятіе не осуществилось, но еще въ позднѣйшее время «союзъ іонійцевъ» праздновалъ въ память своего освободителя игры въ находившейся на перешейкѣ, посвященной царю Александру, рошѣ⁹³).

Принеся затѣмъ жертву въ храмъ Артемиды и произведя смотръ войскамъ, выстроеннымъ въ полномъ вооруженіи и какъ бы передъ боемъ, Александръ со своимъ войскомъ, состоявшимъ изъ четырехъ или македонской конницы, еракійскихъ всадниковъ, агріановъ и стрѣлковъ изъ лука, и приблизительно 12000 человекъ гоплитовъ и гипаспистовъ, выступилъ на слѣдующій день по дорогѣ къ Милету⁹⁴). Этотъ городъ, благодаря своей обширной гавани, при наступленіи поздняго времени года представлялъ величайшую важность для персидскаго флота. Начальникъ персидскаго гарнизона въ Милетѣ, грекъ Игизистратъ, предложилъ ранѣе въ письмѣ къ царю сдать ему городъ, но, получивъ извѣстіе о близости большого персидскаго флота, рѣшилъ сохранить для Персіи этотъ важный портъ. Тѣмъ болѣе желалъ Александръ завоевать его.

Милетъ лежитъ на косѣ на югѣ латмійскаго залива, въ трехъ миляхъ къ югу отъ мыса Микале и въ четырехъ отъ острова Самоса, виднѣющагося на горизонтѣ надъ моремъ; самый городъ, раздѣляющійся на наружный и укрѣпленный толстыми стѣнами и глубокими

рвами внутренній городъ, имѣеть въ заливѣ четыре гавани, изъ которыхъ самая большая и важная находится на островѣ Ладѣ, въ пѣ-которомъ разстояніи отъ берега; достаточно обширная, чтобы принять подъ свою защиту цѣлый флотъ, она не разъ служила причиной того, что вблизи ея велись морскія войны, рѣшавшіяся съ ея взятіемъ; лежація ближе къ городу гавани отдѣлены другъ отъ друга небольшими скалистыми островками; онѣ весьма удобны для торговли, но не такъ обширны, и рейдъ острова Лады господствуетъ надъ ними. Персы не притѣяли этого богатаго торговаго города; ему была оставлена его демократія; онъ могъ надѣяться сохранить нейтральное положеніе между воюющими державами; онъ послалъ въ Аѣны просить помощи ⁹⁵).

Никаноръ, командовавшій «греческимъ флотомъ», достигъ высоты Милета еще до прибытія превосходившаго его силами персидскаго флота и сталъ на якорь со своими ста шестьюдесятью тріерами близъ острова. Единновременно съ этимъ подъ стѣнами города появился Александръ, овладѣлъ наружнымъ городомъ, обложилъ внутренній, а для укрѣпленія важной позиціи, которую представляла Лада, переправилъ на островъ еракійцевъ и приказалъ флоту, какъ можно старательнѣе блокировать Милетъ со стороны моря. Три дня спустя показался персидскій флотъ; персы, видя заливъ занятымъ греческими кораблями, двинулись по направленію къ сѣверу и бросили якорь у мыса Микале въ количествѣ четырехсотъ кораблей.

Такая близость другъ къ другу греческаго и персидскаго флота дѣлала, повидимому, рѣшительное морское сраженіе неизбѣжнымъ; многіе стратеги Александра желали этого; въ побѣдѣ были увѣрены, такъ что даже старый осторожный Парменіонъ высказался за сраженіе; на берегу, такъ говоритъ онъ у Арріана, у кормы Александра корабля видѣли сидящаго орла; греки всегда побѣждали варваровъ на морѣ, и этотъ вѣщій орелъ не оставляетъ никакого сомнѣнія насчетъ того, какова воля боговъ; выигранное морское сраженіе принесетъ необыкновенную пользу всему предпріятію, а въ случаѣ его проигрыша можетъ быть потеряно только то, чего нѣтъ уже и теперь, такъ какъ персы со своими четырьмястами кораблей все-таки господствуютъ надъ моремъ; онъ самъ изъявилъ готовность сѣсть на корабль и принять участіе въ сраженіи ⁹⁶). Александръ не согласился; по его мнѣнію, рѣшиться на морское сраженіе при теперешнихъ обстоятельствахъ былъ бы и бесполезно, и опасно, было бы безумной смѣлостью со своими ста шестьюдесятью кораблями желать сразиться съ значительно превосходнымъ по силамъ персидскимъ флотомъ и со своими неопытными моряками противъ кипріотовъ и финикійцевъ; македоняне, непобѣдимые на сушѣ, не должны приноситься въ жертву варварамъ на чуждомъ имъ морѣ, гдѣ кромѣ того надобно принимать еще въ соображеніе тысячи случайныхъ обстоятельствъ; проигрышъ сраженія не только нанесетъ значительный ущербъ ожидающимся отъ его предпріятія результатамъ, но и послужитъ лозунгомъ къ отпаденію для эллиновъ; выгоды же побѣды не могутъ быть велики, такъ какъ ходъ его операций на сушѣ самъ собою уничтожитъ персидскій флотъ; таковъ и смыслъ

этого знаменія; какъ орелъ сѣлъ на землю, такъ и онъ осилить персидскій флотъ на землѣ; этого еще недостаточно, чтобы ничего не потерять. уже то, что ничего не выигрываешь, есть потеря. Флотъ остался стоять на рейдѣ близъ Лады.

Тѣмъ временемъ въ лагерь царя явился одинъ уважаемый милетининъ, Главкиппъ, чтобы объявить отъ имени народа и наемныхъ войскъ, въ рукахъ которыхъ находится теперь городъ, что Милегъ одинаково готовъ открыть свои ворота и гавани македонянамъ и персамъ, если Александръ согласится снять осаду. Царь отвѣчалъ, что онъ явился въ Азію не для того, чтобы довольствоваться тѣмъ, что ему предложатъ, но счумѣть заставить исполнить свою волю; пусть они ждутъ отъ его милости наказанія или прощенія за вѣроломство, побудившее городъ къ преступному и бесполезному сопротивленію; пусть Главкиппъ скорѣе возвращается въ городъ и объявить милетинамъ, чтобы они ждали штурма. На слѣдующій день начали работать тараны и стѣнобитныя машины и скоро часть стѣны превратилась въ развалины; македоняне ворвались въ городъ, а ихъ флотъ, замѣтивъ съ мѣста своей стоянки начавшійся штурмъ города, поплылъ къ гавани и загородилъ входъ въ нее, такъ что тріеры, стоя вплотную другъ подлѣ друга и оборотившись носами въ наружу, дѣлали для персидскаго флота невозможнымъ подать помощь милетинамъ, а для милетянъ спастись на персидскій флотъ. Милетяне и наемники, тѣснимые въ городъ со всѣхъ сторонъ и потерявшіе надежду въполнѣ, искали спасенія въ бѣгствѣ; одни переплыли на своихъ шитахъ на одинъ изъ лежавшихъ въ гавани скалистыхъ островковъ, другіе старались спастись отъ македонско-греческихъ тріеръ на лодкахъ; большинство погибло въ городѣ. Овладевъ имъ, македоняне, съ самимъ царемъ во главѣ, переправились на островокъ и уже съ тріеръ были приставлены лѣстницы къ обрывистымъ берегамъ, чтобы высадиться силой; но тутъ царь, исполненный жалости къ этимъ храбрецамъ, которые еще и теперь были готовы защищаться или умереть со славою, приказалъ пощадить ихъ и предложить имъ помилованіе на томъ условіи, чтобы они поступили на службу въ его войско; такимъ образомъ спаслось триста греческихъ наемниковъ. Всѣмъ милетянамъ, которые не пали при штурмѣ, Александръ подарилъ жизнь и свободу.

Персидскій флотъ смотрѣлъ со своей стоянки у Микале на паденіе Милета, не будучи въ состояніи сдѣлать что-либо для спасенія города. Каждый день онъ выступалъ противъ греческаго флота, въ надеждѣ выманить его на битву, и вечеромъ возвращался, не достигнувъ цѣли, на свой рейдъ у мыса, — весьма неудобную якорную стоянку, такъ какъ воду для нитя онъ долженъ былъ добывать ночью изъ Меандра, находившагося на разстояніи приблизительно трехъ миль. Царь думалъ прогнать ихъ съ ихъ позиціи, не заставляя въ то же время своего флота покинуть свою безопасную защищающую городъ позицію и послалъ всадниковъ и три саксиса пѣхоты подѣ командой Филоты вдоль берега къ мысу Микале, съ приказомъ прелатствовать всякой высадкѣ непріятеля; теперь, были бы блокированные на морѣ, персы, при полномъ недостаткѣ воды и средствъ

къ жизни, были вынуждены отправиться къ Самосу, чтобы запастись необходимыми. Затѣмъ они возвратились обратно и снова, вызывая къ бою, выплыли впередъ въ боевомъ порядкѣ; греческій флотъ продолжалъ стоять у Лады, вотъ почему они послали пять кораблей къ гавани, которая, расположенная между лагеремъ и маленькими островами, отдѣляла войско отъ флота, въ надеждѣ печально напасть на лишеныя экипажа корабли, такъ какъ было извѣстно, что матросы обыкновенно расходились съ кораблей за дровами и припасами. Когда Александръ увидѣлъ приближеніе этихъ пяти кораблей, онъ приказалъ имѣвшимъ на лицо матросамъ взять десять тріаръ и выступить въ море на охоту за непріателемъ. Прежде чѣмъ эти послѣдніе успѣли подойти, персидскіе корабли быстро повернули обратно къ своему флоту; одинъ изъ нихъ, плывшій медленно, попалъ въ руки македонянъ и былъ захваченъ; онъ былъ изъ Иза въ Каріи. Персидскій флотъ послѣ того, отказавшись отъ дальнѣйшихъ попытокъ на Милетъ, отступилъ къ Самосу.

Послѣднія событія убѣдили царя, что персидскій флотъ не имѣетъ болѣе серьезнаго вліянія на движенія его сухопутнаго войска, но, напротивъ, почти вполне отрѣзанный отъ суши дальнѣйшимъ ходомъ оккупации, будетъ принужденъ отказаться отъ какого бы то ни было участія въ серьезныхъ дѣлахъ и ограничится стояніемъ на якорѣ около острововъ. Теперь Александръ, энергично наступавшій на сушѣ, видѣлъ свой флотъ принужденнымъ ограничиваться обороной, такъ какъ ему было невозможно удержаться въ морѣ противъ втрое сильнѣйшаго непріятеля; насколько важныя услуги оказалъ онъ ему въ началѣ похода для прикрытія первыхъ движеній сухопутной арміи, — теперь, когда войско персовъ въ Малой Азіи было побѣждено, онъ не представлялъ для него особенной пользы, а требуемые имъ расходы были необыкновенно велики; сто шестьдесятъ тріаръ требовали около тридцати тысячъ человѣкъ матросовъ и солдатъ, почти такого же количества людей, какъ и войско, которое должно было сокрушить персидское царство; они обходились ежемѣсячно болѣе чѣмъ въ пятьдесятъ талантовъ жалованья и, вѣроятно, столько же стоило ихъ содержаніе, но они не дѣлали ежедневно новыхъ завоеваній и не захватывали новой добычи, какъ сухопутное войско, обходившееся пемного лишь дороже. Казна Александра была истощена и на первое время не могло ожидать значительныхъ поступленій, такъ какъ освобожденнымъ греческимъ городамъ ихъ повиности были прощены, а города туземцевъ не должны были подвергаться сожженію или грабежу, но только обложенію повиностями по старой, весьма низкой оцѣнкѣ. Таковы были причины, побудившія царя распустить осенью 334 года свой флотъ; онъ оставилъ у себя только нѣсколько кораблей для транспорта вдоль береговъ, и въ числѣ ихъ двадцать выставленныхъ Аѳинянами, — для того ли, чтобы почитать этимъ аѳинянъ, или чтобы имѣть залогъ ихъ вѣрности на случай, если непріятельскій флотъ, какъ это можно было предполагать, обратится на Эладу⁹⁷).

Теперь, когда флотъ былъ распущенъ, для Александра было вдвойнѣ важно занимать всякую прибрежную мѣстность, всякій приморскій

городъ, всякую гавань, чтобы этимъ продолжать ту континентальную блокаду, которой онъ надѣялся окончательно ослабить персидскій флотъ. На берегу эгейскаго моря теперь оставались еще Карія, а въ Каріи Галикарнассъ, вдвойнѣ важный по своему положенію при входѣ въ это море и тѣмъ, что въ этотъ прекрасно укрѣпленный городъ собрались послѣдніе остатки персидскаго войска въ Малой Азіи и рѣшились сопротивляться.

Дѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, во время Артаксеркса второго, Карія попала во власть галикарнасскаго династа Гекатомна, который, считаясь номинально персидскимъ сатрапомъ, былъ почти независимъ и готовъ при первомъ же поводѣ выступить на защиту этой независимости съ оружіемъ въ рукахъ⁹⁸); онъ перенесъ свою резиденцію въ глубь страны, въ Милазу, и отсюда сумѣлъ значительно расширить свою власть. Его сынъ и наслѣдникъ Мавсолъ продолжалъ планы своего отца, онъ всячески старался увеличить свое могущество и свои богатства; получивъ затѣмъ управленіе Ликіей⁹⁹), онъ повелѣвалъ надъ двумя важными приморскими провинціями Малой Азіи; тѣмъ естественнѣе было его желаніе продолжать увеличивать свои морскія силы (уже его отецъ, въ званіи персидскаго наварха, воевалъ противъ Кипра); онъ снова перенесъ резиденцію въ Галикарнассъ, который увеличилъ присоединеніемъ къ нему шести маленькихъ мѣстечекъ, возбудилъ союзническую войну противъ аѳинянъ, чтобы ослабить ихъ морское могущество, и протянулъ свою руку даже къ Милету¹⁰⁰). Когда затѣмъ умерла его сестра и супруга Артемизія, наслѣдовавшая по карійскому обычаю его престола, царство перешло къ его второму брату Идрію; благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, онъ овладѣлъ Хіосомъ, Косомъ и Родосомъ. Ему наслѣдовала его сестра и супруга Ада, но уже черезъ четыре года ея младшій братъ Пиксодаръ отнялъ у нея престола, такъ что за ней осталась только горная крѣпость Алинда. Вступивъ въ родство съ царскимъ домомъ Македоніи, планы котораго относительно Азіи уже не были болѣе тайной, Пиксодаръ рассчитывалъ подготовить борьбу за свою независимость. Уже одно то, что онъ чеканилъ своимъ именемъ также и золотую монету, на что, какъ полагаютъ, не имѣлъ права ни одинъ сатрапъ, показываетъ, насколько далеко подвинувшимся онъ себя считалъ¹⁰¹). Раздоры при дворѣ Филиппа помѣшали осуществленію его плановъ, такъ что онъ согласился на желаніе персидскаго царя, чтобы онъ выдалъ замужъ свою дочь за знатнаго перса Оеонтопата¹⁰²), и послѣ его смерти, наслѣдовавшей въ 335 году, Оеонтопата сдѣлался главою Карійской династіи¹⁰³).

Когда теперь Александръ вступилъ въ Карію, Ада поспѣшила ему навстрѣчу; она обѣщала оказывать ему всяческую поддержку при завоеваніи Каріи, увѣряя, что одно ея имя доставитъ ему друзей; зажиточная часть населенія, недовольная возобновленіемъ связи съ Персіей, сейчасъ же приметъ ея сторону, такъ какъ она въ духѣ своего брата всегда была врагомъ Персіи и другомъ Греціи; она просила царя, въ залогъ ея расположенія, позволить ей усыновить его. Александръ принялъ предложеніе Ады и оставилъ ей власть въ Алин-

дѣ; Карійцы, особенно греческіе города, наперерывъ спѣшили сдать ся ему; онъ возстановилъ въ нихъ демократію и даровалъ имъ автономію и свободу отъ податей.

Оставался еще только Галикарнассъ; туда удалился Оеонтопатъ; туда же явился съ остатками разбитой при Граникѣ арміи и Мемнонъ, не нашедшій въ Эфесѣ и Милетѣ ни благопріятныхъ обстоятельствъ, ни достаточно времени для организаціи успѣшной обороны, чтобы теперь, соединяясь съ Карійскимъ сатрапомъ, удержать въ своихъ рукахъ послѣднюю важную позицію на малоазіатскомъ берегу. Городъ былъ съ трехъ сторонъ окруженъ крѣпкими стѣнами, а четвертой, южной, былъ обращенъ къ морю; онъ имѣлъ три цитадели, акрополь на высотахъ своей сѣверной стороны, Салмакиду въ юго-западномъ углу, у самаго моря на перешейкѣ полуострова, замыкающаго съ запада галикарнасскій заливъ, и наконецъ царскую цитадель на маленькомъ островкѣ при входѣ въ гавань, составляющую самую внутреннюю часть залива. Мемнонъ отослалъ къ персидскому царю своихъ жену и дѣтей, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы не подвергать ихъ опасности, а въ дѣйствительности для того, чтобы дать знакъ и залогъ своей вѣрности, такъ какъ его греческое происхожденіе очень часто давало случай относиться къ ней подозрительно. Чтобы наградить эту преданность и открыть его признанному и испытанному таланту полководца подобающее ему поле дѣятельности, персидскій царь ввѣрилъ ему главное начальство надъ всѣмъ персидскимъ флотомъ и надъ берегомъ ¹⁰⁴⁾; если Персія могла еще надѣяться на спасеніе, то опъ, повидимому, былъ тѣмъ чело-вѣкомъ, который могъ спасти ее. Съ необыкновенной дѣятельностью онъ укрѣпилъ крѣпкій Галикарнассъ еще новыми сооруженіями, главное широкимъ и глубокимъ рвомъ, увеличилъ состоявшій изъ персовъ и наемниковъ гарнизонъ и стянулъ въ городскую гавань свои военные корабли ¹⁰⁵⁾, чтобы они могли служить поддержкой при защитѣ города и снабжать въ случаѣ продолжительной осады городъ съѣстными припасами; онъ приказалъ укрѣпить островъ Арконнессъ, господствовавшій надъ заливомъ на востокъ, послалъ гарнизоны въ Миндъ, Кавнъ, Оеру и Каллиполь ¹⁰⁶⁾, — словомъ, подготовилъ все такимъ образомъ, что Галикарнассъ могъ сдѣлаться центромъ крайне плодотворныхъ операцій и оплотомъ противъ наступательнаго движенія македонянъ. Именно поэтому весьма многіе приверженцы побѣжденной партіи въ Греціи отправились въ Галикарнассъ, въ числѣ ихъ аѳоняне Эфіальтъ и Фразивулъ, и изъ числа лицъ, бѣжавшихъ при убіеніи царя Филиппа, линкистіецъ Неоптолемъ; извѣстный намъ Аминта, сынъ Антиоха ¹⁰⁷⁾, какъ кажется, тоже спасся сюда бѣгствомъ изъ Эфеса со своими наемниками. Еслибы въ этой сильной позиціи персамъ удалось удержаться противъ македонскаго войска, то оно (такъ какъ персидскій флотъ господствовалъ надъ моремъ) было бы отрѣзано отъ родины и призываетъ къ свободѣ безъ труда могъ бы вызвать новое возстаніе въ Элладѣ.

Тѣмъ временемъ Александръ подступилъ къ городу и, рѣшившись на долгую осаду, расположился лагеремъ приблизительно въ тысячу шаговъ отъ городскихъ стѣнъ. Персы открыли непріязненные дѣй-

ствія вылазкой на подступившихъ къ городу македонянъ, которая однако была отражена безъ большого труда. Нѣсколько дней спустя царь съ значительною частью войска ¹⁰⁸⁾ перешелъ, обогнувъ городъ, на его сѣверовосточную сторону, — отчасти, чтобы осмотрѣть стѣны, но главнымъ образомъ для того, чтобы отсюда занять находившійся по близости городъ Миндъ, который могъ сдѣлаться весьма важнымъ пунктомъ для дальнѣйшаго хода осады, такъ какъ тамошній гарнизонъ обѣщалъ ему сдать городъ, если онъ ночью явится передъ его воротами. Онъ явился, но воротъ никто не открылъ; разгнѣванный такимъ обманомъ, царь тотчасъ же приказалъ своимъ тяжелооруженнымъ безъ штурмовыхъ лѣстницъ и машинъ, такъ какъ войско выступило, не приготовившись къ штурму, подступить къ стѣнамъ города и начать подкапывать ихъ. Одна башня рухнула, но образованная ею бреть была слишкомъ мала, чтобы можно было произвести успѣшное нападеніе. Когда наступилъ день, уходя македонянъ былъ замѣченъ въ Галикарнассѣ и тотчасъ же было послано моремъ подкрѣпленіе въ Миндъ; Александру пришлось вернуться на позиціи передъ Галикарнассомъ, не достигнувъ своей цѣли.

Осада города началась; сначала подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ такъ называемыхъ черепахъ, былъ засыпанъ ровъ, ширина котораго равнялась сорока пяти футамъ, а глубина была вполовину меньше, чтобы можно было подвести къ стѣнамъ башни, съ которыхъ производилась очистка стѣнъ отъ защитниковъ, и машины, чтобы дѣлать бреши въ стѣнахъ ¹⁰⁹⁾. Уже башни стояли около стѣнъ, когда осажденные сдѣлали ночью вылазку, чтобы сжечь машины; шумъ быстро распространился по лагерю; пробужденные отъ сна, македоняне бросились на помощь своимъ аванпостамъ и послѣ короткой битвы при свѣтѣ лагерныхъ огней осажденные должны были отступить обратно въ городъ, не достигнувъ своей цѣли. Среди ста семидесяти пяти непріятельскихъ тѣлъ было найдено также тѣло линкистійца Неоптолема. Со стороны македонянъ было только десять убитыхъ, но триста раненыхъ, такъ какъ въ темнотѣ ночи нельзя было прикрываться щитами достаточно хорошо.

Машины начали свою работу; скоро двѣ башни на сѣверовосточной сторонѣ города и стѣна между ними превратились въ развалины; третья башня была значительно повреждена, такъ что при подкопѣ она рухнула бы безъ особеннаго труда. Въ это время однажды послѣ полудня два македонянина изъ фаланги Пердикки сидѣли за виномъ въ своей палаткѣ и, хвастаясь другъ передъ другомъ своими подвигами, клялись поднять на конецъ своего копья весь Галикарнассъ вмѣстѣ съ персидскими трусами въ городъ; схвативъ щитъ и копьё, они направились къ стѣнамъ, начали размахивать оружіемъ и кричать находившимся въ башняхъ воинамъ; стоявшіе на стѣнахъ видѣли и слышали это и произвели вылазку противъ двухъ смѣльчаковъ; но тѣ и не подумали отступать: кто подходилъ къ нимъ слишкомъ близко, того рубили мечомъ, а кто былъ подальше, въ того бросали копьёмъ. Но число непріятелей росло съ каждой минутой, и эти двое, стоявшіе къ тому же на болѣе низкомъ

мѣстѣ, уже готовы были пасть подъ ударами болѣе многочисленнаго непріятеля. Тѣмъ временемъ и ихъ товарищи въ лагерѣ замѣтили этотъ оригинальный штурмъ и тоже бросились на помощь своимъ; число прибывавшихъ изъ города тоже увеличивалось, и подъ стѣнами завязался упорный бой. Скоро македоняне взяли верхъ и отбросили непріятеля назадъ въ ворота, а такъ какъ здѣсь въ этотъ моментъ стѣны были почти лишены защитниковъ и въ одномъ мѣстѣ уже обрушились, то для того, чтобы взять городъ, повидимому, неоставало только приказа царя произвести всеобщее нападеніе ¹¹⁰). Александръ не отдалъ этого приказа; ему хотѣлось сохранить городъ цѣлымъ и невредимымъ; онъ надѣялся, что граждане сдадутся на капитуляцію.

Но противники воздвигли позади этой бреши между башнями новую стѣну въ формѣ полумѣсяца. Царь приказалъ направить дальнѣйшія работы противъ этой послѣдней; во вдающійся уголъ, уже очищенный отъ мусора и развалинъ и сровненный для начала новыхъ штурмовыхъ работъ, были вдвинуты сплетенныя изъ ивовыхъ прутьевъ защитныя стѣны, высокія деревянныя башни и черепахи съ таранами. Непріятель снова сдѣлалъ вылазку, чтобы зажечь машины, а съ обѣихъ башенъ и стѣны ихъ нападеніе было поддержано самымъ живымъ образомъ; нѣсколько защитныхъ стѣнъ и даже одна башня уже пылали, стоявшіе на караулѣ подъ начальствомъ Филота войска едва могли защищать остальные; въ эту минуту на помощь явился Александръ, непріятель поспѣшно побросалъ факелы и оружіе и отступилъ за стѣны, откуда онъ, находясь во флангѣ и отчасти въ тылу нападающихъ, началъ опустошать ихъ ряды выстрѣлами.

При такомъ упорномъ сопротивленіи царь имѣлъ все причины энергичнѣе взяться за дѣло. Онъ снова пустилъ въ ходъ машины, лично присутствовалъ при работахъ и руководилъ ими. Тогда Мемнонъ (какъ говорятъ, по настоятельному совѣту Эфіальта ¹¹¹), не доводя положенія дѣла до крайности) рѣшилъ произвести общую вылазку. Часть гарнизона бросилась въ атаку около наиболѣе поврежденнаго мѣста стѣны подъ начальствомъ Эфіальта, а другіе бросились на лагерь изъ другихъ воротъ Трипила, гдѣ непріятель всего менѣе ожидалъ нападенія. Эфіальтъ бился съ величайшимъ мужествомъ, его люди бросали въ машины головы и смоляные вѣнки; но энергичная атака царя, поддерживаемая съ высокихъ осадныхъ башенъ градомъ стрѣлъ и крупныхъ камней, вынудила непріятеля отступить послѣ весьма упорной борьбы; многіе, и въ числѣ ихъ Эфіальтъ, остались на мѣстѣ битвы, еще болѣе пало при бѣгствѣ среди развалинъ и въ узкихъ воротахъ. Тѣмъ временемъ съ другой стороны на непріятеля бросились два такиса гипасистовъ и часть легкой пѣхоты подъ предводительствомъ тѣлохранителя Птолемея; долго длился бой; самъ Птолемей, Хиліархъ гипасистовъ Аддей, предводитель стрѣлковъ Клеархъ и много другихъ знатныхъ македонянъ уже пали мертвыми, когда наконецъ удалось отбѣснить непріятеля назадъ; узкій мостъ, ведшій черезъ ровъ, подломился подъ массою бѣгушихъ, многіе попадали внизъ и погибли отчасти задавленные падавшими на нихъ сверху, отчасти пораженные дротиками македонянъ. При этомъ

всеобщемъ бѣгствѣ оставшіеся въ городѣ приказали быстро закрыть ворота, чтобы вмѣстѣ съ беглецами не ворвались въ городъ и македоняне; передъ воротами стѣснилась большая толпа несчастныхъ бѣглецовъ, которые, безъ оружія, безъ мужества и надежды на спасеніе, были все изрублены, отданные въ жертву македонянамъ. Осажденные съ ужасомъ видѣли, что македоняне, воспламененные такою удачей и покровительствуемые паступавшей ночью, собирались сломать ворота и проникнуть въ самый городъ: вмѣсто этого они услышали звуки раздавашагося сигнала къ отступленію. Царь и теперь еще желалъ спасти городъ; онъ надѣялся, что послѣ этого дня, стоившаго ему только сорока убитыхъ, а непріятелю около тысячи и показавшаго достаточно ясно, что за новымъ нападеніемъ несомѣнно послѣдуетъ паденіе города, со стороны осажденныхъ будутъ сдѣланы предложенія, которыхъ онъ только и ждалъ, чтобы положить конецъ этой противуестественной борьбѣ грековъ противъ греческаго города.

Въ Галикарнассѣ оба военначальника, Мемнонъ и Оонтопатъ, совѣтовались относительно того, какія мѣры слѣдуетъ принять; они не могли не видѣть, что теперь, когда часть стѣны уже обрушилась, другая была близка къ паденію, а гарнизонъ былъ ослабленъ большими потерями убитыми и ранеными, они не могутъ болѣе выдержать продолжительной осады; да и къ чему имъ стараться удержать городъ, когда страна уже потеряна? гавань, обладаніе которой было важно для флота, могла быть достаточно защищена занятіемъ Салмакиды ¹¹²⁾ и лежавшей передъ гаванями царской цитадели, а также занятіемъ лежавшихъ на Карійскомъ заливѣ укрѣпленныхъ пунктовъ; они рѣшили пожертвовать городомъ. Около полуночи македонскіе часовые увидѣли поднимавшееся надъ стѣнами пламя; бѣглецы, спасавшіеся изъ горящаго города въ чистое поле къ македонскимъ аванпостамъ, сообщали, что горитъ большая башня, воздвигнутая противъ македонскихъ машинъ, магазины съ оружіемъ и ближайшій къ стѣнамъ кварталъ города; видно было, какъ сильный вѣтеръ гналъ пламя въ городъ; узналось, что оставшіеся въ городѣ всѣми мѣрами способствовали распространенію огня. Несмотря на ночное время Александръ приказалъ тотчасъ же выступить и занять пылающій городъ; занимавшіеся еще поджогами были перебиты, сопротивленія не было встрѣчено нигдѣ; найденные въ своихъ жилищахъ горожане были пощажены. Наконецъ разсвѣло утро; городъ былъ очищенъ непріателемъ, онъ отступилъ на Салмакиду и на царскій островъ, откуда онъ могъ господствовать надъ гаванью и тревожить бывшія въ рукахъ непріятеля развалины города, самъ находясь въ полнѣйшей безопасности.

Царь понялъ это; чтобы не останавливаться надъ осадой цитадели, которая при настоящихъ обстоятельствахъ не могла принести ему важныхъ результатовъ, онъ, похоронивъ павшихъ въ послѣднюю ночь, послалъ впередъ въ Траллы паркъ своихъ осадныхъ машинъ и приказалъ разрушить до основанія остатки города, такъ упорно сопротивлявшагося общему дѣлу эллиновъ, такъ какъ близость персовъ въ Салмакидѣ и въ Аркоинисѣ дѣлала ихъ только болѣе опасными; граждане были расселены по шести округамъ, сорокъ лѣтъ тому

назадъ соединеннымъ. Мавссоломъ въ своей резиденціи ¹¹³⁾. Ада снова получила сатрапію надъ Каріей, но находившіеся тамъ греческіе города были объявлены автономными и свободными отъ податей. Доходы страны остались за правительницею; для охраны ея и ея страны Александръ оставилъ 3000 наемниковъ и около двухсотъ всадниковъ подъ начальствомъ Птолемея ¹¹⁴⁾, получившаго приказъ соединиться съ правителемъ Лидіи для окончательнаго изгнанія непріятеля изъ находившихся еще въ его рукахъ береговыхъ пунктовъ и прежде всего начать осаду Салмакиды, окруживъ ее валомъ ¹¹⁵⁾.

Наступило позднее время года; съ паденіемъ Галикарнасса Александръ могъ считать завоеваніе западнаго берега Малой Азіи окончаннымъ; возстановленіе свободы въ приморскихъ греческихъ городахъ и македонскіе гарнизоны во Фригіи на Геллеспонтѣ, въ Лидіи и Каріи гарантировали эти области отъ новыхъ нападений персидскаго флота. Препградить ему доступъ также и къ южному берегу Малой Азіи и покорить области въ глубинѣ Малой Азіи должно было быть цѣлью ближайшихъ операцій. Такъ какъ было видно заранѣе, что ни приморскіе города, которые благодаря времени года только съ трудомъ могли получить помощь съ моря, ни лежавшія въ глубинѣ страны области, уже давно почти совершенно очищенные персами, не окажутъ большаго сопротивленія, то было ненужно привлекать къ участію въ этомъ трудномъ походѣ все войско; кромѣ того для крупныхъ операцій, которыми долженъ быть открыться походъ слѣдующаго года, необходимо было усилить армію вызванными съ родины свѣжими войсками. Въ арміи находилось много только недавно женившихся воиновъ; они были уволены въ отпускъ на родину, чтобы провести зиму съ женой и дѣтьми. Начальство надъ ними приняли трое новобрачныхъ изъ числа военачальниковъ, сынъ Селевки Птолемея, одинъ изъ тѣлохранителей царя, зять старика Парменіона Кинъ и Мелеагръ, оба стратеги фаланги; они получили порученіе привести съ собою въ Азію вмѣстѣ съ отпущенными въ отпускъ какъ можно больше свѣжихъ войскъ и весною присоединиться къ главной арміи въ Гордіи. Можно себѣ представить, какимъ ликованіемъ былъ встрѣченъ этотъ отпускъ, съ какой радостью возвратившіеся воины были встрѣчены дома своими и какъ слушались ихъ рассказы объ ихъ подвигахъ и ихъ царѣ, о добычѣ и прекрасныхъ странахъ Азіи; казалось, что Македонія и Азія перестаютъ быть далекими и чуждыми другъ другу.

Изъ оставшихся въ Азіи мобилизованныхъ войскъ (такъ какъ нѣсколько тысячъ человекъ были назначены въ гарнизоны) Александръ образовалъ двѣ походныхъ колонны; меньшая подъ начальствомъ Парменіона, состоявшая изъ македонской и вессалійской конницы, войскъ союзниковъ ¹¹⁶⁾ и парка телѣгъ и машинъ, двинулась черезъ Траллы въ Сарды, чтобы перезимовать въ равнинѣ Лидіи и съ наступленіемъ весны выступить въ Гордію; большая колонна, образованная изъ гипаспистовъ, таксисовъ фаланги, агріановъ, стрѣлковъ и еракійцевъ ¹¹⁷⁾, выступила подъ предводительствомъ самого царя изъ Каріи, чтобы пройти по морскому берегу и внутреннимъ областямъ Малой Азіи и завладѣть ими.

Его маршрутъ шелъ въ область Ликию черезъ укрѣпленное по-

граничное мѣстечко Гинарпу, гарнизонъ котораго, состоявшій изъ греческихъ наемниковъ, сдѣлать крѣпость съ правомъ свободно удалиться. Ликія со времени Кира входила въ составъ персидскаго царства, но сохранила не только свое союзное устройство, но въ скоромъ времени также настолько возвратила себѣ свою независимость, что платила только определенную дань въ Сузу, пока затѣмъ сатрапъ Каріи, какъ мы уже упомянули, не получилъ въ управленіе также и Ликіи. Еще въ послѣдніе годы персидскій царь отнесъ къ Ликіи горную область Милиаду, лежавшую на границѣ съ Фригіей. Персидскихъ гарризоновъ въ Ликіи не было; Александръ не встрѣтилъ никакихъ препятствій при занятіи этой богатой городами и отличающейся своими прекрасными морскими гаванями провинціи. Телмиссъ и лежащее по другую сторону рѣки Ксанѳа Пинара, Эсанѳъ, Патара и около тридцати другихъ маленькихъ мѣстечекъ въ верхней Ликіи сдались македонянамъ; затѣмъ Александръ (это было въ половинѣ зимы) двинулся вверхъ къ истокамъ Ксанѳа, въ область Милиаду ¹¹⁸⁾; здѣсь онъ принялъ посольство Фазилитовъ, приславшихъ ему, по греческому обычаю, золотой почетный вѣнокъ и посольства многихъ городовъ нижней Ликіи, просившія у него подобно первымъ мира и дружбы. Фазилитамъ—изъ ихъ города происходилъ находившійся въ дружбѣ съ царемъ поэтъ Теодектъ, умершій незадолго передъ этимъ въ Аѳинахъ, отецъ котораго былъ еще въ живыхъ ¹¹⁹⁾—онъ общалъ въ ближайшемъ будущемъ прибыть къ нимъ и пробыть у нихъ нѣкоторое время. Отъ ликійскихъ пословъ, которые были приняты не менѣе привѣтливо, онъ потребовалъ, чтобы они передали свои города тѣмъ, кого онъ пошлетъ для этого. Затѣмъ онъ назначилъ сатрапомъ Ликіи и прилегавшихъ къ ней съ востока приморскихъ земель одного изъ своихъ ближайшихъ друзей, Неарха изъ Амфиполя, бывшаго родомъ съ Крита ¹²⁰⁾. Изъ дальнѣйшихъ событій видно, что въ это время въ персидскомъ флотѣ находился контингентъ ликійскихъ кораблей; мы имѣемъ право предположить, что Александръ или считалъ отозваніе ихъ естественнымъ слѣдствіемъ достигнутаго соглашенія или обусловилъ дарованныя имъ льготы. Вѣдь несомнѣнно, что ликійцы, термелы, какъ они сами себя называли, сохранили свое старинное, стройное союзное устройство: двадцать три города, каждый съ совѣтомъ и народнымъ собраніемъ, со «стратигомъ» во главѣ администраціи, который, быть можетъ, носилъ ликійское имя «царя» города, затѣмъ для всей союзной области собраніе городовъ, въ которомъ шесть самыхъ значительныхъ городовъ имѣли каждый по три голоса, средніе по два, а небольшіе по одному; въ такомъ же отношеніи распредѣлялись и союзныя повинности, представителемъ союза былъ «Ликиархъ», вѣроятно тоже называвшійся «царемъ»; онъ, какъ и другія должностныя лица союза и судьи, назначался по выборамъ союзнаго собранія ¹²¹⁾

Затѣмъ царь отправился въ Фазилиду. Этотъ городъ, дорійскій по происхожденію и достаточно значительный для того, чтобы сохранить свой греческій типъ въ ликійской средѣ, имѣлъ чрезвычайно благоприятное мѣстоположеніе на памфилійскомъ заливѣ со своими тремя гаванями, которымъ онъ былъ обязанъ своимъ богатствомъ, на за-

падѣ нѣсколькими лежащими другъ надъ другомъ террасами поднимаются до высоты семи тысячъ футовъ горы, ровной дугою тяну- щіеся кругомъ памфилійскаго залива и лежащіе такъ близко къ морю, что приливъ во многихъ мѣстахъ только тогда не покрываетъ идущей вдоль берега дороги, когда сѣверный вѣтеръ отгоняетъ воду отъ берега; нежелающіе ѣхать по этой дорогѣ должны избирать го- раздо болѣе трудный и длинный путь черезъ горы, который какъ разъ въ это время былъ загражденъ однимъ низидійскимъ племенемъ, выстроившимъ себѣ горный замокъ при вступленіи въ горы и от- туда тревожившимъ фазилитовъ. Александръ вмѣстѣ съ фазилитами напалъ на это разбойничье гнѣздо и разрушилъ его. Это счастливое избавленіе жившаго въ постоянной тревогѣ города и побѣды маке- донскаго царя были отпразднованы веселыми пирами; со времени побѣды Кимона при Евримедонтѣ городъ вѣроятно въ первый разъ видѣлъ греческое войско. Александръ, какъ кажется, тоже былъ ве- селъ въ эти дни; послѣ одного изъ пировъ его видѣли шедшимъ со своими приближенными въ веселой процессіи на рынокъ, гдѣ стояла статуя Θεοδεκτα, и украшающимъ ее вѣнками изъ цвѣтовъ, чтобы почтить дорогого ему поэта ¹²²⁾.

Въ это-то и былъ открытъ низкій планъ, вдвойнѣ низкій потому, что онъ исходилъ отъ одного изъ знатнѣйшихъ военачальниковъ въ войскѣ, которому Александръ многое простилъ, а еще большее ввѣ- рилъ. Царя не разъ уже предостерегали, еще недавно Олимпіада въ письмѣ закликала своего отца быть осторожнымъ съ своими преж- ними врагами, которыхъ онъ теперь считаетъ своими друзьями.

Измѣнникомъ былъ линкистіецъ Александръ, въ которомъ двусмы- сленныя притязанія его фамиліи на царскій престолъ Македоніи нашли своего коварнаго и упорнаго представителя. Подозрѣваемый въ та- комъ же участіи въ заговорѣ противъ жизни царя Филиппа, кото- рое повлекло за собою смертную казнь для его двоихъ братьевъ, онъ, какъ тотчасъ же подчинившійся сыну убитаго и первый при- вѣтствовавшій его царемъ, не только остался безнаказаннымъ, но Александръ удержалъ его около себя и не разъ поручалъ ему важ- ные посты, такъ еще въ послѣднее время начальство надъ весса- лійской конницей при походѣ на землю Мемнона и въ Витинію. Но даже довѣріе царя не могло измѣнить образа мыслей этого гнуснаго чловѣка; сознаніе неудачнаго, но не вызвавшаго раскаянія преступ- ленія, безсильная гордость, вдвойнѣ оскорбляемая великодушіемъ из- балованнаго счастьемъ юноши, воспоминаніе о двухъ братьяхъ, про- лившихъ свою кровь за ихъ общій планъ, собственное властолюбіе, мучившее его тѣмъ сильнѣе, чѣмъ безнадежнѣе оно было, — словомъ, зависть, ненависть, похоть и страхъ должны были быть стимулами, побудившими линкистійца снова завязать сношенія съ персидскимъ дворомъ или же, быть можетъ, и не прерывать ихъ; этотъ Непто- лемъ, который нашелъ смерть подъ Галикарнассомъ въ бою за пер- совъ, былъ его племянникомъ; Александръ послалъ персидскому царю устные и письменныя предложенія черезъ сына Антиоха Аминту, ко- торый, эмигрировавъ изъ Македоніи, при приближеніи македонскаго войска бѣжалъ изъ Эфеса, сперва, вѣроятно, въ Галикарнасъ и за-

тѣмъ далѣе къ персидскому двору, и затѣмъ въ земли передней Азіи явился Сизигъ, одно изъ довѣрчивыхъ лицъ Дарія, якобы для передачи приказаній Атизію, сатрапу великой Фригіи, по въ сущности съ секретными порученіями и прежде всего началъ стараться проникнуть въ лагерь вессалійской конницы. Схваченный Парменіономъ, онъ открылъ цѣль своей посылки, которую онъ, отведенный подъ стражей къ царю въ Фазилиду, формулировалъ такимъ образомъ, что онъ долженъ былъ обѣщать отъ имени персидскаго царя линкистійцу тысячу талантовъ и македонскій престолъ, если тотъ убьетъ Александра.

Царь немедленно созвалъ своихъ друзей на совѣщаніе, какъ поступить съ обвиняемымъ. Ихъ мнѣніемъ было, что уже ранѣе этого не слѣдовало поручать такому ненадежному человѣку ядро всей конницы; тѣмъ болѣе необходимо и даже немедленно сдѣлать его безвреднымъ теперь, пока онъ не привлечетъ еще болѣе на свою сторону вессалійскую конницу и не запутаетъ ее въ своихъ преступныхъ замыслахъ. Затѣмъ къ Парменіону былъ посланъ одинъ изъ самыхъ надежныхъ офицеровъ, сынъ Кратера, Амфотеръ; переодѣтый мѣстнымъ жителемъ, чтобы не быть узнаннымъ; въ сопровожденіи нѣсколькихъ пергейцевъ, онъ неузнанный никѣмъ достигъ мѣста своего назначенія; когда онъ передалъ на словахъ свое порученіе — такъ какъ, царь не желалъ довѣрять такихъ опасныхъ вещей письму, которое легко могло быть перехвачено и употреблено во зло, — линкистіецъ незаметно былъ взятъ и посаженъ подъ стражу, судъ надъ нимъ царь продолжалъ откладывать еще и теперь отчасти во вниманіе къ Антипатру, которому государственный измѣнникъ приходился зятемъ, а главное, чтобы не подавать повода къ слухамъ тревожнаго свойства въ войскѣ и въ Греціи ¹²³).

Послѣ этой остановки Александръ выступилъ изъ Фазилиды и направился въ Намфилю и на важнѣйшій пунктъ этой страны, Пергу. Часть войска онъ послалъ впередъ длиннымъ и труднымъ путемъ черезъ горы, приказавъ еракійцамъ сдѣлать его доступнымъ для движенія хотя бы только пѣхоты, а самъ, какъ кажется, съ конницей и частью тяжелой пѣхоты избралъ путь вдоль берега; это было дѣйствительно рискованное предпріятіе, такъ какъ теперь, зимой, путь былъ залитъ водою; пришлось идти цѣлый день въ бродъ по водѣ, доходившей мѣстами солдатамъ до живота; но примѣръ и присутствіе царя, не знавшаго слова «невозможно», подстрекали войска упорно и весело переносить всѣ труды; и когда, достигнувъ наконецъ цѣли, они оглянулись назадъ на пройденную ими дорогу и на покрывавшій ее пѣниціей прибой, это показалось имъ чудомъ, совершоннымъ ими подъ предводительствомъ своего героя царя. Въсть объ этомъ походѣ, украшенная сказочными подробностями, распространилась среди эллиновъ: несмотря на сильный южный вѣтеръ, подогнавшій воду къ самымъ горамъ, говорили они: царь спустился на берегъ и вѣтеръ внезапно измѣнился, а вода отхлынула къ югу; другіе утверждали даже, что онъ провелъ свое войско по морю, не замочивъ ногъ; а перипатетикъ Каллисѳенъ, первый написавшій исторію этихъ походовъ, при которыхъ онъ самъ присутствовалъ, на-

писалъ даже такую фразу, что море желало принести свое поклоненіе царю и пало передъ нимъ ницъ ¹²⁴); онъ употребилъ слово προσκύπτει, которымъ эллины называютъ персидскій обычай падать ницъ передъ персидскимъ царемъ. Самъ царь написалъ въ одномъ письмѣ—если оно подлинно ¹²⁵)—простыя слова, что онъ приказалъ проложить путь черезъ памфилійскую лѣстницу, какъ называли эти горныя уступы, и прошелъ по немъ изъ Фазилиды.

Такимъ образомъ Александръ со своимъ войскомъ вступилъ въ береговую полосу области Лизидіи, называемую Памфіліей; эта приморская мѣстность, ограничиваемая съ сѣвера горами Тавра, простирается далѣе города Сиды, гдѣ горы снова подходятъ къ самому берегу и тянутся далѣе къ сѣверо-востоку черезъ Киликію, первую область по ту сторону Тавра, такимъ образомъ, что Александръ, занявъ Памфілію, могъ назвать покореніе морского берега по сю сторону Тавра оконченнымъ. Перга, ключъ къ переходу во внутреннія мѣстности черезъ лежавшія на сѣверѣ и западѣ горы, сдалась; городъ Аспендъ послалъ къ царю пословъ, предлагая ему сдаться и въ то же время прося его не ставить въ города македонскаго гарнизона,—просьба, на которую Александръ согласился подъ тѣмъ условіемъ, чтобы Аспендъ кромѣ поставки опредѣленнаго числа лошадей, содержаніе которыхъ и составляло платимую ими персидскому царю дань, уплатилъ еще пятьдесятъ талантовъ вознагражденія его солдатамъ. Онъ самъ двинулся въ Сиду, считавшуюся основанной древними выходцами изъ Кима въ Эолидѣ; по языку этихъ грековъ—языкъ родины они забыли, а мѣстнаго не усвоили—былъ весьма своеобразенъ ¹²⁶). Александръ оставилъ въ ихъ городѣ гарнизонъ, который, какъ и весь берегъ памфилійскаго залива былъ поставленъ подъ начальство Неарха.

Послѣ этого онъ двинулся въ обратный путь въ Пергу; взявъ приступомъ горную крѣпость Силлій ¹²⁷), защищавшуюся гарнизономъ изъ туземцевъ и чужихъ наемниковъ, ему не удалось; онъ поручилъ взять ее своему намѣстнику, такъ какъ онъ только что получилъ извѣстіе, что аспендяне не выдаютъ обѣщанныхъ лошадей и не желаютъ платить пятидесятъ талантовъ, какъ они обязались, но приготовились къ серьезному сопротивленію. Онъ выступилъ противъ Аспенды и занялъ покинутый жителями нижній городъ; ни прекрасно укрѣпленная цитадель, куда спаслись аспендяне, ни недостатокъ осадныхъ орудій не могли склонить его на уступки: онъ отослалъ пословъ, которыхъ прислали къ нему испуганные его присутствіемъ горожане, желавшіе сдаться на основаніяхъ прежняго договора, назадъ съ приказаніемъ городу уплатить, кромѣ потребованныхъ раньше лошадей и пятидесяти талантовъ, еще пятьдесятъ талантовъ и дать въ заложники самыхъ уважаемыхъ гражданъ, подчиниться судебному рѣшенію относительно территории, въ насильственномъ захватѣ которой у сосѣдей они были обвинены ¹²⁸), повиноваться намѣстнику царя въ этой области и платить ежегодную дань ¹²⁹). Мужеству аспендянъ скоро пришелъ конецъ; они подчинились.

Царь снова возвратился въ Пергу, а оттуда черезъ суровую горную страну лизидовъ двинулся далѣе во Фригію. Въ его намѣренія

не могло входить покорять теперь долина за долиной этот горный народъ, распадавшійся на множество враждовавшихъ между собою племенъ; достаточно было дать имъ почувствовать силу своей руки, пройдя наперекоръ имъ черезъ ихъ область; обезпечить за собой на долгое время открытую такимъ образомъ дорогу между памфилійскимъ берегомъ и Фригіей, онъ долженъ былъ предоставить своимъ будущимъ военачальникамъ въ областяхъ, окружавшихъ эту горную страну.

Избранный имъ путь ведетъ отъ Перги къ западу по прибрежной равнинѣ къ подножію горъ и вступаетъ затѣмъ въ узкое ущелье, надъ которымъ господствуетъ горная крѣпость Термессъ ¹³⁰⁾ и въ которомъ даже незначительный отрядъ можетъ преградить путь большому войску; дорога идетъ кверху вдоль крутой стѣны, съ другой стороны поднимается еще болѣе высокая и крутая гора; а позади на находящейся между ними обоими вершинѣ, лежитъ городъ. Обѣ горы царь нашелъ до такой степени усѣянными варварами — вступилъ весь Термессъ, — что предпочелъ расположиться лагеремъ передъ проходомъ, убѣжденный, что непріятель, видя македонянъ отдыхающими такимъ образомъ, не будетъ считать опасность близкою, поставитъ для безопасности въ проходѣ караулъ и возвратится въ городъ. Такъ и вышло, главные силы удалились и на высотахъ виднѣлись только отдѣльные посты; царь немедленно двинулъ впередъ легкую пѣхоту ¹³¹⁾, посты должны были отступить, высоты были заняты, войско безпрепятственно прошло черезъ проходъ и расположилось передъ городомъ. Сюда въ лагерь явились послы селговъ, которые, принадлежа къ тому же пизидійскому племени, какъ и термессяне, но живя съ ними въ постоянной враждѣ, заключили миръ и дружбу со врагами своихъ враговъ и не измѣнили ей. Взятіе Термесса потребовало бы болѣе продолжительной остановки; Александръ немедленно двинулся далѣе.

Онъ двинулся противъ города Салагасса ¹³²⁾, который, населенный самыми воинственными изъ всѣхъ пизидовъ, лежитъ у подножья верхней террасы пизидійской горной страны и открываетъ доступъ въ возвышенную равнину Фригіи; салагассы, соединившись съ термессянами, заняли лежавшія на южной сторонѣ города высоты и преградили такимъ образомъ дорогу македонянамъ. Александръ тотчасъ же построилъ свое войско къ атакѣ; на правомъ крылѣ пошли въ бой стрѣлки и агріаны, за ними слѣдовали гинасписты и таксисы фаланги; оракійцы Ситалка образовали конецъ лѣваго крыла; начальство надъ лѣвымъ крыломъ онъ поручилъ линкистійцу Аминтѣ ¹³³⁾, что достаточно характерно, а самъ взялъ правое крыло. Уже войско Александра достигло самаго крутого мѣста горы, какъ вдругъ варвары толпами бросились на крылья наступавшаго войска, съ двойнымъ усилѣхомъ, такъ какъ они падали сверху на поднимавшихся въ гору. Самая сильная атака выпала на долю стрѣлковъ праваго крыла, ихъ предводитель палъ, и они должны были отступить; агріаны еще держались, тяжелая пѣхота съ Александромъ во главѣ была уже близко; сильныя нападенія варваровъ разбивались обѣ сомкнутыя массы заслоненныхъ щитами воиновъ и въ рукопаш-

номъ бою плохо вооруженные пизидійцы должны были уступить тяжелому оружію македонянь; пятьсотъ человѣкъ осталось на мѣстѣ, а остальные бѣжали, знаніе мѣстности помогло имъ спастись. Александръ двинулся впередъ по большой дорогѣ и взялъ городъ.

Послѣ паденія Салагасса остальные мѣстечки Пизидіи были или взяты открытой силой ¹³⁴), или сдались на капитуляцію. Такимъ образомъ путь на возвышенную равнину, съ которой начинается Фригія по ту сторону горы Салагасса, былъ свободенъ. Въ восточной котловинѣ этой возвышенной равнины лежитъ озеро Эгердиръ, величиною съ Боденское озеро, опоясанное съ юга и востока могучими горными массами; миляхъ въ восьми къ востоку отъ него лежатъ нѣсколько меньшее асканійское озеро, миляхъ въ трехъ отъ сѣвернаго конца котораго тянется горный кряжъ, на сѣверной сторонѣ котораго находятся истоки Меандра. Въ ведущихъ къ долинѣ Меандра проходахъ лежитъ старинный городъ Келены, гдѣ нѣкогда Ксерксъ, послѣ своихъ поражений въ Греціи и на морѣ, построилъ крѣпкую цитадель, чтобы сдерживать наступательное движеніе эллиновъ со стороны освобожденнаго берега; съ тѣхъ поръ Келены были центромъ фригійской сатрапіи и резиденціей сатрапа.

Туда обратился Александръ послѣ взятія Салагасса; мимо асканійскаго озера онъ въ пять переходовъ достигъ города ¹³⁵). Онъ напалъ на крѣпость — сатрапъ Атизій бѣжалъ — въ рукахъ 1000 карійскихъ и 100 греческихъ наемниковъ; они предложили сдать городъ и крѣпость, если персидское подкрѣпленіе не явится въ тотъ день, — они назвали его, — въ который оно было имъ обѣщано ¹³⁶). Царь согласился; овладѣть городомъ онъ могъ только цѣною значительной потери времени; а достигнувъ скорѣе Гордія и двинувшись къ Тавру вмѣстѣ съ направленными туда другими частями своего войска, онъ сдѣлаетъ невозможной посылку городу подкрѣпленій. Онъ оставилъ подъ Келенами отрядъ приблизительно изъ 1500 человѣкъ. Онъ поручилъ сатрапію Фригію Антигону, сыну Филиппа, командовавшему до сихъ поръ контингентами союзниковъ, а ихъ стратигомъ назначилъ Валакра, сына Аминты.

Отдохнувъ десять дней подъ Келенами, онъ двинулся далѣе къ Гордію на Эаугаріи, откуда черезъ Галисъ и Каппадокію ведетъ большая дорога въ Сузы.

По объему достигнутые Александромъ въ этотъ первый годъ войны результаты были не велики; и государственные люди и военные авторитеты Эллады могли съ презрѣніемъ пожимать плечами, видя, что пресловутая побѣда при Граникѣ повела только къ завоеванію западнаго и половины южнаго берега Малой Азіи, — завоеваніямъ, которыя допустилъ умный и разсчитливый Мемнонь, чтобы тѣмъ временемъ овладѣть господствомъ надъ моремъ и островами и прервать такимъ образомъ связь Александра съ Македоніей.

Руководившіе дѣйствіями Александра мотивы вполне ясны. Онъ никакъ не могъ желать захватывать все большую и большую территорию и все глубже и глубже проникать въ сердце Малой Азіи,

пока персидскій флотъ еще господствовалъ надъ моремъ и могъ породить въ Элладѣ смуты, послѣдствій которыхъ предвидѣть было нельзя; достаточно было того, что, благодаря результатамъ своей первой большой битвы, онъ совершенно отрѣзалъ персидскій флотъ отъ берега и гаваней, изъ которыхъ онъ могъ вредить ему съ тыла при его второмъ походѣ далѣе на востокъ.

Способъ его наступленія, конечно, сильно отличался отъ греческихъ традицій. Аѳинское войско во времена Кимона и Перикла почти ни разу не рѣшалось проникнуть въ глубь страны далѣе приморскихъ городовъ Малой Азіи; и если это сдѣлали спартанцы въ дни Фиброна и Агезилая, и Харитъ и Харидемъ съ боевыми силами второго аѳинскаго морского союза, то они вѣдь снова ушли обратно, разграбивъ и сжегши нѣсколько городовъ. Военныя мѣры Александра были рассчитаны на окончательное покореніе, на прочное положеніе вещей.

Соотвѣтствовали ли этой цѣли предпріятыя царемъ политическія реформы?

То, что мы слышимъ объ этомъ во время перваго похода, хотя и примыкаетъ къ существовавшимъ тамъ ранѣе формамъ, но такъ, что съ существеннымъ измѣненіемъ ихъ содержанія измѣнялось, повидимому, и ихъ значеніе ¹³⁷). Сатрапіи во Фригіи на Геллеспонтѣ, въ Лидіи и Каріи остались; но въ Лидіи рядомъ съ сатрапомъ былъ назначенъ особый чиновникъ для распредѣленія и сбора податей; въ Каріи сатрапію получила княгиня Ада, но надъ стоявшимъ въ ней сильнымъ войскомъ начальствовалъ македонскій стратигъ, такой же самостоятельный военначальникъ—конечно тоже въ званіи стратига—былъ поставленъ рядомъ съ сатрапомъ въ Лидіи. Быть можетъ, уже здѣсь финансовое управленіе сатрапіей было поставлено въ непосредственную зависимость отъ должности казначея, которымъ—мы не можемъ болѣе опредѣлить, впервые ли въ это время—былъ назначенъ Гарпаль, сынъ Махаты ¹³⁸).

По компетенціи сатраповъ была гораздо болѣе ограничена, чѣмъ при персидскомъ господствѣ: что они назначались не какъ властелины надъ своей территоріей, но какъ должностныя лица царя, видно изъ того обстоятельства, что до 306 года мы не имѣемъ монетъ сатраповъ царства Александра, тогда какъ въ персидскомъ царствѣ сатрапы пользовались правомъ чеканить монету уже при Даріи I, основателѣ административной системы Персіи ¹³⁹). Повидимому, къ установленному Александромъ порядку восходитъ, проводимое въ одномъ относящемся ко времени діадховъ сочиненіи, такое различіе между формами финансовой дѣятельности царя, сатраповъ, городовъ и частныхъ лицъ, что главными звеньями въ финансовой дѣятельности царя является монетная политика ¹⁴⁰), упорядоченіе вывоза и ввоза, завѣдываніе придворными расходами, а въ дѣятельности сатраповъ главнымъ образомъ поземельная подать, затѣмъ доходы съ рудниковъ, съ эмпорій, съ доходовъ отъ земли и отъ рыночной торговли, со стадъ и, наконецъ, поголовная и ремесленная подать ¹⁴¹).

Не меньшее значеніе имѣло и то, какъ Александръ опредѣлялъ политическое положеніе національностей. Его мыслью, какъ кажется,

было тамъ, гдѣ существовали теперь или прежде когда-нибудь организованныя общины, предоставить имъ свободу во всѣхъ общинныхъ дѣлахъ. Не только греческимъ городамъ Азіи была возвращена и укрѣплена восстановленіемъ демократіи ихъ автономія въ этомъ смыслѣ; ископная федерація ликійцевъ, какъ мы должны принять, осталась тоже въ полной силѣ, несомнѣнно подѣ тѣмъ условіемъ, чтобы находившійся еще въ составѣ персидскаго флота ликійскій контингентъ изъ 10 военныхъ кораблей былъ отозванъ назадъ. Лидійцы тоже, какъ говорятъ наши источники, «получили снова свои законы и сдѣлались свободными» ¹⁴²). Каковы бы ни были эти законы—объ нихъ мы ничего болѣе не знаемъ,—во всякомъ случаѣ восстановление ихъ доказываетъ, что отнынѣ въ этой странѣ должны были господствовать не произволъ и насиліе завоевателей, какъ прежде, а законы; оно доказываетъ, что этотъ нѣкогда храбрый, работающій и образованный народъ Креза долженъ былъ быть освобожденъ отъ ига иноземнаго господства, подѣ которымъ онъ пришелъ въ упадокъ, и постараться снова поднять свой народный духъ и единство.

Отъ тѣхъ народовъ, которые—таковы «варвары» въ горахъ Малой Фригіи—не жили собственной общинной жизнью, была, если они покорялись добровольно, потребована только «дань, которую они платили донынѣ» ¹⁴³). Не менѣе характерно то, что дань, которую раньше платили эфесцы персидскому царю, шла отнынѣ въ пользу храма Артемиды, тогда какъ Эриеры, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ одна надпись ¹⁴⁴), Иліонъ, который Александръ приказалъ восстановить въ качествѣ города ¹⁴⁵), а несомнѣнно также и другіе приморскіе греческіе города получили вмѣстѣ съ автономіей также и свободу отъ податей. Города же Памфилии, бывшіе уже греческими только по имени, особенно Аспендъ, были обязаны платежемъ дани и поставлены подѣ управленіе сатрапа. Галикарнасская цитадель и нѣсколько острововъ продолжали еще недолгое время оставаться въ рукахъ персовъ; граждане Галикарнасса были разселены по тѣмъ мѣстечкамъ, изъ которыхъ ихъ сионикизировали карійскіе династы; острова—относительно многихъ мы увидимъ, что демъ на нихъ всталъ за Александра—были устроены такъ же, какъ греческіе города на освобожденномъ материкѣ.

Что эти города не только получили свою прежнюю общинную свободу, но сдѣлались снова свободными государствами, какими они были до Анталкидова мира, доказываютъ ихъ относящіяся къ этому времени монеты; они имѣютъ не штампъ царя, но автономный штампъ чеканящаго ихъ города; они не слѣдуютъ даже введенной Александромъ монетной организаціи ¹⁴⁶), но во многихъ случаяхъ своей обычной. И если спустя сто лѣтъ селевкиды называютъ города Эолиды находящимися «съ нами въ союзѣ», то эта форма, несомнѣнно, была создана Александромъ ¹⁴⁷).

Самъ собою представляется вопросъ, присоединились ли эти освобожденные и восстановленные политикъ острововъ и азіатскаго берега къ федераціи соединенныхъ въ коринѣскомъ сипедріонѣ греческихъ государствъ? Относительно острова Тенедоса мы имѣемъ на счетъ этого ясное свидѣтельство ¹⁴⁸); тотъ фактъ, что употребленное

объ немъ выраженіе не повторяется о Митиленѣ на Лесбосѣ и о другихъ городахъ, позволяетъ заключить, что съ ними этого не произошло. Какъ кажется, въ интересахъ Александра было наиболѣе выгодно создать изъ этихъ освобожденныхъ греческихъ городовъ противовѣсъ противъ союза тѣхъ, которые были на большей части принуждены присоединиться къ Македоніи силою оружія и были весьма ненадежными союзниками; кромѣ того, «союзъ эллиновъ въ предѣлахъ Термопилъ» былъ созданъ не только для войны съ Персіей, но въ то же время и для того, чтобы поддерживать миръ, право и порядокъ въ области союза; для этой цѣли синедріонъ въ Коринѣ былъ саншкомъ удаленъ отъ острововъ и городовъ Азіи и правильно посылать туда представителей было бы неудобно.

Мы имѣемъ всѣ основанія предположить, — точныхъ указаній насчетъ этого нѣтъ, — что и эти, стоявшіе внѣ союза, греческіе города Александръ обязалъ признать себя неограниченнымъ стратигомъ и оказывать ему установленное содѣйствіе въ великой войнѣ¹⁴⁹); имѣющіеся на лицо матеріалы не позволяютъ намъ рѣшить, заключалъ ли онъ договоры въ такомъ смыслѣ съ каждымъ городомъ отдѣльно, или для этой цѣли и для поддержки внутренняго мира, какъ въ греческомъ союзѣ, заставилъ ихъ вступить въ собственные аналогичныя федераціи, вродѣ эолянъ, іонянъ и т. д.¹⁵⁰). По крайней мѣрѣ, объ одномъ такомъ союзѣ мы имѣемъ эпиграфическое извѣстіе, хотя и относящееся только ко времени Антигона (около 306 года); это «*Κοινὸν τῶν πόλεων*», союзъ городовъ въ области горы Иды, объединенный служеніемъ Аѳинѣ Иліона, имѣющей синедріонъ, который постановляетъ рѣшенія отъ имени городовъ; въ надписи участвующими въ этомъ союзѣ называются Гаргары у Адрамиттинскаго залива и Лампсакъ на Геллеспонтѣ¹⁵¹).

Мы видѣли, что Александръ прилагалъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы содѣйствовать подъему этихъ древнегреческихъ городовъ; одаря ихъ такъ безкорыстно и такъ щедро, онъ имѣлъ право надѣяться тѣмъ крѣпче привязать ихъ къ новому порядку вещей, который въ самой Греціи еще далеко не былъ упроченъ; онъ имѣлъ право надѣяться, что высокая благодать ихъ новаго положенія, быть въ царствѣ своего освободителя свободными политіями и городами-государствами, заставитъ ихъ отвыкнуть отъ тѣхъ жалкихъ выгодъ, которыя давала имъ милость сильныхъ міра сего и политика партикуляризма, и забыть объ нихъ.

Грекамъ, жившимъ въ этихъ азіатскихъ земляхъ отъ Пропонтиды до Кипрскаго моря, контрастъ между теперешними условіями и прежними долженъ былъ представляться весьма живо; они не могли не чувствовать, что имъ снова возвращены свѣтъ и воздухъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПРИГОТОВЛЕНІЯ ПЕРСІИ КЪ ВОЙНѢ. — ПЕРСИДСКІЙ ФЛОТЪ ПОДЪ НАЧАЛЬСТВОМЪ МЕМНОНА И ГРЕКИ. — ПЕРЕХОДЪ АЛЕКСАНДРА ЧЕРЕЗЪ ТАВРЪ. — ЗАНЯТІЕ КИЛИКІИ. — БИТВА ПРИ ИССѢ. — МАНИФЕСТЪ. — ДВИЖЕНІЕ ВЪ ГРЕЦІИ. — ОСАДА ТИРА. — ВЗЯТІЕ ГАЗЫ. — ЗАНЯТІЕ ЕГИПТА.

Въ Персіи вѣсть о битвѣ при Граникѣ была принята скорѣе съ неудовольствіемъ, чѣмъ съ тревогой. Истинное значеніе предпринятаго похода и опасность, которой онъ грозилъ государству, остались непонятными, и успѣхи Александра объяснялись случайнымъ счастьемъ безумнаго смѣльчака, которымъ онъ былъ обязанъ облегчившимъ эти успѣхи ошибкамъ; если избѣгать послѣднихъ, то всѣ дальнѣйшія опасности исчезнутъ сами собою, и счастьемъ македонянъ наступитъ конецъ. Главною причиною несчастія при Граникѣ признавался недостатокъ единства и плана въ командованіи войскомъ; слѣдовало бы, какъ въ этомъ признавались себѣ теперь персы, послѣдовать совѣту Мемнона, и съ самаго начала ввѣрить ему предводительство надъ войскомъ. Поэтому теперь ему была ввѣрена полная и неограниченная власть надъ сухопутными и морскими силами переднихъ сатрапій Персіи.

Дѣйствительно, въ этомъ грекѣ, повидимому, нашелся опасный противникъ для македонскаго царя; его талаптъ и энергія выразились уже въ упорной защитѣ Галикарнасса; затѣмъ, вытѣсненный съ берега за исключеніемъ непогихъ пунктовъ, онъ составилъ планъ воспользоваться распущеніемъ македонскаго флота, отрѣзать Александра отъ Европы, перенести войну въ Элладу и, соединясь тамъ съ многочисленными врагами Македоніи, уничтожить силу Александра въ самомъ ея корнѣ. Онъ имѣлъ сильный флотъ, состоявшій изъ финикійскихъ и кипрскихъ кораблей, при немъ находилось также десять ликійскихъ кораблей, десять кораблей съ Родоса и три изъ Маллы и Солы въ Киликіи; приморская цитадель Галикарнасса была еще въ его рукахъ; аттические клерухи, занимавшіе Самось, держали его сторону такъ же, какъ и Родось, Косъ и всѣ Спорады; олигархи и тиранны на Хіосѣ и Лесбосѣ ждали только его помощи, чтобы положить конецъ демократіи и союзу съ Македоніей; патріоты въ Элладѣ ждали отъ него возстановленія греческой свободы.

Съ галикарнасскаго рейда Мемнонъ съ флотомъ двинулся въ Хіосъ; ему удалось завладѣть этимъ островомъ благодаря измѣнѣ имѣвшихъ здѣсь прежде правительственную власть олигарховъ, съ Аполлонидомъ во главѣ; онъ снова возстановилъ олигархію, что гарантировало ему обладаніе островомъ ¹⁾. Онъ поплылъ въ Лесбось, вуда съ наемниками и кораблями прибылъ изъ Сигея Харитъ, чтобы изгнать изъ Меонимны тирана Аристолика, тотъ самый аеппиницъ Харитъ, который съ такою преданностью привѣтствовалъ Александра при его высадкѣ въ Сигей; онъ обратился къ Мемнону съ требова-

ніемъ не мѣшать ему въ его предпріятіи. Но Мемнонь явился въ качествѣ «друга и ксеноса отца» тиранна и безъ труда прогналъ бывшаго аттического стратига ²). Другіе города острова уже сдались ему, но самый значительный изъ нихъ, Митилена, вѣрный своему союзу съ Александромъ и увѣренный въ македонскомъ гарнизонѣ, находившемся въ его стѣнахъ, отвергъ его требованія. Мемнонь осадилъ его и началъ сильно тѣснить; отрѣзанный со стороны суши валомъ и пятью лагерями и лишенный всякой надежды на помощь благодаря флоту, заградившему гавань, и другому, наблюдавшему надъ сообщеніемъ съ Элладой, городъ былъ доведенъ до крайности. Уже съ другихъ острововъ начали являться послы къ Мемнону; державшіе сторону Македоніи города Эвбеи готовились къ его скорому появленію; спартанцы были готовы подняться. Въ это время Мемнонь заболѣлъ и, едва успѣвъ передать, впредь до дальнѣйшаго рѣшенія персидскаго царя, свою власть своему племяннику Фариабазу, сыну Артабаза, былъ унесенъ могилой, слишкомъ рано, если не для своей славы, то для надеждъ Дарія.

Получивъ вѣсть о смерти Мемнона, Дарій, какъ рассказываютъ, созвалъ военный совѣтъ, не зная, послать ли ему на встрѣчу быстро подвигавшемуся впередъ противнику ближайшихъ сатраповъ или встрѣтить его самому во главѣ государственнаго ополченія ³). Персы совѣтовали ему вести на бой уже собравшееся государственное ополченіе самому; на глазахъ царя царей войско счумѣетъ побѣдить, и достаточно одной битвы, чтобы уничтожить Александра. Но афинянинъ Харидемъ, былъ тѣмъ болѣе пріятель персидскому царю, что бѣжалъ отъ Александра, не безъ согласія Дарія совѣтовалъ быть осторожными, не ставить все на одну карту, не жертвовать самой Азіей при входѣ въ Азію, и приберечь государственное ополченіе и присутствіе верховнаго владыки для послѣдней опасности, до которой дѣло никогда не дойдетъ, если счумѣтъ искусно и осторожно встрѣтить безразсудно смѣлаго македонянина; стоя во главѣ ста-тысячъ человѣкъ, треть которыхъ составляли греки, онъ ручался за то, что уничтожить непріятеля. Гордые персы возражали самымъ энергичнымъ образомъ: его планы недостойны персидскаго имени и являются несправедливымъ упрекомъ храбрости персовъ; принять ихъ будетъ знакомъ прискорбнаго недовѣрія къ себѣ и признаніемъ безсилія, вмѣсто котораго присутствіе царя встрѣтитъ только энтузіазмъ и преданность; они заклинали царя не вѣрять своихъ послѣднихъ силъ чужеземцу, который хочетъ стоять во главѣ войска только для того, чтобы предать царство Кира. Харидемъ съ гнѣвомъ вскочилъ съ своего мѣста и обвинялъ ихъ въ ослѣпленіи, трусости и эгоизмѣ: они не знаютъ, говорилъ онъ, своего безсилія и страшной силы грековъ, они погубятъ царство Кира, если мудрость персидскаго царя не послѣдуетъ теперь его совѣту. Персидскій царь, не довѣрившій самому себѣ и относившійся съ тѣмъ большимъ недовѣріемъ къ другимъ, оскорбленный въ своемъ чувствѣ персидскаго величія, коснулся пояса чужеземца, и тѣлохранители вывели греческаго мужа, чтобы задушить его; его послѣднія слова къ царю, какъ говорятъ, были: «О моей цѣнѣ скажетъ тебѣ твое

раскаяніе, мой мститель недалеко». Въ военномъ совѣтѣ было рѣшено встрѣтить македонянъ при ихъ вступленіи въ верхнюю Азію съ государственнымъ ополченіемъ подъ личнымъ предводительствомъ персидскаго царя, и призвать изъ флота возможно большее количество греческихъ наемниковъ, которыхъ Фарнабазъ долженъ былъ высадить какъ можно скорѣе въ Триполѣ на финикійскомъ берегу. Въ Триполь былъ посланъ Фимонда, сынъ Ментора, чтобы принять этихъ людей подъ свое начальство и привести ихъ въ царское войско и чтобы передать Фарнабазу всю власть, которую имѣлъ Мемнонь.

Тѣмъ временемъ Фарнабазъ и Автоэрадатъ продолжали и счастливо окончили осаду Митилены: городъ сдался подъ тѣмъ условіемъ, что взамѣнъ возвращенія изгнанниковъ и уничтоженія заключеннаго съ Александромъ союзнаго договора македонскій гарнизонъ получаетъ право свободно удалиться, и городъ долженъ возобновить свой союзъ съ Персеей согласно съ постановленіями Анталкидова мира. Но когда городъ перешелъ въ руки этихъ двухъ персовъ, они перестали обращать вниманіе на договоръ, оставили въ городѣ гарнизонъ подъ начальствомъ родосца Ликомеда и сдѣлали тиранномъ Діогена, одного изъ прежнихъ изгнанниковъ; тяжелыя контрибуціи, потребованныя ими частью отъ отдѣльныхъ гражданъ, частью отъ всего города, дали Митиленѣ почувствовать всю тяжесть персидскаго ига. Затѣмъ Фарнабазъ послѣдшилъ доставить наемниковъ въ Сирію ⁴⁾; здѣсь онъ получилъ приказъ принять на себя главное начальство вмѣсто Мемнона, планы котораго это отозваніе наемниковъ, конечно, подрѣзывало въ самомъ корнѣ; быстрая и энергичная наступательная война, которая воспламенила бы Спарту, Аѣины и весь материкъ Греціи, была теперь невозможна.

Все-таки Фарнабазъ и Автоэрадатъ сдѣлали къ этому нѣкоторую попытку. Они послали перса Датама съ десятью трирами къ Цикладамъ, а сами съ сотней кораблей направились къ Тенедосу; они принудили этотъ островъ, примкнувшій къ дѣлу Греціи ⁵⁾, возвратиться къ постановленіямъ Анталкидова мира (такова была формула также и здѣсь). Очевидно, ихъ намѣреніемъ было занять Геллеспонтъ.

Чтобы сохранить за собой съ помощью флота хотя бы только свободу сообщеній съ Македоніей, Александръ уже раньше послалъ для составленія его на Пропонтиду Игилоха ⁶⁾, съ приказомъ задерживать всѣ приходящіе изъ Понта корабли и приспособлять ихъ для военной службы. Въ Аѣины былъ посланъ Антимакъ съ требованіемъ, чтобы аѣиняне выставили союзный контингентъ кораблей и разрѣшили вооружить македонскіе корабли въ гаваняхъ Аѣинъ; ему было отказано. Антипатръ приказалъ Протею собрать корабли изъ Эвбеи и Целопоннеса, чтобы наблюдать за флотомъ Датама, стоявшимъ уже на якорѣ у острова Сифна; мѣра эта была крайне необходима, такъ какъ аѣиняне снова послали пословъ къ персидскому царю и даже, при полученіи извѣстія, что ихъ возвращающіеся изъ Понта корабли съ хлѣбомъ задерживаются и употребляются для войны противъ персовъ, постановили отправить въ море подъ начальствомъ Менесоея, сына Ификрата, флотъ изъ ста кораблей ⁷⁾; Игилохъ счелъ

болѣ полезнымъ отпустить задержанные аѳинскіе корабли, чтобы отнять у аѳинянъ предлогъ присоединить къ персидскому флоту эти сто триеръ ⁸⁾. Еще удачнѣе вышло то, что Протей со своей эскадрой изъ пятнадцати кораблей не только удержалъ персидскіе корабли у Сифла, но и захватилъ ихъ искуснымъ нападеніемъ врасплохъ, такъ что восемь изъ нихъ со всѣмъ экипажемъ попали въ его руки, а два оставшихся обратились въ бѣгство и, съ Датамомъ во главѣ, спаслись къ флоту, крейсировавшему въ водахъ Хіоса и Милета и грабившему берега ⁹⁾.

Этимъ была устранена первая и, несомнѣнно, наиболѣе серьезная опасность, которую могъ повлечь за собой планъ Мемнона; быстрое нападеніе Протея предупредило отпаденіе грековъ. Но не показывали ли уже самые эти успѣхи, что Александръ ошибся, распустивъ флотъ, который былъ принужденъ составлять сѣзизона по прошествіи едва шести мѣсяцевъ? Александръ имѣлъ ясное представленіе о невысокой степени энергіи и ума, которыхъ онъ могъ ожидать отъ персидскихъ вождей, и оцѣнилъ своихъ греческихъ союзниковъ такъ, какъ это и показали послѣдствія; если они и были склонны къ отпаденію и были готовы присоединиться со своими кораблями къ персидскому флоту, то Антипатръ долженъ былъ умѣть обузывать ихъ на материкѣ; вовсе не такъ трудно было наконецъ наскоро составить новый флотъ, чтобы прикрывать берега отъ непріятеля, который не умѣлъ дѣйствовать рѣшительно тамъ, гдѣ этого требовало мѣсто. Александръ могъ, не заботясь о морской войнѣ, продолжать приводить въ исполненіе свой военный планъ, тѣмъ болѣе, что каждый шагъ впередъ грозилъ самому существованію персидскаго флота, изолируя его отъ береговъ его родины. Осуществленіе этого плана было цѣлью ближайшаго похода ¹⁰⁾.

Весною 333 года въ Гордіи сошлись вмѣстѣ различныя части македонскаго войска; съ юга изъ Келенъ пришли войска, сдѣлавшія съ Александромъ зимній походъ; изъ Сардъ Парменионъ привелъ конницу и обозъ главной арміи; изъ Македоніи возвратились изъ своего отпуска новобранцы и съ ними значительное число новобранцевъ, а именно 3000 пѣшихъ македонянъ и 300 конныхъ, 200 вессалійскихъ и 150 элейскихъ всадниковъ, такъ что у Александра, несмотря на оставленные имъ гарнизоны набралось теперь только менше войска ¹¹⁾, чѣмъ при Граникѣ. Каковъ былъ духъ этого войска, можно видѣть изъ ихъ прежнихъ успѣховъ и изъ того, какой награды они должны были ожидать за дальнѣйшую борьбу; гордые одержанными ими побѣдами и увѣренные въ новыхъ побѣдахъ, они смотрѣли уже на Азію какъ на свою добычу; ручательствомъ успѣха служили имъ они сами, ихъ царь и боги.

Въ Гордіи явились также послы изъ Аѳинъ, чтобы просить царя освободить аѳинянъ, которые были взяты въ плѣнъ въ битвѣ при Граникѣ и отведены въ оковахъ въ Македонію; не ссылались ли они при этомъ на заключенный въ Коринѣ союзъ и свою союзническую вѣрность? Имъ было приказано снова явиться къ царю, когда будетъ счастливо оконченъ ближайшій походъ.

Въ цитадели города Гордія, древней резиденціи фригійскихъ царей,

находились дворцы Гордія и Миды (Мидаса) и колесница, по которой нѣкогда въ Мидѣ былъ узнавъ избранникъ боговъ для господства надъ Фригіей; яро на этой колесницѣ было такъ искусно укрѣплено связаннымъ изъ лыка узломъ, что нельзя было пайти ни его начала, ни конца; существовало предсказаніе оракула, что тому, кто развяжетъ узелъ, будетъ принадлежать господство надъ Азіей. Александръ приказалъ показать себѣ цитадель, дворецъ и колесницу, услышавъ объ этомъ предсказаніи и рѣшилъ исполнить его и развязать узелъ; онъ тщетно искалъ концы лыка и окружавшіе со смущеніемъ видѣли его тщетныя усилія; наконецъ, онъ извлекъ мечъ и разрубилъ узелъ; такъ или иначе, предсказаніе оракула было исполнено ¹²⁾.

На слѣдующій день войско выступило въ походъ и двинулось въ Анкиру ¹³⁾ по южному склону пограничныхъ горъ Пафлагоніи; туда явилось посольство пафлагонянъ, предложившее царю покорность пафлагонянъ подъ тѣмъ условіемъ, чтобы въ Пафлагонію не приходило македонскихъ войскъ. Царь согласился; Пафлагонія осталась во власти своихъ династовъ и, быть можетъ, была подчинена компетенціи намѣстника Фригіи на Геллеспонтѣ ¹⁴⁾.

Войско двинулось далѣе въ Каппадокію, переправилось черезъ Галисъ и достигло простиравшихся до Ирѣ областей этой обширной сатрапіи, которая была пройдена безъ сопротивленія ¹⁵⁾; обращена въ македонскую сатрапію и отдана Савиктѣ ¹⁶⁾, хотя ея сѣверныя части и не могли быть заняты. Что демократическая партія въ лежавшихъ по Понту греческихъ городахъ надѣялась получить отъ Александра свободу, подтверждаетъ намъ одинъ примѣръ ¹⁷⁾. Но на первое время власть осталась еще въ рукахъ персидской партіи (такъ было въ Синопѣ), или тиранновъ (такъ было въ Ираклѣ). Александръ не могъ откладывать болѣе важныхъ предпріятій для того, чтобы занимать отдѣльные берега Понта; и двинулся къ берегамъ Средиземнаго моря ¹⁸⁾. Избранный имъ путь пролегалъ по сѣверному склону Тавра къ лежавшимъ выше Тіанъ киликійскимъ проходамъ, тѣмъ самымъ, черезъ которые лѣтъ семьдесятъ тому назадъ перешелъ со своими десятью тысячами грековъ Киръ младшій ¹⁹⁾.

Александръ нашелъ эти высоты занятыми сильнымъ отрядомъ; онъ приказалъ войску стать лагеремъ, а самъ около первой стражи ночи выступилъ съ гипасистами, стрѣлками и агріанами, чтобы, воспользовавшись ночью темнотой, печально напасть на непріятеля. Едва караульные услышали его приближеніе, какъ они поспѣшно бросились бѣжать и покинули проходъ, который они могли бы защитить безъ особеннаго труда, еслибы не считали своей позиціи потерянной. Арзамъ, сатрапъ Киликіи, выдвинулъ ихъ впередъ, какъ кажется, только съ цѣлью выиграть время, чтобы разграбить и опустошить страну и успѣть потомъ, оставивъ позади себя пустыню, отступить къ Дарію, уже приближавшемуся со стороны Эвфрата. Съ тѣмъ большей поспѣшностью прошелъ Александръ черезъ проходы и бросился со своей конницей и самыми легкими изъ легковооруженныхъ къ Тарсу, и все это свершилось такъ быстро, что Арзамъ, не считавшій непріятеля ни столь близкимъ, ни такимъ быстрымъ, не разграбивъ ни города, ни страны, спасъ поспѣшнымъ бѣгствомъ свою жизнь для скорой однакожь смерти.

Утомленный бессонными ночами, быстрыми переходами и полуденным солнцем знойнаго лѣтняго дня, Александръ со своими войсками подошелъ къ Кидну, чистому и холодному горному потоку, впадающему въ Тарсъ. Пожелавъ выкупаться, онъ быстро сбросилъ съ себя шлемъ, панцырь и платье и бросился въ рѣку; тутъ онъ страшно продрогъ и ужъ пошелъ было ко дну, — но былъ вытащенъ изъ рѣки и отнесенъ въ шатеръ полумертвымъ и въ безсознательномъ состояніи. Корчи и страшный жаръ были единственными признаками жизни, спасти которую врачи почти не надѣялись; возвращеніе сознанія повлекло за собою новыя муки; бессонныя ночи и боязнь близкой смерти поглощали его послѣднія силы. Его друзья скорбѣли, войско было въ отчаяніи; непріятель былъ близко, и никто не видѣлъ средства спасти царя. Наконецъ, акарнанскій врачъ Филиппъ, знавшій царя съ дѣтства, вызвался приготовить питье, которое поможетъ; Александръ просилъ единственно о быстрой помощи; Филиппъ общалъ ее. Въ то же самое время Александръ получилъ отъ Парменіона письмо, гдѣ ему рекомендовалась осторожность: врачъ Филиппъ, стояло въ немъ, получилъ отъ Дарія тысячу талантовъ и общаніе на бракъ съ дочерью персидскаго царя, если онъ отравитъ Александра. Александръ далъ это письмо своему врачу и, пока тотъ читалъ его, выпилъ кубокъ до дна. Врачъ спокойно прочиталъ письмо, не зная за собой никакой вины; онъ заклиналъ царя довѣриться ему и сѣдовать его совѣтамъ, говоря, что тогда его недугъ скоро пройдетъ; онъ говорилъ съ нимъ о родинѣ, о его матери и сестрахъ, о близкихъ побѣдахъ и полныхъ чудесъ странахъ востока; его заботливая вѣрность была вознаграждена скорымъ выздоровленіемъ царя; Александръ возвратился въ ряды своихъ македонянъ ²⁰).

Военныя дѣйствія продолжались съ удвоеннымъ рвеніемъ. Въ цѣпи персидскихъ сатрапій область Киликія была взетою, соединявшимъ сатрапіи передней и верхней Азіи. Овладевъ проходами Тавра, Александръ быстро занялъ наиболѣе сильную оборонительную позицію персидскаго царства со стороны запада; чтобы захватить и удержать за собою вторую линію проходовъ, проходы Аманскихъ горъ въ Сирію, онъ долженъ былъ имѣть въ своихъ рукахъ всѣ южныя склоны этой области. Между тѣмъ какъ Парменіонъ съ наемниками и союзными войсками, съ ессалійскими илами и еракійцами Ситалка, двинулся къ востоку, чтобы занять ведущіе въ верхнюю Азію проходы, царь направился къ западу, чтобы захватить путь въ Ларанду и Пюній, такъ называемую суровую Киликію, жители которой, такія же независимыя разбойничьи горскія племена, какъ и ихъ сосѣди, легко могли бы прервать сообщеніе съ Малой Азіей.

Изъ Тарса онъ двинулся въ основанный Сардапаломъ городъ Анхіалу, гдѣ хранилась статуя этого ассирійскаго царя со слѣдующей любопытной надписью: «Сардапалъ основалъ Анхіалу и Тарсъ въ одинъ и тотъ же день; ты же, чужеземецъ, ѣшь, пей и люби; всѣ другія блага человѣка не стоятъ вниманія». Затѣмъ онъ прибылъ въ Солю, «родину солицизмовъ», которые, хотя и были по происхожденію греческимъ городомъ, но были такъ привержены къ персамъ, что Александръ не только оставилъ въ городѣ гарнизонъ, но и об-

ложилъ его пенею въ двѣсти талантовъ серебра. Отсюда съ тремя фалангами, со стрѣлками и агріанами онъ произвелъ набѣгъ на суровую Киликію; частью открытой силой, частью своею добротой въ семь дней онъ окончательно покорилъ этихъ горныхъ жителей и обезпечилъ себѣ такимъ образомъ свободное сообщеніе съ западными провинціями. По возвращеніи въ Солю онъ получилъ отъ своихъ военачальниковъ въ Каріи извѣстіе, что Оэонтотатъ, державшійся еще въ приморской цитадели Галикарнасса, былъ побѣжденъ въ упорномъ бою и что взято было въ плѣнъ болѣе 1000 человекъ. Въ ознаменованіе счастливаго начала похода и въ честь выздоровленія царя въ Салахъ были устроены различные празднества; большое жертвоприношеніе, принесенное Асклепію, торжественное шествіе всего войска, бѣгъ съ факелами, гимническіе и художественные агоны должны были пробудить въ жителяхъ Соль, почти отвыкшихъ отъ греческихъ обычаевъ, воспоминаніе объ ихъ родинѣ и предкахъ; теперь время варваровъ прошло, греческая жизнь завоевала себѣ мѣсто въ странахъ долгодѣтнаго рабства; греческое происхожденіе, еще вчера презрѣнное и забытое среди азіатскаго варварства, становилось важнымъ преимуществомъ. Александръ далъ солянамъ демократическое устройство, а нѣсколько недѣль спустя, тотчасъ же послѣ рѣшившей участь Персіи битвы, онъ прислалъ приказъ, освободить ихъ отъ контрибуціи и возвратить имъ заложниковъ ²¹⁾.

Возвратившись въ Тарсъ, царь двинулъ свою конницу подъ начальствомъ Филота черезъ Алейское поле къ рѣкѣ Пирэму, а самъ съ остальнымъ войскомъ пошелъ вдоль берега черезъ Магарсъ въ Маллъ, два города, въ которыхъ еще уцѣлѣли греческія традиціи, которыя могли помочь планамъ царя; въ Маллѣ народъ еще до появленія Александра возсталъ противъ своихъ прежнихъ угнетателей; кровавую борьбу между персидской и народною партіей рѣшило и успокоило только появленіе Александра; онъ простилъ городу, ведшему свое происхожденіе изъ того же Аргоса, какъ и македонскій царскій домъ, освободилъ его отъ дани, которую онъ донынѣ платилъ персидскому царю, возвратилъ ему свободу, и почтилъ его основателя Амфилоха аргосскаго праздникомъ героя ²²⁾.

Еще во время своего пребыванія въ Маллѣ Александръ получилъ извѣстіе, что царь Дарій идетъ отъ Эвфрата съ несмѣтнымъ войскомъ и стоитъ уже нѣсколько времени въ сирійскомъ городѣ Сохахъ, находящемся въ двухъ дняхъ пути отъ проходовъ ²³⁾. Александръ немедленно созвалъ военный совѣтъ; всѣ были того мнѣнія, что надо выступить со всею поспѣшностью, пройти черезъ проходы и напасть на персовъ, гдѣ бы они ни встрѣтились. Царь приказалъ выступать на слѣдующее утро. Дорога изъ Маллѣ въ Иссъ шла вдоль берега залива, глубоко врѣзавшагося въ материкъ.

Изъ Иссы въ Сирію вело два пути; одинъ, менѣе доступный, идетъ сначала къ сѣверу (въ Топра Калесси), а затѣмъ поворачиваетъ къ востоку черезъ ущелья и проходы Аманскихъ горъ; Александръ выбралъ не этотъ путь, его солдаты достигли бы непріятеля утомленные смѣною горъ и долинъ и отсутствіемъ въ этомъ мѣстѣ дорогъ; удаляться же отъ берега этого залива онъ могъ не раньше, чѣмъ

онъ весь будетъ въ его власти и будетъ закрыть для непріятельскихъ кораблей. Оставивъ больныхъ, которые въ тылу арміи находились въ наибольшей безопасности, онъ двинулся изъ Иссы по обыкновенной и извѣстной грекамъ изъ описанія Ксенофонта дорогѣ къ югу вдоль морского берега, черезъ такъ называемые береговые проходы къ приморскому городу Мириандру, лежавшему недалеко отъ подъема въ главные сирійскіе проходы (проходы Байлана), чтобы отсюда двинуться на слѣдующее утро въ равнину Сиріи и въ Сохи. Ночью поднялась сильная буря, это было въ первыхъ числахъ ноября²⁴⁾; вѣтеръ и дождь сдѣлали выступленіе положительно невозможнымъ; войско осталось въ лагерѣ подъ Мириандромъ, миляхъ въ трехъ къ югу отъ береговыхъ проходовъ; черезъ нѣсколько дней оно рассчитывало встрѣтить непріятеля на равнинѣ Сохъ для рѣшительнаго боя.

Дѣйствительно, предстоявшая встрѣча обоихъ войскъ должна была быть рѣшительной. Персидское войско насчитывало въ себѣ многія сотни тысячъ, и въ числѣ бывшихъ въ немъ греческихъ наемниковъ находились также и высадившіеся недавно на берегъ 30000 наемниковъ подъ командой акарнанца Віанора и эссалийца Аристомеда; въ числѣ множества азіатскихъ воиновъ находились около ста тысячъ человекъ тяжеловооруженной пѣхоты и персидскіе панцирные всадники. Дарій надѣялся на это войско, на свое правое дѣло и на свою военную славу; онъ охотно вѣрилъ гордымъ увѣреніямъ своихъ вельможъ и—такъ рассказываютъ—видѣнному имъ незадолго передъ выступленіемъ изъ Вавилона сну, который былъ истолкованъ халдеями воплоти благоприятно для него; онъ видѣлъ македонскій лагерь облитый свѣтомъ громаднаго пожара, македонскаго царя скачущаго въ персидской царской одеждѣ по улицамъ Вавилона, но затѣмъ конь и всадникъ исчезли. Увѣренный такимъ образомъ въ будущемъ, онъ перешелъ черезъ Эвфратъ; окруженный всей воинской роскошью «царя царей», сопровождаемый своимъ придворнымъ штатомъ и гаремомъ, гаремами персидскихъ сатраповъ и владыкъ, толпами евнуховъ и нѣмыхъ и, кромѣ сотенъ тысячъ воиновъ, безконечнымъ караваномъ разукрашенныхъ колесницъ, богатыхъ балдахиновъ и шумнаго обоза, онъ расположился лагеремъ при Сохахъ, здѣсь въ обширной равнинѣ, представлявшей ему достаточно мѣста, чтобы развернуть свое подавляющее численнымъ превосходствомъ войско и,—это было главное,—успѣшно примѣнить къ дѣлу свою многочисленную конницу, онъ желалъ выждать непріятеля, чтобы уничтожить его.

Какъ кажется, чуть ли не Арзамъ при своемъ бѣгствѣ изъ Киликіи принесъ въ лагерь первое извѣстіе о близости Александра и о его наступленіи; судя по сообщеннымъ имъ свѣдѣніямъ, непріятель повидимому желалъ пройти черезъ Аманскіе проходы; ежедневно ждали появленія облака пыли на западѣ. День проходилъ за днемъ, появилось равнодушіе къ опасности, которая не приближалась; прежнія пораженія были забыты; слышались насмѣшки надъ врагомъ, который не осмѣливается покинуть узкаго побережья и который навѣрное чувствуетъ, что достаточно будетъ копытъ персидскихъ коней, чтобы раздавить его силу. Слишкомъ охотно внималъ Дарій само-

увѣреннымъ словамъ персидскихъ вельможъ: македонянинъ, говорили они, — устрешенный близостью персовъ, не станетъ переходить черезъ Тарсъ, слѣдуетъ напасть на него, и онъ будетъ уничтоженъ. Тщетно македонянинъ Аминта возражалъ, что Александръ выступитъ очень скоро навстрѣчу персамъ и что его медленность есть только признакъ тѣмъ большей опасности; ил за что на свѣтъ, говорилъ онъ, не должно спускаться въ узкія долины Киликіи, равнина при Сохахъ есть удобное поле битвы для персидскаго войска, здѣсь его полчища могутъ побѣдить или спастись въ случаѣ пораженія ²³⁾. Но Дарій, не довѣрившій чужеземцу, который предалъ своего царя, опьяненный льстивыми рѣчами своихъ вельможъ и своими собственными желаніями, наконецъ гонимый впередъ безпокойствомъ слабости и своимъ рокомъ, рѣшилъ оставить позицію при Сохахъ и искать избѣгающаго его непріятеля. Непужная войсковая поклажа, гаремы, значительная часть сокровищницы, все, что могло препятствовать движению, было послано съ Кофиномъ, братомъ Фарнабаза, въ Дамаскъ, а царь, избѣгая обходнаго пути черезъ Миріандръ, вступилъ въ Киликію черезъ Аманскіе проходы и прибылъ въ Иссъ. Это произошло въ тотъ же день, когда Александръ выступилъ въ Миріандръ. Персы нашли въ Иссѣ больныхъ македонскаго войска, они были перебиты съ жестокими мученіями; ликующіе варвары полагали, что Александръ бѣжитъ передъ ними; они думали, что онъ отрѣзанъ отъ родины и что его гибель несомнѣнна. Не теряя времени, орды пустились преслѣдовать бѣгущихъ.

Дѣйствительно, Александръ былъ отрѣзанъ; его обвиняли въ томъ, что онъ поступилъ неосторожно, не занявъ Аманскихъ воротъ и не оставивъ въ Иссѣ гарнизона, и поэтому принужденъ былъ отдать на жертву жестокому врагу оставшихся позади больныхъ; все его войско, какъ говорятъ, должно было бы погибнуть жалкой смертью, еслибы персы рѣшились избѣгать сраженія, преградили бы выходъ въ море своимъ флотомъ, а тылъ Александра сильной оборонительной линіей, препятствовали бы всякому движению впередъ своими конными отрядами и сдѣлали бы ихъ вдвойнѣ опаснѣе, прибѣгнувъ къ опустошеніямъ, какъ это совѣтовалъ Мемнонь. Но Александръ зналъ персидское войско; онъ зналъ, что продержать столько сотенъ тысячъ на его пути и въ узкой Киликіи въ теченіе продолжительнаго времени есть дѣло невозможное, что это войско, не представляя собою органическаго цѣлаго, неспособно къ системѣ боевыхъ движеній, съ помощью которыхъ оно могло бы его оцѣнить, и что въ худшемъ случаѣ рядъ быстрыхъ и смѣлыхъ маршей съ его стороны принудилъ бы эту безпомощную массу отступить, придти въ безпорядокъ, разсѣяться и пасть жертвой перваго неожиданнаго нападенія. Онъ никакъ не могъ ожидать того, что персы оставятъ столь удобную для нихъ позицію и вступятъ даже на узкую береговую равнину у Пинара.

Дарій сдѣлалъ это; извѣщенный бѣглецами изъ туземцевъ, что Александръ стоитъ въ нѣсколькихъ часахъ разстоянія по ту сторону береговыхъ проходовъ и не бѣжитъ, онъ, не будучи въ состояніи отступить со своимъ громаднымъ войскомъ съ достаточной быстро-

тою и не рѣшаясь двинуть его къ этимъ Тормопиламъ Киликіи, долженъ былъ стать лагеремъ въ узкой равнинѣ и приготовиться къ битвѣ, выгоду нападенія въ которой онъ долженъ былъ теперь предоставить непріятелю. Дѣйствительно, еслибы существовало какое-либо стратегическое средство, чтобы принудить персидскаго царя оставить равнину Сохъ и предпринять это движеніе на равнину Киликіи, то Александръ съ радостью рѣшился бы па него, еслибы оно даже стоило ему большихъ потерь. чѣмъ потеря лазарета при Иссъ. Первый слухъ о близости Дарія показался ему до такой степени вѣроятнымъ, что онъ послалъ нѣсколько офицеровъ на яхтѣ вдоль берега, чтобы убѣдиться въ дѣйствительной близости непріятеля.

Другое впечатлѣніе произвелъ тотъ же слухъ на войска Александра²⁶⁾; они ожидали встрѣтить непріятеля черезъ нѣсколько дней и на открытомъ полѣ; теперь все являлось неожиданно и гораздо скорѣе; теперь непріятель стоялъ у нихъ въ тылу, завтра уже должны были произойти битвы; теперь, такъ говорили, у непріятеля придется съ бою отнимать то, чѣмъ они уже владѣли, и покупать каждый шагъ назадъ цѣною крови; а быть можетъ проходы уже заняты и преграждены, быть можетъ теперь придется, какъ нѣкогда десяти тысячамъ, пробиваться черезъ внутреннія области Азіи и, вмѣсто славы и добычи, принести на родину одну только жизнь; и это все потому, что двигались необдуманно впередъ; простого солдата не цѣнятъ и, когда онъ раненый остается позади, предоставляютъ его своей судьбѣ и непріятелю. Такъ и еще хуже роптали солдаты, чистя свое оружіе и оттачивая свои дротики, не столько изъ малодушія, сколько потому, что случилось иначе, чѣмъ они ожидали, и чтобы громкой бранью стряхнуть съ себя непріятное чувство, охватывающее даже самыхъ храбрыхъ войска при приближеніи долго ожидавшагося рѣшительнаго момента.

Александръ зналъ настроеніе своихъ войскъ; его не тревожило это своеволие, порождаемое и развиваемое войною. Когда посланные офицеры донесли ему объ томъ, что видѣли, т. е. что равнина устья Пинара у Иссы покрыта шатрами и что Дарій близко, онъ созвалъ стратиговъ, иларховъ и начальниковъ союзныхъ войскъ, сообщалъ имъ о полученныхъ донесеніяхъ и показалъ, что изъ всѣхъ мыслимыхъ возможностей теперешнее положеніе непріятеля общаетъ самый вѣрный успѣхъ; ихъ не введетъ въ заблужденіе, такъ говоритъ онъ у Арріана, то, что они, новидимому, обойдены; они слишкомъ часто были со славой, и не падутъ духомъ при кажущейся опасности; всегда побѣдители, они всегда шли навстрѣчу побѣжденнымъ; македоняне противъ мидянъ и персовъ, опытные, посѣдѣлые въ бояхъ воины противъ давно отвыкшихъ отъ оружія и разслабленныхъ азіатовъ, свободные мужи противъ рабовъ, эллины, добровольно бьющіеся за своихъ боговъ и отечество, противъ испорченныхъ эллиновъ, продавшихъ за жалованье, и даже за невысокое жалованье, свое отечество и славу своихъ предковъ, воинственные и свободные автохтоны Европы противъ презрѣнныхъ племенъ востока, словомъ, сила противъ вырожденія, твердость воли противъ глубокаго безсилія, всѣ преимущества почвы, военнаго искусства и храбрости противъ

персидскихъ ордъ, можетъ ли тутъ быть какое-либо сомнѣніе въ исходѣ битвы? А цѣпой этой побѣды является уже не одна или двѣ сатрапіи, а все персидское царство; они побѣдятъ не отряды конницы и наемниковъ, какъ при Граникѣ, но государственное ополченіе Азіи, не персидскихъ сатраповъ, но персидскаго царя; послѣ этой побѣды имъ останется только вступить во владѣніе Азіей и вознаградить себя за всѣ лишенія, которыя они съобща перенесли. Онъ напомнилъ о томъ, что они совершили вмѣстѣ, упомянулъ, какъ до сихъ поръ въ дѣлахъ отличались отдѣльные лица, называя ихъ по именамъ ²⁷⁾. Это и многое другое, что въ устахъ храбраго полководца можетъ воспламенить храбрыхъ людей передъ битвой, говорилъ Александръ со свойственнымъ ему величіемъ и увлеченіемъ; не было никого, кого не тронули бы слова юнаго героя; люди тѣснились къ нему, чтобы пожать ему руку и прибавить отъ себя храброе слово, требовали немедленнаго выступленія, немедленнаго боя ²⁸⁾. Александръ отпустилъ ихъ съ приказомъ, прежде всего позаботиться о томъ, чтобы вдохнуть побольше мужества въ войска, послать впередъ нѣсколько всадниковъ и стрѣлковъ къ береговымъ проходамъ, и быть готовыми выступить съ остальными войсками вечеромъ.

Поздно вечеромъ войско двинулось изъ лагеря, около полуночи достигло проходовъ, и сдѣлало приваль около скалъ, чтобы нѣсколько отдохнуть, выставивъ впередъ нужные форпосты. Съ утренней зарей они пошли далѣе, чтобы вступить черезъ проходы на береговую равнину ²⁹⁾.

Эта равнина простирается отъ береговыхъ проходовъ миль на пять къ сѣверу до города Исса; окаймленная съ запада моремъ, а съ востока высокими въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ горами, она становится шире по мѣрѣ своего удаленія отъ проходовъ. Посерединѣ, гдѣ ширина ея превышаетъ полъмили ³⁰⁾, ее прорѣзываетъ въ юго-западномъ направленіи маленькая горная рѣчка Пинара (Деличай), сѣверные берега которой мѣстами круты; лежащая на сѣверовостокъ горы, изъ которыхъ она вытекаетъ, сопровождаютъ ея теченіе, а вдоль ея южнаго берега въ равнину выдается значительная возвышенность, такъ что вверху по теченію Пинара равнина постепенно принимаетъ гористый характеръ. На нѣкоторомъ разстояніи къ сѣверу отъ Пинара начинался персидскій лагерь.

Когда Дарій получилъ извѣстіе, что Александръ возвратился къ береговымъ проходамъ, что онъ готовъ предложить сраженіе и уже наступаетъ, тогда вся громада персидскаго войска была приведена въ порядокъ, скоро и хорошо, насколько это было возможно. Конечно, ограниченное пространство не было благоприятно для громаднаго войска, но оно казалось тѣмъ болѣе удобнымъ для упорной обороны; Пинаръ со своими крутыми берегами былъ какъ бы валомъ и рвомъ, за которымъ должна была построиться вся эта масса войска. Чтобы исполнить это безъ всякаго безпорядка, Дарій переправилъ черезъ рѣчку 30000 всадниковъ и 20000 человекъ легкой пѣхоты, наказавъ имъ тотчасъ же отступить направо и налѣво на крылья линіи. Затѣмъ линія пѣхоты была построена такимъ образомъ, что 30000 греческихъ наемниковъ подъ начальствомъ Фимон-

ды составили правое крыло ³¹⁾, а лѣвое крыло образовали 60000 кардаковъ; другіе 20000 кардаковъ ³²⁾ были отодвинуты далеко лѣвѣе къ самымъ высотамъ, получивъ назначеніе тревожить правое крыло Александра; когда македоняне подступили для нападенія къ Пинару, то нѣкоторая часть этого отряда стояла въ тылу праваго крыла. Недостатокъ мѣста позволилъ персамъ назначить къ непосредственному участію въ битвѣ только указанныя войска; большинство народовъ, состоявшее изъ легкой и тяжелой пѣхоты, выстроилось колоннами позади линіи, такъ что въ сраженіе можно было вести постоянно свѣжія войска. Когда все было въ порядкѣ, посланнымъ впередъ отрядамъ конницы былъ поданъ знакъ къ отступленію; они отступили на правое и лѣвое крыло; но, какъ кажется, условія мѣстности дѣлали невозможнымъ пустить въ ходъ конницу на лѣвомъ крылѣ и поэтому назначенныя сюда войска были перемѣщены тоже на правое крыло, такъ что теперь около берега была соединена вся конница, составлявшая главную силу персовъ, подъ начальствомъ Набарзана. Самъ Дарій по персидскому обычаю занялъ на своей боевой колесницѣ мѣсто въ центрѣ всей боевой линіи, окруженный коннымъ отрядомъ знатнѣйшихъ персовъ, предводимыхъ его братомъ Оксаеромъ. Планъ битвы состоялъ въ томъ, что пѣхота должна была удержаться на своей позиціи позади Пинара, для чего менѣе крутыя мѣста берега были заполнены укрѣпленіями, на правомъ же крылѣ напротивъ персидская конница должна была со всею силою обрушиться на лѣвое крыло македонянъ, между тѣмъ какъ войска съ горъ нападуть на тылъ непріятеля ³³⁾.

Александръ со своей стороны, когда мѣстность сдѣлалась шире, изъ своей походной колонны, въ которой шли одни за другими тяжелая пѣхота, конница и легковооруженные, выдвинулъ налѣво и направо боевую линію, состоявшую изъ шестнадцати рядовъ тяжелой пѣхоты ³⁴⁾; при дальнѣйшемъ движеніи впередъ равнина становилась все шире и шире, такъ что могла выѣхать впередъ и конница, — на лѣвомъ крылѣ конница греческихъ союзниковъ и навербованные въ Элидѣ всадники, а на правомъ, которое, какъ обыкновенно, должно было начать нападеніе, ѳессалійская и македонская конница. Уже вдали показалась длинная линія персидскаго войска; направо видѣлись покрытыя непріятельской пѣхотой высоты и можно было замѣтить, какъ отъ лѣваго крыла непріятеля спѣшили вдоль боевой линіи большіе отряды конницы, чтобы соединиться для большой конной атаки на правомъ крылѣ, гдѣ мѣсто было свободнѣе. Александръ приказалъ ѳессалійскимъ иламъ перейти позади фронта, чтобы непріятель не видалъ этого движенія, на лѣвое крыло и стать сейчасъ же послѣ критскихъ стрѣлковъ и ѳракійцевъ Ситалка, которые какъ разъ въ эту минуту занимали свои мѣста въ боевой линіи слѣва отъ фалангъ; командовавшему лѣвымъ крыломъ Пармениону, онъ приказалъ съ навербованными изъ Элиды всадниками, слѣдовавшими слѣва за ѳессалійцами, держаться какъ можно ближе къ морю, чтобы со стороны моря боевой линіи нельзя было обойти. На правомъ крылѣ онъ выстроилъ направо отъ македонской конницы илы сариссофоровъ подъ начальствомъ Протомаха, пеоновъ подъ на-

чальствомъ Аристона и стрѣлковъ подѣ начальствомъ Антиоха. Противъ выстроенныхъ на горахъ направо отъ него кардаковъ онъ составилъ изъ агріановъ подѣ начальствомъ Аттала, части стрѣлковъ и нѣсколькихъ всадниковъ второй фронтъ, образовавшій уголъ съ боевой линіей ³⁵).

Чѣмъ ближе подходили македоняне къ Пипару, тѣмъ менѣе была замѣтна значительная длина непріятельской линіи, которая далеко заходила за правое крыло македонскаго войска; царь нашелъ необходимымъ отодвинуть позади фронта на край крыла двѣ македонскія илы, илу Перида и Пантордана; въ боевую линію вмѣсто нихъ онъ могъ помѣстить теперь агріановъ, стрѣлковъ и всадниковъ бокового корпуса; энергическая атака, которую они передъ этимъ сдѣлали на стоявшихъ противъ нихъ варваровъ, опрокинула этихъ послѣднихъ и принудила ихъ бѣжать на высоты, такъ что теперь трехсотъ этеровъ казалось достаточно, чтобы держать ихъ на отдаленіи и обезпечивать съ этой стороны безопасность движенія боевой линіи.

Этимъ, совершеннымъ безъ поспѣшности, съ маленькими остановками для отдыха, движеніемъ Александръ не только далеко оттѣснилъ выдвинутый противъ него справа флаговый корпусъ непріятеля, но въ то же время получилъ возможность выдвинуть на правомъ флангѣ линію своей легкой пѣхоты и конницы далѣе лѣваго крыла непріятеля, такъ что они могли теперь прикрывать атаку, которую онъ думалъ произвестъ съ илами этеровъ, и отвлекать крайній лѣвый флангъ непріятеля, пока онъ бросится на центръ его, имѣя по лѣвую сторону себя гипаспистовъ, а позади ближайшія фаланги. Опрокинувъ центръ непріятеля, онъ рассчитывалъ напасть одновременно спереди и съ тыла со своими гипаспистами и со своими плами на его правое крыло, которому греческіе союзники и многочисленная конница давали рѣшительный перевѣсъ надъ крыломъ Пармениона, и уничтожить его. Онъ могъ предвидѣть, что успѣхъ его первой атаки повліетъ на ходъ всего сраженія, тѣмъ болѣе рѣшающимъ образомъ, что персидскій царь находился не у конницы праваго крыла, которая могла бы сдѣлать главное нападеніе съ персидской стороны, но въ центрѣ оборонительной линіи, которая, хотя и защищенная естественными стѣнами береговъ Пинара и земляными завалами, все-таки, повидимому, не могла выдержать энергическаго нападенія.

Александръ медленно подвигался впередъ со своей линіей, чтобы въ величайшемъ порядкѣ и плотно сомкнутымъ строемъ напасть на непріятеля. Онъ скакалъ вдоль фронта, обращался со словами ободренія къ разнымъ частямъ своего войска и пазывалъ по имени того или другого командира, указывая на совершенные уже ими славные подвиги; повсюду войска громко привѣтствовали его и требовали не медля долѣе начать нападеніе. Когда вся линія приблизилась сомкнутымъ строемъ къ врагу на разстояніе выстрѣла, Александръ, при боевыхъ кликахъ войска, бросился съ конницей въ Пипаръ. Не понеся значительныхъ потерь подѣ градомъ стрѣлъ непріятеля, они достигли противоположнаго берега и съ такою силою бросились на

непріятельскую линію, что послѣдняя, послѣ короткаго и тщетнаго сопротивленія, начала приходить въ безпорядокъ и отступать. Уже Александръ увидалъ боевую колесницу персидскаго царя и бросился туда; завязалась кровопролитная рукопашная схватка между знатными персами, защищавшими своего царя, и предводимыми своимъ царемъ македонскими всадниками; Арзамъ, Реомнёръ, Атизіи и египетскій сатрапъ Сабакъ пали; самъ Александръ былъ раненъ въ бедро; тѣмъ яростіе бились македоняне; наконецъ Дарій поверотилъ свою колесницу прочь изъ свалки, за нимъ послѣдовали ближайшіе ряды, стоявшіе слѣва около высотъ, и скоро бѣгство сдѣлалось всеобщимъ. Пеоны, агріаны и двѣ илы крайняго крыла македонянъ бросились справа на пришедшія въ безпорядокъ полчища и довершили побѣду съ этой стороны.

Между тѣмъ тяжелая пѣхота центра не могла ровной линіей слѣдовать за быстрымъ наступленіемъ Александра, такъ что въ ней образовались промежутки, только увеличиваемые желаніемъ не отставать, не взирая на представляемые крутымъ берегомъ Пинара препятствія; когда Александръ уже свирѣпствовалъ въ центрѣ непріятеля и лѣвое крыло послѣдняго уже дрогнуло, эллины персидскаго войска быстро бросились на македонскихъ гоплитовъ, которымъ они, завѣдомо, не уступали по мужеству, вооруженію и военной опытности, тамъ, гдѣ въ линіи послѣднихъ былъ наибольшій промежутокъ. Дѣло было въ томъ, чтобы снова выиграть уже потерянную побѣду; если удастся оттѣснить македонянъ съ крутого берега обратно за рѣку, то флангъ Александра будетъ обнаженъ, и онъ тогда пропадетъ. Эта опасность удвоила силы пезетеровъ; если они отступятъ, то погубятъ побѣду, которую уже выигралъ Александръ. Исконная ненависть между греками и македонянами дѣлала при ихъ равномъ биствѣ и равныхъ силахъ битву еще кровопролитнѣе; понимаемые непріателемъ проклятія и предсмертные стоны противника удваивали ожесточеніе. Уже сынъ Селевка, Птолемей, начальствовавшій надъ предпослѣднимъ такисомъ, и многіе офицеры ³⁶⁾ пали; битва, которая около береговъ, повидимому, рѣшилась теперь въ пользу персовъ, поддерживалась только съ трудомъ и величайшими усиліями.

Набарзанъ съ персидскими всадниками переправился черезъ Пинаръ и съ такой яростію бросился на вессалійскихъ всадниковъ, что одна изъ илъ была разбита совершенно, а другія могли держаться только благодаря прекраснымъ качествамъ своихъ лошадей, каждый разъ снова быстро смыкаясь и то здѣсь, то тамъ снова бросаясь на непріятеля; долго сопротивляться превосходству силъ и ярости персидскихъ всадниковъ они бы не могли. Но уже лѣвое крыло персовъ было сломлено, и Дарій, вмѣсто того, чтобы быть въ битвѣ среди своихъ вѣрныхъ, искалъ спасенія въ бѣгствѣ. Александръ видѣлъ угрожающую его фалангамъ опасность; прежде чѣмъ преслѣдовать далѣе бѣгущаго царя, онъ бросился спасать ихъ; между тѣмъ какъ гоплиты фаланги снова перешли въ нападеніе, онъ приказалъ своимъ гипаспистамъ сдѣлать поворотъ налѣво и ударить во флангъ греческимъ наемникамъ, которые, будучи не въ состояніи выдержать нападенія съ двухъ сторонъ, были опрокинуты, разсѣяны и разбиты.

До всадниковъ Набарзана, бывшихъ въ самомъ жаркомъ бою и подвигавшихся впередъ, достигъ теперь крикъ: «царь бѣжитъ»; они начали останавливаться, приходилъ въ безпорядокъ и поворачивать назадъ и, наконецъ, понеслись по равнинѣ, преслѣдуемые воесалийцами. Все бросилось къ горамъ, ущелья наполнились; давка всевозможныхъ войскъ и народовъ, дробящіе удары копытъ падающихъ лошадей, крики погибающихъ, злобное бѣшенство и смертельный страхъ непріятелей, падающихъ подъ ударами мечей и дротиковъ увлеченныхъ преслѣдованіемъ македонянъ, и ликующіе побѣдные крики послѣднихъ, — таково было конецъ славнаго дня Иссы.

Потери персовъ были громадны, поле битвы было покрыто тѣлами мертвыхъ и умирающихъ, ущелья горъ завалены трупами и за сплошнымъ валомъ тѣлъ бѣгство царя было безопасно.

Дарій, который послѣ успѣха первой атаки Александра повернулъ свою четверню назадъ, проскакалъ по равнинѣ до горъ; здѣсь крутизна подъема мѣшала колесницѣ быстро двигаться; онъ соскочилъ съ колесницы, бросилъ плащъ, лукъ и щитъ и вскочилъ на кобылицу, которая понеслась къ ожидавшему ея на конюшнѣ жеребенку съ быстротою, которой желалъ Дарій. Александръ преслѣдовалъ его, пока еще былъ день; поимка персидскаго царя казалась ему побѣднымъ призомъ дня; онъ нашелъ въ ущельи его боевую колесницу, щитъ, плащъ и лукъ и съ этими трофеями возвратился назадъ въ персидскій лагерь, который безъ боя былъ занятъ и приспособленъ для ночного отдыха его людьми ³⁷).

Добыча золотомъ и золотыми вещами, кромѣ роскошнаго убранства лагера и дорогого вооруженія персидскихъ вельможъ, была невелика, такъ какъ казна, походныя вещи и придворные штаты персидскаго царя и сатраповъ были отправлены въ Дамаскъ ³⁸). Но въ руки побѣдителя попали вмѣстѣ съ лагеремъ, въ которомъ онъ были забыты среди суматохи бѣгства, царица мать Сизигамба, супруга Дарія и ихъ дѣти. Когда Александръ, возвратясь послѣ преслѣдованія, ужиналъ со своими офицерами въ ставкѣ Дарія, онъ услышалъ вблизи жалобы женскихъ голосовъ и узналъ, что это царскія жены, считавшія Дарія умершимъ, потому что онъ видѣли, какъ по лагерю съ торжествомъ провозили его колесницу, лукъ и царскую мантию; онъ тотчасъ же послалъ къ нимъ одного изъ своихъ друзей, Леоннату, чтобы увѣрить ихъ, что Дарій живъ, что имъ нечего бояться, что ни къ нимъ, ни къ Дарію онъ не чувствуетъ личной вражды, что онъ хочетъ завладѣть Азіей въ честномъ бою и съумѣетъ отнестись съ уваженіемъ къ ихъ высокому званію и ихъ несчастью ³⁹). Онъ сдержалъ передъ ними свое слово; къ нимъ не только отнесли съ подобающимъ несчастью снисхожденіемъ, но и по прежнему воздавали имъ почести, къ которымъ онъ привыкли въ дни счастья, и продолжали служить имъ по персидскому обычаю. Александръ желалъ, чтобы онѣ содержались не какъ плѣнницы, но какъ царицы, и чтобы величіе царскаго сана было поставлено выше различія между греками и варварами. Здѣсь впервые обнаружилось, какъ онъ думалъ установить свои отношенія къ Персіи. При тѣхъ же условіяхъ афиняне и спартапцы предоставили бы своей ненависти или корыстолюбію опредѣ-

лить участь вражескихъ царицъ; поведеніе Александра настолько же служило доказательствомъ болѣе свободной или же болѣе дальновидной политики, какъ и свидѣтельствовало о его великодушіи. Его современники прославляли послѣднее, не понимая или пока они еще не поняли первой; почти ни одному подвигу Александра они не изумлялись болѣе, чѣмъ этой кротости тамъ, гдѣ онъ могъ явить себя гордымъ побѣдителемъ, и этой почтительности тамъ, гдѣ онъ могъ показать себя грекомъ и царемъ; всего изумительнѣе казалось имъ то, что онъ, превосходя этимъ свой великій прообразъ Ахилла, отказался воспользоваться правомъ побѣдителя относительно супруги побѣжденнаго, считавшейся красивѣйшею изъ всѣхъ женщинъ Азіи; когда онъ былъ близко, онъ запретилъ даже говорить о ея красотѣ, чтобы ни однимъ лишнимъ словомъ не увеличить скорби благородной женщины. Впослѣдствіи разсказывали, что царь, сопровождаемый только своимъ любимцемъ Гефестіономъ, явился въ палатку царицъ и что царица-мать, не зная, который изъ двухъ одинаково блестяще одѣтыхъ мужчинъ царь, бросилась на землю передъ Гефестіономъ, который былъ выше ростомъ, чтобы поклониться ему по персидскому обычаю; но когда она, увидѣвъ свою ошибку изъ того, что Гефестіонъ отступилъ назадъ, пришла въ величайшее смущеніе и считала свою жизнь потерянной, Александръ сказалъ съ улыбкой: «ты не ошиблась, и онъ тоже Александръ»; затѣмъ онъ взялъ на руки шестилѣтняго сына Дарія, приласкалъ его и поцѣловалъ ⁴⁰⁾.

Потери македонскаго войска въ этомъ сраженіи опредѣляются въ 300 человекъ пѣхоты и 150 всадниковъ ⁴¹⁾. Самъ царь былъ раненъ въ бедро. Не смотря на это, на слѣдующій день послѣ битвы онъ постигъ раненыхъ и приказалъ со всѣми воинскими почестями похоронить павшихъ, выстроивъ все войско въ боевомъ порядкѣ; ихъ памятниками были три алтаря у Пинара ⁴²⁾, а городъ Александрія, заложенный при входѣ въ сирійскіе проходы, былъ памятникомъ великаго дня Иссы, однимъ ударомъ уничтожившаго могущество Персіи.

Изъ персидскаго войска, какъ говорятъ, пало около 100000 человекъ и въ томъ числѣ 10000 всадниковъ. То обстоятельство, что оно было спачала разбито на своемъ лѣвомъ крылѣ и было слишкомъ развернуто со стороны моря, совершенно разсѣяло его остатки. Главныя силы бѣжали черезъ горы къ Эвфрату; другія толпы бѣжали къ сѣверу въ горы Киликіи и бросились оттуда въ Каппадоцію, Ликаонію и Пафлагонію; ихъ разсѣяли отчасти Антигонъ во Фригіи, частью Кала въ Малой Фригіи ⁴³⁾. Изъ греческихъ наемниковъ около 8000 спаслось съ поля битвы черезъ Аманскія горы въ Сирію ⁴⁴⁾; отступая въ довольно хорошемъ порядкѣ подъ предводительствомъ македонскаго бѣглеца Аминты, они достигли Триполя, гдѣ на берегу еще лежали тріеры, на которыхъ они прибыли; изъ нихъ они взяли столько, сколько было нужно для ихъ бѣгства, сожгли остальные, чтобы не дать имъ попасть въ руки непріятеля, и переправились на Кипръ ⁴⁵⁾. Другіе, вѣроятно, достигли моря другими путями и направились къ Тенару искать себѣ новой службы. Съ переѣхавшими на Кипръ наемниками Аминта направился къ Целузію, чтобы занять мѣсто павшаго при Иссѣ сатрапа Сабака, которое уже было ввѣрено

персу Мазакѣ. Онъ проникъ затѣмъ до самыхъ воротъ Мемфиса и уже былъ господиномъ надъ важнѣйшею частью Египта, когда его наемники, ненавидимые за свои дерзкіе грабежи и снова разсѣявшіеся по странѣ, чтобы грабить, были атакованы возбужденными призывомъ сатрапа египтянами и перебиты всѣ до послѣдняго, а вмѣстѣ съ ними и Аминта.

Самъ Дарій, достигнувъ въ своемъ бѣгствѣ Онхъ, собралъ остатки своего персидскаго народа и около 4000 греческихъ наемниковъ и съ ними такъ же быстро продолжалъ свой путь въ Тапсакъ, пока за Эвфратомъ не счелъ себя свободнымъ отъ дальнѣйшей опасности. Болѣе чѣмъ потеря битвы и нѣсколькихъ сатрапій, болѣе чѣмъ позоръ пораженія и бѣгства должны были терзать его сердце потеря своихъ и стыдъ и опасеніе, что его супруга, прекраснѣйшая изъ женщинъ Персіи, находится въ рукахъ гордаго непріятеля; забывая въ своемъ семейномъ несчастіи и горѣ объ опасномъ положеніи и безсиліи своего царства, но не о своемъ высокомъ санѣ, онъ думалъ, что дѣлаетъ великій подвигъ, великодушно снисходя до перваго шага къ побѣдителю. Вскорѣ послѣ битвы онъ послалъ къ Александру пословъ съ письмомъ ⁴⁶⁾, въ которомъ писалъ, что его отецъ Филиппъ стоялъ въ отношеніяхъ дружбы и союза съ персидскимъ царемъ Артаксерксомъ, но что по его смерти впервые и безъ малѣйшаго повода со стороны Персіи начались враждебныя дѣйствія противъ персидскаго царя Арзеса, что затѣмъ при послѣдовавшей новой перемѣнѣ на престолѣ Персіи самъ Александръ не удостоилъ послать къ нему, царю Дарію, пословъ, чтобы скрѣпить старую дружбу и союзъ, но, напротивъ, вторгся съ войскомъ въ Азію и причинилъ персамъ много тяжелыхъ несчастій; поэтому онъ, персидскій царь, собралъ свои народы и повелъ ихъ противъ него; такъ какъ исходъ битвы рѣшилъ противъ него, то онъ, царь, требуетъ отъ него, царя ⁴⁷⁾, возвращенія своей супруги, матери и дѣтей, которыя находятся у него въ плѣну; онъ предлагаетъ ему заключить съ нимъ дружбу и союзъ и отправить съ подателями этого письма, Менискомъ и Арзимой, уполномоченныхъ, чтобы обмѣняться необходимыми ручательствами.

На это письмо и дальнѣйшія уступя объясненія царскихъ посланцовъ Александръ отвѣчалъ письмомъ, которое онъ приказалъ отправившемуся съ нимъ ко двору Дарія своему послу Ферсиппу ⁴⁸⁾ передать, не вступая въ дальнѣйшіе устные переговоры. Письмо это гласило:

«Ваши предки пришли въ Македонію и остальную Грецію и, безъ малѣйшаго повода со стороны грековъ, причинили намъ различныя бѣды. Я, будучи избранъ военачальникомъ эллиновъ и рѣшившись заставить персовъ понести наказаніе за то, что они съ нами сдѣлали, перешелъ въ Азію, послѣ того, какъ вы недавно подали поводъ къ войнѣ. Вѣдь вы поддерживали перинонянъ, оскорбившихъ моего отца, и онъ послалъ войско во Фракію, господство надъ которой принадлежитъ намъ; отецъ мой палъ отъ руки убійцъ, которые, какъ вы даже сами упоминали во всѣхъ письмахъ, были подсланы вами; заодно съ Багоей ты умертвилъ царя Арзеса и незаконнымъ обра-

зомъ присвоилъ себѣ персидскій престолъ, не по обычаю персовъ, но поправъ ихъ священнѣйшія права; что касается меня, то ты послалъ къ эллинамъ, чтобы возбудить ихъ къ войнѣ противъ меня, письма, которые вовсе не были дружескими; ты посылалъ спартамъ и нѣкоторымъ другимъ эллинамъ деньги, которые, правда, не были приняты ни однимъ изъ другихъ государствъ, кромѣ спартанцевъ; наконецъ, черезъ своихъ посланцевъ ты старался совратить моихъ друзей и нарушить миръ, который я далъ эллинамъ. По этимъ причинамъ я выступилъ въ походъ противъ тебя, когда ты началъ непріязненные дѣйствія. Побѣдивъ въ правомъ бою сначала твоихъ полководцевъ и сатраповъ, а теперь и тебя и бывшее съ тобой войско, я, милостью безсмертныхъ боговъ, сдѣлался господиномъ страны, которую ты зовешь своею. Кто изъ тѣхъ, которые въ твоихъ рядахъ бились противъ меня, не остался въ бою, но перешелъ ко мнѣ и подъ мою охрану, о тѣхъ я забочусь; силой я не держу никого, — напротивъ, всѣ охотно и добровольно идутъ подъ мое начало. Такъ какъ я такимъ образомъ являюсь господиномъ надъ Азіей, то приходи и ты ко мнѣ; буде ты полагаешь, что имѣешь какія-либо основанія опасаться, если придеши ко мнѣ, то пришли кого-либо изъ твоихъ вельможъ, чтобы получить нужныя ручательства. Придя ко мнѣ, ты встрѣтишь у меня благосклонное вниманіе къ твоимъ просьбамъ о возвращеніи твоей матери, супруги, дѣтей и къ твоимъ другимъ желаніямъ; что ты отъ меня потребуешь, дастся тебѣ. Во всякомъ случаѣ, если ты будешь посылать ко мнѣ снова, ты долженъ посылать какъ къ царю Азіи, и не писать ко мнѣ какъ къ своему равному, но излагать мнѣ, господину всего того, что было твоимъ, свои желанія съ подобающей покорностью; въ противномъ же случаѣ я поступлю съ тобою какъ съ оскорбителемъ моего царскаго величества. Если же ты другого мнѣнія объ обладаніи властью, то ожидай меня еще разъ для битвы изъ-за нея на открытомъ полѣ, и не бѣги; я съ своей стороны отыщу тебя, гдѣ бы ты ни былъ».

Если это посланіе ⁴⁹⁾ было отправлено въ томъ видѣ, какъ мы его теперь имѣемъ, то оно было написано не только для того, къ кому было обращено, но было манифестомъ, съ которымъ побѣдитель въ одно время обращался и къ народамъ Азіи и къ эллинамъ.

Да, и къ эллинамъ. Персидскій флотъ еще находился въ эгейскомъ морѣ, и его близость питала броженіе въ государствахъ Эллады. Одержанная тамъ побѣда, дерзкая высадка на Истмъ или въ Эвбеѣ и несомнѣнно вспыхнувшее бы въ такомъ случаѣ возстаніе эллиновъ, повлекли бы за собою непредвидѣнные послѣдствія и подвергли бы весьма серьезнымъ опасностямъ самое Македонію. Поэтому-то, какъ кажется, Александръ и выступилъ изъ Гордія такъ поздно; въ случаѣ нужды онъ могъ бы оттуда достигнуть Геллеспонта въ 15 переходовъ. Быть можетъ, только извѣстіе объ отправкѣ греческихъ наемниковъ въ Триполь заставило его рѣшиться на выступленіе; безъ нихъ движенія персидскаго флота, уменьшеннаго вдобавокъ тѣмъ количествомъ кораблей, которое осталось въ Триполѣ, должны были казаться его военному взору простой демонстраціей.

Далеко не такъ разсуждали патріоты въ Греціи. Какъ должно было

возрасти ихъ мужество, когда Игилохъ, испуганный смѣлымъ рѣшеніемъ аѳинянъ отправить въ море сто тріеръ, освободилъ задержанные аѳинскіе корабли; оно должно было возрасти еще больше, когда македонскій гарнизонъ въ Митиленѣ былъ принужденъ сдаться на капитуляцію, когда весь островъ возвратился къ постановленіямъ анталькидова мира, а Тенедосъ долженъ былъ отказаться отъ заключенныхъ съ Александромъ и Коринѳскимъ союзомъ договоровъ и снова признать анталькидовъ миръ. Славный анталькидовъ миръ былъ лозунгомъ спасенія для эллинскаго патріотизма, и подъ этимъ знаменемъ они думали прогнать ужасы Коринѳскаго союза. Тогда, не смотря на заключенные договоры, съ аттической трибуны открыто проповѣдывался разрывъ съ Александромъ; «въ нихъ значитъ», говоритъ одинъ ораторъ, «если мы желаемъ принять участіе въ общемъ мирѣ, слѣдовательно мы можемъ желать и противнаго» ⁵⁰).

Несмотря на понесенныя Датамомъ небольшія пораженія, персидскій флотъ еще господствовалъ надъ эгейскимъ моремъ. Послѣ взятія Тенедоса персидскіе адмиралы послали подъ начальствомъ Аристомена флотъ въ Геллеспонтъ, чтобы овладѣть его берегами ⁵¹), а сами, опустошая берега Іоніи, двинулись въ Хіосъ; конечно, они упустили изъ виду необходимость прикрыть важную позицію въ Галикарнассѣ, гдѣ въ приморской цитадели еще держался Оеонтопатъ; она попала—Александръ получилъ въ Салахъ извѣстіе объ этомъ—въ руки македонянъ; послѣ этой тяжелой потери людьми, которую понесли персы, они должны были очистить и тѣ пункты материка, которыми до сихъ поръ еще владѣли, Миндъ, Кавнъ и Тріопій; только Косъ, Родосъ, Калимна, а съ ними и входъ въ галикарнассскій заливъ остались еще въ рукахъ Персіи ⁵²). Они знали, что Дарій уже перешелъ черезъ Эвфратъ съ войскомъ, въ которомъ число однихъ греческихъ наемниковъ равнялись всей арміи Александра, и съ громаднымъ перевѣсомъ въ конницѣ.

Не совѣмъ ясно, какіе мотивы руководили дальнѣйшими въ ту пору дѣйствіями адмираловъ: наступленіе ли Игилоха, который по указу Александра снова собралъ въ Геллеспонтъ флотъ, разбившій Аристомена съ его эскадрой, и снова овладѣлъ Тенедосомъ ⁵³),—или же намѣреніе единовременно съ ожидавшимся пораженіемъ Александра заставить вспыхнуть общее возстаніе въ Элладѣ. Они оставили гарнизонъ въ Хіосѣ, нѣсколько кораблей въ Косѣ и Галикарнассѣ, и со 100 кораблями, обладавшими лучшимъ ходомъ, отправились въ Сидонъ. Туда къ нимъ явился царь Агисъ, правда, съ одной только тріерой, но съ обширнымъ планомъ, для исполненія котораго онъ просилъ ихъ послать съ нимъ какъ можно болѣе кораблей и войскъ въ Пелопоннесъ и дать ему денегъ для дальнѣйшей вербовки войскъ. Въ Аѳинахъ тоже настроеніе умовъ достигло крайняго возбужденія, и патріоты всѣми мѣрами старались воспламенить его; «Когда Александръ,—говоритъ Эсхинъ три года спустя въ одной рѣчи противъ Демосоена,—былъ запертъ въ Киликіи и терпѣлъ во всемъ недостатокъ, какъ ты говорилъ, и не сегодня-завтра, каковы были твои слова, долженъ былъ быть растонтанъ персидской конницей, народъ не обращалъ вниманія ни на твои назойливыя увѣ-

щанія, ни на письма, въ рукахъ съ которыми ты расхаживалъ³⁴⁾, хотя ты даже показывалъ гражданамъ, какимъ потеряннымъ и разстроеннымъ выглядит мое лицо, и хотя ты, конечно, называлъ меня также жертвеннымъ животнымъ, которое падеть, когда съ Александромъ что-нибудь случится». И все-таки, — говоритъ Эсхинъ, — Демосѣенъ совѣтовалъ еще подождать; тѣмъ ревностнѣе Гиперидъ, Мироклъ и Каллисѣенъ должны были торопить аѳинянъ соединиться съ Агисомъ и вести противъ Антипатра и Македоніи греческія государства, повидимому, ожидавшія только сигнала къ отпаденію. Остается открытымъ вопросъ, не были ли завязаны также сношенія и съ Гарпаломъ, казначеителемъ Александра, бѣжавшимъ незадолго передъ этимъ, конечно, не съ пустыми руками, и теперь находившимся въ Мегарѣ³⁵⁾.

Но вмѣсто ожидавшагося извѣстія о побѣдѣ изъ Киликіи пришло извѣстіе о рѣшительномъ пораженіи персидскаго царя и о полномъ уничтоженіи персидскаго войска. Аѳиняне должны были благодарить Бога, что они еще не сдѣлали ничего такого, что принудило бы ихъ идти дальше. Персидскіе адмиралы поспѣшили спасти то, что еще можно было спасти. Фарнабазъ съ двѣнадцатью тріерами и 1500 наемниками поплылъ къ острову Хіосу, отпаденія котораго онъ долженъ былъ бояться, а Автофрадатъ съ главной частью флота — съ нимъ были также и тирскіе корабли подъ предводительствомъ царя Аземилька — въ Галикарнассъ. Царь Агисъ вмѣсто крунныхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ, которыхъ онъ потребовалъ, получилъ тридцать талантовъ и десять кораблей; онъ послалъ ихъ своему брату Агезиплау къ Тенару съ приказомъ заплатить полное жалованье солдатамъ и затѣмъ спѣшить на Критъ, чтобы обезпечить за собою овладѣніе островомъ; самъ онъ, пробывъ нѣсколько времени на Кикладахъ, послѣдовалъ за Автофрадатомъ въ Галикарнассъ. О дальнѣйшихъ предпріятіяхъ на морѣ нечего было думать, такъ какъ финикійскія эскадры — что Александръ не шелъ къ Эвфрату, выяснилось достаточно скоро — ждали только этого времени года, чтобы отплыть на родину, которая, можетъ быть, уже принуждена была сдаться македонянамъ. Кирскіе цари тоже полагали, что имъ должно бояться за свой островъ, разъ что финикійскій берегъ находится во власти Александра.

Въ послѣднее время нѣкоторые историки называли страннымъ и неразсчитливымъ ноступкомъ то, что Александръ послѣ битвы при Иссъ не продолжалъ преслѣдованія персовъ и не поспѣшилъ перейти черезъ Эвфратъ, чтобы положить конецъ царству персовъ. Такой ноступокъ въ то время, когда тылъ его еще далеко не былъ обезпеченъ, былъ бы глупостью, выстрѣломъ на воздухъ. Движеніе греческихъ наемниковъ къ Целузію должно было напомнить ему о томъ, что онъ долженъ имѣть въ своихъ рукахъ Египетъ, если желаетъ поставить на прочномъ основаніи свой походъ въ глубину Азіи. Не Вавилонъ и Суза были побѣднымъ призомъ за Иссъ; но то, что ему былъ открытъ берегъ Средиземнаго моря до пустыннаго берега Сирты, что теперь Финикія, этотъ неистощимый арсеналъ персидскаго царства, пожелала ли бы она подчиниться, или защищаться, должна

была отозвать свой флотъ изъ греческихъ морей, что такимъ образомъ можно было скоро сломить начатое Спартой движеніе, лишеніе всякой поддержки со стороны Персін, и что наконецъ, съ занятіемъ долины Нила, къ которому не могло теперь представиться никакихъ дальнѣйшихъ существенныхъ затрудненій, операціонный базисъ для похода далѣе на востокъ пріобрѣталъ свою полную ширину и твердость.

Соотвѣтственно этому долженъ былъ опредѣлиться и ходъ дальнѣйшихъ операцій. Александръ послалъ Парменіона съ ѳессалійскими всадниками и другими войсками вверхъ по долинѣ Оронта въ Дамаскъ, главный городъ Келесирін, куда были посланы изъ Сохъ военная касса, походная утварь и весь дорогой придворный штатъ персидскаго царя, а также жены, дѣти и сокровища вельможъ. Благодаря измѣнѣ сирійскаго сатрапа, сдѣлавшаго видъ, что онъ думаетъ бѣжать съ сокровищами и караваномъ, со всѣми этими знатными персіанками и ихъ дѣтьми, послѣдшіе, какъ и самый городъ, попали въ руки Парменіона. Добыча была необыкновенно велика; среди многихъ тысячъ плѣнныхъ ⁵⁶⁾ находились послы Аѳинъ, Спарты и Фивъ, прибывшіе къ Дарію передъ битвой при Иссъ. Получивъ донесеніе Парменіона объ этой экспедиціи, Александръ приказалъ отослать обратно въ Дамаскъ и хранить тамъ всѣхъ плѣнныхъ и всѣ вещи, попавшія въ его руки, а греческихъ уполномоченныхъ немедленно прислать къ нему. Когда они прибыли, онъ тотчасъ же отпустилъ обоихъ ѳиванцевъ частью во вниманіе къ ихъ личности, такъ какъ одинъ былъ ѳессаліскъ, сынъ благороднаго Исменіа, а другой, Діонисодоръ, былъ олимпійскимъ побѣдителемъ, частью изъ сожалѣнія къ ихъ несчастному родному городу и къ воплихъ простительной ненависти ѳиванцевъ къ македонянамъ; аѳинянина Ификрата, сына полководца того же имени, изъ уваженія къ его отцу и чтобы дать аѳинянамъ доказательство своей снисходительности, онъ въ большомъ почетѣ удержалъ около своей особы; спартіатеъ Эвоиклъ, напротивъ, такъ какъ его отечество какъ разъ теперь начало открытую войну, былъ пока удержанъ въ качествѣ военноплѣннаго; но впослѣдствіи, когда постоянно возрастающіе успѣхи македонскаго оружія перемѣнили отношенія къ Спартѣ, онъ былъ отпушенъ на свою родину.

Во время похода Парменіона въ Дамаскъ Александръ занялся устройствомъ управленія Киликіи. Мы мало знаемъ объ этомъ, но это немногое характеристично. Эту область, бывшую въ военномъ отношеніи важнѣе всякой другой и имѣвшую опасныхъ сосѣдей въ независимыхъ и храбрыхъ племенахъ Тавра, необходимо было отдать въ совершенно надежныя руки. Царь поручилъ ее одному изъ своихъ семи тѣлохранителей, Валакру, сыну Никанора; какъ кажется, вмѣстѣ съ сатрапіей ему была поручена и стратигія ³⁷⁾; мы встрѣчаемъ вскорѣ упоминаніе о битвахъ Валакра противъ исавровъ. Среди монетъ Александра болѣе стараго типа думаютъ видѣть значительное число монетъ киликійскаго чекана ⁵⁸⁾. Сатрапомъ Сиріи, насколько она была занята Парменіономъ, или Келесирін былъ назначенъ Мемнонь, сынъ Кердимма. Съ Финикіей царь еще не могъ распорядиться; тамъ ждали его немалыя трудности.

Финикійскіе города занимали въ персидскомъ царствѣ особенное политическое положеніе, бывшее слѣдствіемъ ихъ географическихъ условій и ихъ внутренняго устройства. Несмотря на свое многověковое могущество на морѣ, они стояли не на островахъ и такимъ образомъ были лишены почти необходимаго для морскихъ державъ преимущества; они послѣдовательно становились добычей ассирійцевъ, вавилонянъ и персовъ. Но такъ какъ со стороны суши они были почти отрѣзаны отъ внутреннихъ областей высокими горными цѣпами Ливана, а нѣкоторые изъ нихъ были выстроены на небольшихъ, лежащихъ у самаго берега островахъ, которые все-таки нѣсколько препятствовали непосредственному и постоянному вліянію господствовавшей на материкѣ державы, то вмѣстѣ со своимъ древнимъ устройствомъ они настолько сохранили свою древнюю независимость, что персидскіе цари охотно довольствовались верховенствомъ и правомъ созывать финикійскій флотъ. Паденіе стараго афинскаго морскаго союза устранило весьма опасное нѣкогда соперничество грековъ въ торговлѣ, промышленности и морскомъ могуществѣ; даже во времена полной независимости этихъ городовъ ихъ промышленность и благосостояніе, вѣроятно, не были такъ значительны, какъ теперь подъ властью Персіи, представлявшей собою громадную арену для торговли. Во всѣхъ другихъ вошедшихъ въ составъ персидскаго царства земляхъ древняя національная цивилизація выродилась или была забыта, но въ Финикіи сохранился старый торговый духъ и та своеобразная свобода, которую развиваютъ занятія торговлей. Финикійцы тоже не разъ дѣлали попытки освободиться отъ господства персидскаго царя; если это не удалось несмотря на полную слабость персидскаго царства, то причиной этого было ихъ внутреннее устройство, а въ еще большей степени рѣзко выраженные частные интересы соперничества между собою городовъ. Когда при царѣ Охѣ Сидонъ на союзномъ собраніи въ Триполѣ пригласилъ принять участіе въ заговорѣ два другіе главные города союза, Тиръ и Арадъ, то они хотя и обѣщали помощь, но въ бездѣйствіи ожидали конца этого предпріятія, которое въ случаѣ удачи освободило бы также и ихъ, а въ случаѣ неудачи должно было увеличить ихъ могущество и ихъ торговлю пропорціонально съ потерями Сидона. Сидонъ палъ, сгорѣлъ, потерялъ свое старое устройство и самостоятельность, и его мѣсто въ союзномъ совѣтѣ Триполя заступилъ, какъ кажется, Библъ, который настолько поднялся съ этого времени, что отнынѣ могъ играть роль на ряду съ Арадомъ и Тиромъ.

Девять городовъ Кипра находились въ такихъ же отношеніяхъ къ персидскому царству, какъ и финикійскіе города; но, благодаря своему частью греческому происхожденію и болѣе благоприятному положенію, еще съ большимъ нетерпѣніемъ стремились къ свободѣ. Они возмутились въ одно время съ Сидономъ, имѣя во главѣ саламинскаго царя Пниагору, но при братѣ Пниагора Эвагорѣ скорѣ послѣ паденія Сидона снова изъявили покорность; спустя нѣсколько времени Пниагора снова получилъ власть надъ Саламиномъ, но условіемъ, подъ которымъ онъ по прежнему могъ быть первымъ между мелкими князьями Кипра, была полная преданность персидскому царству.

Двадцать лѣтъ прошло со времени этого возстанія, когда Александръ началъ свою войну противъ Персїи. Корабли финикійцевъ подъ предводительствомъ своихъ «царей» тирійца Аземилька, арадина Герострата и библосца Энима, къ которому присоединились и корабли Сидона ³⁹⁾, затѣмъ кипрскіе корабли подъ предводительствомъ Пнитагоры и другихъ царей двинулись по призыву персидскаго царя въ греческія воды и вели тамъ войну безъ большаго успѣха. Благодаря, конечно, не всегда достаточной энергіи командировъ. Битва при Иссъ совершенно перемѣнила положеніе вещей для финикійскихъ городовъ. Если бы они дѣйствовали дружно, соединили бы въ одно свои морскія силы, чтобы съобща поддерживать каждый пунктъ, на который желалъ броситься непріятель, если бы адмиралы персидскаго царя оставили греческія воды и безцѣльную теперь наступательную войну, чтобы защищать финикійскія гавани, то трудно сказать, какимъ образомъ исключительно сухопутныя силы завоевателя могли бы преодолѣть защиту этихъ укрѣпленныхъ и многочисленныхъ городовъ съ моря. Но между финикійскими городами, не смотря на ихъ союзъ, было весьма мало единодушія, особенно со времени того разрома, который они допустили совершиться въ Сидонѣ. Сидоняне съ торжествомъ привѣтствовали побѣду при Иссъ; они могли рассчитывать снова получить отъ Александра то, чего они лишились въ борьбѣ противъ персидскаго деспота. Точно такъ же Библъ, поднявшійся благодаря паденію Сидона, должно было заботиться о спасеніи потерять все, такъ какъ онъ былъ расположенъ на материкѣ и не былъ въ состояніи противиться побѣдоносному войску Александра; Арадъ и Тиръ, напротивъ, лежали на морѣ; но Арадъ, главную силу котораго составляли владѣнія на материкѣ, а не обширная торговля, терялъ благодаря наступленію Александра болѣе, чѣмъ Тиръ, мнившій себя безопаснымъ на своемъ островѣ и со своими 80 кораблями, которые онъ еще имѣлъ дома.

Когда наконецъ Александръ приблизился отъ Оронта къ области финикійскихъ городовъ, его встрѣтилъ на пути Стратонъ, сынъ арадскаго князя Герострата, вручилъ ему отъ имени своего отца золотой вѣнокъ и сложилъ къ ногамъ царя его область, обнимавшую самую сѣверную часть финикійскаго берега и простиравшуюся въ глубь страны на одинъ день пути до города Маріамны; большой городъ Мараѣ, въ которомъ Александръ пробылъ нѣсколько дней, тоже принадлежалъ къ области Арада. На своемъ дальнѣйшемъ пути Александръ взялъ Библъ, сдавшійся по договору. Сидоняне послѣдили за побѣдителемъ ненавистной персидской державы; слѣдуя ихъ почетному приглашенію, Александръ занялъ городъ, возвратилъ ему его прежнюю область и его прежнее устройство, поручивъ управленіе имъ Авдоллону, жившему въ бѣдности потомку сидонскихъ царей ⁴⁰⁾; затѣмъ онъ двинулся къ Тиру.

На пути туда его привѣтствовала депутація богатѣйшихъ и знатнѣйшихъ гражданъ Тира, съ сыномъ князя Аземилка во главѣ; они объявили, что тирійцы готовы исполнить все, чего потребуетъ Александръ. Царь поблагодарилъ ихъ и похвалилъ ихъ городъ; онъ думаетъ, — сказалъ онъ, — прибыть въ Тиръ, чтобы принести торжественную жертву въ храмъ тирійскаго Иракла.

Какъ разъ этого-то и не хотѣли тирійцы; при теперешнихъ обстоятельствахъ, въ этомъ правители города сходились между собою, онъ долженъ держаться политики, увѣнчавшейся такимъ блестящимъ успѣхомъ во время возстанія въ Сидонѣ, и обезпечить свою независимость строжайшимъ нейтралитетомъ, чтобы остаться въ выгодѣ при любомъ исходѣ войны; а онъ это можетъ, такъ какъ, несмотря на находящуюся въ эгейскомъ морѣ эскадру, флотъ города достаточно великъ для того, чтобы заставить уважать сдѣланныя имъ постановленія; во всѣхъ моряхъ еще побѣждаетъ персидскій флотъ, а Дарій вооружаетъ уже новое войско, чтобы поставить преграду дальнѣйшему наступленію македонянъ; если онъ побѣдитъ, то вѣрность тирійцевъ будетъ награждена тѣмъ щедрѣе, что остальные финикійскіе города уже измѣнили персидскому дѣлу; если онъ будетъ побѣжденъ, то Александръ, не имѣя флота, будетъ тщетно гнѣваться противъ лежащаго въ морѣ города; Тиръ же, напротивъ, будетъ всегда имѣть время, опираясь на свой флотъ и на своихъ союзниковъ на Кипрѣ, въ Пелопоннесѣ и въ Ливіи, согласиться на такія предложенныя Александромъ условія, которыя будутъ соответствовать интересамъ города. Убѣжденные въ томъ, что наши выходъ, который въ то же время и приличенъ, и безопасенъ, и выгоденъ, тирійцы сообщили македонскому царю о своемъ рѣшеніи: они будутъ чувствовать себя польщенными, если онъ принесетъ жертвоприношеніе ихъ туземному богу въ храмѣ Старога Тира на материкѣ; они готовы согласиться на все другое, чего бы онъ отъ нихъ ни потребовалъ, но ихъ городъ на островѣ долженъ остаться закрытымъ для македонянъ и персовъ.

Александръ немедленно прервалъ всѣ дальнѣйшіе переговоры; онъ рѣшилъ силой добиться того, что было необходимо для дальнѣйшаго хода его предпріятій. Сильный на морѣ Тиръ, сохраняя нейтралитетъ за его спиной, создалъ бы центръ и опору для всѣхъ неудовольствій и возстаній въ греческихъ земляхъ и для начатой царемъ Агисомъ борьбы, братъ котораго уже завладѣлъ Кипромъ. Онъ созвалъ стратиговъ, иларховъ, таксіарховъ и предводителей союзныхъ войскъ, сообщилъ имъ о случившемся и открылъ имъ свое намѣреніе взять Тиръ какою бы то ни было цѣною; ему, сказалъ онъ, нельзя ни рѣшиться на походъ въ Египетъ, пока персы еще имѣютъ флотъ, ни преслѣдовать царя Дарія, имѣя въ тылу городъ Тиръ съ его очевидно враждебнымъ образомъ мыслей, и кромѣ того Египетъ и Кипръ, которые находятся еще въ рукахъ персовъ; положеніе дѣлъ въ Греціи дѣлаетъ это еще менѣе возможнымъ; съ помощью тирійцевъ персы снова могутъ овладѣть морскимъ берегомъ и, пока македоняне пойдутъ на Вавилонъ, могутъ еще съ большимъ войскомъ перенести войну въ Элладу, гдѣ спартанцы возстали уже открыто, а аѳиняне до сихъ поръ удерживалъ болѣе страхъ, чѣмъ доброе расположеніе къ Македоніи; взявши напротивъ Тиръ, они будутъ имѣть въ своихъ рукахъ всю Финикію, и финикійскій флотъ, составляющій наибольшую и наилучшую часть морскихъ силъ Персін, долженъ будетъ держать сторону Македоніи; ни матросы, ни остальной экипажъ финикійскихъ кораблей не пожелаютъ вести борьбу на морѣ,

когда ихъ собственные города будутъ заняты; Кипръ тоже долженъ будетъ рѣшиться послѣдовать за ними, или же онъ немедленно будетъ взять македонско-финиійскимъ флотомъ; если же они будутъ имѣть на морѣ эту соединенную силу, къ которой еще присоединятся корабли Кипра, то моревладычество Македоніи является дѣломъ рѣшеннымъ, походъ въ Египетъ обезпеченнымъ и успѣхъ его несомнѣннымъ; когда же Египетъ будетъ покоренъ, то имъ нечего долѣе опасаться за положеніе вещей въ Элладѣ; спокойные за положеніе дѣлъ на родинѣ, они могутъ начать походъ на Вавилонъ съ тѣмъ большими ожиданіями, что тогда персы въ одно и то же время будутъ отрѣзаны отъ моря и отъ лежащихъ по сѣю сторону Эвфрата земель ⁶¹). Собраніе убѣдилось въ необходимости покорить гордый морской городъ; но завоевать его безъ флота казалось невозможнымъ. По крайней мѣрѣ такъ казалось съ перваго взгляда; но дознанная необходимость должна была доставить и возможность; привышій осуществлять смѣлые планы еще болѣе смѣлыми средствами, Александръ рѣшилъ соединить городъ на островѣ съ сушею и тогда приступить къ настоящей осадѣ.

Новый Тиръ, выстроенный на островѣ въ полъ мили длиною и нѣсколько меньшей ширины ⁶²), былъ отдѣленъ отъ твердой земли проливомъ приблизительно въ тысячу шаговъ шириною, имѣвшимъ около острова фарватеръ сажени въ три не болѣе, около же материка, напротивъ, мелкимъ и тинистымъ. Александръ рѣшилъ съ этой стороны проложить черезъ море плотину; матеріалъ для этого доставили строенія ⁶³) покинутого обитателями Старога Тира и кедры близкаго Ливана; сваи входили безъ труда въ мягкое дно моря, а илъ служилъ для того, чтобы соединять между собою опускаемые плиты, Работа велась съ величайшимъ рвеніемъ, самъ царь часто присутствовалъ при ней ⁶⁴); похвалы и подарки облегчали солдатамъ эту трудную работу.

До сихъ поръ тирійцы, полагаясь на свои корабли, на толщину и вышину своихъ стѣнъ, спокойно смотрѣли на это ⁶⁵); теперь, казалось имъ, настала пора дать почувствовать заносчивому врагу все безуміе его попытки и превосходство ихъ исконной опытности въ машинномъ дѣлѣ. Плотина уже доходила до фарватера; они сосредоточили на обращенной къ сушѣ сторонѣ ихъ высокой стѣны столько метательныхъ орудій, сколько было возможно, и начали метать стрѣлы и камни въ неприкрытыхъ работниковъ на плотинѣ, а одновременно съ этимъ, послѣднихъ съ обѣихъ сторонъ сильно атаковали тріеры. Двѣ башни, воздвигнутыя Александромъ на концѣ плотины, обвѣшанныя покрывалами и мѣхами и снабженные метательными снарядами, защищали рабочихъ отъ выстрѣловъ изъ города и съ тріеръ; съ каждымъ днемъ плотина, хотя и медленно благодаря болѣе глубокой водѣ, подвигалась впередъ. Чтобы встрѣтить эту опасность, тирійцы выстроили брандеръ слѣдующимъ образомъ. Грузовой корабль былъ наполненъ сухимъ хворостомъ и другими легко воспламеняемыми матеріалами; затѣмъ на этомъ галеонѣ было укрѣплено два мачтовыхъ дерева, окруженныхъ очень широкой галереей, наполненной массаами соломы и смолистаго дерева; кро-

мѣ того, туда еще наложили смолы, сѣры и другихъ тому подобныхъ веществъ; затѣмъ на обѣихъ мачтахъ были укрѣплены двойныя реи, на концахъ которыхъ висѣли котлы со всевозможными быстро распространяющими огонь горючими веществами; наконецъ, задняя часть корабля была сильно загружена балластомъ, чтобы по возможности поднять переднюю часть надъ поверхностью воды. При первомъ благопріятномъ вѣтрѣ тирійцы выпустили этотъ брандеръ въ море; нѣсколько тріаръ взяли его на буксиръ и поставили противъ плотины; тутъ находившійся на брандерѣ экипажъ бросилъ огонь въ трюмъ и на мачты и поспѣшилъ вплавъ къ тріарамъ, которыя изъ всѣхъ силъ гнали это горящее сооруженіе на конецъ плотины. Благопріятствуемый сильнымъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ, брандеръ вполне исполнилъ свое назначеніе; скоро башни, черепахи, сооруженія и груды фашичника на плотинѣ пылали яркимъ пламенемъ, а тріары стали за вѣтромъ на якорь передъ плотиною и своими выстрѣлами дѣлали невозможной всякую попытку тушить пожаръ. Въ то же время тирійцы произвели вылазку, переплыли на множествѣ лодокъ черезъ заливъ, живо разрушили ростверки передъ плотиною и зажгли еще оставшіяся машины. Извлеченіе этихъ ростверковъ обнажило еще недоконченную часть плотины и отдало ее на жертву высоко набѣгавшимъ волнамъ, такъ что передняя часть сооруженія была прорвана и исчезла въ смывшихъ ее волнахъ.

Было высказано мнѣніе, что послѣ этого несчастнаго событія, стоившаго ему не только множества людей и всѣхъ машинъ, но и показавшаго ему также невозможность одолѣть Тиръ со стороны суши, Александръ долженъ былъ совершенно отказаться отъ осады, принять предположенный Тиромъ договоръ и двинуться въ Египетъ. По его характеру и его планамъ это было бы еще невозможнѣе, чѣмъ завоеваніе острова. Чѣмъ могущественнѣе и независимѣе стоялъ Тиръ противъ его сухопутнаго войска, тѣмъ необходимѣе было уничтожить гордый городъ; чѣмъ сомнительнѣе долженъ былъ казаться успѣхъ боязливымъ умамъ, тѣмъ обязательнѣе Александръ долженъ былъ добиться его; *одинъ шагъ назадъ, одинъ оставленный планъ, одна полумѣра могли погубить все.*

Должно быть, въ это время ⁶⁶⁾ снова прибыли послы Дарія, предложившіе за мать, супругу и дѣтей персидскаго царя десять тысячъ талантовъ выкупа, затѣмъ обладаніе страной по сю сторону Эвфрата и, наконецъ, вмѣстѣ съ рукою дочери Дарія его дружбу и союзъ. Когда Александръ собралъ своихъ генераловъ и сообщилъ имъ о предложеніяхъ персидскаго царя, то мнѣнія сильно раздѣлились; Парменіонъ выразилъ ту мысль, что, еслибы онъ былъ Александромъ, то принялъ бы при настоящихъ обстоятельствахъ эти условія и не подвергалъ бы себя долѣе измѣнчивому счастью войны. Александръ отвѣчалъ, что и онъ поступилъ бы такъ, еслибы былъ Парменіономъ; но такъ какъ онъ Александръ, то его отвѣтъ Дарію слѣдующій: онъ не нуждается въ деньгахъ Дарія и не принимаетъ части страны вмѣсто цѣлаго; страны и люди, золото и имущества, которыя имѣетъ Дарій, принадлежатъ ему, Александру, и если ему угодно будетъ жениться на дочери Дарія, то онъ можетъ сдѣлать это безъ того,

чтобы Дарій далъ ее ему; пусть онъ явится лично, если желаетъ получить что-либо отъ его милости.

Осадныя работы продолжались съ удвоеннымъ рвеніемъ, снова были воздвигнуты болѣе широкая у береговъ материка плотина, чтобы съ одной стороны придать болѣе прочности сооруженію, а съ другой имѣть болѣе мѣста для башенъ и машинъ. Въ то же время военные строители получили приказъ соорудить новыя машины, какъ для постройки плотины, такъ и для штурма крѣпкихъ стѣнъ города. Самъ Александръ во время этихъ подготовительныхъ работъ отправился съ гипаспистами и агріанами въ Сидонъ, чтобы собрать тамъ флотъ, съ которымъ онъ могъ бы одновременно блокировать Тиръ и со стороны моря. Какъ разъ теперь—должно быть, это было около начала весны—корабли Арада, Библа и Сидона возвратились изъ греческихъ водъ, гдѣ они при извѣстіи о битвѣ при Иссъ отдѣлились отъ флота Автофрадата и двинулись въ обратный путь, лишь только позволило время года; тутъ было около восьмидесяти кораблей, предводимыхъ Геростратомъ арадскимъ и Эниломъ библосскимъ; городъ Родосъ, незадолго передъ тѣмъ перешедшій на сторону Александра, тоже прислалъ десять кораблей; затѣмъ въ гавань Сидона прибылъ также прекрасный флотъ кипрскихъ царей, состоявшій изъ ста двадцати кораблей ⁶⁷⁾; кромѣ того, здѣсь было еще нѣсколько кораблей изъ Ликии и Киликии и даже одинъ македонскій корабль, которымъ командовалъ племянникъ чернаго Клита, Протея, отличившійся своимъ нечаяннымъ нападеніемъ при Сифѣ, такъ что морскія силы Александра достигали 250 кораблей ⁶⁸⁾, въ числѣ которыхъ были также тетриры и пентиры.

Пока флотъ окончательно вооружался и доканчивалась постройка машинъ, Александръ предпринялъ набѣгъ на арабскія племена Антиливана, покореніе которыхъ было тѣмъ болѣе важно, что они господствовали надъ дорогами, ведущими изъ долины Оронта къ морскому берегу, и изъ своихъ крѣпкихъ горныхъ ауловъ могли нападать на шедшіе изъ Халива и Дамаска караваны. Сопровождаемый нѣсколькими эскадронами конницы, гипаспистами, агріанами и стрѣлками, царь прошелъ по прекраснымъ долинамъ горъ Ливана; нѣсколько арабскихъ укрѣпленій было взято приступомъ, другія сдались добровольно и всѣ арабы признали верховенство македонскаго царя, который черезъ одиннадцать дней уже снова возвратился въ Сидонъ ⁶⁹⁾, куда незадолго передъ тѣмъ весьма кстати прибыло четыре тысячи греческихъ наемниковъ, на вербованныхъ Клеандромъ. Приготовленія къ рѣшительной осадѣ могущественнаго Тира такъ далеко подвинулись впередъ, что Александръ, усиливъ экипажъ своихъ кораблей гипаспистами, чтобы имѣть рѣшительный перевѣсъ надъ тирійцами въ открытомъ морскомъ бою и въ особенности при abordажѣ, могъ выйти въ море изъ рейда Сидона. Стройной боевой линіей онъ поплылъ къ Тиру, имѣя на лѣвомъ крылѣ Кратера и Пниагору, а самъ съ остальными кипрскими и финикійскими царями занимая правое крыло; онъ думалъ сейчасъ же дать сраженіе, если это окажется возможнымъ, и вытѣснить съ моря тирійскій флотъ, а затѣмъ штурмомъ или блокадой принудить городъ къ сдачѣ.

Въ городѣ было двѣ гавани, обѣ на обращенной къ твердой землѣ сторонѣ острова, — сидонская правѣ плотины македонянь, а египетская, которая благодаря далеко выдающейся южной части острова лежить дальше отъ открытаго моря, лѣвѣ. Пока тирійцы еще не знали, что подѣ начальствомъ Александра находятся кипрскія и финикійскія эскадры, они намѣревались встрѣтить его и дать морское сраженіе; теперь они увидѣли на горизонтѣ появленіе длинной линии непріятельскаго флота, вступить въ бой съ которымъ ихъ корабли, вдвое болѣе слабые по количеству, не могли рѣшиться, тѣмъ менѣе, что они должны были защищать обѣ гавани отъ неожиданнаго нападенія, а это еще уменьшало число кораблей, которыми они могли располагать. Они ограничились тѣмъ, что заградили узкій входъ въ сѣверную гавань, открытую для перваго нападенія, сплошнымъ рядомъ тріеръ съ обращенными къ морю носами такимъ образомъ, что всякая попытка прорваться была невозможна. Александръ же, когда его эскадра достигла высоты Тира, приказалъ остановиться, чтобы подождать непріятельскаго флота для боя, и затѣмъ, когда на встрѣчу ему не выступило ни одного непріятельскаго корабля, быстро двинулся на веслахъ къ городу, надѣясь, быть можетъ, завладѣть гаванью съ помощью сильной атаки. Густой рядъ тріеръ при узкомъ входѣ въ гавань принудилъ его отказаться отъ этого плана; только три корабля, выдававшихся далѣе всѣхъ изъ гавани, были пробиты и затоплены; ихъ экипажъ спасся выплавъ на близкій берегъ.

Александръ велѣлъ флоту стать у берега недалеко отъ плотины, гдѣ онъ былъ защищенъ отъ вѣтра. На слѣдующій день онъ началъ блокаду города. Кипрскіе корабли подѣ командой адмирала Андромаха и своихъ собственныхъ царей загородили сѣверную гавань, а финикійскіе, при которыхъ онъ находился самъ, расположились передъ египетскою гаванью. Теперь необходимо было подвести машины на достаточно близкое разстояніе къ стѣнамъ для того, чтобы или пробить въ нихъ бреши или перекинуть на башни подъемные мосты. Для этой цѣли не только плотина была покрыта множествомъ машинъ, но таранами, катапультами и другими машинами были съ большимъ искусствомъ вооружены также и многочисленные грузовые корабли и всѣ тріеры, которыя не шли отдѣльно. Но противъ машинъ на плотинѣ стояла крѣпкая, сложенная изъ плитъ стѣна, высота которой, достигавшая полутораэта футовъ и увеличиваемая еще поставленными на бойницахъ деревянными башнями, дѣлала безвредными македонскія башни съ ихъ подъемными мостами. Приближавшіеся же справа и слѣва отъ плотины къ стѣнамъ корабли съ машинами еще издали встрѣчались градомъ стрѣлъ, камней и горящихъ головень; если же они все-таки плыли къ берегу острова, чтобы наконецъ пристать къ нему, то имъ приходилось убѣдиться, что доступъ къ нему невозможенъ благодаря множеству опущенныхъ въ воду камней. Они приступили къ извлеченію камней, но эту работу затрудняла качка кораблей, а зачастую она была и совсѣмъ невозможна, такъ какъ тирійскія суда, снабженныя защитными стѣнами, обрубали якорные канаты занятыхъ этою работою кораблей и

предоставляли ихъ такимъ образомъ на произволъ теченія и вѣтра. Александръ расположилъ передъ якорями такія же прикрытыя суда, чтобы охранять канаты; но тирійскіе водолазы подплывали подъ водой къ самымъ кораблямъ и перерѣзывали ихъ канаты, пока наконецъ якоря не были опущены на дно моря на желѣзныхъ цѣпяхъ. Теперь корабли могли работать безъ дальнѣйшей опасности; каменные глыбы были извлечены изъ фарватера около плотины, такъ что нѣскольکو кораблей съ машинами могло наконецъ приблизиться къ стѣнѣ. Войско было полно желаніемъ сразиться и ожесточеніемъ; тирійцы вывели на стѣны плѣнныхъ македонянъ, рѣзали ихъ тамъ—передъ самыми глазами ихъ товарищей въ лагерѣ—и бросали въ море.

Тирійцы не могли не видѣть, что опасность съ каждымъ днемъ увеличивается и что ихъ городъ погибъ безвозвратно, если они утратятъ свой перевѣсъ на морѣ. Они надѣялись на помощь Кароагена и ожидали, что по крайней мѣрѣ Кипріоты не будутъ биться противъ нихъ; изъ Кароагена прибылъ, наконецъ, священный корабль съ торжественнымъ посольствомъ, принеший извѣстіе, что метрополи не можетъ быть оказано никакой помощи. А они уже были почти заперты, такъ какъ передъ сѣверною гаванью стоялъ на якорѣ кипрскій флотъ, а передъ южною финикійскій, и они даже не могли соединить всего своего флота для общей атаки, казавшейся имъ теперь единственнымъ спасеніемъ. Съ тѣмъ большей осторожностью вооружили они въ сѣверной гавани, передъ которой были растянуты паруса, вполнѣ скрывавшіе все происходящее, эскадру изъ трехъ пентиръ, столькоихъ же тетриръ и семи тріэръ и посадили на нихъ отборныхъ матросовъ; для вылазки былъ назначенъ тихій полуденный часъ, когда самъ Александръ обыкновенно отдыхалъ на сушѣ въ своемъ шатрѣ, а экипажъ большинства кораблей тоже находился на берегу, чтобы запастись свѣжею водою и провіантомъ. Выйдя незамѣтно изъ гавани и приблизившись къ стоявшимъ на сѣверной сторонѣ и почти совершенно оставленнымъ безъ надзора кораблямъ кипрскихъ князей, тирійцы съ громкимъ боевымъ крикомъ бросились на нихъ, пробили и потопили при первой атакѣ пентиру Инитагоры, Андрокла амаэскаго и Пазикрата курійскаго, подогнали остальные суда къ берегу и принялись разрушать ихъ. Тѣмъ временемъ Александръ, который сегодня ранѣе обыкновеннаго возвратился къ своимъ кораблямъ на южной сторонѣ и весьма скоро замѣтилъ движеніе передъ гаванью по ту сторону города, скомандовалъ экипажу на бортъ, поспѣшно посадилъ экипажъ на свои корабли, приказалъ большей части послѣднихъ выстроиться передъ самой южной гаванью, чтобы предать вылазку тирійцевъ съ этой стороны, а затѣмъ съ пятью тріэрами и всѣми пентирами своей эскадры обогнулъ островъ и бросился навстрѣчу къ уже побѣдоносному тирійскому флоту. На городскихъ стѣнахъ было замѣчено приближеніе Александра; стоявшіе на стѣнахъ громкимъ крикомъ и всевозможными знаками старались указать на опасность уже занятымъ преслѣдованіемъ своимъ и заставить ихъ вернуться; среди непрерывнаго шума битвы они замѣтили это только тогда, когда непріятельская эскадра уже почти подошла къ нимъ; тирійскіе корабли быстро повернули обратно и съ величайшей

поспѣшностью начали грести къ гавани; ея достигли только немногіе; большая часть была затоплена или повреждена настолько, что сдѣлалась непригодной для дальнѣйшей морской службы; еще передъ самымъ входомъ въ гавань одна пентира и тетрира попали въ руки непріятеля, а экипажъ ихъ спасся вплавь.

Этотъ исходъ дня имѣлъ роковое значеніе для судьбы города; въ морѣ онъ потерялъ какъ бы гласисъ своей крѣпости. Тирійскіе корабли лежали теперь мертвыми въ обѣихъ гаваняхъ, которыя зорко охранялись отъ кораблей непріятеля и были съ тирійской стороны защищены отъ вторженія протянутыми цѣпами. Вмѣстѣ съ этимъ начался послѣдній актъ осады, которая, представляя собою постоянно возрастающее соревнованіе въ изобрѣтеніяхъ, механическихъ средствахъ и техническомъ искусствѣ съ обѣихъ сторонъ, превосходила все, что когда либо предпринималось варварами и греками въ этомъ родѣ. Если тирійцы, величайшіе техники и машиностроители тогдашняго міра, придумывали разныя чудеса для своей защиты, то инженеры Александра, въ томъ числѣ Діадъ и Херія изъ школы Поліида ⁷⁰⁾, были не менѣе изобрѣтательны, стремясь превзойти ихъ искусство. Теперь, когда царь въ своей плотинѣ имѣлъ твердый пунктъ для нападенія и, очистивъ дно моря и доставивъ своимъ машинамъ возможность подходить къ стѣнамъ, приобрѣлъ для своихъ кораблей довольно безопасную якорную стоянку, когда онъ вытѣснилъ съ моря морскія силы Тира и ему оставалось только взойти на стѣны города или пробить ихъ, только теперь началась для него самая трудная и опасная работа. Ярость тирійцевъ росла вмѣстѣ съ опасностью, ихъ фанатизмъ росъ вмѣстѣ съ приближеніемъ гибели.

Стѣны противъ плотины были слишкомъ высоки и толсты для того, чтобы ихъ можно было разбить или взойти на нихъ; почти такъ же мало сдѣлали машины на сѣверной сторонѣ; твердость скрѣпленныхъ цементамъ громадныхъ плитъ, повидимому, не уступала никакой силѣ. Съ тѣмъ большимъ упорствомъ преслѣдовалъ свой планъ Александръ; онъ поставилъ на южной сторонѣ города машины, которыя работали не переставая до тѣхъ поръ, пока стѣна, значительно поврежденная и пробитая, не обвалилась и не образовала брешь. Немедленно на нее были спущены подъемные мосты и сдѣлана попытка пойти на штурмъ. Завязался жаркій бой. Передъ яростью защитниковъ, передъ стрѣлами, передъ ѣдкими и раскаленными массами, которыя они метали, передъ рѣжущими и схватывающими машинами, которыя они пустили въ дѣло, македоняне должны были отступить; царь оставилъ эту слишкомъ маленькую брешь, которая скоро была заложена тирійцами.

Понятно, что увѣренность въ войскѣ начала колебаться. Тѣмъ не терпѣливѣе желалъ царь положить этому конецъ; эта первая брешь показала ему, гдѣ онъ долженъ приступить къ противившемуся городу; онъ ждалъ только тихой погоды, чтобы возобновить свою попытку. Черезъ три дня послѣ неудавшейся атаки—это было въ августѣ ⁷¹⁾—море было спокойно, небо ясно, горизонтъ безоблаченъ, — все было такъ, какъ этого требовалъ планъ царя. Онъ призвалъ предводителей назначенныхъ въ атаку войскъ и далъ имъ нужныя

инструкціи. Затѣмъ онъ отдалъ приказъ кораблямъ съ самыми большими машинами подступить съ юга къ стѣнѣ и начать работать, между тѣмъ какъ два другихъ корабля, одинъ съ гинаспистами Адмета, другой съ фалангитами Кина, стояли наготовѣ, чтобы при первой возможности приступить къ штурму; самъ онъ отправился съ гинаспистами; въ то же время онъ двинулъ въ море всѣ корабли, велѣлъ одной части тріаръ стать передъ гаванями, чтобы во время штурма постараться разорвать запиравшія гавани цѣпи и проникнуть въ ихъ бассейны; всѣ другіе корабли, имѣвшіе на борту стрѣлковъ, пращниковъ, баллисты, катапульты, тараны и тому подобныя машины, расположились кругомъ острова съ приказомъ или приставъ, гдѣ это будетъ возможно, или стать на якорь подъ стѣнами ближе, чѣмъ на разстояніе выстрѣла, и обстрѣливать со всѣхъ сторонъ тирійцевъ такъ, чтобы они, не зная, гдѣ опасность всего сплыве и гдѣ болѣе всего нужна защита, тѣмъ легче уступили штурму.

Машины начали работать, со всѣхъ сторонъ полетѣли въ башни стрѣлы и камни, городъ казался угрожаемымъ во всѣхъ пунктахъ, какъ вдругъ та часть стѣны, на которую обратилъ свои усилія Александръ, разрушилась и образовала значительную брешь. Немедленно оба корабля съ вооруженными заняли мѣсто кораблей съ машинами, были спущены подъемные мосты и гинасписты бросились по мостамъ; Адметъ былъ первымъ на стѣнѣ, первымъ, который налъ; воспламененные смертию своего вождя, на глазахъ царя, который уже слѣдовалъ за ними съ агемой, бросились въ атаку гинасписты; скоро тирійцы были вытѣснены изъ бреши, скоро была взята одна башня, затѣмъ другая, стѣна была занята и былъ очищенъ ходъ по валу къ царскому замку, который царь приказалъ взять, потому что оттуда легче было спуститься въ городъ.

Тѣмъ временемъ корабли Сидона, Вибла и Арада проникли въ южную гавань, цѣпныя загражденія которой они прорвали, и частью затопили, частью загнали на берегъ стоявшіе тамъ корабли; кипрскіе корабли вошли въ сѣверную гавань и уже заняли бастіонъ и ближайшіе пункты города. Тирійцы вездѣ отступили и собрались передъ Агеноріемъ, рѣшившись тамъ защищаться. Тогда на эти послѣднія стройныя кучки тирійцевъ бросились съ царскаго замка царь съ гинаспистами, а со стороны гавани Кинъ съ фалангитами; послѣ короткаго, но крайне кровопролитнаго боя и эти тирійцы были побѣждены и изрублены. Восемь тысячъ тирійцевъ нашли себѣ смерть. Остальные жители, которымъ не удалось спастись, около тридцати тысячъ человѣкъ, были проданы въ рабство. Тѣмъ, которые спаслись въ храмъ Иракла, особенно царю Аземлику, первому должностному лицу города и кареагенскимъ посламъ Александръ даровалъ помилованіе ⁷²⁾.

Возможно, что сидоняне и другіе финикіянне скрыли и спасли на своихъ корабляхъ многія тысячи своихъ тирійскихъ земляковъ; не менѣе возможно, что часть прежняго населенія осталась въ городѣ или собралась туда снова ⁷³⁾. Городъ, съ его превосходною гаванью, едва ли не лучшею станціею для флота на всемъ спрійскомъ берегу, Александръ имѣлъ всѣ основанія сохранить и поддержать для того,

чтобы обезпечить за собою господствующую позицію въ этихъ водахъ—среди другихъ приморскихъ городовъ, которые хотя и признали главенство Македоніи, однакожь сохранили своихъ царей и свои флоты. Но древнему общинному устройству города и, какъ кажется, царской власти въ немъ пришелъ конецъ ⁷⁴⁾. Тиръ сдѣлался сборнымъ пунктомъ македонскихъ войскъ на этомъ берегу и, какъ мы можемъ заключить, одною изъ постоянныхъ станцій флота ⁷⁵⁾.

Александръ отпраздновалъ свою побѣду тѣмъ, что принесъ жертву Ираклу, въ которой ему отказали тирійцы, въ Ираклеѣ города на островѣ, въ присутствіи своего войска въ полномъ боевомъ вооруженіи, между тѣмъ какъ весь флотъ, разукрашенный по праздничному, проплылъ на высотѣ острова; среди агона и бѣга съ факелами машина, разрушившая стѣну, была провезена по городу и выставлена въ храмѣ Иракла, а тирійскій корабль Иракла, уже раньше попавшій въ руки Александра, былъ посвященъ богу.

Вѣсть объ этихъ событіяхъ въ Тирѣ должна была произвести громадное впечатлѣніе; подобно дню при Исѣ, она должна была дать почувствовать востоку, а еще болѣе приморскимъ страпамъ запада до Иракловыхъ столбовъ непреодолимую мощь этого македонскаго царя воина. Могущественный городъ на островѣ, гордый флотъ, торговля, богатство этого всемірно-знаменитаго города—исчезли; ахилловъ гнѣвъ побѣдителя сокрушилъ ихъ ⁷⁶⁾.

Онъ долженъ былъ ожидать новаго сопротивленія въ южной Сиріи. Изъ Тира онъ предложилъ покориться іудеямъ съ ихъ первосвященникомъ Іаддуемъ; подъ тѣмъ предлогомъ, что они обязаны присягой на подданство персидскому царю, они отказали въ подвозѣ съѣстныхъ припасовъ и исполненіи другихъ повинностей, потребованныхъ Александромъ; Санваллатъ же, назначенный дворомъ въ Сузѣ сатрапомъ Самаріи, принялъ сторону побѣдителя. Болѣе заботъ возбуждала пограничная крѣпость Газы; она была самымъ важнымъ городомъ палестинской Сиріи и лежала на торговой дорогѣ отъ Краснаго моря къ Тиру и отъ Дамаска къ Египту, служила пограничною крѣпостью противъ часто возмущавшейся египетской сатрапіи и всегда была для персидскихъ царей предметомъ особеннаго вниманія; теперь она была поручена Даріемъ одному изъ его вѣрнѣйшихъ слугъ, евнуху Ватису ⁷⁷⁾, который имѣлъ дерзость думать, что положить предѣлъ побѣдоносному наступленію непріятели. Онъ усилилъ значительный гарнизонъ города вербовками у арабскихъ племенъ, жившихъ къ югу отъ Газы до самаго берега моря, и заготовилъ припасы для продолжительной осады, убѣжденный, что если ему теперь удастся задержать непріятели, то съ одной стороны богатая египетская сатрапія не выйдетъ изъ повиновенія, а съ другой—персидскій царь выпраетъ время, чтобы докончить свои новыя вооруженія въ верхней Азіи, спуститься въ нижнія сатрапіи и прогнать обратно за Тавръ, Галисъ и Геллеспонтъ дерзкаго македонянина. Продолжительное сопротивленіе, оказанное Тиромъ, увеличивало смѣлость евнуха, тѣмъ болѣе, что флотъ, которому Александръ былъ обязанъ окончательнымъ взятіемъ этого лежавшаго на островѣ города, не могъ быть примѣненъ къ дѣлу передъ Газой; городъ лежалъ въ полумилѣ отъ берега, ко-

упали въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ своей собственной тяжести, а въ другихъ отъ ударовъ стоявшихъ на насыпяхъ осадныхъ тарановъ. Эти поврежденные мѣста начали штурмовать; когда нападеніе было отбито, его повторили въ другой и въ третій разъ; наконецъ, при четвертомъ штурмѣ, когда фаланги наступали со всѣхъ сторонъ, когда постоянно обваливались новыя части стѣны и машины дѣйствовали все ужаснѣе, когда храбрые арабы насчитывали уже столько убитыхъ и раненыхъ, что не могли во всѣхъ пунктахъ продолжать оказывать должное сопротивленіе, — гипаспистамъ удалось приставить къ брешамъ штурмовыя лѣстницы, проникнуть въ городъ по обломкамъ развалившейся стѣны, отворить ворота и открыть доступъ въ городъ ~~и~~ ему войску. На улицахъ города завязалась еще болѣе яростная борьба; храбрые жители Газы защищали свои позиціи на жизни и смерть; страшное кровопролитіе окончило этотъ жаркій день; пало, какъ говорятъ, около десяти тысячъ варваровъ; ихъ жены и дѣти были проданы въ рабство. Въ руки побѣдителя попала богатая добыча, состоявшая главнымъ образомъ изъ арабскихъ пряностей, складочнымъ пунктомъ которыхъ была Газа. Александръ перевелъ въ городъ населеніе филлистимскихъ и арабскихъ мѣстечекъ; постоянный гарнизонъ превратилъ ее въ военный сборный пунктъ ⁷⁹⁾, бывший оди-наково важнымъ для Сиріи и для Египта ⁸⁰⁾.

По іудейскимъ преданіямъ, послѣ паденія Газы Александръ предпринялъ походъ въ предѣлы іудейской и самаритянской земли; вблизи Іерусалима, — такъ рассказываютъ они, — вышли ему навстрѣчу первосвященникъ съ левитами и множествомъ народа въ праздничномъ облаченіи и привѣтствовали его какъ того, о которомъ написано въ ихъ священныхъ книгахъ, что онъ сломитъ владычество персовъ; царь отнесся къ нимъ съ полной благосклонностью, оставилъ имъ ихъ законы, на каждый седьмой годъ даровалъ имъ свободу отъ податей, и принесъ также, подъ руководствомъ первосвященника, торжественную жертву въ храмъ Іеговы. Существоютъ еще и другіе, противорѣчащіе этому, рассказы ⁸¹⁾.

Читатель позволить намъ еще нѣкоторое время остановиться на сирійскихъ земляхъ. Скудные обрывки древнихъ преданій о новой организаціи управленія этихъ областей, которыя мы могли бы привести, не даютъ намъ ни малѣйшей возможности составить себѣ объ ней ясное представленіе и не позволяютъ даже угадать, было ли здѣсь поступлено такимъ же образомъ и по той же схемѣ, какъ въ сатрапіяхъ Малой Азіи.

Нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ даютъ намъ монеты. Серебряныя деньги Малой Азіи до Тавра, выбитыя, какъ мы видѣли, съ извѣстнымъ чеканомъ Александра, всѣ принадлежали къ позднѣйшимъ классамъ монетъ Александра, — къ тѣмъ, которыя чеканились во время діадховъ и послѣ; мы можемъ еще доказать, что во время Александра и пока его царство формально еще существовало (до 306 года), нѣкоторые изъ этихъ городовъ чеканили свою собственную монету; отсюда мы можемъ вывести заключеніе, что греческіе города Малой Азіи, равно какъ и города Ликійскаго союза, были провозглашены Александромъ свободными, стоявшими съ нимъ въ союзѣ государствами, и что эта

государственная независимость позволяла имъ такъ же полновластно пользоваться своимъ монетнымъ правомъ, какъ это дѣлали Аѳины, Аргосъ и другія государства коринѣскаго союза. По ту сторону Тавра картина мѣняется; многочисленныя сохранившіяся серебряныя монеты киликійскихъ городовъ съ чеканомъ Александра всѣ принадлежатъ къ болѣе старымъ классамъ; таковы же монеты Комагены, Дамаска, Арада, Сидона, Аки и Аскалона ⁸²⁾; притомъ здѣсь въ надписи Александръ почти всегда называется царемъ, что обыкновенно не встрѣчается на принадлежащихъ къ тому же времени монетахъ Македоніи, Фракіи и Фессаліи.

Стало быть, въ Киликіи, Сиріи, Келесиріи и Финикіи Александръ оставляетъ городамъ ихъ общинное устройство, но города эти не дѣлаются автономными государствами, подобно греческимъ городамъ Малой Азіи; ихъ монеты показываютъ, что они чеканятъ монету или по порученію царя и подъ своей отвѣтственностью, или что они имѣютъ право чеканить только царскія деньги въ предѣлахъ введенной Александромъ монетной системы и по ея типу.

Мы должны прибавить еще слѣдующее. Въ 1863 году при перекопкѣ одного сада вблизи Сидона былъ найденъ кладъ въ 3000 золотыхъ монетъ, который не разошелся по разнымъ мѣстамъ, подобно находкамъ 1829 и 1852 года, но значительная часть его могла быть изслѣдована и опредѣлена специалистами. Между описаннымъ такимъ образомъ 1531 статиромъ особенно многочисленны были статиры Аки, Сидона и Арада; было нѣсколько киликійскихъ монетъ; довольно много городовъ Македоніи, Фракіи и Фессаліи было представлено однимъ или нѣсколькими типами; монеты изъ Греціи почти совершенно отсутствовали, изъ Малой Азіи были монеты Коса, Клазоменъ (?), Пергама и Родоса съ ихъ собственнымъ чеканомъ, точно также были найдены монеты царя Пинтагора съ кипрскаго Саламина. «Эти монеты», говоритъ одинъ изъ отчетовъ, «почти всѣ были новыя; большая часть ихъ, особенно отчеканенныя въ Сидонѣ, были еще грубы, такъ что казались только что вышедшими изъ-подъ станка». Тотъ фактъ, что среди этихъ монетъ не было найдено ни одной монеты діадоховъ, принявшихъ въ 306 году царскій титулъ, а также и то обстоятельство, что три монеты Аки были помѣчены 23 и 24 годами, позволило съ достовѣрностью заключить, что этотъ кладъ былъ закопанъ до 306 года и вскорѣ послѣ 310,—слѣдовательно, въ такое время, когда монархія Александра и созданное имъ государственное управленіе формально еще продолжали существовать ⁸³⁾.

Весьма замѣчательно, что среди этого множества золотыхъ монетъ не нашлось ни одной монеты Тира; это можетъ быть и простымъ случаемъ, хотя мы имѣемъ также право предположить, что въ первое время по завоеваніи города его политическія права были ограничены, чѣмъ права другихъ финикійскихъ городовъ. Особенный интересъ представляютъ цифры годовъ на монетахъ Аки; соотвѣтствующія цифры, отъ 21 до 76, встрѣчаются на извѣстныхъ другимъ путемъ монетахъ Арада; въ исторіи діадоховъ намъ придется говорить о томъ, что Арадъ въ 258 году получилъ отъ

Селевкидовъ полную независимость и вмѣстѣ съ этимъ началъ новую эру; слѣдовательно, Арабъ, какъ и Ака, начали раньше другую эру по освобожденіи отъ персидскаго ига, и можно только колебаться между тѣмъ, вели ли они ее отъ побѣды при Граникѣ, или отъ побѣды при Иссъ.

Хотя изъ монетъ не видно, чтобы и другіе города ввели это лѣточисленіе, — по для указанныхъ двухъ городовъ послѣдняя побѣда Александра, очевидно, считалась освобожденіемъ и началомъ новой эры.

Сопротивленіе Тира, и нотомъ Газы на довольно долгое время задержало походъ царя въ Египетъ ⁸⁴); только теперь, годъ спустя послѣ битвы при Иссъ, около начала декабря 332 года, онъ выступилъ въ походъ изъ подъ Газы. Теперь предстояло взять послѣднюю провинцію персидскаго царя на Средиземномъ морѣ, которая, если бы она была вѣрна или находилась бы въ вѣрныхъ рукахъ, благодаря своимъ благопріятнымъ мѣстнымъ условіямъ могла бы оказать продолжительное сопротивленіе. Но какъ могъ египетскій народъ чувствовать готовность биться за дѣло царя, къ которому онъ былъ привязанъ только цѣлями безсильной и потому вдвое болѣе ненавистной власти? Кромѣ того, натура египтянъ была болѣе склонна къ покою, чѣмъ къ битвѣ; въ ней было болѣе терпѣнія и трудолюбія, чѣмъ ума и силы; и если не смотря на это въ теченіи двухъ сотъ лѣтъ ихъ подданства не разъ бывали попытки сбросить съ себя чужеземное господство, то народъ въ цѣломъ принималъ въ нихъ тѣмъ менѣе участія, что со времени выселенія туземной касты воиновъ онъ привыкъ видѣть, что за Египетъ бьются чужіе, особенно греческіе наемники, и что въ походъ съ ними выступаетъ въ видѣ безпорядочной толпы или въ качествѣ насильщиковъ не болѣе нѣсколькихъ тысячъ туземцевъ. Вообще тогдашнее состояніе Египта было состояніемъ полиѣйшаго застоя; всѣ внутреннія отношенія, остатки давно погибшаго времени фараоновъ, стояли въ самомъ очевидномъ противорѣчьи съ каждой изъ историческихъ перемѣнъ, которыхъ такъ много испытала эта страна со времени паденія царской власти жрецовъ; попытки царей Салса оживить свой народъ торговлей и сношеніями съ другими народами должны были только еще больше запутать и испортить туземный характеръ; хотя персидскому престолу, которому онѣ подпали, и приходилось вести борьбу съ глухимъ, постоянно возрастающимъ отвращеніемъ къ нечистымъ чужеземцамъ и съ неоднократными возстаніями тѣхъ, которые хвалились своей кровью фараоновъ, но до подъема по собственной инициативѣ и до самостоятельнаго движенія Египетъ болѣе не дошелъ; погруженные въ самихъ себя, застывшіе въ своей африканской нетерпимости и жадѣ наслажденій, обремененные всеми дурными сторонами и всемъ суевѣріемъ кастоваго устройства, отъ котораго время оставило только мертвую форму, при всемъ томъ скорѣе угнетаемые чѣмъ поощряемые къ живой дѣятельности чрезмѣрнымъ плодородіемъ своей страны, которому не придавала въ ихъ глазахъ цѣны и привлекательности никакая свобода вѣшнихъ сношеній, египтяне болѣе чѣмъ какой-либо другой народъ нуждались въ возрожденіи, въ новомъ и освѣжающемъ процессѣ броженія, какой могъ принести съ собой эпергичный духъ грека и его господство.

Уже при приближеніи Александра къ Египту онъ былъ потерянь для персидскаго царя; его сатрапъ Мазахъ, смѣнившій павшаго при Иссъ Сабака, изъ ревности или плохо понятаго усердія, вмѣсто того, что бы напать для защиты страны высадившихся на берегъ подъ командой Аминты греческихъ наемниковъ, приказалъ перебить ихъ; теперь, послѣ паденія Тира и Газы, когда непріятельская оккупация, простиравшаяся до ограбскихъ племенъ пустыни, совершенно отрѣзала Египетъ отъ верхней Персіи и когда прибывшій изъ-подъ Тира флотъ уже стоялъ передъ Пелузіемъ, сатрапу и окружавшимъ его немногимъ персамъ, конечно, ничего другого не оставалось, какъ покориться возможно скорѣе.

Такимъ образомъ, когда Александръ послѣ семидневнаго перехода изъ Газы вступилъ въ Пелузію, Мазахъ безъ дальнѣйшихъ колебаній отдалъ въ его руки Египетъ. Пославъ свой флотъ по пелузійскому рукаву Нила вверхъ по рѣкѣ, самъ царь направился черезъ Геліополь въ Мемфисъ, чтобы тамъ снова встрѣтиться съ нимъ. Всѣ города, къ которымъ онъ приходилъ, сдавались безъ колебанія; безъ малѣйшихъ преніятей занялъ онъ Мемфисъ, обширную столицу земли Нила, покореніе которой было этимъ завершено.

Онъ хотѣлъ большаго, чѣмъ такое покореніе; народы, къ которымъ онъ приходилъ, должны были понять, что онъ приходитъ освобождать и ободрять, что онъ чтитъ то, что для нихъ свято, и сохраняетъ то, чего требуютъ ихъ мѣстные обычаи. Ничто не оскорбило египтянъ такъ глубоко, какъ то, что царь Охъ закололъ ихъ священнаго быка въ Мемфисѣ; какъ другимъ богамъ египтянъ, такъ и Анису Александръ припесъ жертву въ храмѣ Фта въ Мемфисѣ⁸⁵); онъ приказалъ греческимъ художникамъ устроить тамъ музическія и гимническія игры въ знакъ того, что отнынѣ чуждое будетъ здѣсь роднымъ, а туземное будетъ въ почетѣ и у чужеземцевъ. Уваженіе, съ которымъ онъ отнесся къ египетскимъ жрецамъ, должно было тѣмъ болѣе склонить къ нему эту касту, чѣмъ глубже они были унижены фанатической нетерпимостью персидскихъ чужеземцевъ.

Занятіемъ Египта Александръ довершилъ завоеваніе береговъ Средиземнаго моря, находившихся подъ персидскимъ господствомъ. Самая смѣлая мысль политики Перикла, видѣвшая въ освобожденіи Египта основу и залогъ продолжительности морского и торговаго господства Аѳинъ, была не только осуществлена на дѣлѣ, но и далеко превзойдена; восточный бассейнъ Средиземнаго моря былъ пріобрѣтенъ для греческаго міра, а господство надъ Египтомъ открывало ему также и лежавшую близко морскую гавань, откуда вели морскія пути въ Эіопію и страну чудесъ Индію. Обладаніе Египтомъ открывало громадныя перспективы.

Первыя дѣйствія Александра при его выступленіи изъ Мемфиса показали, какъ онъ понималъ эти перспективы и какъ онъ думалъ ихъ осуществить.

Въ Пелузіи, въ восточномъ углу дельты, онъ оставилъ сильный гарнизонъ; отсюда слѣдующей весной долженъ былъ начаться походъ въ глубину Азіи. Сопровождаемый гипасистами, агемой македонской конницы, агріанами и стрѣлками, онъ спустился изъ Мемфиса по запад-

лону рукаву Нила въ Канопъ, и направился оттуда вдоль морского берега въ Ракотисъ, старый пограничный постъ Ливіи. Это мѣстечко лежало на низменности въ восемь миль длиною, которая отдѣляла отъ моря воды Мареотидскаго залива, а въ морѣ, въ семи стадіяхъ отъ берега, лежалъ островъ Фаръ, извѣстный пріютъ тюленей гомеровыхъ ибсеи. Царь понялъ, какія громадныя удобства представилъ берегъ между Мареотидой и моремъ для основанія города, а заливъ для устройства обширной и защищенной отъ всякаго вѣтра гавани.

Онъ самъ, какъ рассказываютъ, хотѣлъ тотчасъ же начертить своему архитектору Дипократу планъ города, улицы и рынки, положеніе храмовъ греческихъ боговъ и египетской Изиды; такъ какъ подъ руками въ эту минуту не было ничего другого, то онъ приказалъ своимъ македонянамъ насыпать на землю муки и провести линіи плана, на который со всѣхъ сторонъ палетѣло ѣсть муку несчетное множество птицъ, — знаменіе, которое мудрый Аристандръ истолковалъ какъ будущее благосостояніе и обширную торговлю города. Извѣстно, какимъ необыкновеннымъ образомъ оправдалось это предсказаніе и мысль паря; населеніе города росло съ поразительной быстротою, его торговля скоро связала западный міръ со вновь открытой Индіей, онъ сдѣлался центромъ греческой жизни слѣдующихъ столѣтій, пріютомъ стекавшейся съ востока и запада міровой образованности и литературы, самымъ славнымъ и прочимъ памятникомъ своего великаго основателя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПЕРСИДСКІЯ ВООРУЖЕНІЯ.—ПОХОДЪ АЛЕКСАНДРА ВЪ СІРІЮ, ЧЕРЕЗЪ ЭВФРАТЪ, И НА ТИГРЪ.—БИТВА ПРИ ГАВГАМЕДѢ.—ПОХОДЪ НА ВАВИЛОНЪ.—ЗАНЯТІЕ СУЗЫ.—ПОХОДЪ НА ПЕРСЕПОЛЬ.

Гордое право побѣды есть всегда побѣда высшаго права, — права, которое даетъ болѣе сильная энергія, болѣе высокое развитіе и движущая сила новой и богатой будущностью мысли. Въ такихъ побѣдахъ совершается критика того, что прежде существовало и было терпимо, но не вело впередъ, что казалось могущественнымъ и увѣреннымъ въ себѣ, но внутри было больнымъ и расшатаннымъ. Ни обычай, ни право наслѣдія, ни миролюбіе, ни добродѣтель, ни какія бы то ни было личныя заслуги не защитятъ тогда отъ подавляющей силы того, кому досталась на долю судьба историческаго величія. Побѣждая, пока онъ находитъ случай отваживаться, биться и побѣждать, онъ, еще разрушая, начинаетъ ужъ созидать, и создаетъ такимъ образомъ новый міръ, но изъ обломковъ, на развалинахъ разрушеннаго имъ. То, что онъ побѣдилъ и сломилъ, переживаетъ его въ его созданіи.

Относящіяся къ исторіи Александра преданія болѣе или менѣе пред-

намѣренно выставляють на видъ противоположность между имъ и Даріемъ, между героемъ дѣла и героемъ страданія. Они изображаютъ Дарія кроткимъ, благороднымъ, вѣрнымъ, образцомъ почтенія къ своей матери, любви и пѣжности къ своей супругѣ и дѣтямъ, высоко уважаемымъ персами за свою справедливость, свою рыцарственную храбрость и за свой царственный образъ мыслей. Возможно, что въ спокойныя времена онъ былъ бы такимъ царемъ, какого рѣдко впадѣли престолы Азіи; но уже увлекаемый потокомъ событій, противъ котораго, можетъ быть, удалось бы устоять Камбизу или Оху, онъ, что бы еще спасти себя и свое царство, ухватился за недостойные и предательскіе планы, не достигнувъ ими ничего больше, кромѣ тяжелаго сознанія, что онъ уже не чистъ отъ всякой вины передъ тѣмъ, противъ кого онъ напрасно боролся. И по мѣрѣ увеличенія опасности увеличивались замѣшательство, непоследовательность и несправедливость во всемъ, что онъ дѣлалъ или задумывалъ; все мрачнѣе становились будущность персидскаго царства и его правое дѣло; уже ворота въ Азію были сломаны, уже богатые приморскія сатрапіи были добычей побѣдителя, уже основы могущества Ахеменидовъ были потрясены. И если, быть можетъ, самъ персидскій царь при кротости своего характера охотно бы забылъ объ утраченномъ и принесъ бы миру еще большія жертвы, то ему, котораго мысли, повидимому, были болѣе обращены къ жепѣ и дѣтямъ, чѣмъ къ трону и царству, всю громадность его паденія должна была дать почувствовать величайшая мѣра скорби, какая только существовала для него.

Этотъ мотивъ сказанныя преданія рисуютъ самыми живыми красками. Они выдвигаютъ на видъ, что мать персидскаго царя, Сизигамба, его дѣти, его супруга Статира, красивѣйшая изъ женщинъ Азіи, еще болѣе дорогая для него потому, что она носитъ подъ сердцемъ дитя, находятся въ плѣну у Александра. За этихъ плѣнныхъ Дарій предлагаетъ непріятелю половину своего царства и громаднаго сокровища, но гордый врагъ требуетъ покорности или новаго боя. Затѣмъ къ Дарію является Тирей, слуга плѣнной царицы, который бѣжалъ изъ лагеря непріятеля, и приносить ему печальную вѣсть, что царица умерла въ родахъ. Дарій бьетъ себя въ лобъ, громко оплакивая то, что Статира умерла, что царицѣ персовъ не пришлось даже удостоиться почетныхъ похоронъ. Евнухъ утѣшаетъ его: ни при жизни, ни по смерти по отношенію къ ней македонскій царь не забылъ, что она супруга царя, до послѣдняго дня онъ окружалъ величайшимъ почетомъ ее, мать и дѣтей; тѣло царицы онъ приказалъ похоронить со всею пышностью по персидскому обряду и почтилъ память ея слезами. Пораженный Дарій спрашиваетъ, осталась ли она чиста и вѣрна ему, не припудилъ ли ее Александръ противъ воли принадлежать ему. Тогда вѣрный евнухъ бросается къ его ногамъ, закликаетъ его не оскорблять памяти его благородной госпожи и не отнимать у себя въ своемъ безконечномъ несчастіи послѣдняго утѣшенія, того, что онъ побѣжденъ врагомъ, который кажется высшимъ существомъ, а не смертнымъ человекомъ; онъ съ самыми страшными клятвами увѣряетъ его, что Статира умерла вѣрной и чистой, что добродѣтель Александра такъ же велика, какъ его отвага. Дарій

поднимаетъ руки къ небу и молить боговъ: «даруйте мнѣ сохранить и возстановить мое царство, чтобы я какъ побѣдитель могъ отплатить Александру за то, что онъ сдѣлалъ для моихъ; если же мнѣ не суждено быть долѣе господиномъ Азіи, то отдайте тіару великаго Кира никому иному, какъ ему» ¹⁾).

Уже приказъ персидскаго царя о вооруженіи былъ посланъ во всѣ сатрапіи государства, захваченныя непріятелемъ области котораго были хотя и велики, но незначительны въ сравненіи съ цѣлымъ. Всѣ Иранъ, Аріана, Бактрія, всѣ земли до источниковъ Эвфрата были еще неприкосновенны; то были самые храбрые и вѣрные народы Азіи, которые ждали только приказа царя, чтобы выступить въ походъ; что значили Египетъ, Сирія и Малая Азія въ сравненіи съ громаднымъ пространствомъ земель отъ Тавра до Инда, отъ Эвфрата до Яксарта; что значила потеря всегда ненадежныхъ приморскихъ народовъ въ сравненіи съ вѣрными мидянами и персами, въ сравненіи съ полчищами конницы бактрійской равнины и съ храбрыми горными народами каспійскихъ и курдскихъ горъ? Не были ли со временъ перваго Дарія потеряныя теперь приморскія области и стремленіе къ морскому господству, которое они дѣлали необходимою, почти единственною причиною, которая принесла опасность и несчастіе царству Кира, которая на собственную гибель впутала персовъ въ вѣчныя распри съ эллинами? Теперь предстояло спасать глубь Востока, защищать господствующую надъ Азіей высокую твердыню Ирана; теперь царь царей призывалъ вельможъ своего племени биться во главѣ своихъ народовъ за славу и господство Персіи; имъ однимъ вручалъ онъ свою судьбу; греческіе наемники, греческіе полководцы и македонскіе бѣглецы не должны были возбуждать ревности и недовѣрія своихъ; немногія тысячи чужеземцевъ, бѣжавшихъ вмѣстѣ съ нимъ подъ Иссомъ, соединило съ сынами Азіи общее несчастіе; передъ горными цѣпами Ирана войско Европы должно было встрѣтить настоящее азіатское войско.

Сборнымъ пунктомъ этого громаднаго народнаго ополченія была назначена равнина Вавилона. Сатрапъ Бактріи, Бессъ, привелъ изъ дальней Азіи бактровъ, согдіанцевъ и воинственные индійскіе народы съ плоскогорья индійскаго Кавказа; къ нему примкнули туркестанскій конный народъ Саковъ съ Мавакомъ во главѣ и Дахи изъ степей Аральскаго моря. Народы Арахозіи и Дрангіаны и индійскіе жители горъ Паравети явились со своимъ сатрапомъ Барзаентомъ, ихъ западные сосѣди изъ Арейи съ сатрапомъ Сатибарзаномъ, а полчища персидскихъ, гирканскихъ и тапурійскихъ всадниковъ Хорасана съ Фратаферномъ и его сыновьями. Затѣмъ шли мидяне, прежніе повелители Азіи, сатрапъ которыхъ Атропатъ въ то же время предводительствовалъ надъ кадузіями, саказенами и албанцами долинъ Куры, Аракса и озера Урмен. Съ юга, съ береговъ Персидскаго залива, прибыли народы Гедрозіи и Карменіи, предводимые Оконтобатомъ и Аріобарзаномъ, сыномъ Артабаза, и персы, предводимые Орксиномъ, принадлежавшимъ къ роду семи князей. Сузіанцевъ и Уксіевъ велъ Оксаоръ, сынъ сатрапа Сузіаны, Абулита; войска Вавилона собрались подъ командой Булала, войска Арменіи явились

подъ предводительствомъ Оронта и Мпѣравста, войска Сиріи по сю и по ту сторону Эвфрата подъ предводительствомъ Мазея; даже изъ кашпадокійской земли, которой походъ македонскаго войска коснулся только на западѣ, явились всадники, предводимые своимъ династомъ Аріарахомъ ²⁾).

Такимъ образомъ въ теченіе весны 331 года въ Вавилонѣ собралось войско персидскаго царя, состоявшее изъ приблизительно сорока тысячъ всадниковъ, многихъ сотенъ тысячъ пѣхотинцевъ, двухсотъ вооруженныхъ косами колесницъ и пятнадцати слоновъ, которые были приведены изъ Индіи. Разсказываютъ, что противъ обыкновенія, царь позаботился о вооруженіи этого войска, особенно всадниковъ ³⁾). Прежде всего нужно было составить планъ войны; который доставилъ бы персидскому войску возможность дѣйствовать всей тяжестью своихъ массъ и всей силой своей громадной конницы.

Низину, тянущуюся у подножья хребта иранскихъ горъ, прорѣзываютъ въ діагональномъ направленіи двѣ рѣки, Эвфратъ и Тигръ; черезъ нихъ проходятъ дороги отъ береговъ Средиземнаго моря въ верхнюю Азію. Сама собою должна была явиться мысль встрѣтить врага на мѣстахъ переправы черезъ эти рѣки; благоразуміе требовало выставить главныя силы персидскаго царя за Тигромъ, такъ какъ съ одной стороны переходъ черезъ него труденъ, а съ другой—потерянное при Эвфратѣ сраженіе отбросило бы ихъ въ Арменію и они потеряли бы Вавилонъ, равно какъ и большія дороги въ Персиду и Мидію, тогда какъ позиція за Тигромъ прикрывала Вавилонъ, выигранное сраженіе отдавало врага въ жертву преслѣдованія на жизнь и смерть въ обширныхъ пустынныхъ равнинахъ Месопотаміи. а потерянное оставляло открытымъ отступленіе въ восточныя сатрапіи. Дарій ограничился тѣмъ, что послалъ впередъ нѣсколько тысячъ человекъ подъ начальствомъ Мазея, чтобы наблюдать за переправой черезъ рѣку; самъ онъ изъ Вавилона двинулся въ окрестности Арбелы, главнаго пункта на большой военной дорогѣ, которая ведетъ далѣе черезъ Ликъ къ большой равнинѣ Ниневіи, простирающейся на западъ до лѣваго берега быстрого Тигра и къ сѣверу до предгорій хребта Загра; здѣсь онъ хотѣлъ, когда подойдетъ Александръ, подступить къ берегу рѣки и лишить его всякой возможности переправиться.

Пока царь Дарій, готовый биться за восточную половину своего царства, стоялъ на ея порогѣ со всѣми боевыми силами, какія только она могла выдвинуть, на дальнемъ западѣ палъ послѣдній остатокъ персидскаго могущества.

Что могъ бы сдѣлать персидскій флотъ въ греческомъ морѣ, если бы онъ дѣйствовалъ своевременно и надлежащимъ образомъ, если бы онъ всѣми своими силами поддерживалъ начатое царемъ Агисомъ въ Пелопоннесѣ движеніе? Но коблущійся, лишенный плана и отваги, онъ лѣтомъ 333 года упустилъ моментъ рѣшительнаго нападенія; и все-таки, уже ослабленный отсылкой кораблей, которые повезли наемниковъ въ Триполь, даже послѣ сраженія при Иссъ и когда уже финикійскій берегъ былъ угрожаемъ врагами, онъ, вмѣсто того, чтобы спѣшить въ Финикію, поддержать сопротивленіе Тира

и не позволить распасться ненадежнымъ контингентамъ флота, остался въ этихъ западныхъ водахъ, имѣвшихъ смыслъ только для наступательной войны. Весною 332 года финикійскіе и кипрскіе корабли отплыли домой, а Фарнабазъ и Автофрадатъ остались въ эгейскомъ морѣ съ остаткомъ флота, уже столь незначительнымъ по силѣ, что они съ трудомъ, и то только благодаря помощи покровительствуемыхъ или посаженныхъ ими тиранновъ, могли удержать за собою обладаніе Тенедосомъ, Лесбосомъ, Хиосомъ и Косомъ ⁴⁾. Лишенные благоразумной и твердой политикой Антипатра всякаго вліянія въ остальной Элладѣ, они находились теперь въ непосредственныхъ сношеніяхъ только съ Агисомъ; но движеніе, которое послѣдній по соглашенію съ ними разсчитывалъ возбудить въ Пелопоннесѣ, благодаря постепенному распаденію флота тоже остановилось, только Критъ оный приказалъ занять своимъ братьямъ. Тѣмъ временемъ македонскій флотъ, предводимый павархами Игилохомъ и Амфотеромъ, приобѣлъ въ теченіи 332 года такой рѣшительный перевѣсъ въ греческихъ водахъ, что тенедосцы, смѣнившіе союзъ съ Александромъ на персидское иго только потому, что были вынуждены къ этому силой, первые открыли македонянамъ свои гавани и снова провозгласили прежній союзъ. Ихъ примѣру послѣдовали хиосцы, которые, лишь только на ихъ рейдѣ показался македонскій флотъ, возмущались противъ своихъ тиранновъ и персидскаго гарнизона и открыли ворота; персидскій адмиралъ Фарнабазъ, стоявшій тогда съ пятнадцатію тріерами въ гавани Хиоса, и тиранны острова очутились во власти македонянъ; и когда ночью передъ гаванью, которую онъ считалъ еще находящейся въ рукахъ персовъ, появился съ нѣсколькими кипрскими кораблями Аристоникъ, тирантъ Меонимы на Лесбосѣ, и пожелалъ войти въ нее, то македонская гаваньская стража впустила его, перебила экипажъ тріеры и доставила тиранна плѣнникомъ въ цитадель. Вліяніе персовъ и ихъ партія все болѣе и болѣе падали; уже Родосъ послалъ десять тріеръ въ македонскій флотъ передъ Тиромъ; теперь и жители Коса отреклись отъ персидскаго дѣла; и между тѣмъ какъ Амфотеръ съ шестьюдесятью кораблями отплылъ туда, Игилохъ съ остальнымъ флотомъ обратился къ Лесбосу. Туда явился съ 2000 наемниковъ Харить, которому годъ тому назадъ не удалась его попытка на Меонимѣ, занять Митилену и началъ разыгрывать начальника именемъ Дарія; старый аѳинскій воинъ и не думалъ рѣшиться на крупную игру, онъ сдалъ городъ съ правомъ свободно удалиться, отираившись со своими воинами на аѳинскій островъ Имбросъ, а потомъ на Тенаръ, обширный рынокъ наемниковъ ⁵⁾. Сдача Митилены придала также и другимъ городамъ острова духу быть свободными; они возобновили свое демократическое устройство. Затѣмъ Игилохъ поплылъ къ югу на Косъ, находившійся уже въ рукахъ Амфотера. Только Критъ былъ еще занятъ лакедемонянами; Амфотеръ взялъ на себя его покореніе и отплылъ туда съ частью флота ⁶⁾, а съ другой частью Игилохъ отправился въ Египетъ, чтобы самому привезти вѣсть объ исходѣ борьбы противъ морскихъ силъ Персін и вмѣстѣ съ тѣмъ сдать всѣхъ плѣнныхъ, за исключеніемъ Фарнабаза, который нашелъ случай

скрыться на островъ Косъ. Тиранповъ Александръ приказалъ отослать обратно для суда въ тѣ общины, которыя они угнетали; тѣ же, которые предали островъ Хиосъ Мемнону, были подъ сильнымъ конвоемъ отправлены въ ссылку на лежавшій на Нилѣ островъ Элефантину, самый южный пунктъ государства 7).

Такимъ образомъ къ концу 332 года былъ уничтоженъ послѣдній остатокъ персидскаго флота, который могъ бы тревожить тылъ македонскаго войска и прпятствовать его движеніямъ. Рядъ военныхъ пунктовъ, простиравшійся отъ аракійскаго Босфора вдоль береговъ Малой Азіи и Сиріи до вновь основанной Александрии, не только помогалъ окончательному закрѣпленію покоренныхъ земель, но и служилъ обширнымъ базисомъ для дальнѣйшихъ предпріятій на востокъ. Новый походъ долженъ былъ быть предпринятъ въ новый и чуждый міръ и въ среду народовъ, которымъ былъ чуждъ греческій духъ, непонятно свободное отношеніе македонянъ къ своему царю, для которыхъ царь былъ существомъ высшаго порядка. Какъ могъ Александръ не угадать, что народы, которыхъ онъ думалъ соединить въ одно царство, отнынѣ найдуть и должны будутъ признать свое единство только въ немъ. И если священный щитъ Иліона указывалъ въ немъ греческаго героя, если народы Малой Азіи признали въ разрѣшителѣ гордіева узла обѣщаннаго побѣдителя Азіи, если приписанной въ Тирѣ жертвой Ираклу и празднествомъ въ храмѣ Фта въ Мемфисѣ побѣдоносный чужеземецъ примирился съ побѣжденными народами и ихъ священными обычаями, то теперь въ глубину востока его должно было сопровождать болѣе тайное посвященіе и высшее обѣтованіе, по которому народы должны были узнать въ немъ царя царей, избраннаго свыше владыку востока и запада.

Въ обширной пустынѣ Ливіи, при вступленіи въ которую стоитъ высѣченное изъ вывѣтрившейся скалы изображеніе стоящаго на стражѣ сфинкса и полузасыпаннаго пескомъ пирамиды фараоновъ, въ этой безлюдной, безмолвной какъ могила пустынѣ, тянущейся къ западу отъ долины Нила на необозримое разстояніе и на летучихъ пескахъ которой палящій полуденный вѣтеръ изглаживаетъ слѣды усталаго верблюда, лежитъ какъ въ морѣ зеленый островъ, осяняемый высокими пальмами, поимый ключами, ручьями и небесной росой, послѣдній очагъ жизни для умирающей кругомъ природы, послѣдній отдыхъ для путника въ пустынѣ; подъ пальмами оазиса стоитъ храмъ таинственнаго бога, который нѣкогда на священномъ челнѣ прибылъ изъ земли эѳіоповъ въ стовратныя Оивы, который изъ Оивъ прошелъ черезъ пустыню, чтобы опочить въ оазисѣ и открыться въ таинственномъ образѣ ищущему его сыну. Кругомъ храма бога жила благочестивая семья жрецовъ, вдали отъ міра, въ священномъ одиночествѣ, гдѣ къ нимъ былъ близокъ Аммонъ Зевесъ, богъ жизни; они жили, служа ему и возвѣщая его оракулы, для выслушиванія которыхъ народы вдали и вблизи посылали священныхъ гонцовъ и подарки. Въ этотъ храмъ въ пустынѣ рѣшилъ отправиться македонскій царь, чтобы спросить великаго бога о великихъ вещахъ.

Но о чемъ же онъ долженъ былъ спрашивать? Его македоняне рассказывали чудесныя исторіи изъ старыхъ временъ; принятые тогда

немногими на вѣру, осмѣиваемыя многими, извѣстныя всѣмъ, они получили новый толчокъ при этомъ походѣ; припоминались ночныя орѣи, которые праздновала Олимпиада въ горахъ своей родины; было извѣстно объ ея чародѣйствахъ, ради которыхъ она оттолкнула отъ себя царя Филиппа ⁸⁾; однажды онъ подстерегъ ее въ ея спальномъ покоѣ и увидѣлъ на груди ея дракона; вѣрные люди, посланные имъ въ Дельфы, принесли ему отвѣтъ бога: пусть онъ принесетъ жертву Аммону Зевесу и чтить его превыше всѣхъ боговъ. Думали, что и Ираклъ былъ сыномъ смертной матери; утверждали, что Олимпиада открыла сыну тайну его рожденія при его выступленіи къ Геллеспонту ⁹⁾. Другіе держались того мнѣнія, что царь желаетъ спросить у бога совета о своемъ дальнѣйшемъ походѣ, какъ сдѣлалъ Ираклъ, прежде чѣмъ выступить противъ исполина Аитея, и Персей, прежде чѣмъ предпринять поѣздку къ Горгонамъ; оба они предки царя, и ихъ приѣзду онъ охотно подражаетъ. Чего онъ желалъ въ дѣйствительности, не узналъ никто; только немного войска должно было слѣдовать за нимъ. — Экспедиція выступила изъ Александріи и двинулась сперва вдоль морского берега къ Паретонію, первому поселенію киренцевъ, которые послали къ нему пословъ и дары — 300 боевыхъ коней и 5 четвероконыхъ колесницъ — и просили о союзѣ съ царемъ, каковой имъ и былъ дарованъ ¹⁰⁾. Отсюда дорога шла къ югу черезъ песчаныя пустыни, надъ однообразнымъ горизонтомъ которыхъ не возвышается ни деревца, ни холмика; цѣлый день горячій воздухъ былъ полонъ тонкой пыли, а песокъ нерѣдко былъ такъ зыбучъ, что каждый шагъ былъ ненадеженъ; нигдѣ не было покрытаго травой мѣста для отдыха, нигдѣ не было колодца или ключа, которые могли бы утолить жгучую жажду; — дождевыя тучи, подарокъ времени года, которыя вскорѣ нѣсколько разъ давали имъ облегченіе, считались чудеснымъ даромъ бога въ пустынѣ. Такимъ образомъ они шли дальше; никакіе слѣды не указывали на дорогу, и низкія дюны среди этого моря песку, мѣняющія съ каждымъ вѣтромъ свое мѣсто и форму, увеличивали только замѣшательство проводниковъ, которые уже не могли болѣе найти направленія къ оазису; — тутъ, во главѣ каравана показались два ворона ¹¹⁾, они явились какъ посланцы бога, и Александръ приказалъ, ввѣрившись богу, слѣдовать за ними. Съ громкимъ карканьемъ полетѣли они впередъ, они отдыхали съ отрядомъ и летѣли дальше, когда войско двигалось дальше. Наконецъ показались вершины пальмъ и прекрасный оазисъ Аммона принялъ отрядъ царя.

Александръ былъ пораженъ привлекательностью этого священнаго мѣста, которое изобиловало масличными и финиковыми деревьями, солью въ кристаллахъ и цѣлебными источниками, и самой природой, казалось, предназначеннаго къ благочестивому служенію богу и тихой жизни его жрецовъ. Когда затѣмъ царь, какъ рассказываютъ, пожелалъ выслушать оракулъ, его встрѣтилъ во дворѣ храма старшій изъ жрецовъ, приказалъ всѣмъ своимъ спутникамъ подождать ихъ снаружи и ввелъ его въ святилище бога; вскорѣ Александръ вернулся обратно съ веселымъ лицомъ и заявилъ, что отвѣтъ совершенно совпалъ съ его желаніями. То же самое онъ, какъ говорятъ, повторилъ въ письмѣ къ своей матери: когда онъ снова увидится съ ней по

своемъ возвращеніи домой, то онъ сообщить ей услышанныя имъ тайныя предсказанія бога ¹²⁾. Затѣмъ онъ щедро одарилъ храмъ и гостепріимныхъ обитателей оазиса и возвратился обратно въ Мемфисъ въ Египтѣ ¹³⁾.

Александръ умолчалъ объ отвѣтѣ бога, и тѣмъ живѣе было затронуто любопытство или участіе его македонянъ; тѣ, которые были вмѣстѣ съ нимъ въ храмѣ Аммона, рассказывали чудеса объ этихъ дняхъ; первымъ привѣтствіемъ первосвященника, которое они всѣ слышали, было: «Привѣтъ тебѣ, сыне!» и царь отвѣчалъ: «Да будетъ такъ, отче; я хочу быть твоимъ сыномъ, даруй мнѣ господство надъ вселенной!» Другіе смѣялись надъ этими сказками; жрецъ, говорили они, хотѣлъ говорить по гречески и обратиться къ царю со словами: «Παῖδ' ὦν», но вмѣсто этого сдѣлалъ ошибку и сказалъ «Παῖ δ' ὦν», что, конечно, можно принять за «Παῖ Διὸς», сынъ Зевса. Наконецъ, за вѣрное объ этомъ событіи рассказывалось, что Александръ спросилъ бога, наказаны ли всѣ, бывшіе виновными въ смерти его отца; на это онъ получилъ отвѣтъ, что онъ долженъ лучше взвѣшивать свои слова, что никогда смертный не поразить того, кто родилъ его; убійцы же македонскаго царя Филиппа всѣ наказаны. И Александръ спросилъ во второй разъ, побѣдитъ ли онъ своихъ враговъ, и богъ отвѣчалъ, что ему предназначено господствовать надъ всею вселенной, что онъ будетъ побѣждать, пока не возвратится къ богамъ ¹⁴⁾. Эти и тому подобныя рассказы, которыхъ Александръ не подтверждалъ и не опровергалъ, служили къ тому, чтобы окружить его личность тайной, которая сообщала вѣрѣ народовъ въ него и въ его призваніе прелесть и положительность, а развитымъ грекамъ не должна была казаться страннѣе словъ Гераклита, что боги—бессмертные люди, а люди—смертные боги, страннѣе культа героевъ основателей въ новыхъ и старыхъ колоніяхъ или алтарей и празднествъ, которые два поколѣнія тому назадъ были посвящены спартанцу Лизандру.

Здѣсь было бы уместно поставить себѣ еще другой вопросъ,—вопросъ, который только и могъ бы ввести насъ въ сущность дѣла. Какъ представлялъ себѣ самъ Александръ цѣль этого похода въ храмъ Аммона и таинственныя событія въ его святилищѣ? хотѣлъ ли онъ обмануть міръ? вѣрилъ ли онъ самъ въ то, во что онъ желалъ заставить его увѣровать? имѣлъ ли онъ, обыкновенно отличавшійся своимъ яснымъ и независимымъ умомъ, столь увѣренный въ своихъ стремленіяхъ и силахъ, моменты внутренняго колебанія, когда его душа искала опоры и отдыха въ неземномъ? Мы видимъ, что этотъ вопросъ находится въ связи съ религіозными и нравственными принципами, вліявшими на волю и поступки этого страстнаго характера, съ самыми сокровенными сторонами его личности, можно сказать, съ его совѣстью. Вполнѣ понять его мы могли бы только исходя изъ этой стороны его существа, по отношенію къ которому все, что онъ дѣлаетъ и созидаетъ, является только периферіей, только частями периферіи, изъ которыхъ преданіе сохранило намъ одни отрывки. Поэтамъ дозволено изображать характеры для изображаемыхъ ими дѣйствій такимъ образомъ, чтобы изъ нихъ объяснялись ихъ дѣла и страданія. Историческое изслѣдованіе повинуетъя иному закону: оно

тоже старается создать возможно ясную и объясняющую событія картину лицъ, историческое значеніе которыхъ оно должно прослѣдить; оно наблюдаетъ, насколько это позволяютъ ему матеріалы, за ихъ поступками, способностями и направленіемъ; но оно не проникаетъ до того мѣста, гдѣ эти моменты имѣютъ свой источникъ, свой импульсъ и свою норму. Для того, чтобы найти сокровенную тайну души и чтобы судить по ней о нравственной цѣнности, т. е. о полномъ достоинствѣ личности, для этого оно не имѣетъ никакого метода и никакихъ правъ. Достаточно того, что для пробѣловъ, которые въ немъ такимъ образомъ остаются, оно имѣетъ нѣкоторую замѣну: анализируя историческую личность и отводя ей соответствующее ея значенію мѣсто не въ той обстановкѣ, гдѣ заключается ея нравственная цѣнность, а въ ея отношеніи къ великому процессу историческаго развитія, въ ея участіи въ неумирающихъ дѣлахъ и созданіяхъ, въ ея силѣ или слабости, въ ея планахъ и замыслахъ, въ ея дарованіи и энергіи, направленной къ ихъ осуществленію, оно творитъ принадлежащій ему судъ, и даетъ намъ мѣрило для пониманія, которое хотя не глубже, однако шире и свободнѣе исключительно психологической точки зрѣнія.

Но мы все-таки должны коснуться здѣсь одного пункта, въ которомъ, повидимому, перекрещиваются важныя линіи.

Со времени вышеупомянутаго замѣчательнаго выраженія Гераклита, со времени эсхилова слова «во многихъ именахъ одинъ образъ», поэты и мыслители греческаго міра не переставали искать въ многочисленныхъ образахъ боговъ и въ ихъ міахъ, бывшихъ религіей для ихъ народа, болѣе глубокаго смысла и находить въ немъ оправданіе своей вѣры. Мы знаемъ, какъ глубоко поставилъ эти вопросы Аристотель. Александръ не только читалъ его популярный діалогъ, въ которомъ онъ изображаетъ, какъ взглядъ на красоту міра и вѣчное движеніе свѣтилъ долженъ создать во всякомъ видящемъ ихъ въ первый разъ убѣжденіе въ томъ, «что дѣйствительно существуютъ боги, что такіа изумительныя вещи являются ихъ промысломъ и созданіемъ». Изъ поученій великаго мыслителя онъ долженъ былъ тоже придти къ убѣжденію, что глубокая древность видѣла божества въ небѣ и свѣтилахъ, движущихся на немъ въ вѣчныхъ сферахъ, и выразила ихъ дѣла и промыслъ «въ миѣическомъ образѣ», что «для убѣжденія многихъ и благодаря закону и обычаю» эти миѣы были удержаны, распространены дальше и дополнены чудесами, но что истинный богъ, «недвижимый движитель», не имѣетъ плоти, частей, множества, что онъ есть чистая форма, чистый духъ, самъ себя мыслящій, движущій не дѣйствуя и не созидая, къ которому все «со страстію» стремится, какъ къ вѣчно благому, какъ къ высшей цѣли.

Что же должно было теперь случиться, если Александръ встрѣтилъ въ храмѣ Аммона ученіе о богахъ, символику, которая, углубляясь въ такіа же спекуляціи, счумѣла соединить въ одну обширную и стройную систему вѣру въ загробную жизнь, въ ея судъ и просвѣтленіе, обязанности и порядокъ земной жизни, служащія приготовленіемъ къ первому, и сущность жреческой и царской власти? Уже монументы древняго времени фараоновъ говорятъ о «богѣ, который

самъ себя сдѣлалъ богомъ, который существуетъ черезъ самого себя, объ единомъ несотворенномъ творцѣ неба и земли, владыкѣ сушаго и несуществующаго». И что мысли эти сохранялись во всей своей неприкосновенности, а быть можетъ и развивались далѣе, доказываетъ намъ интересная надпись времени Дарія II въ честь его ¹⁵⁾; въ ней является богъ Аммонъ-Ра, который породилъ самъ себя, который проявляется во всемъ сущемъ, который отвѣка былъ и есть неизмѣнимымъ началомъ всего сушаго; другіе боги являются какъ бы его титулами, проявленіями его дѣятельности: «боги находятся въ твоихъ рукахъ и люди у ногъ твоихъ; ты еси небо, ты глубина; люди славятъ тебя неутомимаго въ своихъ заботахъ о нихъ; тебѣ посвящены дѣла ихъ». Затѣмъ слѣдуетъ молитва за царя: «даруй быть счастливымъ твоему сыну, который сидитъ на престолѣ твоёмъ, сотвори его подобнымъ тебѣ, даруй ему править царствомъ во славу твою; и какъ образъ твой приносить благодать, когда ты возстаешь какъ Ра, таковы по желанію твоему дѣла сына твоего Дарія, который, да живетъ вѣчно; страхъ передъ нимъ, почтеніе къ нему, блескъ его славы, да будутъ они въ сердцахъ всѣхъ людей во всякой странѣ, какъ страхъ передъ тобою и почтеніе къ тебѣ живетъ въ сердцахъ боговъ и людей».

Когда жрецы храма Аммона привѣтствовали Александра сыномъ Аммона-Ра, Зевса-Гелиоса, то они сдѣлали это съ полной искренностью своихъ религіозныхъ убѣжденій и глубокой символики, въ которую они заключали свое ученіе о богахъ. Александръ, такъ разсказываютъ, со вниманіемъ выслушалъ объясненія жреца Псаммона, «философа», о томъ, что каждый человѣкъ управляется богомъ (Ζακλειβοντασι ὑπὸ θεῶν), такъ какъ въ каждомъ господствующее и могущественное начало божественно; Александръ отвѣчалъ ему, что богъ (τὸν θεόν) есть, конечно, общій отецъ всѣхъ людей, но что лучшихъ людей онъ избираетъ своими любимыми дѣтьми.

А теперь возвратимся къ связи историческихъ событій, новый значительный рядъ которыхъ долженъ былъ начаться съ весною 331 года.

По своему возвращеніи въ Мемфисъ Александръ нашелъ многочисленныя посольства изъ греческихъ земель, изъ которыхъ ни одно не возвратилось на родину, не будучи милостиво выслушаннымъ и не достигнувъ возможнаго исполненія своихъ порученій. Вмѣстѣ съ ними прибыли новыя войска, состоявшія изъ четырехсотъ ¹⁶⁾ греческихъ наемниковъ подъ начальствомъ Мениды и пятисотъ еракійскихъ всадниковъ подъ начальствомъ Аскленіодора и, какъ кажется, еще нѣсколькихъ тысячъ пѣхотинцевъ, которые тотчасъ же были присоединены къ составу войска, уже приготавливавшагося къ выступленію. Затѣмъ Александръ съ особеннымъ вниманіемъ занялся устройствомъ управленія египетскою землею, имѣя главнымъ образомъ въ виду избѣжать съ помощью раздѣла должностныхъ полномочій соединенія слишкомъ большой власти въ одиѣхъ рукахъ, что не могло бы быть безопаснымъ при военномъ значеніи этой сатрапіи и богатыхъ элементахъ могущества въ ней. Певкита, сынъ Макартата, и Балакръ, сынъ Аминты, получили стратигію въ странѣ и начальство надъ оставшимися войсками, включая сюда гарнизоны Пелузія и Мемфиса, всего

около четырехъ тысячъ человѣкъ; команду надъ состоявшимъ изъ тридцати триеръ флотомъ получилъ навархъ Полемонъ; живущіе въ Египтѣ или переселяющіеся туда греки были подчинены особому чиновнику; египетскіе округа или номы сохранили своихъ прежнихъ номарховъ и получили приказъ выплачивать имъ свои повинности въ прежнемъ размѣрѣ; главный надзоръ за всѣми чисто египетскими округами былъ порученъ сначала двумъ, а потомъ одному египтянину, а надзоръ за ливійскими округами греку; правитель арабскихъ округовъ, Клеоменъ, грекъ изъ Навкратиса въ Египтѣ, знавшій языкъ и обычаи страны, получилъ въ то же время приказъ принимать отъ номарховъ всѣхъ округовъ собираемую ими дань, и ему также былъ порученъ главный надзоръ за постройкой города Александріи ¹⁷⁾.

Послѣ этихъ мѣръ, послѣ цѣлаго ряда производствъ въ арміи, послѣ новыхъ празднествъ въ Мемфисѣ и торжественнаго жертвоприношенія Зевсу царю, Александръ весною ¹⁸⁾ 331 года выступилъ въ Финикію; въ одно время съ нимъ въ гавань Тира прибылъ и флотъ. Короткое время, проведенное здѣсь царемъ, прошло среди большихъ и роскошныхъ празднествъ по греческому обычаю; послѣ жертвоприношенія въ храмѣ Иракла въ войскѣ были устроены всевозможныя игры; для придачи блеска этимъ днямъ были приглашены знаменитѣйшіе актеры греческихъ городовъ; и кипрскіе цари, доставлявшие и украшавшіе хоры по греческому обычаю, соревновали въ роскоши и вкусѣ другъ съ другомъ ¹⁹⁾. Затѣмъ въ гавань города пришла аѳонская тетрера Паралія ²⁰⁾, которая всегда посылалась только по священнымъ или особо важнымъ дѣламъ; прибывшіе на ней послы явились пожелать царю счастья и увѣрить его въ нерушимой вѣрности ихъ родного города, — вниманіе, на которое Александръ отвѣчалъ освобожденіемъ взятыхъ въ плѣнъ при Граникѣ аѳонянъ.

Необходимо было позаботиться о западныхъ земляхъ на время продолжительнаго отсутствія. За исключеніемъ Спарты и Крита, въ Элладѣ все было спокойно; только многочисленные морскіе разбойники, послѣдствіе персидскихъ предпріятій, дѣлали море небезопаснымъ. Амфотеръ получилъ приказъ поторопиться съ изгнаніемъ спартанскихъ и персидскихъ гарнизоновъ съ Крита, затѣмъ произвести облаву на морскихъ разбойниковъ и предложить помощь и защиту мелопонезцамъ, которыхъ могла бы тѣснить Спарта; кипріотамъ и финикіянамъ было приказано послать Амфотеру въ Мелопонезъ сто кораблей. Въ то же время были предприняты нѣкоторыя перемѣны въ управленіи покоренныхъ земель; въ Лидію вмѣсто сатрапа Азандра, который отправился для вербовки въ Грецію, былъ посланъ магнезіецъ Менаандръ изъ числа этеровъ, а начальство надъ чужеземными народами получилъ вмѣсто него Клеархъ; сатрапія Сирія была отнята отъ Менона ²¹⁾ который не позаботился съ должнымъ вниманіемъ о нуждахъ шедшаго по его провинціи войска, и была передана недавно прибывшему Асклепідору, и ему же была поручена непосредственная власть надъ страной Іордана, прежній правитель которой, Андромакъ, былъ убитъ самаритянами, и наказаніе за то самаритянъ ²²⁾. Наконецъ, управленіе финансами было устроено такимъ образомъ, что

общая касса, бывшая до сихъ поръ соединенною съ военной кассой, была отдѣлена отъ нея и, подобно тому, какъ это уже было сдѣлано для Египта, были устроены особыя главныя кассы для Сиріи и для Малой Азіи до Тавра. Въ сатрапіяхъ къ западу отъ Тавра эту должность получили Филоксенъ, въ сирійскихъ земляхъ, включая сюда финикійскіе города, Киранъ, завѣдываніе же военной кассой было отдано раскаявшемуся Гарпалу, которому царь изъ прежней дружбы или изъ политическихъ расчетовъ простилъ его вину.

Тогда наконецъ войско выступило изъ Тира и двинулось къ Эвфрату по большой военной дорогѣ внизъ по теченію Оронта, усиленное, вѣроятно, на пути подкрѣпленіями изъ гарнизоновъ Малой Азіи; въ составѣ приблизительно 40000 человекъ нѣхоты и 7000 всадниковъ оно достигло въ началѣ августа Фапсака ²³), обыкновеннаго мѣста переправы. Часть македонянъ была послана впередъ, чтобы построить два моста черезъ рѣку; они были не совсѣмъ доведены до конца, такъ какъ противоположный берегъ до сихъ поръ занималъ персъ Мазей, посланный съ 10000 человекъ для прикрытія рѣки ²⁴), и для значительно болѣе слабаго македонскаго авангарда было бы слишкомъ рискованно довести мосты до противоположнаго берега. При приближеніи главной арміи Мазей быстро отступилъ; слишкомъ слабый для того, чтобы удержаться на своемъ посту противъ превосходныхъ силъ Александра, онъ, пожертвовавъ своими войсками, могъ бы только нѣсколько задержать наступленіе враговъ, что для персидскаго царя, вооруженія котораго были уже окончены, не представляло бы значительныхъ выгодъ.

Александръ приказалъ немедленно докончить постройку обоихъ мостовъ и переправилъ свое войско на восточный берегъ Эвфрата. Предполагая даже, что персидское войско стояло готовымъ къ битвѣ и къ защитѣ столицы въ равнинѣ Вавилона, гдѣ оно собралось, онъ не долженъ былъ, какъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ десять тысячъ, избирать пути вдоль Эвфрата, который они тогда выбрали. Пустыни, по которымъ онъ ведетъ, были бы при лѣтнемъ зноѣ вдвойнѣ uncomfortable, и прокормленіе такого значительнаго войска представило бы величайшія трудности. Онъ избралъ большую сѣверную дорогу, идущую въ сѣверо-восточномъ направленіи черезъ Низивію по болѣе прохладной и богатой пастбищами холмистой мѣстности, которую македоняне потомъ назвали Мигдоніей, къ Тигру и затѣмъ по лѣвому берегу рѣки въ равнину Вавилона.

Здѣсь однажды къ царю было приведено нѣсколько плѣнныхъ непріятельскихъ всадниковъ, развѣзжавшихъ по окрестностямъ; они сообщили, что Дарій уже выступилъ изъ Вавилона и стоитъ на лѣвомъ берегу Тигра, рѣшившись всѣми силами воспрепятствовать противнику перейти черезъ рѣку; его теперешнее войско значительно больше того, которое было въ проходахъ Исса; они сами посланы на развѣдки, чтобы персидское войско въ надлежащее время и въ надлежащемъ мѣстѣ могло встрѣтить македонянъ у Тигра.

Александръ не могъ рѣшиться на переправу подъ стрѣлами непріятеля черезъ такую широкую и быструю рѣку, каковъ Тигръ; онъ долженъ былъ ожидать, что Дарій займетъ окрестности Ниневіи,

гдѣ черезъ рѣку вела обыкновенная военная дорога; вся задача состояла въ томъ, чтобы по возможности скоро быть на одной сторонѣ съ непріателемъ; необходимо было произвести переправу незамѣтно. Александръ немедленно перемѣнилъ свой маршрутъ и, пока Дарій ожидалъ его въ обширной равнинѣ развалинъ Ниневин, форсированнымъ маршемъ направился къ сѣверо-востоку на Бедзабде ²⁵⁾. Вблизи не было ни одного непріателя, войска начали переходить въ бродъ крайне быструю рѣку; съ величайшимъ трудомъ, но безъ всякихъ потерь, они достигли восточнаго берега. Александръ далъ одинъ день отдыха своимъ утомленнымъ войскамъ; они стали лагеремъ вдоль гористыхъ береговъ рѣки.

Это было 20 сентября ²⁶⁾. Наступилъ вечеръ, первая ночная стража выступила на свои посты по рѣкѣ и на горахъ; луна освѣщала окрестности, казавшіяся многимъ похожими на горы Македоніи; вдругъ свѣтъ полной луны началъ затемняться; скоро дискъ яркаго свѣтила одѣлся полнымъ мракомъ. Это казалось важнымъ знаменіемъ боговъ; полные тревоги вышли воины изъ своихъ шатровъ; многіе боялись того, что боги разгнѣваны; другіе вспомнили, что, когда Ксерксъ выступилъ противъ Греціи, то его маги объяснили видѣнное имъ въ Сардахъ солнечное затменіе такимъ образомъ, что солнце есть свѣтило грековъ, а луна персовъ; теперь боги скрывали свѣтило персовъ, въ знакъ ихъ скорой гибели. Самому царю свѣдущій въ знаменіяхъ Аристандръ объяснилъ, что это событіе предвѣщаетъ ему успѣхъ и что еще въ этомъ мѣсяцѣ онъ дастъ сраженіе. Тогда Александръ принесъ жертву лунѣ, солнцу и землѣ, но и жертвенныя примѣты обѣщали побѣду. Съ наступленіемъ утра войско выступило, чтобы встрѣтиться съ войскомъ персовъ.

Македонское войско двигалось далѣе по направленію къ югу, не встрѣчая никакихъ слѣдовъ непріателя, имѣя по лѣвую сторону отроги гордіейскихъ горъ, а по правую быстрый Тигръ. Наконецъ, 24 числа авангардъ далъ знать, что на равнинѣ показалась непріательская конница, но что количества ея опредѣлить нельзя. Войско было быстро выстроено и двинулось впередъ въ боевомъ порядкѣ. Скоро явилось дальнѣйшее извѣстіе, что число непріателей можно опредѣлить приблизительно въ тысячу всадниковъ. Александръ велѣлъ сѣсть на коней царской и другой плѣ атеровъ, а изъ легкой конницы (застрѣльчиковъ) неонамъ и, приказавъ остальному войску медленно двигаться впередъ, поспѣшилъ съ ними навстрѣчу непріателю. Увидѣвъ его приближеніе, персы вскачь обратились въ бѣгство; Александръ бросился за ними, большинству ихъ удалось уйти, нѣкоторые попадали съ коней и были изрублены, а нѣкоторые взяты въ плѣнъ ²⁷⁾. Приведенные къ Александру, они сказали, что Дарій стоитъ недалеко къ югу у Гавгамелы при рѣкѣ Вумодѣ ²⁸⁾, въ ровной сплошь равнинѣ, что численность его войска доходитъ до милліона людей и сорока тысячъ лошадей и что сами они посланы подъ предводительствомъ Мазея на развѣдки ²⁹⁾. Александръ приказалъ тотчасъ же сдѣлать остановку; на берегахъ Гассера былъ разбитъ и старательно укрѣпленъ лагерь ³⁰⁾; близость такого громаднаго превосходства вражескихъ силъ дѣлала необходимую величайшую осторож-

ность; четырехъ дней даннаго войскамъ отдыха было достаточно, чтобы приготовить все для рѣшительной битвы.

Такъ какъ болѣе не показывалось никакихъ непріятельскихъ войскъ, то можно было предположить, что Дарій занялъ удобную для своихъ боевыхъ силъ мѣстность и не позволитъ какъ прежде колебанію своихъ непріятелей и собственному нетерпѣнію завлечь себя на неблагоприятную для него позицію. Поэтому Александръ рѣшилъ идти ему навстрѣчу. Оставивъ въ лагерѣ весь ненужный багажъ и неспособныхъ къ бою людей, войско выступило ночью съ 29 на 30 сентября, приблизительно во время второй ночной стражи. Къ утру оно достигло послѣднихъ холмовъ; непріятель былъ на разстояніи шестидесяти стадій, но находившіеся впереди холмы скрывали его отъ глазъ ³¹⁾. Когда войско, пройдя впереди тридцать стадій, перешло черезъ эти холмы, Александръ увидѣлъ на обширной равнинѣ, приблизительно въ часовомъ разстояніи отъ себя, темныя массы непріятельской линіи. Онъ остановилъ свои колонны, созвалъ друзей, стратиговъ, иларховъ, предводителей союзниковъ и наемныхъ войскъ и предложилъ имъ вопросъ, слѣдуетъ ли нападать тотчасъ же или стать здѣсь лагеремъ, окопаться и сначала рекогносцировать поле битвы? Большинство было за то, чтобы немедленно вести войско, горѣвшее жаждой битвы, противъ непріятеля; Парменіонъ, напротивъ, рекомендовалъ осторожность: войска, говорилъ онъ, утомлены дорогой; персы, уже долѣе находящіеся въ этой благоприятной для нихъ позиціи, не замедлятъ всячески устроить ее удобно для себя; нельзя знать, не прикрываютъ ли непріятельскую линію набитыя сваи или скрытыя ямы; правило войны требуетъ сначала ориентироваться и стать лагеремъ. Это мнѣніе стараго полководца одержало верхъ; Александръ приказалъ войскамъ стать лагеремъ на холмахъ въ виду непріятеля (у Бѣртелы) въ томъ порядкѣ, въ какомъ они должны были идти въ бой. Это было 30 сентября утромъ.

Дарій съ своей стороны, хотя и долгое время ожидалъ прибытія македонянъ и удалилъ съ дороги въ обширной равнинѣ всякое препятствіе, до терновыхъ кустовъ и отдѣльных песчаныхъ холмиковъ включительно ³²⁾, которые могли бы помѣшать бурной атакѣ полчищъ его конницы или бѣгу боевыхъ колесницъ, былъ однакожъ нѣсколько встревоженъ вѣстью о близости Александра и крайне быстрымъ отступленіемъ своего авангарда подъ предводительствомъ Мазея; но персидскій царь скоро нашелъ успокоеніе и вѣру въ себя въ гордой увѣренности своихъ сатраповъ, которой не нарушали больше слова непризнаннаго предостереженія, въ безконечныхъ рядахъ своего войска, передъ которыми никакой Харидемъ или Аминта не осмѣлился бы отдать слишкомъ справедливаго предпочтенія плотной кучкѣ македонянъ, и наконецъ въ своихъ собственныхъ желаніяхъ, которые такъ охотно считаютъ свое ослѣпленіе за здравый смыслъ и охотнѣе слушаютъ самоуувѣренныя слова льстецовъ, чѣмъ серьезныя указанія на случившіяся уже событія; его вельможамъ не трудно было убѣдить его, что при Иссъ онъ былъ побѣжденъ не непріателемъ, но недостаткомъ мѣста; теперь достаточно мѣста для воинственности его сотенъ тысячъ, для кося его боевыхъ колесницъ и для индійскихъ слоновъ;

теперь настала пора показать македонянамъ, что значить персидская армія. Тутъ-то утромъ 30 числа на лежащей къ сѣверу грядѣ холмовъ показалось наступавшее въ полномъ боевомъ порядкѣ македонское войско; ожидали, что оно тотчасъ же пойдетъ въ атаку; персидскіе народы тоже выстроились въ боевой порядокъ на обширной равнинѣ.

Атаки не послѣдовало; видно было, какъ непріятель становился лагеремъ; только кучка всадниковъ въ перемежку съ нѣсколькими отрядами легкой пѣхоты спустилась съ холмовъ, прошла по равнинѣ и, не приближаясь къ линіи персовъ, возвратилась въ лагерь. Наступилъ вечеръ; не замышлялъ ли непріятель ночного нападенія? Персидскій лагерь, не имѣвшій ни вала, ни рововъ, не могъ бы служить защитой противъ нечаяннаго нападенія; народы получили приказъ, остаться всю ночь подъ оружіемъ и въ боевомъ порядкѣ, а лошадей держать при себѣ осѣдланными подлѣ сторожевыхъ огней. Дарій самъ ночью объѣзжалъ верхомъ ряды, чтобы своимъ видомъ и привѣтомъ придать мужества своимъ народамъ. На крайнемъ лѣвомъ крылѣ стояли отряды Бесса, бактріанцы, даки и согдіанцы; передъ ними находилось сто колесницъ съ косами, а слѣва для ихъ прикрытія была выдвинута тысяча бактрскихъ всадниковъ и массагетскіе скифы, одѣтые въ панцырь вмѣстѣ съ конемъ. Справа за Бессомъ слѣдовали арахозяне и горные индійцы ³³⁾; затѣмъ шла масса персовъ, состоявшая изъ конницы и пѣхоты, затѣмъ сузые и кадусые, примыкавшіе къ центру. Этотъ центръ заключалъ въ себѣ прежде всего знатнѣйшіе отряды персовъ, такъ называемыхъ родственниковъ царя, вмѣстѣ съ отрядомъ тѣлохранителей яблоконосцевъ; по обѣимъ сторонамъ ихъ находились греческіе наемники, остававшіеся еще на службѣ царя; затѣмъ въ центрѣ были также индійцы съ ихъ слонами, такъ называемые карійцы, потомки нѣкогда переведенныхъ въ верхніи сатрапіи карійцевъ, мардійскіе стрѣлки изъ лука и передъ ними пятьдесятъ вооруженныхъ косами колесницъ. Чтобы усилить центръ, который такъ легко былъ пробить въ битвѣ при Пинарѣ, позади него были поставлены уксій, вавилоняне, прибрежные народы персидскаго моря и ситакенцы; состоя такимъ образомъ изъ двухъ и трехъ рядовъ колоны, онъ, повидимому, былъ достаточно крѣпокъ и плотенъ для того, чтобы принять царя въ свою середину. На лѣвомъ крылѣ, сейчасъ же за мардійцами, стояли альбаны и сакаены, затѣмъ Фратафернъ со своими пареянами, гирканцами, тапуриями и саками, затѣмъ Атропатъ съ мидійскими народами, за ними слѣдовали народы Сиріи по сю и по ту сторону водъ, и наконецъ на крайнемъ лѣвомъ крылѣ стояли конные народы Каппадокіи и Арменіи, а передъ ними пятьдесятъ вооруженныхъ косами колесницъ.

Ночь прошла спокойно; возвратившись съ своими эскадронами и съ легкой пѣхотой съ рекогносцировки поля битвы, Александръ собралъ около себя своихъ офицеровъ и объявилъ имъ, что на слѣдующій день онъ думаетъ напасть на непріятеля; онъ знаетъ ихъ мужество и мужество ихъ войскъ, его испытала не одна побѣда; быть можетъ, будетъ болѣе необходимо сдерживать его, чѣмъ разжигать; пусть они прежде всего напоминаютъ своимъ людямъ о томъ, чтобы они наступали молча,

чтобы тѣмъ грознѣе раздалась во время атаки ихъ боевая пѣсня; они сами должны особенно позаботиться о томъ, чтобы тотчасъ замѣчать и исполнять его сигналы, чтобы движенія совершались съ быстротою и точностью; пусть они убѣдятся въ томъ, что пеходъ великаго дня зависить отъ каждаго; борьба идетъ теперь не за Сирію и Египеть, но за обладаніе Востокомъ; теперь рѣшится, кто долженъ господствовать. Его генералы отвѣчали ему громкими кликами ликованія; затѣмъ царь отпустилъ ихъ, и отдалъ войскамъ приказъ ужинать и затѣмъ предаться покою. Въ шатрѣ Александра находилось еще нѣсколько приближенныхъ, когда, какъ разсказываютъ, вошелъ Парменіонъ и озабоченно сообщил о безконечномъ множествѣ персидскихъ сторожевыхъ огней и о глухомъ шумѣ, доносившемся въ тишинѣ ночи; перевѣсь силъ врага, говорилъ онъ, слишкомъ значителенъ, чтобы можно было рѣшиться помѣриться съ нимъ днемъ и въ открытомъ бою; онъ совѣтуетъ напасть теперь ночью, ужасы ночи удвоятъ неожиданность и произведенную нападеніемъ суматоху. Александръ, какъ говорятъ, отвѣтилъ, что не желаетъ красть побѣды³⁴⁾. Далѣе разсказывается, что вскорѣ послѣ этого Александръ прилегъ отдохнуть и спокойно проспалъ остальную часть ночи; уже было позднее утро, уже все было готово къ нападенію, недоставало еще только царя, наконецъ старый Парменіонъ вошелъ въ его шатеръ и трижды долженъ былъ позвать его по имени, пока наконецъ Александръ не одѣлся весело и быстро.

Утромъ 1 октября³⁵⁾ македонское войско выступило изъ своего расположеннаго на высотахъ лагеря, гдѣ при обозѣ была оставлена ѳракійская пѣхота. Скоро войско стояло въ равнинѣ въ боевомъ порядкѣ; центръ составляли шесть таксисовъ фаланги, по ихъ правую руку находились гипасписты и восемь илъ македонской конницы; къ лѣвой сторонѣ фаланги, къ таксису Кратера, примыкали всадники греческихъ союзниковъ и ѳессалійская конница. Лѣвымъ крыломъ предводительствовалъ Парменіонъ, стоявшій съ фарсальской илой, сильнѣйшей изъ ѳессалійской конницы, на концѣ крыла. На концѣ праваго крыла, съ которымъ Александръ хотѣлъ начать нападеніе, къ царской илѣ примыкали часть агріановъ и стрѣлковъ и Валакръ съ аконтистами. Такъ какъ при громадномъ численномъ перевѣсѣ непріятеля крылья его войска неизбежно должны были заходить за крылья македонянъ, а у главной атакующей колонны, которая должна была рѣшать дѣло, можно было отнимать лишь столько силъ, сколько безусловно требовало прикрытіе тыла и фланговъ нападавшей боевой линіи, то Александръ позади крыльевъ своей линіи справа и слѣва приказалъ сформировать по второй колоннѣ, которыя должны были, еслибы непріятель сталъ угрожать линіи съ тыла, сдѣлать поворотъ и образовать такимъ образомъ второй фронтъ; если же бы онъ напалъ на флангъ, то они должны были въ четверть оборота примкнуть подъ угломъ къ линіи. Въ резервѣ лѣваго крыла находились ѳракійская пѣхота, часть союзныхъ всадниковъ подъ предводительствомъ Керана, одризкіе всадники подъ предводительствомъ Агаѳона, а всѣхъ дальше, слѣва, стояли всадники наемниковъ подъ предводительствомъ Андромаха; на правомъ крылѣ были: Кле-

андръ со старыми наемниками, половина стрѣлковъ подъ предводительствомъ Вризона, агріаны подъ предводительствомъ Аттала, затѣмъ Аретъ съ сариссофорами, Аристонъ съ пеонскими всадниками, а на крылѣ направо были выстроены снова на вербованные греческіе всадники подъ предводительствомъ Мениды, которые сегодня впервые должны были испробовать свое оружіе на самомъ опасномъ мѣстѣ.

Войска начинаютъ наступать; Александръ съ македонской конницей, сосредоточенной на правомъ крылѣ, находится противъ непріятельскаго центра, индійскихъ слоновъ и противъ ядра непріятельскаго войска, съ его двойной боевой линіей, а все лѣвое крыло непріятеля выдается дальше. Онъ приказываетъ, начиная съ праваго фланга, наступать подвигаясь нѣсколько вправо ³⁶), илѣ Клита, имѣющей по свою правую сторону легкую пѣхоту, впереди, затѣмъ второй, третьей и т. д. плавъ, гипаспистамъ и т. д., уступами одинъ отрядъ за другимъ; движенія эти исполняются въ величайшей тишинѣ и порядкѣ, между тѣмъ какъ непріятель, благодаря своимъ громаднымъ массамъ приходитъ въ разстройство при попыткѣ своего лѣваго крыла сдѣлать обратное движеніе. Ихъ линія все еще далеко выдается за линію македонянъ и скиѣскіе всадники крайняго крыла скачутъ уже въ атаку противъ стоящихъ на флангѣ Александра легкихъ войскъ и уже близки къ нимъ. Не позволяя обмануть себя этимъ маневромъ, Александръ продолжаетъ свое движеніе впередъ и наполовину вправо; остается пройти еще немного и онъ минуетъ мѣсто, расчищенное здѣсь для употребленія снабженныхъ косами колесницъ. Отъ ихъ опустошительнаго бѣга — здѣсь стоитъ сто такихъ колесницъ — персидскій царь ожидалъ особеннаго усилія; онъ приказываетъ теперь своимъ скиѣскимъ и тысячѣ бактрскихъ всадниковъ обскákatъ крыло непріятеля и задержать этимъ дальнѣйшее наступленіе его. Александръ пускаетъ противъ нихъ греческихъ всадниковъ Мениды; число ихъ слишкомъ незначительно, и персы опрокидываютъ ихъ. Движеніе главной линіи требуетъ здѣсь возможно сильнаго сопротивленія: въ подкрѣпленіе Менидъ посылаются пеонскіе всадники подъ предводительствомъ Аристона; они ³⁷) съ такою энергіей бросаются въ атаку, что скиѣ и тысяча бактровъ должны отступить. Но уже полчища другихъ бактрскихъ всадниковъ проносятся мимо крыла Александра, опрокинутые собираются около нихъ, и вся эта подавляющая масса накидывается на Аристона и Мениду; завязывается жаркій бой; скиѣ, одѣтые въ панцырь вмѣстѣ съ конемъ, сильно напираютъ на пеоновъ и ветерановъ, изъ которыхъ многіе падаютъ, но не поддаются назадъ; ила за илой наступаютъ они и на мгновеніе оттѣсняютъ назадъ превосходныя силы непріятеля.

Между тѣмъ македонскій фронтъ подвигался косою линіей все дальше и дальше; теперь македонскія илы и гипасписты находятся противъ ста вооруженныхъ косами колесницъ лѣваго крыла; тутъ эти послѣднія приходятъ въ движеніе и несутся навстрѣчу линіи, которую они должны разорвать. Но агріаны и стрѣлки встрѣчаютъ ихъ съ громкимъ крикомъ градомъ стрѣлъ, камней и дротиковъ; многія колесницы перехвачены уже здѣсь, греки сволакиваютъ на землю

возницъ, рубятъ постромки, ловятъ за поводья и закалываютъ перепуганныхъ лошадей; другіе, которые скачутъ на гипаспистовъ, встрѣчаются или плотно сомкнувшимися рядами щитовъ съ выставленными впередъ копытами и задерживаются въ своемъ бѣгѣ падающими лошадьми, или проносятся въ отверстія, образованныя быстро разступившимися направо и налево отрядами, безъ вреда для себя и для другихъ, чтобы позади фронта попасть въ руки къ стоящимъ тамъ конюхамъ македонянъ.

Теперь вся громадная линія персидскаго войска, подавшаяся раньше налево, начинаетъ переходить въ наступленіе, между тѣмъ какъ на флангѣ Александра Аристонъ и Менида только съ величайшимъ трудомъ могутъ выдерживать нападеніе непріятельской конницы. Приблизившись къ врагамъ на разстояніе полета стрѣлы, Александръ велитъ ускорить шагъ и въ то же время приказываетъ Аретѣ съ сариссофорами—это послѣдняя конница его второй колонны—послѣшить на помощь готовымъ отступить въ сраженіи войскамъ Мениды и Аристона. Когда это движеніе замѣчается персами, то ближайшіе отряды конницы этого крыла скачутъ велѣдъ за бактрами; такимъ образомъ въ ихъ лѣвомъ крылѣ образуется отверстие. Моментъ, котораго ожидалъ Александръ, наступилъ. Онъ даетъ сигналъ къ атакѣ ³⁸), бросается впередъ во главѣ илы Клита, а другія илы и гипасписты съ боевымъ крикомъ бѣгомъ слѣдуютъ за нимъ; эта атака клиномъ совершенно разрываетъ линію непріятеля; ближайшія фаланги, Кинъ и Пердикка уже тоже подошли; съ опущенными копытами бросаются они на боевые ряды сузіановъ, кадусіевъ и на полчища, прикрывающія колесницу царя Дарія; теперь имъ нѣтъ преграды, нѣтъ болѣе сопротивленія. Съ разъяреннымъ врагомъ передъ глазами, среди внезапнаго, дикаго и шумнаго безпорядка, не видя для себя выхода изъ растущей съ каждой минутой опасности, Дарій бросаетъ все и обращается въ бѣгство; послѣ отчаяннаго сопротивленія, персы слѣдуютъ за нимъ, чтобы прикрывать жизнь своего царя; бѣгство и паника охватываютъ также боевые ряды второй линіи. Центръ уничтоженъ.

Въ то же время страшная сила, съ которой Арета врубился въ ряды непріятеля, рѣшила сраженіе въ тылу линіи; горячо преслѣдуемые сариссофорами, греческими и пеонскими всадниками, скиѣ, бактрскіе и персидскіе всадники бросаются бѣжать. Лѣвое крыло персовъ уничтожено.

Не то на правомъ крылѣ. Гоплиты Александра только съ большимъ трудомъ слѣдовали за быстрымъ движеніемъ атаки, и не могли остаться въ сомкнутомъ строю; между послѣднимъ таксисомъ, таксисомъ Кратера, и ближайшимъ къ нему справа таксисомъ, которымъ предводительствовалъ Симмія, образовался промежутокъ; Симмія остановился, такъ какъ Кратеръ и все крыло Парменіона подвергалось серьезной опасности. Часть индійцевъ и персидскихъ всадниковъ непріятельскаго центра быстро воспользовалась этимъ промежутокъ, бросилась черезъ него, не задерживаемая второй колонной, на лагерь; немногочисленные вѣракицы, легко вооруженные и не ожидавшіе никакого нападенія, только съ величайшимъ трудомъ

могутъ выдерживать кровопролитную борьбу въ воротахъ лагеря; тутъ плѣннымъ удастся вырваться и они нападаютъ на нихъ съ тыла во время битвы; еракійцы побѣждены; съ криками ликования варвары бросаются въ лагерь грабить и убивать. Предводители второй линіи слѣва, Ситалкъ, Керанъ, одризянинъ Агаонъ и Андромахъ, замѣтивъ случившееся, поворачиваютъ обратно, ведутъ свои войска какъ можно скорѣе къ лагерю, бросаются на грабящаго уже непріятеля и побѣждаютъ его послѣ короткаго боя; многіе варвары падаютъ мертвыми, другіе отступаютъ въ безпорядкѣ на поле битвы, подъ копы и мечи македонскихъ илѣ.

Одновременно съ этимъ нападеніемъ другіе индійцы и персы и пареянскіе всадники вмѣстѣ съ ними появились на флангѣ вессалійской конницы. Поэтому Парменіонъ послалъ сказать Александру, что онъ находится въ большой опасности, что онъ долженъ получить подкрѣпленіе, или все погибло. Отвѣтъ царя, какъ говорятъ, былъ таковъ: Парменіонъ, должно быть, сошелъ съ ума, что требуетъ теперь помощи; съ мечомъ въ рукѣ онъ сдумѣтъ побѣдить или умереть ³⁹⁾. Но Александръ прекращаетъ начатое уже преслѣдованіе, чтобы сначала оказать помощь своимъ; со всѣми имѣющимися при немъ войсками ⁴⁰⁾ онъ спѣшитъ къ правому крылу персовъ, которое еще стоитъ; сначала онъ наталкивается на выбитыхъ уже изъ лагеря персовъ, индійцевъ и пареянъ, которые, сдѣлавъ полъоборота, собираются и принимаютъ его сомкнутымъ строемъ. Здѣсь завязывается страшный конный бой, который долго остается нерѣшеннымъ; бьются одинъ на одинъ; персы бьются за свою жизнь; около шестидесяти этеровъ остается на мѣстѣ: очень многіе, въ томъ числѣ Гефестіонъ и Менида, получаютъ тяжелыя раны; наконецъ побѣда рѣшена и здѣсь; тѣ, которымъ удалось пробиться, предаются неудержимому бѣгству.

Прежде чѣмъ Александръ, сражаясь такимъ образомъ, успѣлъ достигнуть праваго крыла персовъ, вессалійская конница, хотя и сильно тѣснимая Мазеемъ, тоже оправилась и оттѣснила полчища каппадокійской, мидійской и сирійской конницы; она уже начала преслѣдованіе, когда Александръ подошелъ къ ней. Видя, что дѣло сдѣлано и здѣсь, онъ поскакалъ обратно черезъ поле битвы въ томъ направленіи, которое, повидимому, избралъ персидскій царь; онъ преслѣдовалъ его до темной ночи. Пока Парменіонъ захватывалъ непріятельскій лагерь у Бумода, слоновъ и верблюдовъ, колесницы и вьючныхъ животныхъ громаднаго обоза, Александръ достигъ рѣки Лика, лежащей въ четырехъ часахъ пути за полемъ сраженія. Здѣсь была страшно безпорядочная толпа бѣгущихъ варваровъ, ужасъ которыхъ усиливала темнота наступающей ночи, возобновившаяся рѣзня и обвалъ переполненнаго людьми моста; скоро страхъ расчистилъ имъ дорогу, но Александръ долженъ былъ остановиться на нѣсколько часовъ, такъ какъ крайнее напряженіе сильно утомило лошадей и всадниковъ. Около полуночи, когда взошла луна, они снова выступили къ Арбелѣ, гдѣ надѣялись захватить Дарія, его поклажу и сокровища. Въ теченіе дня они туда прибыли. Дарія ужъ не застали; его сокровища, его колесница, его лукъ и щитъ, поклажа его и его вельможъ и несмѣтная добыча достались въ руки Александра.

Эта великая побѣда на равнинѣ Гавгамелы, по словамъ Арріана, стоила македонской конницѣ всего только 60 убитыхъ ⁴¹⁾; но пало или было убито болѣе 1000 лошадей, изъ которыхъ половина приходилась на македонскую конницу; по самымъ крупнымъ показаніямъ со стороны македонянъ пало 500 человекъ; цифры—кажущіяся несоразмѣрно малыми сравнительно съ потерями непріятеля, которыя опредѣляются въ 30000 и даже въ 90000 человекъ, если не принимать въ соображеніе, что съ одной стороны при прекрасномъ вооруженіи македонянъ въ рукопашномъ бою смертельныя раны получали только немногіе, и что съ другой стороны рѣзня могла начаться только при преслѣдованіи; всѣ сраженія, не одной только древности, доказываютъ тотъ же фактъ, что потери во время бѣгства бывають несравненно значительнѣе, чѣмъ во время боя ⁴²⁾.

Это сраженіе сломило могущество Дарія ⁴³⁾; изъ его разсѣяннаго войска собралось нѣсколько тысячъ бактрскихъ всадниковъ, остатки греческихъ наемниковъ, составлявшіе около 2000 человекъ подъ предводительствомъ этоляннина Главкія и фокійца Патрона, мелофоры и тому подобныя, въ цѣломъ—войско, состоявшее приблизительно изъ 3000 всадниковъ и шести тысячъ человекъ пѣхоты; съ ними Дарій въ своемъ неудержимомъ бѣгствѣ направился на сѣверо-востокъ черезъ проходы Мидіи въ Экбатану ⁴⁴⁾; тамъ онъ надѣялся хоть на короткое время быть въ безопасности отъ страшнаго непріятеля, тамъ онъ хотѣлъ выждать, не ограничится ли Александръ богатствами Сузы и Вавилона и не оставитъ ли ему древне-персидскаго края, отдѣленнаго могучими горными кряжами отъ арамейской низменности; если же ненасытный завоеватель все-таки подымется на высокую твердыню Ирана, то планомъ персидскаго царя было, опустошая все кругомъ бѣжать черезъ сѣверные склоны плоскогорья въ Бактрію, послѣдніе остатки когда-то столь обширнаго государства.

Изъ крупнаго числа разсѣянныхъ войскъ, бѣжавшихъ къ югу по направленію къ Сузѣ и Персіи, собралось (по Арріану) 25000, по другимъ источникамъ 40000 человекъ ⁴⁵⁾, которые подъ предводительствомъ персидскаго сатрапа Аріобарзана, сына Артабаза, заняли персидскіе проходы и прекрасно укрѣпились за ними. Если только вообще это было возможно, то здѣсь еще можно было спасти персидское царство; оно, можетъ быть, и было бы спасено, если бы Дарій не искалъ ближайшаго пути, и своимъ бѣгствомъ къ сѣвернымъ склонамъ Ирана не предоставилъ бы лежащія къ югу сатрапии самимъ себѣ и вѣрности сатраповъ. А эти послѣдніе не всѣ были такъ вѣрны, какъ Аріобарзанъ; въ своемъ, столь же заманчивомъ, какъ и трудномъ, положеніи они готовы были забыть своего бѣжавшаго повелителя, чтобы отдаться надеждѣ на независимость, о которой быть можетъ они давно мечтали, или чтобы добровольнымъ подчиненіемъ приобрести отъ великодушнаго побѣдителя болѣе, чѣмъ они потеряли благодаря бѣгству своего царя. Сами народы, которые по своему обычаю стеклись бы для новой борьбы, если бы Дарій пожелалъ рѣшиться защищать свой царскій престолъ у вратъ Персіи, и которые, можетъ-быть, съ успѣхомъ защитили бы природныя границы своей страны, чему исторія представляетъ много поразительныхъ примѣ-

ровъ, эти воинственные народы наѣздниковъ и разбойниковъ, которыхъ Александръ отчасти покорилъ съ трудомъ и только въ послѣдствіи, отчасти же никогда не рѣшался напасть на нихъ, были этимъ бѣгствомъ Дарія предоставлены самимъ себѣ и какъ бы двинуты на потерянный постъ, не принеся этимъ дѣлу царя ни малѣйшей выгоды. Такимъ образомъ, благодаря невѣроятному замѣшательству, которое все болѣе овладѣвало Даріемъ, готовымъ на все, чтобы спасти что-нибудь, побѣда при Гавгамелѣ пріобрѣла это ростшее подобно лавинѣ значеніе, которое должно было уничтожить могущество Персіи до послѣдняго остатка.

Александръ не послѣдовалъ ни за персидскимъ царемъ въ горные проходы, ни за бѣжавшими по дорогѣ къ Сузѣ. Вдоль отроговъ окружающихъ Иранъ горъ ⁴⁶⁾ онъ двинулся по дорогѣ въ Вавилонъ, бывший центромъ обширной арамейской низменности и со времени Дарія Гистаспа бывший столицей персидскаго царства; обладаніе этимъ мировымъ городомъ было первой наградой за побѣду при Гавгамелѣ. Александръ думалъ встрѣтить сопротивленіе; онъ зналъ, какъ громадны были «стѣны Семирамиды», какая сѣтъ каналовъ окружала ихъ, какъ долго городъ выдерживалъ осаду Кира и Дарія; онъ узналъ, что Мазей, всѣхъ долѣе и успѣшнѣе державшійся при Гавгамелѣ, бросился къ Вавилону; можно было опасаться повторенія сценъ Галикарнасса и Тира. Приблизившись къ городу, Александръ приказалъ войску идти въ боевомъ порядкѣ; но ворота отворились, и навстрѣчу ему вышли вавилоныяне съ вѣнками изъ цвѣтовъ и богатыми дарами, халдеи и старѣйшины города, съ персидскими чиновниками во главѣ; Мазей сдавалъ городъ, цитадель и сокровища, и западный царь торжественно вступилъ въ городъ Семирамиды.

Здѣсь войскамъ былъ данъ продолжительный отдыхъ; это былъ первый видѣмый ими настоящій восточный большой городъ; громадный по своимъ размѣрамъ, онъ былъ полонъ самыхъ изумительныхъ строеній: исполинскія стѣны, висячіе сады Семирамиды, кубическая башня Бела, на массивной постройкѣ которой тшетно желалъ сорвать Ксерксъ свой безумный гнѣвъ за испытанный при Саламинѣ позоръ; и все это наполняли безчисленныя массы народа, стекавшагося сюда изъ Аравіи и Арменіи, Персіи и Сиріи; здѣсь царица чрезмѣрная роскошь и нѣга жизни, безконечная смѣна утонченнаго сладострастія и изысканныхъ наслажденій; все это сказочное очарованіе восточнаго пыла страстей досталось здѣсь сынамъ запада въ награду за ихъ труды и побѣды. Мощный македонянинъ, дикій еракеецъ, пылкій грекъ могъ пить здѣсь жадными глотками упоеніе побѣдой и жизнью и забываться на благоуханныхъ коврахъ, за золотыми кубками, среди шумнаго ликованія вавилонскихъ пировъ, могъ съ дикою радостью упиваться наслажденіями, почерпая въ нихъ жгучую жажду новыхъ наслажденій и жажду новыхъ дѣлъ и новыхъ побѣдъ. Такимъ образомъ войско Александра начало сживаться съ азіатскимъ бытомъ и примиряться и сливаться съ тѣми, которыхъ ненавидѣлъ, презиралъ и называлъ варварами многовѣковой предразсудокъ; востокъ и западъ были охвачены общимъ процессомъ броженія, и начала подготавливаться будущность, въ которой должны были потеряться они оба.

Назовемъ ли мы это яснымъ пониманіемъ, счастливымъ чутьемъ или необходимымъ слѣдствіемъ обстоятельствъ, во всякомъ случаѣ избранныя Александромъ мѣры были единственно возможными и правильными. Здѣсь, въ Вавилонѣ, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было до сихъ поръ, туземная цивилизація была сильна, сообразна съ природой и въ своемъ родѣ закончена; Малая Азія была близка къ греческой жизни, Египетъ и Сирія были доступны для нея и поставлены въ связь съ ней общимъ моремъ, въ Финикіи греческіе обычаи уже давно были введены въ домахъ богатыхъ купцовъ и многихъ князей, въ области нильской дельты со времени фараоновъ ей доставили извѣстность и право гражданства греческія населенія, близость Кирены и разнообразныя сношенія съ греческими государствами, Вавилонъ же лежалъ далеко отъ всякаго соприкосновенія съ западомъ, въ самой глубинѣ бассейна двухъ рѣкъ арамейской страны, которая по своей природѣ, торговлѣ, нравамъ и религіи и по своей многовѣковой исторіи тяготѣла болѣе къ Индіи и Аравіи, чѣмъ къ Европѣ; здѣсь въ Вавилонѣ люди жили еще полной жизнью старинной культуры, писали еще, какъ вѣка тому назадъ, клинообразнымъ письмомъ на глиняныхъ дощечкахъ, наблюдали и высчитывали теченіе свѣтила, считали и мѣрили по законченной метрической системѣ, и во всѣхъ областяхъ техники достигли исключавшаго всякое соперничество совершенства. Въ эту чуждую, пеструю, уже насыщенную собою народную жизнь проникли теперь первые греческіе элементы, по своему количеству ничтожные сравнительно съ туземной культурой и стоявшіе выше ея только своей способностью приспособиться къ ней.

Необходимо имѣть въ виду еще второй моментъ. — Дѣйствительно, персидское войско было разбито на полѣ битвы; но устранено и уничтожено оно еще далеко не было. Если Александръ желалъ править на мѣстѣ персидскаго царя только какъ македонянинъ и грекъ, то онъ зашелъ уже слишкомъ далеко, когда, продолжая свои завоеванія также и по ту сторону сирійской пустыни, перешелъ границы соѣдненныхъ съ западомъ земель. Если онъ желалъ заставить народы Азіи перемѣнить только имя рабства и дать имъ почувствовать только болѣе суровый, унижительный гнетъ болѣе высокаго или болѣе смѣлаго умственного развитія, то даже самая минута побѣды не обезпечивала ихъ повиновенія и взрыва ярости народныхъ массъ; чумы, одного сомнительнаго успѣха было бы достаточно, чтобы разрушить химеру эгоистичнаго завоеванія. Держава Александра, по своей величинѣ несоизмѣрно малая сравнительно съ азіатскими областями и народами, должна была найти свое оправданіе въ благодѣяніяхъ, которыя она приносила побѣжденнымъ, а свою опору и будущность въ ихъ симпатіяхъ; она должна была зиждиться на признаніи за всякой народностью права имѣть свои обычаи, законы и религію, насколько это не противорѣчило существованію государства. То, что персы такъ глубоко угнетали, что они раздавили бы такъ охотно, то, что оставили существовать ихъ безсиліе и беззаботность, а не ихъ любовь къ справедливости, должно было теперь возстать обновленнымъ и свободнымъ и тяготѣть непосредственно къ греческой жизни, чтобы

имѣть возможность слиться съ ней. Не шло ли тѣмъ же путемъ въ теченіе многихъ вѣковъ изумительное колоніальное развитіе грековъ? Развѣ способность грековъ понимать и признавать чуждые элементы, согласоваться и сливаться съ ними не создала у скивовъ Тавриды и у африканцевъ береговъ Сирта, въ Киликіи и на кельтскихъ берегахъ устьевъ Роны множества новыхъ полныхъ жизни организмовъ и, пропагандируя эллинизмъ, не усиливала постоянно по численности и способности распространяться и самый греческій элементъ? Что мысли Александра шли въ этомъ направленіи, этому можетъ служить доказательствомъ то, что въ Мемфисѣ и Тирѣ, а во всякомъ случаѣ и въ Іерусалимѣ, онъ справлялъ празднества по мѣстному обряду, что въ Вавилонѣ онъ приказалъ снова украсить разграбленные Ксерксомъ храмы, возстановить башню Бела и отнынѣ отпращивать богослуженіе вавилонскимъ богамъ со свободой и роскошью временъ Навуходоносора. Такимъ образомъ онъ приобрѣлъ симпатіи народа, возвративъ его самому себѣ и его народной жизни; онъ давалъ имъ такимъ образомъ возможность въ качествѣ непосредственно дѣятельнаго элемента вступить въ организмъ государства, которое онъ замыслилъ основать,—государства, въ которомъ различія между западомъ и востокомъ, между греками и варварами, какъ они до сихъ поръ существовали въ исторіи, должны были исчезнуть въ единствѣ всемірной монархіи.

Но какова же должна была быть организація и администрація этого государства, въ какой политической и военной формѣ должна была быть проведена эта мысль, нормировавшая гражданскую и церковную жизнь? Если отнынѣ сатрапами, окружавшими царя лицами, вельможами государства и войскомъ должны были быть только македоняне и эллины, то это сліяніе являлось лишь предлогомъ или иллюзіей, народность не выходила признанной, а только терпимой, прошедшее связывалось съ будущимъ только несчастіемъ и скорбными воспоминаніями, и вмѣсто азіатскаго господства, которое по крайней мѣрѣ выросло въ этой части свѣта, на Азію ложилось чуждое, неестественное, вдвойнѣ тяжелое иго.

Отвѣтъ на эти вопросы знаменуетъ катастрофу въ геройской жизни Александра; это червь, самъ подтачивающій корень своего величія, роковая судьба его побѣдъ, побѣждающая его самого.

Пока царь Персіи ищетъ спасенія въ своемъ послѣднемъ бѣгствѣ, Александръ начинаетъ украшать себя блескомъ персидскаго царскаго сана, собирать вокругъ себя персидскихъ вельможъ, примиряться съ племенемъ, съ которымъ онъ боролся и которое онъ унижилъ, и присоединять къ знати востока знатъ Македоніи.

Уже съ осени 334 года на службѣ и въ чести у него находится Миеринъ изъ Сарды, а затѣмъ, со времени паденія Тира и Газы, Мазакъ и Амминанъ изъ Египта. День Гавгамелы сломилъ гордость и самоувѣренность персидскихъ вельможъ, они научились смотрѣть на вещи другими глазами, чѣмъ прежде; число переходящихъ на сторону Александра растетъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Миеринъ получилъ всегда считавшуюся важной сатрапію Арменіи, а Мазей, храбро бившійся противъ Александра, богатую вавилонскую сатрапію. Боль-

шая часть персидской знати отрекается отъ дѣла бѣжавшаго Ахеменида и собирается кругомъ побѣдителя.

Естественно, что Александръ идетъ имъ навстрѣчу, насколько это возможно. Но столь же естественно, что, давая персу новую сатрапію или оставляя ему его прежнюю, онъ образуетъ вооруженную силу сатрапіи изъ македонскихъ войскъ и во главѣ ея ставитъ македонскаго военачальника; столь же естественно, что финансы сатрапіи отдѣляются отъ области вѣденія сатрапа и сборъ податей предоставляется македонянамъ.

Такъ было теперь въ вавилонской сатрапіи. Для сбора податей рядомъ съ сатрапомъ Мазеемъ былъ поставленъ Асклепідоръ; городъ Вавлонъ получилъ сильный гарнизонъ, расположившійся въ цитадели, подъ предводительствомъ Агаѳона ⁴⁷⁾, брата Парменіона, а стратигію надъ оставшимися у сатрапа войсками получилъ Аполлоръ изъ Амфиполя; кромѣ того Минъ, одинъ изъ семи соматофилаковъ, былъ назначенъ гипархомъ Сиріи, Фипикіи и Киликіи и подъ его начальство были отданы необходимыя войска, чтобы обезопасить большую дорогу изъ Вавилона къ морскому берегу и транспорты съ Востока въ Европу и обратно, что было вдвойнѣ необходимо благодаря разбойничьимъ инстинктамъ кочевавшихъ по пустынь племенъ бедуиновъ. Первымъ транспортомъ была сумма приблизительно въ три тысячи талантовъ серебра, изъ которыхъ часть назначалась для Антипатра, чтобы онъ могъ энергично вести какъ разъ теперь начатую войну со Спартой, а остальное предназначалось на вербовку солдатъ для главной арміи въ возможно широкихъ размѣрахъ.

Во время приблизительно тридцатидневнаго пребыванія Александра въ Вавилонѣ Суза, городъ, гдѣ находился персидскій придворный лагерь и царскія сокровища, была приобрѣтена мирнымъ путемъ. Уже изъ Арбелы Александръ послалъ впередъ македонянина Филоксена ⁴⁸⁾, какъ кажется во главѣ легкаго отряда, чтобы обезпечить за собой городъ и царскія сокровища; теперь онъ получилъ отъ него извѣстіе, что Суза сдалась добровольно, что сокровища спасены, и что сатрапъ Абулита изъявляетъ покорность Александру ⁴⁹⁾. Черезъ двадцать дней по выступленіи изъ Вавилона Александръ прибылъ въ Сузу ⁵⁰⁾; онъ немедленно завладѣлъ несмѣтными сокровищами, накопившимися со времени первыхъ персидскихъ царей въ высокой цитадели города, кисійскомъ Мемноніи греческихъ поэтовъ ⁵¹⁾; одного золота и серебра было пятьдесятъ тысячъ талантовъ, и кромѣ того здѣсь находились громадныя запасы пурпура, благовоній, драгоценныхъ камней, вся обильная утварь самаго лышнаго изъ всѣхъ дворовъ, многочисленная добыча, вывезенная изъ Греціи во время Ксеркса, и между нею бронзовыя статуи убійцы тиранна Гармодія и Аристогитона, которыя Александръ отослалъ обратно къ аѳинянамъ.

Въ то время, когда войско находилось еще въ Сузѣ и на берегахъ Хоаспа, посланный годъ тому назадъ изъ-подъ Газы за подкрѣпленіями на родину стратигъ Аминта явился съ новыми войсками ⁵²⁾. Ихъ распредѣленіе по различнымъ частямъ войска ⁵³⁾ было въ то же время началомъ новой организаціи арміи, которая въ теченіе слѣдующаго года была проведена дальше на новыхъ основані-

яхъ, вызванныхъ ходомъ войны въ верхнихъ сатрапіяхъ; начало было положено раздѣленіемъ изъ македонской конницы на два лоха, что, такъ сказать, удвоило ихъ тактически.

Позднѣе мы возвратимся къ этой реорганизаціи. Она является вступленіемъ къ крупнымъ перемѣнамъ, которыя, каково бы ни было мнѣніе о поведеніи Александра въ этомъ случаѣ, необходимо вытекало изъ логической послѣдовательности предпринятаго имъ дѣла и изъ условій, необходимыхъ для достиженія успѣха.

Прежде всего, хотя теперь и была половина декабря, Александръ думалъ двинуться къ царскимъ городамъ области Персиды, съ обладаніемъ которыми, какъ привыкла считать народная вѣра, было неразрывно связано господство надъ Азіей; появленіе его тамъ на тронѣ персидскихъ царей, во дворцахъ Кира, Дарія и Ксеркса, было для нихъ доказательствомъ паденія династіи Ахеменидовъ. Онъ поспѣшилъ привести въ порядокъ дѣла области Сузы. Онъ утвердилъ сатрапію за сатрапомъ Абулитомъ, передалъ цитадель города Сузы Мазару ⁵⁴), а командованіе войсками сатрапіи вмѣстѣ съ корпусомъ изъ тридцати тысячъ человекъ Архелаю; замки Сузы онъ назначилъ будущею резиденціею матери и дѣтей персидскаго царя, которые до сихъ поръ находились при немъ, и окружилъ ихъ придворнымъ царскимъ штатомъ; разсказываютъ, что онъ оставилъ при дворѣ царевнѣ нѣсколько греческихъ ученыхъ, выразивъ желаніе, чтобы онѣ научились отъ нихъ по гречески ⁵⁵). Послѣ этихъ распоряженій онъ выступилъ съ войскомъ въ Персію.

Среди различныхъ военныхъ трудностей, дѣлающихъ замѣчательными походы Александра, не малую роль играетъ трудность ориентироваться въ совершенно чуждыхъ земляхъ. Теперь приходилось подниматься изъ низменности на Иранскую возвышенность, въ области, о конфигураціи, протяженіи, средствахъ къ существованію, дорогахъ и климатическихъ условіяхъ которыхъ греческій міръ до сихъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Мы должны предположить, что Александру удалось составить себѣ приблизительное представленіе о географическихъ условіяхъ областей, противъ которыхъ онъ думалъ теперь обратиться, изъ сообщеній персовъ, которыхъ онъ теперь имѣлъ достаточно въ числѣ окружавшихъ его лицъ; детали должны были выясниться внослѣдствіи изъ обстоятельствъ и изъ распросовъ на самомъ мѣстѣ.

Чтобы изъ равнины Сузіаны достигнуть царскихъ городовъ высокой Персиды, прежде всего было необходимо пройти черезъ крайне трудные проходы. Дорога, которую долженъ былъ избрать или, вѣрнѣе, открыть себѣ Александръ, была та, которая была устроена между Персеполемъ и Сузой для переѣздовъ персидскаго двора ⁵⁶). Она вела сперва по богатой сузіанской равнинѣ, черезъ Копрату (Дизфуль) и Эвлай (Куранъ у Шустера), которые соединяются и подъ названіемъ Пазитигра (Малаго Тигра) текутъ въ «Эрирейское море», — затѣмъ далѣе, черезъ двѣ рѣки, древнихъ именъ которыхъ мы болѣе не можемъ опредѣлить, черезъ Иераги у Рамъ Гормуза и черезъ Табъ (Арозъ?). Между этими двумя рѣками идетъ проходъ изъ равнины въ горы, тотъ самый проходъ, какъ кажется, который

былъ названъ древними проходомъ Уксіевъ ⁵⁷⁾. Уксін живутъ частью на равнинѣ, частью въ горахъ, сопровождающихъ ее на сѣверо-востокъ; подвластны персидскому царю были только обитавшіе на равнинѣ; горные уксін, когда дворъ Ёхаль по этой дорогѣ, давали позволеніе пройти черезъ этотъ находившійся въ ихъ рукахъ проходъ только за богатые подарки. Тѣ же самыя окружающія иранскую возвышенность горы, которыя около Пипевін подходятъ къ самому Тигру, сопровождаютъ своей юго-восточной цѣпью равнину сузіанцевъ и уксіевъ, поднимаясь нѣсколькими, лежащими другъ за другомъ, террасами до высоты вѣчныхъ снѣговъ; далѣе къ юго-востоку, гдѣ вмѣсто равнины и какъ бы въ видѣ продолженія ея глубоко врѣзывается въ сушу Эриорейское море, число этихъ поднимающихся отъ берега террасъ увеличивается до восьми и девяти параллельныхъ линій горъ, надъ которыми, если смотрѣть съ залива миляхъ въ двадцати отъ берега, виднѣется какъ центральная масса высокая снѣжная цѣпь Кухъ-и-Баэна. Миновавъ вышеупомянутые проходы уксіевъ, «прѣзжая дорога» ⁵⁸⁾ ведетъ въ Бабеханъ по этому лабиринту горныхъ цѣпей, прорывающихся между ними горныхъ потоковъ, маленькихъ равнинъ и проходовъ между ними, затѣмъ идетъ въ юговосточномъ направленіи по равнинѣ Ласеера, проходить далѣе къ востоку въ равнину Башта и затѣмъ въ равнину Фахіана, окруженную такими высокими горами, что солнце въ этой деревнѣ видно только утромъ, а всю остальную часть дня она постоянно въ тѣни. Эту лежащую къ востоку долину замыкаетъ скалистый пикъ Келахъ-и-Сефида, а лежащая на вершинѣ его крѣпость вполне преграждаетъ путь. Таковы персидскіе проходы на прѣзжей дорогѣ черезъ Ширазъ въ Персеполи; кто желаетъ избѣжать ихъ, обращается у Фахіаны къ югу и достигаетъ Шираза черезъ Казерунъ. «дурную идущую вверхъ и внизъ по скаламъ дорогу». Маршрутъ Александра показываетъ, что этотъ проходъ можно обойти съ сѣвера и отъ Таба пройти болѣе короткимъ путемъ, чѣмъ прѣзжая дорога. Уже у Бабехана есть одна дорога лѣвѣе къ сѣверу, которая у Тангъ и Тебака поднимается на лежащую за нимъ болѣе высокую террасу и затѣмъ у Башта опять, повидимому, приводитъ къ большой дорогѣ; затѣмъ снова упоминается одна дорога у Фахіаны, ведущая прямо къ сѣверу въ горы и спускающаяся по ту сторону Келахъ-и-Сефида въ лежащую позади крѣпости маленькую равнину.

Таковы были дороги, по которымъ долженъ былъ пройти Александръ, чтобы достигнуть Персеполя и Пасаргадъ; время года было крайне неблагопріятно, на горахъ уже долженъ былъ лежать глубокій снѣгъ, частые бивуаки благодаря рѣдкости поселеній и холоднымъ ночи должны были еще болѣе затруднять и безъ того уже трудный путь; кромѣ того, можно было ожидать сопротивленія со стороны уксіевъ и еще болѣе со стороны Ариобарзана, который со значительными силами укрѣпился въ верхнихъ проходахъ. Несмотря на все это, Александръ поспѣшилъ въ Персію, не только для того, чтобы завладѣть страной, сокровищами Персеполя и Пасаргадъ и ведущимъ въ глубину Ирана путемъ, но главнымъ образомъ для того, чтобы долгимъ промедленіемъ не дать персидскому царю времени предпри-

чать обширныя вооруженія и изъ Мидіи обратиться сюда, чтобы защищать за столь трудными персидскими проходами колыбель персидскаго царства и Высокую Порту Ахеменидовъ.

Такимъ образомъ Александръ прошелъ по равнинѣ Сузіаны, перешелъ черезъ нѣсколько дней Пазитигръ ⁶⁰⁾ и вступилъ въ область жившихъ въ долинѣ уксіевъ, которые, будучи подвластны персидскому царю и состоя въ вѣденіи сатрапа Сузіаны, немедленно сдались. Горные же уксіи послали къ нему уполномоченныхъ сказать, что они позволяютъ ему пройти только тогда, если получать и отъ него тоже подарки, которые дали бы имъ персидскіе цари. Чѣмъ важнѣе былъ свободный проходъ въ верхнія области, тѣмъ менѣе могъ Александръ оставить его въ рукахъ дерзкаго горнаго народа; онъ послалъ сказать имъ, чтобы они явились въ тѣнины и получили бы тамъ свою часть.

Съ агемой и другими гипасистами, и еще тысячею съ восемью человекъ большею частью изъ легковооруженныхъ онъ, ведомый проводниками изъ сузіанцевъ, двинулся ночью по другой весьма тяжелой горной тропинкѣ, которая осталась не занятой уксіями ⁶¹⁾; съ наступленіемъ дня онъ достигъ ихъ деревень; большинство тѣхъ, которые были дома, были перебиты въ постеляхъ, дома были разграблены и преданы пламени. Затѣмъ войско бросилось къ тѣнинамъ, куда со всѣхъ сторонъ собрались уксіи. На лежавшія позади занятыхъ уксіями тѣнинъ высоты Александръ послалъ Кратера съ частью войска, а самъ съ величайшей поспѣшностью началъ наступать на самый проходъ, такъ что варвары, обойденные кругомъ, испуганные быстротою непріятеля и лишенные всѣхъ преимуществъ, которые могъ дать имъ узкій проходъ, при приближеніи Александра сомкнувшись строемъ, немедленно отступили и обратились въ бѣгство; многіе попадали въ пропасти, многіе были перебиты преслѣдующими македонцами, а еще большее количество было перебито войсками Кратера на высотѣ, куда они хотѣли спастись. Александръ намѣревался сначала выселить изъ этой мѣстности все племя горныхъ уксіевъ; за нихъ ходатайствовала Сизигамва, царица-мать; Мадата, мать ея племянницы, какъ говорятъ, былъ ихъ предводителемъ. Александръ внявъ просьбамъ царицы и оставилъ этимъ пастушескимъ племенамъ ихъ горы; онъ обложилъ ихъ ежегодной данью, состоявшей изъ тысячи лошадей, пятисотъ головъ вьючнаго скота и тридцати тысячъ овецъ; денегъ и пахотныхъ земель они не имѣли ⁶²⁾.

Такимъ образомъ путь въ верхнія горы былъ открытъ; и пока Парменіонъ съ одной половиной войска, состоявшей изъ тяжелооруженныхъ ⁶³⁾ пѣхотинцевъ, ессалійскихъ всадниковъ и обоза, двинулся далѣе по большой военной дорогѣ, самъ Александръ съ македонскою пѣхотой, конницей, сариссофорами, агріанами и стрѣлками поспѣшилъ къ персидскимъ проходамъ ⁶⁴⁾ ближайшимъ, но болѣе труднымъ путемъ черезъ горы. Идя форсированнымъ маршемъ, онъ на пятый день достигъ входа въ нихъ и нашелъ его прегражденнымъ рѣбкими стѣнами ⁶⁵⁾; за стѣною, какъ говорили, стоятъ сатрапы Ариобарзанъ съ сорока тысячами человекъ пѣхоты и семьюстами всадниками, рѣшившись защитить входъ какою бы то ни было цѣ-

ною. Александръ расположился здѣсь лагеремъ; на слѣдующее утро онъ отважился вступить въ окруженную высокими скалами область прохода и произвести нападеніе на стѣну; онъ былъ встрѣченъ градомъ метательныхъ камней и стрѣлъ, сбрасываемыми съ высоты обломками скалъ и окружившимъ его съ трехъ сторонъ разъяреннымъ непріателемъ; тщетно нѣкоторые воины пытались взобраться на скалистые стѣны, позиція непріятеля была неприступна. Александръ отступилъ обратно въ свой лагерь, находившійся въ часовомъ разстояніи отъ прохода ⁶⁶.

Положеніе его было трудное; въ Персеполь велъ только этотъ проходъ, онъ долженъ былъ быть взятъ, чтобы въ противномъ случаѣ не наступилъ опасный перерывъ въ ходѣ военныхъ дѣйствій; но объ эти скалистые стѣны, казалось, должны были разбиться всѣ усилія искусства и мужества; а между тѣмъ отъ взятія этихъ проходовъ зависѣло все. Александръ узналъ отъ плѣнныхъ, что эти горы по большей части покрыты густыми лѣсами, что черезъ нихъ ведетъ только нѣсколько опасныхъ тропинокъ и что онъ теперь представлятъ вдвое болѣе труда благодаря лежащему на горахъ снѣгу, но что съ другой стороны обойти проходы и проникнуть въ запятую Ариобарзаномъ мѣстность возможно только по этимъ скалистымъ тропинкамъ. Александръ рѣшился на эту, быть можетъ, наиболѣе опасную экспедицію въ своей жизни.

Кратеръ со своей фалангой и съ фалангой Мелеагра, частью стрѣлковъ и пятью сотнями конницы остался въ лагерь съ приказомъ, при помощи сторожевыхъ огней и всѣми другими способами скрыть отъ непріятеля раздѣленіе арміи, а затѣмъ, когда онъ услышитъ по ту сторону горъ македонскія трубы, со всѣми своими силами приступить къ штурму стѣны. Самъ Александръ съ фалангами Аминты, Пердикки, Кена ⁶⁷), съ гипаспистами и агріанами, съ частью стрѣлковъ и большею частью конницы, которою предводительствовалъ Филота, выступилъ ночью и перешелъ черезъ горы, сдѣлавъ болѣе двухъ миль труднаго пути по глубокому снѣгу. На слѣдующее утро онъ былъ на той сторонѣ; справа тинулась горная цѣпь, кончающаяся у проходовъ выше непріятельскаго лагеря, впереди была долина, простирающаяся къ равнинѣ Аракса, черезъ который ведетъ дорога въ Персеполь, позади были перейденныя съ трудомъ высокія горы, которыя въ случаѣ неудачи могли бы сдѣлать возвратъ и спасеніе невозможнымъ. Послѣ небольшого отдыха Александръ раздѣлилъ свое войско; Аминтъ, Кену и Филотъ съ ихъ отрядами онъ приказалъ спуститься въ равнину, какъ для того, чтобы соорудить мостъ черезъ рѣку на дорогѣ въ Персеполь ⁶⁸), такъ и для того, чтобы преградить персамъ отступленіе къ Персеполю, если они будутъ побѣждены; самъ съ гипаспистами, съ таксисомъ Пердикки, съ конной свитой и тетрархіей конницы, со стрѣлками и агріанами онъ двинулся направо къ проходамъ; это и безъ того не легкое движеніе было еще значительно затруднено покрывавшимъ гору лѣсомъ, сильной бурей и темнотою ночи. Передъ разсвѣтомъ они встрѣтили первые форпосты персовъ, — они были перебиты; затѣмъ они приблизились ко второй линіи персовъ, не многимъ удалось спастись на третью линію постовъ, чтобы бѣжать съ нею не въ лагерь, а въ горы.

Въ персидскомъ лагерѣ нимаю не подозрѣвали того, что происходило; македоняне они считали находящимися внизу передъ долиной; во время этой зимней бури они сидѣли по шатрамъ, въ полномъ убѣжденіи, что буря и снѣгъ сдѣлаютъ нападеніе для непріятеля невозможнымъ; такимъ образомъ, въ лагерѣ все было спокойно, какъ вдругъ, — это было раннимъ утромъ, — сирава на высотахъ загремѣли македонскія трубы и въ одно время и съ высотъ и изъ долины внизу раздались боевые клики. Александръ былъ уже въ тылу персовъ, когда Кратеръ началъ свой штурмъ изъ долины и безъ труда овладѣлъ плохо охраняемыми входами; бѣжавшіе оттуда попадали навстрѣчу мечамъ и копьямъ наступавшаго царя; возвращаясь на оставленныя ими позиціи, они нашли ихъ уже занятыми третьими отрядами, такъ какъ Птолемей былъ оставленъ съ 3000 человекъ, чтобы произвести нападеніе сбоку. Такимъ образомъ македоняне со всѣхъ сторонъ стекались въ непріятельскій лагерь. Здѣсь началась ужасная рѣзня, бѣгущіе бросились на мечи македонянъ, многіе бросались въ пропасти, все было потеряно; Аріобарзану удалось пробиться; съ нѣсколькими всадниками онъ бѣжалъ въ горы и по потайнымъ дорогамъ къ сѣверу въ Мидію.

Послѣ небольшого отдыха Александръ двинулся на Персеполь; дорогой, какъ говорятъ, онъ получилъ письмо отъ Тиридата, имѣвшаго въ своемъ вѣдѣніи сокровища царя, гдѣ тотъ торопилъ его, такъ какъ иначе сокровищница можетъ быть разграблена ⁷⁰⁾. Поэтому, чтобы скорѣе достигнуть города, онъ оставилъ нѣхоту позади и поспѣшилъ впередъ съ всадниками; съ наступленіемъ дня онъ былъ на мосту, который былъ уже выстроенъ авангардомъ. Его неожиданное появленіе, — онъ едва не опередилъ извѣстія о битвѣ, — сдѣлало невозможнымъ всякое сопротивленіе и всякіе безпорядки; городъ, дворцы, сокровища были немедленно захвачены. Такъ же быстро достались побѣдителю Пасаргады ⁷¹⁾ съ новыми, еще болѣе значительными, сокровищами; здѣсь было найдено много тысячъ талантовъ золота и серебра, несмѣтное множество дорогихъ тканей и драгоценностей; рассказываютъ, что для того, чтобы вывезти ихъ оттуда, понадобилось десять тысячъ паръ муловъ и три тысячи верблюдовъ ⁷²⁾.

Еще важнѣе, чѣмъ эти богатства, съ которыми Александръ отнялъ у своего непріятеля главное орудіе его силы и которыя его щедрость возвратила изъ-подъ мертвыхъ сводовъ сокровищницы къ обращенію между народами, у которыхъ они были отняты столь долгое время, было обладаніе самой этой областью, ближайшей родиной персидскаго царскаго дома. Киръ побѣдилъ господство мидянъ въ долині Пасаргады и въ воспоминаніе о своей великой побѣдѣ воздвигъ тамъ свою резиденцію, свои дворцы и свою гробницу, — среди памятниковъ величайшей земной роскоши простой домикъ въ скалѣ, у котораго благочестивые маги ежедневно приносили жертвы и возсылали молитвы. Еще богаче роскошными постройками была долина Персеполя съ составлявшими ея восточное и западное продолженіе долинами Аракса и Мида. Дарій, сынъ Гистаспа, который впервые потребовалъ отъ эллиновъ земли и воды, который филэллина Алек-

сандра, македонскаго царя, сдѣлалъ персидскимъ сатраномъ, былъ здѣсь послѣ лже-Смердиса провозглашенъ персидскимъ царемъ и построилъ здѣсь свой дворецъ, свою базилику и свою гробницу; многіе изъ слѣдовавшихъ за ними царей наполнили скалистую долину Бендемира новыми роскошными зданіями, охотничьими пущами и парками, дворцами и царскими гробницами; царская порта «сорока колоннъ», воздвигнутое на скалѣ величавое зданіе на трехъ террасахъ, съ колоссальными изваяніями коней и быковъ при входѣ, масса исполинскихъ зданій отдѣланныхъ съ величайшей роскошью и подавлявшихъ своимъ величіемъ украшали священный округъ, который народы Азіи чтили, какъ мѣсто помананій царей и мѣсто, гдѣ они принимали поклоненіе, какъ очагъ и центръ могущественнаго царства. Это царство теперь пало; Александръ сидѣлъ на тронѣ того же самаго Ксеркса, который нѣкогда разбилъ свой роскошный шатеръ на высокому берегу саламинскаго залива, святотатственная рука котораго сожгла акрополь Аѳинъ и разрушила храмы боговъ и гробницы мертвыхъ. Теперь македонскій царь, полководецъ союза эллиновъ, былъ господиномъ въ этихъ царскихъ городахъ и въ этихъ дворцахъ; теперь, казалось, настало время отомстить за старыя обиды и примирить съ собою боговъ и мертвецовъ Анда: здѣсь на этомъ очагѣ персидскаго могущества должно было свершиться право возмездія и искупиться старая вина, народы Азіи воочію должны были получить доказательство, что порабошавшая ихъ донынѣ сила исчезла и умерла, что они уничтожены навѣки ⁷³⁾. Мы имѣемъ достаточно доказательствъ тому, что это не было дѣломъ минутнаго возбужденія, но спокойно обдуманнѣмъ рѣшеніемъ, когда Александръ приказалъ ⁷⁴⁾ зажечь покрытыя обшивкой изъ кедроваго дерева стѣны царскаго дворца. Парменіонъ былъ другого мнѣнія, онъ совѣтовалъ царю пощадить прекрасное зданіе, составлявшее его собственность, и не оскорблять персовъ въ памятникахъ ихъ прежняго величія и славы. Царь остался при убѣжденіи, что задуманная имъ мѣра полезна и необходима. Такимъ образомъ сгорѣла часть дворца въ Персеполиѣ. Затѣмъ царь приказалъ потушить пламя ⁷⁵⁾.

Быть можетъ, этотъ пожаръ находился въ связи съ особеннымъ пріемомъ восшествія на престолъ, къ которому, повидимому, прибѣгнулъ Александръ. Разсказываютъ, что коринѳянинъ Демаратъ, увидавъ Александра сидящимъ подъ золотымъ балдахиномъ на тронѣ персидскихъ царей, воскликнулъ: какой великой радости лишились ты, которымъ не пришлось дожиться до этого дня.

Здѣсь мы должны обсудить еще другую возможность, — возможность, не лишнюю значенія для составленія себѣ общаго представленія объ Александрѣ и его дѣйствіяхъ.

Если происшедшія въ Персеполиѣ событія были торжественной деклараціей конца власти Ахеменидовъ и формальнымъ вступленіемъ во владѣніе объявленнымъ вакантнымъ царствомъ, то мы должны спросить, неужели только теперь, именно теперь наступила минута, чтобы въ такой выразительной символической формѣ объявить объ окончательномъ разрывѣ съ прошлымъ и исполнить надъ нимъ свой приговоръ. Если битва при Гавгамелѣ рѣшительно сломила могу-

шество Персін, то почему тогда Александръ полгода медлил сдѣлать шагъ, для котораго во всякомъ случаѣ столица Вавилонъ или резиденція въ Сузѣ были столь же подходящимъ мѣстомъ? или если онъ откладывалъ его потому, что съ этой побѣдой, со взятіемъ Вавилона и Сузъ, еще не казалось приобретеннымъ достаточно, то развѣ въ такомъ случаѣ оккупация Персиды имѣла такое большое военное и политическое значеніе, когда въ рукахъ Дарія была еще Мидія съ Эвбатаной, а вмѣстѣ съ ними и обширный сѣверъ и востокъ царства, и кратчайшая дорога къ Тигру и къ большой царской дорогѣ изъ Сузъ въ Сарды, и возможность прорвать длинную и слабо охраняемую линію, соединявшую Александра съ сатрапіями запада и съ Европой, которую имѣло собравшееся въ Мидіи войско конныхъ полчищъ востока?

Характеръ дошедшихъ до насъ преданій не таковъ, чтобы мы имѣли право предположить, что найдемъ въ нихъ упоминаніе обо всемъ существенномъ. Они достаточно многорѣчивы, когда приходится произносить нравственный судъ надъ Александромъ; о его военныхъ дѣяніяхъ они даютъ приблизительно достаточно для того, чтобы можно было угадать общую связь между ними; о его политическихъ дѣяніяхъ, о руководившихъ имъ мотивахъ, о цѣляхъ, которые онъ имѣлъ въ виду, они говорятъ мало или вовсе молчатъ; такъ что на основаніи даваемыхъ ими свѣдѣній могло казаться справедливымъ представленіе, что Александръ перешелъ черезъ Геллеспонтъ съ весьма простымъ планомъ дойти до неизвѣстнаго еще Ганга и столь же неизвѣстнаго моря на востокъ, въ которое онъ впадаетъ.

Отвѣтъ, данный Александромъ послѣ битвы при Иссъ на жалкія и въ то же время высокомѣрные предложенія персидскаго царя, показало, въ какой формѣ и на какихъ основаніяхъ Александръ представлялъ себѣ возможнымъ заключеніе мира. Требованіе, которое онъ выставилъ въ немъ первымъ, вытекало изъ самаго положенія вещей и изъ суммы предшествовавшихъ историческихъ фактовъ. Пѣ-когда предки Дарія принудили македонскаго царя подчиниться ихъ верховенству и быть ихъ сатрапомъ; они потребовали отъ греческихъ государствъ земли и воды, они постоянно смотрѣли на себя какъ на естественныхъ повелителей эллиновъ и варваровъ Европы, на основаніи постановленій антаклидова мира они отдавали греческимъ государствамъ «приказы», которыхъ исполненіе было обязательно; когда царь Филиппъ воевалъ съ Перинеемъ и Византіей, они безъ всякихъ основаній послали противъ него войска, какъ будто бы имъ принадлежало право держать въ своихъ рукахъ греческій міръ и вмѣшиваться, гдѣ и когда имъ вздумается. Если эти притязанія на господство также и надъ греческимъ міромъ лежали въ существѣ Персін, этой «монархіи Азіи», то цѣлью войны, для веденія которой выступилъ Александръ во главѣ македонянъ и грековъ, могло быть только желаніе разъ и навсегда положить конецъ этимъ притязаніямъ. Послѣ битвы при Иссъ на предложенія Дарія Александръ отвѣчалъ только однимъ требованіемъ, требованіемъ признать, что владыка и царь Азіи уже болѣе не Дарій, а Александръ; за это признание онъ былъ готовъ сдѣлать уступки побѣжденному

противнику, даровать ему, — таково было приблизительно его выражение, — все, въ справедливости чего онъ убѣдить его, побѣдителя ⁷⁷⁾: если онъ отказывается отъ этого признанія, то онъ можетъ ожидать новой битвы. Поставленный передъ такой альтернативой, Дарій избралъ дальнѣйшую борьбу; онъ потерялъ второе большое сраженіе и съ нимъ обширную полосу земли отъ береговъ моря до окружавшихъ Иранъ горъ. Не долженъ ли онъ былъ понять теперь, что онъ не въ состояннн выдержать борьбу съ силами Александра? не показывало ли каждое дальнѣйшее движеніе послѣдняго, что онъ фактически является властелиномъ Азіи, признанія чего онъ потребовалъ, и что не существуетъ болѣе такой силы, которая могла бы помѣшать ему дѣлать то, чего онъ хочетъ? могъ ли Дарій еще сомнѣваться, что онъ долженъ склониться и подчиниться ему, если желаетъ спасти еще что-нибудь и возвратить себѣ дорогихъ для него заложницъ, находившихся въ рукахъ побѣдоноснаго противника?

Послѣ дня при Гавгамелѣ Александръ долженъ былъ ожидать, что Дарій пошлетъ къ нему, сдѣлаетъ ему еще болѣе подходящія предложенія, чѣмъ послѣ дня при Иссеѣ, и что онъ преклонится передъ силою вещей; такъ какъ ему не могло казаться умѣстнымъ принять инициативу непосредственно на себя, то онъ наемкнулъ царицѣ матери, по ходатайству которой онъ простилъ уксямъ, что охотно склонить свой слухъ къ мирнымъ предложеніямъ ея сына. Онъ могъ еще и теперь думать даровать своему побѣжденному противнику, если тотъ признаетъ совершившуюся перемѣну власти, такой миръ, который возвратилъ бы ему его земли, подданныхъ и семью. То, чѣмъ владѣлъ Александръ теперь, земли отъ моря до окружавшихъ Иранъ горныхъ уступовъ, составляло большое сплоченное и довольно однородное по своему народному составу цѣлое, достаточно обширное и богатое для того, чтобы, по соединеніи съ Македоніей и Греціей въ одно государство, составить господствующую державу Азіи, а своими морскими берегами достаточно близкое къ западу для того, чтобы прибавить сюда еще и господство надъ Средиземнымъ моремъ, краеугольный камень котораго былъ заложенъ въ египетской Александріи. Мирный договоръ въ такомъ смыслѣ скрѣпилъ бы дѣло побѣдоноснаго оружія признаніемъ со стороны того, кто палъ подъ его ударами.

Такова гипотетическая линія, которую мы нашли нужнымъ провести, чтобы указать на пробѣлъ, встрѣчающійся въ нашихъ источникахъ; событія въ Персеполѣ принимаютъ болѣе опредѣленный характеръ, если мы представимъ себѣ этотъ пробѣлъ дополненнымъ такимъ образомъ. Если Александръ желалъ мирныхъ предложеній, если онъ ожидалъ ихъ цѣлые долгіе мѣсяцы, если они не явились даже послѣ паденія Сузы, взятія шедшихъ въ Персію проходовъ и захвата находившихся тамъ старинныхъ царскихъ резиденцій, то приходилось, наконецъ, отказаться отъ надежды придти къ соглашенію путемъ договора и свершить тотъ актъ, которымъ власть Ахеменидовъ объявлялась умершею и провозглашался переходъ власти надъ монархіей Азіи въ новыя руки.

Таковъ былъ поставленный приговоръ, исполненію котораго должна была быть посвящена ближайшая военная задача.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВЫСТУПЛЕНІЕ ИЗЪ ПЕРСЕПОЛЯ.—ОТСТУПЛЕНІЕ ДАРІЯ ИЗЪ ЭКБАТАНЫ.—УМЕРЩВЛЕНІЕ ЕГО.—АЛЕКСАНДРЪ ВЪ ПАРΘИИ.—ПРЕДПРИЯТІЕ ЗОПИРІОНА, ВОЗМУЩЕНІЕ ОРАКИ, ВОЗСТАНІЕ АГИСА, ЕГО ПОРАЖЕНІЕ, УМРОТВОРЕНІЕ ГРЕЦІИ.

Четыре мѣсяца пробылъ Александръ въ царскихъ резиденціяхъ Персиды. Цѣлью его было не только дать отдыхъ войску; свѣдѣнія второстепенныхъ источниковъ должны быть вѣрны, что въ эти зимніе мѣсяцы онъ предпринялъ экспедицію противъ разбойничьихъ обитателей сосѣднихъ горъ, чтобы навсегда обезпечить страну отъ ихъ вторженій. Это были главнымъ образомъ Мардіи ¹⁾ въ южныхъ горахъ, которые, подобно уксіямъ, жили до сихъ поръ почти въ полной независимости. Послѣ нѣсколькихъ трудныхъ походовъ въ ихъ покрытыя снѣгомъ горныя долины Александръ принудилъ ихъ покориться. Сатрапія Карманія, къ которой Александръ долженъ былъ приблизиться при этомъ походѣ, покорилась, и сатрапъ Аспасть былъ снова утвержденъ въ своемъ санѣ ²⁾. Сатрапія Персида была еще раньше отдана благородному Фразарту, сыну того Реомиера, который нашелъ смерть въ битвѣ при Иссъ. Мы не можемъ заключить съ достаточной достовѣрностью изъ источниковъ, былъ ли поставленъ въ Персеполь гарнизонъ изъ 3000 человекъ; также не совсѣмъ установлено и то, здѣсь ли или вскорѣ по выступленіи войска въ походъ къ нему прибыло подкрѣпленіе изъ 5000 человекъ пѣхоты и 1000 всадниковъ ³⁾. Затѣмъ наконецъ—это должно было быть въ концѣ апрѣля—войско выступило въ Мидію, куда бѣжалъ Дарій съ остатками своей разбитой при Арбелѣ армии.

Послѣ своего пораженія Дарій отправился черезъ горы Мидіи въ Экбатану съ намѣреніемъ выждать здѣсь, что предприметъ Александръ, и, если послѣдній будетъ преслѣдовать его и здѣсь, то бѣжать на сѣверъ своего царства, опустошая все позади себя, чтобы Александръ не могъ слѣдовать за нимъ. Съ этою цѣлью онъ уже послалъ караванъ со своимъ гаремомъ, своими сокровищами и драгоценностями въ лежащій при входѣ въ каспійскіе проходы Раги, чтобы не быть стѣсненнымъ ими въ случаѣ необходимости быстрого бѣгства. Между тѣмъ шель мѣсяцъ за мѣсяцемъ, но ни въ проходахъ загорскихъ горъ, ни на внутренней границѣ Мидіи не показывались даже непріятельскіе развѣдчики. Затѣмъ въ Экбатану прибылъ Аріобарзантъ, мужественный защитникъ персидскихъ воротъ; теперь македонянъ должно было ожидать съ юго-востока; но непріятель не показывался. Не правились ли, быть можетъ, побѣдителю сокровища Персеполя и Пасаргадъ болѣе, чѣмъ новая борьба? не приковали ли къ себѣ его и его могущественное войско новыя и опяняющія наслажденія востока? Еще Дарій видѣлъ себя окруженнымъ вѣрными войсками и великодушными персидскими князьями; съ нимъ были цвѣтъ персидской знати: хилархія, которой предводительствовали

Набарзанъ, съ нимъ былъ Атропатъ мидійскій, Автофрадатъ, сатрапъ Тануриі, Фратафернъ, сатрапъ Гирканіи и Парѳіи, Сатибарзанъ, сатрапъ Ареи, Барзаантъ сатрапъ Арахозіи и Драугіаны, смѣлый бактръ Бессъ, родственникъ персидскаго царя, съ тремя тысячами бактрскихъ всадниковъ, которые спаслись съ нимъ изъ послѣдняго сраженія; затѣмъ братъ персидскаго царя Оксаеръ и престарѣлый Артабазъ, испытанный другъ Дарія, пользовавшійся наибольшимъ уваженіемъ между всѣми персами, со своими сыновьями; въ Экбатанѣ находились также сынъ персидскаго царя Оха, Бисоанъ, и сынъ невѣрнаго Мазея вавилонскаго, Артабелъ. Еще Дарій имѣлъ остатокъ своихъ полчищъ греческихъ наемниковъ подъ предводительствомъ фокейца Патропа; онъ ожидалъ прибытія нѣсколькихъ тысячъ Кадузіевъ и Скиновъ; въ Экбатану можно было еще разъ созвать съ оружіемъ въ рукахъ народы Турана и Аріаны, чтобы подъ предводительствомъ своихъ сатраповъ собраться около особы царя и защищать востокъ государства; территория Мидіи представляла достаточно позицій, на которыхъ можно было защищаться, особенно каспійскіе проходы, служившіе входомъ въ восточныя и сѣверныя сатрапіи, можно было легко защищать даже противъ превосходнаго по силамъ непріятеля и надолго задержать его. Дарій рѣшилъ еще разъ попытать счастья въ бою и задержать дальнѣйшее движеніе непріятеля съ войскомъ, которое удасться собрать до прибытія Александра. Отъ пословъ Спарты и Аѳинъ, находившихся въ его резиденціи, онъ долженъ былъ узнать, какое глубокое впечатлѣніе произвела въ Греціи вѣсть о битвѣ при Гавгамелѣ, что антимакедонская партія подняла голову, что многія государства или уже открыто соединились со Спартой, или ждутъ только первыхъ успѣховъ царя Агиса, чтобы отложиться отъ коринфскаго союза, что такимъ образомъ въ Греціи готовится переворотъ, который скоро принудитъ македонца возвратиться изъ Азіи ⁴⁾. Дарій могъ считать себя вправѣ надѣяться, что конецъ его несчастіямъ теперь недалекъ.

Александръ уже приближался. Паретакена, область между Персидой и Мидіей, покорилась и получила въ сатрапы Оксаера, сына сатрапа Сузіаны, Абулита; при вѣсти, что Дарій во главѣ значительнаго войска бактровъ, грековъ, скиновъ и кадузіевъ будетъ ожидать нападенія подъ стѣнами Экбатаны, Александръ ускорилъ свое движеніе, чтобы возможно скорѣе встрѣтиться съ непріятелемъ ⁵⁾. Для скорости движенія онъ оставилъ обозъ съ прикрытіемъ позади и черезъ двѣнадцать дней вступилъ на территорию Мидіи. Здѣсь онъ узналъ, что ни кадузіи, ни скины, которыхъ ожидалъ Дарій, не прибыли и что Дарій, чтобы оттянуть рѣшительную встрѣчу, уже собирается отступить къ каспійскимъ проходамъ, куда посланы впередъ женщины, телги и провіантъ. Александръ удвоилъ свою поспѣшность; онъ хотѣлъ имѣть въ своихъ рукахъ самого Дарія, чтобы положить конецъ всякой дальнѣйшей борьбѣ за персидскій престолъ. Тутъ въ трехъ дняхъ пути отъ Экбатаны, въ македонскій лагерь явился Бисоанъ, сынъ царя Оха, одинъ изъ тѣхъ, которые до сихъ поръ слѣдовали за персидскимъ царемъ; онъ подтвердилъ слухъ, что Дарій бѣжалъ дальше, что онъ выступилъ изъ Экбатаны пять дней тому

назадъ, что онъ взялъ съ собою сокровища Миди, составляющія около семи тысячъ талантовъ, и что его сопровождаетъ войско изъ шести тысячъ человекъ пѣхоты и трехъ тысячъ всадниковъ ⁶).

Александръ бросился въ Экбатану ⁷); тамъ были быстро сдѣланы всѣ необходимыя распоряженія; вессалійцы и другіе союзники, которые не желали добровольно служить долѣе, получили полное жалованье и были отправлены на родину съ подаркомъ въ двѣ тысячи талантовъ, по было немало такихъ, которые пожелали остаться ⁸); персъ Оксидатъ, осужденный ранѣе Даріемъ на вѣчное заключеніе, который былъ освобожденъ Александромъ въ Сузѣ и поэтому казался тѣмъ болѣе достойнымъ довѣрія, былъ назначенъ сатрапомъ Миди на мѣсто Атропата, который находился съ Даріемъ; Пармениону было поручено перевезти въ цитадель Экбатаны сокровища Персиды и передать ихъ Гарпалу, который былъ назначенъ завѣдывать ими и получилъ пока для охраны ихъ шесть тысячъ македонцевъ и пужное количество всадниковъ и легкихъ войскъ; затѣмъ, послѣ передачи сокровищъ, Парменионъ съ наемными войсками, еракійцами и т. д. долженъ былъ, минуя область кадузевъ, идти въ Гирканію. Клитъ, который заболѣлъ и былъ оставленъ въ Сузѣ, получилъ приказъ, какъ только это позволитъ состояніе его здоровья, отвести въ Парсію на соединеніе съ главной арміей тѣ шесть тысячъ человекъ, которые пока оставались у Гарпала. Съ остальными фалангами, съ македонской конницею, съ наемными всадниками Эригійя, сариссофорами, агрианами и стрѣлками, Александръ поспѣшилъ за бѣгущимъ Даріемъ; послѣ крайне утомительнаго одиннадцатидневнаго перехода, при которомъ пало много людей и лошадей, онъ достигъ Рагъ, откуда, несмотря на всю скорость Александра, до входа въ Каспійскія ворота оставался еще значительный переходъ въ восемь миль. Но извѣстіе, что Дарій уже по ту сторону прохода и на значительномъ разстояніи по дорогѣ въ Бактрію, а также и утомленное состояніе войскъ побудили царя отдохнуть нѣсколько дней въ Рагахъ ⁹).

Около того же времени Дарій расположился лагеремъ со своимъ войскомъ въ нѣсколькихъ дняхъ пути къ востоку отъ каспійскихъ проходовъ. Онъ былъ впереди непріятеля только на двадцать миль, и долженъ былъ убѣдиться, что съ одной стороны при той громадной скорости, съ какою гнался за нимъ Александръ, невозможно достигнуть бѣгствомъ бактрской земли и, что съ другой стороны, такъ какъ все-таки приходилось дать сраженіе, онъ долженъ былъ по возможности замедлить свое движеніе, чтобы его войска могли со свѣжими силами выступить навстрѣчу утомленному преслѣдованіемъ непріятелю; уже многіе изъ персидскаго войска перешли къ Александру, при дальнѣйшемъ бѣгствѣ приходилось опасаться новыхъ отпаденій. Дарій созвалъ окружавшихъ его вельможъ и объявилъ имъ о своемъ намѣреніи не избѣгать долѣе встрѣчи съ македонянами, но еще разъ испытать счастья въ открытомъ бою. Это заявленіе персидскаго царя произвело глубокое впечатлѣніе на собравшихся; несчастіе на большинство подѣйствовало удручающимъ образомъ, и они съ ужасомъ думали о новомъ боѣ; немногіе, и въ томъ числѣ Артабазъ, были

готовы пожертвовать всё для своего царя; противъ него поднялся хиліархъ Набарзанъ; необходимость, сказалъ онъ, принуждаетъ его говорить рѣзко; биться здѣсь есть вѣрнѣйшій путь къ гибели, надобно бѣжать далѣе къ востоку и вооружить тамъ новыя войска; но народы не вѣрятъ болѣе въ счастливую звѣзду царя; есть только одно спасеніе; Бессъ пользуется большимъ уваженіемъ у восточныхъ народовъ, скины и индусы находятся съ нимъ въ союзѣ, онъ состоитъ въ родствѣ съ царскимъ домомъ; пусть царь уступитъ ему тиару до тѣхъ поръ, пока врагъ не будетъ побѣжденъ. Персидскій царь выхватилъ изъ за пояса кипжаль, и Набарзану едва удалось спастись; онъ поспѣшилъ отдѣлиться со своимъ персидскимъ отрядомъ отъ лагера царя; Бессъ послѣдовалъ за нимъ съ народами Бактріи. Оба они дѣйствовали съобща и по давно подготовленному плану; они безъ труда склонили на свою сторону Барзаанта, сатрапа Арахозіи и Драугіаны; другіе сатрапы восточныхъ провинцій если не перешли къ нимъ открыто, то были болѣе склонны слѣдовать своимъ выгодамъ, чѣмъ долгу. Поэтому Артабазъ заклиналъ царя не слѣдовать внушеніямъ гнѣва, такъ какъ у мятежниковъ больше войскъ и безъ нихъ все пропало, а возвратить ихъ къ вѣрности и видимому повиновенію путемъ незаслуженныхъ милостей. Тѣмъ временемъ Бессъ сдѣлалъ попытку склонить отрядъ персовъ къ выступленію въ Бактрію; но они еще содрогались при мысли объ открытой измѣнѣ и не желали бѣжать безъ своего царя. Планъ Бесса, повидимому, не удался; тѣмъ упорнѣе онъ преслѣдовалъ его; онъ изобразилъ имъ опасности, которымъ подвергаетъ ихъ персидскій царь, и пріучилъ ихъ къ мысли о возможности злодѣянія, которое оказывается единственнымъ спасеніемъ. Тутъ явился Артабазъ съ извѣстіемъ, что царь прощаетъ Набарзану его необдуманная слова и самовольное отдѣленіе Бесса. Оба они бросились въ ставку царя, чтобы пасть передъ нимъ ницъ и выразить лицемѣрнымъ признаніемъ свое раскаянье.

На другой день войско двинулось далѣе по дорогѣ въ Фару; глухая тишина и недовѣрчивая тревога, господствовавшая повсюду, свѣдѣтельствовали скорѣе объ угрожающей, чѣмъ о прошедшей опасности. Предводитель грековъ старался приблизиться къ царю, колесницу котораго окружалъ Бессъ со своими всадниками. Наконецъ это удалось вѣрному чужеземцу; онъ сообщилъ царю свои опасенія и заклиналъ его ввѣриться охранѣ греческихъ войскъ, такъ какъ только тамъ жизнь его находится въ безопасности. Бессъ не понималъ словъ, но понималъ мимику грека; онъ увидѣлъ, что медлить долѣе нельзя. Вечеромъ они прибыли въ Фару; войска расположились лагеремъ, бактры, около ставки царя; въ тишинѣ ночи Бессъ, Набарзанъ, Барзаантъ и нѣсколько довѣренныхъ лицъ проникли въ его шатеръ, связали царя и спесли его въ телѣгу, въ которой они хотѣли везти его съ собой плѣнникомъ въ Бактрію, чтобы выдачею его купить себѣ миръ. Вѣсть объ этомъ событіи быстро разнеслась по лагерю и всѣ войска разсѣялись въ величайшемъ смущеніи; бактры потянулись далѣе къ востоку, большинство персовъ съ неудовольствіемъ послѣдовало за ними; Артабазъ и его сыновья оставили несчастнаго царя, которому они не могли болѣе помочь, и съ греческими наемниками

и послами изъ Эллады направились къ сѣверу въ горы Тапуріевъ; другіе персы, въ томъ числѣ сынъ Мазея Артабелъ и Багисоанъ вавилонскій, поспѣшили обратно, чтобы изъявить покорность Александру.

Александръ далъ въ Рагахъ нѣсколько дней отдыха своимъ войскамъ и на пятый день утромъ выступилъ далѣе; въ одинъ большой переходъ онъ достигъ западнаго конца проходовъ (Айванъ-и-Кейфъ); на слѣдующій день онъ прошелъ по этимъ проходамъ, которые, простираясь въ длину почти на три часа пути, не мало замедлили его движеніе, затѣмъ прошелъ дальше еще настолько, насколько можно было пройти въ этотъ день, по прекрасно воздѣланной равнинѣ Хорарены (Хуаръ) до начала степи, черезъ которую ведетъ къ востоку путь въ столицу Парѣи Гекатомпиль, пунктъ, гдѣ перекрещиваются большія дороги, ведущія въ Гирканію, Бактрію и Аріану. Пока армія стояла здѣсь лагеремъ и нѣкоторыя войска разсѣялись по окрестностямъ, чтобы запастись фуражемъ для перехода черезъ степь, въ македонскій лагерь прибыли Багисоанъ и Артабелъ и изъявили покорность царю; они открыли, что Бессъ и Набарзанъ овладѣли особой персидскаго царя и поспѣшно идутъ въ Бактрію; что произошло дальше, имъ неизвѣстно. Съ тѣмъ большей быстротой рѣшилъ Александръ преслѣдовать бѣгущихъ; оставивъ позади подъ предводительствомъ Кратера большую часть войскъ съ приказомъ медленно слѣдовать за нимъ, онъ самъ съ конницей, развѣдчиками и съ наиболѣе легкими и сильными изъ пѣхоты бросился за бѣгущими. Преслѣдованіе продолжалось всю ночь до слѣдующаго полудня; и послѣ нѣсколькихъ часовъ отдыха всю вторую ночь; къ восходу солнца, они достигли Фары, гдѣ четыре дня тому назадъ Дарій былъ взятъ въ плѣнъ мятежниками ¹¹⁾. Здѣсь Александръ узналъ отъ переводчика персидскаго царя Мелона, который былъ оставленъ по болѣзни ¹²⁾, что Артабазъ и греки отступили къ сѣверу въ тапурійскія горы, что власть перешла изъ рукъ Дарія въ руки Бесса, котораго персы и бактры признали своимъ повелителемъ, что планъ заговорщиковъ состоитъ въ томъ, чтобы отступить въ восточныя провинціи и предложить царю Александру выдачу Дарія взаменъ спокойнаго и независимаго обладанія персидскимъ востокомъ; если же онъ все-таки пойдетъ дальше, то они рѣшили собрать возможно большое войско и сообща защищать обладаніе землями, которыя они имѣютъ, пока же оставить руководство всѣмъ ходомъ предпріятія въ рукахъ Бесса, вѣроятно вслѣдствіе его родства съ царскимъ домомъ и его ближайшихъ правъ на престолъ ¹³⁾. Всѣ эти извѣстія требовали величайшей поспѣшности; едва успѣвъ отдохнуть въ теченіе жаркаго дня, Александръ бросился вечеромъ дальше и шелъ въ теченіе всей ночи; люди и лошади едва держались на ногахъ отъ усталости; такимъ образомъ онъ прибылъ къ полудню въ одну деревню (вѣроятно Бактабадъ), въ которой день тому назадъ стояли лагеремъ заговорщики и которую они оставили вечеромъ, чтобы, какъ ему сказали, продолжать свой путь далѣе ночью; они должны были быть впереди только въ нѣсколькихъ миляхъ; но лошади были измучены, люди болѣе чѣмъ утомлены, день былъ жарокъ; изъ распросовъ у туземцевъ, нѣтъ ли болѣе короткаго пути, чѣмъ тотъ, который избрали

бѣгущіе, Александръ узналъ, что болѣе короткий путь идти по пустышѣ, лишенной колодезь. Этимъ путемъ онъ рѣшилъ слѣдовать; выбравъ между конницей 500 лошадей и для нихъ офицеровъ и храбрѣйшихъ воиновъ изъ иѣхоты, онъ посадилъ ихъ въ полномъ вооруженіи на коней; отдавъ агріанамъ, которыми предводительствовалъ Атталъ, приказъ съ возможною скоростью слѣдовать за нимъ по военной дорогѣ, онъ со своими «двойными бойцами» около времени вечернихъ сумерекъ вступилъ на безводную степную дорогу. Многіе не выдержали чрезмѣрнаго утомленія и остались лежать на дорогѣ. Съ разсвѣтомъ показался тянувшійся безъ прикрытія караванъ государственныхъ измѣнниковъ; Александръ бросился на него; внезапный испугъ привелъ въ безпорядокъ длинную линію каравана, съ дикимъ крикомъ ринулись варвары въ разныя стороны; немногіе, пытавшіеся сопротивляться, скоро были побѣждены; другіе обратились въ бѣгство безъ памяти; тѣла Дарія, окруженная измѣнниками, находилась посредишѣ. Александръ былъ уже близко; оставалось только одно средство спасенія; Бессъ и Барзантъ пронзили связаннаго царя кинжалами и бросились бѣжать въ разныя стороны. Вскорѣ послѣ этого Дарій умеръ. Македоняне нашли его тѣло, и Александръ, какъ разсказываютъ, прикрылъ его своей пурпуровой мантией ¹⁴⁾.

Такъ кончилъ послѣдній персидскій царь изъ рода Ахеменидовъ. Онъ палъ не подъ ударами того, противъ кого онъ тщетно пытался защитить свое царство; битвы, которыя онъ потерялъ, стоили ему дороже земель и царскаго сана; они стоили ему вѣры и вѣрности его персидскаго народа и его вельможъ; бѣглець между измѣнниками, царь въ цѣпяхъ, онъ палъ подъ кинжалами своихъ сатраповъ, пронзенный своимъ родственникомъ по крови; ему осталась слава, что онъ не купилъ себѣ жизни цѣною тиары, что онъ не призналъ за преступными злодѣями правъ на престолъ своего рода и умеръ, какъ царь. Александръ и почтилъ его какъ царя; тѣло его было послано для погребенія въ гробницахъ Персеполя; Сизигамва похоронила своего сына.

Александръ достигъ большого, чѣмъ онъ могъ ожидать. Послѣ двухъ сраженій онъ дозволилъ бѣжать побѣжденному царю; но съ того времени, какъ онъ, властелинъ столицъ государства, принялъ на тронѣ Кира и по персидскому обряду поклоненіе вельможъ, съ того времени, какъ онъ былъ признанъ и долженъ былъ быть признанъ народами Азіи за ихъ повелителя и царя, бѣжавшій царь не долженъ былъ унести съ собою въ обширныя земли востока имени своего утраченнаго величія, которое могло бы сдѣлаться знаменемъ повыхъ возстаній. Желаніе и необходимость поймать непріятеля при героическомъ характерѣ Александра перешли у него въ личную страсть, въ гнѣвъ Ахилла; онъ преслѣдовалъ врага съ поспѣшностью, которая граничила съ невозможнымъ и которая, сгубивъ многихъ изъ его храбрыхъ воиновъ, навлекла бы на него справедливый упрекъ въ деспотической безпощадности, если бы онъ самъ не дѣлилъ со своими войсками трудовъ и усталости, зноя и жажды, если бы онъ самъ четыре ночи подрядъ не участвовалъ въ этой дикой травлѣ и не вы-

держалъ бы ее до послѣдняго остатка силъ. Въ это время, какъ разсказываютъ, ему принесли его люди воды въ желѣзномъ шлемѣ; онъ томился жаждой и взялъ шлемъ, но, видя, что его всадники съ грустью смотрятъ на сладостный напитокъ, отдалъ его назадъ со словами: «Если бы я выпилъ одинъ, то мои люди потеряли бы мужество». Тогда македонцы воскликнули: «Веди насъ, куда хочешь! мы не утомлены, мы не жаждемъ, мы не знаемъ смерти, пока ты у насъ государемъ!» И они потянули своихъ коней и поспѣли дальше со своимъ царемъ, пока не увидѣли непріятеля и не нашли убитата персидскаго владыки¹⁵⁾.

Въ томъ, что его противникъ попалъ въ его руки мертвымъ, а не живымъ, тоже хотѣли видѣть счастливую звѣзду Александра; онъ былъ бы всегда предметомъ справедливыхъ опасеній для Александра, поводомъ къ опаснымъ желаніямъ и планамъ для персовъ и, въ концѣ концовъ, путь къ спокойному обладанію Азіей лежалъ бы только черезъ его трупъ; Александра можно считать счастливымъ, что на его долю выпали только плоды, а не вина убійства; чтобы примирить съ собою персовъ, онъ могъ принять видъ, какъ будто-бы онъ оплакиваетъ смерть ихъ царя. Быть можетъ Александръ, какъ послѣ него великій римлянинъ, при видѣ измѣннической смерти своего недруга заботь поразоваться выгодамъ, которыя должна была представить ему пролитая кровь царя; великихъ гениевъ привязываютъ къ непріятелю особые узы, можно даже сказать, — необходимость, подобно тому какъ сила удара сообразуется съ предметомъ, который она должна поразить. Если мы вспомнимъ, какъ были приняты Александромъ царица, супруга и дѣти персидскаго царя, какъ онъ постоянно старался чтить и смячать ихъ несчастье, то мы не можемъ сомнѣваться насчетъ участи, которая постигла бы плѣнннаго царя; въ рукахъ непріятеля его жизнь была бы въ большей безопасности, чѣмъ среди персовъ и кровныхъ родныхъ.

Въ этихъ событіяхъ есть другой пунктъ, въ которомъ мы можемъ видѣть счастье Александра, — его счастье или его роковую судьбу. Если бы Дарій попалъ живымъ въ его руки, то его отказъ отъ земель, которыя у него уже были отняты, признаніе имъ новооснованной въ Азіи державы онъ могъ бы приобрѣсти или, если хотите, купить тѣмъ, что предоставилъ бы ему восточныя сатрапіи; въ этомъ случаѣ здѣсь, какъ онъ впоследствии сдѣлалъ въ Пидн съ царемъ. Поромъ, онъ оставилъ бы существовать на границахъ своего государства царство, которое въ свободныхъ формахъ зависимости признавало бы только его верховенство. Съ убіеніемъ Дарія возможность такого рѣшенія исчезла; если Александръ считалъ его возможнымъ, если онъ дѣйствительно думалъ о томъ, чтобы когда-нибудь остановиться, то теперь преступное злодѣяніе, совершенное надъ его противникомъ, увлекало его дальше, въ неизвѣстную еще даль. Убийцы присвоили себѣ власть и титулъ, которыхъ не могъ защитить законный царь; они были узурпаторами противъ Александра такъ же, какъ они сдѣлались измѣнниками противъ Дарія. Естественное завѣщаніе убитата цари назначало того, кто его побѣдилъ, мстителемъ его убійцамъ; величье персидскаго царскаго сана, приобрѣтенное правомъ меча,

сдѣлалось теперь въ рукахъ Александра мечомъ права и мести; оно не имѣло болѣе другихъ враговъ, кромѣ послѣднихъ своихъ представителей, никакого другаго представителя, кромѣ побѣдоноснаго врага этого же царства.

Во время ужасныхъ событій этихъ послѣднихъ дней положеніе персидскихъ вельможъ совершенно перемѣнилось. Тѣ, по большей части сатраны восточныхъ провинцій, которые послѣ битвы при Гавгамелѣ не оставили своего царя, — группируясь около особы царя, защищали свое собственное дѣло. Самопожертвованіе и трогательную преданность Артабаза, который, будучи пѣкюгда желаннымъ гостемъ въ Пеллѣ при дворѣ царя Филиппа, могъ быть увѣреннымъ въ почетномъ приѣмѣ у Александра, раздѣляли немногіе, такъ какъ она не могла принести пользы и была полна опасностей. Когда несчастная судьба персидскаго царя поставила на карту ихъ выгоды и даже самое существованіе ихъ власти, они начали защищать себя и свои притязанія на счетъ этого царя, одно только ослѣпленіе и слабость котораго по ихъ мнѣнію ввергли царство персовъ въ бездну гибели; теперь, когда было уже потеряно столько прекрасныхъ земель, постоянное бѣгство Дарія подвергало опасности и ихъ сатрапій; они считали справедливымъ лучше пріобрѣсти что-нибудь, чѣмъ потерять все, — лучше сохранить остатокъ персидскаго царства, чѣмъ принести и его въ жертву потерянному дѣлу; если Дарій могъ быть еще царемъ только при ихъ помощи, то они были также увѣрены, что будутъ въ силахъ защитить власть надъ своими владѣніями безъ Дарія.

Они взяли Дарія въ плѣнъ; внезапное нападеніе Александра заставило ихъ умертвить его, спасая самихъ себя; чтобы затруднить преслѣдованіе, они бѣжали двумя отрядами: Бессъ по Хорассанской дорогѣ въ Бактрію, Набарзанъ съ остатками своей хиліархій и съ сопровождавшими его пареянскими сатрапами — въ Гирканію, чтобы оттуда послѣдствовать въ Бактрію и соединиться съ Бессомъ. Ихъ планъ состоялъ въ томъ, чтобы поддержать персидскую монархію по крайней мѣрѣ на востокъ и затѣмъ, какъ иѣкогда по убійствѣ Смердиса, избрать изъ своей среды новаго царя царей. Однако было ясно, что, если Фратафернъ, сатрапъ Парѣи, Сатибарзанъ, сатрапъ Ареи, Барзаантъ, сатрапъ Дрангіаны отправлялись въ Бактрію, чтобы, какъ было условлено, биться подъ предводительствомъ Бесса, то ихъ сатрапій во всякомъ случаѣ попадали въ руки непріятеля и они приносили свои земли въ жертву весьма отдаленной надеждѣ; поэтому Фратафернъ остановился въ Гирканіи и Набарзанъ примкнулъ къ нему; Сатибарзанъ отправился въ Арею, Барзаантъ въ Дрангіану, чтобы предпринять сообразныя съ дальнѣйшими предиріятіями Александра мѣры; тотъ же эгоизмъ, который соединилъ ихъ для царевубійства, уничтожилъ послѣднее войско, которое еще могло бы выступить противъ непріятеля, и они, имѣя каждый въ виду только себя и свои собственныя выгоды, по одиночкѣ еще вѣрнѣе должны были пасть подъ ударами меча грознаго побѣдителя.

Александръ съ своей стороны послѣ этого нападенія не былъ, при полномъ утомленіи своихъ людей, въ состояніи преслѣдовать бѣжавшихъ въ разныя стороны убійцъ Дарія. Опъ остановился въ

равнинѣ Гекатомпила, чтобы стянуть къ себѣ оставшіяся позади войска и устроить дѣла сатрапіи Парѣи. Парѣѣ Амминѣ, покорившіяся царю вмѣстѣ съ Мазакѣмъ при его вступленіи въ Египетъ ¹⁶⁾, получилъ сатрапію, а съ нимъ рядомъ былъ поставленъ Тлеополемъ, принадлежавшій къ отряду этеровъ ¹⁷⁾.

На сѣверѣ города начинаются отроги цѣпи Эльбруса, которая была заселена тапурійцами; прорѣзанная отдѣльными проходами, эта цѣпь раздѣляетъ границы Парѣи на югѣ и Гирканіи на сѣверѣ, которыя только далѣе къ востоку соприкасаются другъ съ другомъ въ скалистыхъ хребтахъ Хорассана; обладаніе этими проходами, столь важными для сношеній между Каспійскимъ моремъ и внутренностью страны, между Ирапомъ и Тураномъ, было въ настоящую минуту тѣмъ необходимѣе для Александра, что съ одной стороны греческіе наемники отступили изъ Фары въ тапурійскія горы, а съ другой — по ту сторону горъ въ Гирканіи стояли Набарзанъ и Фратафернъ. Александръ оставилъ Хорассанскую дорогу, по которой бѣжалъ Бессъ, чтобы сначала овладѣть этой важной областью проходовъ. Сборнымъ пунктомъ для трехъ отрядовъ войска, съ которыми Александръ рѣшилъ идти въ Гирканію, была назначена Задракарта, главный городъ Гирканіи ¹⁸⁾, лежавшій на сѣверномъ склонѣ горъ. Эригій, сопровождаемый нѣсколькими отрядами всадниковъ, направился съ обозомъ и телѣгами по самой длинной и удобной дорогѣ; Кратеръ со своей фалангой и съ фалангой Аминты, съ шестьюстами стрѣлковъ и столькими же всадниками двинулся черезъ горы тапуріевъ, чтобы покорить ихъ, а задно и греческихъ наемниковъ, если онъ ихъ тамъ встрѣтитъ; самъ Александръ съ остальными войсками избралъ кратчайшую, но самую трудную дорогу ¹⁹⁾, ведущую въ горы къ сѣверовостоку отъ Гекатомпила. Колонны подвигались впередъ съ величайшею осторожностью, имѣя впереди царя съ гипаспистами, наиболѣе легко вооруженными фалангитами и частью стрѣлковъ, оставляя по обѣимъ сторонамъ дороги посты на высотахъ, чтобы охранять движеніе идущихъ сзади, на которыхъ каждую минуту готовы были напасть жаждавшіе добычи дикія племена этихъ горъ; борьба съ ними отняла бы слишкомъ много времени и могла бы не привести ни къ какимъ результатамъ. Шедшій впередъ со стрѣлками Александръ, достигнувъ лежавшей на сѣверной сторонѣ горъ равнины, остановился лагеремъ у небольшой рѣчки, поджидая шедшія сзади войска. Черезъ четыре дня они спустились съ горъ, сзади всѣхъ агріаны, составлявшіе аррьергардъ войска, которымъ пришлось имѣть нѣсколько отдѣльныхъ стычекъ съ варварами. Тогда Александръ двинулся по дорогѣ къ Задракартѣ, куда скоро прибыли также Кратеръ и Эригій, — Кратеръ съ извѣстіемъ, что, хотя онъ и не встрѣтилъ греческихъ наемниковъ, но что тапуріи частью покорены открытой силой, частью сдались добровольно.

Уже въ лагерь у рѣки къ Александру явились гонцы отъ иліарха Набарзана, который изъявлялъ свою готовность оставить дѣло Бесса и покориться царю; на дальнѣйшемъ пути къ Александру явились съ изъявленіемъ покорности сатрапъ Фратафернъ съ другими знатнѣйшими персами ²⁰⁾, которые находились при персидскомъ царѣ.

Хилиархъ, одинъ изъ тѣхъ, которые связали Даріа, долженъ былъ ограничиться безнаказанностью; его имя, одно изъ первыхъ въ государствѣ, болѣе не упоминается. Фратафернъ же и его двое сыновей Фарисманъ и Сиссинъ скоро вошли въ довѣріе къ Александру, достойными котораго имъ въ послѣдствіи пришлось показать себя во многихъ опасностяхъ; отецъ получилъ обратно свои сатрапіи Парею и Гирканію. Затѣмъ явился и Артабазъ со своими тремя сыновьями ²¹⁾, Арзамомъ, Кофеномъ и Аріобарзаномъ, — защитникомъ персидскихъ проходовъ; Александръ принялъ ихъ такъ, какъ заслуживала ихъ вѣрность несчастному Дарію; Артабазъ былъ извѣстенъ ему съ того времени, когда онъ со своимъ зятемъ, родосцемъ Мемнономъ, нашелъ убѣжище при дворѣ Пеллы; онъ уже не былъ болѣе чуждъ западнымъ обычаямъ; онъ и его сыновья заняли въ свитѣ Александра почетное положеніе на ряду съ знатнѣйшими македонянами. Въ одно время съ ними явился Автофрадатъ, сатрапъ тапуріевъ; и онъ былъ принятъ съ почетомъ и утвержденъ въ обладаніи своей сатрапіей. Съ Артабазомъ прибыло посольство отъ греческихъ войскъ, уполномоченное сдаться на капитуляцію царю отъ имени всего отряда; на его отвѣтъ, что преступленіе тѣхъ, которые вопреки волѣ всей Эллады бились за варваровъ, слишкомъ велико, чтобы съ ними можно было капитулировать, и что они должны сдаться на его полное усмотрѣніе или стараться спастись, какъ могутъ, уполномоченные объявили, что они готовы сдаться, и что пусть царь пошлетъ съ ними кого-нибудь, кто бы безопасно привелъ ихъ въ лагерь. Александръ избралъ для этого Артабаза, ведшаго ихъ при отступленіи изъ Фары, и Андроника, одного изъ пользовавшихся наибольшимъ уваженіемъ македонянъ, зятя чернаго Клита ²²⁾.

Александръ попялъ необыкновенную важность гирканской сатрапіи, ея тѣсинъ, ея обильныхъ гаванями береговъ и ея удобныхъ для постройки кораблей лѣсовъ; уже теперь его долженъ былъ занимать великій планъ создать каспійскій флотъ и установить сношенія между этими берегами и востокомъ Азіи, планъ предпринять путешествіе для открытій въ этомъ морѣ; еще болѣе того требовала полного обладанія этой богатой проходами горной страной, господствующей надъ южнымъ берегомъ Каспійскаго моря, связь между прежними завоеваніями и дальнѣйшими походами. Александръ только что упрочилъ за собою проходы тапурійскихъ округовъ, Парменіону было поручено спуститься къ морскому берегу со стоявшимъ въ Мидіи корпусомъ черезъ сѣверную Мидію и находившіеся въ землѣ кадузиевъ восточные каспійскіе проходы, чтобы открыть дорогу, соединяющую Арменію и Мидію съ долиной Куры и Каспійскимъ моремъ; оттуда онъ долженъ былъ слѣдовать за главной арміей вдоль берега въ Гирканію и далѣе ²³⁾. Мардіи, на мѣста жительства которыхъ, повидимому, указываетъ названіе рѣки Амарда ²⁴⁾, еще не изъявили покорности; царь рѣшилъ идти противъ нихъ теперь же. Оставивъ главную массу войскъ въ лагерь, онъ самъ во главѣ гипаспистовъ, фалангъ Кина и Аминты, половины конницы и заново сформированныхъ конныхъ аконтистовъ направился вдоль берега къ западу. Мардіи, въ чьи лѣса еще никогда не проникалъ непріятель, чув-

ствовали себя въ полной безопасности; они полагали, что пришедшій съ запада завоеватель уже идетъ далѣе въ Бактрію. Въ это время Александръ появился на равнинѣ; ближайшія поселенія были взяты и жители спаслись бѣгствомъ въ покрытыя лѣсами горы. Съ невѣроятнымъ трудомъ двинулись за ними македоняне по этимъ, лишеннымъ дорогъ, густо заросшимъ и страшнымъ, лѣсамъ; они не рѣдко должны были пролагать себѣ дорогу черезъ чащу мечомъ, между тѣмъ какъ отдѣльныя кучки мардіевъ или нападали на нихъ то здѣсь, то тамъ, или бросали въ нихъ издали своими дротиками²⁵); но когда Александръ проникалъ все выше и все плотнѣе замыкалъ высоты своими движеніями и постами, то мардіи послали къ нему пословъ и сдались ему со своею землею; онъ взялъ отъ нихъ заложниковъ, но предоставилъ имъ спокойно владѣть своими землями и подчинилъ ихъ сатрапу Тапуриі Автофрадату²⁶).

По своемъ возвращеніи въ лагерь при Задракартѣ Александръ уже нашелъ тамъ греческихъ наемниковъ, числомъ до полуторы тысячи, и вмѣстѣ съ ними пословъ Спарты, Аѣинъ²⁷), Халхидона и Синопа, которые были присланы къ Дарію и со времени измѣны Бесса отступили вмѣстѣ съ греками. Александръ приказалъ отпустить безъ всякихъ послѣдствій тѣхъ изъ греческихъ наемниковъ, которые находились на персидской службѣ еще до коринѣскаго договора, а остальнымъ даровать амнистію подъ тѣмъ условіемъ, чтобы они поступили въ македонское войско; Андроникъ, который ходатайствовалъ за нихъ, получилъ начальство надъ ними. Относительно пословъ царь рѣшилъ немедленно предоставить свободу посламъ Синопа, такъ какъ Синопъ не входилъ въ составъ эллинскаго союза и такъ какъ кромѣ того посольство къ персидскому царю, какъ къ ихъ монарху, не могло быть поставлено въ упрекъ этому городу; точно также онъ рѣшилъ отпустить пословъ Халхидона; пословъ же Спарты и Аѣинъ, которые явно поддерживали измѣнническія сношенія съ общимъ врагомъ всѣхъ эллиновъ, онъ велѣлъ содержать подъ стражей, виредъ до дальнѣйшихъ приказаній²⁸).

Немного времени спустя, Александръ вышелъ изъ лагеря и вступилъ въ столицу гирканской сатрапіи, чтобы послѣ короткаго отдыха начать дальнѣйшія операціи.

Во время этихъ событій въ Азіи счастливая звѣзда македонскаго оружія должна была подвергнуться еще одному опасному испытанію въ Европѣ; этотъ кризисъ былъ тѣмъ важнѣе, что во главѣ движенія стала Спарта, бывшая послѣ попесеннаго Аѣинами пораженія и послѣ паденія Фивъ первымъ государствомъ Греціи.

Какъ мы уже видѣли, царь Агисъ, не смотря на только-что получившуюся вѣсть о битвѣ при Иссъ, началъ въ концѣ 333 года дѣйствовать совмѣстно съ стоявшимъ еще на якорѣ у Сидона персидскимъ флотомъ и приказалъ своему брату Агезилау занять Критъ. Если бы тогда Аѣины пожелали рѣшиться примкнуть къ этому движенію, то они могли бы (изъ Пирея могли немедленно выйти въ море сто триэръ) достигнуть значительныхъ успѣховъ. Но такъ какъ

Аѳины не рѣшились на это, то и другіе члены эллинскаго союза не осмѣлились нарушить заключенные договоры, а поддержка нѣкоторыхъ тиранновъ и олигарховъ на островахъ не могла сдѣлать персидскаго флота достаточно сильнымъ для того, чтобы оказать успѣшное сопротивленіе Амфотеру и Игилоху; весною 332 года, во время осады Тира, онъ совершенно распался, а къ концу года всѣ острова Эгейскаго моря, съ Критомъ включительно, были освобождены. Но все-таки въ Элладѣ не было спокойно: ни побѣды Александра, ни близость значительнаго войска, которое имѣлъ наготовѣ намѣстникъ Македоніи, не отвлекали патріотовъ отъ ихъ плановъ и надеждъ; недовольные всѣмъ, что произошло и происходило въ данную минуту, все еще убѣжденные, что возможно и справедливо, не смотря на заключенный союзъ и превосходство македонскаго оружія, продолжать слѣдовать прежней политикѣ партикуляризма, чтобы возобновить прежнюю государственную свободу, они пользовались всякимъ случаемъ, чтобы питать въ легкомысленной и легковѣрной толпѣ неудовольствіе, заботу и ожесточеніе; несчастный конецъ Оивъ сдѣлался неисчерпаемымъ источникомъ декламаций, а Коринѣскій синедріонъ они называли дурно рассчитанной иллюзіей; все, что исходило отъ Македоніи, даже почести и дары, заподозрѣвалось или клеймилось именемъ позора для свободныхъ эллиновъ: Александръ, говорили они, только желаетъ сдѣлать самый синедріонъ и каждого отдѣльнаго члена его игрушкой въ рукахъ македонскаго деспотизма²⁹), свое единство эллины могутъ найти скорѣе въ ненависти къ Македоніи, чѣмъ въ борьбѣ противъ Персіи; побѣды надъ Персіей даютъ и Македоніи лишнее средство для того, чтобы уничтожить свободу греческихъ государствъ. Конечно, ораторская трибуна Аѳинъ была мѣстомъ, гдѣ это неудовольствіе чаще всего выражалось въ формѣ весьма возбужденныхъ дебатовъ; нигдѣ отношенія между обѣими партіями не были такъ обострены; и народъ, находившійся то подъ вліяніемъ Демосоена, Ликурга и Гиперида, то подъ вліяніемъ Фокиона, Демада и Эсхина, нерѣдко противорѣчилъ самому себѣ въ своихъ самодержавныхъ постановленіяхъ; между тѣмъ какъ они, соревнуя съ синедріономъ союза, посылали Александру благожеланія и золотые вѣнки, въ резиденціи персидскаго царя находился въ качествѣ аѳинскаго посла Дропида, который остался тамъ и послѣ дня при Гавгамелѣ; между тѣмъ какъ такимъ образомъ Аѳины поддерживали сношенія, представлявшія на основаніи союзнаго договора явную измѣну, аѳинскіе ораторы громили новыя нарушенія договора, которыя позволяла себѣ Македонія. Они предпочитали только не подвергать себя опасности и довольствовались мрачными мыслями и многозначительными словами.

Одинъ только Агисъ, даже послѣ того, какъ его братъ былъ вытѣсненъ съ Крита Амфотеромъ и македонскимъ флотомъ, не отказался отъ разъ начатыхъ дѣйствій. Онъ привлекъ къ себѣ значительное число разсѣянныхъ при Иссѣ наемниковъ; мѣсто вербовки на Тенарѣ предоставляло въ его распоряженіе столько воиновъ, сколько онъ могъ нанять на имѣвшіяся у него деньги; онъ завязалъ съ патріотами городовъ Пелопонесса сношенія, обѣщавшія полный успѣхъ;

осторожность и смѣлость, съ какой онъ умѣлъ увеличивать свое войско и число своихъ приверженцевъ, давали близкимъ и далекимъ противникамъ Македоніи надежду на скорое спасеніе.

Въ это самое время печальный конецъ постигъ одно предпріятіе, начатое съ большими надеждами. Былъ ли предпринять эпиротомъ Александромъ походъ въ Италію по соглашенію съ македонскимъ царемъ, или изъ чувства соперничества противъ него, все же пасталь моментъ, когда, благодаря своимъ побѣдамъ, греческій элементъ, казалось, поднялся такъ гордо, какъ никогда. Но тарентинцы, желавшіе имѣть въ Александрѣ только козлотъери противъ итальянскихъ горныхъ народовъ, начали бояться его честолюбивыхъ плановъ, и греческіе города были согласны съ ними въ томъ, что его надо парализовать прежде, чѣмъ онъ сдѣлается опаснымъ для ихъ свободы. Успѣхи его оружія остановились, онъ былъ убитъ однимъ луканскимъ бѣглецомъ, а его войско было уничтожено у Пандозіи сабеллами ³¹⁾. За его смертью послѣдовали смуты за престолонаслѣдіе въ землѣ молоссовъ; его наслѣдникомъ былъ малолѣтній сынъ, котораго ему родила македонянка Клеопатра, сестра Александра; но Олимпіада — она жила, какъ кажется, въ эпирской землѣ — желала отнять бразды правленія у вдовы, своей дочери; «земля молоссовъ принадлежитъ ей», писала она аеинянамъ ³²⁾, которые приказали разукрасить статую Діоны въ Додонѣ, какъ будто бы подобная вещь не могла произойти безъ ея разрѣшенія. Начавшійся такимъ образомъ раздоръ въ самомъ царскомъ домѣ могъ только усилить надежды патриотовъ Эллады.

Когда весною 331 года Александръ на своемъ пути къ Эвфрату былъ въ Тирѣ, онъ уже зналъ о дальнѣйшихъ движеніяхъ Агиса; тогда онъ ограничился тѣмъ, что послалъ сто финкійскихъ и кипрскихъ кораблей, которые должны были соединиться съ Амфотеромъ для защиты оставшихся ему вѣрными городовъ Целопоннеса. Онъ принялъ съ почетомъ аеинскихъ пословъ, встрѣтившихъ его въ Тирѣ съ благожеланіями и золотыми вѣнками, и освободилъ взятыхъ въ плѣнъ при Граникѣ аеинянъ, чтобы сдѣлать аеинскій дѣмъ своимъ должникомъ; онъ, казалось, съ намѣреніемъ желалъ избѣгнуть того, чтобы дѣло дошло до открытаго боя между македонскимъ и спартанскимъ оружіемъ, который при настоящемъ настроеніи греческихъ земель — даже въ Тессаліи оно начало становиться ненадежнымъ — могъ имѣть весьма серьезные послѣдствія; собираясь нанести новый и рѣшительный ударъ Дарію, онъ надѣялся, что произведенное имъ впечатлѣніе успокоитъ возбужденіе въ Элладѣ.

Такимъ образомъ въ теченіе 331 года Антипатръ долженъ былъ спокойно смотрѣть на вооруженія спартанскаго царя и на возрастающее вліяніе его въ Целопоннесѣ, довольствоваться тѣмъ, чтобы по мѣрѣ возможности вліять авторитетомъ Македоніи на города союза, а затѣмъ заботливо и съ оружіемъ наготовѣ наблюдать за движеніями непріятельской партіи; онъ не могъ воспользоваться вызванными смертью молосскаго царя смутами для того, чтобы возстановить покачнувшуюся, повидимому, зависимость этой страны отъ Македоніи, и долженъ былъ даже спокойно выносить неудовольствіе и горькіе упреки царицы Олимпіады, которая желала, чтобы ея притязанія на молосское наслѣдство были поддержаны македонскимъ оружіемъ.

Тѣмъ временемъ движеніе въ Греціи приняло весьма серьезный оборотъ. Вѣсть о Гавгамелѣ—она могла получиться въ Аѳинахъ въ концѣ 331 года—должна была заставить противниковъ Македоніи или покориться, или напрячь свои послѣднія силы. Отсутствіе Александра, раздоры въ Эпирѣ, возраставшее, какъ это было извѣстно, неудовольствіе во ѳракійскихъ земляхъ были благоприятны для того, чтобы покончить дѣло быстрымъ ударомъ. Скоро черезъ Синопъ узналось, что персидскій царь спасся бѣгствомъ въ Мидію, что онъ созвалъ къ слѣдующей веснѣ въ Экбатану народы своихъ восточныхъ сатрапій и рѣшилъ продолжать борьбу противъ македонянъ. Отъ него еще можно было ожидать хоть субсидій: а Александръ, о походѣ котораго въ Сузу и въ верхнюю Персію было уже извѣстно, врядъ ли бы могъ рѣшиться ослабить послышкой отрядовъ въ Македонію для борьбы противъ грековъ свое войско, едва достаточное для прикрытія безконечно далекаго обратнаго пути до Геллеспонта. Если теперь они все еще будутъ продолжать колебаться и медлить, то могутъ пасть послѣдніе остатки персидскихъ силъ и можно будетъ ожидать, что скоро Александръ какъ второй Ксерксъ нахлынетъ на Элладу во главѣ несмѣтнаго войска и сдѣлаетъ ее сатрапіей своего государства. Пылкость народнаго ума, воодушевленные декламации патріотическихъ ораторовъ, свойственная этому вѣку любовь къ преувеличенному и невѣроятному, и въ значительной степени прежній ореолъ спартанскаго могущества, который такъ славно загорался снова,—все соединилось для того, чтобы вызвать взрывъ, который могъ сдѣлаться роковымъ для Македоніи.

Слѣдовавшіе за этимъ событія были крайне замѣчательны, но объ нихъ до насъ дошли только отдѣльныя разбросанныя замѣтки, связь между которыми и хронологическая послѣдовательность которыхъ уже не могутъ быть установлены.

Въ недавнее время была найдена верхняя половина одной аттической надписи на камнѣ, украшенная рельефомъ, на которомъ еще можно разобрать остатки двухъ лошадей, мужа въ гиматіи, держащаго въ правой рукѣ чашу для возліянія, и Аѳину, повидимому протягивающую къ нему руку; внизу мы читаемъ: «Ривула, сынъ Севеа, братъ Котиса...»³³). Затѣмъ идетъ народное постановленіе, отъ котораго сохранилась только дата, соотвѣтствующая приблизительно 10 іюня 330 года³⁴). Что могло привести сына Севеа въ Аѳины и за что Аѳиняне почтили его такимъ разукрашеннымъ почетнымъ постановленіемъ?

Хотя Арріанъ ничего не говоритъ о событіяхъ этого года въ Греціи, Македоніи и ѳракіи, но восходящія къ Клитарху преданія даютъ намъ насчетъ этого нѣкоторые указанія. Діодоръ говоритъ: «Мемнонъ, македонскій стратигъ во ѳракіи, имѣвшій войска и исполненный честолюбія, возбудилъ варваровъ и, когда увидалъ себя достаточно сильнымъ, самъ взялся за оружіе, почему Антипатръ и собралъ свое войско, послѣдовалъ во ѳракію и воевалъ съ нимъ»³⁵). Еще дальнѣйшіе моменты даетъ намъ Юстинъ; описавъ смерть Дарія, онъ продолжаетъ: «во время этихъ событій Александръ получилъ отъ Антипатра изъ Македоніи письма, въ которыхъ сообщалось о войнѣ

спартанскаго царя Агиса въ Греціи, о войнѣ царя молоссовъ въ Ита-
ліи и о войнѣ его стратига Зописіона въ Скиѣи»; а далѣе гово-
рится: «Зописіонъ, назначенный Александромъ стратигомъ Понта,
полагая, что онъ будетъ небрежнымъ, если тоже не предприметъ
чего-нибудь, пошелъ съ тридцатитысячнымъ войскомъ на скиѣовъ и
погибъ со всѣми своими силами» ³⁶).

Хотя изъ словъ Курція, преимущественно почерпающаго свои факты
изъ того же источника, о Зописіонѣ и ѳракійскомъ возстаніи при-
ходится заключить, что эти событія произошли ровно четыре года
спустя, но это несомнѣнно тѣ же самыя событія ³⁷): «Александръ,
возвратившись изъ Индіи въ Персію, получилъ сообщенія о томъ,
что произошло за время его отсутствія въ Азіи и Европѣ: что Зо-
писіонъ, предпринявшій войну противъ гетовъ, погибъ со всѣмъ сво-
имъ войскомъ вслѣдствіе внезапно начавшейся бури, что при вѣсти
объ этомъ пораженіи Севеъ склонилъ своихъ земляковъ одривовъ
отложиться, что, такъ какъ ѳракія была почти потеряна, даже Гре-
ція не»... здѣсь начинается длинный пробѣлъ въ текстѣ Курція.

Такимъ образомъ, по мнѣнію Курція, понесенное Зописіономъ тяж-
кое пораженіе внушило ѳракійскому князю Севеу рѣшеніе возмутиться;
по Діодору зачинщикомъ этого отпаденія является Мемнонъ, стра-
тигъ македонской ѳракіи; по другому извѣстію, идущему, повидимому
изъ того же цикла клитарховыхъ преданій, въ то же самое время
распространился слухъ о смерти Александра ³⁸); еще по другому из-
вѣстію того же происхожденія Антипатръ долженъ былъ выступить
противъ «тетрахоритовъ», жившихъ по Гему до Родопа, и съ по-
мощью военной хитрости принудилъ ихъ возвратиться домой ³⁹).

Мы видимъ приблизительно, въ какой связи между собой нахо-
дятся эти событія. Глубокой осенью 331 года Александръ послалъ
изъ Сузы къ морскому берегу Менита съ 3000 талантовъ, прика-
завъ ему передать изъ этихъ денегъ Антипатру столько, сколько ему
понадобится для войны противъ Агиса. Хотя Зописіонъ, стратигъ
Понта, началъ приблизительно осенью 331 года свое предпріятіе про-
тивъ скиѣовъ несомнѣнно безъ приказа Александра и безъ одобренія
Антипатра, но гибель его войска была такимъ значительнымъ ос-
лабленіемъ македонскихъ силъ, что Мемнонъ, стратигъ ѳракіи, могъ
рѣшиться на попытку завоевать себѣ независимость ⁴⁰); одрискій
князь Севеъ съ радостью былъ готовъ отложиться, ѳракійскіе на-
роды горъ, бессы, пользовавшіеся славой разбойниковъ, даже среди
разбойниковъ выступили въ походъ; возстаніе распространилось по
всей области, лежащей на югъ и на сѣверъ отъ Гема.

Это-то и было то важное посольство, которое весною 330 года
явилось въ Аѣины съ Ривулой, сыномъ Севеа, во главѣ; онъ не-
сомнѣнно имѣлъ порученіе возобновить противъ Александра союзный
договоръ, какіе Аѣины заключали противъ царя Филиппа со многими
изъ его предковъ, особенно съ Кетрипорисомъ и Керсовлептомъ.

Въ Целопоннесѣ уже началась война. Царь Агисъ напалъ на на-
ходившихся подъ предводительствомъ Коррага македонскихъ наемни-
ковъ и совершенно уничтожилъ ихъ. Изъ Спарты появились воззва-
нія, приглашавшія эллиновъ соединиться съ городомъ Ликурга въ

борьбѣ за дѣло свободы ⁴¹⁾. Элейцы, всѣ аркадіяне, кромѣ Мегалополя, и всѣ ахейцы, кромѣ Пеллены, возстали; Агисъ бросился осаждать Мегалополь, преграждавшій ему дорогу къ сѣверу: «паденіе города ожидалось со дня на день; Александръ стоялъ за границами міра, Антипатръ только собиралъ свое войско; каковъ будетъ исходъ, было неизвѣстно», — такъ говоритъ Эсхинъ нѣсколько недѣль спустя ⁴²⁾.

Пламя возстанія вспыхнуло уже и въ средней Греціи и за Ѳермопилами; этоляне напали на акарнанскій городъ Ойніады и разрушили его ⁴³⁾; поднялись ѳессалійцы и перребы. Еслибы теперь Аѳины со своими значительными силами примкнули къ движенію, то, казалось, можно было бы достигнуть всего.

Даже изъ тѣхъ скудныхъ обрывковъ свѣдѣній, какіе дошли до насъ, можно видѣть, какіе сильные дебаты велись въ Аѳинахъ. Изъ одной надписи мы узнаемъ объ одномъ платейскомъ мужѣ, пожертвовавшемъ «для войны» значительную сумму, а ораторъ Ликургъ внесъ предложеніе издать почетный декретъ въ благодарность за это ⁴⁴⁾. Онъ же привлекъ Леократа, — одного изъ богачей, бѣжавшаго послѣ пораженія при Херонѣѣ и имѣвшаго крупныя торговыя дѣла сначала въ Родосѣ, а потомъ въ Мегарѣ, — къ суду по обвиненію въ измѣнѣ, такъ какъ послѣдній осмѣлился возвратиться въ Аѳины; по обвиненный нашелъ себѣ защиту у многихъ уважаемыхъ и богатыхъ гражданъ и на судѣ голоса за и противъ него раздѣлились поровну. Въ отвѣтъ на этотъ вызовъ Эсхинъ снова возобновилъ старую жалобу противъ Ктезифонта, лежавшую безъ движенія съ 337 года; дѣло было въ томъ, чтобы заставить покарать какъ позаконное его тогдашнее предложеніе о почетномъ вѣнкѣ для Демосоена; процессъ этотъ разбирался нѣсколько недѣль спустя, когда уже все было рѣшено; въ рѣчи, произнесенной тогда Эсхиномъ, онъ напоминаетъ, какъ Демосоевъ громогласно заявлялъ тогда, что нѣкоторые личности «губятъ городъ, высасываютъ его соки и перерѣзываютъ мышцы его силы», и какъ говорилъ съ ораторской трибуны: «я признаю въ томъ, что поддерживалъ политику Спарты, и склонилъ ѳессалійцевъ и перребовъ отложиться». Такимъ образомъ Демосоевъ — около весны 330 года — могъ публично хвалиться своими заслугами относительно пропаганды возстанія. Несмотря на живое противодѣйствіе Эсхина, Демада и Фокіона настроеніе умовъ въ городѣ видимо клонилось въ сторону войны; было внесено предложеніе вооружить флотъ и послать его на помощь тѣмъ, которые отпали отъ Александра ⁴⁵⁾. Тогда, какъ рассказываютъ, Демадъ, управлявшій тогда кассой ѳеорикъ, ухватился за послѣднее средство; онъ заявилъ, что, конечно, средства для предложенной экспедиціи существуютъ, что онъ позаботился о томъ, чтобы въ кассѣ ѳеорика было достаточно денегъ для того, чтобы въ ближайшій праздникъ Хой выплатить каждому гражданину по полуминѣ; но что онъ предоставляетъ усмотрѣнію аѳинянъ употребить причитающіяся имъ деньги на вооруженіе и войну. Хотя аѳиняне и высказались противъ вооруженія ⁴⁶⁾, по это, вѣроятно, произошло не ради торжественнаго праздника; весною 331 года Амфотеръ получилъ подкрѣпленіе, состоявшее изъ ста кипрскихъ и фиикійскихъ кораблей; крейсируя со своимъ флотомъ между Эгиной и Суніемъ, онъ могъ сдѣлать невозможнымъ выходъ въ море аттического флота.

Тѣмъ временемъ Агисъ все еще стоялъ подъ Мегалополемъ; городъ защищался изъ всѣхъ силъ; тотъ фактъ, что онъ былъ взять не такъ скоро, какъ ожидали раньше, долженъ былъ охладить рвеніе тѣхъ, которые охотно возстали бы, дойди Агисъ до Истма и далѣе, такъ что онъ могъ бы прикрывать ихъ. Въ это время пришло извѣстіе, что приближается Антипатръ съ войскомъ.

Побѣдивъ Мемнопа ⁴⁷⁾, онъ немедленно двинулся на югъ; мимоходомъ паскоро подавивъ движеніе въ Фессаліи, и присоединивъ къ своему войску при дальнѣйшемъ движеніи контингенты наиболѣе надежныхъ союзниковъ, онъ со значительнымъ войскомъ—его опредѣляютъ въ 40000 человекъ ⁴⁸⁾—перешелъ черезъ Истмъ; онъ былъ достаточно силенъ для того, чтобы отказаться отъ предложенной ему помощи тѣхъ, которые теперь утверждали, что вооружались на защиту царева дѣла ⁴⁹⁾. Агисъ, чье войско состояло только изъ 20000 человекъ пѣхоты и 2000 всадниковъ, оставилъ осаду Мегалополя, чтобы выждать нападеніе на болѣе благопріятной позиціи, нѣсколько позади его, по дорогѣ къ Спартѣ, гдѣ, какъ онъ надѣялся, ему удастся удержаться противъ превосходящихъ силъ непріятеля. Произошло крайне кровопролитное сраженіе, въ которомъ спартанцы и ихъ союзники, какъ это изображаютъ дошедшія до насъ свѣдѣнія, творили чудеса храбрости, пока царь Агисъ, покрытый ранами и окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, не палъ подъ ударами нападавшихъ и не нашелъ смерти, которой онъ впрочемъ искалъ ⁵⁰⁾. Антипатръ, хотя и понесшій значительныя потери, одержалъ полную побѣду.

Это пораженіе похоронило надежды греческихъ патріотовъ и попытку возобновить гегемонію Спарты. Эвдамида, младшій братъ и наслѣдникъ павшаго бездѣтнымъ царя, предложилъ теперь отказаться отъ дальнѣйшаго сопротивленія ⁵¹⁾, хотя союзники и отступили вмѣстѣ съ нимъ въ Спарту; къ Антипатру была послана просьба о мирѣ. Послѣдній потребовалъ въ заложники пятьдесятъ спартанскихъ мальчиковъ; ему предложили столько же мужей, и побѣдитель удовольствовался этимъ ⁵²⁾; рѣшеніе вопроса о нарушеніи мира онъ предоставилъ синедріону союза, который былъ созданъ въ Коринѣ ⁵³⁾; послѣ многихъ совѣщаній синедріонъ рѣшилъ предоставить это дѣло Александру, послѣ чего спартанскіе послы отправились на дальнѣйшій востокъ. Рѣшеніе царя было настолько мягко, насколько это было возможно ⁵⁴⁾; онъ простилъ случившееся, только элейцы и ахейцы—они были членами греческаго союза, а Спарта нѣтъ—должны были уплатить Мегалополю 120 талантовъ вознагражденія. Мы можемъ предположить, что теперь Спарта должна была присоединиться къ союзу; въ конституціи древняго государства Гераклидовъ не было произведено никакихъ перемѣнъ и область его не была урѣзана вторично.

Напряженное состояніе умовъ должно было успокоиться тоже и въ Аѣнахъ, хотя, конечно, тамъ не переставали предаваться горькому негодованію. Вскорѣ послѣ пораженія Агиса судьями разбирался процессъ противъ Ктесифонта. «Не забывайте о томъ времени», говоритъ Эсхиль судьямъ, «когда вы произносите вашъ приго-

воръ; черезъ нѣсколько дней будутъ праздноваться Пифіи, и синедрионъ эллиновъ собирается; при настоящихъ обстоятельствахъ политика Демосфена ставится въ упрекъ городу; если вы даруете ему вѣнокъ, какъ это предлагаетъ Ктесифонтъ, то васъ сочтутъ единомышленниками нарушителей общего мира». Афиняне считали великимъ политическимъ подвигомъ то, что за Эхина не было подано даже одной пятой голосовъ. Этимъ послѣдній присуждался къ пенѣ въ 1000 драхмъ; онъ не уплатилъ ихъ, оставилъ Афины и отправился въ Эфесъ, а въ ближайшія Діонисіи Демосфенъ получилъ золотой вѣнокъ, который, будучи предназначенъ для него послѣ битвы при Херонее, равнялся теперь открытому одобренію его политики того и настоящаго времени.

Но такія демонстраціи уже не могли болѣе измѣнить общаго положенія вещей въ Греціи; со времени неудачи спартакаго возстанія онѣ отступили на задній планъ.

КНИГА ТРЕТЯ.

СТАТЬЯ ХИМИ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРЕСЛѢДОВАНИЕ БЕССА.—ВОЗСТАНИЕ ВЪ АРЕВЪ.—ДВИЖЕНІЕ ВОЙСКА КЪ ЮГУ, ЧЕРЕЗЪ АРЕВЪ, ДРАНГІАНУ, АРАХОЗІЮ, И КЪ ЮЖНЫМЪ СКЛОПАМЪ ИНДІЙСКАГО КАВКАЗА.—МЫСЛЬ АЛЕКСАНДРА И ТЕОРІЯ АРИСТОТЕЛЯ.—ОТКРЫТІЕ ЗАГОВОРА.—НОВАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ВОЙСКА.

Во время понесеннаго спартамцами пораженія Александръ стоялъ въ Гирканіи, на сѣверномъ склонѣ горнаго кряжа, отдѣляющаго Туранъ отъ Ирана; передъ нимъ лежали дороги въ Бактрію и Индію, къ невѣдомому морю, которое онъ могъ надѣяться найти за этими странами и сдѣлать изъ пего границу своихъ владѣній; позади него лежала половина персидскаго царства и еще много сотенъ миль позади—греческая отчизна. Онъ зналъ о возстаніи Агиса, о его возроставшемъ вліяніи въ Пелопоннесѣ и о ненадежномъ настроеніи умовъ во всей остальной Греціи, дѣлавшемъ тѣмъ болѣе опасными альтернативы военнаго счастья; онъ зналъ значеніе этого противника, его осторожность и его неутомимую дѣятельность. И все-таки онъ шелъ далѣе и далѣе на востокъ, не посылая къ Антипатру войскъ и не дожидаясь благопріятныхъ извѣстій. А если Агисъ теперь побѣдилъ? надѣялся ли Александръ на свое счастье? презиралъ ли онъ опасность, которой онъ уже не могъ встрѣтить? неужели онъ не рѣшался ради спасенія Греціи преслѣдовать цареубійцъ съ половиною того числа войскъ, какого хватило для побѣдъ при Гавгамелѣ и Иссъ?

Дѣйствительно, прежде спокойствіе грековъ и признаніе ими македонской гегемоніи было существенной основой его могущества и его побѣдъ; теперь его побѣды обеспечивали ему спокойствіе Греціи, а обладаніе Азіей—дальѣйшее существованіе этой гегемоніи, оспаривать которую у него теперь было бы не столько опасно, сколько глупо. Если бы Антипатръ былъ побѣжденъ, то сатрапы Лидіи и Фригіи, Сиріи и Египта были готовы потребовать именемъ своего царя не земли и воды, но удовлетворенія за вѣроломство и измѣну; и это свободолюбіе недовольныхъ, этотъ героизмъ фразы, интриги и подкупа не нашли бы себѣ втораго Марафона.

Не заботясь о движеніяхъ въ своемъ тылу, царь долженъ былъ далѣе преслѣдовать тѣ планы, къ которымъ его обязывало или которое дѣлало для него возможными преступленіе Бесса и его сотоварищей. Обладаніе каспійскими проходами, гарнизоны, оставшіеся при входѣ въ дефилеи Мидіи, на Тигрѣ, въ Экбатанѣ, и летучая колонна, господствовавшая надъ линіей Эвфрата, настолько обезпечивали Александру, хотя и отдѣленному отъ сирійской изменности двойнымъ рядомъ горъ, сообщеніе съ западными провинціями его государства, что онъ могъ сдѣлать исходнымъ пунктомъ новыхъ предприятий большую территоріальную и этнографическую границу гирканскихъ горъ.

Давъ своему войску нѣкоторый отдыхъ, устроивъ по греческому обычаю игры и состязанія и принеся жертву богамъ, онъ выступилъ изъ гирканской резиденціи. Въ настоящую минуту у него было около 20000 человекъ пѣхоты и 3000 всадниковъ ¹⁾, а именно гипасисты, испытаннаго стратига которыхъ Никанора, сына Пармениона, слишкомъ скоро должна была унести болѣзнь, большая часть фалангитовъ ²⁾ и, наконецъ, вся македонская конница подъ предводительствомъ Филоты, отецъ котораго Парменионъ занималъ важный постъ въ Экбатанѣ; изъ легкихъ войскъ Александръ имѣлъ съ собою стрѣлковъ и агріановъ; во время похода къ арміи должны были присоединиться одинъ за другимъ и другіе отряды, Клитъ долженъ былъ привести въ Парейю 6000 фалангитовъ изъ Экбатаны, а въ Гирканію долженъ былъ привести самъ Парменионъ всадниковъ и легкія войска, съ которыми онъ остался ³⁾.

Мы имѣемъ положительное свидѣтельство, что Александръ былъ намѣренъ идти въ Бактру, столицу обширной бактрской сатрапіи ⁴⁾. Туда, какъ онъ зналъ, отступилъ Бессъ со своими приверженцами, туда удалились всѣ сторонники староперсидскаго дѣла, чтобы выступить навстрѣчу македонскому завоевателю, если онъ осмѣлится выйти за предѣлы Гирканіи. Александръ, быстро пройдя къ берегамъ Окса, могъ надѣяться встрѣтить и уничтожить послѣднюю, желавшую еще сопротивляться ему, значительную силу прежде, чѣмъ съ ней успѣютъ соединиться подкрѣпленія изъ аріанскихъ земель; и если при своемъ теперешнемъ движеніи онъ оставилъ по правую сторону эти аріанскія сатрапіи, то можно было ожидать, что и онъ покорятся ранѣе удара, который долженъ былъ раздавить царевубійцъ.

Онъ двинулся большою дорогой, ведущей изъ Гирканіи въ Бактриану сначала по сѣверному склону горъ, а затѣмъ по тѣмъ частямъ Парейаны и Ареи, которыя лежатъ всего ближе къ туранской пустынѣ. Когда онъ достигъ границъ Ареи, то въ Сузіи ⁵⁾, ближайшемъ городѣ Ареи, его встрѣтилъ сатрапъ этой области Сатибарзанъ, чтобы изъявить ему покорность отъ своего имени и отъ имени страны и сдѣлать ему важныя сообщенія относительно Бесса. Александръ оставилъ управленіе сатрапіей въ рукахъ Сатибарзана; этеръ Анакиспъ былъ оставленъ съ 60 конными аконтистами для охраны этого мѣста и для принятія слѣдовавшихъ съзади колоннъ, — распоряженія, которыя показывали, что Александръ подъ формой верховенства, не имѣвшей большого значенія, главнымъ образомъ

желалъ только держать въ бездѣтельности могущественнаго сатрапа въ тылу своего маршрута, чтобы имѣть возможность безопасно продолжать свое быстрое движеніе. А Бессъ, какъ сообщилъ Сатибарзанъ и какъ это подтвердили многіе персы, явившіеся изъ Бактріи въ Сузію, принявъ уже тiару, титулъ царя Азіи и царское имя Артаксеркса, собралъ вокругъ себя полчища бѣглыхъ персовъ и многихъ бактровъ и ждалъ вспомогательныхъ войскъ изъ лежавшихъ недалеко скиѣскихъ областей.

Такимъ образомъ Александръ двигался впередъ по дорогѣ въ Бактру; уже къ войску присоединились всадники союзниковъ, приведенные Филиппомъ изъ Экбатаны, всадники наемниковъ и вессалійцы, снова поступившіе на службу ⁶⁾. Усиленный такимъ образомъ царь могъ надѣяться со свойственной ему быстрою скоро побѣдить узурпатора. Онъ былъ въ полномъ движеніи, когда получилъ изъ Ареи извѣстія крайне тревожнаго свойства: Сатибарзанъ предательскимъ образомъ напалъ на македонскій постъ, перебилъ всѣхъ македонянъ вмѣстѣ съ ихъ предводителемъ Анаксихмомъ и призвалъ къ оружію народъ своей сатрапіи; Артакоана, столица сатрапіи, была сборнымъ пунктомъ мятежниковъ; отсюда вѣроломный сатрапъ, лишь только Александръ выйдетъ за предѣлы Ареи, хотѣлъ соединиться съ Бессомъ и заодно съ новымъ царемъ Артаксерксомъ-Бессомъ напасть на македонянъ, гдѣ бы онъ ихъ ни встрѣтилъ. Александръ не могъ обманываться насчетъ того, что такое движеніе въ тылу его маршрута представляло величайшую опасность; изъ Ареи онъ могъ быть совершенно отрѣзанъ, оттуда узурпація Бесса могла получить неоднократную поддержку; а сатрапомъ прилегавшихъ къ Арей областей Дрангіаны и Арахозии былъ Барзаэнтъ, одинъ изъ царевубійцъ; можно было предвидѣть, что онъ примкнетъ къ движению арейцевъ. Продолжать при такихъ обстоятельствахъ походъ въ Бактрію было бы безуміемъ; не взирая даже на опасность дать узурпатору время для крупныхъ вооруженій, онъ долженъ былъ быстро и рѣшительно исправить ошибку въ своихъ операціяхъ, которая заставила его ввѣрить весь тылъ его движеній ненадежному союзнику, и постараться сначала покорить всю лежавшую у него въ тылу область. Онъ отказался теперь отъ преслѣдованія Бесса и отъ покоренія бактрской земли, чтобы упрочить за собою обладаніе Арей и другими аріанскими землями и чтобы имѣть отсюда возможность съ большою увѣренностью продолжать свой прерванный походъ противъ узурпатора.

Во главѣ двухъ фалангъ стрѣлковъ и агріановъ, македонской конницы и конныхъ аконтистовъ царь быстро двинулся противъ возмущающагося сатрапа, а остальное войско остановилось и стало лагеремъ подъ предводительствомъ Кратера. Послѣ двухъ усиленныхъ дневныхъ переходовъ Александръ стоялъ передъ столицею Артакоаной ⁷⁾; онъ нашелъ все въ сильномъ движеніи; пораженный неожиданнымъ нападеніемъ и покинутый собранными имъ войсками, Сатибарзанъ съ немногими всадниками ушелъ черезъ горы къ Бессу; арейцы покинули свои поселенія и бѣжали въ горы. Александръ бросился на нихъ, три тысячи вооруженныхъ было окружено и частью

изрублено, частью сдѣлано рабами. Этотъ быстрый и строгій судъ заставилъ арейцевъ покориться; сатрапія была ввѣрена персу Арзаму.

Арея есть одна изъ важнѣйшихъ областей Персіи: это край, черезъ который происходитъ сообщеніе между Ираномъ, Тураномъ и Аріаной; тамъ, гдѣ теченіе рѣки Арея вдругъ поворачиваетъ къ сѣверу, скрещиваются большія военныя дороги изъ Гирканіи и Паретіи, изъ Маргіаны и Бактріи, изъ оазиса Сеистана и возвышеннаго бассейна рѣки Кабула; на этомъ важномъ мѣстѣ была основана македонская колонія Александрія въ Ареѣ, и еще донынѣ между жителями Герата живо воспоминаніе объ Александрѣ, основателѣ ихъ богатого города ⁸⁾).

Изъ свѣдѣній, полученныхъ Александромъ при перемѣнѣ направленія своего маршрута, онъ долженъ былъ получить приблизительное представленіе о положеніи аріанскихъ сатрапій относительно Бактріи и Индіи, о горахъ и рѣкахъ, опредѣляющихъ конфигурацію этихъ земель, и о соединяющихъ ихъ дорогахъ и проходахъ; ему должно было казаться необходимымъ занять сначала всю южную сторону бактрской земли, прежде чѣмъ обратиться противъ узурпатора въ Бактріи, лишить его поддержки, которую онъ могъ получить изъ аріанскихъ и индійскихъ земель и, замкнувъ его такимъ образомъ въ широкомъ кругу, напасть на крайнее крыло непріятельскихъ позицій, слѣдуя той же стратегической системѣ, которая была общепринятою послѣ битвъ при Граникѣ, при Исѣ и при Гавгамелѣ. Походъ въ Арею былъ уже какъ бы приступомъ къ этому движенію, которое затѣмъ должно было повести его въ Дрангіану и Арахозію. Когда Кратеръ соединился съ нимъ, Александръ двинулся къ югу, чтобы подчинить себѣ отдѣльные округа этой въ то время богатой и густо населенной земли. Барзанти не дожидаясь его прибытія, онъ бѣжалъ черезъ восточную границу своей сатрапіи къ индамъ, которые выдали его впослѣдствіи. По долинѣ рѣки Ардекана, текущей въ озеро Арею (Гарайву), Александръ двинулся въ землю драгговъ или заранговъ, столица которыхъ Профазія ⁹⁾ немедленно сдалась ему.

Къ югу отъ драгговъ въ незапесенныхъ еще тогда пескомъ плодородныхъ равнинахъ Сеистана жили аріаспы или, какъ ихъ называли греки, эвергеты ¹⁰⁾, мирный земледѣльческій народъ, который, съ незапамятной древности населяя эту «землю весны», велъ тихую, трудолюбивую и полную порядка жизнь, которая съ такой высокою похвалою изображается въ ученіи Заратуштры. Александръ всѣми мѣрами почтилъ ихъ гостепріимство; для него, конечно, было особенно дорого знать, что этотъ богатый оазисъ среди горъ и пустынь Аріаны расположенъ къ нему; продолжительное пребываніе среди этихъ племенъ, маленькое расширеніе ихъ области, котораго они давно желали, неприкосновенность ихъ древнихъ законовъ и устройства, которыя, повидимому, во всѣхъ отношеніяхъ не уступали законамъ и устройству греческихъ городовъ, наконецъ отношеніе къ государству, бывшее во всякомъ случаѣ болѣе независимымъ, чѣмъ въ другихъ сатрапіяхъ ¹¹⁾, — таковы были приблизительно средства, которыми Александръ, не оставляя между ними колоній и не при-

бѣгая къ насильственнымъ мѣрамъ, склонилъ на сторону новаго порядка вещей этотъ замѣчательный народъ аріасповъ ¹²⁾).

Не меньше миролюбія выказали относительно его племена гедрозіевъ ¹³⁾, территории которыхъ онъ коснулся при своемъ походѣ далѣе ¹⁴⁾. Ихъ сѣверные сосѣди, арахозіи, изъявили покорность; ихъ территория простиралась до области проходовъ ¹⁵⁾, которые ведутъ въ бассейнъ текущихъ въ Индъ рѣкъ; поэтому Александръ поручилъ эту сатрапію македонянину Менону, отдалъ въ его распоряженіе 4000 человекъ пѣхоты и 600 всадниковъ ¹⁶⁾ и приказалъ основать арахозійскую Александрію (Кандагаръ), которая, будучи расположена при входѣ въ проходы и донинѣ составляя одинъ изъ самыхъ цвѣтушихъ городовъ этой мѣстности, сохранила въ своемъ новомъ имени память о своемъ основателѣ ¹⁷⁾. Изъ арахозійской земли македонское войско, преодолевъ большія трудности—это было время захода плетдъ, середина ноября, и горныя области были покрыты глубокимъ снѣгомъ—вступило въ землю паропамизадовъ, перваго индійскаго племени, которое онъ встрѣтилъ при своемъ походѣ ¹⁸⁾; къ сѣверу отъ него высится индійскій Кавказъ, черезъ который вела дорога въ землю Бесса.

Таковы были приблизительно переходы, которыми Александръ въ послѣдніе мѣсяцы 330 года привелъ свое войско съ сѣвернаго края Хорассана къ подножію Кавказа. Это полное трудовъ и бѣдное воинской славой время должно было пріобрѣсти печальную извѣстность благодаря преступленію: былъ составленъ планъ убить Александра, какъ былъ убить Дарій; планъ былъ рассчитанъ на настроеніе войска, которое, повидимому, было недовольно этимъ зимнимъ походомъ, лишившимъ его даже минуты отдыха.

Но дѣйствіе и приказы царя обманывали много надеждъ, питали опасенія и оправдывали проявленія неудовольствія, это было неизбежнымъ послѣдствіемъ шедшихъ все далѣе и далѣе завоеваній послѣдственности требуемыхъ ими реформъ и направленія, которое онъ считалъ должнымъ придать имъ.

Одинъ англійскій ученый, опредѣляя характеръ Александра, пришелъ къ выводу, что «его всепожирающей страстью было завоеваніе,—завоеваніе на западъ и востокъ, югъ и сѣверъ», объясненіе, въ которомъ, конечно, весьма мало здраваго смысла. Если Александръ побѣждалъ съ такимъ непреодолимымъ успѣхомъ, какъ это было, если онъ разрушилъ могущественную организацію, соединявшую до тѣхъ поръ вмѣстѣ народы Азіи, если разрушая прежнее онъ въ то же время создавалъ начала новаго, то онъ долженъ былъ быть заранее увѣреннымъ въ планъ, по которому онъ хотѣлъ воздвигнуть свое твореніе, и въ идею, которая должна была придать направленіе и мѣру даже первымъ чертамъ творенія, начаткомъ котораго онъ предназначались быть.

Глубочайшій мыслитель древности, учитель царя Аристотель, не разъ давалъ ему совѣты по этому вопросу; онъ совѣтовалъ ему держать себя относительно эллиновъ какъ гегемонъ, а относительно варваровъ какъ повелитель, и обращаться съ эллинами какъ съ друзьями и единоплеменниками, а съ варварами какъ съ животными и

растеніями ¹⁹⁾. Онъ держится того мнѣнія, что это различіе создано самой природой, такъ какъ, говоритъ онъ ²⁰⁾, «народы холодныхъ странъ Европы полны мужества, но неспособны къ умственной работѣ и къ искусствамъ, поэтому они по большей части живутъ независимо, но неспособны къ государственной жизни и къ господству надъ другими; народы Азіи одарены живымъ умомъ и ловкостью въ искусствахъ, но лишены мужества, поэтому они имѣютъ повелителей и сами являются рабами; народъ грековъ, какъ живущій между ними обоими, обладаетъ частью качествами и тѣхъ, и другихъ; онъ столь же мужественъ, какъ и мыслящъ; онъ имѣетъ поэтому свободу и лучшую государственную жизнь и, если образуетъ одно государственное тѣло, способенъ господствовать надъ всеми». Это безспорно вѣрное наблюденіе, еслибы жизнь народовъ должна была быть и остаться такою, какъ она разъ была опредѣлена природой; но даже въ томъ случаѣ, если бы исторія—а Аристотель придаетъ ей мало значенія—не развивала новыхъ силъ и условій, по отношенію къ задачамъ, представлявшимъ побѣдителю въ Азіи, совѣтъ глубокаго мыслителя былъ бы доктринерскимъ, непригоднымъ для неотлагательныхъ практическихъ потребностей настоящаго и совершенно неумѣстнымъ для того, чтобы создать возможное положеніе вещей, не говоря уже о такомъ, которое могло бы найти себѣ нравственное оправданіе. Философъ хотѣлъ только сохранить и продолжать сумму прошлаго; царь въ громадныхъ перемѣнахъ, въ этой революціи, бывшей результатомъ и критикой прошлаго, видѣлъ элементы новой организаціи, которая должна была пойти далѣе этого схематизма и въ которой эта мнимая естественная необходимость должна была быть побѣждена силой историческаго прогресса.

Если паденіе персидской имперіи было доказательствомъ, что она совершенно истощила свои жизненныя силы, то развѣ, наконецъ, греческій міръ со своей свободой и со своимъ міражемъ лучшаго устройства находился въ лучшемъ положеніи? былъ ли онъ достаточно силенъ даже для того, чтобы предохранить себя отъ позорной зависимости со стороны персидской политики и отъ угрожавшихъ вторженій сѣверныхъ варваровъ, пока каждый городъ жилъ только для своей свободы и для своей страсти къ господству надъ другими? И даже македоняне, имѣли ли они хотя какое-либо значеніе, пользовались ли они даже безопасностью въ своихъ собственныхъ границахъ прежде, чѣмъ ихъ царская династія, поднявшаяся съ силою и рѣшимостью, не научила и не принудила ихъ не быть и не оставаться только тѣмъ, чѣмъ они были столь долгое время? Если Александръ читалъ политику своего учителя, то онъ онъ долженъ былъ найти тамъ одно замѣчательное мѣсто; это—рѣчь о томъ, что на равенствѣ правъ и обязанностей среди членовъ государства основывается сущность лучшаго государственнаго устройства: «но если кто-нибудь отличается такими выдающимися способностями, что способности и политическое могущество другихъ не могутъ идти въ сравненіе со способностями этого отдѣльнаго лица, то на него уже нельзя смотрѣть какъ на часть цѣлаго; помѣшая наравнѣ съ другими человѣка, въ такой степени неравнаго другимъ по способностямъ и могуществу, мы посту-

пили бы съ нимъ несправедливо; такой человѣкъ былъ бы подобенъ богу между людьми ²¹⁾: изъ этого вытекаетъ то слѣдствіе, что и законодательство необходимо должно ограничиваться тѣми, которые равны по рожденію и могуществу; но для первыхъ пѣть законовъ, — они сами законъ; смѣшонъ былъ бы тотъ, кто пожелалъ бы дать имъ законы; они, быть можетъ, отвѣтили бы такъ, какъ отвѣтили львы у Антисѣена, когда зайцы держали рѣчь въ собраніи звѣрей и требовали, чтобы всѣ получили равную часть».

Таковы были взгляды Аристотеля; конечно, они были изложены имъ безъ всякаго отношенія къ какой либо личности; но могъ ли читавшій ихъ не думать при этомъ объ Александрѣ? «Что умъ этого царя превосходилъ мѣру человѣческаго ума», говоритъ Полибій, «въ этомъ всѣ согласны ²²⁾». Его дѣла и строгая, даже суровая логическая связь между ними свидѣтельствовали объ его силѣ воли, о его дальновидности и его умственномъ превосходствѣ. Только окольнымъ путемъ, только изъ того, что ему удалось осуществить изъ своихъ плановъ мы можемъ приблизительно узнать, чего онъ хотѣлъ и какъ онъ представлялъ себѣ свою задачу — и справедливый судъ можетъ приложить къ нему только этотъ масштабъ. Александръ стоялъ на высотѣ образованія и научныхъ успѣховъ своего времени; о призваніи царя онъ долженъ былъ имѣть не менѣе высокое понятіе, чѣмъ «учитель тѣхъ, которые знаютъ». Но онъ не видѣлъ, подобно своему великому учителю, въ послѣдовательности идеи монархіи и «званія стража» необходимости обращаться съ варварами какъ съ животными и растеніями, и не думалъ, что его македоняне съ дѣтства приучены его отцомъ къ оружію только для того, чтобы они, какъ это высказалъ философъ, «были господами тѣхъ, которымъ подобаетъ быть рабами ²³⁾»; еще менѣе думалъ онъ, что сначала его отецъ, а затѣмъ и онъ самъ принудили эллиновъ соединиться въ коринѣскую федерацію лишь для того, чтобы они со своимъ утонченнымъ эгоизмомъ и своею дерзкою ловкостью могли опустошить и угнетать сдѣлавшуюся беззащитною Азію.

Онъ нанесъ страшный ударъ Азіи; онъ долженъ былъ вспомнить о копѣе своего предка Ахилла и понять, что истое призваніе царскаго копья заключается въ томъ, что оно тоже и излечиваетъ нанесенныя имъ рапы. Уничтоженіе древняго царства, смерть Дарія сдѣлали его наслѣдникомъ власти надъ несмѣтнымъ множествомъ народовъ, которые донынѣ управлялись какъ рабы; освободить ихъ, насколько они умѣли или могли научиться быть свободными, содѣйствовать сохраненію и развитію похвальныхъ и здоровыхъ сторонъ ихъ жизни, чтить и щадить ихъ въ томъ, что было для нихъ свято и что составляло ихъ особенность, было истинно царственнымъ дѣломъ. Онъ долженъ былъ съумѣть примирить ихъ съ собою и склонить ихъ на свою сторону, чтобы создать въ нихъ самихъ поддержку государства, которое отнынѣ должно было соединить ихъ съ греческимъ міромъ; теперь, когда побѣда была одержана, въ этой монархіи не должно было быть больше рѣчи о побѣдителяхъ и побѣжденныхъ, она должна была заставить забыть разницу между эллинами и варварами. Еслибы удалось слить обитателей этого обширнаго, об-

нимавшаго востокъ и западъ царства въ одинъ народъ такимъ образомъ, чтобы они взаимно пополнили и уравнивали другъ друга въ своихъ дарованіяхъ и средствахъ, создать имъ внутренній миръ и обезпечивающую ихъ сноихъ организацию, научить ихъ «искусству досуга», не отнимая у нихъ этимъ «закала, какъ у желѣза»²⁴), то онъ имѣлъ бы право думать, что создалъ великое и «благое твореніе», — такое, какое, по словамъ Аристотеля, необходимо для истиннаго обоснованія идеи монархизма²⁵). Если его честолюбіе, награда за его побѣды и его восторженные мечты, заключалось въ томъ, чтобы создать на востокъ и на западъ царство эллинистическаго характера, «перенести», какъ впоследствии говорили на основаніи видѣнія пророка, «монархію отъ персовъ на эллиновъ», то сила вещей съ каждымъ днемъ яснѣе и пастоятельнѣе указывала ему пути, которые онъ долженъ былъ избрать, чтобы довести до конца начатое дѣло.

На этомъ пути представлялись громадныя трудности; своеволие, насиліе, искаженіе природы, казалось, дѣлали невозможнымъ начатое дѣло. Они не заставили его остановиться; они усилили только энергію его воли и непреклонную твердость его дѣйствій. Дѣло, начатое имъ въ энтузіазмъ его юношескихъ лѣтъ, овладѣло имъ; оно росло, подобно лавинѣ, и увлекало его за собой; его путь указывали разрушеніе, опустошеніе и покрытыя тѣлами убитыхъ поля; вмѣстѣ съ міромъ, который онъ побѣдилъ, измѣнялись его войско, его окружающіе и онъ самъ. Онъ, какъ буря, неся далѣе, онъ видѣлъ только свою цѣль, и въ ней — свое оправданіе.

Онъ имѣлъ право думать, что необходимость того, чегу онъ желалъ, станетъ сама собою ясна изъ совершившихся событій и убѣдить даже не желающихъ этого. Если его эллинистическое царство на первое время и мало отличалось по формѣ отъ царства Ахеменидовъ, то все-таки существенная и неизмѣримая по своимъ послѣдствіямъ разниа заключалась въ новыхъ силахъ, которыя онъ внесъ въ азіатскую жизнь; дальнѣйшее продолженіе и завершеніе дѣла, начатаго побѣдами его оружія, онъ могъ спокойно предоставить образованному, развитому, безусловно подвижному и текучему уму грека. Въ настояцій моментъ вся задача заключалась въ томъ, чтобы сблизить между собою и связать другъ съ другомъ элементы, которые должны были смѣшаться и слиться въ одно цѣлое. Азіатскій характеръ былъ болѣе пассивенъ, недовѣрчивъ, тяжелъ въ массѣ и косяхъ; отъ мягкости, съ которой обращались съ ними, отъ снисхожденія къ ихъ особенностямъ и предразсудкамъ, отъ ихъ полного послушанія зависѣло вначалѣ существованіе новаго царства. Они тоже должны были видѣть въ Александрѣ своего царя; онъ прежде всего, и только онъ одинъ, служилъ объединяющимъ началомъ обширнаго царства, ядромъ, около котораго должна была образоваться новая кристаллизанія. Подобно тому, какъ онъ принесъ жертву ихъ богамъ и справлялъ ихъ праздники, точно такъ же онъ хотѣлъ показать на своей свитѣ и на празднествахъ въ своей резиденціи, что и онъ тоже принадлежитъ къ азіатамъ. Со времени смерти Дарія онъ началъ принимать азіатовъ, являвшихся къ нему, въ азіатскомъ облаченіи и съ азіатскимъ церемоніаломъ, и смѣнилъ будничную простоту

македонскаго лагеря на ослѣпительный блескъ восточной придворной жизни; а слѣдующій день снова видѣли его идущимъ въ бой во главѣ своихъ македонцевъ, неутомимымъ въ трудахъ, полнымъ заботливости и вниманія къ войскамъ, любезнымъ и доступнымъ для каждаго ²⁶⁾.

Македонскій характеръ никогда не былъ особенно гибкимъ; война и достигнутые въ ней громадныя успѣхи только усилили непреклонность и твердость характера этихъ этеровъ. Не все понимали, подобно Гефестіону, намѣренія и политику своего царя, не все обладали, подобно Кратеру, достаточной степенью преданности и самоотверженія, чтобы поддерживать ее во имя вѣрности долгу; большинство не понимало и не одобряло того, что дѣлалъ и допускалъ царь. Между тѣмъ какъ Александръ дѣлалъ все, чтобы пріобрѣсти расположеніе побѣжденныхъ и заставить ихъ забыть о томъ, что македоняне ихъ побѣдители, многіе, увлеченные своей гордостью и эгоизмомъ, считали отношеніе полной покорности необходимой основой всѣхъ дальнѣйшихъ реформъ и, какъ это имъ казалось само собою понятнымъ, кромѣ деспотической и неограниченной власти прежнихъ сатраповъ, претендовали еще на принадлежащее побѣдителямъ право сильного. Между тѣмъ какъ Александръ съ равной благосклонностью принималъ и колѣнопреклоненіе персидскихъ вельможъ и обожаніе, проявлять которое по отношенію къ нему считали себя обязанными восточныя народы, и почетныя посольства грековъ, и солдатскія привѣтствія своихъ фалангъ, они, какъ равные своему царю, желали бы видѣть передъ собою все другое униженнымъ и лежащимъ во прахѣ покорности; и между тѣмъ какъ они сами, насколько это позволялъ военный лагерь и близость громко порицавшаго ихъ царя, отдавались безъ всякой другой цѣли, кромѣ самаго грубаго наслажденія, всей роскоши и распушенности азіатской жизни, они негодовали на своего царя за его мидійское облаченіе и мидійскую роскошь его двора, среди которыхъ миллионы Азіи признавали его своимъ богомъ и царемъ и поклонялись ему. Такимъ образомъ многіе изъ македонскихъ вельможъ сдѣлались азіатами въ самомъ дурномъ смыслѣ этого слова, и азіатская склонность къ деспотіи, коварству и излишествахъ соединилась у нихъ съ чрезмѣрной суровостью и преувеличеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства македонцевъ, все еще дѣлавшимъ ихъ жадными къ славѣ, храбрыми въ бою и готовыми на все.

Когда Александръ началъ допускать при своемъ дворѣ восточныя элементы, окружать себя персидскими вельможами, привлекать ихъ къ себѣ съ тою же благосклонностью и щедростью, какъ и македонцевъ, отличать ихъ тѣмъ же довѣріемъ, возлагать на нихъ важныя порученія и награждать ихъ сатрапіями, то это покровительствуемое царемъ, уродливое азіатское направленіе, естественно, вызвало негодованіе македонскихъ вельможъ, чувствовавшихъ себя носителями древнихъ и чисто македонскихъ традицій, вознегодовали на это, какъ будто бы тѣмъ наносились имъ ущербъ и униженіе. Многіе, особенно старые генералы времени Филиппа, не скрывали своей нелюбви къ персамъ и своего недовѣрія къ Александру; они взаимно поддерживали и усиливали свое неудовольствіе на то, что тотъ, который всѣмъ имъ обязанъ, пренебрегаетъ ими и неблагодаренъ

относительно ихъ; цѣлые годы они должны были биться для того, чтобы теперь видѣть, какъ плоды ихъ побѣдъ переходятъ въ руки побѣжденныхъ; царь, равняющій въ своемъ обхожденіи персидскихъ вельможъ съ ними, скоро будетъ съ ними самими обходиться такъ же, какъ съ этими прежними рабами персидскаго царя; Александръ забываетъ о македонянахъ, слѣдуетъ быть насторожѣ.

Царь зналъ объ этомъ настроеніи умовъ; его мать, какъ рассказываютъ, не разъ предостерегала его, заклинала его быть осторожнымъ относительно своихъ вельможъ, упрекала его въ томъ, что онъ слишкомъ довѣрчивъ и милостивъ къ этой старинной знати Македоніи, что онъ своей чрезмѣрной щедростью дѣлаетъ изъ подданныхъ царей, даетъ имъ случай пріобрѣтать себѣ приверженцевъ и самъ себя лишаетъ своихъ друзей ²⁷⁾. Отъ Александра не могло укрыться то, что даже среди его ближайшихъ окружающихъ многіе смотрѣли на его шаги съ недовѣріемъ или съ неодобреніемъ; онъ привыкъ видѣть въ Парменионѣ постоянное предостереженіе; онъ зналъ, что его сынъ Филота открыто не одобрялъ предпринимаемыхъ имъ мѣръ и даже весьма дерзко выражался объ немъ лично; царь прощалъ это рѣзкому и мрачному характеру вообще храбраго и неутомимаго на службѣ гиппарха; болѣе глубоко оскорбляло его то, что даже прямой и великодушный Кратеръ, котораго онъ уважалъ болѣе всѣхъ другихъ, не всегда соглашался съ тѣмъ, что происходило, и что даже Клитъ, начальствовавшій надъ агею конницы, началъ отдаляться отъ него. Въ средѣ македонскихъ генераловъ все яснѣе выступалъ расколъ, который, хотя пока и безъ значительныхъ послѣдствій, ожесточалъ настроеніе умовъ и даже выразился уже въ военномъ совѣтѣ въ тяжеломъ раздраженіи; болѣе рѣзкіе желали видѣть войну оконченною, войско распушеннымъ и добычу раздѣленной; повидимому, подъ ихъ вліяніемъ и въ войскѣ тоже все громче и громче выражалось желаніе возвратиться на родину.

Такимъ образомъ, недовольство росло; дары, вниманіе и довѣріе царя уже не дѣлали его болѣе господиномъ надъ ними. Дѣло не могло и не должно было долго идти на эту стать; военная дисциплина войска и повиновеніе офицеровъ были первыми условіями не только для удачи военныхъ предпріятій, но и для сохраненія уже пріобрѣтеннаго и для безопасности самой арміи; если Александръ и не долженъ былъ ожидать никакого дерзкаго поступка со стороны Кратера, Клита, Филоты, Пармениона и этеровъ, то для примѣра и для поддержки начинавшаго уже становиться ненадежнымъ настроенія войска онъ долженъ былъ желать наступленія кризиса, который бы поставилъ его лицомъ къ лицу съ противной партіей и далъ бы ему случай раздавить ее.

Весною 330 года Александръ отдыхалъ со своимъ войскомъ въ столицѣ Дрангіаны. Кратеръ снова соединился съ нимъ послѣ своего перехода черезъ Бактрію; Кеъ, Пердикка и Амипта со своими фалангами, македонская конница Филоты и гипасписты тоже находились при немъ; ихъ предводители. Никаноръ, братъ Филоты, умеръ недавно, что было тяжелой потерей для царя; онъ приказалъ брату

торжественно похоронить его. Ихъ отецъ Парменіонъ съ главною частью остального войска стоялъ въ далекой Мидіи, охраняя путь на родину и несмѣтная сокровища персидскаго царства; слѣдующей весной онъ долженъ былъ снова примкнуть къ главной арміи. «Въ это время Александръ получилъ донесеніе объ измѣнѣ Филоты», говоритъ Арріанъ и затѣмъ въ общихъ чертахъ излагаетъ, какъ было поступлено съ послѣднимъ. Источникъ, которому слѣдуютъ Діодоръ, Курцій и Плутархъ, рассказываетъ объ этомъ дѣлѣ подробнѣе, но болѣе ли онъ соотвѣтствуетъ истинѣ, это остается вопросомъ открытымъ. Эти писатели рассказываютъ въ существенныхъ чертахъ слѣдующее:

Въ числѣ окружавшихъ царя недовольныхъ находился Димнъ изъ Халестры въ Македоніи. Онъ открылъ Никомеху, съ которымъ онъ находился въ любовной связи, что его честь оскорблена царемъ и что онъ рѣшился отомстить за себя; знатные лица раздѣляютъ его образъ мыслей и вездѣ желаютъ переменъ положенія вещей; царь, ненавидимый и стоящій теперь поперекъ всѣмъ, долженъ быть устраненъ съ дороги; черезъ три дня онъ будетъ убитъ. Боясь за жизнь царя, но робѣя лично открыть ему о такомъ важномъ дѣлѣ, Никомехъ сообщаетъ о злодѣйскомъ планѣ своему брату Кевалину и умоляетъ его поспѣшить доносомъ. Его братъ отправляется во дворецъ, гдѣ живетъ царь; чтобы не обратить на себя вниманія, онъ ожидаетъ при входѣ выхода одного изъ стражниковъ, которому онъ могъ бы открыть объ опасности. Филота оказывается первымъ, котораго онъ видитъ; онъ передаетъ ему о томъ, что узналъ, и возлагаетъ на него отвѣтственность за быстроту донесенія и за жизнь царя. Филота возвращается къ царю и говоритъ съ нимъ о постороннихъ предметахъ, но не о близкой опасности; на вопросы пришедшаго къ нему вечеромъ Кевалина онъ отвѣчаетъ, что ему не удалось ничего сдѣлать и что на слѣдующій день еще есть достаточно времени. Но Филота молчитъ и на слѣдующій день, хотя не разъ находится наединѣ съ царемъ. Кевалинъ начинаетъ подозрѣвать; онъ обращается къ Метрону, одному изъ царскихъ пажей, сообщаетъ ему о близкой опасности и требуетъ отъ него устроить ему наединѣ разговоръ съ царемъ. Метронъ проводитъ его въ оружейную комнату Александра, рассказываетъ послѣднему во время омовенія о томъ, что ему открылъ Кевалинъ, и затѣмъ впускаетъ его самого. Кевалинъ дополняетъ рассказъ, говоритъ, что онъ не виноватъ въ томъ, что это донесеніе замедлилось, и что онъ, въ виду страннаго поведенія Филоты и въ виду опасности въ случаѣ дальнѣйшаго промедленія, счелъ своимъ долгомъ непосредственно сдѣлать царю это донесеніе. Александръ выслушиваетъ его съ глубокимъ волненіемъ; онъ приказываетъ немедленно взять Димна подъ стражу. Послѣдній видитъ заговоръ открытымъ, свой планъ неудавшимся и лишаетъ себя жизни²⁸). Затѣмъ царь призываетъ къ себѣ Филоту; послѣдній увѣряетъ, что считалъ это дѣло хвастовствомъ Димна и не стоящимъ того, чтобы говорить о немъ; онъ признаетъ, что самоубійство Димна поразило его, но царь знаетъ его образъ мыслей. Александръ отпускаетъ его, не выразивъ сомнѣній въ его вѣрности, и приглашаетъ его присутствовать за его столомъ и сегодня. Онъ созываетъ однако тайный военный

совѣтъ и сообщаетъ ему о случившемся. Опасенія его вѣрныхъ друзей увеличиваютъ подозрѣнія царя относительно дальнѣйшихъ развѣтвлений заговора и возбужденную въ немъ загадочнымъ поведеніемъ Филоты тревогу; онъ приказываетъ хранить глубочайшее молчаніе объ этомъ совѣщаніи и приглашаетъ Гестестіона и Кратера, Кена и Эригія, Пердикку и Леонната явиться къ нему въ полночь для полученія дальнѣйшихъ приказаній. Вѣрные приближенные собираются къ царскому столу, Филота тоже присутствуетъ; расходятся поздно вечеромъ. Въ полночь являются вышеупомянутые генералы, сопровождаемые немногими вооруженными воинами; царь приказываетъ усилить караулъ во дворцѣ, приказываетъ занять ворота города, особенно тѣ, которые ведутъ въ Экбатану, посылаетъ отдѣльные отряды, чтобы въ тишинѣ ночи взять подъ стражу тѣхъ, объ участіи которыхъ въ заговоръ ему было сообщено, и отряжаетъ наконецъ 300 человекъ къ квартирѣ Филоты ²⁹⁾, съ приказомъ сперва оцѣпить домъ часовыми, затѣмъ войти въ него, взять гиппарха подъ стражу и доставить его во дворецъ. Такимъ образомъ проходитъ ночь.

На слѣдующій день войско созывается на общее собраніе ³⁰⁾. Никто не подозрѣваетъ о томъ, что случилось; наконецъ, въ кругъ входитъ самъ царь: по македонскому обычаю, говоритъ онъ, созвалъ онъ войско для суда, открылся злодѣйскій умыселъ противъ его жизни. Никомахъ, Кевалинъ, Метронъ даютъ свои показанія, трупъ Димна является подтвержденіемъ ихъ словъ. Затѣмъ царь называетъ главъ заговора: Филотъ, говоритъ онъ, было доставлено первое сообщеніе о томъ, что на третій день должно совершиться убійство; приходя по два раза въ день въ царскій дворецъ, ни въ первый, ни во второй день онъ не сказалъ ни слова; затѣмъ онъ показываетъ письма Парменіона, въ которыхъ отецъ совѣтуетъ своимъ сыновьямъ Филотъ и Никанору: «заботьтесь сперва о себѣ, затѣмъ о своихъ, такимъ образомъ мы достигнемъ своей цѣли»; онъ прибавляетъ, что этотъ образъ мыслей подтверждается цѣлымъ рядомъ фактовъ и выраженій и свидѣтельствуетъ о грубой измѣнѣ; уже послѣ убійства царя Филиппа Филота сталъ на сторону претендента, Ампиты; его сестра была супругою Аттала, который долго преслѣдовалъ его самого и его мать Олимпіаду, старался преградить ему доступъ къ престолу и, наконецъ, будучи посланъ впередъ съ Парменіономъ въ Азію, возмущился; несмотря на все, онъ отличалъ эту фамилію всевозможными знаками милости и довѣрія; уже въ Египтѣ онъ очень хорошо зналъ о дерзкихъ и угрожающихъ выраженіяхъ, которыя Филота не разъ повторилъ передъ гетерой Антигоной, но приписывалъ ихъ его рѣзкому характеру; это сдѣлало Филоту еще болѣе гордымъ и надменнымъ; его двусмысленная щедрость, его разнузданная расточительность, его безумная гордость озабочивали даже его отца и заставляли его предостерегать сына не избличать себя слишкомъ рано; уже давно они не служатъ болѣе вѣрно царю, и битва при Гавгамелѣ едва не была проиграна благодаря Парменіону; но со времени смерти Дарія ихъ предательскіе планы созрѣли и, пока онъ продолжалъ довѣрять имъ во всемъ, они назначили день для его убійства, наняли убійцъ и подготовили ниспроверженіе существующаго порядка. Съ величайшимъ волненіемъ, такъ

говорится въ описаніи этого событія, слушали македоняне своего царя; по появленіе скованнаго Филоты трогаетъ ихъ не менѣе и возбуждаетъ въ нихъ жалость; стратигъ Аминта начинаетъ говорить противъ обвиняемаго, который съ жизнью царя могъ у всѣхъ нихъ отнять надежду на возвращеніе на родину. Затѣмъ произноситъ еще болѣе горячую рѣчь стратигъ Кенъ, зять Филоты; онъ уже схватилъ камень, чтобы начать судъ по македонскому обычаю; царь удерживаетъ его; сначала Филота долженъ защищаться; онъ самъ покидаетъ собраніе, чтобы своимъ присутствіемъ не пренятствовать свободѣ защиты. Филота отрицаетъ истину обвиненій; онъ указываетъ на вѣрную службу свою, своего отца и своихъ братьевъ; онъ признаетъ, что умолчалъ о доносѣ Кевалипа, чтобы не явиться бесполезнымъ и непріятнымъ передатчикомъ предостереженій, какъ его отецъ Парменіонъ въ Тарсѣ, когда тотъ остерегалъ царя отъ лекарства акарианскаго врача; но несправедливость и страхъ всегда терзаютъ деспота и это-то именно всѣ они и оплакиваютъ. Въ крайнемъ возбужденіи македоняне рѣшаютъ, что Филота и остальные заговорщики заслуживаютъ смерти; царь откладываетъ судъ до слѣдующаго дня.

Еще недостаетъ признанія Филоты, которое въ то же время должно освѣтить вину его отца и его соумышленниковъ; царь созываетъ тайный совѣтъ; большинство требуетъ немедленнаго исполненія смертнаго приговора; Гефестіонъ, Кратеръ и Кенъ совѣтуютъ сперва вынудить у него признаніе; въ этомъ смыслѣ рѣшаетъ большинство голосовъ; на трехъ стратиговъ возлагается порученіе присутствовать при пыткѣ. Среди мученій пытки Филота сознается въ томъ, что онъ и его отецъ говорили объ убійствѣ Александра, что они не рѣшились бы на это при жизни Дарія, такъ какъ выгоды этого достались бы не на ихъ долю, а на долю персовъ, что онъ, Филота, исполнилъ исполненіемъ замысла, прежде чѣмъ смерть, къ которой близокъ его отецъ, не отниметъ его у общаго дѣла, и что онъ организовалъ этотъ заговоръ безъ вѣдома своего отца. Съ этими показаніями царь является на слѣдующее утро въ собраніе войска; приводятъ Филоту, и македоняне пронзаютъ его своими копьями.

Лучшіе источники, Итолемей и Аристовулъ, которымъ слѣдуетъ Арріанъ, тоже подтверждаютъ, что уже въ Египтѣ до царя дошли свѣдѣнія о предательскихъ планахъ Филоты³¹⁾, и что дружба, существовавшая между нимъ и Филотой, и глубокое уваженіе, съ которымъ онъ всегда относился къ его отцу Парменіону, не допустили его рѣшиться повѣрить имъ. Итолемей говоритъ, что царь самъ выступилъ съ обвиненіемъ передъ собравшимися воинами, что Филота защищался и что ему главнымъ образомъ было вмѣнено въ вину то, что онъ умолчалъ о доносѣ. О пыткѣ онъ не упоминаетъ.

Парменіонъ былъ тоже признанъ достойнымъ смерти³²⁾. Исполнить надъ нимъ приговоръ какъ можно скорѣе казалось необходимымъ; онъ стоялъ во главѣ значительной части войскъ, а при его большомъ военномъ авторитетѣ и при тѣхъ сокровищахъ, охрана которыхъ была ему ввѣрена и которыя доходили до многихъ тысячъ талантовъ, онъ легко могъ бы склонить къ крайнимъ мѣрамъ другихъ; даже если онъ и не принималъ никакого непосредственнаго уча-

стія въ измѣническихъ планахъ сына, то послѣ казни послѣдняго казалось возможнымъ самое худшее. Онъ стоялъ въ Экбатанѣ, на разстояніи 30 или 40 переходовъ; чего не могло случиться за это время, если бы онъ возмутился? При такихъ обстоятельствахъ царь не долженъ былъ пользоваться своимъ правомъ помилованія, онъ не могъ рѣшиться приказать арестовать полководца открыто и среди столь легко способныхъ на измѣну войскъ; въ Экбатану къ Ситалкѣ, Менидѣ и Клеандрѣ былъ посланъ принадлежавшій къ отряду эте-ровъ Полидамантъ съ письменнымъ приказомъ царя безъ шума устранить прочь Пармеліона. На быстрыхъ дромадерахъ, сопровождаемый двумя арабами, Полидамантъ на двѣнадцатую почъ прибылъ въ Экба-тану; еракійскій князь и два македонскихъ военачальника немедленно исполнили возложенное на нихъ порученіе.

Въ Профеазіи тѣмъ временемъ слѣдствіе велось дальше. Димитрій, одинъ изъ семи тѣлохранителей, былъ тоже заключенъ въ тюрьму по подозрѣнію въ сношеніяхъ съ Аминтой; его мѣсто занялъ Пто-лемей, сынъ Лага. Сыновья тимѳеина Андромена были весьма дружны съ Филотой, и Полемонъ, младшій изъ братьевъ, служившій въ одной изъ илъ конницы, услышавъ объ арестѣ своего гиппарха Фи-лоты, скрылся бѣгствомъ въ порывѣ охватившаго его страха; тѣмъ болѣе вѣроятнымъ казалось участіе въ заговорѣ его и его братьевъ. Аминта, Симмія и Атталъ, бывшіе всѣ трое стратигами фалангитовъ, были тоже привлечены къ слѣдствію, и особенно Аминта подвергся различнымъ обвиненіямъ. Онъ защищалъ себя и своихъ братьевъ такимъ образомъ, что македоняне вполне оправдали его; тогда онъ попросилъ о милости дозволить ему возвратитъ своего бѣжавшаго брата; царь дозволилъ это; Аминта уѣхалъ въ тотъ же день и привезъ Полемона обратно; это и славная смерть, которую Аминта скоро на-шелъ въ одномъ сраженіи, изгладили въ умѣ царя послѣднія подо-зрѣнія противъ братьевъ, которые впоследствии были отличаемы имъ всевозможными способами.

Замѣчательно, что при производствѣ этого слѣдствія теперь снова выступило на сцену дѣло линкистійца Александра, который четыре года тому назадъ произвелъ въ Малой Азіи покушеніе на жизнь царя, но по прямому приказу его былъ тогда только взятъ подъ стражу. Дѣйствительно ли войско потребовало его казни, или нѣтъ, но царю могло казаться необходимымъ предоставить теперь требовавшему этого войску произнести свой приговоръ надъ человѣкомъ, котораго онъ не подвергалъ до сихъ поръ заслуженному наказанію во вниманіе къ тому, что памѣстникъ Македоніи былъ его зятемъ. Не представляется невѣроятнымъ и то, что явились новые поводы предать его суду именно теперь; къ сожалѣнію, наши источники не даютъ намъ ника-кихъ болѣе точныхъ свѣдѣній. Но когда Филота признался, что цѣлью заговора было убіеніе Александра, то первымъ и уже заранѣе обдуман-нымъ вопросомъ должно было быть, кто будетъ послѣ него носить царскій вѣнецъ; ближайшее право принадлежало Арридею, сыну царя Филиппа,—но, хотя онъ и находился при войскѣ, никому не могло бы придти въ голову отдать власть въ руки человѣка, который былъ почти идиотомъ; еще менѣе можно было думать о томъ, чтобы от-

дать царскій вѣнецъ человѣку, не имѣющему никакихъ правъ на престолъ, какъ напримѣръ Парменіону или его сыну, или кому-либо другому изъ генераловъ; ликистіецъ могъ казаться заговорщикомъ удобнымъ для этого лицомъ, тѣмъ болѣе, что Антипатра, котораго, конечно, надо было главнымъ образомъ имѣть въ виду, возвышеніе зятя могло, какъ это можно было думать, склонить на сторону новаго порядка вещей. Быть можетъ, слѣдуетъ упомянуть о томъ, что Антипатръ, узнавъ о происшествіяхъ въ Профеазіи и Экбатанѣ, сдѣлалъ, повидимому, нѣсколько шаговъ, непонятныхъ безъ такого объясненія; разсказываютъ, что онъ завелъ тайные переговоры съ этолиями, которыхъ Александръ приказалъ казать примѣрнымъ образомъ за разрушеніе преданнаго ему города Энїадъ ³³); предосторожность эта не имѣла въ настоящую минуту никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, но не осталась неизвѣстной царю ³⁴) и, какъ думали, возбудила въ немъ такое сильное недовѣріе, что оно должно было проявиться хотя бы по простествіи многихъ лѣтъ.

Такимъ образомъ окончилось это прискорбное дѣло, прискорбное даже въ томъ случаѣ, если судъ надъ Филотой былъ справедливъ, а убіеніе Парменіона было политической необходимостью. Происшедшія событія не дѣлаются лучше отъ того, что по преданіямъ Филота, при всей своей личной храбрости и воинской доблести, былъ жестокъ, эгоистиченъ и хитеръ, что даже отецъ совѣтовалъ ему быть осторожнѣе и не вести себя столь надменно, и что Парменіонъ, даже въ дѣлахъ, касавшихся его служебнаго долга, не разъ навлекалъ на себя порицаніе царя. Если царь считалъ себя обязаннымъ требовать отъ своихъ высшихъ офицеровъ строжайшаго повиновенія и твердо держать въ своихъ рукахъ бразды дисциплины, тѣмъ болѣе, что они находились въ самомъ разгарѣ войны, — тотъ фактъ, что виновныхъ, которыхъ онъ считалъ необходимымъ покарать, онъ находилъ въ кругу высшихъ начальствующихъ лицъ, былъ опаснымъ симптомомъ состоянія его войска и первымъ зловѣщимъ извѣстіемъ въ столь прочномъ и крѣпкомъ донынѣ орудіи его могущества, представлявшемъ единственную гарантію его успѣховъ и его дѣла вообще.

При своей энергіи и при умѣньи заставить другихъ повиноваться себѣ онъ сумѣлъ справиться съ разрушительными послѣдствіями этихъ событий и быстро и вполнѣ взялъ снова въ свои руки возбужденныя войска ³⁵). Но то, что въ этой арміи не было больше Филоты и Парменіона, было и осталось незамѣнимой потерей и неизгладимымъ пятномъ.

Мы не будемъ впадать въ разсмотрѣніе вопроса, были ли произведенныя въ арміи перемѣны, часть которыхъ по меньшей мѣрѣ относится къ этой зимней стоянкѣ, тоже въ связи съ указанными событіями, или онѣ вызваны измѣнившимися задачами войны.

Со времени смерти Дарія въ прежнихъ персидскихъ земляхъ не было болѣе никакой организованной непріятельской военной силы; тамъ и сямъ еще было возможно призывать и вести на полѣ битвы полчища, но въ нихъ уже не было твердаго склада персидскаго царскаго войска, для борьбы съ которымъ Александръ при началѣ вой-

ны организовалъ свою армію, въ нихъ уже не было ни дворцовыхъ войскъ персидскаго царя и кардаковъ, ни ядра арміи, состоявшаго изъ греческихъ наемниковъ съ ихъ тактической опытностью. Дальнѣйшая война главнымъ образомъ должна была приспособиться къ борьбѣ съ беспорядочными массами, къ ихъ разбѣганію, преслѣдованію и ко всѣмъ видамъ мелкой войны. Составлявшіе армію корпуса должны были формироваться такимъ образомъ, чтобы изъ нихъ можно было безъ труда составлять арміи въ маломъ видѣ; они должны были стать болѣе подвижны, ихъ тактика еще болѣе прежняго должна была разсчитываться на нападеніе, легкія войска должны были получить еще большее развитіе. Наконецъ, было необходимо принять мѣры, чтобы можно было утилизировать также и набираемые въ Азіи войска не только для того, чтобы увеличивать массу военной силы, но и для того, чтобы создать въ нихъ ближайшую замѣну вербовокъ на родинѣ по мѣрѣ того, какъ они все болѣе и болѣе удалялись отъ нея.

Уже прошедшею зимой восемь иль конницы были раздѣлены каждая на два лоха, изъ которыхъ каждый получилъ своего лохага; теперь каждые восемь лоховъ были соединены въ одну гинпархію, такъ что отнынѣ, если читатели дозволятъ намъ употребить современное выраженіе, было два полка этой тяжелой кавалеріи по восьми, хотя и болѣе слабыхъ, эскадроновъ въ каждомъ. Одну гинпархію получилъ Клитъ, сынъ Дропиды, командовавшій прежде царской илой конницы, — «черный Клитъ», вторую — Гефестіонъ. Уже при походѣ слѣдующаго года число гинпархій было еще болѣе увеличено ³⁶).

Точно также и число наемныхъ всадниковъ, прибывшихъ въ 331 году въ войско въ количествѣ 400 человекъ подъ предводительствомъ Мениды, было увеличено такимъ образомъ, что они составили болѣе одной гинпархія ³⁷).

Теперь также былъ сформированъ отрядъ конныхъ аконтистовъ, численности которыхъ мы не можемъ опредѣлить ³⁸).

Столь же значительныя переменны въ организаціи пѣхоты, которыя мы замѣчаемъ при походѣ въ Индію, были, повидимому, произведены только послѣ крупныхъ подкрѣпленій, полученныхъ войскомъ въ Бактріи.

Еще изъ Персеполиа царь послалъ въ сатрапій приказъ набирать молодыхъ войска, всего числомъ 30000 человекъ, которые должны были быть подготовлены къ службѣ по македонскимъ приѣмамъ и затѣмъ войти въ составъ арміи, какъ «эпигоны» ³⁹). Но уже вскорѣ послѣ этого, во время своего двухлѣтняго пребыванія въ бактрскихъ земляхъ, онъ началъ брать въ качествѣ всадниковъ на службу бактровъ, согдиановъ, паропамизадовъ и т. д.

Словомъ, войско царя, состоявшее прежде изъ македонянъ, эллиновъ и европейскихъ варваровъ, начало развиваться въ эллинистическомъ духѣ, который Александръ желалъ придать своему государству; и между тѣмъ какъ вездѣ въ центральныхъ пунктахъ сатрапій были оставлены болѣе или менѣе сильныя македонско-греческія гарнизоны, которые, проживъ тамъ столь долгое время, превратились изъ исключительно военныхъ организацій также и въ граждан-

скія общины, включенныя въ составъ боевой арміи азіаты должны были начать эллинизироваться при посредствѣ воинскаго общенія и дисциплины.

Эта боевая армія была однако не военнымъ только дѣломъ; она заключала въ себѣ и другіе элементы и другія отрасли дѣятельности; она представляла крайне оригинальный міръ самъ по себѣ. Лагерь былъ въ то же время резиденціей, заключалъ въ себѣ центральное управленіе громаднаго царства, его главныхъ гражданскихъ представителей, казначейство, интендантское управленіе, склады оружія и одежды для арміи, провіантъ и фуражъ, лазаретную прислугу; за войскомъ слѣдовали торговцы, техники, поставщики, спекуляторы всякаго рода и не малое число лицъ изъ образованнаго класса, только часть которыхъ составляли люди предназначенные для обученія знатныхъ молодыхъ людей; были и гости, греки и азіаты, міряне и жрецы; не былъ забытъ и цѣлый обозъ женщинъ; если со времени событій въ Пизидіи линкистіецъ Александръ скованный слѣдовалъ за войскомъ, то врядъ ли былъ оставленъ въ другомъ мѣстѣ и слабоумный Арридей, незаконный сынъ Филиппа. Такимъ образомъ этотъ лагерь въ соединеніи съ царскимъ дворомъ былъ какъ бы подвижною резиденціей царства, мощнымъ и сильно бьющимся центромъ его тяжести и силы, который двигался изъ страны въ страну и, какъ при остановкахъ, такъ и при дальнѣйшемъ движеніи оказывалъ свое вліяніе.

Быть можетъ, здѣсь будетъ кстати упомянуть и о другомъ обстоятельствѣ, на которое, повидимому, указываетъ сама природа предмета. Войска Александра выступили въ походъ въ такомъ одѣяніи, которое соотвѣтствовало климату и обычаю ихъ родины; было ли оно въ такой же степени удобно для весьма отличныхъ климатическихъ условій Ирана, Турана и Индіи, для безконечныхъ и трудныхъ переходовъ, для неизбежныхъ рѣзкихъ перемѣнъ въ пищу, для знойныхъ солнечныхъ дней, для царившихъ на высокихъ горахъ зимнихъ холодовъ и для періода тропическихъ дождей? не требовала ли забота о здоровьи войскъ поддерживать теплоту тѣла плотно обхватывавшей его одеждой, охранять голову отъ солнечнаго удара и прикрывать ноги ⁴⁰⁾, а также защищать ступню лучше, чѣмъ это позволяли сандалии или низкіе башмаки, хоть бы въ такомъ родѣ, какъ они это видѣли въ употребленіи у жившихъ въ этихъ мѣстахъ народовъ? Быть можетъ, введеніе азіатскаго одѣянія и послужило причиною сыпавшихся на царя тяжелыхъ упрековъ? Но скудныя свѣдѣнія нашихъ источниковъ не даютъ намъ отвѣта на этотъ вопросъ, какъ и на многіе другіе.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПОХОДЪ АЛЕКСАНДРА ВЪ БАКТРИАНУ. — ПРЕСЛѢДОВАНИЕ БЕССА, ЕГО ВЫДАЧА. — ПОХОДЪ ПРОТИВЪ СКИФОВЪ, НА ЯКСАРТЪ. — ВОЗСТАНІЕ ВЪ СОГДІАНЪ. — УСМИРЕНІЕ МЯТЕЖНИКОВЪ. — ЗИМОВКА ВЪ ЗАРІАСПЪ. — ВТОРИЧНОЕ ВОЗМУЩЕНІЕ СОГДІАНЦЕВЪ. — УСМИРЕНІЕ ИХЪ. — ОСТАНОВКА ВЪ МАРАКАНДЪ. — УБИЕНІЕ КЛИТА. ВТОРЖЕНІЕ СКИФОВЪ ВЪ ЗАРІАСПЪ. — ЗИМОВКА ВЪ НАВТАКТЪ. — КРѢПОСТИ ГИПАРХОВЪ. — БРАКОСОЧЕТАНІЕ СЪ РОКСАНОЙ. — ЗАГОВОРЪ ЦАРСКИХЪ ЮНОШЕЙ. — ПАКАЗАНІЕ КАЛЛИСЕНА.

Цѣлью перваго похода была область рѣки Окса. Здѣсь Бессъ, присвоившій себѣ тиару персидскаго царя и имя Артаксеркса, принималъ самыя энергичныя мѣры, чтобы воспротивиться дальнѣйшему вторженію македонянъ. Кромѣ тѣхъ войскъ, которыя находились при немъ еще со времени убіенія персидскаго царя, онъ собралъ вокругъ себя около 7000 всадниковъ изъ Бактріи и Согдіаны и къ нему примкнуло также нѣсколько тысячъ даковъ; вмѣстѣ съ нимъ находились многіе вельможи страны, Датафернъ и Оксіартъ изъ Бактріи, Спитаменъ изъ Согдіаны, Катанъ изъ Паретакены; Сатибарзанъ послѣ неудачи своего возстанія въ тылу Александра тоже бѣжалъ въ Бактрію, — обстоятельство, которое, казалось, приносило большія выгоды Бессу, выгоды заключавшіяся въ томъ, что Александръ, разъ уже уклонившись въ сторону отъ большой дороги въ Бактрію, вѣроятно, побоясь трудно проходимыхъ проходовъ черезъ Кавказъ и или совершенно откажется отъ похода въ Бактрію, или хотъ дастъ ему время произвести новыя и болѣе обширныя вооруженія, а быть можетъ произвести вторженіе въ находящуюся недалеко Индію; тогда можно будетъ безъ труда организовать общее возстаніе въ находящихся у него въ тылу новопокоренныхъ земляхъ.

Бессъ приказалъ опустошить земли по сѣверному склону горъ на разстояніи нѣсколькихъ дней пути, чтобы такимъ образомъ сдѣлать невозможнымъ всякое вторженіе непріятельскаго войска; Сатибарзану, который могъ разсчитывать на преданность своихъ бывшихъ подданныхъ, онъ далъ около двухъ тысячъ всадниковъ, чтобы произвести съ ними диверсію въ тылу македонянъ, которая, въ случаѣ своей удачи, совершенно бы отрѣзала непріятеля. При появленіи своего прежняго повелителя арейцы возмутились, и даже самъ назначенный Александромъ сатрапъ Арзамъ, повидимому, относился благопріятно къ возстанію. Въ Парейю Бессъ тоже послалъ одного изъ преданныхъ ему людей, Варзана, чтобы вызвать тамъ возстаніе въ пользу стараго персидскаго пачала ¹⁾.

Александръ получилъ извѣстіе о новомъ возстаніи арейцевъ въ Арахозіи; онъ немедленно послалъ въ Арēju конницу союзниковъ, состоящую изъ шестисотъ челоѣкъ подъ начальствомъ Артабаза. Въ числѣ послѣднихъ подъ начальствомъ Андроника ²⁾ находились и наемники, перешедшіе на сторону Александра въ Каспійскихъ проходахъ. Сатрапу Гирканіи и Парейи Фратаферну былъ посланъ приказъ присоединиться къ нимъ со своей конницей. Едино

временно съ этимъ самъ царь выступилъ изъ Арахозіи ³⁾ и среди суровыхъ зимнихъ морозовъ прошелъ по обнаженнымъ проходамъ высотъ, отдѣляющихъ территорію арахозійцевъ отъ территоріи паропамизавовъ. Онъ нашелъ это плоскогорье густо населеннымъ и, хотя поля покрывалъ теперь глубокій снѣгъ, встрѣтилъ въ изобиліи запасы въ многочисленныхъ деревняхъ, которыя дружелюбно приняли его ⁴⁾. Онъ поспѣшилъ спуститься въ болѣе открытую мѣстность по верхнему теченію рѣки Кабула и, переправившись черезъ нее, очутился у подножія высокаго Гиндукуша, «Кавказа», по другую сторону котораго лежитъ Бактрія. Здѣсь онъ расположился на зимовку ⁵⁾.

Страна Кабуль, лежащая приблизительно подъ одною широтою съ Кипромъ и Критомъ, представляетъ собою плоскогорье, лежащее въ 6300 футахъ надъ уровнемъ моря, слѣдовательно на 500 футовъ выше, чѣмъ Св. Морицъ и Сильваплана въ верхнемъ Энгадинѣ. Отсюда въ долину рѣки Окса ведутъ черезъ горы Гиндукуша семь проходовъ; три изъ нихъ поднимаются вверхъ къ источникамъ Шунджира, самый восточный изъ нихъ есть проходъ Хевака или Туля, ведущій въ Андерабъ на высотѣ 13200 футовъ ⁶⁾; эти проходы и еще болѣе три ближайшихъ къ нимъ прохода, спускающихся къ источникамъ Суркаба, въ продолженіи четырехъ, пяти мѣсяцевъ до такой степени покрыты снѣгомъ, что по нимъ едва можно пройти; тогда приходится избирать самый западный проходъ, проходъ Баміана, причемъ, чтобы изъ Кабула попасть въ Балкъ, нужно пройти миль шестьдесятъ; эта дорога ведетъ черезъ нѣсколько горныхъ цѣпей, расположенныхъ по обѣ стороны главнаго хребта, а лежація между ними долины богаты источниками, пастбищами и стадами и населены мирными пастушескими племенами ⁷⁾. Одинъ новѣйшій путешественникъ, проѣзжавшій по послѣднему изъ этихъ проходовъ, пишетъ: «мы шли четыре дня (дѣло было въ маѣ) между крутыми утесами и стѣнами скалъ, скрывавшими отъ нашихъ глазъ солнце и отвѣсно возвышавшимися надъ нами на высоту отъ 2000 до 3000 футовъ; я отморозилъ себѣ здѣсь носъ и едва не ослѣпъ отъ бѣлизны снѣжныхъ полей; мы могли двинуться дальше только на слѣдующее утро, когда снѣгъ покрылся настомъ; эти горы почти лишены жителей и «ложе горнаго потока» служило намъ лагеремъ въ теченіи дня ⁸⁾».

Александръ, имѣя горныя высоты «по лѣвую руку», стоялъ лагеремъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ онъ былъ ближе къ неудобопроходимымъ восточнымъ проходамъ, особенно къ проходу Андерады, чѣмъ къ болѣе удобному западному. Не долженъ ли былъ Бессъ ожидать, что онъ пойдетъ по этому послѣднему, и сообразно съ этимъ принять свои мѣры? Но было выгоднѣе избрать ближайшіе проходы и дать за то войску болѣе продолжительный отдыхъ, тѣмъ болѣе, что лошади войска были сильно изнурены зимними переходами. Къ этимъ соображеніямъ присоединялось еще и другое обстоятельство. Кабуль, въ которомъ соединяются текушія съ горныхъ склоновъ сѣвера, запада и юга воды, открытъ со стороны востока и лежитъ миляхъ въ 50 отъ рѣки Инда; слыханное и видѣнное царемъ въ Кабулѣ должно было показать ему, что здѣсь передъ нимъ открываются врата новаго міра, полнаго малыхъ и большихъ государствъ, полнаго воин-

ственныхъ племенъ, среди которыхъ вѣсть о приближеніи завоевателя, несомнѣнно, вызоветъ сильное возбужденіе и, когда онъ двинется далѣе къ сѣверу, заставитъ ихъ принять мѣры, чтобы огрѣзать ему обратный путь черезъ проходы, которые онъ теперь имѣлъ передъ собой. Для сохраненія за собой этой позиціи, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояло лагеремъ войско (приблизительно на мѣстѣ теперешняго Беграма) былъ заложенъ городъ «Александрія Кавказская», снабженный сильнымъ гарнизономъ⁹⁾; персъ Проэксъ былъ назначенъ сатрапомъ этой области, а этеръ Нилоксенъ епископомъ (надзорцемъ)¹⁰⁾.

Когда дни суровыхъ холодовъ миновали, Александръ выступилъ изъ своего зимняго лагеря, чтобы дать первый примѣръ перехода черезъ горы, съ изумительною смѣлостью котораго могутъ соперничествовать только подобныя же предпріятія Ганнибала. Условія, при которыхъ Александръ долженъ былъ выступить, значительно затрудняли его движеніе; горы были еще покрыты снѣгомъ, воздухъ холоденъ, дороги дурны; хотя на пути и попадалось много деревень, мирные жители которыхъ были готовы дать то, что они имѣли, но у нихъ ничего не было, кромѣ стадъ; горы, лишенные лѣсовъ и только мѣстами поросшія кустами терпентиннаго фисташника, не могли доставить никакого топлива; мясо приходилось ѣсть безъ хлѣба и въ сыромъ видѣ, приправляя его только растущимъ на горахъ силфіемъ. Такимъ образомъ войско шло черезъ горы четырнадцать дней; чѣмъ ближе оно подходило къ сѣвернымъ склонамъ, тѣмъ тяжелѣе становилась нужда: долины были опустошены и покинуты жителями, селенія сожжены, стада угнаны; приходилось питаться кореньями и убивать вьючный скотъ обоза. Послѣ невѣроятныхъ усилій, измученное холодомъ и голодомъ, потерявшее многихъ лошадей и находившееся въ жалкомъ видѣ, войско достигло наконецъ на пятнадцатый день перваго бактрскаго города Драпсаки или Адрапса¹¹⁾, вѣроятно нынѣшняго Андерада), лежавшаго еще высоко въ горахъ.

Александръ стоялъ при входѣ въ область, нисколько не напоминавшую тѣхъ, которыя онъ до сихъ поръ покорялъ такъ легко. Бактрія и Согдіана были землями съ весьма древней цивилизаціей, составлявшими пѣкогда независимое царство и бывшими, быть можетъ, родиною Заратуштры и распространившагося по всему Ирану ученія его. Принадлежа потомъ ассирійцамъ, мидянамъ и персамъ, эти страны, окруженныя съ сѣвера и востока туранскими народами и постоянно угрожаемыя ихъ набѣгами, сохранили выдающееся значеніе передового поста, необходимаго для защиты Ирана и организованнаго для военной защиты. Уже одно то обстоятельство, что Бессъ, «сатрапъ земли бактровъ», въ битвѣ при Арбелѣ командовалъ, вмѣстѣ съ согдіанами и пограничными съ Бактріей индами, и скиѣскими саками не какъ своими подданными, но какъ «союзниками персидскаго царя», позволяло ожидать здѣсь единства въ веденіи войны и участія въ ней скиѣскихъ племенъ, въ виду чего покореніе этой страны могло представить удвоенныя трудности.

Возможно, что эти трудности облегчило неожиданное появленіе македонскаго войска съ той стороны, откуда его не ожидали. Послѣ непродолжительной остановки Александръ быстрыми переходами про-

шелъ черезъ проходы, образованные самыми сѣверными отрогами горъ, спустился къ Аорпу и, нигдѣ не встрѣчая сопротивленія, прошелъ оттуда по плодороднымъ равнинамъ Бактріи въ Бактру, столицу этой страны.

Бессъ, который, пока непріятель былъ еще далеко, былъ исполненъ вѣры въ себя и воображалъ, что горы и произведенныя на ихъ сѣверной сторонѣ опустошенія будутъ въ состояніи защитить бассейны рѣки Окса, при первой вѣсти о приближеніи Александра поспѣшно вышелъ изъ Бактры, бѣжалъ за Оксъ и, предавъ пламени суда, на которыхъ онъ переправился черезъ рѣку, отступилъ со своимъ войскомъ въ Навтакъ, лежавшій въ Согдіанѣ городъ. При немъ еще находилось нѣсколько тысячъ согдіанцевъ подъ предводительствомъ Спитамена и Оксіарта, и даки съ береговъ Танаисы; бактрскіе всадники, видя, что ихъ земля отдана въ жертву непріятелю, отбѣлились отъ Бесса и разсѣялись по своимъ роднымъ мѣстамъ ¹²⁾, такъ что Александръ безъ большого труда покорилъ всѣ земли вплоть до Окса. Въ это же время изъ Арей возвратились Артабазъ и Эригій; послѣ непродолжительной борьбы Сатибарзанъ былъ побѣжденъ, и храбрый Эригій собственноручно умертвилъ его; арейцы немедленно положили оружіе и покорились. Александръ послалъ въ ихъ область солійца Стазанора съ приказомъ взять подъ стражу прежняго сатрана Арзама, который игралъ двусмысленную роль при возстаніи, и принять на себя управленіе областью вмѣсто него. Богатую бактрскую сатрацію получилъ престарѣлый Артабазъ, что немало успокоило тѣхъ, которые покорились своей участи. Аорпъ, лежавшій при сѣверномъ входѣ въ тѣнины, былъ избранъ сборнымъ пунктомъ ¹³⁾; ветераны, неспособные къ дальнѣйшей службѣ, и ессалийскіе добровольцы, срокъ службы которыхъ кончился, были отпущены на родину ¹⁴⁾.

Такимъ образомъ весною 329 года все было готово къ тому, чтобы начать покореніе находившихся за Оксомъ земель ¹⁵⁾. Особенности ихъ мѣстныхъ условій при умѣломъ пользованіи ими могли бы сдѣлать возможнымъ продолжительное, а быть можетъ и удачное сопротивленіе плодородную, густо населенную долину Мараканда, защищенную съ запада обширными пустынями, а съ юга, востока и сѣвера горами и почти не проходимыми тѣсннами, было не только легко защитить отъ всякаго нападенія, но кромѣ того мѣстоположеніе ея было благоприятно для того, чтобы постоянно беспокоить Арею, Парою и Гирканію; здѣсь можно было безъ труда сосредоточить значительныя массы войска; отряды даковъ и массагетовъ западныхъ степей и скинскія орды, кочевавшія по ту сторону Яксарта, были всегда готовы къ разбойничьимъ набѣгамъ; даже индійскіе цари заявили о своей готовности принять участіе въ войнѣ противъ Александра. Еслибы даже македоняне и побѣдили, то стены запада и горныя крѣпости верхней страны могли служить надежнымъ убѣжищемъ и исходнымъ пунктомъ для новыхъ возстаній.

Тѣмъ важнѣе было для Александра овладѣть личностью Бесса прежде, чѣмъ его незаконное присвоеніе себѣ царскаго имени сдѣлается лозунгомъ общаго мятежа. Онъ двинулся изъ Бактры пре-

слѣдовать Бесса. Послѣ труднаго перехода по пустынѣ, отдѣляющей плодородную территорію Бактры отъ Окса ¹⁶⁾, войско достигло берега этой широкой и быстрой рѣки. Челноковъ для переправы не было нигдѣ, ширина и глубина рѣки дѣлала переправу впасть и въ бродъ невозможной, постройка моста требовала слишкомъ много времени, такъ какъ вблизи не было достаточно лѣсного матеріала, и мягкое песчаное ложе рѣки и быстрота ея теченія позволяли укрѣплять сваи только съ большимъ трудомъ. Александръ прибѣгнулъ къ тому же средству, которое онъ съ такимъ успѣхомъ примѣнилъ на Дунаѣ; онъ приказалъ набить соломой и зашить наглухо мѣха, служившія палатками для войска, затѣмъ связать ихъ вмѣстѣ, положить на воду въ видѣ понтоновъ, покрыть ихъ балками и досками и составить такимъ образомъ летучій мостъ, по которому все войско и перешло черезъ рѣку въ продолженіи пяти дней ¹⁷⁾. Александръ, не останавливаясь, двинулся по дорогѣ къ Навтакъ ¹⁸⁾.

Въ это время участь Бесса приняла оборотъ, достойный его преступленія и его безсилія. Своимъ постояннымъ бѣгствомъ передъ Александромъ, своей неспособностью на какой-либо рѣшительный шагъ, онъ, повидимому, лишалъ окружающихъ его вельможъ ихъ послѣдней надежды; естественно, что царскій титулъ былъ првлекателенъ даже и среди такого униженія; а относительно царевойицы считался дозволеннымъ всякій поступокъ. Согдіанецъ Спитаменъ, извѣщенный о приближеніи непріятельскаго войска, счелъ настоящимъ моментъ благоприятнымъ для того, чтобы измѣною измѣннику войти въ милость къ Александру. Онъ сообщилъ о своемъ планѣ вельможамъ Датаферну, Катану и Оксіарту; они скоро стоворились между собой, схватили «царя Артаксеркса» и сообщили Александру, что если онъ вышлетъ имъ небольшой отрядъ, то они выдадутъ находящагося въ ихъ рукахъ Бесса. При полученіи этого извѣстія Александръ далъ своимъ войскамъ небольшой отдыхъ и, самъ подвигаясь слѣдомъ за нимъ малыми дневными переходами, послалъ впередъ тѣлохранителя Птолемея Лагида съ шестью тысячами человекъ, которыхъ, повидимому, было бы достаточно для того, чтобы добиться выдачи Бесса даже въ томъ случаѣ, если войско варваровъ воспротивилось бы его выдачѣ. Этотъ отрядъ въ четыре дня прошелъ расстояние равное десяти днямъ пути ¹⁹⁾ и достигъ того мѣста, гдѣ наканунѣ стоялъ лагерь Спитаменъ со своими людьми. Здѣсь они узнали, что пельзя твердо полагаются на то, что Спитаменъ и Датафернъ выдадутъ Бесса; поэтому Птолемей приказалъ пѣхотѣ медленно подвигаться впередъ, а самъ поспѣшилъ дальше во главѣ своихъ всадниковъ; онъ скоро стоялъ передъ стѣнами городка, въ которомъ съ небольшими остатками своихъ войскъ находился Бессъ, покинутый Спитаменомъ и другими заговорщиками; вельможи постыдились собственными руками выдать его. Птолемей приказалъ окружить городокъ и потребовать черезъ герольда отъ жителей выдачи Бесса, обѣщая имъ въ такомъ случаѣ пощаду. Ворота открылись, македоняне вступили въ городъ, схватили Бесса и сомкнутой колонной двинулись назадъ, чтобы присоединиться со своей добычей къ Александру; Птолемей спросилъ заранѣе, въ какомъ видѣ прикажетъ Александръ

явиться передъ нимъ плѣнному царевѣицѣ. Александръ приказалъ выставить его обнаженнымъ, съ цѣпами на шеѣ и поставить его по правую сторону дороги, по которой онъ пойдетъ со своимъ войскомъ. Такъ и было исполнено; когда Александръ находился противъ него и увидалъ его, онъ остановилъ свою колесницу и спросилъ его: почему онъ схватилъ Дарія, своего царя и повелителя, своего родственника и благодѣтеля, влекъ его за собою въ оковахъ и наконецъ умертвилъ? Бессъ отвѣчалъ, что онъ сдѣлалъ это не одинъ по своей личной волѣ, но по соглашенію со всѣми лицами, окружавшими тогда особу Дарія, при чемъ они падѣлись заслужить такимъ образомъ милость царя. Тогда царь приказалъ бичевать его и возвести черезъ герольда о томъ, что сказалъ ему царевѣица. Бессъ былъ отведенъ въ Бактру для преданія тамъ казни ²⁰).

Такимъ образомъ передаетъ этотъ фактъ Птолемей, тогда какъ, по словамъ Аристовула, Ситаменъ и Датафернъ сами выдали закованнаго въ цѣпи Бесса. Въ этомъ, повидимому, заключается намекъ на то, на что еще съ большей опредѣленностью указываетъ идущее отъ Клитарха преданіе, что Ситаменъ, Датафернъ, Катанъ и Оксіартъ попали въ милость къ царю и что, вѣроятно, за ними были утверждены ихъ прежнія владѣнія. Александръ могъ разсчитывать, что этимъ онъ обезпечиваетъ за собою и Согдіану. Хотя изъ Навтаки онъ двинулся далѣе въ Мараканду ²¹), столицу Согдіаны, и затѣмъ, когда пошелъ далѣе къ Яксарту, оставилъ въ Маракандѣ гарнизонъ, но наши источники не упоминаютъ ни о томъ, чтобы онъ назначилъ сатрапа Согдіаны, ни о томъ, чтобы онъ принималъ другія мѣры къ покоренію страны; онъ потребовалъ только поставки значительнаго числа лошадей, чтобы снова посадить на коней всѣхъ своихъ всадниковъ, понесшихъ въ горахъ и на дальнѣйшемъ пути значительныя потери.

Тѣмъ болѣе достойна вниманія сдѣланная мимоходомъ въ нашихъ источникахъ замѣтка, что Александръ пригласилъ на съѣздъ въ Заріаспу «гипарховъ бактрской земли» ²²), при чемъ этотъ съѣздъ обозначается словомъ, которымъ греки называли обычные въ персидскомъ царствѣ ежегодные смотры въ караіяхъ (большихъ областяхъ). Даже если Александръ созвалъ бактрскихъ гипарховъ только для смотра, чтобы призвать ихъ къ отпращиванію военной службы, — то до сихъ поръ онъ не дѣлалъ ничего подобнаго ни въ какой другой части персидской монархіи. Или онъ думалъ поставить эти леканія по Оксу земли въ другое отношеніе къ своему государству и придать имъ иную организацію, нежели тѣмъ, которыя онъ завоевалъ прежде? Мы увидимъ, что позже въ Согдіанѣ онъ назначилъ одного изъ вельможъ страны «царемъ», что онъ женился на дочери другого, что третьему — онъ прямо называется гипархомъ, — котораго онъ принудилъ сдать на капицулицію его расположенную на скалѣ крѣпость, онъ оставилъ его крѣпость и его область ²³), и что къ четвертому, находившемуся въ такомъ же положеніи, онъ отнесся не менѣе милостиво и обѣщалъ дать ему въ управленіе обширную область. Многочисленная знать этихъ земель съ ихъ замками и областями, о которой упоминаютъ наши источники, представляется намъ чѣмъ-то въ видѣ ленныхъ сенъѣровъ,

какъ бы стоящими подъ верховенствомъ государства территорiальными властителями, какъ бы пехлевами Шахъ-наме ²¹⁾. Элементы для созданiя организации, которая бы подходила къ положенiю этихъ земель, существовали; и быть можетъ назначенiе Артабаза слѣдуетъ понимать въ этомъ смыслѣ. Мы возвратимся ниже къ этому вопросу.

Уже тогда, когда онъ достигъ Мараканда, Александръ могъ составить себѣ приблизительное представленiе о своеобразiи лежавшихъ за Оксомъ земель. Идя черезъ лежавшiй на берегахъ Окса Килифъ въ Навтаку (Карши), онъ имѣлъ по лѣвую сторону обширную пустыню, а справа его сопровождали достигавшiя мѣстами до 3000 футовъ высоты предгорья горнаго хребта, спѣжныя вершины котораго (особенно Хазрети Султанъ) онъ при своемъ движенiи увидѣлъ далѣе миляхъ въ десяти на востокъ, когда изъ Навтаки поднялся по рѣкѣ Кашкѣ до Шехризбза и миновалъ проходъ Кара-Тюбе. Затѣмъ онъ спустился въ долину рѣки Согда (Зеравшана), который греки называли Политиметомъ, и прибылъ въ Самаркандъ. Этотъ городъ лежитъ въ 2150 футахъ надъ уровнемъ моря и находится почти подъ однимъ меридiаномъ съ Балкомъ, — мѣстомъ впаденiя рѣки Дербента въ Оксъ, лежащимъ въ 300 футахъ надъ уровнемъ моря, съ Шехризбзомъ въ долинѣ Кашки и съ вышеупомянутымъ проходомъ Кара-Тюбе, пролегающимъ на высотѣ почти 3000 футовъ. Возвышенная котлообразная долина рѣки Согда сопровождается на сѣверѣ новыми тянущимися отъ востока къ западу горными хребтами, черезъ которые на сѣверовостокъ ведутъ проходы къ Яксарту, текущему по направленiю къ западу и у Ходженда дѣлающему крутой поворотъ на сѣверъ; въ этомъ мѣстѣ горы юга и болѣе высокiя горы сѣвера близко подходятъ къ этой широкой рѣкѣ, отдѣляя такимъ образомъ богатую долину среднего Яксарта, Фергану, отъ нижней долины, по лѣвую сторону которой тянется обширная пустыня. Ходжендъ по прямой линiи отстоитъ отъ Самарканда миляхъ въ 30, Балкъ отъ Самарканда миляхъ въ 42, Балкъ отъ Ходженда въ 60, разстоянiе равное двойному разстоянiю отъ Милана до Базеля.

Мы не должны упускать изъ вида еще другого момента въ формации этихъ обширныхъ областей. Андерабъ или Адрапса, гдѣ въ началѣ этого года останавливался на отдыхъ Александръ послѣ перехода имъ возвышенныхъ проходовъ Кавказа, лежитъ почти подъ однимъ меридiаномъ съ поворотомъ Яксарта къ сѣверу у Ходженда, причемъ разстоянiе между этими двумя городами равно по прямому направленiю 65 милямъ. Когда Александръ спустился изъ Андераба, какъ кажется, къ Кундузу, онъ находился только въ нѣсколькихъ миляхъ отъ того мѣста, гдѣ сливаются и образуютъ Оксъ двѣ широкихъ рѣки: Коктжа, текущая съ индiйскаго горнаго хребта, и Аби-Цанджа, текущая съ исполинскаго плоскогорья Памира, «крыши вселенной». Ниже этого пункта эта широкая рѣка получаетъ рядъ притоковъ съ сѣвера съ обильныхъ спѣгами высокихъ горъ, тянущихся параллельно Яксарту и подходящихъ къ нему на 15—20 миль, отъ которыхъ къ югу отдѣляется нѣсколько горныхъ цѣпей. Лежащая между ними болѣе или менѣе узкiя рѣчныя долины открыты въ сторону Окса и соединены между собою трудно-доступными лишь проходами.

Только съ четвертымъ, самымъ западнымъ изъ этихъ притоковъ, Дербентомъ, впадающимъ въ Оксъ въ десяти миляхъ къ сѣверу отъ Балка, характеръ мѣстности мѣняется; мощная гора со снѣговыми вершинами: лежащая между источниками Дербента и Согдомъ и Самаркандъ, посылаетъ въ видѣ вѣера свои отроги къ западу, юго-западу и югу; ихъ воды соединяются въ Канку, протекающую мимо Карши (Навтаки) и затѣмъ теряющуюся въ пескахъ пустыни. Рѣка Согдъ, обширной дугою измѣняющая свое западное направленіе на южное, течетъ мимо Бухары къ Оксу, но, не достигнувъ его, исчезаетъ въ степномъ болотѣ.

Въ политической организаціи этого края здѣсь, повидимому, главнымъ образомъ необходимо руководствоваться тѣмъ, что широкій склокъ къ рѣкѣ Оксу какъ бы обращенъ спиною къ теченію Яксарты. что долина рѣки Согда, отдѣляемая отъ остальной рѣчной системы Окса снѣговыми горами, является только передовой областью, его барьеромъ противъ Яксарта и лежащихъ къ западу отъ него пустынь, что горная цѣпь, черезъ которую переходить по тѣснымъ Желѣзныхъ воротъ, является естественной границей между этой передней страной и богатой долинами бактрской землей и что эта земля имѣетъ свое естественное заключеніе и оплотъ противъ возвышенной внутренней Азіи въ плоскогорьи Памира.

Теперь намъ будетъ все-таки легче сдѣлать обзоръ дальнѣйшей боевой дѣятельности Александра въ этихъ областяхъ.

Онъ двинулся изъ Мараканда къ сѣверо-востоку, чтобы достигнуть береговъ Танаиса, который жившіе по Яксарту туземцы называли «великой рѣкой». Военная дорога изъ Мараканда въ Кирополь, послѣдній городъ государства, лежащій недалеко отъ южныхъ береговъ Танаиса, ведетъ черезъ проходы заселенныхъ разбойничьими племенами горъ Окса, по области Ура-Тюбе. Здѣсь случилось, что нѣскольکو македонянъ, заблудившихся въ горахъ во время фуражировки, подверглись нападению варваровъ и были изрублены или взяты въ плѣнъ. Александръ немедленно выступилъ противъ варваровъ съ легкими войсками. Непріятели, въ количествѣ 30000 вооруженныхъ, удалились въ свои крутые и покрытые крѣпостцами горы и оттуда пращами и стрѣлами отбивали горячія и неоднократныя нападенія македонянъ; въ числѣ многихъ раненыхъ былъ самъ Александръ, которому стрѣла повредила берцовую кость; еще болѣе воспаленные и раздраженные этимъ, его воины взяли наконецъ высоты. Большая часть варваровъ была изрублена, другіе побросались со скалъ и разбились въ пропасть; въ живыхъ осталось не болѣе 8000 человекъ, которые изъявили царю покорность ²³⁾.

Затѣмъ Александръ, не встрѣчая сопротивленія, двинулся на сѣверъ отъ горъ. Своеобразный характеръ этой Ферганской области всегда дѣлалъ ее вѣрной международной границей и передовой стѣною восточной культуры противъ ордъ туранскихъ степей. Защищенная на югѣ и востокѣ мощными хребтами, а на сѣверѣ рѣкою и горными цѣпями, которыя посылаютъ ей свои бурныя горныя воды, она открыта для чужеземнаго вторженія только на западѣ и сѣверо-западѣ; и дѣйствительно, тамъ въ обширныхъ пескахъ, тянущихся

по обѣ стороны нижняго Яксарта, ютятся кочевыя орды воинственныхъ народцевъ, которыхъ древность обыкновенно называетъ общимъ именемъ скивовъ; это туранцы древней саги парсовъ, противъ вторженія которыхъ несомнѣнно еще въ глубокой древности были воздвигнуты тотъ замѣчательный рядъ крѣпостей, которыя несмотря на перемѣны въ составѣ жившихъ здѣсь народовъ сохраняли свое значеніе вплоть до новаго времени. Александръ нашелъ семь городовъ такого рода, которые, отстоя другъ отъ друга всего лишь на нѣскольکو миль, расположены по «краю степи»; самымъ значительнымъ между ними были городъ Кира, который, будучи обширнѣе и лучше укрѣпленъ, чѣмъ другіе, считался главной крѣпостью этой области ²⁶). Александръ двинулъ въ эти проходы македонскіе гарнизоны, а самъ съ арміей сталъ лагеремъ въ нѣсколькихъ часахъ пути къ сѣверовостоку на томъ мѣстѣ, гдѣ Танаисъ внезапно поворачиваетъ къ сѣверу и послѣдній разъ сѣуживается въ своемъ руслѣ, чтобы затѣмъ катиться далѣе по песчанымъ степямъ. Александръ понялъ всю важность этого пункта, бывшаго естественной пограничной крѣпостью противъ разбойничьихъ ордъ пустыни; отсюда было легко встрѣчать нападенія скивовъ съвера и запада; для похода въ ихъ область эта мѣстность представляла самый удобный исходный пунктъ; Александръ надѣялся, что она пріобрѣтетъ такую же важность и для мирныхъ сношеній между народами; и если, въ чемъ врядъ ли можно сомнѣваться, уже въ то время существовали торговыя сношенія между этой низменностью и возвышенностью внутренней Азіи, то единственная горная дорога изъ земли серовъ, дорога Кашгара, спускалась съ исполинскаго, въ 25000 футовъ высоты, горнаго хребта Тянь-шаня вела черезъ Ошъ и подходила непосредственно къ этому пункту, мѣстоположеніе котораго было вполне благопріятно для того, чтобы служить рынкомъ для живущихъ кругомъ народовъ ²⁷).

Дѣйствительно, отношенія со скивскими сосѣдями, новидимому, начинали принимать дружественный характеръ; отъ замѣчательнаго народа абиевъ и отъ «скивовъ Европы» ²⁸) прибыли къ царю посольства, чтобы заключить съ нимъ союзъ и дружбу ²⁹); Александръ отправилъ съ этими скивами нѣкоторыхъ изъ своихъ этеровъ подѣлать предлогомъ, чтобы они отъ его имени заключили дружбу съ ихъ царемъ, въ дѣйствительности же, чтобы получить достовѣрныя извѣстія о землѣ скивовъ, о количествѣ народонаселенія въ ней и объ образѣ жизни, физическомъ развитіи и военныхъ пріемахъ жителей.

Тѣмъ временемъ въ тылу Александра началось движеніе, распространившееся съ необыкновенною силою. Ненависть къ чужеземнымъ завоевателямъ, соединенная съ крайней живостью характера, всегда отличавшей господствующій классъ народонаселенія этихъ земель, нуждалась только въ толчокъ и въ предводителя, чтобы разгорѣться въ дикое возстаніе; и Спитаменъ, видя, что онъ обманулся въ своихъ честолюбивыхъ надеждахъ, воспользовался этимъ настроеніемъ, довѣріемъ, подареннымъ ему Александромъ, и отсутствіемъ послѣдняго. Согдіанцы, которые вмѣстѣ съ нимъ принимали участіе въ бѣгствѣ и насильственномъ захватѣ Бесса, образовали

ядро возстанія ³⁰), первый толчокъ къ которому, а быть можетъ и условленный сигналъ подало населеніе семи городовъ; гарнизоны, оставленные Александромъ въ этихъ городахъ, были перебиты жителями. Затѣмъ возстаніе вспыхнуло также и въ долину рѣки Согда; небольшой гарнизонъ Мараканда былъ, повидимому, почти не въ состояніи оказать имъ сопротивленіе и, какъ кажется, подвергся той же участи. Массагеты, даки и саки пустыни, старые боевые товарищи Спитамена, которымъ македоняне точно также угрожали, безъ труда привлеченные къ участию указаніемъ на возможность убійства и грабежей, поспѣшили примкнуть къ движенію. Въ бактрскихъ земляхъ распространился слухъ, что назначенный Александромъ съѣздъ гинарховъ въ Заріаспъ имѣеть цѣлью однимъ ударомъ устранить вождей народа ³¹); необходимо предупредить эту опасность и обезпечить себя прежде, чѣмъ дѣло дойдетъ до крайности. Оксіартъ, Катанъ, Хоріанъ, Гавстанъ и многіе другіе послѣдовали данному въ области Согда примѣру. Вѣсть объ этихъ событіяхъ распространилась за Яксартомъ въ степяхъ азіатскихъ скиновъ; гора жаждой убійства и грабежей, орды ихъ собрались къ берегамъ рѣки, чтобы при первомъ же успѣхѣ, котораго достигнуть согдіанцы, переправиться на своихъ лошадяхъ черезъ рѣку и напасть на македонянъ. Александръ сразу былъ окруженъ опасностями, объема которыхъ нельзя было предусмотрѣть; малѣйшая неудача или промедленіе могли погубить его и его войско; необходима была вся его энергія и смѣлость, чтобы быстро и вѣрно найти путь къ спасенію.

Пославъ впередъ въ Кириополь, куда бросилась главная масса варваровъ изъ окрестностей. Кратера, получившаго приказъ окружить городъ валомъ и рвами и построить машины, онъ поспѣшно двинулся въ Газу, ближайшую изъ семи крѣпостей. Явившись передъ Газой, онъ немедленно приказалъ начать штурмъ низкихъ земляныхъ валовъ этого города; пока пращники, стрѣлки и машины осыпали валы градомъ стрѣлъ и камней и совершенно очистили ихъ со всѣхъ сторонъ, въ это же время пошла на штурмъ тяжелая пѣхота, приносила лѣстницы, взшла на стѣны, и скоро македоняне стали господами города; по положительному приказу Александра, все мужское населеніе должно было быть вырѣзано; жены, дѣти и все имущество были отданы въ распоряженіе солдатамъ, а городъ преданъ пламени. Еще въ тотъ же день было произведено нападеніе на вторую крѣпость, которая и была взята такимъ же образомъ; жителей постигла та же участь. На слѣдующее утро фаланги стояли подъ стѣнами третьяго города, который тоже палъ при первомъ штурмѣ. Варвары двухъ ближайшихъ крѣпостей видѣли поднимающіеся надъ взятыми городами столбы дыма; нѣкоторые, которымъ удалось вырваться, принесли вѣсть объ ихъ страшномъ концѣ; варвары этихъ двухъ городовъ сочли все потеряннымъ, толпами бросились они изъ воротъ, чтобы бѣжать въ горы. Предвидя это, Александръ еще ночью послалъ впередъ свою конницу съ приказомъ слѣдить за дорогами около обоихъ городовъ; такимъ образомъ бѣгущіе варвары натолкнулись на мечи сомкнутыхъ македонскихъ рядъ и были по большей части изрублены, а ихъ города взяты и сожжены.

Покоривъ такимъ образомъ въ два дня пять ближайшихъ крѣпостей, Александръ обратился противъ Кирополя, передъ которымъ уже стоялъ Кратеръ со своими войсками. Этотъ городъ, превосходившій величиною уже завоеванные города, снабженный болѣе крѣпкими стѣнами и цитаделью внутри, защищало приблизительно пятнадцать тысячъ человѣкъ, принадлежавшихъ къ самымъ воинственнымъ варварамъ окрестностей. Александръ приказалъ немедленно выдвинуть штурмовыя машины и начать съ ними работу противъ стѣнъ, чтобы возможно скорѣе имѣть брешь для атаки. Пока вниманіе осажденныхъ было обращено на угрожаемые такимъ образомъ пункты, онъ замѣтилъ, что пересохшая въ то время рѣка, пересѣкавшая городъ, образовала въ стѣнѣ отверстіе и представляла собою путь, которымъ можно было проникнуть въ городъ. Онъ двинулъ гипасиновъ, агриановъ и стрѣлковъ къ ближайшимъ къ этому мѣсту воротамъ, а самъ съ немногими дружинами воинами незамѣтно прокрался по ложу рѣки въ городъ, бросился къ ближайшимъ воротамъ, разбилъ ихъ и выпустилъ своихъ. Видя, что все погибло, варвары съ дикой яростью бросились на Александра: началась кровопролитная схватка; Александръ, Кратеръ и многіе офицеры были ранены, но съ тѣмъ болѣею энергіей направили македоняне; пока они занимали городской рынокъ, стѣны были тоже взяты; окруженные со всѣхъ сторонъ, варвары бросились въ цитадель; они потеряли около восьми тысячъ человѣкъ убитыми. Александръ немедленно обложилъ цитадель; продолжительныхъ усилій не понадобилось, — недостатокъ воды принудилъ ее сдаться.

Послѣ паденія этого города отъ седьмой и послѣдней крѣпости нечего было ждать долгаго сопротивленія; по разсказу Итолея, она сдалась на волю побѣдителя, не ожидая нападенія; по другимъ сообщеніямъ она была тоже взята штурмомъ и населеніе ея перебито³²). Какъ бы то ни было, по Александру долженъ былъ поступить съ мятежными варварами этой страны тѣмъ строже, чѣмъ важнѣе была для него ихъ область; онъ долженъ былъ какою бы то ни было цѣною приобрести полную увѣренность въ своей власти надъ этой переполненной проходами мѣстностью, безъ которой нечего было и думать о завоеваніи согдіанской земли; кровь открыто сопротивляющихся противниковъ, уничтоженіе всего стараго порядка вещей и должны были положить начало введенію новой организаціи, которая предназначалась на многія столѣтія пересоздать земли за Оксомъ.

Покореніемъ этихъ семи городовъ, остатки народонаселенія которыхъ были отчасти уведены въ оковахъ, чтобы быть поселенными въ новомъ городѣ Александріи на Танаисѣ, Александръ завоевалъ себѣ открытый обратный путь въ Согдіану; необходимо было, не теряя времени, подать помощь оставленному въ Маракандѣ и осаждаемому Спитаменомъ гарнизону. Но скиѣскія орды, привлеченныя возмущеніемъ семи городовъ, стояли уже на сѣверныхъ берегахъ рѣки, готовыя напасть на отступающихъ; если Александръ не хотѣлъ отказать отъ всѣхъ приобретенныхъ имъ на Танаисѣ выгодъ и отъ полной новой славы и новаго могущества будущности, то онъ долженъ былъ исполнѣ укрѣпить за собою занятую имъ при рѣкѣ позицію и, прежде чѣмъ возвращаться въ Согдіану, разъ навсегда от-

бить у скиѳовъ охоту къ вторженіямъ; на первое время казалось достаточнымъ послать въ Мараканду подкрѣпленіе въ нѣсколько тысячъ человекъ. Въ теченіе двадцати дней были окончены наиболѣе неотложныя работы въ новомъ городѣ и воздвигнуты необходимыя жилища для первыхъ поселенцевъ; македонскіе ветераны, часть греческихъ наемниковъ и затѣмъ тѣ изъ окрестныхъ варваровъ, которые изъявили на это желаніе, и уведенныя изъ разрушенныхъ крѣпостей семейства образовали первое населеніе этого города, которому царь, по принесеніи обычныхъ жертвъ и послѣ устройства игръ и праздниковъ, далъ имя Александріи.

Тѣмъ временемъ скиѳскія орды еще продолжали стоять на другомъ берегу рѣки; какъ бы вызывая на бой, они пускали стрѣлы на другой берегъ и шумно хвастались, что чужеземцы, конечно, не рѣшатся биться со скиѳами, если же и рѣшатся, то увидятъ, какое различіе существуетъ между сынами пустыни и персидскими нѣженками. Александръ рѣшилъ переправиться черезъ рѣку и напасть на нихъ; жертвы не сопровождались однако благопріятными знаменіями; да и онъ не долженъ былъ еще настолько оправиться отъ раны, полученной имъ при штурмѣ Кирополи, чтобы имѣть лично возможность принять участіе въ этой экспедиціи. Но когда хвастовство скиѳовъ начало становиться все болѣе и болѣе дерзкимъ и тутъ же получились тревожныя вѣсти изъ Согдіаны, царь приказалъ своему гадателю Аристандру вторично принести жертву и спросить волю боговъ; жертвы снова не возвѣстили ничего хорошаго: онѣ предсказали личную опасность для царя. Тогда Александръ со словами, что онъ предпочтетъ подвергнуть самого себя величайшей опасности, а не согласится долѣе служить посмѣшищемъ для варваровъ, приказалъ двинуть войска къ берегу, вывезти метательныя орудія и приготовить для переправы обращенныя въ понтоны шкуры палатокъ. Это было исполнено; пока скиѳы съ громкимъ шумомъ скакали взадъ и впередъ на своихъ коняхъ по противоположному берегу, отряды македонянъ въ полномъ вооруженіи выступили на южный берегъ рѣки, имѣя передъ собою метательныя машины, которыя затѣмъ вдругъ всѣ вмѣстѣ начали метать на противоположный берегъ стрѣлы и камни. Этого полудикіе скиѳы еще никогда не видывали; пораженные и смущенные они отступили отъ берега, а войска Александра при звукахъ трубъ начали переправляться черезъ рѣку; стрѣлки и пращники, которые переправились первыми, прикрывали переправу конницы, двинувшейся слѣдомъ за ними; когда же переправилась и эта послѣдняя, то сариссофоры и тяжелые греческіе всадники, общее число которыхъ равнялось тысячѣ двумстамъ воиновъ, открыли сраженіе; скиѳы, отступившіе столь же быстро, какъ дико они нападали, скоро окружили ихъ со всѣхъ сторонъ, начали осыпать ихъ градомъ стрѣлъ и, избѣгая правильной атаки, стали сильно тѣснить значительно уступавшихъ имъ по численности македонянъ. Тогда на непріятеля двинулись стрѣлки и агріаны вмѣстѣ со всей легкой пѣхотой, которая только что высадилась на берегъ; скоро мѣстами завязалось правильное сраженіе; чтобы рѣшить его, царь отдалъ тремъ гиппархіямъ этеровъ и кон-

нымъ аконтистамъ приказъ ударить на непріятеля; самъ онъ во главѣ другихъ эскадроновъ, скакавшихъ глубокими колоннами, ударилъ во флангъ непріятелей, такъ что теперь послѣдніе, атакованные со всѣхъ сторонъ и не будучи болѣе въ состояніи разсыпаться для летучаго боя, начали отступать на всѣхъ пунктахъ; македоняне горячо бросились преслѣдовать ихъ. Лихорадочная скорость, напавшій зной и жгучая жажда крайне затруднили преслѣдованіе; самъ Александръ, измученный до послѣдней степени, выпилъ, не слѣзая съ коня, скверной воды, какая нашлась въ этой солончаковой степи; дѣйствіе этой роковой неосторожности оказалось быстро и сильно; однако онъ еще много миль гнался за непріятелемъ ³³⁾; наконецъ силы отказались служить ему, преслѣдованіе было прервано и больной царь былъ отнесенъ обратно въ лагерь; съ его жизнью все ставилось на карту ³⁴⁾.

Однако онъ скоро оправился. Нападеніе на скиѳовъ исполнѣе увѣнчалось желаннымъ успѣхомъ; отъ ихъ царя прибыли послы, чтобы извиниться въ случившемся и заявить, что народъ не принималъ участія въ этомъ походѣ, что онъ затѣянъ на свой собственный страхъ и рискъ отдѣльнымъ отрядомъ, увлеченнымъ жаждой добычи; ихъ царь сожалѣетъ о причиненныхъ этимъ непріятностяхъ; онъ готовъ подчиниться всѣмъ приказаніямъ великаго царя ³⁵⁾. Александръ безъ выкупа возвратилъ имъ взятыхъ въ плѣнъ въ сраженіи, около 150 человекъ, — великодушіе, которое не замедлило произвести свое впечатлѣніе на умы варваровъ и которое, въ соединеніи съ его изумительными боевыми подвигами, окружило его имя ореоломъ сверхъестественнаго величія, которому простота первобытныхъ народовъ скорѣе склонна вѣрить, чѣмъ сомнѣваться въ немъ. Какъ семь лѣтъ тому назадъ на Дунаѣ даже и непобѣжденные народы явились выразить ему свою преданность, такъ и теперь отъ сакскихъ скиѳовъ ³⁶⁾ явились послы, предлагавшіе царю миръ и дружбу. Такимъ образомъ всѣ народы по сосѣдству съ Александріей были усмирены и стали къ государству въ отношенія, которыми въ настоящее время Александръ долженъ былъ удовольствоваться, чтобы тѣмъ скорѣе имѣть возможность появиться въ Согдіанѣ.

Дѣйствительно, положеніе вещей въ Согдіанѣ было весьма опасно; къ возстанію, начатому Спитаменомъ и его приверженцами, примкнула, вѣроятно, болѣе изъ страха, чѣмъ по доброду желанію, обыкновенно мирно работавшая часть населенія ³⁷⁾; македонскій гарнизонъ Мараканды былъ осажденъ и находился въ весьма стѣсненномъ положеніи, но затѣмъ онъ произвелъ вылазку, отбилъ непріятеля и возвратился въ цитадель, не понеся никакихъ потерь; это произошло приблизительно въ то же самое время, когда Александръ, быстро покоривъ семь городковъ, выслалъ своимъ подкрѣпленіе. При вѣсти объ этомъ Спитамень снялъ осаду и удалился по направленію къ западу ³⁸⁾. Тѣмъ временемъ въ Мараканду прибыли посланные Александромъ послѣ паденія Кирополи войска, состоявшія изъ 66 македонскихъ всадниковъ, 800 греческихъ наемныхъ всадниковъ и 1500 тяжелооруженныхъ пѣшихъ; начальство надъ этимъ отрядомъ было ввѣрено Андромаху, Карану и Менедему; къ нимъ Александръ

призвели ликийца Фарпуха, знакомаго съ языкомъ туземцевъ ³⁹⁾, убѣжденный, что одно появленіе македонскаго отряда будетъ достаточно для обращенія мятежниковъ въ бѣгство, а затѣмъ главнымъ образомъ сведется на то, чтобы придти къ соглашенію съ вообще миролюбивою массою народонаселенія Согдіаны. Македоняне, видя окрестности Мараканды уже очищенными Спитаменомъ, бросились преслѣдовать его; при ихъ приближеніи онъ бѣжалъ въ лежавшую на границахъ Согдіаны пустыню; однако имъ показалось необходимымъ продолжать преслѣдованіе еще дальше, чтобы наказать скиновъ, дававшихъ, повидимому, убѣжище мятежникамъ. Слѣдствіемъ этого недобдуманнаго нападенія на скиновъ было то, что Спитамену удалось склонить ихъ къ открытой помощи себѣ и увеличить свое войско шестьюстами этихъ смѣлыхъ всадниковъ, родиной которыхъ была степь. Онъ выступилъ противъ македонянъ на границу степи; не производя на нихъ формальнаго нападенія и не выждавъ его отъ нихъ, онъ началъ скакать около сомкнутыхъ рядовъ македонской пѣхоты и обстрѣливать ее издали; когда же на него бросалась македонская конница, онъ бѣжалъ отъ нея и утомлялъ ее безпорядочнымъ бѣгствомъ, постоянно возобновляя свои нападенія на новыхъ пунктахъ. Лошадь македонянъ были измучены болѣзнями переходами и недостаткомъ корма, многіе изъ воиновъ легли уже убитыми или ранеными на мѣстѣ; Фарпухъ потребовалъ, чтобы три военачальника приняли на себя предводительство, такъ какъ онъ не солдатъ и посланъ не для войны, а для переговоровъ; они отказались принять на себя отвѣтственность за экспедицію, которая уже почти не удалась; началось отступленіе съ открытаго поля къ рѣкѣ, гдѣ подъ прикрытіемъ лѣса можно было оказать сопротивленіе непріятелю. Но отсутствіе сосредоточенной въ однихъ рукахъ власти уничтожило послѣднюю надежду на спасеніе: подойдя къ рѣкѣ, Каранъ переправился черезъ нее со своими всадниками, не извѣстивъ объ этомъ Андромаха; пѣхота, полагая, что все потеряно, съ лихорадочной поспѣшностью бросилась за ними, чтобы достигнуть противоположнаго берега. Едва варвары замѣтили это, какъ налетѣли со всѣхъ сторонъ, переправившись выше и ниже черезъ рѣку, и, окруживъ всюду грековъ, гоня ихъ сзади, нападая съ фланговъ и оттѣсняя назадъ выходящихъ на берегъ, они, не встрѣчая ни малѣйшаго сопротивленія, загнали македонянъ на островъ рѣки, гдѣ своими пускаемыми съ обонхъ береговъ стрѣлами перебили остатокъ войска. Немногіе были взяты въ плѣнъ, но и эти умерщвлены тутъ же; большинство, и въ томъ числѣ предводители, пали; спаслось только сорокъ всадниковъ и триста человекъ пѣхоты ⁴⁰⁾. Спитаменъ самъ немедленно выступилъ со своими скинами противъ Мараканды, и, ободренный достигнутыми имъ успѣхами и поддерживаемый мѣстными жителями, вторично началъ осаждать гарнизонъ города.

Эти извѣстія вынудили царя, какъ можно скорѣе уладить свои дѣла со скинскими народами Тапаса; довольствуясь тѣмъ, что въ новооснованномъ на Тапасѣ городѣ онъ имѣетъ въ то же время и пограничный пикетъ, и важную позицію для будущихъ операцій, онъ поспѣшилъ во главѣ легкой пѣхоты, гинаспистовъ и половины гип-

пархій въ долину Согда, а главной части войска подъ предводительствомъ Кратера, приказалъ идти слѣдомъ за нимъ; дѣлая двойные дневные переходы, онъ на четвертый день стоялъ подъ стѣнами Мараканды ⁴¹⁾. При вѣсти о его приближеніи Спитаменъ бѣжалъ ⁴²⁾. Царь послѣдовалъ за нимъ, путь его лежалъ по тому мѣсту берега рѣки, гдѣ трупы македонскихъ воиновъ указали ему на арену злополучной битвы; онъ похоронилъ трупы съ торжественностью, какую только допускала необходимость спѣшить дальше, и затѣмъ продолжалъ преслѣдовать бѣгущаго непріятеля до тѣхъ поръ, пока пустыня, безконечно тянущаяся къ западу и сѣверу, не заставила его отказаться отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Такимъ образомъ Спитаменъ со своими войсками былъ изгнанъ изъ страны; согдіанцы, въ сознаніи своей вины и полные страха передъ справедливымъ гнѣвомъ царя, бѣжали при его приближеніи за земляные валы своихъ городовъ, и Александръ поспѣшно прошелъ мимо нихъ, чтобы сперва прогнать Спитамена; въ его намѣренія не входило оставить ихъ безъ наказанными; чѣмъ опаснѣе было это вторичное отпаденіе, чѣмъ важнѣе было прочное обладаніе этой областью и чѣмъ ненадежнѣе была вынужденная покорность согдіанцевъ, тѣмъ необходимѣе казалась величайшая строгость относительно мятежниковъ. Возвратившись съ границъ пустыни, онъ началъ опустошать эту богатую землю, жечь деревни, разрушать города. Около двѣнадцати миріадъ народонаселенія, какъ говорятъ, было изрублено при этой жестокой экзекуціи.

Когда такимъ образомъ спокойствіе въ Согдіанѣ было восстановлено, Александръ, оставивъ здѣсь Певколая ⁴³⁾ съ тремя тысячами человекъ, отправился въ Бактріану, въ Заріаспу, куда онъ созвалъ гипарховъ страны на упомянутое нами выше собраніе. Подчинились ли теперь Бактры, испуганные суровой карой, которую попесла Согдіана, или они съ самаго начала проявили меньшее участіе въ возстаніи, во всякомъ случаѣ Александръ въ настоящее время нашелъ военныя мѣры противъ нихъ излишними, и о карѣ за умышлявшееся, быть можетъ, отпаденіе Бактріи упоминается только въ одной лишенной твердой достовѣрности замѣткѣ ⁴⁵⁾. Тѣ изъ вельможъ, которые были замѣшаны въ согдіанскомъ возстаніи, бѣжали въ горы, гдѣ считали себя въ безопасности въ своихъ расположенныхъ на скалахъ замкахъ (аулахъ).

Зима съ 329 на 328 годъ, проведенная Александромъ въ Заріаспѣ ⁴⁶⁾, была замѣчательна во многихъ отношеніяхъ. Съѣздъ вельможъ Бактріаны, прибытіе новыхъ военныхъ отрядовъ съ запада, многочисленныя посольства европейскихъ и азіатскихъ народовъ, притомъ живая жизнь въ этомъ всегда побѣдоносномъ, закаленномъ войскѣ, пестрая смѣсь македонской солдатчины, персидской роскоши и греческаго образованія, — все это вмѣстѣ даетъ намъ столь же странную, какъ и характеристическую картину двора юнаго царя, который очень хорошо зналъ, что къ славѣ своихъ побѣдъ и своей колонизаторской дѣятельности онъ долженъ еще прибавить торжественную роскошь востока и полное величіе высшаго земного счастья, чтобы новопріобрѣтенные народы не могли усомниться въ величіи, которое они были готовы почитать за неземное.

Здѣсь Александръ по древнеперсидскому обычаю держалъ судъ надъ Бессомъ. Цареубійца въ цѣпяхъ былъ приведенъ въ собраніе созванныхъ въ Заріаспу вельможъ ⁴⁷⁾; Александръ самъ выступилъ обвинителемъ, а созванные вельможи, какъ кажется, изрекли свой обвинительный приговоръ. Онъ приказалъ, какъ это предписывалось персидскимъ обычаемъ, отрѣзать у него уши и носъ, отвести его въ Экбатану и раснять тамъ на крестѣ на глазахъ мидянъ и персовъ. Изуродованный и высѣченный передъ глазами собранія, Бессъ былъ отведенъ для казни въ Экбатану ⁴⁸⁾.

Около этого времени въ Заріаспу прибыли сатрапъ Пароіи Фратафернъ и сатрапъ Арена Стазаноръ; они привезли съ собою въ округахъ вѣроломнаго Арзема, который, въ бытность свою сатрапомъ Арена, покровительствовалъ вторженію Сатибарзана, привезли также перса Барзана, которому Бессъ поручилъ сатрапію Пароіи, и нѣсколько другихъ вельможъ, оказавшихъ свое содѣйствіе узурпаторскимъ планамъ Бесса. Съ ними былъ уничтоженъ послѣдній остатокъ оппозиціи, которая при имѣнніи ея лучшаго вождя могла бы подвергнута весьма серьезной опасности основанное на силѣ право завоевателя; тотъ, кто теперь еще продолжалъ держаться противной Александру партіи, жертвовалъ собою, повидимому, ради погибшаго дѣла или легкомысленнаго самообмана.

Въ числѣ посольствъ, прибывшихъ въ теченіе этой зимы ко двору царя, были особенно замѣчательны посольства европейскихъ скивовъ. Прошлою зимою Александръ отправилъ со скивскими послами нѣсколько своихъ этеровъ; послѣдніе возвратились теперь обратно въ сопровожденіи второго посольства, которое снова привезло ему увѣренія въ преданности ихъ народа и дары, казавшіеся скивамъ самыми драгоценными: ихъ царь, говорили они, умеръ въ этотъ промежутокъ времени; братъ и послѣдникъ царя снѣшилъ увѣрить царя Александра въ своей преданности и своей вѣрности дому союзника, въ знакъ чего онъ предлагаетъ ему въ супруги свою дочь; если Александръ отказывается отъ нея, то да дозволить онъ дочерямъ его вельможъ и главарей соединиться бракомъ съ вельможами двора и войска Александра; самъ онъ готовъ, если Александръ пожелаетъ этого, лично явиться къ нему для выслушанія его приказаній; онъ и его скивы желаютъ рѣшительно во всемъ подчиниться велѣніямъ царя. Отвѣтъ Александра соотвѣтствовалъ его могуществу и тогдашнему положенію вещей; отклонивъ предложеніе вступить въ бракъ со скивскою царевной, онъ отпустилъ пословъ съ богатыми дарами и съ увѣреніемъ въ своей дружбѣ къ народу скивовъ.

Около того же времени въ Заріаспу явился царь хоразмievъ, Фаразмашъ, со свитой изъ 1500 всадниковъ, чтобы лично изъяснить свою покорность великому царю, такъ какъ на него самого легко могло пасть подозрѣніе въ дружескомъ пріемѣ, встрѣченномъ Спитаменомъ у жившихъ съ нимъ рядомъ массагетовъ; онъ царствовалъ надъ землями по нижнему теченію Окса и выдавалъ себя за сосѣда племенъ колховъ и женскаго народа амазонокъ; если Александръ склоненъ предпринять походъ противъ колховъ и амазонокъ и сдѣлать попытку покорить страну вплоть до Эвксинскаго понта, то онъ предложилъ по-

казать ему дороги и позаботиться о нуждахъ войска при этомъ походѣ ⁴⁹). Отвѣтъ Александра на эти предложенія позволяетъ намъ заглянуть въ дальнѣйшую связь его плановъ, которые, при всей своей смѣлости, даютъ намъ самое вѣрное свидѣтельство замѣчательнаго знанія имъ географическихъ условій различныхъ земель, о существованіи которыхъ его походы распространили первыя свѣдѣнія. Онъ уже собственными глазами и изъ сообщеній своего посольства и туземцевъ убѣдился, что Океанъ, въ непосредственную связь котораго съ Каспійскимъ моремъ онъ вѣрилъ еще и теперь ⁵⁰), вовсе не лежитъ близко къ сѣверной границѣ персидскаго царства и что скипскія орды занимаютъ еще громадныя пространства земли къ сѣверу, что въ великомъ морѣ найти на этой сторонѣ естественную границу новаго государства невозможно; напротивъ, онъ весьма хорошо понималъ, что существеннымъ условіемъ полнаго покоренія иранской возвышенности, составлявшаго его ближайшую задачу, является обладаніе примыкающими къ ней низменностями, и будущее показало, какъ правильно онъ сдѣлалъ Эвфратъ и Тигръ, Оксъ и Яксартъ, Индъ и Гидаспъ опорными пунктами своей власти надъ Персией и Аріаной. Онъ отвѣчалъ Фаразману, что въ настоящую минуту не можетъ думать о томъ, чтобы проникнуть въ лежащія по Понту земли; его ближайшимъ дѣломъ должно быть покореніе Индіи; затѣмъ, сдѣлавшійся владыкой Азіи, онъ думаетъ возвратиться въ Элладу и проникнуть со всею своимъ войскомъ въ Понтъ черезъ Геллеспонтъ и Босфоръ; пусть Фаразманъ отложить до этого времени то, что онъ теперь предлагаетъ. Въ настоящую минуту царь заключилъ съ нимъ дружбу и союзъ, рекомендовалъ его покровительству сатраповъ Бактріи, Парфии и Ареи и отпустилъ его со всеми знаками своего благоволенія.

Но обстоятельства еще не позволяли начать походъ въ Индію. Хотя Согдіана была покорена и опустошена, но строгая кара, которой Александръ подвергъ эту несчастную страну, далеко еще не успокоила умовъ, а послѣ минутнаго перерыва, повидимому, должна была вызвать взрывъ всеобщаго негодованія ⁵¹); жители тысячами бѣжали въ окруженныя стѣнами мѣста, въ горныя замки (аулы) главарей возвышенной части страны и пограничныхъ горъ Окса; вездѣ, гдѣ природа представляла какую-либо защиту, скрывались банды бѣглецовъ, тѣмъ болѣе опасныя, чѣмъ отчаяннѣе было ихъ положеніе; Певколай не могъ со своими тремя тысячами воиновъ поддерживать порядокъ и защищать равнину; со всѣхъ сторонъ собирались массы народа, готовые къ страшному возстанію, и повидимому недоставало только предводителя, чтобы воспользоваться отсутствіемъ Александра. Спитаменъ, который, судя по произведенному имъ на Политиметѣ печальному нападению, не былъ лишенъ военныхъ дарованій, послѣ своего бѣгства въ землю массагетовъ, повидимому, не находился болѣе въ связи съ этимъ вторымъ возстаніемъ согдіанцевъ; въ противномъ случаѣ было бы по меньшей мѣрѣ непонятно, почему онъ не подоспѣлъ ранѣе со своими скинами. Объемъ, до котораго Александръ допустилъ развиваться этому возстанію, прежде чѣмъ успѣшилъ подавить его, былъ признакомъ, что въ настоящую минуту его боевыя

силы не были достаточны для того, чтобы идти искать этихъ смѣлыхъ и многочисленныхъ враговъ въ ихъ горахъ; послѣ оставленія гарнизоновъ въ основанныхъ имъ городахъ Арахозія, Паропамиза и Тапанса онъ могъ располагать не болѣе чѣмъ десятью тысячами человекъ. Только въ теченіе зимы прибыли значительныя подкрѣпленія съ запада; прибыла колонна пѣхоты и всадниковъ, на вербованная сатрапомъ Ликии Неархомъ и сатрапомъ Каріи Азандромъ, затѣмъ другая колонна, которую привели сатрапъ Сиріи Аскленіодоръ и гилархъ Менитъ, и третья подъ предводительствомъ Эпокилла, Мениды и стратига еракійцевъ Птолемя, всего до 17000 человекъ пѣхоты и 2600 всадниковъ ⁵²⁾, такъ что только теперь царь имѣлъ при себѣ достаточно войскъ для того, чтобы преслѣдовать возстаніе въ Согдианѣ до ея самыхъ отдаленныхъ тайниковъ.

Весною 328 года дворъ царя покинулъ Заріаспу, гдѣ въ лазаретахъ остались больные македонскіе всадники вмѣстѣ съ прикрытіемъ, состоявшимъ человекъ изъ восьмидесяти наемныхъ всадниковъ и пѣсколькихъ царскихъ юношей. Войско достигло Окса; источникъ масла, вырвавшійся изъ-подъ-земли у палатки царя, былъ истолкованъ Аристандромъ какъ знакъ того, что побѣда хотя и будетъ одержана, но будетъ стоить большихъ трудовъ; и дѣйствительно, необходима была большая осторожность при встрѣчѣ съ этимъ непріятелемъ, угрожавшимъ со всѣхъ сторонъ. Царь раздѣлилъ свое войско такимъ образомъ, что Мелеагръ, Полисперхонъ, Атталъ и Горгія со своими фалангами остались въ Бактрѣ ⁵³⁾ для прикрытія этой страны, а остальное войско, раздѣленное на пять колоннъ подъ предводительствомъ царя, гиппарха Гефестіона, тѣлохранителя Птолемя, стратига Пердикки и сатрапа Бактріи Артабаза, въ помощь которому былъ данъ стратигъ Кенъ, — вторглось по разнымъ направленіямъ въ Согдиану. О подробностяхъ этихъ военныхъ дѣйствій до насъ не дошло никакихъ извѣстій; только въ общихъ чертахъ упоминается о томъ, что различные укрѣпленные пункты страны были частью взяты штурмомъ, частью сдались добровольно; въ короткое время важнѣйшая часть лежавшихъ за Оксомъ земель, долина Политимета, была снова во власти царя, и побѣдоносныя колонны пачали съ разныхъ сторонъ собираться въ Маракаунду. Между тѣмъ горы на востокъ и на сѣверѣ находились еще въ рукахъ непріятели, и можно было разсчитывать, что Спитамену, бѣжавшему къ жаждущимъ грабежа ордамъ массагетовъ, удастся склонить ихъ къ новымъ набѣгамъ; точно также необходимо было принять всѣ мѣры къ тому, чтобы введеніемъ новой и полной организаціи положить конецъ страшно расшатанному положенію вещей въ странѣ, и главнымъ образомъ помочь разсѣявшемуся, лишенному крова и предметовъ первой необходимости, народонаселенію. Поэтому Гефестіону было дано порученіе основывать новые города, поселять въ нихъ жителей деревень и доставлять имъ средства къ жизни ⁵⁴⁾, между тѣмъ какъ Кенъ и Артабазъ двинулись противъ скивовъ, чтобы при первой возможности захватить Спитамена, а самъ Александръ выступилъ съ главными силами въ горы, чтобы взятіемъ находившихся здѣсь замковъ довершить покореніе страны. Овладевъ ими безъ большого труда, онъ возвратился

на отдыхъ въ Мараканду. Этимъ днямъ отдыха суждено было ознаменоваться страшными событіями.

Престарѣлый Артабазъ просилъ уволить его отъ службы, и царь назначилъ вмѣсто него сатрапомъ Бактріи гиппарха Клита, — чернаго Клита, какъ его называли. Дни наполнялись большими охотами и пирами. Въ числѣ этихъ дней приходился одинъ изъ праздниковъ Діониса, вмѣсто котораго, какъ рассказываютъ, царь далъ праздникъ въ честь Діоскуровъ; богъ разнѣвался на это, и такимъ образомъ царь сдѣлался виновнымъ въ тяжкомъ преступленіи; онъ получилъ предостереженіе; съ береговъ моря ему были присланы прекрасные плоды, и онъ пригласилъ Клита отвѣдать ихъ вмѣстѣ съ нимъ; вслѣдствіе этого Клитъ оставилъ жертву, которую только что собирался принести, и поспѣшилъ къ царю; три уже обрызганныхъ для жертвоприношенія овцы побѣжали за нимъ; по толкованію Аристандра, это былъ печальный признакъ; царь приказалъ принести жертву за Клита, еще болѣе озабоченный страннымъ сномъ, который онъ видѣлъ прошлой ночью и въ которомъ Клитъ представился ему сидящимъ въ черномъ платѣ между окровавленными сыновьями Парменіона.

Вечеромъ, такъ продолжается рассказъ, Клитъ явился къ столу; гости пили вино и веселились до самой ночи; они славили дѣла Александра, говорили, что онъ сдѣлалъ больше, чѣмъ Діоскуры, что даже Иракла нельзя сравнивать съ нимъ; только зависть отказываетъ живущему въ равныхъ почестяхъ съ этими героями. Клитъ уже былъ возбужденъ виномъ; окружавшая царя персидская свита, чрезмѣрное восхищеніе младшихъ, дерзкая лесть греческихъ софистовъ и риторовъ, которыхъ царь терпѣлъ около себя, уже давно опротивѣли ему; эта легкомысленная игра съ именами великихъ героев взорвала его; не такимъ образомъ, сказалъ онъ, слѣдуетъ чествовать славу царя. дѣянія его вовсе не такъ велики, какъ они думаютъ, и большая часть славы подобаетъ македонянамъ. Съ неудовольствіемъ слушалъ Александръ столь оскорбительныя рѣчи отъ человѣка, котораго онъ отличилъ передъ всѣми, но молчалъ. Споръ становился все громче; рѣчь зашла и о дѣлахъ царя Филиппа; и когда начали утверждать, что онъ не совершилъ ничего великаго и замѣчательнаго, что вся его слава заключается въ томъ, что онъ зовется отцомъ Александра, тогда Клитъ вскочилъ, выступилъ на защиту имени своего царя, началъ умалять дѣянія Александра, восхвалялъ себя самого и старыхъ стратиговъ, упомянулъ о казни Парменіона и его сыновей и завидовалъ счастью тѣхъ, которые пали или были казнены прежде, чѣмъ имъ пришлось видѣть македонянгъ бичуемыми мидійскими розгами и вымаливающими у персовъ доступа къ царю. Многіе изъ старыхъ стратиговъ поднялись, силясь заставить замолчать разгоряченнаго виномъ и страстью старика, и тщетно старались успокоить возставшее волненіе. Александръ обратился къ своему сосѣду за столомъ, одному греку, со словами: «не правда ли, что вы, другіе эллины, считаете себя между македонянами за полубоговъ, находящихся среди животныхъ»? Клитъ продолжалъ шумѣть; онъ громко обратился къ царю съ такими словами: «эта рука спасла тебя при Граникѣ; ты же можешь говорить, что тебѣ угодно, но долженъ приглашать

впередъ къ своему столу не свободныхъ людей, а варваровъ и рабовъ, цѣлующихъ край твоихъ одеждъ и молящихся на твой персидскій поясъ!» Долѣе Александръ не могъ сдержать своего гнѣва, онъ вскочилъ, чтобы схватиться за оружіе; друзья унесли его; онъ крикнулъ по-македонски своимъ гинаспистамъ, чтобы они отомстили за своего царя; ни одинъ не явился на его зовъ; онъ приказалъ трубачу трубить тревогу и, такъ какъ тотъ не повиновался, ударилъ его кулакомъ въ лицо: съ нимъ поступаютъ теперь, сказалъ онъ, такъ же, какъ съ Даріемъ въ то время, когда его увлекали связаннымъ Бессъ и его товарищи и онъ не имѣлъ ничего, кромѣ жалкаго имени царя; и измѣняетъ ему Клитъ, — человекъ, который ему всѣмъ обязанъ. Въ эту минуту Клитъ, который былъ уведенъ друзьями, слыша, что называется его имя, вошелъ въ залъ съ другого конца со словами: «Клитъ здѣсь, о Александръ!» и затѣмъ продекламировалъ стихи Эврипида о несправедливомъ обычаѣ, что войско «покупаетъ победы своею кровью, а честь ихъ приписывается только полководцу, который торжественно царитъ на высотѣ своего званія и презираетъ народъ, въ сущности представляя собой ничто»³⁵). Тогда Александръ вырвалъ копьѣ изъ рукъ у часового и бросилъ имъ въ Клита, который тотчасъ же упалъ мертвымъ. Друзья отступили въ ужасѣ; гнѣвъ царя мгновенно прошелъ; раскаяніе, скорбь и отчаяніе овладѣли имъ; рассказываютъ, что онъ вырвалъ копьѣ изъ груди Клита и уперъ его въ землю, чтобы умертвить себя надъ его тѣломъ; друзья удержали его и отнесли его на его ложе. Здѣсь лежалъ онъ, плача и стеная, призывая имя убитого, имя своей кормилицы Ланики, сестры убитого: прекрасную награду за ея заботы, говорилъ онъ, воздастъ ея питомецъ; ея сыновья пали въ бою за него. ея брата умертвилъ онъ своими собственными руками, умертвилъ того, кто спасъ ему жизнь; онъ упомянулъ о престарѣломъ Нарменіонѣ и его сыновьяхъ, онъ не переставалъ обвинять себя въ убійствѣ своихъ друзей, проклинать себя и призывать смерть. Такъ пролежалъ онъ три дня надъ тѣломъ Клита, запершись въ своемъ шатрѣ, безъ сна, безъ пищи и питья, онѣмѣвъ наконецъ отъ утомленія; изъ его шатра продолжали раздаваться по временамъ только глубокіе вздохи. Войска, полныя тревоги и опасенія за своего царя, собрались и изрекли свой судъ надъ убитымъ, объявляя, что онъ убитъ по праву; они призывали своего царя; послѣдній не слышалъ ихъ. Наконецъ стратеги рѣшились открыть шатеръ; они заклинали царя вспомнить о своемъ войскѣ и о своемъ царствѣ и сказали ему, что, по знаменіямъ боговъ, Діонисъ былъ причиной этого несчастнаго дѣла; имъ удалось наконецъ успокоить царя; онъ приказалъ принести жертву разгнѣванному богу.

Таковы въ существенныхъ чертахъ данныя, доставляемыя намъ нашими источниками; ихъ недостаточно для того, чтобы установить дѣйствительный ходъ этого ужаснаго событія, а еще менѣе для того, чтобы опредѣлить мѣру вины убійцы и убитого. Какъ ни ужасенъ былъ поступокъ, на который увлекъ царя дикій гнѣвъ минуты, но мы должны принять во вниманіе и то, что въ лицѣ Клита впервые выступили противъ него вопли раздраженія и протеста, вызванные его на-

мѣреніями и дѣлами среди тѣхъ, на силу и вѣрность которыхъ онъ долженъ былъ полагаться,—та глубокая бездна, которая отдѣляла его теперь отъ взглядовъ македонянъ и грековъ. Онъ раскаялся въ убійствѣ и принесъ жертву богамъ; что онъ долженъ былъ еще сдѣлать сверхъ того, объ этомъ осуждающіе его моралисты не говорятъ.

Во время этихъ происходившихъ въ Маракандѣ событій Спитаменъ сдѣлалъ еще одну попытку вторгнуться въ бактрскія земли; онъ на-вербовалъ среди массагетовъ, къ которымъ бѣжалъ съ остатками своихъ согдіанцевъ, отрядъ изъ 600—800 всадниковъ, внезапно явился во главѣ ихъ передъ однимъ изъ укрѣпленныхъ пограничныхъ постовъ, съумѣлъ выманить гарнизонъ за стѣны крѣпости и затѣмъ напалъ на него изъ засады; начальникъ поста попалъ въ руки скифовъ, большинство его людей легло на мѣстѣ, а самъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ и уведенъ. Ободренный этимъ успѣхомъ, Спитаменъ черезъ нѣсколько дней явился передъ Заріаспой; гарнизонъ этого города, къ которому слѣдуетъ прибавить выздоровѣвшихъ и покинувшихъ лазаретъ воиновъ, принадлежавшихъ въ большинствѣ къ этерамъ конницы, былъ, повидимому, настолько значителенъ, что благо-разуміе не позволило Спитамену произвести нападеніе; грабя и сожигая, отступили массагеты черезъ окрестныя поля и деревни. Когда Пиѳонъ, которому было ввѣрено тамъ управленіе дѣлами ⁵⁶⁾, и киеаристъ Аристонику узнали это, они призвали къ оружію восемьдесятъ всадниковъ и царскихъ юношей, бывшихъ на мѣстѣ, и поспѣшили къ воротамъ, чтобы наказать грабящихъ варваровъ; послѣдніе побросали свою добычу и едва успѣли скрыться, многіе были взяты въ плѣнъ или изрублены и маленький отрядъ съ радостнымъ сердцемъ возвращался въ городъ. Спитаменъ напалъ на нихъ изъ засады съ такою яростью, что македоняне были опрокинуты и почти отрѣзаны отъ города; семь этеровъ и шестьдесятъ наемниковъ легли на мѣстѣ, и въ томъ числѣ киеаристъ; Пиѳонъ, получившій тяжелую рану, попалъ въ руки непріятелей; еще не много—и они овладѣли бы самымъ городомъ. Кратеръ былъ быстро увѣдомленъ объ этомъ несчастіи, но скифы не дожидались его прибытія, а отступили къ западу, усиливаемые каждую минуту новыми толпами. При входѣ въ пустыню Кратеръ догналъ ихъ, завязалась упорная борьба; наконецъ побѣда рѣшилась въ пользу македонянъ; потерявъ 150 человекъ убитыми, Спитаменъ бѣжалъ въ пустыню, гдѣ всякое дальнѣйшее преслѣдованіе было невозможно ⁵⁷⁾.

Такія извѣстія должны были, не смотря на просьбы друзей и утѣшенія наглыхъ льстецовъ, содѣйствовать возвращенію Александра къ исполненію своего долга. Онъ выступилъ изъ Мараканды; предназначенную для Клита сатрапію Бактры получилъ Аминта; Кенъ со своимъ таксисомъ и съ таксисомъ Мелеагра и съ 400 человекъ конницы, со всѣми конными аконтистами и другими войсками, находившимися прежде подъ начальствомъ Аминты ⁵⁸⁾, былъ оставленъ для прикрытія Согдіаны; Гефестіонъ съ однимъ корпусомъ отправился въ Бактрію, чтобы позаботиться о продовольствіи войска на зиму ⁵⁹⁾; самъ Александръ двинулся въ Ксециппу, куда бѣжали многіе изъ бактрскихъ мятежниковъ. При вѣсти о приближеніи Александра они

были прогнаны жителями, не желавшими ради несвоевременнаго гостепріимства подвергать опасности свое имущество, и старались теперь нанести уронъ македонянамъ нападеніемъ изъ засады; около 2000 ихъ всадниковъ бросилось на часть македонскаго войска; только послѣ долгаго перѣшительнаго сраженія они принуждены были отступить, потерявъ около 800 человекъ частью убитыми, частью плѣнными; понеся такія значительныя потери, лишенные предводителя и провіанта, они предпочли покориться. Затѣмъ царь обратился противъ выстроенной на скалѣ крѣпости Сизимиера «въ бактріанской землѣ»⁶¹⁾; ему стоило большихъ трудовъ приблизиться къ пей, еще большихъ приготовиться къ штурму; Сизимиерь сдался еще до начала штурма.

Между тѣмъ Спитаменъ почелъ нужнымъ сдѣлать еще одну попытку напасть на Согдіану, прежде чѣмъ успѣхи и войска непріятеля окончательно преграждать ему доступъ къ пограничной области; во главѣ бѣжавшихъ съ нимъ войскъ и 3000 скинскихъ всадниковъ, привлеченныхъ обѣщанной имъ добычей, онъ неожиданно появился передъ Багами, лежащими на границѣ Согдіаны и пустыни массагетовъ⁶²⁾. Извѣщенный объ этомъ вторженіи, Кенъ быстро выступилъ съ войскомъ противъ него; послѣ кровопролитной битвы скины были принуждены отступить, потерявъ 800 человекъ убитыми. Согдіанцы и бактры, видя неудачу и этой своей послѣдней попытки, покинули Спитамена во время бѣгства и сдались Кену, съ Датаферпомъ во главѣ; массагеты, ошибшіеся въ своихъ расчетахъ на добычу въ Согдіанѣ, разграбили шатры и телѣги оставившихъ ихъ союзниковъ и бѣжали со Спитаменомъ по направленію къ пустыни. Тутъ пришло извѣстіе, что Александръ идетъ походомъ на пустыню; они отрубили Спитамену голову и послали ее царю⁶³⁾.

Смерть этого смѣлаго и вѣроломнаго противника положила конецъ послѣднимъ опасеніямъ: въ «саду востока» возстановилось наконецъ спокойствіе, въ которомъ онъ только и нуждался, для того чтобы, несмотря на всѣ перенесенныя имъ войны и потрясенія, скоро снова достигнуть своего прежняго цвѣтущаго состоянія. Подошла зима, послѣдняя, которую Александръ рассчитывалъ провести въ этихъ мѣстахъ; около Навтаки собиравшіеся различныя части арміи, чтобы водвориться здѣсь на зимнія квартиры. Сюда прибыли сатрапы ближайшихъ областей, сатрапъ Парейнъ Фратафернъ и сатрапъ Арей Стазаноръ, получившіе прошлою зимою въ бытность свою въ Заріасѣ различныя, вѣроятно, касавшіяся войска, порученія. Фратафернъ былъ отосланъ назадъ, чтобы арестовать сатрапа мардіевъ и тапуріевъ, Автофрадата, неисполненіе которымъ приказовъ Александра начало принимать опасный характеръ. Стазаноръ возвратился въ свою сатрапію. Въ Мидію былъ посланъ Атропатъ съ приказомъ смѣнить забывшаго объ исполненіи свое долга, сатрапа Оксидата, и самому занять его мѣсто. Такъ какъ Мазей умеръ, то и Вавилонъ тоже получилъ въ лицѣ Стамена новаго сатрапа. Сополидъ, Менидъ и Энокиллъ отправились въ Македонію, чтобы привести оттуда новыя войска⁶⁴⁾.

Зимовкой въ Навтакѣ Александръ, какъ кажется, воспользовался для приготовленій къ походу на Индію, который онъ думалъ начать

лѣтомъ слѣдующаго года, когда горныя вершины будутъ доступны. Въ этихъ горахъ, по сю ихъ сторону, еще держалось нѣсколько крѣпостей, куда бѣжали послѣднія силы непокорныхъ.

Съ первыми днями весны ⁶⁵⁾ царь обратился противъ «согдіанской скалы», на которую ушелъ со своими людьми бактръ Оксіартъ, счѣтавшій эту крѣпость неприступной ⁶⁶⁾. Она была снабжена провіантомъ для продолжительной осады, запасы воды доставлялъ ей обильно выпаавшій снѣгъ, въ то же время значительно затруднявшій восхождение на гору. Явившись передъ этой крѣпостью, Александръ потребовалъ ея сдачи и общалъ всѣмъ, находящимся въ ней, право свободно удалиться; ему было отвѣчено, что онъ можетъ искать себѣ крылатыхъ солдатъ. Рѣшившись взять эту скалу, во что бы то ни стало, онъ объявилъ въ лагерь черезъ глашатая, что господствующая надъ крѣпостью вершина скалы должна быть взята и что онъ назначаетъ двѣнадцать наградъ для тѣхъ, которые взойдутъ первыми, двѣнадцать талантовъ первому, одинъ талантъ двѣнадцатому; это отважное предпріятіе принесетъ славу всѣмъ, кто приметъ въ немъ участіе. Выступило триста опытныхъ въ восхожденіи на горы македонянъ, которые и получили нужныя указанія; затѣмъ каждый запасъ желѣзными кольсками, употреблявшимися для постановки палатокъ, и крѣпкими веревками. Около полуночи они приблизились къ тому мѣсту, гдѣ скала была всего круче и поэтому не охранялась. Они и сначала поднимались съ большимъ трудомъ, но скоро начались почти отвѣсныя стѣны скалы, скользкіе льды и рыхлый снѣгъ; трудности и опасность росли съ каждымъ шагомъ. Тридцать изъ этихъ смѣльчаковъ попадало въ пропасть, но наконецъ на разсвѣтъ остальные достигли вершины и развернули по вѣтру свои бѣлыя повязки. Увидѣвъ условленный сигналъ, Александръ немедленно послалъ снова глашатая, который крикнулъ непріятельскимъ форпостамъ, что крылатые солдаты нашлись, что они надъ ихъ головами и что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно. Пораженные тѣмъ, что македоняне нашли дорогу на скалу, варвары сдались безъ дальнѣйшаго колебанія, и Александръ вступилъ въ стоявшую на скалѣ крѣпость. Здѣсь въ его руки попала богатая добыча, въ томъ числѣ множество женъ и дочерей вельможъ Согдіаны и Бактріи, а также и прекрасная дочь Оксіарта, Роксана, Она первая, въ которой царь возгорѣлся любовью; онъ не воспользовался относительно плѣнницы своимъ правомъ господина; бракосочетаніе должно было скрѣпить миръ со страной. При вѣсти объ этомъ отецъ Роксаны поспѣшилъ къ Александру; ради его прекрасной дочери ему все было прощено.

Оставалась еще крѣпость Хоріина въ землѣ паретакеновъ, «гористой» области по верхнему Оксу, куда бѣжали многіе изъ возставшихъ. Непроходимыя заросшія лѣсомъ горныя ущелья, по которымъ надо было проходить, были покрыты еще глубокимъ снѣгомъ; частые ливни, гололедица и страшныя бури еще болѣе затрудняли движеніе. Войско терпѣло нужду въ самомъ необходимомъ, многіе замерзли до смерти ⁶⁷⁾; только одинъ еще примѣръ царя, раздѣлявшаго со своимъ нужду и труды, поддерживалъ духъ въ войскахъ; рассказываютъ, что царь, сидя разъ вечеромъ у бивуачнаго огня,

чтобы согрѣться. и увидавъ подходящаго околѣнѣвшаго отъ холода и почти лишившагося чувствъ стараго солдата, всталъ, взявъ у него оружіе и посадилъ его на свой походный стулъ около огня; когда ветеранъ оправился, узналъ своего царя и вскочилъ пораженный, Александръ весело сказалъ: «Видишь, товарищъ, сѣсть на стулъ царя приноситъ у персовъ смерть, тебѣ же онъ возвратилъ жизнь». Наконецъ они достигли крѣпости; она была расположена на высокой и крутой скалѣ, по которой вела вверхъ только одна узкая и трудная тропинка; кромѣ того съ этой стороны, которая только одна и была доступна, протекалъ въ глубокомъ ущельи быстрый горный потокъ. Александръ, не привыкшій считать какую либо трудность непреодолимою, немедленно приказалъ рубить деревья въ покрывавшихъ окрестныя горы еловыхъ лѣсахъ и строить лѣстницы, чтобы сначала завладѣть ущельемъ. Работа не прекращалась день и ночь; съ невѣроятнымъ трудомъ удалось наконецъ македонянамъ спуститься на дно ущелья; теперь потокъ былъ перегороженъ частоколомъ, сверху была насыпана земля и ущелье заполнено; скоро начали работать машины, метавшія снаряды вверхъ въ крѣпость. Хоріинъ, до сихъ поръ равнодушно смотрѣвшій на работы македонянъ, съ изумленіемъ увидалъ, какъ сильно онъ ошибся въ своемъ разсчетѣ; устройство скалы не позволяло сдѣлать вылазку на враговъ, а противъ выстрѣловъ сверху македоняне были защищены своими черепахами. Наконецъ прежніе примѣры должны были убѣдить его, что безопаснѣе примириться съ Александромъ, чѣмъ довести дѣло до крайности; онъ черезъ глашатая просилъ у Александра позволенія вести переговоры съ Оксіартомъ; это ему было дозволено, и Оксіарту безъ труда удалось разсѣять въ своемъ прежнемъ боевомъ товарищѣ послѣднія сомнѣнія, которыя у того еще оставались. Такимъ образомъ Хоріинъ, окруженный нѣкоторыми изъ своихъ людей, предсталъ передъ Александромъ, который принялъ его крайне благосклонно и поздравилъ его съ тѣмъ, что онъ предпочелъ ввѣрить свою жизнь не скалѣ, а благородному мужу. Онъ удержалъ его у себя въ шатрѣ и попросилъ его послать нѣкоторыхъ изъ сопровождавшихъ его людей сказать, что крѣпость, по миролюбивому соглашенію, передается македонянамъ и что всѣмъ, находящимся въ ней, прощается ихъ прошлое. На слѣдующій день царь, въ сопровожденіи 500 гипаспистовъ, поднялся на верхъ для осмотра крѣпости; онъ былъ пораженъ неприступностью этого мѣста и воздалъ справедливую дань всѣмъ принятымъ на случай продолжительной осады мѣрамъ предосторожности и приспособленія. Хоріинъ обязался снабдить войско провіантомъ на два мѣсяца; изъ крайне богатыхъ запасовъ своей крѣпости онъ приказалъ раздать по палаткамъ македонскихъ войскъ, сильно пострадавшихъ отъ холода и лишеній послѣднихъ дней, вино, хлѣбъ и солонину.

Александръ возвратилъ ему крѣпость и окружавшія ее земли ⁶⁸⁾; самъ онъ съ большею частью войска отправился въ Бактру, пославъ далѣе въ Паретакену противъ Катана и Гавстана, единственныхъ оставшихся еще мятежниковъ, Кратера съ 600 человекъ конницы, со своимъ таксисомъ и съ тремя другими таксисами; вар-

вары были разбиты въ кровопролитномъ сраженіи, Катанъ былъ убитъ, Гавстанъ приведенъ къ Александру въ цѣляхъ, и страна была принуждена покориться; скоро Кратеръ со своими войсками послѣдовалъ за царемъ въ Бактру ⁶⁹).

Да будетъ намъ позволено возвратиться здѣсь къ сдѣланному нами раньше замѣчанію, которое представляетъ собою только предположеніе и имѣетъ цѣлю указать лишь на одинъ пунктъ, имѣющій важность для установленія связи между событіями. Одинъ писатель позднѣйшаго времени, почерпавшій свои свѣдѣнія изъ весьма хорошихъ источниковъ, упоминая о распредѣленіи сатрапій лѣтомъ 323 года, замѣчаетъ, что царскимъ престоломъ Согдіаны владѣлъ Оропій, не какъ отцовскимъ наслѣдіемъ, и что онъ получилъ его отъ Александра; но такъ какъ онъ бѣжалъ послѣ возстанія и потерялъ свой престолъ, то и Согдіана перешла къ сатрапу Бактріи ⁷⁰). То, что объ этомъ обстоятельстве не знаетъ ни одинъ другой писатель, при характерѣ нашихъ преданій не даетъ намъ никакого повода не довѣрять этому извѣстію. Какое имя скрывается подъ именемъ Оропія, которое несомнѣнно испорчено, мы не можемъ теперь опредѣлить, — быть можетъ, имя одного изъ вельможъ, которые послѣ храбраго сопротивленія покорились и заключили миръ съ Александромъ, какъ вышеупомянутый Хоринъ ⁷¹), или какъ Сизимиръ, о которомъ Курцій говоритъ, что царь возвратилъ ему его званіе и подалъ ему надежду на еще большее ⁷²).

Если эти соображенія справедливы, то здѣсь въ лежащихъ по Оксу земляхъ, Александръ сдѣлалъ попытку примѣнить къ пограничнымъ областямъ своего государства ту же самую систему, какая, какъ мы увидимъ, была примѣнена имъ въ обширныхъ размѣрахъ въ индійскихъ земляхъ. Согдіана дѣлается пограничной областью за Оксомъ, управляемою вассальнымъ царемъ; она и рядъ основанныхъ эллинистическихъ свободныхъ городовъ, доходящій до Танаиса, лежащая позади нихъ обширная сатрапія Бактрія, обнимающая также и густо населенную Маргіану, прикрываютъ обращенную къ бродячимъ ордамъ пустыни сторону государства, большія дороги въ Гекатомпиль, въ основанную въ Арѣ Александрію, дороги, ведущія черезъ Кавказъ въ Индію, и идущую черезъ Ферганскую область торговую дорогу въ верхнюю Азію. Понятно, почему Александръ не пожелалъ присоединить къ своему царству самой Ферганской области, нынѣшняго Кокана; онъ удовольствовался тѣмъ, что вмѣстѣ съ Ходжентомъ имѣлъ въ своихъ рукахъ ведущій туда проходъ; еще одна лишняя пограничная область только бы ослабила сѣверную границу его государства и средства ея обороны.

— Прошло два года съ тѣхъ поръ, какъ Александръ прибылъ въ эти мѣста и началъ свое дѣло, которое, повидимому, удалось тѣмъ полнѣе, чѣмъ больше были трудности, которыя ему приходилось преодолевать. Необходимы были упорный трудъ, кровавыя мѣры и постоянно возобновлявшаяся борьба противъ мятежныхъ народныхъ массъ ⁷³) и противъ дерзкаго сопротивленія знати, укрывавшейся въ своихъ воздвигнутыхъ по скаламъ крѣпостяхъ. Теперь народонаселеніе было усмирено, главари страны были наказаны, ихъ крѣпости

разрушены, а тѣмъ, которые наконецъ покорились, было прощено; значительное число новыхъ городовъ дало новую силу, опору и примѣръ эллинистической жизни, для которой должны были быть пріобрѣтены также и эти страны; была создана форма правленія, соотвѣтствовавшая, повидимому, особенностямъ и военному значенію этихъ земель. Отиразднованная теперь свадьба царя ⁷⁴⁾ съ прекрасной дочерью одного изъ пехлевановъ Согдіаны составила заключительное звено этого дѣла; если ближайшимъ поводомъ къ такому браку и было личное чувство, то онъ все-таки былъ въ немъ меньшей степени и мѣрой политики, какъ бы вѣнчаніемъ проявленіемъ и символомъ сліянія Азіи и Европы, — сліянія, въ которомъ Александръ видѣлъ дальнѣйшій результатъ своихъ побѣдъ и условіе прочности того, что онъ хотѣлъ создать и чего границы онъ старался постепенно расширить.

Конечно, это предпріятіе при своемъ дальнѣйшемъ осуществленіи представило весьма значительныя трудности. По самой природѣ элементовъ, которые должны были объединиться и слиться, болѣе упорный, менѣе свободный, но болѣе сильный тяжестью неподвижныхъ массъ азіатскій элементъ долженъ былъ сначала преобладать; для того, чтобы склонить на свою сторону этотъ элементъ, если только западная держава желала не только покорить его и господствовать надъ нимъ, но привлечь его къ себѣ и примирить его съ собою, было необходимо, чтобы образъ мыслей, предразсудки и привычки восточныхъ народовъ приняли такое направленіе, при которомъ они могли бы привыкнуть къ новому режиму и пріучиться постепенно принимать участіе въ безконечно превосходившей ихъ богатствомъ развитія жизни побѣдителей. Вотъ, что было причиною азіатскаго придворнаго штата, которымъ окружилъ себя Александръ, его приближавшейся къ мидійской одеждѣ, въ которой онъ являлся въ мирное время, церемоніала и роскоши двора, окруженныхъ которыми какъ «государственнымъ облаченіемъ» привыкъ видѣть своихъ повелителей восточный человѣкъ, — вотъ что было наконецъ причиною сказки о божественномъ происхожденіи царя, надъ которой онъ самъ смѣялся въ кругу своихъ приближенныхъ.

Богатства Азіи, новая полная чудесъ жизнь, съ каждымъ днемъ охватывавшая, заливавшая ихъ все болѣе и болѣе, постоянные труды военной службы и вѣчное опьяненіе побѣдой, славой и господствомъ уже давно заставили также и македонянъ страхнуть съ себя ту простоту и неприхотливость, которая еще десять лѣтъ тому назадъ составляла предметъ насмѣшки для аѳинской ораторской трибуны; восторженное поклоненіе своему царю, и прежде и послѣ бившемуся среди нихъ, чудесный ореолъ его геройскихъ подвиговъ, отблескъ которыхъ падалъ и на нихъ, упоеніе властью, наполнявшее каждого въ его отдѣльной сферѣ чувствомъ собственнаго достоинства и жаждою новыхъ дѣлъ, заставило ихъ забыть, что на родинѣ они могли бы быть мирными пахарями и пастухами. А на самой родинѣ пастухи, пахари и горожане, отъ внезапнаго подъема своей маленькой страны на высоту славы и историческаго величія, — слушали чудесные рассказы возвращавшихся

домой земляковъ, видѣли приливъ къ своему отечеству богатствъ Азіи и быстро привыкали чувствовать себя первымъ народомъ вселенной; величіе ихъ царей, которые нѣкогда близко и дружественно жили съ ними на одномъ клочкѣ земли, росло, какъ росли разстоянія въ Вавилонѣ, въ Экбатану, въ Бактрію и Индію, въ безконечную даль.

Наконецъ народъ эллиновъ, распадавшійся въ географическомъ отношеніи на множество эксцентрическихъ круговъ, а тамъ, гдѣ онъ жилъ плотной массой, бывшій всегда раздробленнымъ и отличавшійся крайними партикуляристическими стремленіями, по числу непосредственно заинтересованныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ могъ почти не приниматься въ расчетъ въ сравненіи съ народными массами Азіи; тѣмъ болѣе значенія имѣло то, что мы можемъ назвать суммой историческаго развитія греческаго міра.—его образованность. Элементами этой образованности или, вѣрнѣе, ихъ результатами для жизни отдѣльных лицъ и общества были рационализмъ и демократическая автономія. Рационализмъ, со всеми своими хорошими и худыми сторонами,—невѣріемъ съ одной стороны, суевѣріемъ съ другой, а зачастую съ тѣмъ и съ другимъ вмѣстѣ, отучилъ умы отъ старинной искривленной религіозности, отъ вѣры въ вѣчныя силы и отъ страха передъ ними; церемоніи, жертвы, знаменія и волшебство были единственнымъ ихъ осадкомъ, уцѣлѣвшимъ въ народной жизни и сохранившимъ свое условное значеніе; умъ замѣнилъ теперь благочестіе: фривольность, жажда приключеній и наживы, стремленіе выдвинуться во что бы то ни стало и умѣнье эксплуатировать свои индивидуальныя способности и средства, таковы были импульсы практической морали, пріобрѣтавшіе все большее и большее значеніе. Демократія была естественной формой государства, стоявшаго на такомъ основаніи; уже Солоонъ сказалъ о своихъ аѳинянахъ: «взятыя отдѣльно они идутъ путемъ лисицы, соединившись вмѣстѣ они лишаются разсудка». Чѣмъ шире развивалась эта демократія, соединяя свободу съ трудомъ рабовъ и имѣя въ рабахъ свой рабочій классъ, тѣмъ смѣлѣе и рѣзче становился этотъ индивидуализмъ, который только обострялъ соперничество въ мірѣ греческихъ государствъ, заставлялъ слабыхъ прикрываться своимъ собственнымъ безсиліемъ, а сильныхъ—болѣе эгоистическимъ образомъ пользоваться своею силою и который довелъ наконецъ процессъ распаденія и взаимной слабости до невозможнаго положенія вещей,—пока наконецъ побѣды Александра не открыли совершенно новыхъ путей и не открыли для всякой силы, стремленія и дарованія, для всякой энергіи и предприимчивости неизмѣримое поле плодотворной работы. Пусть на родинѣ въ Спартѣ, Аѳинахъ и многихъ другихъ городахъ таилось немало скорби, гнѣва и злой воли, пусть греки Тавриды бились и устроивались, какъ могли, со своими скинами, а эллины Сициліи и Великой Греціи съ карфагенянами и италиками,—но многія тысячи манилъ къ себѣ открывшійся имъ новый міръ дальняго востока: они послѣдовали за вербовщиками Александра, или шли за ними на собственный страхъ и рискъ, чтобы служить въ его войскѣ, или искать въ его лагерѣ разныхъ занятій и заработка и чтобы селиться въ новыхъ городахъ; они привыкали къ азіатскому образу жизни и къ азіатскому низко-

поклонству передъ царемъ и великими міра сего, сохраняя въ себѣ греческаго только свою отвагу и свою прежнюю профессию; «образованные люди», если только они не предпочитали быть противниками новшествъ, становились тѣмъ болѣе восторженными поклонниками великаго царя; всѣ эти риторы, поэты, остряки, ораторы и поклонники умныхъ рѣчей занимались тѣмъ, что примѣняли къ нему фразы, обыкновенно примѣнявшіяся къ героямъ Мараѳона и Саламины, къ такимъ героямъ, какъ Персей и Ираклъ, и къ побѣдамъ Вакха и Ахиллеса; даже почести принадлежавшія только древнимъ героямъ и Олимпу, должны были служить къ прославленію могучаго властителя. Софисты уже давно учили, что всѣ тѣ, кому люди молились какъ богамъ, были собственно только отличными вонтелями, хорошими законодателями, обоготворенными людьми; подобно тому, какъ многіе роды гордятся своимъ происхожденіемъ отъ Зевеса или Аполлона, точно такъ же въ свою очередь и какой нибудь человѣкъ своими великими подвигами можетъ достигнуть Олимпа, какъ нѣкогда Ираклъ, или сподобиться, подобно Гармодію и Аристокитону, воздаваемыхъ героямъ почестей. Развѣ греческіе города не воздвигли алтарей, не приносили жертвъ и не пѣли пеановъ Лизандру, уничтожившему аѳинское войско? развѣ Фазосъ, приславъ торжественное посольство, не предложилъ устроить апоэеозъ и воздвигнуть храмъ «Атезилаю Великому», какъ его называли? А насколько значительнѣе были подвиги Александра? Каллисѳенъ безъ всякаго колебанія писалъ въ своей исторіи объ оракулѣ Аммона, назвавшемъ Александра сыномъ Зевеса, и объ оракулѣ Бранхидовъ въ Милетѣ, изрекшемъ то же самое ⁷⁵). Когда въ послѣдствіи въ греческихъ государствахъ было сдѣлано предложеніе даровать ему божескія почести, то это предложеніе было мѣстами отвергнуто вовсе не изъ интересовъ религіи, но изъ партійныхъ расчетовъ.

Имѣя все это въ виду, мы можемъ составить себѣ приблизительную картину окружавшихъ Александра лицъ. Эта пестрая смѣсь самыхъ противоположныхъ интересовъ, эта тайная игра соперничествъ и интригъ, эта непрерывная смѣна пировъ и битвъ, празднествъ и трудовъ, избытка и лишеній, суровой дисциплины во время похода и разнузданныхъ удовольствій въ мирное время, затѣмъ это постоянное движеніе впередъ все въ новыя и новыя земли, не знающее заботы о будущемъ и увѣренное только въ настоящемъ, — все это соединилось для того, чтобы придать окружавшей Александра обстановкѣ видъ авантюры и фантастическій характеръ, гармонировавшій съ чудеснымъ блескомъ его побѣдоносныхъ походовъ. Рядомъ съ его подавляющей своимъ величіемъ личностью изъ общей массы рѣдко выступаютъ отдѣльныя личности, и ихъ характеръ составляютъ ихъ отношенія къ царю ⁷⁶); таковъ благородный Кратеръ, который, какъ говорятъ, любилъ царя; таковъ мягкій Гефестіонъ, который любилъ Александра; таковъ преданный и всегда готовый исполнить свой долгъ Лагидъ Птолемей, спокойный и безусловно преданный Кенъ, мужественный Лизимахъ. Общія типы болѣе извѣстны: македонская знать, воинственная, своевольная, властолюбивая, до смѣшнаго исполненная чувства собственного достоин-

ства; азіатскіе вельможи, церемонные, пышно одѣтые, до тонкости знакомые съ искусствомъ роскоши, низкопоклонства и интриги; греки, или состоявшіе въ кабинетѣ царя, какъ кардіанецъ Эвменъ, или занятые другими техническими работами, или входившіе въ качествѣ поэтовъ, художниковъ и философовъ въ свиту царя, который и среди звука оружія не забывалъ музъ и не жалѣлъ ни даровъ, ни милостей, ни привѣтливости, чтобы отличить тѣхъ, научной славѣ которыхъ онъ завидовалъ.

Въ числѣ этихъ эллиновъ свиты Александра было въ особенности два грека, которые, благодаря странному стеченію обстоятельствъ приобрѣли особое значеніе въ жизни двора. Одинъ былъ вышеупомянутый олімпейскій Каллисѳенъ; ученикъ и племянникъ великаго Аристотеля, который прислалъ его къ своему царственному питомцу, онъ сопровождалъ царя на востокъ, чтобы какъ очевидецъ повѣдать потомству о великихъ подвигахъ македонянъ: онъ, какъ говорятъ, сказалъ, что пришелъ къ Александру не для того, чтобы стяжать себѣ славу, но чтобы его прославить; присутствію въ немъ божества не заставитъ повѣрить ложь, распускаемая относительно его рожденія Олімпіадой: это будетъ зависѣть отъ того, что онъ скажетъ міру въ своемъ историческомъ трудѣ. Отрывки этого историческаго труда показываютъ, какъ высоко онъ ставилъ его; объ его походѣ вдоль берега Памфили онъ говоритъ, что волны моря улеглись, какъ бы для того, чтобы принести поклоненіе (*προσκύνησις*) своему царю; передъ битвой при Гавгамелѣ онъ заставлялъ царя воздѣть руки къ небу и воскликнуть, что, если онъ сынъ Зевеса, то да помогутъ ему боги и рѣшать дѣло въ пользу эллиновъ. Его высокое образованіе, его талантъ разсказа, его манера держать себя съ достоинствомъ доставили ему уваженіе и вліяніе также и въ военныхъ кружкахъ. Совсѣмъ инымъ характеромъ отличался Анаксархъ изъ Абдеры, «эвдемоникъ»; это былъ человѣкъ свѣтскій, всегда почтительный царю и перѣдко бывавшій ему въ тягость; однажды во время бури онъ, какъ говорятъ, спросилъ его: «это ты гремишь, сынъ Зевеса?» на что Александръ отвѣчалъ со смѣхомъ: «я не хочу показываться моимъ друзьямъ въ такомъ ужасномъ видѣ, какъ бы этого желалъ ты,—ты, который презираешь мой столъ потому, что я не подаю за нимъ вмѣсто рыбы головъ сатраповъ»; это выраженіе, какъ говорятъ, было употреблено Анаксархомъ, когда онъ однажды увидѣлъ царя радующимся блюду мелкой рыбы, присланной ему Гефестіономъ. Въ какомъ смыслѣ было написано его сочиненіе о царской власти, мы можемъ заключить изъ тѣхъ пріемовъ утѣшенія, которыми онъ, какъ разсказываютъ, старался послѣ убійства Клита поднять упавшій духъ царя: «Развѣ ты не знаешь, о царь, что правосудіе сидитъ рядомъ съ царемъ Зевесомъ, такъ какъ все, что дѣлаетъ Зевесъ, хорошо и справедливо? точно такъ же все то, что дѣлаетъ царь въ этомъ мірѣ, должно быть признано справедливымъ сперва имъ самимъ, а затѣмъ и другими людьми».

Теперь нельзя болѣе опредѣлить, когда и по какому поводу началось охлажденіе отношеній между царемъ и Каллисѳеномъ. Однажды, какъ разсказываютъ, Каллисѳенъ сидѣлъ за столомъ Александра

и былъ приглашенъ имъ сказать за виномъ похвальную рѣчь македонянамъ: онъ исполнилъ это со свойственнымъ ему искусствомъ при громкихъ одобрительныхъ возгласахъ присутствующихъ. Тогда царь сказалъ, что достойныя славы дѣла прославлять нетрудно, и что пусть онъ покажетъ свое искусство, произнеся рѣчь противъ тѣхъ же самыхъ македонянъ и справедливыми упреками научить ихъ лучшей жизни. Софистъ исполнилъ это съ жестокой язвительностью: несчастные раздоры грековъ, сказалъ онъ, создали могущество Филиппа и Александра: во время смуты вѣдь и жалкая личность можетъ иногда достигнуть почетнаго положенія. Раздраженные этимъ македоняне вскочили, а Александръ сказалъ: «Олинеянину далъ намъ доказательство не своего искусства, но своей ненависти противъ насъ». Каллисѣенъ, уходя домой, трижды сказалъ самому себѣ: «И Патроклъ долженъ былъ умереть, а былъ вѣдь выше тебя»⁷⁷⁾.

Естественно, что царь принималъ азіатскихъ вельможъ согласно съ обычнымъ церемоніаломъ персидскаго двора; но для нихъ было чувствительнымъ неравенствомъ то, что греки и македоняне имѣли право приближаться къ его царскому величеству безъ такихъ формъ преданности. Каково бы ни были прежнее положеніе и взгляды царя, — онъ долженъ былъ желать устранить это различіе и ввести восточное поклоненіе въ дворскій обычай; но съ другой стороны подобный приказъ могъ бы дать предразсудкамъ, которыми были заражены многие, поводъ къ превратнымъ толкованіямъ и къ недоволству. Гегестіонъ и нѣкоторые другіе приняли на себя инициативу во введеніи этого обычая; на первомъ пиру, какъ рассказываютъ, они должны были осуществить его на практикѣ; на немъ говорилъ въ этомъ смыслѣ Анаксархъ, а Каллисѣенъ, въ своей подробной и серьезно возражавшей противъ этого памфлетной рѣчи, обращенной прямо къ царю, говорилъ такъ безпощадно рѣзко, что царь, видимо оскорбленный, запретилъ болѣе упоминать объ этомъ дѣлѣ. Въ другомъ разсказѣ передается, что царь взялъ за столомъ золотую чашу и обратился съ тостомъ вначалѣ къ тѣмъ, съ которыми онъ условился относительно *поклоненія*; тотъ, къ кому онъ обращался такимъ образомъ, выпивалъ свою чашу, вставалъ, кланялся въ ноги и получалъ затѣмъ поцѣлуй отъ царя. Когда наконецъ очередь дошла до Каллисѣена и царь обратился съ тостомъ къ нему, а самъ продолжалъ разговаривать съ сидѣвшимъ рядомъ съ нимъ Гегестіономъ, то философъ выпилъ чашу и поднялся, чтобы подойти къ Александру и поцѣловать его; царь показалъ видъ, что не замѣчаетъ неотдачи поклоненія; но одинъ изъ этеровъ сказалъ: «не цѣлуй его, о царь, онъ единственный не молился на твою особу». Послѣ этого Александръ отказалъ ему въ поцѣлѣ, а Каллисѣенъ, возвращаясь на свое мѣсто, сказалъ: «итакъ я ухожу однимъ поцѣлуемъ бѣдняка»⁷⁸⁾.

Многое другое рассказывается еще объ этихъ событіяхъ⁷⁹⁾; заслуживаетъ особаго вниманія сообщеніе о томъ, что, по словамъ Гегестіона, при предварительномъ обсужденіи этого вопроса Каллисѣенъ тоже положительно согласился на земные поклоны, а еще большаго вниманія сообщеніе о томъ, что тѣлохранитель Лизимахъ и двое дру-

гихъ указали царю на высокоумное поведеніе софиста и привели его выраженія объ убіеніи тиранновъ, на которыя слѣдовало обратить тѣмъ болѣе вниманія, что его приверженцами были многіе изъ знатной молодежи, смотрѣвшіе на его слова, какъ на изреченія оракула, а на него самого, какъ на единственнаго свободнаго человѣка среди многотысячнаго войска.

По обычаю, ведшему свое происхожденіе еще отъ временъ царя Филиппа, сыновья знатныхъ македонянъ при своемъ вступленіи въ юношескій возрастъ призывались ко двору и начинали свою карьеру и свое военное поприще около особы царя, какъ «царскіе юшопи» и какъ его «тѣлохранители»⁸⁰⁾; въ военное время они составляли его ближайшую свиту, занимали ночной караулъ въ его жилищѣ, подводили ему лошадь, окружали его за столомъ и на охотѣ; они стояли подъ его непосредственнымъ покровительствомъ, и только онъ имѣлъ право наказывать ихъ; онъ заботился объ ихъ научномъ образованіи и для нихъ главнымъ образомъ и были приглашены философы, поэты и риторы, сопровождавшіе Александра.

Въ числѣ этихъ знатныхъ молодыхъ людей находился Ермолай, сынъ Сонолиды, того самаго, который былъ изъ Павтаки посланъ для вербовки въ Македонію⁸¹⁾. Ермолай, пламенный почитатель Каллисѳена и его философіи, какъ кажется, съ увлеченіемъ воспринялъ мнѣнія и тенденціи своего учителя; съ юношескимъ недовольствомъ смотрѣлъ онъ на эту смѣсь греческихъ и персидскихъ обычаевъ и на пренебрежительное отношеніе къ обычаямъ македонскимъ. На одной охотѣ, когда передъ царемъ, которому, по придворному обычаю, принадлежало право метнуть дротикъ первому, выбѣжалъ на тропинку кабанъ, молодой человѣкъ позволилъ себѣ метнуть дротикъ первымъ и положилъ животное на мѣстѣ; при другихъ обстоятельствахъ царь можетъ быть, и не обратилъ бы вниманія на это нарушеніе этикета, но, такъ какъ то былъ Ермолай, то онъ посмотрѣлъ на этотъ поступокъ, какъ на сдѣланный намѣренно, и подвергъ юношу соотвѣтственному наказанію, приказавъ высѣчь его и отнять у него лошадь. Ермолай не чувствовалъ неправоты своего поступка, а только возмутительное оскорбленіе, которое было ему нанесено. Его близкимъ другомъ былъ Состратъ, сынъ того самаго тимеейца Аминты, который при процесѣ Филоты былъ со своими тремя братьями заподозрѣнъ въ соучастіи и который, чтобы доказать свою полную невинность, искалъ себѣ смерти въ бою; этому Сострату Ермолай открылся, что, если ему не удастся отомстить, то ему жизнь не въ жизнь. Склонить на свою сторону Сострата было не трудно; Александръ, сказалъ онъ, уже отнялъ у него отца и теперь опозорилъ его друга. Оба пріятели посвятили въ свою тайну еще четверыхъ другихъ изъ отряда царскихъ юношей; то были Антипатръ, сынъ бывшаго намѣстника Сиріи Асклепідора, Эпименъ, сынъ Арзеи, Антиклъ, сынъ Теоокрита, и еракіецъ Филота, сынъ Карзиды⁸²⁾; они условились умертвить царя во время сна въ ту ночь, когда караулъ будетъ занимать Антипатръ.

Царь, какъ рассказываютъ, ужиналъ въ эту ночь со своими друзьями и затѣмъ долѣе обыкновеннаго остался въ ихъ обществѣ; когда

же послѣ полуночи онъ хотѣлъ подняться, то одна сирійская женщина, предсказательница, слѣдовавшая за нимъ многіе годы и сначала мало обращавшая на себя его вниманіе, но мало-по-малу внушившая ему уваженіе къ себѣ и добившаяся того, что онъ сталъ ее слушать,—эта сиріанка внезапно явилась передъ нимъ, когда онъ хотѣлъ удалиться, и сказала ему, чтобы онъ оставался и пилъ всю ночь. Царь послѣдовалъ этому совѣту, и такимъ образомъ въ эту ночь планъ заговорщиковъ не удался. Продолженіе разсказа имѣетъ болѣе правдоподобный видъ; несчастные молодые люди не отказались отъ своего плана, но рѣшили привести его въ исполненіе при первомъ ночномъ караулѣ, который придется въ ихъ очередь; на слѣдующій день Эпименъ увидалъ своего близкаго друга Харикла, сына Мешандра ⁸³⁾, и разсказалъ ему о томъ, что уже произошло и что имѣетъ еще произойти. Пораженный Хариклъ бросился къ брату своего друга Эврилоху и заклиналъ его спасти царя быстрымъ доносомъ; Эврилохъ поспѣшилъ въ ставку царя и открылъ страшный планъ Лагиду Птолемерю. По его доносу, царь приказалъ немедленно арестовать заговорщиковъ, которые были допрошены и подвергнуты пыткамъ; они раскрыли свои планы, своихъ соучастниковъ и заявили, что Каллисѣенъ зналъ объ ихъ намѣреніяхъ; онъ тоже былъ взятъ подъ стражу ⁸⁴⁾. Призванное для военнаго суда войско изрекло надъ осужденными свой приговоръ и исполнило его по македонскому обычаю ⁸⁵⁾. Каллисѣенъ, бывший грекомъ и не бывший солдатомъ, былъ закованъ въ цѣпи съ тѣмъ, чтобы быть преданнымъ суду впоследствии. Александръ, какъ говорятъ, писалъ объ этомъ Антипатру: «юношей побили камнями македоняне, софиста же я хочу наказать самъ, а также и тѣхъ, которые прислали его ко мнѣ и которые принимаютъ въ свои города измѣнниковъ противъ меня». По показаніямъ Аристовула Каллисѣенъ умеръ плѣнникомъ позднѣе во время похода въ Индію, а по словамъ Птолемея онъ былъ преданъ пыткамъ и повѣшенъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ИНДІЯ. — ВОЙНА ПО СЮ СТОРОНУ ИНДА. — ПЕРЕХОДЪ ЧЕРЕЗЪ ИНДЪ. — ПОХОДЪ КЪ ГИДАСНУ. — ГОСУДАРЬ ТАКСИДЫ. — ВОЙНА СЪ ЦАРЕМЪ ПОРОМЪ. — БИТВА ПРИ ГИДАСПѢ. — ВОЙНА СЪ НЕЗАВИСИМЫМИ ПЛЕМЕНАМИ. — ВОЙСКО НА БЕРЕГАХЪ ГИФАЗИСА. — ВОЗВРАЩЕНІЕ.

Индія представляетъ собою совершенно особый міръ. Совершенно изолированная своеобразнымъ характеромъ своей природы, своего населенія, своей религіи и образованности, она въ теченіе долгихъ вѣковъ была извѣстна западному міру древности только по имени, только какъ лежащая на восточныхъ окраинахъ земли страна чудесъ. Ее омываютъ съ двухъ сторонъ океаны, въ которыхъ только долгое время спустя промышленности и наукѣ суждено было найти пути самаго

легкого и вѣрнаго сообщенія; съ двухъ другихъ сторонъ двойной и тройной стѣною громоздятся массы горъ, принадлежащихъ частью къ числу самыхъ высокихъ горъ на землѣ, занесенныя снѣгомъ. Проходы которыхъ на сѣверѣ и сожженные солнцемъ скалистые ущелья на западѣ открываютъ съ трудомъ дорогу развѣ линіи благочестивому пилигриму, кочевому торговцу и разбойнику пустыни, но никакъ не для международныхъ сношеній.

У народонаселенія Индіи съ того времени, какъ оно перестало принадлежать самому себѣ, воспоминаніе о его прошломъ расплылось и исчезло въ лишенныхъ времени и пространства фантастическихъ представленіяхъ; но позади всего этого лежитъ прошлое, полное величественнаго и многосторонняго развитія, зарожденіе и развитіе религіозныхъ, іерархическихъ и политическихъ началъ, въ которыхъ этотъ своеобразный характеръ индійскаго міра нашелъ свое завершеніе. Македонскій завоеватель, первый европеецъ, нашедшій путь въ Индію, видѣлъ ее въ полномъ разцвѣтѣ, прежде чѣмъ она сдѣлала первый шагъ назадъ.

Онъ нашелъ мѣсто, которое какъ бы служить воротами къ индійскимъ землямъ. Здѣсь черезъ стѣну горъ, отдѣляющихъ Индію отъ западнаго міра, прорывается потокъ; начинаясь на горныхъ вершинахъ, гдѣ недалеко другъ отъ друга вытекаютъ воды Бактріи и Аріаны, Кофенъ, усиленный многочисленными притоками съ сѣвера, катитъ свои воды на востокъ къ руслу широкаго Инда; тиетно справа и слѣва отъ этой текущей съ запада рѣки громоздятся массы дикихъ скалъ, — онѣ открываютъ его быстрымъ водамъ узкую долину, въ концѣ которой смѣющаяся равнина Пешавара служитъ входомъ въ Индію съ ея пышной растительностью и тропическимъ климатомъ. Но здѣсь представляется взору еще не настоящая Индія; пять рѣкъ Пенджаба, разливы лѣтнихъ мѣсяцевъ, раскинувшіяся на югъ и востокъ широкимъ поясомъ стени дѣлаютъ западъ Индіи вторымъ оплотомъ священной страны Ганга; такъ и кажется, какъ будто природа желала все-таки еще сдѣлать попытку защитить своего любимца отъ опасностей, которымъ сама же она открыла дорогу. Все, что индусъ знаетъ великаго и святаго, связано съ землею Ганга; здѣсь лежитъ родина старинной чистой вѣры и строгаго раздѣленія кастъ, родившихся изъ Брамъ; здѣсь находятся наиболѣе чтимыя святии мѣста и священныя рѣки. Племена на западѣ степей, хотя и родственныя съ индусами по происхожденію и религіи, отступили отъ строгой чистоты божественнаго закона; они не избѣгли сношеній съ виѣшнимъ міромъ, они не сохранили того величія царской власти, той чистоты кастъ, той замкнутости по отношенію къ нечистымъ и ненавистнымъ чужеземцамъ, которые являются условіемъ, гарантіей и доказательствомъ свитой жизни; они есть выродившаяся и отданная на жертву чужеземцамъ часть населенія.

Такъ было уже во время Александра. Высокоразвитые брахманическіе народы арійскаго племени, жившіе тогда въ долинахъ Ганга, забыли, что и они нѣкогда обитали въ странѣ «семи рѣкъ», что при своихъ переселеніяхъ въ дни незапамятной древности они пришли сюда черезъ эти западныя ворота, такъ какъ имена ихъ знаменитѣй-

шихъ родовъ, сохранившіеся на Оксѣ и Яксартѣ, позволяютъ вывести это заключеніе относительно ихъ прежнихъ мѣстъ жительства. По ихъ слѣдамъ потянулись туда другіе арійскіе по языку и обычаямъ народы ¹⁾; но слишкомъ слабые или недовольно рѣшительные для крупныхъ предпріятій, они остались на горныхъ пастбищахъ по рѣкѣ Кофену и по его притокамъ до самаго Инда.

Это было время могущества Ассиріи; ея войска, двинувшись отъ Тигра, завоевали и обширную сирійскую низменность, и арійское плоскогорье; но рассказываютъ, что Семирамида видѣла, какъ на мосту Инда верблюды степенъ запада бѣжали передъ слонами индійскаго востока ²⁾. Затѣмъ слѣдовало владычество мидянъ и персовъ; со времени Кира между сатрапіями царства упоминается также и Гандара, въ персидскихъ войскахъ Ксеркса упоминаются гандаряне и другіе индусы ³⁾; а Дарій послалъ изъ своего города Каспатира—вѣроятно Кабуль—греческаго мужа къ Инду, чтобы тотъ спустился по немъ до самаго моря, и послѣдній затѣмъ возвратился по арабскому морю; эта миссія даетъ намъ нѣкоторое представленіе объ обширныхъ планахъ царя; но войны Персіи на западѣ и быстро наступившій упадокъ царства не позволилъ имъ осуществиться.

Никогда господство Ахеменидовъ не простиралось за Индъ; лежавшая у подножія Паропамиза равнина, заселенная самыми западными племенами индійской національности, была послѣдней областью, которой владѣли эти персидскіе цари; отсюда были выведены слоны послѣдняго персидскаго царя,—первые, которыхъ видѣлъ западный міръ; вмѣстѣ съ ними принимали участіе въ битвѣ при Гавгамелѣ индусы, «сосѣдніе съ Бактріей», подъ предводительствомъ Бесса, и горные индусы подъ предводительствомъ сатрапа Арахозіи Барзанта. По ту сторону Инда шла цѣль независимыхъ государствъ, простиравшаяся къ востоку по области пяти рѣкъ до пустыни, а къ югу до устьевъ Инда,—калейдоскопъ мелкихъ и большихъ народовъ, государствъ и республикъ, пестрая смѣсь политической раздробленности и религіозныхъ разногласій, не имѣвшая между собою никакого другого связующаго элемента, кромѣ взаимной ревности и постоянной смѣны вѣроломныхъ союзовъ и эгонистическихъ раздоровъ.

Подчиненіемъ себѣ Согдіаны Александръ закончилъ покореніе персидскаго царства; занятая имъ въ 329 году сатрапія Паропампза, въ которой онъ основалъ Александрію кавказскую, была предназначена служить отправнымъ пунктомъ похода въ Индію. Въ нашихъ источникахъ не упоминается о военной и политической идеѣ этого похода; она станетъ намъ достаточно ясною изъ связи дальнѣйшихъ событій.

У Александра были уже завязаны различныя сношенія за Индомъ; особенно важную роль играли отношенія къ государямъ Таксилы (Такшасилы). Ихъ царство лежало на восточномъ берегу Инда, противъ впаденія въ него Кофена; простираясь къ востоку по направленію къ Гидаспу, оно по обширности своей, какъ ее опредѣляли, равнялось Египетскому намѣстничеству. Ихъ царь, враждовавшій со многими изъ своихъ сосѣдей и главнымъ образомъ съ царемъ Павравой или Поромъ, чье царство лежало по Гидаспу, и въ то же время

жаждавший расширить свою область, посоветовалъ Александру, въ бытность послѣдняго въ Согдіанѣ, предпринять походъ въ Индію и заявилъ о своей готовности воевать заодно съ нимъ противъ индусовъ, которые дерзнуть сопротивляться ему⁴). Въ числѣ окружавшихъ Александра лицъ находился теперь также и еще одинъ царь лежавшей по сю сторону Инда области: то былъ Сизикоттъ, который, когда македоняне наступали изъ Арахозіи, прибылъ къ Бессу въ Бактрію и который, когда предпріятіе послѣдняго рушилось такъ печально, сталъ на сторону побѣдителя и отнынѣ преданно служилъ ему⁵). Съ помощью этихъ связей Александръ могъ получить о положеніи вещей въ Индіи, о природѣ страны и ея населенія свѣдѣнія, достаточныя для того, чтобы съ нѣкоторой точностью опредѣлить ходъ своего предпріятія и необходимыя для него приготовленія и боевыя силы.

Приготовленія эти за послѣдній годъ позволяютъ намъ правильно оцѣнить предстоявшія Александру трудности. Находившееся въ его распоряженіи войско, которое со времени уничтоженія персидской арміи не должно было быть особенно значительнымъ по своей численности, которую оно имѣло въ Бактріи за два послѣдніе года, было недостаточно для войны съ густонаселенными и располагавшими значительными войсками государствами Индіи. Впрочемъ, въ Азію прибывали все новыя и новыя тысячи войскъ, отчасти македонскихъ, обязанныхъ воинской повинностью⁶), отчасти состоявшихъ изъ еракійскихъ, агріанскихъ и греческихъ наемниковъ, привлеченныхъ жаждою добычи и славы, такъ что первоначальное число 35000, съ которымъ Александръ началъ войну въ 334 году, должно было все-таки удвоиться въ теченіе шести лѣтъ⁷), не смотря на потери, причиненныя постоянными трудами, походами по покрытымъ снѣгомъ горамъ и по пустынямъ, климатическими условіями и нездоровымъ образомъ жизни, въ которомъ недостатокъ смѣнялся излишествами. Но отчасти царь отпустилъ на родину греческихъ и вессалійскихъ союзниковъ, отчасти значительное число войскъ осталось стоять гарнизонами въ занятыхъ земляхъ и въ ихъ главныхъ военныхъ пунктахъ; въ одной Бактріанѣ остался корпусъ, состоявшій изъ 10000 человекъ пѣхоты и 3500 всадниковъ⁸); не менѣе значительныя боевыя силы должны были стоять въ арахозійской Александріи, въ Экбатанѣ, Вавилонѣ, Египтѣ и т. д., хотя, вѣроятно, западныя сатрапіи получали свои гарнизоны не изъ главной арміи, но изъ Европы. Для похода на Индію царь усилилъ своей войско воинственными народами Аріаны и лежавшихъ по Оксу земель⁹). Скоро при вооруженіи флота на Индѣ мы увидимъ, что въ войскѣ находилось также значительное число флинійцевъ, кипріотовъ и египтянъ¹⁰). Численность войска около того времени, когда оно спускалось по Инду, по заслуживающимъ довѣрія показаніямъ, достигала 120000 человекъ¹¹).

Мы видимъ, что это войско по своему составу уже не было болѣе греко-македонскимъ, какимъ оно было по своей организаціи¹²); и тотъ фактъ, что съ этимъ войскомъ были сдѣланы слѣдующія кампаніи, позволяетъ намъ достовѣрно заключить о твердости

господствовавшей въ немъ дисциплины, объ администраціи и организациі арміи, объ авторитетѣ, которымъ пользовались начальствующіи лица и главнымъ образомъ о военныхъ дарованіяхъ и отличномъ составѣ офицеровъ; обо всемъ этомъ, правда, источники не говорятъ намъ ни одного слова, но эти данныя необходимы для правильной оцѣнки историческаго и военнаго значенія Александра. Войско, воспринявшее въ твердыя рамки македонской организациі такое множество чуждыхъ элементовъ и ассимилировавшее ихъ съ собою, сдѣлалось ядромъ и, если намъ будетъ позволено такъ выразиться, школой эллинистическаго духа, который съ одной стороны вытекалъ изъ самой природы эллинистическаго государства, а съ другой только одинъ и дѣлалъ возможнымъ его созданіе. Если Александръ какъ въ Египтѣ и Сиріи, въ Иранѣ и Бактріи, такъ и въ Индіи оставилъ въ качествѣ гарнизоновъ и гражданъ новыхъ городовъ многія тысячи своихъ воиновъ и вмѣсто нихъ принялъ въ свое войско значительное количество азіатовъ, то это болѣе всего другого показываетъ смѣлую послѣдовательность его плановъ и его вѣру въ ихъ правильность и силу; и понятно, что отъ этихъ плановъ не могли отбратъ его попытки оппозиціи гордыхъ македонянъ и греческихъ либераловъ; при томъ престижъ власти, которымъ пользовалась его личность, онъ былъ увѣренъ въ томъ, что заставитъ слѣдовать указаніямъ своей воли ту гордость и слабость, которую онъ можетъ еще повстрѣчать.

Подъ конецъ весны 327 года Александръ выступилъ изъ Бактріи. Горныя дороги, на которыхъ два года тому назадъ было перенесено столько лишеній, были теперь свободны отъ снѣга; запасы имѣлись въ изобиліи; болѣе короткимъ путемъ ¹³⁾ послѣ десятидневнаго перехода они достигли города Александріи, лежавшаго на южномъ склонѣ горы.

Царь нашелъ ее не въ такомъ положеніи, въ какомъ ожидалъ. Нилоксенъ, не исполнившій своихъ обязанностей начальника съ нужнымъ благоразуміемъ и силой, былъ смѣненъ; персъ Проэксъ тоже лишился своего званія сатрапа Паропамизадовъ. Народонаселеніе города было уведичено жителями изъ окрестностей, неспособные къ службѣ воины тоже были оставлены въ немъ; начальство надъ городомъ и его гарнизономъ и порученіе заботиться о его дальнѣйшей постройкѣ получилъ одинъ изъ этеровъ, Никаноръ ¹⁴⁾; Тиріаспъ былъ назначенъ сатрапомъ этой области, границею которой отнынѣ должна была служить рѣка Кофенъ ¹⁵⁾. По этой прекрасной, цвѣтущей и обильной плодами мѣстности Александръ прежде всего двинулся въ Никею ¹⁶⁾; начало новаго похода было, согласно его обычаю, возведено принесенными имъ Аоніи жертвами.

Войско приблизилось къ границѣ Паропамизадовъ, которая вѣроятно была тамъ, гдѣ кончается верхняя равнина Кофена. Здѣсь уже достигшая значительной ширины рѣка вступаетъ въ скалистую долину, служащую какъ бы воротами къ бассейну Инда; по ея южной сторонѣ тянутся предгорія высокаго Сефидъ-Куха, которыя на правомъ берегу этой рѣки образуютъ тянущіеся на семь миль хайбарскіе проходы, отъ Даки до крѣпости Али-Месджида и до Джамруда, ле-

жащаго нѣсколько ближе Пешавара, между тѣмъ какъ на ея лѣвомъ сѣверномъ берегу отъ высокой цѣпи западнаго Гималая, отдѣляется нѣсколько значительныхъ горныхъ хребтовъ, подходящихъ близко къ берегамъ рѣки. Хоаспъ (Камехъ или Кунаръ) и далѣе къ востоку Гурей (Панджора), оба имѣющіе значительное число боковыхъ притоковъ и боковыхъ долинъ, образуютъ многочисленныя горныя кантоны этой «лежащей по сю сторону Инда» страны, жители которыхъ носятъ общее имя Асваки, хотя отдѣльные округа, находящіеся болѣею частью во власти особыхъ государей, называются особыми именами. Въ самой долинѣ Кофена жили Астакенцы, названные такъ, вѣроятно, потому, что поселились на западѣ (аста) отъ Инда.

Изъ Никей Александръ послалъ впередъ себя глашатаевъ къ индійскимъ государямъ, царствовавшимъ по нижнему теченію Кофена и на берегахъ Инда; онъ приглашалъ ихъ къ себѣ для принятія отъ нихъ изъявленій покорности. Поэтому къ нему явился государь Таксилы и многіе раджи земель, лежащихъ по сю сторону Инда, на разукрашенныхъ слонахъ и съ богатой свитой согласно съ требованіями роскошнаго этикета индійскихъ монарховъ; они привезли царю дорогіе подарки и предложили ему воспользоваться, для чего ему угодно, ихъ слонами, которыхъ было двадцать пять штукъ. Александръ заявилъ имъ, что надѣется въ теченіе этого лѣта покорить земли до самаго Инда, что сѣмъбѣтъ наградить тѣхъ государей, которые явились къ нему, и заставить повиноваться тѣхъ, которые не покорились; зиму онъ думаетъ провести на берегахъ Инда, чтобы слѣдующею весною наказать враговъ своего союзника, государя Таксилы. Затѣмъ онъ раздѣлилъ всѣ свои боевыя силы на двѣ арміи, изъ которыхъ одна подъ предводительствомъ Пердикки и Гефестіона должна была идти къ Инду по правому берегу Кофена, между тѣмъ какъ самъ онъ съ остальными войсками намѣревался пройти по полнымъ опасностей, населеннымъ воинственными народами землямъ на сѣверномъ берегу той же самой рѣки. Цѣлью этого двойного движенія и единовременнаго нападенія на жившія на югъ и на сѣверъ отъ Кофена племена было лишить ихъ возможности соединиться другъ съ другомъ для общаго сопротивленія и взаимной поддержки, заставить единовременно наступательнымъ движеніемъ арміи по долинамъ сѣверной стороны рѣки непріятеля очистить проходы на югъ, а по взятіи этихъ южныхъ проходовъ напасть съ тыла на племена сѣвера, противъ которыхъ шла колонна царя; соединительнымъ пунктомъ была назначена лежавшая между Пешаваромъ и Аттокомъ равнина. Имѣя въ своихъ рукахъ дороги и проходы позади себя, они могли приступить къ переправѣ черезъ Индъ безопасно ¹⁷⁾.

Гефестіонъ и Пердикка съ фалангами Горгія, Клята, Мелеагра, съ половиною македонской конницы и со всѣми наемными всадниками двинулись по правому берегу рѣки, и съ ними возвратились въ свои земли индійскіе государи, изъявившіе покорность царю. Имъ было приказано занимать всѣ важныя пункты или, въ случаѣ отказа въ сдачѣ, брать ихъ открытой силой, а, достигнувъ береговъ Инда, немедленно приступить къ постройкѣ моста черезъ Индъ, по которому Александръ думалъ проникнуть въ глубь Индіи ¹⁸⁾.

Самъ Александръ съ гипаспистами, другой половиной конницы, большею частью фалангъ ¹⁹⁾, со стрѣлками, агріанами и конными аконтистами переправился черезъ Кофенъ и двинулся къ востоку черезъ проходъ Джеллалабада. Здѣсь въ Кофенъ впадаетъ Хоэсъ или Хоаспъ, берущій свое начало въ глетчерахъ высокихъ горъ Пушти-Кура и образующій выше вдоль могучихъ скалъ Хонда дикую долину, другую сторону которой замыкаетъ почти настолько же высокій горный хребетъ, отдѣляющій эту долину отъ долины Гурей; для военныхъ операций эта мѣстность представляла большія затрудненія. Здѣсь имѣлъ свои жилища, свои горныя крѣпости, свои многочисленные стада народъ Аспазіевъ ²¹⁾; въ нѣсколькихъ дняхъ пути къ сѣверу на берегахъ Хоаспа лежала его столица, важная также и потому, что мимо нея (по долину Титрала) идетъ черезъ горы дорога къ источникамъ Окса ²²⁾. Когда Александръ переправился черезъ эту рѣку и, идя далѣе по суживавшейся постепенно долину, достигъ южныхъ границъ аспазійской земли, жители бѣжали частью въ горы, частью въ укрѣпленные города, рѣшившись оказать сопротивленіе македонянамъ. Тѣмъ болѣе спѣшилъ Александръ впередъ; со всей конницей и съ 800 гипаспистовъ, которые были то же посажены на коней, онъ бросился впередъ и скоро достигъ перваго города Аспазіевъ, укрѣпленнаго двойными стѣнами и защищаемаго значительными боевыми силами, находившимися вдоль стѣнъ. Царь немедленно пошелъ на нихъ въ атаку; послѣ жаркой битвы, въ которой онъ самъ былъ раненъ въ плечо, а изъ окружавшей его свиты были ранены тѣлохранители Птолемей и Асоннать, варвары должны были отступить за стѣны своего города. Наступленіе вечера, усталость войскъ и рана царя сдѣлали продолженіе битвы невозможнымъ; македоняне стали лагеремъ подъ самыми стѣнами города. Рано утромъ на слѣдующій день начался штурмъ; македоняне взошли на стѣну и овладѣли ей; только теперь замѣтили они вторую, еще болѣе крѣпкую, стѣну города, которая оберегалась самымъ заботливымъ образомъ. Между тѣмъ подошла главная масса войска; они немедленно приступили къ новому нападенію; пока стрѣлки со всѣхъ сторонъ стрѣляли въ расположенные на стѣнахъ посты, были приставлены штурмовыя лѣстницы и скоро тамъ и сямъ осаждающіе вскарабкались на башни; непріятель, не будучи въ состояніи держаться долѣе, старался выйти изъ воротъ города и спастись въ горы; многіе изъ нихъ были перебиты; македоняне, раздраженные полученною ихъ царемъ ранюю, никому не давали пощады; самый городъ былъ сровненъ съ землею ²³⁾.

Этотъ первый быстрый успѣхъ не замедлилъ произвести желаемое впечатлѣніе. Немедленно сдался второй городъ, Андака. Здѣсь былъ оставленъ Кратеръ съ тяжелой пѣхотой, чтобы принудить покориться остальные находящіеся по близости города и затѣмъ двинуться черезъ горы къ Аригею, находящемуся въ долину Гурей (Панджора) ²⁴⁾. Самъ Александръ обратился съ остальными войсками на сѣверо-востокъ къ Эвасилъ, чтобы съ возможной быстротою достигнуть этого города, гдѣ онъ надѣялся захватить въ свои руки государя этой страны ²⁵⁾. Онъ достигъ города уже на другой день,

но вѣсть о его приближеніи опередила его; весь городъ былъ объятъ пламенемъ и ведущія къ горамъ дороги были покрыты бѣглецами; началась страшная рѣзня, но самъ царь Аспазіевъ со своими многочисленными и хорошо вооруженными тѣлохранителями уже достигъ непроѣздныхъ высотъ. Птолемей, узнавшій среди толпы царскій поѣздъ и бросившійся энергично преслѣдовать его, когда подъемъ сдѣлался слишкомъ крутъ для его лошадей, пустился пѣшкомъ во главѣ окружавшихъ его немногихъ гипаспистовъ возможно скорѣе преслѣдовать бѣгущихъ; тогда государь со своею свитой внезапно обратился назадъ и напалъ на македонянъ; самъ онъ бросился на Птолемея и метнулъ ему дротикомъ въ грудь; снаженный своею кольчугой, послѣдній пронзилъ копьемъ бедро государя и повергъ его мертвымъ на землю. Смерть государя рѣшила побѣду; пока македоняне преслѣдовали и убивали бѣгущихъ, Лагидъ началъ снимать доспѣхи съ тѣла государя. Аспазіи увидѣли это съ горъ; въ дикой ярости они бросились внизъ, чтобы спасти хотя бы тѣло своего государя; тѣмъ временемъ подоспѣлъ и Александръ; завязался жаркій бой, и македонянамъ съ трудомъ удалось отбить тѣло; послѣ жаркой битвы лишенные предводителя варвары отступили въ глубину горъ.

Не желая далѣе проникать въ горы, Александръ вверхъ по теченію Эваспы обратился къ востоку, чтобы черезъ ведущіе въ долины Гурей горные проходы достигъ города Аригея ²⁶). Онъ нашелъ городъ сожженнымъ и покинутымъ жителями, которые бѣжали въ горы. Важность этого пункта, господствующаго надъ ведущей къ Хоаспу дорогой побудила царя поручить подошедшему съ юга Кратеру возстановленіе этого города, причемъ онъ повелѣлъ водворить здѣсь неспособныхъ къ военной службѣ македонянъ и всѣхъ тѣхъ туземцевъ, которые изъявлять на это желаніе. Такимъ образомъ занятіе Андаки и Аригея отдало въ руки македонянъ оба ведущіе къ Хоаспу прохода. Но представлялось необходимымъ дать почувствовать перевѣсъ македонскаго оружія храбрымъ жителямъ горъ на сѣверъ отъ города, занимавшимъ тамъ угрожающее положеніе. Александръ двинулся изъ Аригея походомъ на горы; вечеромъ онъ сталъ лагеремъ у подножія горъ; Птолемей, посланный на рекогносцировку, принесъ извѣстіе, что на горахъ видно множество огней и что, какъ надо полагать, враги значительно превосходятъ ихъ численностью. Было рѣшено немедленно приступить къ нападенію; одна часть войска заняла позицію у подошвы горы, а самъ царь съ остальными силами двинулся въ горы; увидавъ непріятельскіе огни, онъ приказалъ Леоннату и Птолею обогнуть справа и слѣва позиціи враговъ, чтобы единовременнымъ нападеніемъ съ трехъ сторонъ раздѣлить ихъ превосходящія силы; онъ самъ двинулся на высоты, гдѣ стояли главныя силы варваровъ. Едва послѣдніе увидели наступающихъ на нихъ македонянъ, какъ, полагаясь на свой численный перевѣсъ, они бросились съ высотъ на Александра; завязалась упорная борьба. Въ это время успѣлъ подойти и Птолемей; но такъ какъ здѣсь варвары не спустились внизъ, то онъ былъ принужденъ начать битву на неровномъ мѣстѣ; съ громадными усилиями ему наконецъ удалось взобраться по склонамъ наверхъ и оттѣснить непріятеля къ той

сторонѣ высотъ, которую онъ оставилъ незанятою, чтобы не вынудить его защищаться съ энергіей отчаянія, какъ это было бы, окружи онъ его со всѣхъ сторонъ. Леоннатъ тоже заставилъ непріятеля отступить, а Александръ уже преслѣдовалъ разбитыя главныя силы центра, и одержанная съ такимъ трудомъ побѣда завершилась страшнымъ кровопролитіемъ; 40000 человекъ было взято въ плѣнъ; несмѣтные стада скота, составлявшія богатство этого горнаго народа, попали въ руки побѣдителя; Птолемей рассказываетъ, что здѣсь было около 230000 головъ скота, изъ которыхъ Александръ выбралъ лучшіе экземпляры, чтобы послать ихъ для надобностей земледѣлія въ Македонію ²⁷).

Тѣмъ временемъ получались извѣстія, что ассакенцы, жившіе въ долинѣ ближайшей рѣки, вооружаются весьма ревностно, что они призвали къ себѣ наемниковъ изъ-за Инда и уже собрали войско въ 30000 человекъ пѣхоты, 20000 всадниковъ и 30 слоновъ. Чтобы достигнуть ихъ страны, царь долженъ былъ сначала спуститься внизъ по долинѣ глубокаго и быстрого Гурея, верхнюю часть которой онъ покорилъ; онъ быстро двинулся впередъ съ частью своихъ войскъ, а Кратеръ съ остальными войсками и съ тяжелыми машинами нѣсколько медленнѣе слѣдовалъ за нимъ изъ Аригея. Горныя дороги и холодныя ночи затрудняли движеніе; тѣмъ привѣтливѣе и богаче показалась имъ долина, къ которой они спустились. Кругомъ были виноградники, рощи миндальныхъ деревьевъ и лавровъ, на горахъ были повыстроены мирныя деревушки, несчетныя стада паслись на горныхъ пастбищахъ. Здѣсь, какъ рассказываютъ, въ ставку царя явились самые знатные вельможи страны, съ Акуфисомъ во главѣ; войдя и увидавъ его во всемъ блескѣ его вооруженія, сидѣвшимъ опершись на копье и въ высокомъ шлемѣ, они въ изумленіи пали на колѣни; царь приказалъ имъ встать и говорить. Они назвали имя своей крѣпости Низы, и рассказали, что они пришли сюда съ запада и съ того времени живутъ самостоятельно и счастливо, управляемые аристократіей изъ тридцати знатныхъ лицъ. На это Александръ заявилъ имъ, что онъ оставитъ имъ ихъ свободу и независимость, что Акуфисъ будетъ первымъ въ числѣ знатныхъ лицъ страны и что, наконецъ, они должны прислать въ войско царя нѣсколько сотъ всадниковъ. Такова должна была быть приблизительно истинная основа дѣла, которое впоследствии передавали разукрашеннымъ полными чудесъ подробностями: отнынѣ низейцевъ называли прямыми потомками спутниковъ Діониса, чьи походы греческіе мифы уже и прежде распространили до Индіи; храбрые македоняне, вдали отъ своего отечества, почувствовали себя здѣсь какъ дома среди родныхъ воспоминаній ²⁸).

Отсюда изъ Низы Александръ, перейдя черезъ быстрый Гурей, двинулся на востокъ къ землѣ ассакенцевъ. При его приближеніи они отступили въ свои укрѣпленные города; самымъ значительнымъ изъ этихъ городовъ была Массага ²⁹); государь той страны надѣялся, что ему удастся удержаться въ пей. Александръ двинулся вслѣдъ за нимъ и сталъ лагеремъ подъ стѣнами города; враги, рассчитывая на свои силы, тотчасъ же произвели вылазку; притворнымъ отсту-

плѣнемъ македоняне выманили ихъ на получасовое разстояніе отъ воротъ, они преслѣдовали торопливо и безъ всякаго норядка съ дикими побѣдными криками; тогда македоняне неожиданно обернулись и быстрымъ шагомъ бросились на индусовъ; впереди была легкая пѣхота, а царь во главѣ своихъ фалангъ слѣдовалъ за ними; послѣ непродолжительнаго боя индусы отступили съ значительными потерями; Александръ преслѣдовалъ ихъ по пятамъ, но его намѣреніе ворваться въ ворота вмѣстѣ съ ними не удалось. Тогда онъ поскакалъ вдоль стѣны, чтобы назначить пункты для нападенія на слѣдующій день; здѣсь онъ былъ раненъ стрѣлой, пущенной съ башенъ города, и съ легкой раной въ погъ возвратился въ лагерь. На другой же день начали работать машины и скоро брешь была пробита; македоняне пытались проникнуть черезъ нее въ городъ, но храбрая и осторожная оборона непріятеля принудила ихъ наконецъ вечеромъ отступить. Нападеніе было возобновлено со всею энергіей на слѣдующій день, подъ прикрытіемъ деревянной башни, которая своими выстрѣлами держала защитниковъ вдали отъ одной части стѣны; однако и такимъ образомъ не могли подвинуться впередъ ни на одинъ шагъ. Ночь была проведена въ вооруженіяхъ, къ стѣнамъ были подвезены новые тараны, новыя черепахи и наконецъ подвижная башня, подъемный мостъ которой долженъ былъ вести прямо на башни города. Утромъ были двинуты фаланги, и въ то же время самъ царь повелъ своихъ гипаспистовъ въ башню и напомнилъ имъ, что они точно такимъ же образомъ взяли Тиръ; всѣ горѣли желаніемъ сразиться и взять городъ, который уже слишкомъ долго сопротивляется имъ. Подъемный мостъ былъ спущенъ, македоняне тѣсною толпою бросились на него и каждый желалъ быть первымъ; мостъ подломился подъ ихъ страшной тяжестью и храбрецы попадали внизъ и разбились. Индусы, видя это, испустили громкій крикъ и начали съ башенъ метать камни, бревна и стрѣлы въ македонянъ; они бросились изъ воротъ города въ открытое поле, чтобы воспользоваться смущеніемъ непріятеля; македоняне начали отступать на всѣхъ пунктахъ; фалангѣ Алкета, которой было поручено царемъ защитить умирающихъ отъ ярости враговъ и отвести ихъ въ лагерь, едва удалось исполнить дѣло. Все это только усиливало въ македонянахъ озлобленіе и жажду боя; на слѣдующій день башня была снова подвезена къ стѣнамъ и снова былъ спущенъ подъемный мостъ; но индусы защищались съ полнымъ успѣхомъ, хотя ихъ ряды постепенно рѣдѣли, а опасность для нихъ росла. Въ это время ихъ государь былъ пораженъ пущенною изъ катапульты стрѣлою и палъ мертвымъ на землю. Это наконецъ заставило осажденныхъ начать переговоры, чтобы сдаться на волю побѣдителя.

Александръ, полный справедливаго удивленія передъ храбростью своихъ враговъ, былъ готовъ прекратить борьбу, которой нельзя было довести до конца безъ большаго кровопролитія; онъ потребовалъ сдачи города, поступленія индійскихъ наемниковъ въ македонскую армію и выдачи царскаго семейства³⁰). Эти условія были приняты, мать и дочь государя прибыли въ лагерь царя; индійскіе наемники въ полномъ вооруженіи выступили изъ города и стали лаге-

ремь на нѣкоторомъ разстояніи отъ войска, съ которымъ отнынѣ они должны были соединиться. Но полные отвращенія къ чужеземцамъ и не будучи въ состояніи примириться съ той мыслью, что отнынѣ имъ придется заодно съ ними воевать противъ своихъ единоплеменниковъ, они составили несчастный планъ бѣжать ночью и идти къ Инду. Объ этомъ былъ извѣщенъ Александръ; убѣжденный, что переговоры не поведутъ ни къ чему, а всякое колебаніе будетъ опасно, онъ приказалъ окружить ихъ ночью и перебить всѣхъ. Такимъ образомъ онъ сталъ господиномъ одного изъ важнѣйшихъ пунктовъ въ землѣ Ассакенцевъ ³¹⁾.

По взятіи Массаги уже казалось нетруднымъ довершить оккупацию лишеннаго повелителя государства. Александръ послалъ къ югу нѣсколько войскъ подъ предводительствомъ Кена къ крѣпости Базирѣ, убѣжденный, что она сдастся при вѣсти о паденіи Массаги; другой отрядъ подъ предводительствомъ Алкеты двинулся къ сѣверу противъ крѣпости Оры ³²⁾, съ приказомъ блокировать городъ до тѣхъ поръ, пока не подойдетъ главная армія. Скоро изъ обоихъ мѣстъ получились неблагоприятныя извѣстія; Алкеты, отражая вылазку оритовъ, понесъ большія потери, а Кенъ, нашедшій Базиру весьма далекой отъ мысли о сдачѣ, могъ держаться только съ большимъ трудомъ. Александръ уже собирался выступить туда, когда получилъ извѣстіе, что раджа Кашмира Авизаръ заключилъ союзъ съ Орой, которая благодаря его посредничеству получила отъ жителей горъ сѣвера значительное число войскъ; поэтому онъ послалъ Кену приказъ укрѣпить около Базиры какой-нибудь надежный пунктъ, чтобы преградить всякое сообщеніе съ крѣпостью, а затѣмъ идти къ нему съ остальными войсками. Онъ самъ поспѣшилъ въ Ору: городъ, несмотря на свои отличныя укрѣпленія и храбрую защиту, не былъ въ состояніи держаться и былъ взятъ штурмомъ; въ руки македонянъ попала богатая добыча и въ томъ числѣ нѣсколько слоновъ. Тѣмъ временемъ Кенъ согласно полученному приказу началъ отступать отъ Базиры; лишь только индусы замѣтили это движеніе, какъ они выбѣжали изъ воротъ и бросились на македонянъ; начался жаркій бой, въ которомъ они принуждены были наконецъ отступить когда притомъ еще распространилось извѣстіе, что сама Ора сдалась македонянамъ, базириты потеряли всякую надежду на то, что имъ удастся удержаться въ своей крѣпости; въ полночь они вышли изъ города и отступили въ горную крѣпость Аорнъ, лежавшую на берегахъ Инда недалеко отъ южной границы земли ассакенцевъ.

Взятіе этихъ трехъ мѣстъ, Массаги, Оры и Базиры, сдѣлало Александра господиномъ горной страны на сѣверѣ Кофена, къ югу отъ которой находилась территорія государя Певкелы, Аста ³⁴⁾. Этотъ государь, какъ кажется расширилъ свою область на счетъ своихъ сосѣдей, а самъ сталъ твердой ногою на южномъ берегу рѣки Кофена; Сангей, прибывшій бѣглецомъ къ Таксилу, былъ лишенъ имъ своего государства; когда глашатаи Александра вызывали государей Индіи въ Никею, ни Астъ, ни Ассакенъ не поспѣвали этому приглашенію. Но счастливые успѣхи македонскаго оружія, приближеніе царя и смерть Ассакена заставили государя Певкела, желавшаго изъ

бѣгнуть необходимости встрѣтиться лицомъ къ лицу съ великимъ царемъ и съ его страшными боевыми силами, покинуть землю своихъ предковъ и искать убѣжища въ своихъ новыхъ владѣніяхъ къ югу отъ Кофена; здѣсь въ сильной горной крѣпости онъ надѣялся выдержать нападеніе южной македонской арміи. Между тѣмъ Гефестіонъ при своемъ движеніи впередъ подошелъ къ стѣнамъ этой крѣпости и взялъ ее штурмомъ послѣ тридцатидневной осады; при штурмѣ самъ Астъ былъ убитъ, а городъ съ разрѣшенія Александра былъ отданъ Сангею, который находился у Таксила. Самый городъ Певкелъ³⁵⁾, лишенный предводителя и защитниковъ, сдался добровольно, когда къ нему подступилъ Александръ; прибывшій изъ сосѣдней земли ассакенцевъ; въ него былъ назначенъ македонскій гарнизонъ. Его примѣру послѣдовали другіе менѣе значительные города до самаго Инда, и царь, направляясь къ этой рѣкѣ, пошелъ къ Эмболимъ, лежавшей въ нѣсколькихъ миляхъ выше устья Кофена³⁶⁾.

Такимъ образомъ въ теченіе лѣта послѣ цѣлаго ряда значительныхъ и трудныхъ сраженій была покорена земля Наропамизадовъ до самаго Инда. Гефестіонъ завладѣлъ страной на южномъ берегу Кофена, гдѣ долина этой рѣки скоро замыкается пустынными горами, и горная крѣпость Аста и Орабатида, которую онъ взялъ и занялъ своими македонянами, сдѣлались военными опорными пунктами для завоеванія южнаго берега. На сѣверѣ были по очереди пройдены долины рѣкъ Хоаспа, Гурея и Суаста, земли аспазіевъ, гурейцевъ, ассакенцевъ и певкелаотовъ, жившіе по верхнему Хоаспу и по Гурею варвары были прогнаны далеко въ горы, наконецъ безопасность была опезпечена въ долинѣ гурейцевъ крѣпостями Андакой и Аригеемъ, въ землѣ ассакенцевъ Массагой, Орой и Базирой, а на западномъ берегу Инда Певкелой. Эта страна, большая часть которой осталась во власти туземныхъ государей³⁷⁾, стала отнынѣ въ зависимыя отношенія къ Македоніи и получила подъ именемъ Индіи по сю сторону Инда особаго сатрапа.

Около Инда индусы занимали теперь только одну крѣпость, расположенную на горѣ; македоняне называли ее Аорномъ (Безпичьемъ), въ знакъ того, что птица не можетъ взлетѣть на нее. Миляхъ въ пяти разстоянія отъ впаденія Кофена въ Индъ высится отдѣльная скала, послѣдній отрогъ сѣверо-западныхъ горъ³⁸⁾, діаметръ которой у подножія достигалъ, по сказаніямъ древнихъ, четырехъ миль, а высота—равнялась 5000 футовъ; на площадкѣ этой крутой горы была расположена эта замѣчательная горная крѣпость, стѣны которой окружали сады, источники и рощи, такъ что многія тысячи людей могли наверху поддерживать свое существованіе въ теченіе цѣлыхъ лѣтъ. Сюда бѣжали многіе индусы равнины, полные вѣры въ надежность этой крѣпости, о неприступности которой ходили различныя сказанія³⁹⁾. Тѣмъ необходимѣе было для царя взять эту скалу; онъ не долженъ былъ упускать изъ виду того нравственнаго впечатлѣнія, которое не замедлила бы оказать на его войска и на индусовъ удачная попытка овладѣть Аорномъ; прежде всего онъ долженъ былъ помнить то, что въ рукахъ непріятеля этотъ важный пунктъ могъ сдѣлаться побудительной причиной и точкой опоры для крайне опас-

ныхъ движеній въ тылу его арміи. Теперь, когда земли кругомъ были покорены, когда благодаря занятой при Индѣ твердой позиціи сдѣлалось возможнымъ снабжать провіантомъ осаждающее войско даже въ случаѣ самой продолжительной осады, Александръ началъ свои дерзкія и опасныя операціи.

Его непоколебимое рѣшеніе взять эту крѣпость было единственнымъ основаніемъ разсчитывать на возможность успѣха. Онъ оставилъ Кратера въ Эмболимѣ на берегахъ Инда и взялъ съ собою только агріановъ, стрѣлковъ, такисовъ Кепа и отборныхъ наиболѣе легкихъ пѣхотинцевъ изъ другихъ такисовъ, 200 всадниковъ изъ отряда этеровъ и 100 конныхъ стрѣлковъ; съ этимъ корпусомъ онъ сталъ лагеремъ у подножія скалы. Но наверхъ вела только одна дорога, устроенная такъ искусно, что ее можно было легко и успѣшно защищать на всякомъ пунктѣ. Въ это время къ нему явились люди, жившіе недалеко отъ скалы, изъявили ему свою покорность и предложили свести его къ такому мѣсту скалы, откуда можно будетъ напасть на крѣпость и овладѣть ею безъ большого труда. Тѣлохранителю Итолею, сыну Лага, съ агріанами, съ остальной легкой пѣхотой и отборными гипасистами было дано порученіе взойти на скалу вмѣстѣ съ индійскими вожаками; по крутымъ и заглохшимъ тропинкамъ онъ, незамѣченный варварами, достигъ условленнаго мѣста, укрѣпился тамъ частоколомъ и зажегъ условленный сигнальный огонь. Увидавъ это, царь назначилъ штурмъ на слѣдующее утро, въ той надеждѣ, что Итолей приступитъ къ нападенію на верху горы единовременно съ нимъ ⁴⁰). Между тѣмъ войскамъ, которыя повели атаку снизу, оказалось невозможнымъ добиться хотя бы малѣйшаго успѣха; индусы, вполне обезпеченные съ этой стороны, съ тѣмъ большею смѣлостью обратились противъ занятыхъ Итолеемъ высотъ, и только съ величайшимъ трудомъ удалось Лагиду удержаться за свои укрѣпленія. Его стрѣлки и агріаны нанесли большой уронъ непріятелю, который съ наступленіемъ ночи отступилъ въ свою крѣпость.

Неудача этой попытки убѣдила Александра, что снизу достигнуть цѣли невозможно; поэтому онъ послалъ ночью съ знающимъ мѣстность человекомъ нисѣнный приказъ Итолею, чтобы тотъ, когда онъ на слѣдующій день сдѣлаетъ попытку штурма на болѣе близкомъ къ Итолею мѣстѣ и когда затѣмъ изъ крѣпости будетъ произведена вылазка противъ атакующихъ, напалъ сверху на непріятеля съ тыла и во что бы то ни стало попытался соединиться съ Александромъ. Такъ и было сдѣлано; съ зарею слѣдующаго дня царь стоялъ у подошвы горы близъ того мѣста, гдѣ поднялся наверхъ Итолей. Скоро индусы бросились сюда, чтобы защищать узкія тропинки; упорный бой продолжался до полудня, тогда непріятель началъ немного отступать; Итолей съ своей стороны дѣлалъ все возможное; къ вечеру удалось подняться по тропинкамъ наверхъ и оба отряда войска соединились. Отступление непріятеля, которое становилось все болѣе и болѣе быстрымъ, и возбужденное успѣхомъ мужество его храбрыхъ воиновъ побудили царя преслѣдовать бѣгущихъ индусовъ, чтобы, пользуясь смятеніемъ, постараться овладѣть вхо-

домъ въ крѣпость; это однако не удалось, а для штурма было слишкомъ мало мѣста.

Онъ отступилъ на укрѣпленную Птолемеемъ возвышенность, которая, будучи ниже крѣпости ⁴¹⁾, была отдѣлена отъ нея широкимъ и глубокимъ оврагомъ. Необходимо было преодолѣть невыгодныя условія мѣстности и построить черезъ оврагъ плотину, чтобы приблизиться къ крѣпости по крайней мѣрѣ настолько, чтобы выстрѣлы могли достигать ея стѣнъ. На слѣдующее утро началась работа; царь былъ вездѣ, хваля, ободряя, работая самъ; всѣ соревновали другъ съ другомъ въ усердіи, рубили деревья, опускали ихъ на дно оврага, нагромождали осколки скалъ и сыпали сверху землю; уже къ концу перваго дня плотина подвинулась впередъ на триста шаговъ; индусы, отнесшіеся сначала съ насмѣшкой къ этому отважному предпріятію, на слѣдующій день старались мѣшать работѣ; скоро плотина подвинулась настолько далеко, что пращники и машины могли отражать нападенія индусовъ. На шестой день плотина приблизилась къ холму, который находился на одной высотѣ съ крѣпостью и былъ занятъ непріателемъ; обладаніе имъ должно было рѣшить судьбу крѣпости. Противъ нея былъ посланъ отрядъ отборныхъ македонянъ; началась отчаянная борьба; самъ Александръ бросился помочь имъ во главѣ своихъ тѣлохранителей; съ величайшимъ трудомъ холмъ удалось взять штурмомъ. Этотъ успѣхъ и постоянный ростъ плотины, которому ничто уже не могло болѣе мѣшать, заставилъ индусовъ отчаяться въ томъ, что имъ удастся долго обороняться противъ непріятеля, котораго не могли удержать ни скалы, ни пропасти и который далъ изумительное доказательство того, что воля и сила человѣка въ состояніи преодолѣть послѣднюю преграду, воздвигнутую природой въ ея исполинскихъ сооруженіяхъ, и обратить ее въ средство для достиженія своихъ цѣлей. Они послали къ Александру глашатаи съ предложеніемъ сдать ему крѣпость на выгодныхъ условіяхъ; они хотѣли выиграть время только до ночи, чтобы тогда по потаеннымъ дорогамъ бѣжать изъ крѣпости и разсѣяться по равнинѣ. Александръ замѣтилъ ихъ намѣреніе; онъ снялъ свои посты и позволилъ имъ начать отступленіе безпрепятственно; затѣмъ онъ отобралъ 700 гипасистовъ, поднялся въ тишинѣ ночи на скалу и началъ взбираться на оставленную защитниками стѣну; онѣсамъ былъ наверху первымъ; когда его отрядъ поднялся за нимъ слѣдомъ на различныхъ пунктахъ, всѣ войска Александра съ громкимъ боевымъ крикомъ бросились на неприготовившихся ни къ чему, кромѣ бѣгства, враговъ; многіе были убиты, другіе разбились въ пропасть; на слѣдующій день войско при звукахъ трубъ вступило въ расположенную на скалѣ крѣпость. Этотъ счастливый конецъ предпріятія, которое сдѣлала возможнымъ только отвага Александра и храбрость его войскъ, былъ отпразднованъ богатыми и радостными жертвоприношеніями. Укрѣпленія самой крѣпости были усилены новыми сооруженіями ⁴²⁾, въ ней былъ оставленъ македонскій гарнизонъ и ея начальникомъ былъ назначенъ раджа Сизикоттъ, сѣмѣвшій внушить къ себѣ довѣріе царю. Обладаніе этой крѣпостью представляло большую важность для защиты Индіи по сию сторону Инда; она

господствовала надъ равниной между Суастомъ, Кофеномъ и Индомъ, которая видна изъ нея на разстояніе многихъ миль, и надъ впаденіемъ Кофена въ Индъ ⁴³⁾.

Тѣмъ временемъ въ землѣ ассакенцевъ обнаружилось опасное движеніе; братъ павшаго въ Массакъ государя Ассакена ⁴⁴⁾ собралъ войско изъ 20000 человекъ и 15 слоновъ, и бросился въ горы верхней страны; крѣпость Дирта ⁴⁵⁾ была въ его рукахъ; онъ считалъ себя достаточно защищеннымъ недоступностью этой дикой гористой мѣстности и думалъ, что дальнѣйшее движеніе царя скоро доставить ему случай расширить свои владѣнія. Тѣмъ необходимѣе было уничтожить его. Лишь только Аоринъ былъ взятъ, какъ царь съ нѣсколькими тысячами человекъ легкихъ войскъ поспѣшилъ къ расположенной въ верхней странѣ Диртѣ; одной вѣсти о его приближеніи было достаточно, чтобы обратить въ бѣгство претендента; вмѣстѣ съ нимъ бѣжало окрестное населеніе. Царь выслалъ нѣсколько отрядовъ, которые должны были обойти окрестности и найти слѣды бѣжавшаго государя и въ особенности слоновъ; онъ узналъ, что всѣ бѣжали въ лежавшія на востокъ глухія горы; онъ бросился по ихъ слѣдамъ. Густой дѣственный лѣсъ покрываетъ эти мѣста: войску приходилось съ трудомъ пролагать себѣ дорогу. Удалось схватить нѣсколько индусовъ; они сообщили, что народонаселеніе бѣжало за Индъ въ царство Авизара и что слоны, числомъ пятнадцать, были выпущены на свободу на находящихся у береговъ рѣки лугахъ. Въ это время явился отрядъ индійскихъ солдатъ изъ бѣжавшаго войска, которое, недовольное неудачею своего государя, возмутилось и умертвило его; они принесли съ собою голову государя. Не желая преслѣдовать лишенное предводителя войско по этимъ бездорожнымъ мѣстамъ, царь со своими войсками спустился на луга Инда, чтобы поймать слоновъ, и сопровождаемый индійскими слоноловами, онъ устроилъ охоту на этихъ животныхъ; два слона свалилось въ пропасти, а остальные были пойманы. Здѣсь въ росшихъ по берегамъ Инда густыхъ лѣсахъ царь приказалъ рубить деревья и строить корабли. Скоро былъ выстроенъ рѣчной флотъ, какого еще не видѣлъ Индъ, и на немъ царь со своимъ войскомъ поплылъ внизъ по широкой и покрытой съ обѣихъ сторонъ множествомъ городовъ и деревень рѣкѣ; онъ остановился у моста, уже выстроеннаго черезъ Индъ Гефестіономъ и Пердиккой ⁴⁶⁾.

Въ дошедшихъ до насъ разказахъ съ достаточной живостью выражаются сильныя впечатлѣнія, которыя произвелъ на пришедшее съ запада войско этотъ индійскій міръ, въ который оно вступило весною 327 года. Мощныя формы природы, роскошная растительность, ручныя и дикія животныя, люди, ихъ религія и обычаи, ихъ государственное и военное устройство, — все было здѣсь своеобразно и изумительно; дѣйствительность, казалось, далеко превосходила всѣ чудеса ея, о которыхъ писали Геродотъ и Ктезій. Скоро они должны были узнать, что до сихъ поръ они видѣли только преддверье этого новаго міра.

На берегахъ Инда войско сдѣлало остановку, чтобы отдохнуть отъ трудовъ зимняго похода по горамъ, въ которомъ участвовала боль-

шая его часть ⁴⁷⁾. Затѣмъ съ началомъ весны, усиленное контингентами государей лежавшей по сю сторону Инда сатрапинъ, оно приготовилось переправляться черезъ Индъ.

Въ это время къ Александру явилось посольство отъ царя Таксилы; оно повторило свои увѣренія въ преданности своего государя и привезло съ собою дорогіе подарки: 3000 жертвенныхъ животныхъ, 10000 овецъ, 30 боевыхъ слоновъ, 200 талантовъ серебра и наконецъ индійскихъ всадниковъ, составлявшихъ союзный контингентъ ихъ государя; оно открывало Александру ворота резиденціи своего царя, роскошнѣйшаго изъ всѣхъ городовъ между Индомъ и Гидаспомъ.

Тогда Александръ отдалъ приказъ начать освященіе переправы черезъ Индъ; на берегу рѣки было принесено жертвоприношеніе, сопровождаемое гимнастическими и кошными агонами; и жертвы были благоприятны. Такимъ образомъ началась переправа черезъ эту широкую рѣку; часть войска потянулась по составленному изъ кораблей мосту, другіе начали переправляться на лодкахъ, самъ царь и его свита переправились на двухъ яхтахъ (тридцативесельныхъ корабляхъ), приготовленныхъ для этой цѣли. Благополучное окончаніе переправы было отпраздновано новыми жертвами. Затѣмъ громадное войско двинулось далѣе по дорогѣ къ Таксилѣ, по густо населенной и блистающей всей роскошью весны мѣстности, окаймленной съ сѣвера высокими покрытыми снѣгомъ горами, составляющими границу Кашмира, а съ юга обширными и прекрасными равнинами, наполняющими пространство между Индомъ и Гидаспомъ. Въ часовомъ разстояніи отъ столицы войско съ изумленіемъ впервые увидало индійскихъ кающихся, которые исполняли священное дѣло своихъ обѣтовъ, стоя обнаженными, одиноко и неподвижно подъ жгучими лучами полуденнаго солнца и непогодами дождливаго времени ⁴⁸⁾.

Когда Александръ приблизился къ городу Таксилѣ ⁴⁹⁾, его встрѣтилъ государь съ величайшей торжественностью, на разукрашенныхъ слонахъ, въ сопровожденіи вооруженныхъ отрядовъ, и подъ звуки боевой музыки; и когда царь приказалъ своему войску остановиться и построиться, государь подекакалъ къ Александру во главѣ своего кортежа, привѣтствовалъ его самымъ почтительнымъ образомъ и передался ему самъ со всѣмъ своимъ царствомъ. Затѣмъ царь во главѣ своего войска, рядомъ съ государемъ страны, вступилъ въ блестящую столицу. Здѣсь въ честь великаго царя былъ данъ рядъ празднествъ, блескъ которыхъ еще увеличивало присутствіе многихъ мѣстныхъ государей, явившихся съ дарами и изъявленіями покорности. Александръ утвердилъ за всѣми ихъ владѣнія и расширилъ область тѣхъ которыхъ сообразно съ ихъ желаніями и заслугами, особенно же владѣнія Таксила, который кромѣ того былъ щедро одаренъ за заботливость, съ которой онъ встрѣтилъ южную армію, и за вниманіе, которое не разъ выказывалъ относительно царя ⁵⁰⁾; отъ номарха Доксарей тоже прибыли послы и подарки ⁵¹⁾. Авизаръ, государь Кашмира, и отъ себя прислалъ въ Таксилу посольство, состоявшее изъ его брата въ сопровожденіи знатнѣйшихъ вельможъ его государства; онъ привезъ съ собою въ подарокъ драгоценные камни,

слоновую кость, тонкія ткани и всевозможныя драгоцѣнности, увѣ-
рять въ безусловной преданности своего царственнаго брата и ка-
тегорически отрицать тайную поддержку, которую послѣдній будто-
бы оказывалъ ассакенцамъ.

Невозможно съ полной точностью опредѣлить, какимъ образомъ были
тогда организованы дѣла (междурѣчья) Дуаба; во всякомъ случаѣ гра-
ницы лежавшей по сю сторону Инда сатрапіи были расширены и всѣ
государи стали въ зависимыя отношенія къ Александру; быть можетъ,
Таксилъ получилъ принципатъ между раджами земель по сю сторону
Гидаспа, во всякомъ случаѣ отнынѣ какъ союзникъ Александра упо-
минается только онъ. Въ его столицѣ былъ оставленъ македонскій
гарнизонъ и неспособные продолжать военную службу люди; «ин-
дійская сатрапія» была ввѣрена Филиппу, сыну Махаты, высокій
родъ котораго и многократно доказавшая имъ преданность Алексан-
дру соотвѣтствовали важности этого поста; его провинція обнимала
не только всѣ земли по правому берегу Инда, но ему былъ пору-
ченъ также надзоръ надъ оставшимися въ царствѣ Таксила и дру-
гихъ государей войсками ⁵²).

Причина того, что государь Таксилы съ такой готовностью при-
мкнулъ къ Александру, заключалась несомѣнно въ его враждѣ съ
могущественнымъ государемъ Поромъ, принадлежавшимъ къ старин-
ному роду Павравы, который по ту сторону ближайшей рѣки, Гидас-
ла, владѣлъ царствомъ «болѣе, чѣмъ изъ ста городовъ», распола-
галъ значительными боевыми силами и имѣлъ своими союзниками
многихъ сосѣднихъ государей и особенно государя Кашмира. Его и
ихъ врагами были на Индѣ государь Таксилы, а съ другой стороны
независимые народы въ предгорьяхъ Гималая, въ дуабахъ по ту сто-
рону Акесина и въ нижнихъ областяхъ Пенджаба. Вражда этихъ «на-
родовъ безъ государей» (arattas) къ государямъ, самымъ могуще-
ственнымъ между которыми былъ государь Павравы между Гидаспомъ
и Акесиномъ, ослабила сопротивленіе вторженію западныхъ завоева-
телей, которое могъ бы оказать богатый и густо заселенный Пенд-
жабъ.

Изъ Таксилы Александръ послалъ къ Пору требованіе, чтобы тотъ
встрѣтилъ его съ изъявленіемъ покорности на границахъ своего го-
сударства. Поръ послалъ обратно отвѣтъ, что онъ будетъ ожидать
царя на границахъ своего государства съ вооруженными силами;
въ то же время онъ призвалъ своихъ союзниковъ и попросилъ
раджу Авизара, который, несмотря на свои еще недавнія выраженія
преданности къ Александру, обѣщалъ ему на помощь войска,
прислать ихъ къ нему, не теряя времени, а самъ двинулся къ про-
текавшей на границахъ его государства рѣкѣ и сталъ лагеремъ на
ея лѣвомъ берегу, рѣшившись во что бы то ни стало воспрепят-
ствовать переправѣ непріятеля. При этомъ извѣстіи Александръ по-
слалъ назадъ къ Инду стратига Кена съ приказомъ распилить для
перевозки суда рѣчнаго флота и какъ можно скорѣе перевезти ихъ
на тѣлѣгахъ къ Гидаспу. Въ то же время войско послѣ обычныхъ
жертвоприношеній и боевыхъ игръ выступило изъ Таксилы; къ нему
присоединилось пять тысячъ человѣкъ изъ индійскихъ войскъ Так-

сила и сосѣднихъ государей; слоны, захваченные Александромъ въ Индіи или полученные имъ въ подарокъ, были оставлены. такъ какъ македонскія лошади не привыкли видѣть ихъ и кромѣ того при своеобразной манерѣ македонянъ вести атаку они могли бы только мѣшать ⁵³⁾).

Во время этого похода начались первые тропическіе дожди; потоки катились съ большимъ шумомъ, дороги сдѣлались хуже; частыя непогоды, соединившіяся съ ураганами, не разъ мѣшали македонянамъ двигаться впередъ. Они приблизились къ южной границѣ государства Таксилы; въ область Спитака, родственника и союзника Пора, вела здѣсь длинная и довольно узкая дорога черезъ ущелье; она была преграждена войсками этого государя, занимавшими высоты съ обѣихъ ея сторонъ; смѣлый маневръ конницы подъ непосредственнымъ предводительствомъ самого Александра поразилъ своей неожиданностью непріятеля, выгналъ его изъ его позицій и стѣснилъ до такой степени, что ему удалось бѣжать только со значительными потерями. Самъ Спитакъ, не думая о дальнѣйшей защитѣ своего государства, поспѣшилъ соединиться съ Поромъ, взявъ съ собою остатокъ своихъ войскъ ⁵⁴⁾).

Спустя два дня Александръ достигъ береговъ Гидаспа, ширина котораго доходила теперь до тысячи двухсотъ шаговъ ⁵⁵⁾; на другомъ берегу видѣлся обширный лагерь царя Пора и все его войско, выстроенное въ боевомъ порядкѣ, имѣя передъ собою триста боевыхъ слоновъ, подобныхъ крѣпостнымъ башнямъ; видно было, какъ въ обѣ стороны посылались значительныя отряды, чтобы усилить линію постовъ вдоль береговъ рѣки и въ особенности, чтобы охранять немногочисленные мѣста, гдѣ можно было еще переправиться въ бродъ несмотря на высокій уровень воды въ рѣкѣ. Александръ понялъ всю невозможность переправиться черезъ рѣку на глазахъ непріятеля и сталъ лагеремъ насупротивъ пдусовъ на другомъ берегу. Онъ началъ съ того, что сложными движеніями войскъ сбивалъ съ толку непріятеля относительно мѣста предполагаемой переправы и утомлялъ его вниманіе; дѣлая видъ, что думаетъ еще долго пробыть на этомъ мѣстѣ, онъ приказалъ однимъ частямъ своего войска произвести по всѣмъ направленіямъ рекогносцировку прибрежной мѣстности, а другимъ опустошить оставленные ихъ защитниками земли Спитака и со всѣхъ сторонъ свезти сюда большіе запасы провіанта; ему удалось распространить въ непріятельскомъ лагерѣ слухъ, что переправу черезъ рѣку въ это время года онъ считаетъ безусловно невозможной и что онъ хочетъ подождать конца времени дождей для попытки произвести нападеніе черезъ рѣку, когда спадетъ вода. Но въ то же время постоянныя движенія македонской конницы, плаваніе вверхъ и внизъ по рѣкѣ переполненныхъ воинами лодокъ, неоднократныя передвиженія фалангъ, которыя несмотря на сильныя дожди часто по цѣлымъ часамъ стояли въ полномъ вооруженіи и въ боевомъ порядкѣ, должны были возбуждать въ царѣ Порѣ постоянный страхъ передъ неожиданнымъ нападеніемъ; два островка на рѣкѣ послужили поводомъ къ маленькимъ стычкамъ; казалось, что, когда дѣло дойдетъ до серьезной битвы, они будутъ имѣть рѣшающую важность.

Между тѣмъ Александръ узналъ, что Авизаръ Кашмирскій, несмотря на всё повторявшіяся имъ въ послѣднее время увѣренія въ своей преданности, не только поддерживаетъ тайныя сношенія съ Порогъ, но уже приближается со всѣмъ своимъ войскомъ, чтобы соединиться съ нимъ ⁵⁶). Если и съ самаго начала въ намѣреніе царя вовсе не входило простоять въ бездѣйствіи на правомъ берегу рѣки все время дождей, то это извѣстіе еще болѣе заставило его серьезно подумать о скорѣйшемъ нападеніи, такъ какъ борьба съ соединенными силами Авизара и Пора могла бы сдѣлаться трудной, если не опасной. Но здѣсь, на глазахъ непріятеля, переправиться черезъ рѣку было невозможно; большая прибыль воды и быстрота теченія сдѣлали самое русло ея ненадежнымъ, а низкій противоположный берегъ былъ полонъ илистыхъ отмелей; было бы безуміемъ желать вывести фаланги на берегъ подъ выстрѣлами выстроеннаго густыми рядами и стоящаго въ безопасности непріятеля; наконецъ необходимо было предвидѣть, что при высадкѣ македонскія лошади будутъ испуганы запахомъ и хриплымъ крикомъ слоновъ, прикрывавшихъ противный берегъ, сдѣлаютъ попытку бѣжать, попадаютъ съ лодокъ и произведутъ крайне опасный беспорядокъ. Вся задача состояла въ томъ, чтобы достигнуть непріятельскаго берега; поэтому Александръ около полуночи приказалъ трубить въ лагерѣ тревогу, двинулъ конницу на различные пункты берега и съ боевымъ крикомъ и при звукахъ трубъ началъ приготовляться къ переправѣ, спустивъ лодки и двинувъ при свѣтѣ дозорныхъ огней фаланги къ мѣстамъ переправы въ бродъ. Въ непріятельскомъ лагерѣ тоже немедленно поднялся шумъ, были выведены слоны, войска подступили къ берегу и до утра ожидали нападенія, которое однако не послѣдовало. Тоже повторялось и въ слѣдующія ночи, и каждый разъ Порогъ видѣлъ себя снова обманутымъ; ему надобно понапрасну заставлять свои войска простаивать ночи подъ дождемъ и вѣтромъ; онъ ограничился тѣмъ, что началъ охранять рѣку съ помощью обыкновенныхъ постовъ.

Правый берегъ рѣки сопровождаетъ рядъ крутыхъ возвышенностей, которыя тянутся на три мили вверхъ по теченію и тамъ переходятъ въ значительныя, покрытыя густымъ лѣсомъ горы, по свѣрному склону которыхъ течетъ небольшая рѣчка, впадающая въ Гидаспъ. На мѣстѣ впаденія этой рѣки Гидаспъ, текущій начиная съ Кашмира и до этого мѣста по направленію къ югу, внезапно и почти подъ прямымъ угломъ мѣняетъ свое направленіе ⁵⁷), и течетъ далѣе на западъ, окаймленный справа рядомъ крутыхъ горъ, а слѣва обширной и плодородной низменностью. Противъ образуемаго горами угла ниже устья вышеупомянутой маленькой рѣчки на рѣкѣ лежитъ высокій и лѣсистый островъ Ямада, выше котораго Гидаспъ пересѣкаетъ обыкновенная дорога въ Кашмиръ. Это-то мѣсто и было выбрано Александромъ для переправы. Начиная отъ лагеря вдоль берега былъ расположенъ рядъ постовъ, находившихся на достаточно близкомъ другъ отъ друга разстояніи, чтобы они могли видѣть и слышать другъ друга; ихъ крики, ихъ ночные дозорные огни, новыя движенія войскъ по близости лагеря должны были бы совершен-

но обмануть непріятеля относительно мѣста предстоящей переправы, еслибы онъ уже не привыкъ не придавать ровно никакого значенія подобнымъ вещамъ. Александръ съ своей стороны, по полученіи извѣстія, что Авизаръ находится на разстояніи только трехъ дней пути, приготовилъ все для нанесенія рѣшительнаго удара. Кра-теръ со своей гипархіей, съ конницей арахозіевъ и паропамиза-довъ, съ фалангами Алкета и Полисперхона и 5000 воиновъ индійскихъ областныхъ государей остался вблизи лагеря; ему было при-казано не трогаться съ мѣста до тѣхъ поръ, пока онъ не увидитъ, что непріятель на томъ берегу или покинулъ свой лагерь, или раз-битъ вблизи его; если же онъ замѣтитъ, что непріятель раздѣляетъ свои боевыя силы, то онъ не долженъ рисковать приступить къ пере-правѣ, пока слоны останутся на берегу противъ него; если же они тоже будутъ двинуты вверхъ по рѣкѣ противъ переправляющихся около острова македонянъ, то онъ немедленно долженъ переправить-ся со всѣмъ своимъ корпусомъ, такъ какъ слоны представляли труд-ности только для успѣшной конной атаки ⁵⁸). Другой корпусъ, со-стоявшій изъ фалангъ Мелеагра, Горгіи и Аттала и пѣшихъ и кон-ныхъ наемниковъ, былъ двинутъ на полторы мили вверхъ по тече-нію съ приказомъ переправиться всѣмъ корпусомъ черезъ рѣку, лишь только они увидятъ, что сраженіе на томъ берегу рѣки началось ⁵⁹). Самъ царь выступилъ изъ лагеря утромъ съ гиппархіями Гефестіо-на, Пердикки и Димитрія, и съ агемой всадниковъ подъ началь-ствомъ Кена, со скиѣскими, бактрскими и согдіанскими всадника-ми, съ дакскими конными стрѣлками, съ хиліархіями гипаснистовъ, съ фалангами Клита и Кена и съ агріанами и стрѣлками. Хотя всѣ эти движенія и были затруднены постояннымъ дождемъ, но въ то же время ускользнули отъ глазъ непріятеля; чтобы быть еще болѣе увѣреннымъ въ своей безопасности, къ выбранному имъ для пере-правы мѣсту царь двинулся позади покрытыхъ лѣсомъ береговыхъ высотъ. Онъ прибылъ туда поздно вечеромъ; здѣсь подъ охраной лѣса уже давно былъ приведенъ въ прежній порядокъ и скрытъ транспортъ распиленныхъ судовъ, доставленныхъ Кеномъ съ Инда; въ шкурахъ и бревнахъ для плотовъ и лодокъ тоже не было не-достатка; ночь была употреблена на приготовленія къ переправѣ, на спускъ на воду судовъ, на наполненіе шкуръ соломой и паклей и на постройку плотовъ; страшный ливень, сопровождаемый вѣтромъ и бурей, препятствовалъ слышать на томъ берегу стукъ оружія и ра-боту плотниковъ; густой лѣсъ на горахъ и на островѣ скрывали дозорные огни македонянъ.

Подъ утро буря наконецъ стихла, дождь пересталъ, и рѣка съ шумомъ катилась мимо высокихъ береговъ острова; войско должно было переправиться выше его; самъ царь въ сопровожденіи тѣлохранителей Птолемея, Пердикки, Лизимаха, Селевка, начальствовавшего надъ «царскими гипаснистами» ⁶⁰), и отборнаго отряда гипаснистовъ, на-ходился на яхтѣ, которая открывала кортежъ; на другихъ яхтахъ слѣдовали за нимъ остальные гипаснисты, а на лодкахъ, челнокахъ, плотахъ и судахъ—конница и пѣхота; всего было 4000 всадниковъ, 1000 конныхъ стрѣлковъ, почти 6000 гипаснистовъ, наконецъ легко

вооруженная пѣхота, агріаны, аконтисты и стрѣлки, численность которыхъ, вѣроятно, доходила до 4000 человекъ. Двѣ фаланги остались на правомъ берегу, чтобы прикрывать дорогу въ Кашмиръ и наблюдать за ней ⁶¹). Яхты уже плыли мимо высокаго и лѣсистаго берега острова; достигнувъ его сѣвернаго угла, они увидѣли всадниковъ непріятельскихъ форпостовъ, которые при видѣ переправляющагося войска быстро понеслись прочь по равнинѣ. Такимъ образомъ непріятельскій берегъ былъ лишенъ защитниковъ и тамъ не было никого, чтобы помѣшать высадкѣ; Александръ явился на берегу первымъ, за нимъ причалили къ берегу другія яхты, скоро за ними послѣдовала копница и остальное войско и все построилось въ походныя колонны, чтобы идти дальше; въ это время обнаружилось, что они находятся на островѣ; своимъ сильнымъ теченіемъ рѣка, русло которой въ этомъ мѣстѣ поворачиваетъ къ западу, размыва низкую полосу земли на берегу и образовала новый, обильный водою рукавъ. Долгое время всадники тщетно и съ опасностью жизни искали брода, воды вездѣ были слишкомъ широки и глубоки; оставалось только привести сюда кругомъ острова суда и плоты; главная опасность заключалась въ томъ, что при сопряженной съ этимъ потерѣ времени непріятель успѣетъ, пожалуй, прислать значительный отрядъ войскъ, который могъ бы сдѣлать высадку трудной, и даже невозможной; тутъ, наконецъ, нашли мѣсто, гдѣ можно было перейти въ бродъ; люди и лошади только съ величайшимъ трудомъ могли держаться противъ сильнаго теченія, иѣвшимъ воинамъ вода доходила по грудь, у лошадей поднимались надъ водой только головы. Постепенно различные отряды достигали берега; войско двинулось сомкнутой линіей, имѣя справа туранскую конницу, рядомъ съ ней македонскіе эскадроны, затѣмъ гинаспистовъ и наконецъ на лѣвомъ крылѣ легкую пѣхоту, и повернуло направо внизъ по берегамъ рѣки въ направленіи къ непріятельскому лагерю. Чтобы не утомлять пѣхоты, Александръ приказалъ ей медленно слѣдовать за собой, а самъ со всею конницей и стрѣлками подъ предводительствомъ Таврона пошелъ въ получасъ разстоянія впереди ея; онъ полагалъ, что, если даже Поръ выступитъ противъ него со всѣмъ своимъ войскомъ, то во главѣ своей отличной и превосходившей силы индусовъ конницы онъ будетъ въ состояніи выдерживать его атаку до прибытія пѣхоты, если же индусы отступятъ, испуганные его внезапнымъ появленіемъ, то его 5000 всадниковъ ему будетъ достаточно для того, чтобы ударить на непріятеля и преслѣдовать его.

Поръ со своей стороны, когда отступившіе форпосты сообщили ему о приближеніи значительныхъ силъ, въ первую минуту подумалъ, что это Авизаръ кашмирскій со своимъ войскомъ; но могъ ли его союзникъ не извѣстить его о своемъ приближеніи и, переправившись черезъ рѣку, не прислать къ нему впередъ извѣщеніе о своемъ благополучномъ прибытіи?—было слишкомъ ясно, что высадившіеся на берегъ были македоняне, что непріятель безпрепятственно и благополучно совершилъ переправу, которая могла бы стоить ему многихъ тысячъ его войска, и что у него нельзя

теперь оспаривать обладаніе берегомъ со стороны Индіи. Между тѣмъ массы войскъ, которыя, какъ они видѣли, были еще выстроены на томъ берегу вверхъ и внизъ по рѣкѣ, повидимому доказывали, что переправившійся черезъ рѣку корпусъ не могъ быть значительнымъ. Поръ долженъ былъ принять всѣ мѣры для того, чтобы отрѣзать и уничтожить его, разъ что онъ переправился; онъ долженъ былъ не теряя времени, приступить къ нападенію, которому такъ благопріятствовали и котораго почти требовали его боевыя колесницы и слоны; вмѣсто этого онъ въ данную минуту заботился только о томъ, чтобы остановить дальнѣйшее движеніе непріятеля и избѣжать всякой рѣшительной встрѣчи до прибытія Авизара. Онъ выслалъ противъ македонянъ своего сына съ двумя тысячами всадниковъ и ста двадцатью колесницами, надѣясь, что и при такихъ силахъ онъ будетъ въ состояніи удержать царя Александра ⁶²).

Увидѣвъ приближеніе этого корпуса по прибрежной равнинѣ, Александръ былъ вполне убѣжденъ въ томъ, что на него идетъ Поръ со всѣмъ своимъ войскомъ и что это лишь его авангардъ; онъ приказалъ своимъ изготавиться къ сраженію; но въ это время онъ замѣтилъ, что за этими всадниками и колесницами не слѣдуетъ никакого другого войска, и тотчасъ же отдалъ приказъ къ атакѣ. Чтобы привести непріятеля въ безпорядокъ и окружить его, на него со всѣхъ сторонъ бросились туранскіе всадники; слѣдомъ за ними понеслись въ атаку македонскіе эскадроны; тщетно старались индусы удержаться или отступить; скоро они, несмотря на отчаянное сопротивленіе, были совершенно разбиты, четыреста воиновъ легко на мѣстѣ и въ томъ числѣ сынъ царя; колесницы, которыя не могли быстро передвигаться по неровной и вязкой почвѣ равнины, попали въ руки македонянъ, которые двинулись теперь впередъ съ удвоенной энергіей.

Остатки разбитаго корпуса принесли въ лагерь извѣстіе о своемъ пораженіи, о смерти царскаго сына и о приближеніи Александра; Поръ слишкомъ поздно понялъ, какого непріятеля онъ имѣетъ передъ собою; было необходимо быстро постараться предотвратить, насколько это еще возможно, послѣдствія полумѣры, которая только ускорила приближеніе опасности. Единственнымъ средствомъ спасенія было броситься теперь на наступающаго непріятеля со всѣмъ своимъ подавляющимъ численностью войскомъ и уничтожить его, не давая ему времени привлечь къ себѣ болѣе войскъ, что лишило бы Пору послѣдняго преимущества, которое онъ еще имѣлъ надъ нимъ; но онъ не могъ лишать прикрытія берегъ противъ македонскаго лагера, такъ какъ въ противномъ случаѣ выстроенное тамъ и вполне готовое къ битвѣ войско могло бы совершить переправу и начать грозить боевой линіи индусовъ съ тылу. Поэтому для наблюденія за движеніями Кратера и для прикрытія берега Поръ оставилъ въ лагерѣ нѣсколько слоновъ и нѣсколько тысячъ воиновъ; а самъ со всею своею конницей, состоявшей изъ 4000 всадниковъ, 300 боевыми колесницами, съ 30000 человекъ пѣхоты и съ 200 слоновъ выступилъ противъ Александра. Обогнувъ справа болотистую равнину, тянувшуюся около рѣки, и достигнувъ чистаго песчанаго поля,

представлявшего одинаковыя удобства и для возможности развернуть его боевыя силы и для движеній его слоновъ, онъ выстроилъ свое войско въ боевой порядокъ по индійскому обычаю: впереди была страшная линія изъ двухсотъ слоновъ, которые, поставленные въ пятидесяти шагахъ другъ отъ друга, занимали почти цѣлую милю пространства ⁶³⁾, позади нихъ была выстроена второй колонной пѣхота отрядами по ста пятидесяти человекъ, каждый между двумя слонами; къ крайнимъ отрядамъ праваго и лѣваго крыла, которые выступали за линію слоновъ, примыкали съ каждой стороны по двѣ тысячи всадниковъ; оба конца этой длинной боевой линіи были прикрыты полтораста колесницами каждый, причемъ на каждой колесницѣ было двое тяжеловооруженныхъ воиновъ, двое стрѣлковъ съ большими луками и двое вооруженныхъ возницъ. Вся сила этой боевой линіи заключалась въ двухстахъ слонахъ, дѣйствіе которыхъ должно было быть тѣмъ ужаснѣе, что конница, на которой Александръ основывалъ свою надежду на побѣду, не была въ состояніи держаться противъ нихъ.

Дѣйствительно, правильно поведенное нападеніе должно было бы уничтожить македонянь; слоны должны были бы броситься на непріятельскую линію и, прикрываемые отдѣльными отрядами пѣхоты, какъ орудія стрѣлками, обратить въ бѣгство конницу и растоптать своими ногами фалангу, а индѣйская конница вмѣстѣ съ боевыми колесницами должна была броситься преслѣдовать бѣгущихъ и отрѣзать имъ возможность бѣжать за рѣку; даже крайне растянутая и далеко выступившая за ряды непріятеля боевая линія могла бы оказаться весьма полезной, еслибы одновременно съ нападеніемъ слоновъ колесницы и всадники обонхъ крыльевъ, сдѣлавъ полуоборотъ, ударили бы во фланги непріятеля; во всякомъ случаѣ Поръ, увидавъ противника передъ собою лицомъ къ лицу, долженъ былъ начать нападеніе, чтобы не предоставить непріятелю преимущества атаки и выбора пункта, гдѣ должно начаться сраженіе. Онъ медилъ; Александръ предупредилъ его и воспользовался всѣмъ съ тою осмотрительностью и смѣлостью, которыя одиѣ только могли составить противовѣсъ численному превосходству непріятеля.

По занимаемому имъ пространству его маленькое войско едва равнялось четвертой части боевой линіи непріятеля съ ея слонами и расположенными на крыльяхъ боевыми колесницами. Здѣсь, какъ и въ своихъ прежнихъ сраженіяхъ, онъ тоже долженъ былъ повести нападеніе косою линіею и ударить со всѣми своими силами въ одну точку; онъ долженъ былъ—а со своими войсками онъ могъ рѣшиться на это—выступить противъ неповоротливой массы непріятеля разсыпнымъ строемъ, броситься на него и затѣмъ, какъ результатъ побѣдоносной атаки отдѣльныхъ частей своего войска, ожидать, что оии снова соединятся въ назначенное время и въ назначенномъ мѣстѣ. Такъ какъ перевѣсъ индусовъ заключался въ слонахъ, то при нанесеніи рѣшительнаго удара необходимо было избѣгать ихъ; этотъ ударъ долженъ былъ быть направленъ противъ наиболѣе слабаго пункта непріятельской линіи и для своего полного успѣха долженъ былъ быть порученъ такой части войска, перевѣсъ

которой былъ несомнѣненъ. У Александра было 5000 человекъ конницы, тогда какъ непріятель имѣлъ на каждомъ крылѣ только около 2000, которымъ раздѣлявшее ихъ значительное пространство не позволяло оказать своевременной поддержки другъ другу, и которые имѣли ненадежную опору только въ 150 колесницахъ, стоявшихъ подлѣ нихъ. Частію военный обычай македонянъ, частію желаніе вести нападеніе возможно ближе къ рѣкѣ, чтобы не быть совершенно отѣсненнымъ отъ расположеннаго по ту сторону рѣки корпуса Кратера, побудили царя предоставить открытъ сраженіе правому крылу. Увидавъ вдали выстроенную боевую линію индусовъ, онъ приказалъ всадникамъ остановиться и подождать, пока не подойдутъ отдѣльныя хиліархіи пѣхоты. Онѣ подходили бѣгомъ, горя желаніемъ помѣриться со врагами; чтобы дать имъ передохнуть и держать непріятеля въ отдаленіи до тѣхъ поръ, пока они не построятся въ боевой порядокъ, непріятеля должны были занимать всадники, то здѣсь, то тамъ нападая на него. Наконецъ линіи пѣхоты были выстроены, справа стали царскіе гипасписты Селевка, затѣмъ агемы и остальные хиліархіи подъ предводительствомъ Таврона; они получили приказъ не принимать участія въ дѣлѣ до тѣхъ поръ, пока не увидятъ, что лѣвое крыло непріятеля опрокинуто атакой всадниковъ и что непріятельская пѣхота второй линіи тоже пришла въ безпорядокъ.

Уже всадники, съ которыми царь думалъ произвести нападеніе, гиппархія Гефестіона и Пердикки и дакскіе стрѣлки, числомъ около 3000 человекъ, быстро двинулись впередъ, дѣлая полуоборотъ направо, между тѣмъ какъ Кенъ съ агемой и гиппархіей Димитрія двинулся еще далѣе направо съ порученіемъ броситься на стоящихъ противъ него непріятельскихъ всадниковъ съ тыла, когда они поскачутъ вправо на помощь своимъ, смятымъ первой атакой ⁶⁴).

Приблизившись на разстояніе полета стрѣлы къ линіи непріятельской конницы, Александръ двинулъ впередъ 1000 даковъ, чтобы привести въ безпорядокъ индійскихъ всадниковъ градомъ стрѣлъ и бурною быстротою ихъ дикихъ коней. Самъ онъ двинулся еще правѣе къ флангу индійскихъ всадниковъ ⁶⁵), чтобы изо всѣхъ силъ ударить на нихъ прежде, чѣмъ они, приведенные въ смущеніе и разстройство атакой даковъ, успѣютъ выстроиться въ линію и двинуться навстрѣчу ему. Видя передъ глазами близкую опасность, непріятель поспѣшилъ собрать своихъ всадниковъ и пустить ихъ въ контръ-атаку ⁶⁶). Но Кенъ тотчасъ же бросился и ударилъ въ тылъ повернувшимъ направо всадникамъ, которые раньше стояли противъ него. Захваченные совершенно врасплохъ и задержанные въ своемъ движеніи этою второй опасностью, индусы, желая дать отпоръ обоимъ отрядамъ всадниковъ, которые одновременно угрожали имъ, сдѣлали попытку образовать фронтъ на двѣ стороны. Александръ воспользовался для атаки моментомъ, когда они строились такимъ образомъ, и лишилъ ихъ этимъ возможности ожидать его атаки; они бросились бѣжать, ища защиты за сильной линіей слоновъ. Тѣмъ временемъ Поръ повернулъ часть этихъ животныхъ и двинулъ ихъ противъ непріятельской конницы; македонскія лошади не могли выносить ихъ хриплаго крика и въ перепугѣ бросились назадъ. Въ это же время

бѣгомъ подоспѣла фаланга гипаспистовъ; на нихъ бросились другіе слоны линіи и завязался ужаснѣйшій бой; эти животныя проникали въ самыя густыя ряды македонянъ, растапывая ихъ своими ногами, съ воємъ повергая ихъ на землю своими хоботами и пробивая своими клыками; каждая рана возбуждала въ нихъ только большую ярость. Македоняне не уступали, отдѣльными кучками они вступали въ единоборство съ исполинскими животными, не достигая никакого другого результата, кромѣ того, что не давали уничтожить себя, или обратиться въ бѣгство. Ободренные нападеніемъ слоновъ, индійскіе всадники, наскоро собравшись и построившись, бросились въ атаку на македонскихъ всадниковъ; но послѣдніе, превосходя ихъ физическою силою и опытностью, отбросили ихъ вторично, такъ что они снова спаслись бѣгствомъ за слоновъ. Теперь ходъ сраженія дозволилъ уже и Кену соединиться съ гиппархіями царя, такъ что вся его конница могла дѣйствовать сомкнутой массой. Она всею своею силою обрушилась на индійскую пѣхоту, которая, не будучи въ состояніи сопротивляться, обращенная въ безпорядочное бѣгство и по пятамъ преслѣдуемая непріятелемъ, съ большими потерями бѣжала къ сражавшимся слонамъ. Такимъ образомъ на ужасной аренѣ битвы слоновъ стѣснились многія тысячи; другъ и недругъ перемѣшались между собою въ тѣсномъ и кровопролитномъ безпорядкѣ; животныя, лишенные по большей части своихъ вожаковъ, испуганныя и возбужденныя дикими криками сражающихся, разъяренныя полученными ими ранами, били и топтали все, что приближалось къ нимъ, друга и недруга. Македоняне имѣли передъ собою все пространство обширной равнины, на которой они могли двигаться свободно въ виду животныхъ, отступать тамъ, гдѣ они бросались на нихъ, стрѣлять въ нихъ и преслѣдовать ихъ, когда они оборачивались, тогда какъ индусы, которымъ приходилось двигаться между ними, не могли ни спрятаться, ни спастись. Тутъ наконецъ Поръ, руководившій сраженіемъ со своего слона, собралъ, какъ говорятъ, сорокъ еще не раненыхъ животныхъ, чтобы двинуться въ бой вмѣстѣ съ ними и такимъ образомъ рѣшить страшную битву; Александръ направилъ противъ нихъ своихъ стрѣлковъ, агріановъ и аконтистовъ, которые со свойственной имъ ловкостью ускользали тамъ, гдѣ уже одичавшія животныя были направляемы противъ нихъ, и издали поражали своими стрѣлами ихъ и ихъ вожаковъ, или же осторожно прокрадывались къ нимъ и перерубали имъ своими топорами жилы на ногахъ. Уже множество слоновъ корчилось въ предсмертныхъ судорогахъ на переполненномъ мертвыми и умирающими полѣ; другіе, рыча отъ безсильнаго гнѣва, еще разъ, шатаясь, бросались на смыкавшую уже свои ряды фалангу, которая ихъ болѣе не боялась.

Тѣмъ временемъ Александръ собралъ своихъ всадниковъ на одномъ концѣ поля битвы, между тѣмъ какъ на другомъ строились гипасписты, шитъ къ шиту. Теперь царь отдалъ приказъ произвести общую атаку на окруженнаго непріятеля, безпорядочную массу котораго должна была раздавить эта произведенная съ двухъ сторонъ атака. Наконецъ всякое сопротивленіе было сломлено; кто могъ, бѣжалъ отъ страшной рѣзни въ глубь страны, въ прірѣчныя болота

и въ лагерь. Уже, слѣдую полученному ими приказу, съ другого берега рѣки переправились Кратеръ и другіе стратеги и высадились на берегъ, не встрѣтивъ никакого сопротивленія; они подошли какъ разъ въ-время для того, чтобы избавить отъ труда преслѣдованія утомленные осмичасовою битвою войска.

Было убито около двадцати тысячъ индусовъ, въ томъ числѣ два сына Пора и раджа Эпитакъ, равно какъ и всѣ предводители пѣхоты и конницы, всѣ возницы и корнаки; три тысячи лошадей и болѣе ста слоновъ легли мертвыми на полѣ битвы, около осьмидесяти слоновъ попало въ руки побѣдителя ⁶⁷⁾. Царь Поръ, видя свое могущество сломленнымъ, своихъ слоновъ побѣжденными, а свое войско окруженнымъ и пришедшимъ въ полный беспорядокъ, искалъ смерти въ бою; долго защищалъ его золотой его панцырь и осторожность несшаго его умнаго животнаго; наконецъ въ его правое плечо ударила стрѣла; не будучи въ состояніи продолжать битву и озабоченный тѣмъ, чтобы не попасться живымъ въ руки враговъ, онъ поверотилъ свое животное, чтобы удалиться изъ свалки. Александръ все время видѣлъ высокую сѣдую фигуру индійскаго царя на роскошно украшенномъ слонѣ, часто показывавшуюся среди самой густой сѣчи, вездѣ отдававшую приказанія и ободрявшую своихъ. Восхищенный храбростью этого государя, онъ бросился за нимъ ⁶⁸⁾, чтобы спасти его жизнь во время бѣгства; въ это время, изнуренный знойнымъ днемъ, подъ нимъ палъ его старый, вѣрный боевой конь Букефаль. Онъ послалъ за бѣгущимъ царя Таксилы. Увидавъ своего стараго врага, Поръ повернулъ свое животное и, собравъ послѣднія силы, метнулъ въ царя дротикомъ, отъ котораго послѣднему удалось увернуться только благодаря быстротѣ своего коня. Александръ послалъ за нимъ другихъ индусовъ и въ томъ числѣ раджу Мероя, бывшаго прежде въ дружбѣ съ царемъ Поромъ. Поръ, изнуренный потерей крови и томимый жгучею жаждой, хладнокровно выслушалъ его, затѣмъ его животное стало на колѣни и тихо поставило его своимъ хоботомъ на землю; онъ напился воды и, отдохнувъ немного, попросилъ раджу Мероя отвести его къ Александру. Когда царь увидѣлъ его идущимъ къ себѣ, онъ поспѣшилъ къ нему навстрѣчу въ сопровожденіи немногихъ изъ своихъ приближенныхъ; онъ былъ пораженъ красотою престарѣлаго государя и благородной гордостью, съ какой тотъ, хотя и побѣжденный, велъ себя относительно его. Послѣ первыхъ привѣтствій Александръ, какъ говорятъ, спросилъ его, какъ бы онъ желалъ, чтобы съ нимъ обходились; «какъ съ царемъ», — былъ отвѣтъ Пора; на это Александръ сказалъ: «я, съ моей стороны, готовъ поступить такимъ образомъ; требуй всего, чего тебѣ будетъ угодно»; и Поръ отвѣчалъ: «въ этомъ одномъ словѣ заключается все ⁶⁹⁾».

Царь отнесся къ побѣжденному по-царски; его великодушіе было самой лучшей политикой. Цѣлью индійскаго похода не служило пріобрѣтеніе непосредственнаго господства надъ Индией. Александръ не могъ стремиться однимъ ударомъ сдѣлать непосредственными членами македонско-персидскаго царства народы, высокая и оригинальная культура которыхъ выступала передъ нимъ тѣмъ великолѣпнѣе, чѣмъ

дальше онъ проникалъ. Но быть повелителемъ всѣхъ земель до Инда, приобрести рѣшительный политическій перевѣсъ и на другомъ его берегу и обезпечить здѣсь эллинистической жизни такое вліяніе, что съ теченіемъ времени даже непосредственное соединеніе Индіи съ остальною Азіею могло бы стать дѣломъ осуществимымъ, — таковы были, повидимому, руководящія начала политики Александра въ Индіи; не народы, но государи должны были зависѣть отъ него. Прежнее положеніе Пора въ пятирѣчьи Инда могло служить масштабомъ для политики Александра. До сихъ поръ, очевидно, Поръ или имѣлъ въ своихъ рукахъ принципатъ въ области пяти рѣкъ, или добивался его, и этимъ-то именно и возбудилъ зависть въ раджѣ Таксилы; хотя его государство обнимало собственно только дошедшія до высокой степени культуры равнины между Гидаспомъ и Акезипомъ, но его племянникъ Спитакъ и его двоюродный внукъ Поръ, вѣроятно, отъ него получили свои владѣнія на западномъ берегу Гидаспа и на востокъ отъ Акезина въ Гандаритидѣ ⁷⁰⁾, такъ что область его политическаго вліянія простиралась къ востоку до Гиаротиды, составлявшей границу съ независимыми народами Индіи; мало того, заключивъ союзъ съ Авизаромъ, онъ осмѣлился протянуть свою руку даже къ ихъ землямъ и, хотя всѣ его старанія и разбились о мужество этихъ племенъ, но онъ сохранилъ за собою рѣшительное вліяніе въ земляхъ по Инду. Александръ уже значительно увеличилъ государство Таксилы; онъ не могъ основывать всѣхъ своихъ расчетовъ на вѣрности одного государя; подчинить всю страну пяти рѣкъ скипетру союзнаго государя было бы самымъ вѣрнымъ путемъ къ тому, чтобы сдѣлать для него тягостной зависимость отъ Александра и дать ему въ руки средства избавиться отъ нея, тѣмъ болѣе, что старая вражда къ раджѣ Пора легко дозволила бы ему найти себѣ союзниковъ среди независимыхъ племенъ. Александръ не могъ построить своего вліянія въ Индіи на болѣе прочномъ основаніи, чѣмъ на соперничествѣ этихъ двухъ государей. Кромѣ того, признавая Пора государемъ, онъ этимъ самымъ приобреталъ право напасть на жившіе еще восточнѣе народы, какъ на враговъ своего новаго союзника, и на ихъ покореніи основать свое дальнѣйшее вліяніе въ этихъ земляхъ; онъ долженъ былъ настолько увеличить могущество Пора, чтобы оно могло отнынѣ составлять противовѣсъ государю Таксилы, онъ долженъ былъ даже укрѣпить за нимъ еще большее могущество и даровать ему даже господство надъ его прежними противниками, такъ какъ отнынѣ Поръ могъ находить свое право и свою опору противъ нихъ и противъ Таксилы только въ милости македонскаго царя.

Таковы были приблизительно причины, побудившія Александра послѣ побѣды при Гидаспѣ не только утвердить за Поромъ его владѣнія, но даже значительно увеличить ихъ ⁷¹⁾. Онъ ограничился тѣмъ, что основалъ эллинистическіе города на двухъ наиболѣе важныхъ пунктахъ переправы черезъ Гидаспъ; одинъ изъ нихъ, выстроенный на томъ мѣстѣ, гдѣ къ рѣкѣ спускается ведущая изъ Кашмира дорога и гдѣ сами македоняне переправились въ землю Пора, получилъ свое имя отъ Букефала, другой, миляхъ въ двухъ ниже по рѣкѣ,

гдѣ было дано сраженіе, былъ названъ Никеей⁷²). Александръ далъ своему войску тридцатидневный отдыхъ въ этой прекрасной и богатой мѣстности; погребеніе павшихъ въ бою, побѣдныя жертвоприношенія, соединенныя съ различными играми, закладка двухъ новыхъ городовъ съ избыткомъ наполнили это время.

Самого царя занимали различныя распоряженія, которыми онъ желалъ обезпечить за собою послѣдствія побѣды. Всего важнѣе было установить политическія отношенія съ раджей Авизаромъ, который, несмотря на скрѣпленные клятвой договоры, намѣревался принять участіе въ борьбѣ противъ Александра. Въ это время отъ Сизикотта, коменданта Аорна, пришло извѣстіе, что Ассакенцы возмутились и умертвили назначеннаго имъ Александромъ государя; прежнія сношенія этого племени съ Авизаромъ и его очевидное вѣроломство дѣлали только слишкомъ вѣроятнымъ то, что эти опасныя движенія не обходятся безъ его участія; сатрапъ Паропамиза Тиріаспъ и сатрапъ Индіи Филиппъ получили приказъ выступить со своими войсками для подавленія возстанія. Около этого времени къ Александру прибыло посольство отъ Пора, раджи Гандаритилы, «трусливаго Пора», какъ его называли греки, который, повидимому, желалъ, чтобы ему зачли въ заслугу то, что онъ не поддержалъ противъ Александра своего царственнаго родственника и покровителя, и который считалъ настоящій случай благопріятнымъ для того, чтобы, изъявивъ покорность Александру, стряхнуть съ себя тягостную зависимость отъ своего престарѣлаго родственника. Какъ должны были изумиться послы, когда они увидѣли того же самаго государя, котораго они ожидали видѣть, по меньшей мѣрѣ, въ цѣпяхъ у ногъ своего побѣдителя, сидящимъ рядомъ съ Александромъ въ величайшемъ почетѣ и сохранившимъ за собою всѣ свои владѣнія; вѣроятно, отвѣтъ, который они получили отъ великодушнаго царя для передачи своему государю, былъ не особенно благопріятенъ. Болѣе благосклонно были приняты тѣ изъявленія покорности сосѣднихъ независимыхъ племенъ, которыя принесли ихъ посольства вмѣстѣ съ богатыми дарами; они добровольно подчинялись царю, передъ могуществомъ котораго долженъ былъ преклониться могущественнѣйшій государь пятирѣчья.

Тѣмъ необходимѣе было силою оружія заставить покориться другихъ, которыя еще колебались. Кромѣ того, Авизаръ, несмотря на свое очевидное отпаденіе, разсчитывая, вѣроятно, на защищенное горами положеніе своего государства, не прислалъ пословъ и не сдѣлалъ ровно ничего для того, чтобы оправдать себя передъ Александромъ; походъ въ горы долженъ былъ заставить покориться горныя племена и въ то же время напомнить объ опасности и долгѣ вѣроломному государю. Послѣ тридцатидневнаго отдыха Александръ выступилъ съ береговъ Гидаспа, оставивъ Кратера съ большою частью войска заканчивать постройку обоихъ городовъ. Сопровождаемый государями Таксилемъ и Поромъ, половиной македонской конницы, отборными воинами изъ всѣхъ частей пѣхоты и большею частью легковооруженныхъ войскъ, къ которымъ были присоединены приведенные какъ разъ теперь сатрапомъ Парөи и Гирканіи, Фратаферномъ, өракіяцы, которые были у него оставлены, Александръ двинулся къ сѣверо-востоку

противъ Главзовъ или Главканиковъ, какъ ихъ называли греки, жившихъ въ поросшихъ густыми лѣсами предгорьяхъ выше равнины, открывая себѣ этимъ движеніемъ въ то же самое время горную дорогу въ Кашмиръ. Теперь только Авизаръ, быстро измѣнивъ свою политику, поспѣшилъ просить прощенья у царя; приславъ посольство, во главѣ котораго стоялъ его братъ, онъ предавалъ себя и свое государство милости Александра: онъ засвидѣтельствоvalъ свою преданность, приславъ ему въ подарокъ сорокъ слоновъ. Александръ не въриль его прекраснымъ словамъ; онъ потребовалъ, чтобы Авизаръ немедленно лично явился предъ нимъ, грозя, что въ противномъ случаѣ онъ самъ придетъ къ нему во главѣ македонскаго войска ⁷³). Онъ двинулся далѣе въ горы. Главзы покорились; ихъ густо населенная область — она насчитывала въ себѣ 37 городовъ, изъ которыхъ ни одинъ не имѣлъ менѣе 5000 жителей, а многіе болѣе 10000, и кромѣ того большое количество деревень и мѣстечекъ — были отданы царю Пору ⁷⁴). Лѣса въ этихъ мѣстахъ съ избыткомъ доставили то, чего желалъ Александръ; онъ приказалъ рубить множество деревьевъ и сплавлять ихъ въ Букефалу и Никею, гдѣ подъ надзоромъ Кратера долженъ былъ строиться большой рѣчной флотъ, на которомъ послѣ покоренія Индіи онъ думалъ спуститься по Инду къ морю ⁷⁵).

Войско двинулось на востокъ къ Акезину ⁷⁶); Александръ получилъ извѣстіе, что раджа Гандаритиды, Поръ ⁷⁷), обезпечивъ дружественнымъ отношеніемъ, установившимся между его двоюроднымъ дѣдомъ и Александромъ и сомнѣваясь въ возможности получить прошеніе за грязные мотивы своей покорности, собралъ, сколько могъ, вооруженныхъ воиновъ и сокровищъ и бѣжалъ къ Гангу. Достигнувъ береговъ широкаго Акезина, Александръ отослалъ назадъ въ его землю царя Пору съ порученіемъ набрать войско и вести его вслѣдъ за нимъ со всеми слонами, которые еще годны къ битвѣ послѣ сраженія при Гидаспѣ. Самъ Александръ переправился со своимъ войскомъ черезъ рѣку, которая въ своемъ разливѣ достигла почти трехъ четвертей часа ширины ⁷⁸), катилась по опасному своимъ камнями и выступами скалъ ложу и погубила своимъ стремительнымъ, полнымъ водоворотовъ, теченіемъ многихъ переправлявшихся на челнокахъ; благополучіе произошла переправа на шкурахъ отъ шатровъ. Здѣсь на лѣвомъ берегу остался Кенъ со своей фалангой, чтобы слѣдить за переправой шедшихъ сзади частей войскъ и доставлять изъ земель Пора и Таксилы все нужное для прокормленія главной арміи. Самъ Александръ, не встрѣчая сопротивленія, двинулся далѣе къ востоку черезъ сѣверныя части Гандаритиды въ надеждѣ, что успеетъ еще догнать вѣроломнаго Пору; на главныхъ пунктахъ онъ оставилъ гарнизоны, которые должны были ожидать шедшіе сзади корпуса Кратера и Кена. Достигнувъ береговъ Гiarота, пограничной рѣки Гандаритиды съ востока, Александръ отправилъ къ югу, съ двумя фалангами, съ его гиппархіей и съ гиппархіей Димитрія и съ половиной стрѣлковъ, Гефестіона, который долженъ былъ пройти по государству бѣжавшаго государя отъ начала до конца, подчинить себѣ жившіе между Гiarотомъ и Акезиномъ пе-

зависимыя племена, основать около большой дороги на лѣвомъ берегу Акезина городъ и передать всѣ эти земли вѣрному Пору. Самъ Александръ съ главными силами перешелъ черезъ эту менѣ трудную для переправы рѣку, и вступилъ теперь въ земли такъ-называемыхъ независимыхъ индусовъ.

Замѣчательное и основанное на своеобразныхъ условіяхъ природы Пенджаба явленіе составляетъ то, что здѣсь во всѣ времена, хотя и подъ различными именами, образовались и существовали республиканскія государства, составлявшія предметъ ужаса для всеобщаго деспотизма Азіи и для правовѣрнаго индуса области Ганга; панджанадовъ онъ съ презрѣніемъ пазываетъ *arattas*, неимѣющими царей; даже и ихъ государи, когда они есть у нихъ, не принадлежатъ къ старинной и священной кастѣ, не имѣютъ исконныхъ правъ, а являются узурпаторами. Можетъ почти показаться, что даже и царская власть Пора носила этотъ характеръ ⁷⁹⁾; но его попытка, подчинить своей власти всю лишенную царей Индію разбилась о сопротивление жившихъ по ту сторону Гіарота воинственныхъ и могущественныхъ племенъ; для побѣды надъ ними необходимо было европейское оружіе. Только немногіе изъ нихъ покорились, не пытаясь бороться; большинство ожидало непріятеля съ оружіемъ въ рукахъ; къ числу послѣднихъ принадлежали каеи или кавары, которые, пользуясь славой самаго воинственнаго племени страны, не только сами приготовились къ войнѣ наилучшимъ образомъ, но и призвали къ оружію и убѣдили примкнуть къ себѣ также и независимыя сосѣднія племена ⁸⁰⁾.

При вѣсти объ ихъ вооруженіяхъ Александръ двинулся къ востоку черезъ земли адрестовъ, которые подчинились ему добровольно ⁸¹⁾; на третій день онъ приблизился къ столицѣ каеевъ, Сангалъ; это былъ городъ значительнаго объема, окруженный крѣпкими стѣнами, съ одной стороны онъ былъ защищенъ озеромъ, а съ другой на нѣкоторомъ разстояніи отъ воротъ поднимался горный кряжъ, господствовавшій надъ равниной; каеи и ихъ союзники укрѣпились на этой горѣ, насколько могли, окружили ее тройнымъ рядомъ сдвинутыхъ другъ съ другомъ боевыхъ колесницъ, а сами стали лагеремъ внутри этого крѣпкаго, составленнаго изъ колесницъ укрѣпленія; находясь сами въ нападенія, они быстро и со значительной силой могли встрѣтить каждое движеніе непріятеля. Александръ понялъ весь опасный характеръ такой позиціи, вполне соотвѣтствовавшій разсказамъ о смѣлости и боевой ловкости этого народа, но чѣмъ болѣе онъ могъ ожидать отъ нихъ нечаяннаго нападенія и какого-либо рискованнаго тыла, тѣмъ быстрѣе онъ считалъ необходимымъ приступить къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ.

Онъ немедленно двинулъ впередъ конныхъ стрѣлковъ, которые должны были кружиться около непріятеля и обстрѣливать его, лишая его такимъ образомъ возможности произвести вылазку противъ неуспѣвшихъ еще построиться въ боевой порядокъ войскъ. Тѣмъ временемъ на правое крыло были двинуты агема конницы и гиппархія Клита, гипасисты и агріаны, а на лѣвое фаланги и гиппархія Пердикки, который командовалъ лѣвымъ крыломъ; стрѣлки были рас-

предѣлены по обѣимъ крыльямъ. Пока они строились, подошелъ и аррьергардъ; всадники его были распределены по обоимъ флангамъ, а пѣхота была употреблена для того, чтобы придать болѣе плотности фалангѣ. Александръ тотчасъ же началъ атаку; онъ замѣтилъ, что у непріятеля на лѣвой сторонѣ рядъ колесницъ былъ менѣе нло-тенъ и что мѣстность была болѣе свободна; сильной конной атакой противъ этого слабаго пункта онъ надѣялся заставить непріятеля произвести вылазку, при которой рядъ колесницъ раздвинулся бы. Онъ бросился на это мѣсто во главѣ своихъ двухъ гиппархій; непріятельскія колесницы остались стоять сомкнутой линіей, градъ дро-тиковъ и стрѣлъ встрѣтилъ македонскихъ всадниковъ, которые, ко-нечно, не были тѣмъ войскомъ, которое могло бы штурмовать или брать приступомъ составленное изъ колесницъ укрѣпленіе. Алек-сандръ соскочилъ съ коня, сталъ во главѣ подошедшей между тѣмъ пѣхоты и повелъ ее въ атаку. Индусы были отброшены безъ боль-шого труда; они отступили за второй рядъ колесницъ, гдѣ могли сражаться съ большимъ уенѣхомъ, такъ какъ меньшій кругъ, кото-рый они должны были защищать, давалъ имъ возможность сомкнуться плотнѣе и сосредоточить на каждомъ пунктѣ большее количество вои-новъ; для македонянъ атака была вдвойнѣ затруднена тѣмъ, что они должны были сначала убрать, наваливая ихъ другъ на друга, колесницы и осколки колесницъ уже взятаго ими приступомъ кольца, чтобы затѣмъ отдѣльными кучками проникнуть впередъ между ними; завязался кровопролитный бой, и храбрость македонянъ должна была выдержать жестокое испытаніе противъ опытнаго въ военномъ дѣлѣ п сражавшагося съ величайшимъ ожесточеніемъ непріятеля. Но когда п эта линія колесницъ была прорвана, каеи отчаялись въ томъ, что имъ удастся удержаться противъ такого страшнаго противника еще за третьей линіей; послѣднимъ бѣгствомъ они спаслись за стѣны своего города.

Александръ еще въ тотъ же самый день окружилъ городъ своею пѣхотой, за исключеніемъ одного мѣста, на которомъ лежало не осо-бенно глубокое озеро; это послѣднее онъ окружилъ своими всадни-ками, полагая, что каеи, пораженные исходомъ этого дня, попы-таются въ тишинѣ ночи бѣжать изъ своего города и изберутъ себѣ путь черезъ озеро. Его предположеніе оказалось справедливымъ. Около второй стражи ночи конные посты замѣтили большое стеченіе народа по ту сторону городской стѣны, скоро индусы начали пере-ходить въ бродъ озеро, нытаясь достигнуть берега и затѣмъ бѣжать дальше. Они были пойманы и изрублены всадниками; остальные съ крикомъ бросились обратно въ городъ; остатокъ ночи прошелъ спокойно.

На слѣдующее утро Александръ велѣлъ приступить къ осаднымъ работамъ; отъ береговъ озера кругомъ города и снова до береговъ озера былъ проведенъ двойной валъ; само озеро было окружено двойною линією постовъ; были устроены черепахи и тараны, кото-рые должны были работать противъ стѣнъ и пробивать въ нихъ бреши. Въ это время перебѣжчики изъ города принесли извѣстіе, что осажденные хотятъ слѣдующею ночью произвести вылазку; они

думаютъ прорваться со стороны озера, гдѣ въ линіи валовъ находится перерывъ. Чтобы помѣшать исполненію непріателемъ своего плана царь приказалъ тремъ хиліархіямъ гипасистовъ, всѣмъ агріанамъ и такесу стрѣлковъ подъ предводительствомъ тѣлохранителя Птолемея занять то мѣсто, гдѣ почти навѣрное можно было ожидать непріателя; онъ приказалъ ему, если варвары произведутъ вылазку, сопротивляться имъ изо всѣхъ силъ и въ то же время приказать трубить тревогу, чтобы остальные войска могли тотчасъ же выступить и спѣшить въ битву. Птолемей неотложно поспѣшилъ занять свою позицію и по возможности лучше укрѣпиться на ней; онъ велѣлъ привезти сюда какъ можно болѣе уцѣлѣвшихъ еще отъ вчерашняго дня колесницъ и выставить ихъ косою линіею и навалить во многихъ мѣстахъ между стѣною и озеромъ оставшіеся еще не вбитыми колья, чтобы преградить бѣгущему въ темнотѣ ночи непріателю знакомыя ему дороги. За этими работами прошла большая часть ночи. Наконецъ, около четвертой ночной стражи открылись ведущія къ озеру ворота города, и враги густою толпою повалили изъ нихъ; Птолемей немедленно приказалъ трубить тревогу и въ то же время двинулся на нихъ со своими стоявшими уже наготовѣ людьми. Пока индусы еще пролагали себѣ путь между колесницами и кучами кольевъ, Птолемей со своими людьми былъ уже посреди нихъ и послѣ долгой и беспорядочной борьбы они увидѣли себя принужденными бѣжать обратно въ городъ.

Такимъ образомъ индусамъ былъ отрѣзанъ всякій путь къ бѣгству. Въ это время возвратился Поръ, приведя съ собою остальныхъ слоновъ и 5000 индусовъ. Осадныя машины были готовы и подвезены къ стѣнамъ; во многихъ мѣстахъ были произведены подкопы и такъ удачно, что скоро тамъ п сямъ образовались бреши. Наконецъ къ стѣнамъ были приставлены лѣстницы и городъ былъ взятъ штурмомъ; только немногимъ изъ осажденныхъ удалось спастись, значительно большее количество ихъ было перебито на улицахъ города озлобленными македонянами; говорятъ, что число убитыхъ доходитъ до 17000, что не лишено вѣроятія, такъ какъ Александръ, чтобы сдѣлать возможнымъ покореніе этого воинственнаго племени, отдалъ строгій приказъ убивать всѣхъ вооруженныхъ; 70000 плѣнныхъ, о которыхъ упоминаютъ наши источники, составляли, повидимому, остальное населеніе этого индійскаго города. Сами македоняне насчитывали у себя около 100 убитыхъ и необыкновенно большое количество раненыхъ, а именно 1200 человекъ, въ числѣ которыхъ находились тѣлохранитель Лизимахъ и множество другихъ офицеровъ ⁸²⁾.

Тотчасъ же послѣ взятія города штурмомъ Александръ послалъ къ двумъ другимъ находившимся въ союзѣ съ каеями городамъ кардіанца Эмена при 300 всадникахъ съ вѣстью о паденіи Сангалы и съ предложеніемъ сдаться; если они добровольно подчинятся царю, то имъ нечего будетъ бояться, какъ и многимъ другимъ индусамъ, которые начинаютъ понимать, что дружба съ македонянами составляетъ для нихъ истинное благо. Но бѣжавшіе изъ Сангалы принесли съ собою страшныя вѣсти о жестокости Александра

и о кровожадности его солдатъ; въ дружественныя слова завоевателя не вѣрилъ никто, жители обоихъ городовъ бросились искать спасенія въ поспѣшномъ бѣгствѣ, захвативъ съ собою столько имущества, сколько они могли унести. При вѣсти объ этомъ Александръ быстро выступилъ изъ Сангалы преслѣдовать бѣгущихъ; но они опередили его на слишкомъ большое разстояніе, и въ его руки попали и были перебиты только нѣсколько сотъ человѣкъ, оставшихъ отъ усталости. Царь возвратился въ Сангалу; городъ былъ сравненъ съ землею, а его земли были раздѣлены между сосѣдними племенами, которыя покорились добровольно и въ городахъ которыхъ были поставлены гарнизоны, отвести которые туда было поручено Пору.

Послѣ страшнаго наказанія Сангалы и ужаса, распространеннаго преувеличенными слухами о дикой жестокости чужеземнаго завоевателя, Александръ тѣмъ дѣйствительнѣе умѣлъ успокоивать умы своею кротостью и великодушіемъ тамъ, гдѣ къ этому представлялся случай. Скоро дальнѣйшая борьба была уже болѣе ненужна; куда онъ ни приходилъ, населеніе покорялось ему. Тогда онъ вступилъ въ область раджи Сопиеа ⁸³⁾, государство котораго обнимало собою первыя горныя цѣпи Имая и залежи каменной соли у истоковъ Гифазиса. Войско приблизилось къ царской резиденціи, въ которой, какъ было извѣстно, находился Сопионъ; ворота были заперты, на бастіонахъ и башняхъ стѣнъ не было ни одного вооруженнаго воина; было неизвѣстно, покинуть ли городъ, или приходится страшиться измѣны. Въ это время ворота открылись; окруженный пестрымъ и блестящимъ штатомъ индійскихъ государей, одѣтый въ свѣтлыя одежды, обвѣшанный нитками жемчуга, драгоценными каменьями и золотыми украшениями, сопровождаемый громомъ музыки и богатою свитой, раджа Сопионъ вышелъ навстрѣчу царю и, поднеся ему множество дорогихъ даровъ, между которыми находилась стая тигровыхъ собакъ, изъявилъ ему свою покорность; его царство было ему оставлено и, какъ кажется, увеличено ⁸⁴⁾. Затѣмъ Александръ двинулся далѣе въ сосѣднюю область раджи Фегея ⁸⁵⁾; послѣдній тоже поспѣшилъ изъявить ему свою покорность и принести свои дары; онъ былъ оставленъ владѣть своимъ государствомъ. Это была самая восточная земля, въ которую суждено было вступить Александру въ своемъ побѣдномъ шествіи.

Историческое преданіе замѣчательнымъ образомъ затмило этотъ пунктъ исторіи Александра. Даже въ томъ, что касается внѣшнихъ операций, мы имѣемъ лишь недостаточныя и противорѣчивыя свѣдѣнія; многіе македоняне писали на родину о невѣроятныхъ вѣщахъ; Кратеръ, какъ говорятъ, написалъ своей матери, что они проникли до Ганга и видѣли эту громадную рѣку, перепеленную акулами и волновавшуюся какъ море ⁸⁶⁾. Другіе согласно съ истинною называли конечнымъ пунктомъ македонскаго похода Гифазисъ; но, чтобы объяснить какимъ-нибудь образомъ, почему завоеванію былъ положенъ здѣсь предѣлъ, они привели послѣдній поводъ къ тому, чтобы повернуть обратно, въ связь съ такими причинами, относительно цѣны которыхъ насъ не должны обманывать ни обычная правдивость

историковъ древности, ни безусловная вѣра, съ которой къ нимъ относились въ теченіе двухъ тысячелѣтій.

Александръ, какъ рассказываютъ ⁸⁷⁾, проникъ до береговъ Гифазиса съ намѣреніемъ покорить земли также и по ту сторону, такъ какъ ему казалось, что война все еще не кончена, пока хотя гдѣ-нибудь существуютъ враги. Здѣсь онъ узналъ, что за Гифазисомъ находится богатая страна, въ которой живетъ народъ, прилежно воздѣлывающій поля, воинственный, мужественный и имѣющій отличное законодательство; знатные правятъ тамъ народомъ, не угнетая и любя его; боевые слоны тамъ сильнѣе, свирѣпѣе и многочисленнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ Индіи. Все это возбудило въ царѣ желаніе проникнуть далѣе. Но македоняне съ тревогой видѣли, какъ ихъ царь нагромождаетъ труды на труды, опасности на опасности; они начали то здѣсь, то тамъ собираться въ лагерѣ, жаловались на свою печальную судьбу и клялись другъ другу, что не пойдутъ далѣе, даже если Александръ будетъ имъ приказывать. Когда царь узналъ это, то, не давая беспорядку и упадку духа распространиться въ войскахъ, онъ нспѣшилъ призвать къ себѣ «предводителей такисовъ ⁸⁸⁾». «Такъ какъ они», — такъ сказалъ онъ, — «не желаютъ слѣдовать за нимъ далѣе, раздѣлая его желанія, то онъ призвалъ ихъ для того, чтобы или убѣдить ихъ въ пользѣ дальнѣйшаго похода, или быть убѣжденнымъ ими и возвратиться домой; если прежнія войны и его предводительство кажутся имъ заслуживающими упрека, то ему нечего болѣе говорить; для мужественнаго человѣка онъ не знаетъ другой цѣли борьбы, кромѣ самой борьбы; если кто-нибудь желаетъ знать конечный пунктъ его походовъ, то онъ можетъ сказать имъ, что до Ганга, до моря на востокъ уже теперь недалеко; тамъ онъ покажетъ своимъ македонянамъ морской путь къ гирканскому, къ персидскому морю, къ берегу Ливіи и къ геркулесовымъ столбамъ; границы, которыя богъ далъ этому міру, должны быть границами македонскаго царства; но теперь между противоположнымъ берегомъ Гифазиса и восточнымъ моремъ еще предстоитъ покорить не одинъ народъ, а за ними до самаго гирканскаго моря еще бродятъ независимыя орды скивовъ; неужели македоняне боятся опасностей? неужели они забываютъ о своей славѣ и о надеждѣ? Потомъ, когда міръ будетъ покоренъ, онъ приведетъ ихъ обратно въ Македонію, богатыми имуществомъ, славой и воспоминаніями».

Продолжительное молчаніе послѣдовало за этой рѣчью Александра, никто не рѣшался ни возражать, ни соглашаться; тишето царь не разъ приглашалъ ихъ говорить, заявляя, что онъ готовъ выслушать даже противное мнѣніе. Македоняне долго молчали; наконецъ поднялся Кенъ, сынъ Полемократа, стратигъ элиміатійской фаланги, который отличался такъ часто и еще недавно отличился въ сраженіи при Гидаспѣ. «Царь», — сказалъ онъ, — «желаетъ, чтобы войско слѣдовало не столько его приказаніямъ, сколько своему собственному убѣжденію; поэтому онъ будетъ говорить не за себя и предводителей, которые готовы на все, но за массу войска, и не для того, чтобы угодить ей, но чтобы сказать самому царю, какой путь для

него, и теперь, и въ будущемъ будетъ самымъ вѣрнымъ; его годы ⁸⁹⁾, его раны, довѣріе царя даютъ ему право говорить прямо; чѣмъ болѣе свершили Александръ и его войско, тѣмъ необходимѣе положить, наконецъ, этому предѣлъ; тѣ изъ старыхъ воиновъ, которые еще остались въ живыхъ, немогіе въ войскѣ, а другіе, разбѣянные по городамъ, мечтаютъ вернуться на родину, къ отцу и матери, къ женѣ и дѣтямъ; тамъ желаютъ они прожить закатъ своей жизни, окруженные близкими, вспоминая о своей богатой подвигами жизни, наслаждаясь славой и богатствомъ, которыя раздѣлилъ съ ними Александръ; такое войско не должно посылаться на новыя войны, пусть Александръ ведетъ его домой, гдѣ онъ увидится со своею матерью и украситъ храмы родины трофеями; если онъ жаждетъ новыхъ подвиговъ, онъ спарядитъ новое войско и двинется съ нимъ въ Индію или Ливію, къ морю на востокъ, или за него къ геркулесовымъ столбамъ и милосердые боги даруютъ ему новыя побѣды; но лучший даръ боговъ есть умѣренность въ счастіи; не враговъ долженъ онъ бояться, по боговъ и ихъ предопредѣленія». Кенъ окончилъ свою рѣчь среди всеобщаго волненія; многіе не могли удержаться отъ слезъ; видно было, насколько сердце ихъ было полно мыслью о возвращеніи на родину. Недовольный словами стратига и встрѣченнымъ ими сочувствіемъ, Александръ распустилъ собраніе. На слѣдующій день онъ снова созвалъ его; «скоро», — сказалъ онъ, — «онъ двинется далѣе, онъ не будетъ принуждать ни одного македонянина слѣдовать за нимъ, у него осталось еще достаточно храбрецовъ, которые жаждутъ новыхъ подвиговъ, остальные же могутъ идти на родину, онъ это имъ позволяетъ; пусть они расскажутъ у себя на родинѣ, какъ они покинули своего царя посреди вражеской земли». Съ этими словами онъ оставилъ собраніе и удалился въ свой шатеръ; три дня не показывался онъ македонянамъ; онъ ожидалъ, что настроеніе войска переѣнится, что армія рѣшится продолжать походъ далѣе.

Македонянамъ было тяжело чувствовать немилость царя, но они не измѣнили своего рѣшенія. Несмотря на это, на четвертый день царь принесъ жертву на берегахъ рѣки, чтобы освятить переправу; примѣты жертвы были неблагопріятны; тогда онъ призвалъ къ себѣ старѣйшихъ и преданнѣйшихъ ему этеровъ и объявилъ имъ, а черезъ нихъ и всему войску, что онъ рѣшился возвратиться на родину. Македоняне плакали и смѣялись отъ радости, они столпились кругомъ шатра царя и громко славили его за то, что онъ, всегда непобѣдимый, позволилъ побѣдить себя своимъ македонянамъ.

Таковъ рассказъ Арріана ⁹⁰⁾; у Курція и Діодора ⁹¹⁾ онъ измѣненъ и дополненъ нѣкоторыми побочными обстоятельствами реторическаго характера, если можно такъ выразиться; по ихъ словамъ, Александръ, чтобы склонить свои войска продолжать походъ далѣе, послалъ ихъ на грабежъ въ богатыя земли по берегамъ Гифазиса, то есть въ дружественное государство Фегея, а во время отсутствія войскъ подарилъ женамъ и дѣтямъ солдатъ платья и разные запасы и кромѣ того мѣсячный окладъ жалованья; затѣмъ онъ созвалъ возвращавшихся съ добычею солдатъ на собраніе и обсудилъ важный вопросъ о продолженіи похода не въ военномъ совѣтѣ, но передъ всѣмъ войскомъ въ совокупности.

Страбонъ говоритъ: «Александръ былъ побужденъ повернуть назадъ нѣкоторыми священными примѣтами, настроеніемъ войска, отказавшагося продолжать походъ вслѣдствіе громаднхъ трудовъ, уже перенесенныхъ имъ, но главнымъ образомъ тѣмъ, что оно сильно пострадало отъ непрерывныхъ дождей ⁹²⁾». Мы не должны унустать изъ виду всего огромнаго значенія этого послѣдняго пункта, чтобы понять поворотъ назадъ отъ береговъ Гифазиса. Клитархъ, котораго мы узнаемъ въ словахъ Діодора, въ живыхъ образахъ изображаетъ жалкое положеніе арміи: «немного македонянъ»,—говоритъ онъ,—«осталось въ живыхъ и эти оставшіеся были близки къ отчаянію, копыта лошадей были стерты далекими походами, множество сражений притушило и сокрушило оружіе воиновъ; никто не имѣлъ болѣе греческаго платья, лохмотья варварской и индійской добычи, кое-какъ сшитыя другъ съ другомъ, прикрывали эти покрытыя шрамами тѣла завоевателей вселенной; уже семьдесятъ дней съ неба падали страшнѣйшіе дожди, сопровождаемые вихрями и бурами». Дѣйствительно, именно теперь были въ полномъ разгарѣ пешекали, тропическіе дожди, сопровождаемые разливами рѣкъ; представимъ себѣ, какъ должно было страдать западное войско, уже три мѣсяца бывшее въ лагерѣ или на походѣ, отъ этой ужасной погоды, отъ туманной сырости этого непривычнаго климата, отъ неизбѣжнаго недостатка въ одеждѣ и въ обыкновенныхъ средствахъ къ жизни, сколько людей и лошадей должна была уносить эта ногада и вызванныя ею болѣзни ⁹³⁾, какъ наконецъ вмѣстѣ съ физическими силами должна была сломить и нравственныя силы войска распространившаяся болѣзненность, постоянныя муки, причиняемыя непогодой, лишеніями, дурными дорогами и безконечными передвиженіями, страшное распространеніе нужды, смертности и отчаянія,—и намъ станетъ понятно, что въ этомъ, всегда полномъ такой воинственности и такого энтузіазма, войскъ могли распространиться недовольство, тоска по родинѣ, упадокъ силъ и апатія, и что общимъ и единственнымъ желаніемъ могло быть только одно—имѣть далеко позади себя эту страну прежде, чѣмъ второй разъ наступятъ страшные мѣсяцы тропическихъ дождей. И если Александръ не выступилъ съ безпощадной строгостью противъ этого настроенія войска и противъ его отказа слѣдовать за нимъ далѣе, если, вмѣсто того, чтобы сломить и наказать его всѣми средствами воинской дисциплины, онъ уступилъ ему наконецъ, то этотъ фактъ является доказательствомъ того, что въ основѣ такого отказа лежалъ не духъ недовольства и ненависти къ царю, но что онъ былъ только весьма понятнымъ послѣдствіемъ этихъ безконечныхъ страданій за послѣдніе три мѣсяца.

Все-таки, какъ кажется, Александръ имѣлъ желаніе пройти со своимъ побѣдоноснымъ войскомъ до Ганга и до береговъ восточнаго моря. Съ меньшими шансами на достовѣрность можно опредѣлить причины, побуждавшія его къ этому. Быть можетъ, то были рассказы о колоссальномъ могуществѣ государей Ганга, о безконечныхъ со-кровищахъ тамошнихъ столицъ и о всѣхъ чудесахъ далекаго востока, превозносившихся громкими похвалами въ Европѣ и въ Азіи, быть можетъ, то было также желаніе найти въ восточномъ морѣ предѣлъ

своимъ побѣдамъ и новые пути для открытій и международныхъ сношеній; быть можетъ, то была попытка прибѣгнуть къ крайнему средству, чтобы поднять мужество въ войскахъ, нравственныя силы которыхъ сломила исполинская мощь тропической природы. Онъ могъ надѣяться, что смѣлость его новаго плана, великая будущность, которую онъ показывалъ унылымъ взорамъ своихъ македонянъ, его воззваніе и снова вспыхнувшее восторженное желаніе идти всегда впередъ и впередъ заставить его войско забыть всѣ страданія и воспламенять въ немъ новыя силы. Онъ ошибся: безсиліе и жалобы были эхомъ его призыва. Царь прибѣгнулъ къ болѣе серьезному средству, заставляя ихъ устыдиться и выказывая имъ свое недовольство; онъ скрылся отъ глазъ своихъ вѣрныхъ воиновъ, далъ имъ почувствовать свой гнѣвъ и надѣялся вырвать ихъ изъ этого тоскливаго состоянія деморализаціи съ помощью стыда и раскаянія; со скорбью видѣли ветераны, что царь ихъ разгнѣванъ, но придать себѣ бодрости они не могли. Три дня въ лагерѣ царствовало мучительное молчаніе; Александръ долженъ былъ понять, что всѣ его старанія тщетны, болѣе строгія попытки опасны. Онъ приказалъ принести на берегахъ рѣки жертву, чтобы освятить переправу, и милосердые боги отказали ему въ благопріятныхъ знаменій дальнѣйшаго похода; они приказывали возвратиться. Призывъ къ возвращенію на родину, раздавшійся теперь по лагерю, подѣйствовалъ словно волшебствомъ на умы унавшихъ духомъ воиновъ; теперь всѣ страданія были забыты, теперь все было полно надеждой и ликоваціемъ, теперь всѣ сердца исполнились новыхъ силъ и новаго мужества; только одинъ Александръ со скорбью долженъ былъ обращать свои взоры на востокъ.

Этотъ поворотъ обратно отъ береговъ Гифазиса, бывшій для Александра началомъ его паденія, если мы будемъ искать сумму его жизни и стремленій въ девизъ *plus ultra*, этого государя новаго времени, который первый могъ гордиться тѣмъ, что въ предѣлахъ его государства не заходитъ солнце;—этотъ поворотъ былъ, съ точки зрѣнія исторической задачи Александра, необходимою, подготовленной и предуказанной самымъ ходомъ того, что онъ до сихъ поръ совершилъ и создастъ; и если еще и возможно сомнѣваться на счетъ того, привели ли его къ этому рѣшенію собственное благоразуміе, или сила обстоятельствъ, его значеніе остается одно и то же. Походъ далѣе къ востоку заставилъ бы его почти пожертвовать западомъ; уже теперь изъ сирійскихъ и персидскихъ провинцій получились извѣстія, показывавшія съ достаточной ясностью, какихъ послѣдствій можно было ожидать отъ еще болѣе продолжительнаго отсутствія царя и отъ еще большей отдаленности его боевыхъ силъ; различныя безпорядки, утѣсненіе подданныхъ, притязательность сатраповъ, опасныя желанія и измѣнническіе планы персидскихъ и македонскихъ вельможъ, которые въ то время, когда Александръ спустился къ Инду, начали чувствовать себя свободными отъ отвѣтственности и надзора, могли бы въ случаѣ дальнѣйшаго похода въ земли Ганга безпрепятственно разростись далѣе и повести, быть можетъ, къ полному распаденію государства, строй котораго далеко еще не отличался прочностью. Пред-

полагая даже, что необыкновенный геній Александра могъ бы крѣпко и сурово держать бразды правленія даже съ самаго далекаго востока, тѣмъ не менѣе крупныя усилѣхъ въ земляхъ Ганга были бы для существованія его государства всего опаснѣе; громадныя размѣры этой рѣчной области потребовали бы соотвѣтственнаго количества западныхъ гарнизоновъ и въ концѣ концовъ сдѣлали бы настоящее ихъ завоеваніе и сляніе съ его государствомъ невозможнымъ.

Было еще и другое обстоятельство: восточныя земли Индіи отдѣляются отъ пятирѣчья пустыня не меньшей величины, чѣмъ весь полуостровъ Малой Азіи; лишенная деревьевъ, травы, и другой воды, кромѣ испорченной, добываемой изъ узкихъ, достигающихъ трехсотъ футовъ глубины колодезевъ, губительная благодаря носящимся по ней летучимъ пескамъ и стоящей въ душномъ воздухѣ знойной пыли, еще болѣе опасная вслѣдствіе быстрой смѣны дневного зноя и ночного холода, — эта печальная пустыня представляетъ собою почти непроборимый оплотъ Ганга; съ сѣвера отъ Гифазиса и Изудры къ рукавамъ Ганга ведетъ только одна дорога, тянущаяся у подножья цѣпи Имая, и жители востока справедливо называютъ ее слишкомъ слабымъ звеномъ для того, чтобы прикрѣпить обширныя и богатыя земли Ганга къ коронѣ Персіи.

Наконецъ мы должны сказать, что политика Александра, если мы прослѣдимъ ее отъ его перваго вступленія въ Индію, позволяетъ намъ положительно заключить, что въ его намѣренія не входило сдѣлать непосредственную часть своего государства даже пятирѣчье, не говоря уже о земляхъ Ганга. Въ индійской сатрапіи на западъ отъ Инда государство Александра имѣло свои естественныя границы; имѣя въ своихъ рукахъ горныя проходы «Кавкааа», онъ господствовалъ надъ бассейнами рѣкъ Окса и Согда на сѣверѣ, Кофена и Инда на югѣ; лежавшія на востокъ отъ Инда земли должны были остаться независимыми и управляться туземными государями, не выходя изъ сферы македонскаго вліянія, такого вліянія, какъ оно было создано съ достаточной прочностью въ своеобразномъ положеніи государей Таксилы и Пора по отношенію другъ къ другу и къ царю; даже стоявшій столь высоко въ милости царя Поръ не получилъ всѣхъ земель до пограничной рѣки Пенджаба на востокъ; противовѣсомъ ему служили съ одной стороны Таксилъ, а съ другой независимыя государства Фегея и Соппеа, двухъ государей, которые, будучи слишкомъ незначительны для того, чтобы рѣшиться предпринять что-либо собственными силами, могли найти силу и опору только въ своей преданности Александру. Такимъ образомъ покорность этихъ государей власти Александра, даже еслибы онъ возвратился на западъ, гарантировалась взаимнымъ страхомъ и завистью, подобно рейнскому союзу новаго времени; чтобы сдѣлать завоеваніе земель Ганга возможнымъ, Александръ долженъ былъ бы вполне подчинить себѣ область пятирѣчья, даже еслибы оказались необходимыми тѣ же мѣры строгости и такая же трата времени, какъ раньше въ Бактріи и Согдіанѣ, но тогда, будучи даже полновластнымъ господиномъ согдіанской земли, онъ отказался проникнуть оттуда къ морю, которое считалъ лежащимъ недалеко на сѣверѣ за скиѣскими землями. Точно такимъ же

образомъ онъ долженъ былъ узнать отъ Пора и Таксила, какія обширныя пространства ему предстояло бы пройти до Ганга и до того моря, въ которое текутъ его воды. Онъ держалъ твердою рукою долину рѣки Кофена, составлявшую преддверье Индіи, и въ рядѣ зависимыхъ государствъ Пенджаба создалъ себѣ еще болѣе сложную систему пограничныхъ областей, чѣмъ на далекомъ сѣверѣ, гдѣ его пограничною областію служила Согдіана; онъ, повидимому, уже въ самомъ началѣ убѣдился, что населеніе долины Инда во всѣхъ вопросахъ жизни, государства и религіи развилось такъ своеобразно и что его развитіе было слишкомъ закончено для того, чтобы могло оно теперь скоро ассимилироваться съ эллинистическимъ государствомъ; Александръ не могъ думать о томъ, чтобы включить въ составъ своего государства въ формѣ непосредственной зависимости рядъ новыхъ завоеваній, позади находившихся съ нимъ только въ союзѣ государствъ. И если уже послѣ битвы при Гидаспѣ онъ приказалъ начать постройку флота, который долженъ былъ везти его войско внизъ по Инду къ персидскому морю, то это, несомнѣнно, показываетъ, что онъ имѣлъ намѣреніе возвратиться по Инду, а не по Гангу, и что слѣдовательно его походъ на земли Ганга долженъ былъ быть только набѣгомъ, «кавалькадой». Мы имѣемъ право предположить, что, еслибы онъ предназначался быть чѣмъ-либо болѣшимъ, то, имѣя операционнымъ базисомъ едва покоренныя государства, прикованныя къ завоевателю только слабыми узами благодарности, страха и эгоизма, онъ имѣлъ бы, вѣроятно, такой же печальный исходъ, какъ и великій восточный походъ Наполеона.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ВОЗВРАЩЕНІЕ НА РОДИНУ.—ФЛОТЪ НА АКЕЗИНЪ.—ВОЙНА СЪ МАЛЛАМИ.—ГРОЗЯЩАЯ ЖИЗНИ АЛЕКСАНДРА ОМАСНОСТЬ.—СРАЖЕНІЯ НА НИЖНЕМЪ ИНДѢ.—ОТЪѢТЪ КРАТѢРА.—БИТВА ВЪ ДЕЛЬТѢ ИНДА.—ПЛАВАНІЕ АЛЕКСАНДРА ПО ОКЕАНУ.—ЕГО ОТЪѢТЪ ИЗЪ ИНДІИ.

То были, вѣроятно, послѣдніе дни августа 326 года, когда македонское войско собиралось на берегахъ Гифазиса въ обратный походъ. По приказанію царя, войско воздвигло ¹⁾ на берегахъ рѣки двѣнадцать громадныхъ, нодобныхъ башнямъ, алтарей, въ благодарность богамъ, которые до сихъ поръ всегда позволяли македонянамъ побѣдоносно двигаться впередъ, и въ воспоминаніе объ этомъ царѣ и объ этомъ войскѣ. Александръ принесъ жертву на этихъ алтаряхъ, а войска, по греческому обычаю, устроили разныя игры ²⁾.

Затѣмъ войско двинулось къ западу; дорога шла по дружественной землѣ; безъ особенныхъ трудностей, кромѣ все еще продолжавшихся частыхъ дождей, оно достигло Гіарота, и, перейдя черезъ эту рѣку

и пройдя по области Гандаритидѣ, достигло береговъ Акезина; здѣсь на мѣстѣ переправы черезъ рѣку уже былъ готовъ городъ, постройка котораго была поручена Гефестіону³⁾. Александръ остановился здѣсь на короткое время, чтобы частью сдѣлать нужныя приготовленія для плаванья внизъ по Инду и по «великому морю», частью чтобы колонизовать новый городъ, съ каковою цѣлью были приглашены поселиться въ немъ индусы окрестностей и были поселены здѣсь неспособные къ военной службѣ наемники войска.

Во время этой остановки привѣтствовать великаго царя явились братъ кашмирскаго государя Авизара и другіе мелкіе государи горныхъ областей, всѣ съ множествомъ драгоценныхъ подарковъ; Авпзаръ посылалъ тридцать слоновъ и въ отвѣтъ на приказъ явиться лично, который былъ ранѣе присланъ ему царемъ, увѣрить въ своей полной преданности, а свое отсутствіе извинялъ болѣзнию, которая уложила его въ постель. Такъ какъ посланные Александромъ въ Кашмиръ македоняне подтвердили его слова и теперешнее поведеніе этого государя, повидимому, ручалось за его дальнѣйшую преданность, то его государство было отдано ему какъ сатрапія и былъ установленъ размѣръ дани, которую отнынѣ онъ долженъ былъ платить, его власть была распространена также на государство Арзака (Ураса, недалеко отъ Кашмира)⁴⁾. Освятивъ основаніе новаго города торжественными жертвоприношеніями, Александръ переправился черезъ Акезинъ, и около половины сентября различныя части войска сошлись въ Букефалѣ и Никей на Гидаспѣ.

Мысль царя возвратиться въ свое государство изъ области рѣки Инда нѣтъмъ путемъ, какимъ онъ сюда пришелъ, но дать почувствовать силу своего оружія также и землямъ внизъ по рѣкѣ и разсѣять здѣсь сѣмена эллинистической жизни—была великой и плодотворной мыслью. Его вліяніе на этотъ новооткрытый индійскій міръ, не бывшее вліяніемъ непосредственнаго монарха, но основанное на открывшихся теперь въ первый разъ сношеніяхъ съ этими народами и разсчитанное на постепенный ростъ этихъ сношеній и начинаній, не могло бы быть ни полнымъ, ни даже просуществовать долгое время, еслибы связующимъ звеномъ осталась только индійская сатрапія съ рѣкою Кофеномъ. Если эта сатрапія и была главнымъ путемъ для взаимныхъ сношеній, то въ рукахъ македонянъ все таки должна была быть вся линія рѣки Инда, жившіе ниже по теченію рѣки народы должны были обычно признавать то же самое вліяніе, какъ и народы пятирѣчья, Александръ долженъ былъ поступить съ ними тѣмъ рѣшительнѣе, чѣмъ болѣе многіе изъ нихъ, какъ малыя и окспдраки, гордились своею независимостью и боевою славой и несправедливо презирали всякое чужеземное вліяніе; главное свое выраженіе и опору это вліяніе должно было получить въ эллинистическихъ колоніяхъ на рѣкѣ Индѣ. Съ этою-то цѣлью Александръ еще тогда, когда онъ выступалъ отъ Гидаспа на востокъ, отдалъ приказъ строить большой рѣчной флотъ, на которомъ задумалъ спуститься по Инду къ великому морю; теперь, когда оказалось невозможнымъ продолжить походъ до Ганга и до восточнаго моря, Александръ съ удвоеннымъ рвеніемъ долженъ былъ обратиться къ этой экспедиціи, которая если

и не сулила столько же славы и добычи, какъ походъ къ Гангу, то все-таки позволяла ожидать большихъ успѣховъ.

Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, проведенныхъ Александромъ вдали отъ Гидаспа, виѣшній видъ этой мѣстности, въ которой лежали его оба города, совершенно перемѣнился. Время дождей прошло, воды начали возвращаться къ своему прежнему руслу и на лѣвомъ берегу рѣки тянулись теперь обширныя рисовыя поля, роскошно зеленѣвшія на оплодотворенной разливами почвѣ; другой берегъ, надъ которымъ высились поросшія лѣсами горы, былъ на многія мили кругомъ покрытъ корабельными верфями, въ которыхъ частью еще строились, частью стояли уже готовыми, сотни большихъ и малыхъ судовъ; по рѣкѣ, берега которой были оживлены пестрымъ движениемъ и страннымъ видомъ стоявшаго на отдыхѣ лагеремъ составленнаго изъ всевозможныхъ національностей войска, шли сплавной лѣсъ изъ горъ, челноки со всевозможными запасами и баржи со строительными и боевыми матеріалами. Первою заботой Александра было полиѣе и прочиѣе выстроить обѣ крѣпости, земляные валы и бараки которыхъ, наскоро выстроенные на низменной мѣстности, не мало пострадали отъ разрушительнаго дѣйствія воды. Затѣмъ началось вооруженіе кораблей; слѣдую греческому обычаю, Александръ изъ числа самыхъ богатыхъ и знатныхъ лицъ своей свиты назначилъ тридцать три тріарха, для которыхъ эта *литургія*, заключающаяся въ почетномъ доставленіи красиваго и прочнаго вооруженія корабля, сдѣлалась предметомъ весьма полезнаго для самого дѣла соревнованія ³⁾). Списокъ этихъ тріарховъ даетъ намъ поучительный обзоръ окружавшихъ царя лицъ. Между ними находятся 24 македонянина: семь тѣлохранителей царя и Певкеста, назначенный вскорѣ восьмымъ на эту должность; стратигъ и гиппархъ Кратеръ, изъ числа страгиговъ фаланги Атталъ, изъ хиліарховъ и гипаспистовъ Неархъ, затѣмъ Лаомедонъ, который не былъ воиномъ, Андромедъ, который по возвращеніи въ Вавилонъ предводительствовалъ флотомъ въ ту пору, когда тотъ обигалъ Аравію; изъ остальныхъ одиннадцати македонянъ при другихъ случаяхъ не упоминается ни одинъ, многіе изъ нихъ, какъ Лаомедонъ, должны были находиться на гражданской, или по крайней мѣрѣ на интендантской службѣ, обязанности, объемъ и значеніе которыхъ въ этомъ войскѣ понятны сами собою, хотя объ нихъ и не дошло до насъ никакихъ свѣдѣній. Затѣмъ тріархами было назначено шесть эллиновъ, въ томъ числѣ царскій писецъ, Эвменъ Кардіанскій, и ларисеецъ Мидій, одно изъ самыхъ довѣренныхъ лицъ царя. Наконецъ персы Багоя и двое сыновей царей Кипра. Вооружили ли эти тріархи весь флотъ или только большіе корабли, 80 тріаръ, мы теперь опредѣлить не можемъ.

Экипажъ этого рѣчного флота былъ составленъ изъ находившихся въ войскѣ финикійцевъ, египтянъ, кипріотовъ, грековъ острововъ и азіатскаго берега, которые и были распределены по судамъ въ качествѣ матросовъ и гребцовъ; не прошло и мѣсяца, какъ все было готово къ отплытію. На рѣкѣ стояла готовою тысяча всевозможныхъ судовъ ⁶⁾, въ томъ числѣ 80 военныхъ кораблей и двѣсти кораблей

безъ палубъ для перевозки лошадей; всѣ другія суда, собранныя вездѣ по сосѣднимъ берегамъ, гдѣ ихъ только можно было найти, были предназначены для перевозки войскъ и для доставки вслѣдъ за ними провіанта и боевыхъ матеріаловъ, большіе транспорты которыхъ, по словамъ одного источника сомнительной цѣнности, прибыли какъ разъ теперь вмѣстѣ съ новыми войсками, состоявшими изъ шести тысячъ всадниковъ и нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ пѣхоты ⁷⁾).

Отплытіе внизъ по рѣкѣ было назначено на первыя числа ноября ⁸⁾). Царь призвалъ къ себѣ этеровъ и находившихся при войскѣ индійскихъ пословъ, чтобы сдѣлать имъ необходимыя еще сообщенія, и выразилъ надежду, что миръ, возвращенный имъ странѣ Пенджаба, будетъ продолжителемъ и вполне обезпеченъ принятыми имъ мѣрами. Раджѣ Пору было снова подтверждено расширеніе его территоріи, обнимавшей семь народовъ и двѣ тысячи городовъ и простиравшейся до береговъ Гифазиса, и были установлены его отношенія къ сосѣднимъ государямъ Авизару, Сопиоу и Фегею; государю Таксилу была дарована независимая власть надъ его прежними и новыми землями; зависимыя государства, лежавшія въ предѣлахъ индійской сатрапіи, были, что касалось до ихъ дани и другихъ обязательствъ, подчинены тамошнему сатрапу, а ихъ контингенты отпущены на родину вмѣстѣ съ другими индійскими контингентами. Затѣмъ были даны указанія относительно дальнѣйшаго похода: самъ царь со всѣми гипаснистами, съ агріанами и стрѣлками и со своей конной свитой, что въ суммѣ составляло около восьми тысячъ человѣкъ, поплыветъ на корабляхъ ⁹⁾), хиліархъ Неархъ получитъ командованіе надъ всѣмъ флотомъ, а Онезикритъ изъ Астипалии—надъ царскимъ кораблемъ; остальные войска должны раздѣлиться на двѣ колонны и спускаться по обѣимъ сторонамъ рѣки, одна подъ предводительствомъ Кратера по правому, западному берегу, а другая болѣе значительная, въ которой находились и 200 слоновъ,—по лѣвому подъ предводительствомъ Гефестіона; обѣимъ колоннамъ было приказано двигаться впередъ какъ можно скорѣе, остановиться въ трехъ дняхъ пути внизъ по рѣкѣ ¹⁰⁾ и ожидать флота; тамъ долженъ былъ присоединиться къ нимъ сатрапъ индійской сатрапіи, Филиппъ.

Передъ своимъ выступленіемъ войску пришлось участвовать еще въ одномъ печальномъ торжествѣ: гиппархъ и стратигъ Кенъ былъ унесенъ болѣзнію; преданіе, какъ кажется, намекаетъ на то, что царь не простилъ ему и не забылъ разсказаннаго выше случая на берегахъ Гифазиса; но онъ былъ погребенъ «съ подобающей обстоятельствомъ торжественностью» ¹¹⁾).

Наконецъ наступилъ назначенный для отплытія день; съ утра началась посадка войскъ на корабли; по обѣимъ берегамъ рѣки Кратеръ и Гефестіонъ выстроили блестящей боевой линіей свои фаланги, свою конницу и своихъ слоновъ; пока одна за другой эскадры кораблей строились въ рядокъ, царь, согласно греческому обычаю, принесъ торжественную жертву на берегахъ рѣки; по указаніямъ отечественныхъ жрецовъ, онъ принесъ жертвы богамъ родины, Посейдону, спасительной Амфитритѣ, Океану, nereидамъ и рѣкѣ Гидаспу; затѣмъ онъ вступилъ на свой корабль, подошелъ къ борту на

его носу и, сдѣлавъ возліаніе изъ золотой чаши, приказалъ трубачу трубить сигналъ къ отплытію, и при звукахъ трубъ и боевыхъ кликахъ весла всѣхъ кораблей разомъ опустились въ волны. И вотъ эскадра со своими разноцвѣтными парусами, съ восьмьюдесятью военными кораблями впереди поплыла въ самомъ лучшемъ порядкѣ вблизи по рѣкѣ, представляя собою чудное и не поддающееся описанію зрѣлище. «Ни съ чѣмъ нельзя сравнить этого шума веселъ, одновременно поднимавшихся и опускавшихся на всѣхъ корабляхъ, крпковъ корабельщиковъ, приказывавшихъ то останавливаться грести, то снова начинать, боевыхъ кликовъ матросовъ, съ которыми они снова опускали весла въ воду; тамъ, гдѣ берега были высоки, ихъ крики звучали еще громче, отдаваясь эхомъ въ ущельяхъ направо и налево; далѣе рѣку снова окаймляли лѣса, и крики ѣдущихъ отдавались далеко въ лѣсной чашѣ; тысячи индусовъ стояли по берегамъ и съ изумленіемъ смотрѣли на это ѣдущее войско, на боевыхъ коней на корабляхъ съ ихъ разноцвѣтными парусами, и на чудный, всегда одинаковый, порядокъ эскадръ; они отвѣчали радостными кликами на клики гребцовъ и, распѣвая свои пѣсни, спустились по берегамъ рѣки. Вѣдь нѣтъ народа, любящаго пѣсни и пляску болѣе, чѣмъ индусы ¹²⁾».

Послѣ трехдневнаго плаванія ¹³⁾ царь прибылъ къ тѣмъ берегамъ, гдѣ Кратеръ и Гефестіонъ должны были ожидать флота; они уже стояли лагеремъ по обѣимъ сторонамъ рѣки. Здѣсь войско и флотъ отдыхали два дня, чтобы дать подойти сатрану Филиппу съ аррьергардомъ главной арміи. Когда всѣ македонскія силы — они достигали теперь до 120000 воиновъ ¹⁴⁾ — собрались вмѣстѣ, царь принялъ мѣры, которыя были необходимы въ виду скорого вступленія въ чужеземную область, въ особенности же для покоренія земель до устья Акезина; Филиппъ былъ отряженъ идти налево къ Акезину, чтобы обезпечить за собою западный берегъ этой рѣки; Гефестіонъ и Кратеръ двинулись далѣе по лѣвому и правому берегу Гидаспа, нѣсколько углубляясь во внутрь страны; все войско должно было встрѣтиться по ту сторону устья Акезина, чтобы оттуда начать походъ противъ малловъ и оксидраковъ. Уже получилось извѣстіе о значительныхъ вооруженіяхъ, предпринятыхъ этими большими и воинственными народами; они, какъ было слышно, уже помѣстили своихъ женъ и дѣтей въ укрѣпленныхъ мѣстахъ и многія тысячи вооруженныхъ уже собирались на берегахъ Гiarота. Тѣмъ болѣе находилъ нужнымъ царь скорѣе идти впередъ и открывать походъ прежде, чѣмъ непріятель успѣетъ докончить свои вооруженія. Поэтому послѣ двухдневнаго отдыха флотъ двинулся далѣе внизъ по рѣкѣ; вездѣ, гдѣ онъ приставалъ къ берегу, жители добровольно покорялись или были вынуждены къ этому безъ большого труда.

Александръ надѣялся достигнуть впаденія Акезина въ Гидаспъ на пятый день; онъ уже успѣлъ узнать, что это мѣсто опасно для судоходства, что при сліяніи своемъ эти рѣки производятъ сильное волненіе, образуя множество водоворотовъ и затѣмъ, стѣсненные въ узкомъ ложѣ, бурно катятъ далѣе свои воды ¹⁵⁾. Эти вѣсти были распространены среди флота и въ то же время была предписана

большая осторожность. Подъ конецъ пятого дня плаванія съ юга слышался сильный шумъ, подобный шуму морского прибоя во время волненія; гребцы первой эскадры съ изумленіемъ остановились, не зная, близко ли море, непогода, или что-либо иное; затѣмъ, узнавъ, въ чемъ дѣло и получивъ наставленіе работать усерднѣе, когда они приблизятся къ устью, они поплыли далѣе. Шумъ становился все сильнѣе, берега стали уже, наконецъ показалось устье, волнующійся и пенящійся прибой, среди котораго струи Гидаспа перпендикулярно бросаются на воды Акезина и въ шумной и бурной ярости борются съ ними, чтобы затѣмъ вмѣстѣ нестись въ узкихъ берегахъ далѣе съ быстротою стрѣлы. Корабельщики еще разъ попросили матросовъ работать осторожнѣе и усерднѣй, чтобы силою весла преодолѣть быстроту теченія, которая могла бы увлечь корабли въ водоворотъ, гдѣ они бы неизбѣжно погибли, и стараться какъ можно скорѣе достигнуть болѣе широкаго, свободнаго и ровнаго мѣста рѣки. А бурный потокъ уже увлекалъ съ собою корабли; только съ невѣроятнымъ трудомъ удавалось гребцамъ и кормчимъ держаться нормальнаго направленія; многія суда были унесены теченіемъ, затянута въ водоворотъ и закручены, весла были сломаны, бока повреждены и лишь съ большимъ трудомъ сами они были спасены отъ гибели; въ особенно большой опасности находились военные корабли; два изъ нихъ, столкнувшись другъ съ другомъ, разбились и потонули; легкія суда были выброшены на берегъ; всего благополучнѣе миновали это мѣсто широкіе грузовые корабли, которые, будучи захвачены быстрою, были слишкомъ широки для того, чтобы опрокинуться, и которымъ быстрота теченія снова придала нормальное направленіе. Самъ Александръ, какъ рассказываютъ, попалъ со своимъ кораблемъ въ водоворотъ и жизнь его подвергалась очевидной опасности, такъ что онъ уже сбросилъ съ себя свое верхнее платье, чтобы кинуться въ воду и спастись вплавь ¹⁶⁾.

Такимъ образомъ флотъ не безъ большихъ потерь миновалъ это опасное мѣсто; только въ часѣ пути ниже по теченію рѣка стала спокойнѣе и шире; здѣсь она поворачиваетъ направо, огибая береговые холмы; позади нихъ можно было удобно причалить въ находящемся внѣ быстрого теченія мѣстѣ, а широкій и плоскій берегъ былъ удобенъ для собиранія выбрасываемыхъ на него обломковъ и труновъ. Царь приказалъ здѣсь флоту причалить къ берегу и велѣлъ Неарху какъ можно скорѣе исправить причиненныя судамъ поврежденія. Самъ онъ воспользовался этимъ временемъ для экскурсіи въ глубину страны, чтобы воспрепятствовать воинственнымъ пародамъ этихъ земель, сивамъ и агалассамъ, придти при предстоящемъ нападении македонянъ на помощь малламъ и оксидракамъ ¹⁷⁾, отъ которыхъ ихъ отдѣлялъ Акезинъ. Послѣ шестимильнаго перехода, употребленнаго на то, чтобы нагнать страхъ своими опустошеніями, Александръ явился подъ стѣнами обширной столицы сивовъ; она была взята штурмомъ безъ большого труда. По другимъ свѣдѣніямъ она сдалась добровольно ¹⁸⁾.

Возвратившись къ Акезину, Александръ нашелъ флотъ готовымъ къ отплытію; Кратеръ тоже находился въ лагерѣ, а Гефестіонъ и

Филиппъ расположились выше устья рѣки. Тотчасъ же были отданы касавшіяся похода противъ малловъ приказанія, область которыхъ начиналась миляхъ въ семи ниже по теченію Акезипа и устья Гіарота, и по этой послѣдней рѣкѣ тянулась далеко къ сѣверу. Они, царь зналъ это, ждали нападенія и приготовились къ нему; они должны были полагать, что македонское войско спустится къ устьямъ Гіарота и оттуда вторгнется въ ихъ земли, такъ какъ отъ того мѣста Акезипа, гдѣ была стоянка кораблей, онѣ были отдѣлены безводной пустыней шириною во много миль и казались такимъ образомъ недоступными. Царь рѣшилъ избрать этотъ путь, чего они всего менѣе ожидали, и внезапно напасть на нихъ въ верхней части ихъ страны, недалеко отъ границъ Гандаритиды и Каѳеевъ, и уже отсюда оттѣснить ихъ внизъ по теченію рѣки Гіарота; у устья этой рѣки, они должны были снова попасть въ руки македонянъ, еслибы вздумали искать прибѣжища или помощи на другомъ берегу Акезипа. Поэтому прежде всего туда былъ отправленъ флотъ подъ предводительствомъ Неарха, который долженъ былъ занять правый берегъ Акезипа противъ устья Гіарота и такимъ образомъ отрѣзать сообщеніе земли малловъ съ другимъ берегомъ; Кратеръ со своими войсками, со слонами и съ фалангой Полисперхона, бывшими до тѣхъ поръ у Гефестіона, и съ войсками Филиппа, переправившимися черезъ Гидасипъ выше его устья, долженъ былъ черезъ три дня прибыть на мѣсто стоянки Неарха и съ этими значительными боевыми силами на правомъ берегу рѣки служить базисомъ для смѣлыхъ операцій на другомъ берегу. По выступленіи Неарха и Кратера Александръ раздѣлилъ остальное войско на три отряда, между тѣмъ какъ онъ самъ съ однимъ отрядомъ хотѣлъ вторгнуться въ глубь страны малловъ и погнать непріятеля внизъ по рѣкѣ. Гефестіонъ, выступившій со вторымъ отрядомъ пятью днями ранѣе, долженъ былъ занять линію Гіарота, чтобы ловить бѣгущихъ, а Лагидъ Птолемей съ третьимъ отрядомъ долженъ былъ выступить тремя днями позже, чтобы преградить путь бѣгущимъ назадъ къ Акезипу.

Хотя, при вѣсти о приближеніи Александра, маллы и оксидраки, какъ разсказываютъ, и оставили свои прежніе раздоры, обезпечили заложниками взаимную помощь другъ другу и собрали значительное войско, состоявшее изъ пятидесяти тысячъ человѣкъ пѣхоты, десяти тысячъ всадниковъ и семисотъ боевыхъ колесницъ, но при выборѣ общаго предводителя — они принадлежали къ араттамъ, индусамъ не имѣвшимъ государей — между ними произошли такіа разногласія, что войско распалось и контингенты отдѣльныхъ округовъ разсѣялись по своимъ укрѣпленнымъ городамъ; хотя это сообщеніе не подтверждается никакимъ особеннымъ авторитетомъ, но оно болѣе или менѣе согласно съ особенностями составленнаго Александромъ операціоннаго плана ¹⁹⁾. По другимъ свѣдѣніямъ, маллы и оксидраки собирались заключить союзъ между собою, что позволило бы имъ противопоставить македонянамъ значительныя боевыя силы, и по этому-то Александръ такъ и спѣшилъ предупредить ихъ соединеніе своею атакой ²⁰⁾.

Въ назначенный для выступленія день, около половины поября, Александръ двинулся въ походъ; съ нимъ были гипасписты, стрѣлки

и агріаны, фаланга Пиеона, половина македонскихъ гиппархій и копны стрѣлки. На небольшомъ разстояніи отъ Акезипа начиналась пустыня; послѣ пятичасоваго перехода, войска Александра достигли воды; тамъ они сдѣлали привалъ, пообѣдали, отдохнули немного, воды наполнили имѣвшіеся у каждаго сосуды водою и затѣмъ пошли далѣе; остальную часть дня и всю ночь они съ возможной скоростью подвигались впередъ; на слѣдующее утро, послѣ почти восьмимильнаго перехода, на востокъ показался городъ малловъ Агаласса ²¹⁾ съ его цитаделью. Сюда спаслось бѣгствомъ множество малловъ; не имѣя часовыхъ, безоружные, они стояли лагеремъ подъ стѣнами города, который не могъ вмѣстить въ себѣ такого множества людей; они до такой степени были убѣждены, что нападеніе черезъ пустыню невозможно, что готовы были считать приближавшееся войско за что угодно, только не за македонянъ. А всадники Александра были уже посреди нихъ; о сопротивленіи нечего было и думать; многія тысячи были изрублены; все, что могло бѣжать, спасалось въ городъ, который Александръ окружилъ своей конницей, ожидая прихода пѣхоты, чтобы начать штурмъ. Когда она приблизилась, царь тотчасъ послалъ Пердикку съ двумя гиппархіями и агріанами къ соседнему городу ²²⁾, куда бѣжало множество индусовъ. съ приказомъ внимательнѣйше наблюдать за нимъ, не предпринимая однако ничего противъ него до прихода войска изъ Агалассы, такъ какъ въ противномъ случаѣ бѣглецы отсюда могли бы распространить далѣе по странѣ извѣстія о близости македонянъ. Между тѣмъ Александръ началъ штурмъ; индусы, сильно пострадавшіе уже при первомъ нападеніи, потеряли надежду удержать за собою стѣны; при своемъ отступленіи отъ воротъ и башенъ они по большей части были перебиты тѣснившими ихъ македонянами, лишь нѣсколько тысячъ спаслось бѣгствомъ въ цитадель и защищалось тамъ съ мужествомъ отчаянія; нѣсколько нападеній македонянъ было отбито, возроставшее озлобленіе, одобрительные возгласы и пріямѣръ царя, утомленіе противниковъ позволили наконецъ македонянамъ одержать побѣду, за трудность которой они отомстили, произведя страшную рѣзню между индусами; изъ двухъ тысячъ, которыя защищали цитадель, не удалось спастись ни одному.

Между тѣмъ Пердикка нашелъ городъ, противъ котораго онъ былъ посланъ, уже покинутымъ жителями и бросился преслѣдовать бѣгущихъ; онъ дѣйствительно настигъ ихъ, и тѣ, которые еще не успѣли спастись за рѣку или въ болота по берегамъ ея, были перебиты. Царь съ своей стороны послѣ взятія штурмомъ цитадели Агалассы далъ своимъ воинамъ только нѣсколько часовъ отдыха; съ наступленіемъ ночи, оставивъ въ цитадели маленькій гарнизонъ, онъ выступилъ къ Гіароту и двинулся, чтобы отрѣзать жившимъ здѣсь въ окрестностяхъ малламъ возможность бѣжать на другой берегъ. Подъ утро онъ достигъ мѣста переправы черезъ рѣку въ бродъ, большинство непріятелей успѣло уже бѣжать на другую сторону; тѣ, которые еще оставались, были перебиты; самъ онъ тотчасъ же переправился черезъ рѣку, скоро толпы бѣгущихъ были настигнуты и началась новая рѣзня; тѣ, кому удалось бѣжать, спаслись въ ле-

жавшую неподалеку крѣпость, остальные сдались побѣдителю. Когда подошла пѣхота, царь послалъ противъ этой крѣпости Пиѳона съ его фалангой и двумя эскадронами конницы; крѣпость пала при первомъ штурмѣ и находившіеся въ ней малы были взяты военноплѣнными, послѣ чего Пиѳонъ снова присоединился къ царю.

Послѣдній между тѣмъ подступилъ къ одному брахманическому городу, куда точно также бросилось много малловъ; онъ тотчасъ окружилъ его стѣны и приказалъ начать вести подъ нихъ подкопы; сильно пострадавшіе отъ выстрѣловъ македонянъ, индусы отступили въ городскую цитадель; одинъ отрядъ македонянъ слишкомъ смѣло пошелъ впередъ и вмѣстѣ съ ними ворвался въ цитадель; но, не будучи въ состояніи удержаться противъ превосходнаго по численности непріятеля и почти отрѣзанный отъ своихъ, могъ пробиться назадъ только съ большими потерями. Это усилило озлобленіе войскъ; Александръ немедленно приказалъ принести штурмовыя лѣстницы и сдѣлать подкопы подъ стѣнами цитадели; когда одна изъ башенъ и примыкавшая къ ней часть стѣны обрушилась и открыла брешь для штурма, Александръ былъ первымъ на развалинахъ, македоняне съ криками ликования бросились вслѣдъ за нимъ и скоро, не смотря на отчаянную защиту, стѣны были очищены отъ непріятелей; многіе изъ нихъ были убиты въ бою, другіе бросились въ зданія, зажгли ихъ и, пока пожаръ безпрерывно распространялся далѣе, бросали изъ горящихъ зданій дротики и бревна въ македонянъ до тѣхъ поръ, пока сами не погибали въ пламени и въ дыму. Немногіе попали живыми въ руки македонянъ: около пяти тысячъ погибло при штурмѣ и при пожарѣ цитадели.

Александръ далъ здѣсь одинъ день отдыха своимъ утомленнымъ громадными трудами послѣднихъ пяти дней войскамъ; затѣмъ они выступили съ свѣжими силами завоевывать другіе города малловъ на южной сторонѣ Гирота; но вездѣ жители бѣжали еще до ихъ прибытія; преслѣдовать отдѣльные отряды не представлялось необходимости; было достаточно разрушить ихъ городъ. Это продолжалось нѣсколько дней; затѣмъ былъ данъ снова день отдыха, чтобы войска могли набраться свѣжихъ силъ для нападенія на самый большой городъ по сю сторону рѣки, куда, разсчитывая на его неприступность, бросилось множество малловъ.

Чтобы не дать лѣсистымъ берегамъ верхняго теченія рѣки, находившимся въ тылу дальнѣйшихъ операцій, сдѣлаться мѣстомъ убѣжища для разбитыхъ малловъ и ихъ сборнымъ пунктомъ для какой-нибудь опасной диверсіи, вверхъ по рѣкѣ были посланы фаланги Пиѳона, гиппархія Димитрія и нѣсколько отрядовъ легкой пѣхоты съ порученіемъ розыскать тамъ индусовъ въ лѣсахъ и болотахъ и перебить всѣхъ, которые не сдадутся добровольно. Самъ царь съ остальными войсками, увѣренный, что ему предстоитъ упорная борьба, двинулся противъ упомянутого выше города, но всеобщій ужасъ, распространенный успѣхами македонскаго оружія, былъ такъ великъ, что находившіеся въ этомъ большомъ городѣ индусы, отчаявшись въ возможности защитить его, пожертвовали имъ, отступили за протекавшую по близости рѣку и заняли ея высокій сѣверный берегъ, въ

надеждѣ, что съ этой вполне благопріятной позиціи имъ удастся воспрепятствовать переправѣ македонянъ. Когда Александръ узналъ объ этомъ, онъ быстро выступилъ со всей конницей и приказалъ пѣхотѣ, не теряя времени, слѣдовать за нимъ. Подойдя къ рѣкѣ онъ тотчасъ же велѣлъ начать переправу, не обращая вниманія на выстроенную на томъ берегу линію непріятеля; и индусы, испуганные смѣлостью этого маневра, отступили въ стройномъ порядкѣ, не пытаясь начать неравную борьбу; но когда они замѣтили, что противъ нихъ находится не болѣе четырехъ или пяти тысячъ всадниковъ, то вся ихъ линія, состоявшая не менѣе, чѣмъ изъ пятидесяти тысячъ человекъ, оборотилась противъ Александра и колонны его всадниковъ, съ тѣмъ, чтобы оттѣснить ихъ отъ берега, который они уже заняли. Только съ большимъ трудомъ и съ помощью цѣлаго ряда сложныхъ движеній, благодаря которымъ имъ удалось избѣжать рукопашнаго боя, всадникамъ удалось продержаться на этой неудобной мѣстности до тѣхъ поръ, пока постепенно не подошло нѣсколько отрядовъ легкой пѣхоты и стрѣлки, а на другой сторонѣ не показалась уже приближавшаяся къ берегу тяжелая пѣхота. Теперь Александръ перешелъ въ наступленіе; но индусы не рѣшились ожидать его нападенія, а бросились бѣжать въ находившійся по сосѣдству сильно укрѣпленный городъ²³⁾; македоняне горячо преслѣдовали ихъ, перебили многихъ во время бѣгства и остановились только подъ самыми стѣнами города.

Царь тотчасъ же приказалъ своей конницѣ окружить городъ; но пѣхота подошла только поздно вечеромъ; притомъ всѣ. — конница отъ переправы черезъ рѣку и горячаго преслѣдованія, пѣхота отъ далекаго и труднаго пути, — были такъ утомлены, что въ этотъ день нельзя было предпринять никакихъ дальнѣйшихъ дѣйствій; поэтому вокругъ города былъ разбитъ лагерь. Но съ разсвѣтомъ царь съ одной половиной войска, а Пердикка съ другой начали со всѣхъ сторонъ штурмовать стѣны; индусы не могли удержаться на нихъ и отовсюду отступили въ свою сильно укрѣпленную цитадель. Александръ на своей сторонѣ приказалъ сломать одни ворота городской стѣны, ворвался, не встрѣчая сопротивленія, въ городъ и бросился по улицамъ къ цитадели; стѣны ея были крѣпки, башни переполнены вооруженными людьми, осадныя работы подъ непріятельскими выстрѣлами были опасны. Однако македоняне начали тотчасъ же подкапывать стѣны; другіе принесли нѣсколько штурмовыхъ лѣстницъ и пытались приставить ихъ къ стѣнамъ; сыпавшіяся съ башенъ непрерывнымъ дождемъ стрѣлы остановили даже самыхъ храбрыхъ. Тогда царь схватилъ лѣстницу; со щитомъ въ лѣвой рукѣ, съ мечомъ въ правой онъ поднялся на верхъ, а за нимъ поднялись Певкеста и Леоннатъ по той же самой лѣстницѣ, а старый стратигъ Аврея по другой. Уже царь поднялся на башню; держа передъ собою щитъ, нападая и защищаясь въ одно и то же время, онъ сбрасываетъ однихъ навзничъ со стѣнъ, другихъ повергаетъ своимъ мечомъ на землю; мѣсто передъ нимъ расчищается на одну минуту, онъ вскакиваетъ на башню, за нимъ слѣдуютъ Пердикка, Леоннатъ и Аврея; съ громкимъ крикомъ бросаются слѣдомъ за ними

гипасписты по обѣимъ лѣстницамъ, онѣ подламываются, и царь на башнѣ отрѣзанъ. Индусы узнаютъ его по его блестящему вооруженію и по перьямъ на его шлемѣ; приблизиться къ нему не рѣшается никто, но сверху и снизу, съ башенъ и изъ цитадели, сыплются на него стрѣлы, дротики и камни; свита кричитъ ему, чтобы онъ прыгнулъ назадъ и пощадилъ свою жизнь; онъ взглядомъ смѣриваетъ высоту стѣны съ внутренней стороны цитадели и смѣлый прыжокъ туда уже сдѣланъ. Онъ стоитъ одинъ внутри непріятельской стѣны и, прижавшись къ ней спиною, ожидаетъ враговъ. Уже они рѣшаются приблизиться, уже ихъ предводитель бросается на него; Александръ пронзаетъ его ударомъ меча, второго онъ поражаетъ камнемъ, третій и четвертый падаютъ подъ мечомъ царя. Индусы отступаютъ, они начинаютъ со всѣхъ сторонъ бросать въ него стрѣлы, дротики, камни, что у каждого есть подъ руками; еще его щитъ защищаетъ его, но наконецъ его рука ослабѣваетъ. Уже подлѣ него стоятъ Певкеста, Леоннатъ и Аврея, тоже соскочившіе внизъ; но Аврея падаетъ, пораженный стрѣлою въ лицо; индусы выпускаютъ радостный крикъ при видѣ этого и начинаютъ стрѣлять съ удвоенной энергіей; одна изъ стрѣлъ попадаетъ въ грудь царя и пробиваетъ его панцырь, кровь фонтаномъ брызнула изъ раны, а вмѣстѣ пострадало и дыханіе легкихъ. Въ пылу битвы царь не замѣчаетъ этого и продолжаетъ защищаться; но онъ изнуренъ потерей крови, колѣни его подгибаются; онъ лишается чувства и опускается на свой щитъ. Съ удвоенной яростью индусы бросаются на него. Певкеста становится надъ павшимъ и прикрываетъ его своимъ иліонскимъ щитомъ, который онъ носитъ, Леоннатъ прикрываетъ его съ другой стороны; уже ихъ поражаетъ стрѣла за стрѣлою; они едва еще держатся; царь истекаетъ кровью.

Тѣмъ временемъ за стѣнами господствуетъ самое лихорадочное движеніе; македоняне видѣли, какъ ихъ царь соскочилъ въ городъ; ему невозможно спастись, а они не могутъ слѣдовать за нимъ; всѣ спѣшатъ приставлять штурмовыя лѣстницы, машины, деревья; все это заставляетъ ихъ только терять время, каждая минута промедленія можетъ быть его смертью; они должны слѣдовать за нимъ, одни вбиваютъ въ стѣну клинья и взбираются наверхъ, другіе взлѣзаютъ на башни по плечамъ товарищей. Здѣсь они видятъ своего царя простертымъ на землѣ, густую толпу враговъ кругомъ, уже падаетъ и Певкеста; съ крикомъ ярости и боли бросаются они внизъ, быстро окружаютъ павшаго, прикрытые своими щитами, бросаются впередъ и оттѣсняють варваровъ. Другіе ломаются въ ворота, открываютъ ихъ силой, снимаютъ двери съ петель и съ дикимъ крикомъ вторгаются въ цитадель. Они бросаются теперь на непріятеля съ удвоенными силами, убиваютъ все, поражаютъ своимъ мечомъ женщинъ и дѣтей, кровь должна охладить пылъ ихъ мщенія. Другіе уносятъ прочь царя на его щитъ; въ его груди еще находится стрѣла; ее пробуютъ вытащить, но ее удерживаетъ крючекъ; боль заставляетъ царя придти въ себя; со стономъ проситъ онъ извлечь стрѣлу изъ раны, расширивъ рану мечомъ. Это исполняютъ, кровь въ изобиліи струится изъ раны и онъ снова впадаетъ въ без-

намятство; смерть и жизнь, повидимому, борются за обладаніе имъ. Съ рыданіями окружають друзья его ложе, а македоняне его шатерь; такъ проходить вечеръ и ночь ²⁴).

Уже слухи объ этомъ сраженіи, объ ранѣ и о смерти царя проникли въ лагерь у устья Гіарота и вызвали тамъ неописанное волненіе. Сперва раздавались только крики ужаса, громкія жалобы и слезы; затѣмъ спокойствіе возвратилось и былъ поставленъ вопросъ относительно того, что будетъ теперь? забота, упадокъ духа, муки безпомощности росли; кому придется сдѣлаться предводителемъ войска? какъ-то войско возвратится на родину? какъ найти дорогу по этимъ безконечнымъ пространствамъ, черезъ страшныя рѣки, по дикимъ горамъ и по пустынямъ? какъ защититься отъ всѣхъ этихъ воинственныхъ народовъ, которые не замедлятъ далѣе встать на защиту своей свободы, вступить въ борьбу за свою независимость и пожелаютъ утолить свою месть на македонянахъ, такъ какъ Александра имъ теперь нечего болѣе бояться? И когда получилось извѣстіе, что царь еще живъ, то никто этому не хотѣлъ вѣрить, всѣ сомнѣвались, что ему удастся вырваться изъ рукъ смерти; а когда пришло отъ самого царя письмо, что онъ скоро возвратится въ лагерь, то воины начали говорить, что это письмо сочинено тѣлохранителями и стратигами, чтобы успокоить умы, что царь умеръ и что у нихъ нѣтъ ни вождя, ни надежды на спасеніе.

Между тѣмъ Александръ дѣйствительно былъ спасенъ отъ смерти, и черезъ семь дней его рана, хотя еще и не закрылась, но не представляла далѣйшей опасности; получившіеся изъ лагеря извѣстія и опасенія, что увѣренность въ его смерти повлечетъ за собою безпорядки въ войскѣ, заставили его возвратиться къ нему уже теперь, не дожидаясь своего полного выздоровленія. Онъ приказалъ отнести себя въ стоявшую на Гіаротѣ яхту, гдѣ былъ воздвигнутъ шатерь для ложа больного; безъ помощи весель, чтобы избѣжать сотрясенія, гонимая только теченіемъ, яхта на четвертый день приблизилась къ лагерю. Вѣсть, что Александръ ѣдетъ сюда, опередила его, но ей повѣрили лишь немногіе. Уже между лѣсистыми берегами показалась плывшая внизъ по рѣкѣ царская яхта; съ боязнью и тревогой войска стояли вдоль береговъ. Царь приказалъ открыть шатерь, чтобы всѣ могли его видѣть. Они еще думали, что корабль везетъ къ нимъ умершаго царя. Прежде чѣмъ онъ достигъ берега, онъ поднялъ руку, посылая привѣтствіе своимъ. Тогда изъ тысячъ устъ вырвался радостный крикъ, они протянули руки къ небу и къ своему царю, и слезы радости смѣшались съ криками ликования. Затѣмъ яхта причалила къ берегу, нѣсколько гипасистовъ принесли носилки, чтобы перенести царя съ корабля въ его шатерь, но онъ приказалъ привести лошадь; когда войско увидало его снова на конѣ, то раздались такіе радостные крики, рукоплесканія и стукъ щитовъ, что эхо отдавалось на противоположномъ берегу и въ лѣсахъ кругомъ. Приблизившись къ приготовленному для него шатру, онъ соскочилъ съ коня, чтобы его люди видѣли его также и идущимъ; они начали со всѣхъ сторонъ тѣсниться къ нему, чтобы коснуться его руки, его колѣнъ, его платья, или же чтобы

только увидать его вблизи, крикнуть ему слово привѣта и бросить ему ленты и цвѣты.

При этомъ пріемѣ долженъ былъ произойти рассказываемый Нearchомъ случай. Нѣкоторые изъ друзей упрекнули царя, что онъ подвергалъ себя такимъ образомъ опасности, говоря, что это дѣло солдата, а не полководца; одинъ старый віотіецъ, слышавшій это и замѣтившій произведенное этими словами на царя непріятное впечатлѣніе, подошелъ, какъ говорятъ, и сказалъ на своемъ віотійскомъ діалектѣ: «мужу приличны дѣла, о Александръ; а кто дѣйствуетъ, долженъ и страдать». Царь согласился съ нимъ, да и позже не забылъ его добраго слова.

Быстрое завоеваніе столицы малловъ произвело громадное впечатлѣніе на всѣ народы этихъ странъ. Сами маллы, хотя еще обширныя пространства ихъ земель не были затронуты македонянами, отчаялись въ возможности дальнѣйшаго сопротивленія, прислали посольство и смиренно отдали себя и свою страну во власть царя. Оксидраки или судраки, которые наряду съ маллами славились, какъ самый храбрый народъ Индіи, которые могли выставить значительныя боевыя силы, предпочли покориться; большое посольство, состоявшее изъ начальниковъ городовъ, землевладѣльцевъ и ста пятидесяти вельможъ страны, явилось съ богатыми дарами, уполномоченные согласиться на все, чего потребуетъ великій царь; они сказали, что имъ простительно, если они не явились передъ царемъ раньше, такъ какъ они еще болѣе всякаго другого народа Индіи любятъ свою свободу, которую они сохранили съ незапамятныхъ временъ, со времени пребыванія въ ихъ странѣ бога, котораго греки называютъ Діонисомъ; Александру же—такъ какъ онъ происходитъ отъ боговъ и его дѣла служатъ этому доказательствомъ—они охотно покоряются и готовы принять сатрапа, котораго онъ имъ назначить, платить дань и дать столько заложниковъ, сколько потребуетъ царь. Онъ потребовалъ тысячу самыхъ знатныхъ вельможъ, которые, смотря по его желанію, должны были или слѣдовать за нимъ какъ заложники, или участвовать вмѣстѣ съ нимъ въ войнѣ до покоренія оставшихся еще независимыми земель Индіи. Оксидраки представили эту тысячу и кромѣ того добровольно прислали пятьсотъ боевыхъ колесницъ, каждую съ двумя воинами и возницей, послѣ чего Александръ милостиво отпустилъ тысячу присланныхъ заложниковъ, а боевыя колесницы присоединилъ къ своему войску; ихъ область вмѣстѣ съ областью малловъ была присоединена къ индійской сатрапіи, находившейся подъ управленіемъ Филиппа.

Окончательно оправившись и отблагодаривъ боговъ за свое выздоровленіе торжественными жертвами и играми, Александръ выступилъ изъ своего, находившагося у устья Гiarота, лагеря. Въ бытность его на этомъ мѣстѣ было выстроено много новыхъ кораблей. такъ что теперь съ царемъ внизъ по рѣкѣ могло плыть гораздо болѣе войскъ, чѣмъ прежде; съ нимъ было 10000 человекъ пѣхоты, изъ числа легковооруженныхъ—стрѣлки и агріанцы, 1700 человекъ македонской конницы. Тогда царь спустился изъ Гiarота въ Акезинъ и поплылъ по дружественной теперь странѣ оксидраковъ мимо устья

Гифазиса ²⁵⁾ до слиянія широкаго Панджнада съ Индомъ. Мимоходомъ Пердиккѣ пришлось заставить покориться только Абастановъ (Abastha); другіе народы издалека и изблизи присылали посольства съ многочисленными и драгоценными подарками, тонкими тканями, алмазами и жемчугами, пестрыми змѣиными кожами, черепаховыми щитами, ручными львами и тиграми; значительное число новыхъ тріеръ и грузовыхъ кораблей, которые царь приказалъ строить въ землѣ Ксаэра, тоже пришло внизъ по рѣкѣ ²⁶⁾. Здѣсь, гдѣ Индъ принимаетъ въ себя Панджнадъ, соединившіеся въ одну рѣку пять восточныхъ притоковъ, и гдѣ образуется естественный центръ для сношеній между внутренними частями страны и устьемъ Инда. Александръ рѣшилъ основать греческій городъ, которому суждено было сдѣлаться важнымъ для обладанія страной и значительнымъ и пвѣтушнымъ благодаря торговлѣ Инда ²⁷⁾; онъ долженъ былъ быть самымъ южнымъ пунктомъ въ индійской сатрапіи Филиппа, который остался здѣсь съ значительнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ всѣхъ еракійскихъ войскъ и соотвѣтственнаго этому количеству числа тяжелооруженныхъ фалангитовъ, и получилъ порученіе главнымъ образомъ заботиться, по мѣрѣ возможности, о безопасности торговли въ этихъ мѣстахъ, устроить на Индѣ обширную гавань, корабельныя верфи и магазины и всеми мѣрами содѣйствовать процвѣтанію этой Александріи.

Вѣроятно, въ февралѣ 325 года македонское войско выступило изъ Александріи въ земли нижняго Инда; большая часть его вмѣстѣ со слонами подъ предводительствомъ Кратера переправилась на восточный берегъ рѣки, гдѣ дороги были лучше и гдѣ еще не всѣ прилегавшіе къ ней народы были склонны покориться. Самъ царь съ многочисленными выше войсками поплылъ внизъ по рѣкѣ. Войско и флотъ безпрепятственно прибыли въ землю судуровъ, которыхъ эллины называли согдами или содрами, и остановились около ихъ столицы ²⁸⁾; подъ именемъ согской Александріи она была обращена въ эллинскую колонію, значительно укрѣплена, снабжена гаванями и верфями и была назначена резиденціей страны нижняго Инда, область котораго должна была простирается отъ устья Панджнада до самаго моря, а сатрапомъ былъ назначенъ Пинѳонъ съ десяти тысячнымъ войскомъ ²⁹⁾.

Мѣсто, гдѣ лежитъ согдійская Александрія, есть одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ по нижнему теченію Инда; здѣсь характеръ рѣки, мѣстности и народонаселенія начинаетъ рѣшительно мѣняться. Цѣпи Солимана, сопровождавшія раньше Индъ съ сѣвера къ югу, поворачиваютъ здѣсь почти подъ прямымъ угломъ на западъ къ проходѣмъ Бхолана. Пустыня, которая все время была недалеко отъ восточнаго берега Инда, уходитъ здѣсь вдаль; рукавами, которые рѣка посылаетъ направо и налево, она образуетъ множество острововъ и островковъ; вдоль береговъ тянется плодородная, густо заселенная низменность; скоро становится замѣтно вліяніе близости океана. Сюда присоединяется второе, не менѣе замѣчательное обстоятельство: между тѣмъ какъ къ востоку тянется необозримая однообразная равнина, на западѣ, если мы будемъ подвигаться далѣе къ югу, глазъ видитъ поднимающійся мощный горный хребетъ, который замыкаетъ

эту область и тянется до мыса Монца; теперешнее теченіе Инда приближается, описывая широкую дугу, къ самому подножію этихъ горъ и затѣмъ снова поворачиваетъ на востокъ къ Гейдерабаду, гдѣ начинается дельта; въ древности Индъ текъ по хордѣ этой дуги южнѣе Бхукора къ Гейдерабаду, омывая около Бхукора низкую цѣпь известковыхъ горъ, которую онъ теперь промылъ къ западу; на ней еще и донынѣ сохранились развалины Алора, древней столицы земли Синдха. Эта земля Синдха подобна саду, виноградники украшаютъ ея холмы, благовонныя растенія сухого климата Аравіи, цвѣты влажныхъ и жаркихъ тропическихъ мѣстностей и маисъ болотистыхъ прибрежныхъ мѣстностей пышно растутъ здѣсь рядомъ другъ съ другомъ; безчисленное множество городовъ и мѣстечекъ украшаютъ эту землю, на рѣкѣ и ея каналахъ царствуетъ постоянное движеніе, и народонаселеніе,—темнокожіе, стоящіе подъ властью государей жители юга,—значительно отличается отъ народовъ верхнихъ земель Инда; каста брахмановъ занимаетъ здѣсь высокое положеніе и пользуется рѣшительнымъ вліяніемъ на общественную жизнь, а власть государей ограничивается религіозными предразсудками, подозрительностью и безконечнымъ соперничествомъ; такой характеръ не измѣнился и по прошествіи многихъ вѣковъ, несмотря на всѣ перемѣны власти, религіи и даже самой природы.

Эти особенности страны и народонаселенія сейчасъ же обнаружались въ ихъ отношеніяхъ къ Александру. Изъявленіе покорности маллами уничтожило всякое сопротивленіе у сосѣднихъ съ ними народовъ и путь войска до земли согдовъ былъ непрерывнымъ побѣдоноснымъ шествіемъ. Но царь тщетно ожидалъ добровольнаго подчиненія жившихъ далѣе народовъ; изъявить свою покорность повелителю земли Инда не являлись ни сами государи, ни ихъ посольства: наученіе высокоумныхъ брахмановъ, или же увѣренность въ собственныхъ силахъ заставили ихъ отнестись съ презрѣніемъ къ могущественному чужеземцу. Только раджа Самбъ³⁰⁾ покорился добровольно; стоя въ зависимости отъ болѣе могущественнаго Мусикана, онъ предпочелъ служить иноземному властелину, чѣмъ сосѣднему государю, и Александръ утвердилъ его сатрапомъ въ его гористой области³¹⁾, или, что будетъ вѣрнѣе, оставилъ ему его престолъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и платившимъ дань государямъ сатрапіи Верхней Индіи.

Независимое положеніе, которое, повидимому, желалъ занять Мусиканъ, равно какъ и другіе государи этой страны, вынудило Александра еще разъ рѣшиться прибѣгнуть къ силѣ оружія. Изъ согдійской Александріи онъ съ возможною быстротою поплылъ внизъ по рѣкѣ въ тотъ рукавъ Инда, который ведетъ къ горамъ и къ резиденціи Мусикана, и достигъ его границъ прежде, чѣмъ этотъ государь могъ даже думать о нападеніи. Испуганный близостью опасности, Мусиканъ старался заставить забыть свое высокоумное поведеніе быстрой и униженной покорностью; онъ лично явился къ Александру, привезя съ собою множество драгоценныхъ подарковъ и въ томъ числѣ всѣхъ своихъ слоновъ, отдался со своею странкою въ полную власть царя и призналъ себя безусловно неправымъ,—самое надежное средство для

того, чтобы возбудить великодушныя чувства въ Александрѣ. Мусиканъ получилъ прощеніе, и ему были оставлены его земли подъ македонскимъ верховенствомъ. Александръ былъ изумленъ роскошной природой этой мѣстности; обладаніе резиденціей государя, положеніе которой было удобно для господства надъ всею страной, онъ долженъ былъ обезпечить за собою македонскимъ гарнизономъ и цитаделью, которую строить получилъ приказъ Кратеръ ³²).

Царь со стрѣлками, агріанами и половиной гиппархій двинулся на земли престіевъ и на ихъ государя Оксикана, или Портикана, какъ его называютъ другіе ³³); не желая покориться, послѣдній съ значительными боевыми силами заперся въ своей столицѣ. Царь приблизился и безъ труда взялъ одинъ изъ первыхъ городовъ его государства; но этотъ государь, не ослѣпленный примѣромъ Мусикана, ожидалъ непріятеля за стѣнами своей столицы. Александръ явился, началъ осаду, и на третій день она такъ далеко подвинулась впередъ, что раджа долженъ былъ отступить въ городскую цитадель и изъявилъ желаніе вступить въ переговоры; но было уже поздно, въ стѣнахъ цитадели была пробита брешь, македоняне проникли въ нее, бывшіеся съ мужествомъ отчаянія индусы были побѣждены, а ихъ государь убитъ. Послѣ паденія столицы и смерти государя покорить остальные многочисленные города этой богатой страны было уже не трудно; Александръ отдалъ ихъ на разграбленіе; участію престіевъ онъ надѣялся испугать другіе народы и заставить ихъ наконецъ добровольно изъявить свою покорность, которую онъ могъ вынудить у нихъ силой.

Но теперь началось новое движеніе въ такомъ пунктѣ, гдѣ его вовсе не ожидали. Раджа Самбъ съ ужасомъ увидалъ, что Мусиканъ не только остался безнаказаннымъ, но и вошелъ въ большую милость къ царю; онъ полагалъ, что теперь долженъ бояться наказанія за свое отпаденіе; брахманы его двора, руководясь единственно своею ненавистью къ чужеземному побѣдителю, съумѣли поддержать въ немъ этотъ страхъ и подтолкнуть его наконецъ къ самому ошибочному шагу, какой онъ только могъ сдѣлать; онъ бѣжалъ за Индъ въ пустыню, оставивъ въ своей странѣ безпорядки и возстаніе. Царь бросился туда; столичный городъ Синдомана ³⁴) открылъ свои ворота и передался Александру тѣмъ охотнѣе, что не принималъ участія въ мятежѣ; слоны и сокровища государя были выданы, другіе города этой страны послѣдовали примѣру столицы; рѣшился сопротивляться только одинъ, куда бѣжали вызвавшіе возстаніе брахманы; онъ былъ взятъ и виновные брахманы казнены ³⁵).

Слѣпой фанатизмъ этой священной касты, тѣмъ болѣе ожесточенный, чѣмъ безнадежнѣе онъ былъ, не испуганный участіемъ брахмановъ Самба, съумѣлъ во время отсутствія царя разжечь въ раджѣ Мусиканѣ и населеніи его страны самую дикую ненависть къ чужеземцамъ, разрѣшившуюся открытымъ возстаніемъ и избіеніемъ македонскихъ гарнизоновъ; пламя возстанія вспыхнуло на обоихъ берегахъ рѣки, все бралось за оружіе; и если бы сила воли и энергія руководителей были равны ихъ ярости, то Александру было бы трудно удержаться здѣсь. Но едва успѣлъ онъ приблизиться, какъ

Мусиканъ бѣжалъ за Индѣ; Александръ послалъ Пиона преслѣдовать его, а самъ двинулся противъ городовъ, которые, лишенные взаимной поддержки, умныхъ руководителей и надежды на спасеніе, быстро попали въ руки побѣдителя ³⁶). Наказаніе за мятежъ было строгое, безчисленное множество индусовъ было убито во время штурмовъ или казнено послѣ побѣды, города ихъ разрушены, а немногіе уцѣлѣвшіе города были снабжены цитаделями и македонскими гарнизо-нами, которые должны были наблюдать за опустошенной и покрытой развалинами страной. Самъ Мусиканъ былъ взятъ въ плѣнъ, онъ и множество брахмановъ были признаны заслуживающими смерти и повѣшены по бокамъ дорогъ страны, причиной несчастія которой они были.

Теперь царь могъ возвратиться къ своему флоту и къ лагерю своего войска ³⁷); энергія и строгость, съ какою онъ подавилъ воз-станіе, повидимому, произвели наконецъ желанное впечатлѣніе на умы индусовъ. Особенно сѣвшиль покориться царю государь Патталы, Мѣрисъ ³⁸), чьи владѣнія обнимали дельту Инда; онъ явился въ Александрію, отдалъ себя и свою страну въ полную власть царя и получилъ за это свою область на тѣхъ же условіяхъ, какія были поставлены раджѣ Мусикану и другимъ государямъ, жившимъ въ предѣлахъ македонскихъ сатрапій. Получивъ отъ Мѣриса подробныя свѣдѣнія о природѣ дельты Инда, начинающейся около Патталы, объ устьяхъ этой рѣки и объ океанѣ, въ который они вливаются, Алек-сандръ отпустилъ его обратно въ его землю съ приказомъ подгото-вить все для приѣма войска и флота.

Съ этимъ изъясненіемъ покорности Мѣрисомъ, послѣднимъ оста-вавшимся еще независимымъ государемъ лежавшихъ по Инду земель, военныя операціи похода были окончены; теперь если и можно было чего нибудь ожидать, то не большой и общей войны, а развѣ лишь со-противленія отдѣльныхъ мѣстечекъ и безпорядковъ въ обширныхъ зем-ляхъ по Инду, которые не трудно было подавить. Во всѣхъ своихъ совокупныхъ боевыхъ силахъ Александръ болѣе не нуждался; на-стала пора возвращенія. Желаніе царя открыть путь моремъ изъ Индіи въ Персію и его планъ пройти по лежавшимъ между этими двумя странами южнымъ приморскимъ областямъ, которыя еще не были покорены въ его непосредственномъ присутствіи и часть кото-рыхъ была заселена независимыми племенами, точно также не требо-вали участія въ дѣлѣ всего войска, содержать которое было не трудно въ богатыхъ индійскихъ земляхъ, но сопряжено съ различными труд-ностями при пути вдоль морского берега, тянувшемся нерѣдко по пустынной мѣстности. Кромѣ того, изъ сѣверовосточныхъ областей государства получались извѣстія, безусловно требовавшія появленія въ этихъ земляхъ значительныхъ македонскихъ боевыхъ силъ. Бактрскій вельможа Оксіартъ, какъ разъ въ это время прибывшій въ войско, принесъ съ собою извѣстія о возстаніи греческихъ воен-ныхъ колоній въ Бактрѣ; раздоры между старыми воинами, — такъ гово-ритъ одинъ не очень достовѣрный источникъ, сообщающій объ этихъ со-бытіяхъ, — повлекли за собою кровавыя столкновенія; увлеченные да-лѣе страхомъ передъ неизбѣжной карой, эти ветераны завладѣли

цитаделью Бактры, призвали варваровъ къ возстанію и провозгласили царемъ Аѣинодора, ихъ коновода, обѣщавшаго отвести ихъ за море на греческую родину; полный зависти къ царскому званію Аѣинодора, противъ него началъ строить ковы нѣкій Виконъ, который умертвилъ его на пиру у Вокса, одного знатнаго варвара, и на другой день оправдывался въ этомъ передъ собраніемъ войска; начальникамъ съ трудомъ удалось защитить его отъ ярости солдатъ; затѣмъ они сами въ свою очередь составили противъ него заговоръ и предали его пыткѣ, чтобы точно также умертвить его; въ это время ворвались солдаты, вырвали его изъ рукъ палачей и выступили въ количествѣ трехъ тысячъ человекъ искать подъ его предводительствомъ путь на родину. Можно было ожидать, что эта толпа будетъ усмирена уже одними войсками сатрапіи ³⁹⁾; все-таки было необходимо принять мѣры на всякій случай. Въ сатрапіи Паропамиза тоже не все было въ порядкѣ; различными притѣсненіями и несправедливостями Тиріаспъ возбудилъ противъ себя населеніе, такъ что жалоба на него была принесена прямо царю; онъ былъ смѣщенъ со своей должности и вмѣсто него въ Александрію былъ посланъ вельможа Оксіартъ ⁴⁰⁾. Болѣе тревожнаго свойства были извѣстія, получившіяся изъ глубины Аріаны: персъ Ордапъ провозгласилъ себя независимымъ и захватилъ власть надъ аріаспами по нижнему теченію Этимандра ⁴¹⁾. Сюда было всего важнѣе послать значительныя македонскія боевыя силы, чтобы подавить опасность въ зародышѣ.

Приблизительно третья часть пѣхоты, находившаяся подъ начальствомъ Кратера, была готова къ вступленію въ Арахозію; онъ имѣлъ у себя фаланги Аттала, Антигена ⁴²⁾ и Мелеагра, часть стрѣлковъ, всѣхъ слоновъ, и кромѣ того тѣхъ конныхъ и пѣшихъ этеровъ, которые, будучи неспособны къ дальнѣйшей службѣ, должны были возвратиться на родину. Онъ долженъ былъ, такъ гласили данныя ему инструкціи, идти черезъ Арахозію и Дрангіану въ Карманію ⁴³⁾, подавить въ этихъ земляхъ зловредныя нововведенія и затѣмъ приказать тамошнимъ сатрапамъ послать транспорты съѣстныхъ припасовъ къ морскому берегу Гедрозіи, черезъ которую Александръ собирался скоро идти ⁴⁴⁾.

Послѣ отправки Кратера выступилъ и царь; самъ онъ поплылъ съ флотомъ внизъ по рѣкѣ, а Пиѳонъ съ конными стрѣлками и агріанами переправился на лѣвый берегъ рѣки, чтобы заселить жителями изъ окрестностей заложенные тамъ города ⁴⁵⁾, подавить остатки безпорядковъ въ понесшей тяжелое наказаніе странѣ и затѣмъ въ Патталѣ снова присоединиться къ главному войску; остальные силы повелъ къ тому же самому городу по правому берегу Инда Гефестіонъ.

Уже на третій день плаванія Александръ получилъ извѣстіе, что раджа Патталы, вмѣсто того, чтобы приготовить все для приема войска, бѣжалъ съ большею частью жителей въ пустыню; можетъ быть, онъ сдѣлалъ это изъ страха передъ могущественнымъ царемъ, но вѣроятнѣе по наущеніямъ браминновъ. Тѣмъ быстрѣе спѣшилъ Александръ впередъ; вездѣ мѣстечки были покинуты жителями; подъ конецъ іюня мѣсяца онъ достигъ Патталы ⁴⁶⁾. Улицы и дома были пусты, все

движимое имущество унесено, весь этотъ большой городъ словно вымеръ. Тотчасъ же были посланы легкія войска преслѣдовать бѣгущихъ по свѣжимъ слѣдамъ; нѣкоторые изъ нихъ были приведены къ царю, который принялъ ихъ съ благосклонностью, какой они не ожидали, и послалъ ихъ предложить своимъ единоплеменникамъ мирно возвратиться въ свои жилища и къ своимъ занятіямъ и не опасаться за свою дальнѣйшую участь, такъ какъ имъ и на будущее время будетъ по прежнему дозволено жить по своимъ обычаямъ и законамъ и безопасно заниматься своей торговлей, ремеслами и земледѣліемъ. Послѣ такого заявленія царя большинство жителей возвратилось, и Александръ могъ приступить къ исполненію великаго плана, для котораго ему было такъ важно обладать устьемъ Инда.

Онъ подозрѣвалъ или узналъ, что то же самое море, въ которое вливается Индъ, образуетъ и персидскій заливъ и что поэтому отъ устья Инда можно найти путь моремъ къ устьямъ Эвфрата и Тигра; его господство, которое въ первый разъ приводило въ непосредственную связь между собою самые отдаленные народы, и которое желало основываться не столько на силѣ оружія, сколько на интересахъ самихъ народовъ, должно было главнымъ образомъ стремиться къ развитію торговыхъ сношеній, къ созданію обширнаго товарищества между всѣми даже самыми отдаленными частями государства, и къ достиженію результатовъ такихъ обширныхъ международныхъ сношеній, какихъ дотолѣ еще не существовало. Вездѣ онъ имѣлъ въ виду это соображеніе; города, основанные для военнаго господства надъ Ираномъ и Тураномъ, были въ то же время пунктами остановки для каравановъ; основанные въ Индіи укрѣпленные города охраняли безопасность дороги, ведшей изъ Аріаны и пересѣкавшей пятирѣчье, и воднаго пути по Инду и его притокамъ; египетская Александрія за тѣ четыре или пять лѣтъ, которыя она существовала, уже сдѣлалась центральнымъ пунктомъ торговли отечественнаго моря; теперь эта обширная система международныхъ сношеній должна была получить свое завершеніе въ занятіи дельты Инда, въ основаніи удобно расположеннаго на берегахъ океана торговаго пункта, и наконецъ въ устройствѣ торговыхъ дорогъ, направленіе которыхъ уже обозначалъ рядъ ведущихъ въ глубину страны греческихъ городовъ и возникновеніе которыхъ заставляло ожидать открытіе морского сообщенія между устьями Эвфрата и Инда.

Паттала, лежавшая тамъ, гдѣ начинаются первые рукава дельты Инда, сама собою являлась посредствующимъ пунктомъ для торговли между внутренними частями страны и океаномъ; въ то же время она господствовала надъ землями нижняго Инда и въ военномъ отношеніи; поэтому Гефестіону было поручено самымъ старательнымъ образомъ укрѣпить городскую цитадель и затѣмъ выстроить около города корабельныя верфи и обширную гавань. Въ то же время царь послалъ въ пустынные и безлѣсныя мѣстности, начинавшіяся недалеко отъ города на востокъ, нѣсколько отрядовъ войска съ порученіемъ рыть колодцы и сдѣлать эти мѣста удобообитаемыми, что должно было облегчить и съ этой стороны сношенія съ Патталой и открыть ее для каравановъ изъ земель Ганга и Декана. Нападеніе жившихъ въ пустынѣ ордъ прервало эту работу только на одно мгновеніе.

Послѣ продолжительнаго отдыха, во время котораго постройка цитадели была почти окончена, а постройка верфи подвинулась вперед довольно далеко, царь рѣшилъ лично изслѣдовать устья Инда и ихъ удобства для судоходства и торговли и затѣмъ выплыть въ океанъ, по которому до сихъ поръ еще ни плавалъ ни одинъ грекъ. Сначала онъ желалъ спуститься по правому главному рукаву рѣки; пока Леонать съ 1000 всадниковъ и 9000 голлитовъ и легковооруженныхъ шелъ по внутреннему берегу, онъ самъ съ самыми быстрыми кораблями своего флота, полутріерами, тридцативесельными кораблями и нѣсколькими керкурами⁴⁷⁾ поплылъ внизъ по рѣкѣ, хотя и не имѣлъ проводниковъ, которые были бы знакомы съ рѣкой, такъ какъ обитатели Патталы и индусы вообще не занимались судоходствомъ, а жившіе по берегамъ рѣки туземцы бѣжали при приближеніи македонянъ. Онъ положился на мужество и ловкость экинажа своего флота, не подозревая даже, какому испытанію подвергнетъ ихъ неслыханная мощь океаническихъ явленій.

Теперь была какъ разъ самая середина лѣта, тотъ моментъ, когда рѣка, достигнувъ своего наибольшаго уровня, мѣстами затопляетъ низкіе берега, что еще болѣе затрудняло плаваніе. Въ первый день Александръ плылъ безъ дальнѣйшихъ препятствій; но на второй день, когда онъ находился миляхъ въ десяти ниже Патталы, съ юга поднялся сильный вѣтеръ и вздулъ воды рѣки, такъ что по ней заходили высокія волны, начался сильный прибой и потонуло нѣсколько кораблей, а другіе получили сильныя поврежденія. Корабли были быстро направлены къ берегу, чтобы возможно скорѣе и лучше исправить полученные поврежденія; затѣмъ царь разослалъ по окрестностямъ легковооруженныхъ, которымъ было приказано схватить нѣсколько бѣжавшихъ жителей береговъ рѣки, знакомыхъ съ мѣстностью. Съ этими послѣдними на слѣдующее утро Александръ поплылъ далѣе; все шире и шире катилась громадная рѣка между низкими и пустынными берегами, началъ чувствоваться свѣжій морской воздухъ; волненіе въ рѣкѣ становилось все сильнѣе, гребти становилось труднѣе, такъ какъ съ океана дулъ рѣзкій противный вѣтеръ; гонимая имъ назадъ и поднимавшаяся въ своемъ уровнѣ рѣка, повидимому, начинала становиться опасной, и корабли завернули въ одинъ каналъ, показанный пойманными наканунѣ рыбаками. Вода прибывала все быстрѣе и сильнѣе и македоняне едва успѣли во время причалить корабли къ берегу. Едва успѣли они причалить, какъ рѣка начала спадать съ такою же быстротою; корабли остались по большей части на сушѣ или увязли въ прибрежномъ илѣ; всѣ были изумлены и поражены. Такимъ образомъ прошло нѣсколько часовъ, наконецъ было рѣшено приступить къ тому, чтобы спастъ корабли съ мели и стараться достигнуть фарватера; но тутъ снова началось это опасное зрѣлище, приливъ прибывалъ съ шумомъ, заливалъ илстые берега и поднималъ увязшіе въ илѣ суда; прибывая все быстрѣе и быстрѣе, волны забились объ крѣпкіе берега и повалили на бокъ искавшія тамъ прибѣжища суда, такъ что многія изъ нихъ опрокинулись, а многія разбились и потонули; высокія волны прилива то выбрасывали пришедшіе въ беспорядокъ и

потерявшіе всякую надежду на спасеніе корабли на землю, то толкали ихъ другъ на друга и ихъ столкновеніе было тѣмъ опаснѣе, чѣмъ сильнѣе прибывала вода. Цѣною такихъ опасностей и трудовъ царь купилъ свои первыя свѣдѣнія о приливахъ и отливахъ океана; хотя настоящее устье рѣки находилось еще въ десяти миляхъ, приливы и отливы были тѣмъ грознѣе, что имъ приходилось бороться съ напоромъ громадной массы водъ Инда, устья котораго, достигающія здѣсь двухъ миль ширины, открываютъ полный просторъ ихъ вторженію ⁴⁸).

Побѣдивъ эти опасности и изучивъ средства избѣгать ихъ, такъ какъ они возвращались періодически, Александръ, пока производилась починка поврежденныхъ кораблей, послалъ два лучшихъ корабля внизъ по рѣкѣ къ острову Скиллутъ ⁴⁹), гдѣ, какъ рассказывали рыбаки, океанъ находился недалеко и гдѣ берегъ былъ удобенъ и безопасенъ для корабельной стоянки. Когда они принесли съ собою назадъ извѣстіе, что берега острова удобны и что самый островъ великъ и въ изобиліи снабженъ прѣсной водою, Александръ прибылъ туда съ флотомъ и поставилъ большую часть его подъ защиту берега; отсюда уже былъ виденъ пѣнящійся прибой устья Инда, а надъ нимъ высокій горизонтъ океана, а по другую сторону достигавшей двухъ миль ширины рѣки едва можно было различить низкій, безлѣсный и лишенный всякихъ возвышенностей морской берегъ. Александръ поплылъ съ лучшими своими кораблями далѣе, намѣреваясь пройти по главному устью рѣки и опредѣлить, доступно ли оно для судовъ; скоро западный берегъ совершенно скрылся изъ его глазъ и передъ его взорами раскинулася безконечная волнующаяся даль ухидившаго на западъ океана; проплывъ четыре мили на востокъ, онъ достигъ второго острова, о плоскіе и пустынные песчаные берега котораго уже разбивался со всѣхъ сторонъ прибой океана; наступилъ вечеръ и корабли съ приливомъ возвратились къ тому острову, около котораго причалилъ флотъ; по случаю этого перваго появленія ихъ на океанѣ и въ послѣдней странѣ на югѣ обитаемой земли была принесена торжественная жертва Аммону, предписанная богомъ черезъ своего оракула. На слѣдующее утро царь снова вышелъ въ океанъ; присталъ къ вышеупомянутому острову на морѣ и принесъ также и тамъ жертву богамъ, которыхъ, какъ онъ говорилъ, указалъ ему Аммонъ; затѣмъ онъ вышелъ въ открытое море, чтобы посмотреть кругомъ, не покажется ли еще гдѣ-нибудь твердая земля; и когда берега кругомъ скрылись изъ глазъ и видно было только море да небо, онъ принесъ въ жертву Посейдону быка и погрузилъ его въ море, затѣмъ сдѣлалъ возліяніе изъ золотой чаши и точно также бросилъ ее въ волны и смѣшалъ новыя возліянія переидамъ, спасителямъ Діоскурамъ и среброногой Ѡетидѣ, матери его предка Ахилла; онъ молилъ ихъ милостиво принять на свое доно его флотъ и вести его на западъ къ устьямъ Эвфрата, а послѣ молитвы бросилъ въ море золотой кубокъ.

Затѣмъ онъ возвратился къ своему флоту, вошелъ съ нимъ обратно въ рѣку и поднялся вверхъ по теченію къ Патталѣ, гдѣ постройка цитадели была уже окончена и началась постройка гавани.

Сюда прибылъ также и Пионъ съ своимъ войскомъ, который въ совершенствѣ выполнилъ возложенное на него порученіе, успокоилъ равнину и заселилъ новые города. Царь ознакомился съ правымъ рукавомъ устьевъ Инда и съ различными неудобствами, которыя онъ представляетъ для судоходства: дувшій тогда муссонъ и высокій уровень воды въ рѣкѣ соединились въ это время года для того, чтобы сдѣлать его трудно доступнымъ. Онъ рѣшилъ спуститься также по второму, восточному главному рукаву рѣки и изслѣдовать, не представляетъ ли онъ большихъ удобствъ для судоходства. Когда Александръ проплылъ довольно далеко къ юговостоку, то рѣка расширилась и образовала довольно большое озеро, которое питали своими водами нѣсколько маленькихъ и большихъ рѣкъ, впадавшихъ въ него съ востока, и которое было похоже на морской заливъ; здѣсь встрѣчались даже морскія рыбы. Флотъ причалилъ къ берегамъ этого озера, а туземные проводники показали самыя удобныя мѣста. Царь оставилъ здѣсь подъ предводительствомъ Леонната большую часть войска со всѣми керкурами, а самъ съ полутрирами и тридцативесельными кораблями поплылъ черезъ озеро къ устью Инда. Онъ достигъ моря, не увидавъ ни сильнаго прибоя, ни высокаго прилива, дѣлавшихъ столь опаснымъ западный болѣе широкій рукавъ Инда; онъ приказалъ кораблямъ пристать къ берегу въ устьѣ рѣки и сдѣлалъ съ нѣкоторыми изъ своихъ этеровъ три дневныхъ перехода вдоль морского берега, желая изслѣдовать его природу и вырыть колодцы для пользованія мореходцевъ. Затѣмъ онъ вернулся къ своимъ кораблямъ и съ ними возвратился вверхъ по рѣкѣ черезъ озеро въ Патталу, между тѣмъ какъ часть войска двинулась по берегу рѣки, чтобы рыть колодцы и здѣсь, гдѣ мѣстность была тоже безводна. Изъ Патталы онъ вторично спустился въ море, сдѣлавъ распоряженіе относительно постройки гавани и нѣсколькихъ корабельныхъ верфей и оставилъ для ихъ защиты небольшой гарнизонъ ⁵⁰).

Такимъ образомъ все было организовано согласно съ великимъ планомъ царя, для полнаго осуществленія котораго недоставало только одного, но, правда, самаго труднаго и опаснаго, — открытія самаго морского пути, который отнынѣ долженъ былъ соединить Индъ съ Эвфратомъ. Только принимая въ соображеніе состояніе тогдашняго мореходства и землевѣденія мы будемъ въ состояніи справедливо оцѣнить всю смѣлость такого плана. Конструкція кораблей была не совершенна и совсѣмъ не рассчитана на особенности океаническихъ водъ; единственнымъ регулятивомъ мореходства были звѣзды и морской берегъ, близость котораго, конечно, часто должна была дѣлаться опасной; фантазія эллиновъ населила океанъ чудесами и чудовищами всякаго рода, и македоняне, безстрашные и мужественные, когда они глядѣли въ лицо непріятелю, были безоружны и исполнены страха передъ этой предательской стихіей. А затѣмъ, кто долженъ былъ взять на себя руководство этой экспедиціей? Самъ царь, достаточно смѣлый для самаго смѣлаго предпріятія и даже готовый вырвать у океана побѣду, не долженъ былъ становиться во главѣ флота тѣмъ болѣе, что въ его государствѣ еще во время его похода въ Индію обнаружились нѣкоторые безпорядки, настоятельно требовавшіе его

возвращенія; сухопутный путь въ Персію былъ труденъ, и македонскія войска, чтобы пройти по этимъ пустыннымъ и страшнымъ землямъ, нуждались въ его предводительствѣ тѣмъ болѣе, что только ему они вполне довѣряли. Кого же такимъ образомъ можно было избрать въ предводители флота? кто обладалъ достаточнымъ мужествомъ, искусствомъ и преданностью? кто могъ бы заставить молчать предразсудки и страхъ назначенныхъ во флотъ войскъ и вмѣсто мысли, что ихъ равнодушно приносятъ въ жертву очевидной опасности, возбудить въ нихъ вѣру въ самихъ себя, въ ихъ предводителя и въ счастливый конецъ этого предпріятія?

Царь сообщилъ обо всѣхъ своихъ сомнѣніяхъ вѣрному Неарху и просилъ дать ему совѣтъ, кому онъ можетъ ввѣрить флотъ. Неархъ называлъ ему одного за другимъ, но царь всѣхъ отвергалъ; одинъ казался ему недостаточно рѣшительнымъ, другой недостаточно преданнымъ для того, чтобы подвергать себя опасностямъ ради него, третьи были недостаточно знакомы съ мореходствомъ и съ духомъ войскъ, или были исполнены тоски по родинѣ и по удобствамъ спокойной жизни. Неархъ, какъ онъ рассказываетъ въ своихъ Запискахъ, предложилъ наконецъ самого себя: «я, о царь, готовъ взять на себя начальство надъ флотомъ и съ помощью боговъ и людей въ полной сохранности доставить его въ Персію, если только море доступно для судовъ и это предпріятіе вообще исполнимо для человѣческихъ силъ». Царь возразилъ на это, что онъ не можетъ подвергать новымъ опасностямъ такого вѣрнаго и заслуженнаго человѣка. Тѣмъ настоятельнѣе просилъ его объ этомъ Неархъ, и царь не могъ скрыть отъ себя, что именно онъ всѣхъ болѣе подходитъ для этого предпріятія; войска, относившіяся съ почтеніемъ къ испытанному предводителю флота и знавшія, какъ сильно былъ привязанъ къ нему царь, должны были видѣть въ этомъ выборѣ гарантію для самихъ себя, такъ какъ Александръ не поставилъ бы своего друга и одного изъ своихъ лучшихъ полководцевъ во главѣ этого предпріятія, еслибы самъ не рассчитывалъ на его успѣхъ⁵¹⁾. Такимъ образомъ былъ назначенъ начальникомъ флота Неархъ, сынъ Андотима, уроженецъ Крита и гражданинъ Амфиполя, и это былъ самый удачный выборъ, какой только могъ сдѣлать царь. Если назначенныя состоятъ во флотъ войска сначала упали духомъ и были обезкоены своей судьбой, то выборъ ихъ предводителя, прочность и роскошь приготовленной, увѣренность, съ которой царь предсказывалъ этой экспедиціи счастливый успѣхъ, гордость при мысли, что имъ придется участвовать въ одной изъ наиболѣе смѣлыхъ и опасныхъ экспедицій, какія когда либо предпринимались, наконецъ, примѣръ великаго царя, который черезъ волнующееся устье Инда выплылъ на высоту океана,—все это заставляло ихъ съ радостью ожидать дня отъѣзда.

Александръ имѣлъ случай ознакомиться съ природой муссона; онъ регулярно дуетъ въ теченіе лѣта съ юго-запада, а въ теченіе зимы съ сѣверо-востока, но эти сѣверо-восточные муссоны на тянущемся прямо къ западу берегу Гедрозіи переходятъ въ постоянный восточный вѣтеръ, который начинается съ нѣкоторыми колебаніями въ

октябрь, устанавливается къ концу этого мѣсяца и затѣмъ безъ перерывовъ дуетъ до февраля. Конечно, необходимо было воспользо-
ваться этой особенностью Индійскаго океана, крайне благопріятной
для задуманной морской экспедиціи, и поэтому отплытіе флота было
назначено на конецъ октября ⁵²⁾. Выступленія сухопутнаго войска
нельзя было откладывать на столь долгій срокъ, такъ какъ съ одной
стороны состояніе государства требовало быстрого возвращенія Алек-
сандра, а съ другой стороны необходимо было приготовить на мор-
скомъ берегу запасы провіанта и вырыть колодцы для флота, кото-
рый не могъ застаться провіантомъ для такого далекаго плаванія.
Поэтому царь приказалъ флоту до ноября остаться стоять въ Пат-
талѣ и сдѣлать четырехмѣсячный запасъ провіанта для его содержа-
нія, а затѣмъ самъ началъ готовиться къ выступленію изъ Патталы.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

PARVETOP ATHON

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ОТБЫТИЕ.—ВОЙНЫ ВЪ ЗЕМЛѢ ОРИТОВЪ.—ПОХОДЪ ВОЙСКА ЧЕРЕЗЪ ПУСТЫНЮ ГЕДРОЗИ.—ПРИБЫТИЕ ОСТАТКОВЪ ВОЙСКА ВЪ КАРМАНІЮ.—НЕАРХЪ ВЪ ГАРМОЗИ.—БЕЗПОРЯДКИ ВЪ ГОСУДАРСТВѢ.—КАЗНИ.—ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ ПЕРСІЮ.—ВТОРИЧНОЕ ВЪГСТВО ГАРПАЛА.—СВАДЕБНЫЯ ТОРЖЕСТВА ВЪ СУЗЪ.—НОВАЯ ОРГАНИЗАЦІЯ ГОСУДАРСТВА.—ВЫСТУПЛЕНІЕ ВЪ ОПИСЬ.

Бассейнъ Инда съ запада ограничиваютъ высокія горы, тянущіяся отъ рѣки Кофена до самаго океана. Ихъ послѣднія скалистыя массы еще у самыхъ береговъ его достигаютъ высоты 1800 футовъ. Прорѣзанныя многочисленными проходами, они служатъ полною преградой между землями дельты Инда и пустынною береговой полосой Гедрози, между землею Синдомъ и высокой степью Аріаны. На востокъ царствуетъ влажный тропическій зной; избытокъ водъ, роскошная растительность, богатое развитіе животнаго царства, густое народонаселеніе съ широко развитыми общественными сношеніями, съ тысячею пріобрѣтеній и потребностей многовѣковой цивилизаціи; по другую сторону пограничныхъ горъ, голыми скалами поднимающихся другъ надъ другомъ, тянется лабиринтъ скалистыхъ стѣнъ, утесовъ и горныхъ стеней, а посрединѣ ихъ плоскогорье Келата, обнаженное, мрачное, томимое сухимъ холодомъ или непродолжительнымъ, жгучимъ лѣтнимъ зноемъ, истинная «пустыня нищеты»¹⁾. Съ сѣвера и запада окружаютъ ее крутыя скалистыя стѣны, у подножія которыхъ разливается песчаное море пустыни Аріаны, безконечный океанъ съ красноватой блестящей атмосферой раскаленнаго летучаго песка, съ подобной волнамъ перемѣной постоянно передвигающихся паносовъ, среди которыхъ сбивается съ дороги путникъ и тонетъ верблюдъ. Таковъ печальный путь въ глубину страны; еще дичѣе и ужаснѣе пустыня по берегу моря и пролегающій черезъ нее путь къ западу. Когда путешественникъ поднимется изъ Индіи по проходамъ высокихъ пограничныхъ горъ, передъ нимъ открывается низменность, слѣва море, съ запада и съ сѣвера горы, въ глубинѣ низменности въ океанъ бѣжитъ рѣка, послѣднія текущія воды на этомъ пути; у подножія горъ раскидываются хлѣбныя поля, по равнинѣ разбросаны сѣла и мѣстечки, послѣднія на этомъ

многомѣсячномъ пути. Къ сѣверу въ гористую пустыню Келата ведутъ изъ этой «равнины ²⁾» вьющіяся зигзагами крайне неудобные проходы; на западѣ спускаются къ самому морю горы оритовъ. Послѣ перевала черезъ нихъ и начинаются ужасы пустыни; берегъ ровенъ, песчанъ, горячъ, безъ травки и кустика, пересѣкается песчаными жедами пересохшихъ рѣкъ, почти необитаемъ; по берегу на нѣсколькихъ миляхъ разстоянія другъ отъ друга разбросаны подл группами одинокихъ пальмъ одинокія жалкія рыбацкія лачуги, выстроенныя изъ рыбьихъ костей и водорослей, немногочисленные обитатели которыхъ еще болѣе жалки, чѣмъ ихъ страна. На день пути въ глубину страны тянутся цѣли обнаженныхъ утесовъ, перерѣзываемыя потоками, которые во время дождей скоро наполняются, съ быстротою и шумомъ катятъ свои воды къ морскому берегу и прорываютъ себѣ тамъ глубокія устья, а на все остальное время года пересыхаютъ, заростають кустарниками, мимозами и тамарисками, и переполняются волками, шакалами и роями комаровъ. Позади этихъ рядовъ скалъ тянется пустыня Гедрозія, достигающая нѣсколькихъ дней пути въ ширину, заселенная отдѣльными кочующими племенами и болѣе чѣмъ страшная для чужеземца; безлюдье, сушь и недостатокъ въ водѣ являются здѣсь самыми малыми страданіями; днемъ палящее солнце, жгучая пыль, вызывающая воспаленіе глазъ и стѣсняящая дыханье, ночью пронизывающій насквозь холодъ и вой голодающихъ хищныхъ звѣрей, нигдѣ нѣтъ крова или поросшаго травомъ мѣста, нигдѣ нѣтъ пищи или питья, нигдѣ нѣтъ надежнаго пути или даже вѣрной путевой цѣли. По этой пустынѣ, какъ рассказываютъ, возвращалась на родину изъ Индіи царица Семирамида и изъ сотенъ тысячъ ея войска не возвратилось съ нею въ Вавилонъ даже двадцати челоуѣкъ; Киръ тоже, какъ рассказываютъ, избралъ себѣ здѣсь обратный путь и испыталъ подобную же участь; даже фанатизмъ ислама не дерзнулъ завоевательно проникнуть въ эту пустыню; Калифъ запретилъ своему полководцу Абдаллаху вступать въ эту страну, пораженную видимымъ гнѣвомъ пророка.

Александръ избралъ этотъ путь не для того, чтобы превзойти величіемъ своего подвига Кира и Семирамиду, какъ это полагала древность, и не для того, чтобы за большими потерями заставить забыть потери похода на Индію, какъ это предполагала проницательность новѣйшихъ историковъ. Онъ долженъ былъ избрать этотъ путь: связь между подвластными ему землями не должны были нарушать свободныя пространства земли и непокоренныя племена между сатрапіями Инда и персидскаго моря; не должны были тѣмъ болѣе, что тянувшіяся по краю пустыни цѣли скалъ служили бы постояннымъ убѣжищемъ для разбойничьихъ ордъ и мятежныхъ сатрановъ. Еще важнѣе было соображеніе о флотѣ, который долженъ былъ идти вдоль пустыннаго берега и открыть себѣ морской путь между Индіей и Персіей; онъ не могъ быть снабженъ провіантомъ и водою на цѣлые мѣсяцы, а чтобы запастись тѣмъ и другимъ, время отъ времени долженъ былъ подходить къ берегу, отъ котораго ему вообще не позволялъ удалаться характеръ навтики того времени. Если этой экспедиціи суждено было какъ-нибудь удасться и ея цѣли от-

крыть путь отъ Эвфрата къ Инду быть достигнутой, то прежде всего было необходимо сдѣлать берегъ доступнымъ, повырыть на немъ колодцы, доставить туда припасы, помѣшать сопротивленію со стороны туземцевъ, а главнымъ образомъ включить въ составъ государства народонаселеніе болѣе богатыхъ округовъ. Таковы были основанія, заставившія царя возвращаться назадъ черезъ Гедрозію, хотя природа этой мѣстности не могла быть ему неизвѣстна; онъ не долженъ былъ отказываться отъ своего великаго плана ради неизбѣжныхъ опасностей, не долженъ былъ бояться жертвъ, какихъ бы ни стоило ему это предпріятіе, отъ котораго онъ, вполнѣ справедливо ожидалъ необыкновенныхъ выгодъ. Сатрапу Карманіи. Сивиртію ³⁾, былъ сообщенъ приказъ посылать съ запада навстрѣчу войску на возможно далекое разстояніе все необходимое; и, конечно, Александръ узналъ, что прилегавшая къ Индіи мѣстность, если занять ее, имѣла въ глубинѣ себя достаточно заселенныхъ и плодородныхъ долинъ, чтобы доставить необходимые запасы для похода вдоль морского берега.

Дошедшія до насъ преданія не позволяютъ намъ указать даже приблизительно, какъ велико было число войскъ, которое царь велъ черезъ Гедрозію. Мы можемъ приблизительно опредѣлить величину флота въ 100 кораблей, а ихъ экипажъ въ 12000 человекъ и въ 2000 матросовъ; значительно больше должно было быть войско, которое Кратеръ повелъ черезъ Арахозію. По одному достоверному извѣстію, все войско царя, когда онъ находился въ согдіанской Александріи, равнялось 120000 человекъ; если мы будемъ считать, что у индійскаго сатрапа и въ новооснованныхъ городахъ осталось около 30000 человекъ, то съ царемъ должно было идти отъ 30 до 40000 воиновъ. Эти цифры мы даемъ лишь для того, чтобы напомнить, что именно мы должны знать, для прагматически яснаго представленія объ этомъ походѣ обратно на родину.

Быль, надо думать, конецъ августа 325 года, когда Александръ выступилъ изъ Патталы и изъ индійской земли; онъ скоро достигъ пограничныхъ горъ и перешелъ черезъ нихъ по самому сѣверному изъ проходовъ; приблизительно на девятый день ⁴⁾ они пришли въ долину рѣки Арбія, по сю сторону которой жили арбиты ⁵⁾, а по ту сторону до самыхъ горъ—ориты; оба племени еще не покорились; поэтому Александръ раздѣлилъ свое войско, чтобы пройти по ихъ землѣ и опустошить ее въ случаѣ нужды. Предводительствуемая имъ самимъ, Леоннатомъ и Птолемеемъ, нѣсколько колоннъ спустились въ ту страну, между тѣмъ какъ Гефестіонъ велъ слѣдомъ остальное войско. Александръ направился налѣво къ морю, чтобы татчасъ же приказать рыть вдоль берега колодцы для потребностей своего флота, а затѣмъ напасть на оритовъ, слывшихъ за воинственный и многочисленный народъ. При приближеніи македонянъ арбиты покинули свои деревни и бѣжали въ пустыню. Онъ достигъ рѣки Арбія, которую перешелъ безъ труда благодаря ея мелководью и небольшой ширинѣ; пройдя въ теченіе ночи по пескамъ, тянувшимся къ западу отъ ея праваго берега, онъ къ наступленію дня достигъ прекраснаго воздѣланныхъ полей и деревень оритовъ. Тотчасъ же конница

получила приказъ идти впередъ отдѣльными эскадронами на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга, чтобы занимать болѣе пространства, а пѣхота слѣдовала за нею сомкнутой колонной. Такимъ образомъ атаковалась и бралась одна деревня за другою; тамъ, гдѣ жители пытались сопротивляться и рѣшались бороться своими отравленными стрѣлами противъ македонскихъ дротиковъ, они безъ труда были побѣждены, ихъ деревни сожжены, а сами они или перебиты, или взяты въ плѣнъ и проданы въ рабство. Нижняя область оритовъ была покорена безъ значительныхъ потерь; рана стрѣлой, подвергшая опасности жизнь лагиды Штолемея, была тоже скоро и благополучно излечена ⁶⁾; ставши лагеремъ у одного источника, Александръ отдыхалъ и ожидалъ прибытія Гефестіона. Соединившись съ нимъ, онъ двинулся далѣе къ мѣстечку Рамваки, самому большому въ землѣ оритовъ; его положеніе казалось благопріятнымъ для сношеній и для обладанія страной; Александръ рѣшилъ сдѣлать его столицею оритской сатрапіи и колонизовать; Гефестіонъ получилъ приказъ заложить оритскую Александрію ⁷⁾. Самъ царь съ половиною гипасистовъ и агріановъ, со своей конной свитой и съ конными стрѣлками выступилъ по направленію къ горамъ, отдѣляющимъ другъ отъ друга область оритовъ и гедрозіевъ; тамъ въ проходахъ, по которымъ шла дорога въ Гедрозію, собралось, какъ донесли Александру, значительное количество оритовъ и гедрозіевъ, чтобы съобща преградить дорогу македонянамъ. Когда македоняне приблизились къ устью прохода, варвары обратились въ бѣгство передъ непріателемъ, неотразимая сила котораго страшила ихъ не меньше, чѣмъ его гнѣвъ послѣ побѣды; къ царю спустились предводители оритовъ съ униженными изъявленіями покорности, отдавая въ его полное распоряженіе себя, свой народъ и свое имущество. Александръ принялъ ихъ милостивѣе, чѣмъ они ожидали; онъ поручилъ имъ снова собрать разбѣжавшихся жителей деревень и общать имъ отъ его имени спокойствіе и безопасность, и настоятельно совѣтовалъ имъ слушаться его сатрапа Аполлофана, котораго онъ поставилъ надъ ними, арбитами и землею гедрозіевъ, и въ точности исполнять распоряженія о снабженіи македонскаго флота провіантомъ, которыя будутъ имъ сообщаться ⁸⁾. Въ то же время въ новой сатрапіи былъ оставленъ Леоннатъ со значительнымъ войскомъ, состоявшимъ изъ всѣхъ агріановъ, части стрѣлковъ, нѣсколькихъ сотенъ всадниковъ изъ числа македонянъ и греческихъ наемниковъ и соотвѣтственнаго количества тяжеловооруженныхъ и азіатскихъ войскъ; ему было приказано ожидать на этихъ берегахъ прибытія флота и приготовить все для его пріема, докончить колонизацію новаго города, подавить могущіе еще встрѣтиться безпорядки и протесты со стороны народа и принять всѣ мѣры для того, чтобы склонить бывшихъ донинѣ независимыми оритовъ на сторону новаго порядка вещей; Аполлофану было приказано позаботиться всѣми мѣрами о томъ, чтобы собрать въ глубинѣ Гедрозіи убойный скотъ и провіантъ и избавить такимъ образомъ войско отъ нужды.

Затѣмъ Александръ выступилъ изъ земли оритовъ въ Гедрозію. Уже жаркій и плоскій берегъ моря началъ становиться шире, зной

палаяще, дорога труднѣе; цѣлые дни приходилось идти по пустыннымъ пескамъ, гдѣ лишь время отъ времени группы пальмъ давали скудную тѣнь отъ лучей стоявшаго почти прямо надъ головою солнца; чаще попадались кусты мирры, источавшіе подъ знойными лучами солнца въ изобиліи свою распространявшую сильное благоуханіе и остававшуюся безъ всякаго употребленія смолу; финикійскіе купцы, слѣдовавшіе за войскомъ съ множествомъ верблюдовъ, собирали здѣсь обиліе этого драгоцѣннаго товара, который былъ такъ любимъ на западѣ подъ именемъ арабской мирры⁹⁾. По близости рѣкъ или моря цвѣлъ ароматный тамарискъ, но землѣ стлались вьющіеся корни нардовъ и крючковые кусты терновника, въ которые испуганные приближеніемъ войска зайцы попадались какъ птицы въ силокъ. Войско ночевало вблизи такихъ мѣстъ и приготавливало себѣ ложе для сна изъ листьевъ мирры и нарда. По съ каждымъ новымъ переходомъ берегъ становился все пустыннѣе и непроходимѣе. Ручьи пропадали въ горячемъ пескѣ, растительность тоже умирала; на громадномъ разстояніи не было видно слѣда ни человѣка, ни животнаго; войско стало продолжать свой путь по почамъ, чтобы отдыхать въ теченіе дня; оно углубилось нѣсколько далѣе въ страну, чтобы миновать эту пустыню ближайшимъ путемъ и въ то же время доставить на берегъ провіантъ для флота; къ морскому берегу были посылаемы отдѣльные отряды, чтобы складывать тамъ запасы, рыть колодцы и изслѣдовать доступность берега для кораблей. Нѣкоторые изъ этихъ всадниковъ подъ предводительствомъ Феошта принесли извѣстіе, что на берегу находится нѣсколько жалкихъ рыбацкихъ лачугъ, выстроенныхъ изъ реберъ китовъ и морскихъ раковинъ; ихъ обитатели, бѣдные и тупоумные, питаются сушеной рыбой и рыбьей мукой и пьютъ испорченную воду, сохраняемую въ вырытыхъ въ пескѣ ямахъ: достигли земли ихѳофатовъ (рыбоѣдовъ). Далѣе въ глубинѣ страны, какъ говорили, попадаются отдѣльныя деревни; войско должно было идти туда, такъ какъ недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ начиналъ уже чувствоваться. Послѣ длинныхъ утомительныхъ почныхъ переходовъ, во время которыхъ уже нельзя было болѣе поддерживать строгаго порядка и дисциплины, они достигли наконецъ этой мѣстности; часть найденныхъ тамъ запасовъ была съ соблюденіемъ величайшей экономіи раздѣлена между войскомъ, а остальное было запечатано царской печатью, навьючено на верблюдовъ и отправлено на берегъ; но едва только Александръ успѣлъ двинуться далѣе съ первыми колоннами, какъ поставленная у запасовъ стража сорвала печати и, съ крикомъ окруженная своими голодными товарищами, раздѣлила между ними то, что должна была оберегать, не думая о томъ, что они рискуютъ своею жизнью, спасая себя отъ голодной смерти. Александръ оставилъ это безпачкашнымъ; онъ поспѣшилъ заpastись новымъ провіантомъ и послать его подъ надежнымъ прикрытіемъ и приказалъ туземцамъ доставить изъ глубины страны возможно болѣе хлѣба, финиковъ и убойнаго скота и отвезти это на берегъ; забота объ этихъ транспортахъ была возложена на оставленныхъ для того благонадежныхъ людей.

Между тѣмъ войско двигалось далѣе; оно приближалось къ самому

опасному мѣсту пустыни; голодъ, пицета, отсутствіе дисциплины принимали ужасающіе размѣры. Воды не было на десять, на пятнадцать миль кругомъ, глубокой и горячій песокъ лежалъ подобными бурнымъ волнамъ моря широкими буграми, черезъ которые приходилось тащиться съ безконечнымъ трудомъ, глубоко утопая при каждомъ шагѣ, только затѣмъ, чтобы тотчасъ опять пачинать ту же работу снова; къ этимъ трудамъ присоединялись темнота ночей, принимавшій страшные размѣры упадокъ дисциплины; послѣдній остатокъ силъ былъ истощенъ голодомъ и жаждой или превратился въ эгоистическую жадность. Убивались лошади, верблюды, мулы и ихъ мясо поѣдалось; изъ телѣтъ больныхъ выпрягались животныя, и больные предоставлялись своей участи, а войско съ мрачной поспѣшностью двигалось далѣе; отстававшіе отъ усталости или упадка силъ къ утру едва находили слѣды большого войска, а если и находили ихъ, то тщетно старались настигнуть его; въ страшныхъ корчахъ умирали они подъ жгучими лучами полуденнаго солнца или сбивались съ пути въ лабиринтъ песчаныхъ бугровъ, чтобы умереть медленной смертью отъ голода и жажды. Счастливы были другіе, если они до наступленія дня достигали колодцевъ, гдѣ могли отдохнуть; но часто приходилось еще идти, когда солнце палило уже сверху черезъ красноватый раскаленный воздухъ и песокъ жегъ покрытыя ранами ноги; тогда животныя, хрипя, валились на землю, у утомленныхъ людей кровь вырывалась изъ глазъ и изо рта и они въ смертельной усталости опускались на землю, а солдаты, беспорядочными группами, безмолвные, какъ призраки,ковыляли дальше мимо своихъ умирающихъ товарищей; достигнувъ наконецъ воды, все бросалось пить съ жадной быстротою, чтобы заплатить за эту послѣднюю отраду мучительной смертью. Однажды на одной изъ стоянокъ—мимо протекала почти пересохшая рѣчка—войско отдыхало въ палаткахъ; вдругъ ложе рѣки наполнилось и воды съ шумомъ хлынули на берегъ¹⁰⁾; онѣ уносили съ собою оружіе, животныхъ, палатки и людей, и не успѣли македоняне еще опомниться и принять какія-нибудь мѣры, какъ опустошеніе достигло своего высшаго предѣла; шатеръ и часть оружія Александра сдѣлались добычею волнъ, ему самому съ трудомъ удалось спастись отъ ихъ ярости. Такъ росли ужасы пути; и когда наконецъ при одномъ далекомъ переходѣ сильный вѣтеръ разметалъ песочные бугры и замелъ всякій слѣдъ дороги, когда туземные проводники заблудились и не знали болѣе ни гдѣ они находятся, ни куда имъ идти, тогда даже самые храбрые пали духомъ и гибель всѣмъ казалась несомнѣнной. Александръ собралъ около себя небольшой отрядъ наиболѣе сильныхъ всадниковъ, чтобы искать вмѣстѣ съ ними моря; онъ заклиналъ ихъ собрать свои послѣднія силы и слѣдовать за нимъ. Томимые жаждой и глубокой усталостью, они поскакали за нимъ къ югу черезъ глубокія дюны; лошади падали, всадники не могли тащиться далѣе, только Александръ и пятеро другихъ неутомимо стремились впередъ; наконецъ они увидели голубое море и поскакали къ нему, они начали рыть своими мечами песокъ, ища прѣсной воды, и изъ него брызнулъ ключъ, облегчившій ихъ страданія; тогда Александръ поспѣшилъ обратнo къ войску и повелъ его на болѣе прохладный берегъ и къ струив-

шимся тамъ источникамъ прѣсной воды. Теперь проводники снова ориентировались въ мѣстности, и еще цѣлыхъ семь дней велъ онъ войско по пустынѣ, гдѣ не было уже недостатка въ водѣ, гдѣ тамъ и сямъ попадались запасы провіанта и деревни; на седьмой день они оставили берегъ и двинулись въ глубину страны по плодородной и веселой мѣстности къ Шурѣ, резиденціи сатрапа Гедрозіи ¹¹⁾.

Такимъ образомъ войско достигло наконецъ цѣли своего странствованія, но въ какомъ оно было состояніи! Переходъ отъ границы оритовъ черезъ пустыню продолжался шестьдесятъ дней ¹²⁾; страданія и потери на этомъ пути были значительныѣ, чѣмъ все прежнее, взятое вмѣстѣ. Войско, столь гордо и пышно выступившее изъ Индіи, равнялось теперь только четверти своего прежняго состава ¹³⁾, и эти жалкіе остатки завоевывавшаго вселенную войска исхудали и сдѣлались неузнаваемы: въ висѣвшей лохмотьями одеждѣ, они были почти безоружны, немногочисленные лошади были изнурены и жалки, цѣлое представляло собою картину глубокой нищеты, деморализаціи и отчаянія. Такимъ образомъ царь прибылъ въ Пуру. Здѣсь онъ остановился, чтобы дать оправиться изнуреннымъ войскамъ и собраться заблудившимся по дорогѣ. Сатрапъ Оритиды и Гедрозіи, получившій приказъ снабдить провіантомъ дороги и пустыни и небрежность котораго лишила войско даже послѣдняго возможнаго въ пустынѣ облегченія, былъ немедленно смѣненъ; его преемникомъ въ сатрапіи былъ назначенъ Фоантъ ¹⁴⁾.

Затѣмъ Александръ вступилъ въ Карманію, гдѣ рассчитывалъ встрѣтить Кратера съ его войскомъ и нѣсколько правителей верхнихъ провинцій, которыхъ онъ туда вызвалъ. Это было около начала декабря; о флотъ и его судьбѣ не было никакихъ извѣстій; если порученная мужественному Неарху экспедиція была исполнена опасностей уже сама по себѣ и полное отсутствіе свѣдѣній о ходѣ ея вызывало сильныя опасенія, то послѣ пережитыхъ въ послѣднее время событій съ ихъ недоступными никакому описанію ужасами Александръ долженъ былъ скорѣе бояться всего, чѣмъ продолжать надѣяться на удачу своего великаго плана; берегъ, гдѣ большая часть его войска погибла самою ужасною смертію, былъ для флота послѣднимъ и единственнымъ прибѣжищемъ; пустынный, песчаный, лишенный гаваней, онъ долженъ былъ скорѣе сдѣлать еще болѣе опасными непредвидимыя случайности вѣтра и непогоды, чѣмъ дать прибѣжище противъ нихъ; одна только буря,—и флотъ и войско могли быть безслѣдно уничтожены; одно неосторожно принятое направленіе, и океанъ былъ достаточно обширенъ для того, чтобы блуждать въ немъ безъ конца и безъ надежды на спасеніе.

Въ это время гиархъ этой страны ¹⁵⁾ явился къ царю съ извѣстіемъ, что въ пяти дняхъ пути къ югу Неархъ благополучно присталъ съ флотомъ къ берегу въ устьѣ рѣки Анасиды, и при вѣсти, что царь находится въ верхней странѣ, расположилъ лагерь свое войско за валомъ и рвомъ, что, наконецъ, онъ скоро лично явится къ Александру. Нельзя представить себѣ радости царя въ первую минуту, но скоро нетерпѣніе, сомнѣніе, тяжелое безпокойство смѣнили ее; тщетно ожидалось прибытіе Неарха; день проходилъ за днемъ; гон-

цы посылались за гонцами; одни возвращались съ извѣстіемъ, что они нигдѣ не видѣли флота македонянъ и нигдѣ ничего не слышали о нихъ, другіе же совсѣмъ не возвращались; наконецъ Александръ приказалъ взять и заковать въ цѣпи гипарха, сочинившаго эти вѣроломныя сказки и сдѣлавшаго предметомъ шутки горе войска и царя. А этотъ сталъ печальнѣе прежняго и поблѣднѣлъ отъ физическихъ и душевныхъ страданій.

Гипархъ сказалъ между тѣмъ сухую правду: дѣйствительно, Неврхъ со своимъ флотомъ находился на берегу Карманіи; онъ благополучно довелъ до конца предпріятіе, которое само по себѣ не имѣло себѣ ничего подобнаго по опасностямъ и чудесамъ и которое, кромѣ того, было значительно затруднено случайнымъ совпаденіемъ обстоятельствъ.

Эти трудности начались уже на рѣкѣ Индѣ; едва Александръ съ сухопутнымъ войскомъ успѣлъ выйти за предѣлы Индіи, какъ между индусами, которые чувствовали себя теперь свободными и безопасными, начались сильныя безпорядки, такъ что флотъ не казался болѣе обезпеченнымъ на Индѣ ¹⁶⁾. Такъ какъ въ задачи Неврха не входило удерживать за собою страну, но только отвести флотъ къ персидскому заливу, то онъ быстро и не дожидаясь времени постоянныхъ восточныхъ вѣтровъ приготовился къ отплытію, отплылъ 21 сентября и черезъ нѣсколько дней оставилъ позади себя рукава дельты Инда; тутъ сильныя южныя вѣтры заставили его высадиться на берегъ въ названной имъ по имени Александра гавани около мыса, отдѣляющаго Индію отъ земли арбитовъ, и пробыть тамъ двадцать четыре дня, пока, наконецъ, не установились правильные вѣтры. 23 октября онъ двинулся далѣе и среди различныхъ опасностей, то плывя между подводными скалами. то борясь съ могучими волнами океана, прошелъ мимо устья Арбіи и, перенесъ 30 октября страшную бурю на морѣ, во время которой погибло три корабля, высадился на берегъ около Кокалы, чтобы отдохнуть здѣсь десять дней и заняться исправленіемъ поврежденныхъ судовъ; это было то мѣсто, гдѣ незадолго передъ этимъ Леоннатъ разбилъ окрестныхъ варваровъ въ кровопролитномъ сраженіи; въ этомъ бою былъ убитъ сатрапъ Гедрозіи Аполлофанъ. Въ изобиліи запасшись здѣсь провіантомъ и повидавшись нѣсколько разъ съ Леоннатомъ, Неврхъ поплылъ далѣе къ западу, и 10 ноября флотъ находился передъ устьемъ рѣки Томира, на берегахъ котораго стояли толпы вооруженныхъ оритовъ, желавшихъ помѣшать флоту войти въ рѣку; но одного смѣлаго нападенія было достаточно, чтобы побѣдить ихъ и пріобрѣсти себѣ на нѣсколько дней безопасное мѣсто для стоянки.

Къ 21 ноября флотъ достигъ берега ихтіофаговъ, той бѣдной и страшной пустыни, гдѣ начались страданія сухопутныхъ войскъ; войску, находившемуся на корабляхъ, тоже пришлось перенести здѣсь много страданій: недостатокъ прѣсной воды и съѣстныхъ припасовъ съ каждымъ днемъ становился чувствительнѣе. Наконецъ въ одной рыбацкой деревнѣ за мысомъ Багіей нашелся одинъ туземецъ по имени Идракъ, предложившій сопровождать флотъ въ качествѣ лодчмана; онъ принесъ ему большую пользу; подъ его руководствомъ можно было совершать теперь болѣе длинныя переѣзды и пользоваться для

этого прохладными ночами. Среди постоянно возростающих лишений проплыли они мимо пустынного и песчаного берега Гедрозии, и удовольствие войскъ достигло уже опаснаго предѣла; въ это время показались покрытые плодоносными полями, пальмовыми рощами и виноградниками берега Кармании; теперь нужда миновала, теперь они приближались къ давно желанному входу въ персидское море, они были въ дружественной странѣ. Налѣво виднѣлся далеко выдававшийся въ море мысъ Аравіи, называвшійся Макетой, откуда, какъ они узнали, въ Вавилонѣ доставлялись корица и другіе товары Индіи.

Флотъ присталъ къ берегу Гармозіи въ устьѣ рѣки Анамита и его экипажъ расположился лагеремъ на берегахъ рѣки, отдыхая послѣ столькихъ трудовъ и вспоминая о перенесенныхъ опасностяхъ, пережить которыя многіе должны были потерять всякую надежду; о сухопутномъ войскѣ ничего не было извѣстно, съ самаго берега ихтиофаговъ всѣ слѣды его пропали ¹⁷⁾. Тутъ случилось, что нѣкоторые изъ людей Неарха, удалившіеся нѣсколько отъ берега на поискахъ за съѣстными припасами, увидѣли вдали человѣка въ греческой одеждѣ; они спросили его, откуда онъ идетъ? кто онъ такой? онъ отвѣчалъ, что идетъ изъ лагеря Александра и что царь находится недалеко отсюда; повели они его къ Неарху, которому онъ и сообщилъ, что Александръ стоитъ въ глубинѣ края въ пяти дняхъ пути, и предложилъ затѣмъ отвести его къ гинарху этой страны. Такъ и было сдѣлано; Неархъ спросилъ гинарха, какимъ образомъ ему пробраться къ царю. Онъ возвратился къ кораблямъ, чтобы привести здѣсь все въ порядокъ и укрѣпить лагерь, а гинархъ между тѣмъ, надѣясь заслужить милость царя первымъ извѣстіемъ о прибытіи флота, поспѣшилъ кратчайшимъ путемъ въ глубь края и доставилъ эту вѣсть, навлекшую на него самого столько несчастій, такъ какъ подтвержденіе ея замедлилось.

Наконецъ,—такъ рассказываетъ далѣе самъ Неархъ,—приготовленіи по устройству флота и лагеря подвинулись такъ далеко впередъ, что онъ съ Архіей изъ Шеллы и съ нятью или шестью спутниками могъ выступить изъ лагеря и направиться въ глубину края. По дорогѣ имъ встрѣтились нѣкоторые изъ разосланныхъ Александромъ гонцовъ; но они не узнали ни Неарха, ни Архію,—такъ перемѣнилась ихъ наружность; волосы на головѣ и бородѣ ихъ были длинны, лица блѣдны, тѣло исхудало, ихъ платье висѣло лохмотьями и все было перепачкано смолой; и когда они спрашивали, въ какомъ направленіи находится лагерь Александра, гонцы, давъ имъ указанія, продолжали свой путь. Но Архія предчувствовалъ истину и сказалъ: «Кажется, эти люди разосланы на поиски за нами; весьма понятно, что они не узнаютъ насъ, мы должны выглядѣть совсѣмъ иначе, чѣмъ въ Индіи; скажемъ имъ, кто мы такіе, и спросимъ ихъ, куда они ѣдутъ». Неархъ такъ и сдѣлалъ; гонцы отвѣчали, что ищутъ Неарха и прибывшее на флотъ войско. Тогда Неархъ сказалъ: «Я тотъ, котораго вы ищете, ведите насъ къ царю!» Съ великой радостью они посадили ихъ на свои колесницы и поѣхали къ лагерю; но нѣкоторые бросились впередъ къ шатру царя и сказали: «Вотъ ѣдутъ Неархъ, Архія и пятеро другихъ съ ними». Но такъ какъ они ничего не знали объ

остальномъ войскѣ и о флотѣ, то царь полагалъ, что вѣроятно прибывшіе спаслись случайно, а войско и флотъ погибли, и его скорбь сдѣлалась еще сильнѣе прежняго. Наконецъ Неархъ и Архія вошли къ нему; Александръ едва узналъ ихъ, онъ протянулъ Неарху руку, отвелъ его въ сторону и долго плакалъ; наконецъ онъ сказалъ: «Види снова тебя и Архію, я не такъ тяжело ощущаю всю эту потерю; теперь же разскажи мнѣ, какъ погибли мой флотъ и мое войско?» Неархъ отвѣчалъ: «О царь, ты обладаешь еще и тѣмъ, и другимъ, твоимъ войскомъ и твоимъ флотомъ; мы же прибыли возвѣстить тебѣ объ ихъ спасеніи». Тогда Александръ заплакалъ еще сильнѣе и шумная радость распространилась вокругъ него; онъ же клялся Зевесомъ и Аммономъ, что день этотъ для него дороже обладанія всею Азіей¹⁸⁾.

Теперь наконецъ въ Карманію прибылъ и Кратеръ съ своимъ войскомъ и своими слонами послѣ благополучнаго перехода черезъ Арахозію и Дрангіану¹⁹⁾; при вѣсти о понесенныхъ Александромъ громадныхъ потеряхъ, онъ поспѣшилъ привести къ царю свое свѣжее и сильное войско. Въ одно время съ нимъ прибыли и военачальники, находившіеся въ Мидіи уже пять лѣтъ; то были Клеандръ съ ветеранами наемниковъ, Гераконтъ съ наемными всадниками, которыми ранѣе предводительствовалъ Менида, Ситалкъ съ еракійскою пѣхотою и Агаѳонъ съ одризскими всадниками, всего пять тысячъ человѣкъ пѣхоты и тысяча всадниковъ²⁰⁾. Сатрапъ Арей и Дрангіаны, Стазанюръ, и Фаразманъ, сынъ сатрапа Парсіи Фратаферна, прибыли тоже въ Карманію съ верблюдами, лошадьми, стадами и выючными животными, намѣреваясь главнымъ образомъ доставить войску, которое, какъ они полагали, еще не прибыло, предметы первой необходимости при его переходѣ черезъ пустыню; но и теперь еще привезенное ими было кстати: верблюды, лошади и быки были раздѣлены между войсками обычнымъ порядкомъ. Все это, и кромѣ того благодатная природа Карманской страны, заботливый уходъ и покой, которымъ наслаждались здѣсь солдаты, наконецъ непосредственное присутствіе самого царя, дѣятельность котораго никогда не была серьезнѣе и энергичнѣе, скоро изгладили слѣды страшныхъ лишеній и возвратили македонскому войску его силу и вѣру въ себя. Затѣмъ были устроены различные празднества, чтобы отблагодарить боговъ за благополучное окончаніе индійскаго похода, за возвращеніе войска на родину и за чудесное спасеніе флота; были принесены жертвы Зевсу спасителю, Аполлону защитнику, потрясателю земли Посейдону и богамъ моря, были устроены торжественныя шествія, пѣлись праздничныя хоры, исполнялись различныя боевыя игры; въ блестящемъ праздничномъ шествіи Неархъ, съ вѣникомъ на головѣ, шелъ рядомъ съ увѣнчаннымъ царемъ и ликующее войско бросало на нихъ цвѣты и разноцвѣтныя ленты²¹⁾. Въ общемъ собраніи войска Неархъ повторилъ разсказъ о своемъ плаваніи; онъ и другіе предводители, и многіе изъ войска, были почтены царемъ дарами, чинами и всевозможными отличіями; Певкеста же, бывший до сихъ поръ оруженосцемъ Александра, и спасшій ему жизнь при штурмѣ города малловъ, былъ причисленъ осьмымъ, къ обычному дотолѣ числу семи тѣлохранителей.

Въ то же время царь далъ указанія относительно дальнѣйшаго похода: флотъ долженъ былъ продолжать свое плаваніе вдоль берега персидскаго залива, войти въ устье Паситигрида и подняться по рѣкѣ Сузы; Гефестіонъ съ большою частью сухопутнаго войска, со слонами и обозомъ, избѣгая болѣе трудныхъ путей, снѣга и зимнихъ холодовъ горныхъ мѣстностей, долженъ былъ спуститься къ плоскому морскому берегу, имѣвшему достаточно запасовъ и въ теперешнее время года отличавшемуся мягкимъ климатомъ и удобными дорогами²²⁾, и на равнинѣ Сузы снова соединиться съ остальнымъ флотомъ и войскомъ. Самъ Александръ съ македонской конницей и легкою пѣхотой, гипаспистами и частью стрѣлковъ, хотѣлъ идти къ Сузѣ ближайшимъ путемъ черезъ горы, на Пасаргады и Персеполь²³⁾.

Такимъ образомъ Александръ возвратился въ предѣлы земель, которыя были покорены имъ уже много лѣтъ тому назадъ; обстоятельства настоячиво требовали его возвращенія. Сильные безпорядки и опасныя пововеденія начались во многихъ мѣстахъ; духъ своеволия и гордости, господствовавшій между сатрапами прежняго персидскаго царства, слишкомъ скоро нашелъ доступъ и къ теперешнимъ намѣстникамъ и правителямъ; оставаясь безъ надзора во время отсутствія царя и обладая почти неограниченной властью, многіе сатрапы, какъ македоняне, такъ и персы, самымъ страшнымъ образомъ утѣсняли свои народы, позволяли все своему корыстолюбію и сладоустрасію и не щадили даже храмовъ боговъ и могилъ умершихъ; на случай, еслибы Александръ не возвратился изъ земель Индіи, они уже окружили себя толпами наемниковъ и приняли всѣ мѣры, чтобы, когда понадобится, вооруженною рукою удержать за собою обладаніе своими провинціями. Самые смѣлые планы, самыя неузмѣренныя желанія, самыя преувеличенныя надежды были въ порядкѣ вещей; чрезмѣрное возбужденіе этихъ лѣтъ, когда все обычное и вѣрное было отложено въ сторону и когда даже самое неправдоподобное казалось возможнымъ, находило себѣ удовлетвореніе только въ самыхъ разнузданныхъ предпріятіяхъ и въ охъпаненіи чрезмѣрными наслажденіями или лишеніями. Страшныя случайности войны, которую была пріобрѣтена Азія, также легко могли измѣниться въ другую сторону, и какъ однимъ ударомъ счастье царя достигло своего высшаго предѣла, такъ же легко могло оно и разсѣяться. Въ подавленной персидской народности тоже начали шевелиться новыя надежды, и со стороны персидскихъ вельможъ было сдѣлано нѣсколько попытокъ разорвать только что наложенныя узы и основать независимыя государства, или вызвать въ народѣ возстаніе именемъ династіи древнеперсидскихъ царей, которая несомнѣнно возобновится. И когда теперь, послѣ многолѣтняго отсутствія царя, послѣ все болѣе и болѣе широкаго распространенія безпорядковъ и узурпаціи, вдругъ разнеслася вѣсть о гибели войска въ пустынѣ Гедрозіи, движеніе во всѣхъ мѣстахъ и въ умахъ всѣхъ должно было достигнуть такой степени, которая заставляла опасаться ниспроверженія всего существующаго порядка.

Таковы были условія, при которыхъ возвратился въ западныя провинціи съ остатками своего войска Александръ. Все стояло на картѣ; одинъ признакъ безпокойства или слабости, и государство пало бы развалинами надъ своимъ основателемъ; только самая смѣлая твердость, сила воли и рѣшительность поступковъ могли спасти царя и его государство; милосердіе и долготерпѣніе съ его стороны были бы признаніемъ имъ своей слабости, а это лишило бы тѣ народы, которые еще теперь держали сторону царя, ихъ послѣдней надежды. Необходима была самая строгая и безошадная справедливость, чтобы обезпечить подвергшимся столь возмутительнымъ притѣсненіямъ народамъ ихъ права и спасти ихъ вѣру въ могущество верховнаго царя; необходимы были быстрые и энергичныя мѣры, чтобы возвратить величію царской власти ея полный блескъ и распространить ужасъ ея гнѣва. И, пожалуй, Александръ былъ теперь въ томъ мрачномъ настроеніи духа, которое дѣлаетъ ужаснымъ разгнѣваннаго властителя. Какъ далеко позади него лежалъ энтузіазмъ первыхъ шаговъ его побѣднаго шествія, радостная вѣра юности и громадныя надежды; слишкомъ часто обманутый въ своемъ довѣріи, онъ научился подозрѣвать, быть суровымъ и даже несправедливымъ. Возможно, что онъ считалъ это необходимостью. Онъ пересоздалъ цѣлый міръ; вмѣстѣ съ нимъ измѣнился и онъ самъ; теперь необходимо было натянуть и крѣпко держать въ рукахъ бразды неограниченной власти; теперь необходимы были быстрый судъ, новая покорность и крутое управленіе.

Уже въ Карманіи Александръ нашелъ поводъ карать. Онъ смѣстилъ сатрапа Аспаста, который покорился ему въ 330 году и сохранилъ за собою мѣсто; тщетно Аспастъ послѣднимъ навстрѣчу приближавшемуся повелителю съ изъявленіями самой униженной покорности; когда слѣдствіе подтвердило тяготившее на немъ тяжелое подозрѣніе, онъ былъ преданъ въ руки палача. Въ Карманію вмѣсто него былъ назначенъ Сивиртій; но такъ какъ Феоантъ, который долженъ былъ отправиться вмѣсто Аполлофана въ землю оритовъ, заболѣлъ и умеръ, то Сивиртій былъ посланъ туда, а вмѣсто него въ Карманію былъ призванъ Тлеполема, сынъ Пинеофана, доказавшій свою благонадежность на своемъ прежнемъ посту въ парейской сатрапіи ²⁴⁾. Безпорядки, начавшіеся благодаря персѣ Ордану въ глубинѣ Аріаны и приобрѣвшіе себѣ свободное поле дѣйствій благодаря послѣдовавшей, какъ кажется, въ это же время смерти сатрапа Арахозин, Менона ²⁵⁾, были безъ труда подавлены Кратеромъ при его проходѣ: заковавъ мятежника въ цѣпи, онъ доставилъ его къ царю, который предалъ его заслуженному наказанію; сдѣлавшаяся вакантною сатрапія Арахозинъ была соединена въ рукахъ Сивиртія съ сатрапіей Оры и Гедрозинъ ²⁶⁾.

Изъ Индіи тоже получились дурныя вѣсти; Таксилъ сообщалъ, что Авизаръ умеръ и что сатрапъ Индіи по сю сторону Инда, Филиппъ, былъ убитъ служившими подъ его начальствомъ наемниками, но что македонскіе тѣлохранители сатрапа тотчасъ же подавили возстаніе и казнили мятежниковъ. Александръ поручилъ временное управленіе этой сатрапіей государю Таксилу и Эвмену, начальнику оставленныхъ въ Индіи вѣракіевъ и повелѣлъ имъ признать наследникомъ престола въ государствѣ Кашмира сына Авизарова.

Изъ Мидіи въ Карманію было приказано явиться Гераконту, Клеандру и Ситалку²⁷⁾ съ большою частью ихъ войскъ, и они явились; жители этой провинціи и ихъ собственныя войска обвиняли ихъ въ ужасныхъ вѣщахъ: они грабили храмы, открывали гробницы и позволяли себѣ всевозможныя притѣсненія и преступленія съ своими подвластными. Только Гераконтъ съумѣлъ оправдаться и былъ освобожденъ; Клеандръ и Ситалкъ были вполнѣ уличены, и вмѣстѣ съ ними изрублено на мѣстѣ множество бывшихъ ихъ сообщниками солдатъ, которыхъ, какъ говорятъ, оказалось шестьсотъ человѣкъ. Этотъ быстрый и строгій судъ вездѣ произвелъ самое глубокое впечатлѣніе; думали о томъ, сколько мотивовъ должно было побуждать царя пощадить этихъ людей, тайныхъ исполнителей смертнаго приговора надъ Пармениономъ, и это значительное число старыхъ солдатъ, въ которыхъ онъ теперь такъ нуждался; народы поняли, что царь былъ дѣйствительно ихъ защитникомъ, что онъ вовсе не желалъ, чтобъ съ ними обходились, какъ съ рабами; сатраны же и военачальники должны были, напротивъ, понять, что ожидало ихъ, если они не могли предстать предъ ступени трона съ чистой совѣстью. Многіе изъ нихъ, какъ рассказыываютъ, сознавая себя виновными, старались собрать новыя сокровища, усилить отряды своихъ наемниковъ и приготовиться къ возможности сопротивленія въ случаѣ нужды; въ это время былъ изданъ царскій рескриптъ къ сатрапамъ, повелѣвавшій немедленно отпустить тѣхъ наемниковъ, которые были навербованы не именемъ царя²⁸⁾.

Между тѣмъ царь двинулся изъ Карманіи въ Персію: сатрапъ Фразартъ, котораго онъ назначилъ сюда, умеръ во время индійскаго похода; Орксинъ, одинъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ страны²⁹⁾, разсчитывая на свой древній родъ и свое вліяніе, взялъ на себя управленіе сатрапіей. Но скоро обнаружилось, что онъ не былъ на высотѣ обязанностей сатрана, званіе котораго онъ самовольно принялъ. Цари разгнѣвало уже то, что онъ нашелъ запущенной гробницу великаго Кира въ роцѣ Насаргадъ; въ свою прежнюю бытность въ Насаргадахъ онъ приказалъ открыть куполъ каменной постройки, въ которой стоялъ гробъ, снова украсить гробницу и предписалъ находившимся на стражѣ ея магамъ по прежнему исполнять свои благочестивыя обязанности; онъ желалъ, чтобы во всякомъ случаѣ къ памяти великаго царя относились съ почтеніемъ; теперь же гробница была вскрыта, все было унесено, кромѣ гроба и одра, крышка гроба была сорвана, тѣло выброшено вонъ и всѣ драгоцѣнности похищены. Царь отдалъ Аристовулу приказъ, снова положить въ гробъ остатки тѣла, возобновить все въ томъ видѣ, въ какомъ оно было передъ вторженіемъ, снова поставить на свое мѣсто каменную дверь купола и запечатать ее царскою печатью. Онъ самъ произвелъ слѣдствіе о томъ, кто совершилъ это святотатство; маги, стоявшіе на стражѣ гроба, были схвачены и подвергнуты пыткамъ, чтобы заставить ихъ назвать злоумышленниковъ; но они не знали ничего, и ихъ принуждены были отпустить; дальнѣйшее слѣдствіе тоже не навело ни на какой вѣрный слѣдъ; не находилось никого, кто бы долженъ былъ испустить это преступленіе; но на сатрапѣ тяготѣло обвиненіе въ небрежности, благодаря которой это могло случиться въ его провинціи³⁰⁾. Скоро должны были

обнаружиться болѣе тяжкіе проступки сатрапа; Александръ двинулся изъ Пасаргадъ въ резиденцію Орксина, Персеполя; здѣсь были принесены на него жителями самыя громкія жалобы: онъ позволялъ себѣ постыдѣйшія насилія, чтобы удовлетворить свое корыстолюбіе; онъ разграблялъ храмы, вскрывалъ находящіеся здѣсь гробницы царей и снималъ съ царственныхъ труповъ ихъ украшенія. Слѣдствие подтвердило его вину; онъ былъ повѣшенъ³¹⁾. Сатрапію его получилъ тѣлохранитель Певкеста, сынъ Александра; онъ казался всѣхъ болѣе подходящимъ для управленія этою главною странною персидскаго царства, такъ какъ въполнѣ освоился съ азіатскимъ образомъ жизни, носилъ мидійское платье, владѣлъ персидскимъ языкомъ, охотно и умѣло окружилъ себя персидскимъ цереміаломъ, — вещи, которыя персы съ восхищеніемъ видѣли въ своемъ новомъ повелителѣ.

Около этого же времени къ царю явился сатрапъ Мидіи, Атронатъ; онъ привезъ съ собою мидянину Баріакса, который дерзнулъ возложитъ на себя тиару и провозгласить себя царемъ мидянъ и персовъ; онъ, вѣроятно, разсчитывалъ на то, что народонаселеніе сатрапіи, возмущенное преступленіями македонскихъ гарнизоновъ, будетъ готово отложиться; онъ и соучастники его заговора были казнены³²⁾.

Черезъ персидскіе проходы царь спустился къ Сузѣ. Возобновились сцены Карманіи и Персеполя: народъ не боялся болѣе выступать съ громкими жалобами на своихъ утѣшителей; онъ зналъ, что Александръ поможетъ ему. Въ Сузѣ были казнены сатрапъ Авулитъ и его сынъ Оксіаоръ, сатрапъ паретакеновъ, которые были обвинены въ самыхъ вопіющихъ преступленіяхъ. Едва счумѣвши оправдаться по процессу о вымогательствахъ въ Мидіи. Гераконтъ, находившійся ранѣе въ Сузѣ, былъ тоже уличенъ въ томъ, что разграбилъ здѣсь храмъ, и теперь казнень³³⁾.

Такимъ образомъ ударъ за ударомъ слѣдовали самыя строгія наказанія, и тѣ, которые не чувствовали себя чистыми отъ всякой вины, имѣли полное право бояться за свое будущее. Въ числѣ такихъ лицъ находился Гарпаль, сынъ Махаты, принадлежавшій къ княжескому роду Элиміотиды. Цѣнимый царемъ, благодаря ихъ прежней дружбѣ и за важныя услуги, онъ съ самаго начала получилъ величайшія доказательства его милости, и при началѣ персидской войны, такъ какъ его физическое сложеніе дѣлало его неспособнымъ къ отправленію военной службы, былъ назначенъ казначеемъ; уже разъ онъ провинился въ тяжкомъ нарушеніи закона: незадолго передъ битвой при Иссъ онъ въ сообществѣ съ нѣкимъ Таврискономъ, внушившимъ ему этотъ планъ, бѣжалъ съ царскою казною, направляясь къ царю молоссовъ, Александру, который тогда воевалъ въ Италіи; но Гарпаль перемѣнилъ свое намѣреніе и остановился въ Мегарѣ, чтобы жить тамъ въ свое удовольствіе. Тогда царь, помня о томъ времени, когда Гарпаль съ Неархомъ, Итолеемъ и немногими другими защищалъ его дѣло противъ царя Филиппа и за это подвергся позору и изгнанію, простилъ ему его легкомысленный поступокъ, снова призвалъ его къ себѣ и снова ввѣрилъ ему должность казначея; его управленію были поручены несмѣтные сокровища Пасаргадъ и Персеполя и въ то же время, какъ кажется, его надзору были подчинены и казначеи низшихъ

сарапій; его вліяніе простиралось на весь западъ Азіи ³⁴). Между тѣмъ Александръ шелъ все далѣе на востокъ, а Гарпаль, не заботясь объ ответственности своего сана и привыкнувъ къ наслажденіямъ и расточительности, началъ самымъ разнузданнымъ образомъ проматывать царскія сокровища и пользоваться всѣмъ должностнымъ своимъ вліяніемъ только для того, чтобы удовлетворить своему обжорству и сладострастію. Его жизнь была скандаломъ для всего свѣта, и насмѣшка комическихкихъ поэтовъ Греціи соревновала съ неудовольствіемъ болѣе серьезныхъ людей, предавая его имя всеобщему презрѣнію; въ это время появилось открытое письмо историка Теонома къ Александру, гдѣ онъ приглашалъ царя положить конецъ этому безобразію: не довольствуясь дикимъ сладострастіемъ азіатскихъ женщинъ, Гарпаль призывалъ въ Азію Писіонику, самую прославленную въ Аѳинахъ блудницу, которая сначала служила у пѣвицы Вакхиды, а затѣмъ вмѣстѣ съ нею поступила въ публичный домъ сводни Синопы, и самымъ недостойнымъ образомъ подчинилась ея прихотямъ; когда она умерла, Гарпаль съ безстыдной расточительностью воздвигъ этой женщинѣ два надгробныхъ монумента, и справедливо возбуждаетъ удивленіе то, что, между тѣмъ какъ ни онъ, ни какой-либо другой правитель не посвятилъ памятника памяти героевъ Иссы, павшихъ за славу Александра и за свободу Греціи,—въ Аѳинахъ и въ Вавилонѣ уже воздвигнуты самыя роскошныя монументы въ честь публичной женщины; этой Писіоникѣ, которая въ Аѳинахъ долгое время была доступна за деньги каждому, Гарпаль, называющій себя другомъ и сановникомъ Александра, имѣлъ дерзость воздвигнуть храмъ и алтарь и освятить его какъ святилище Афродиты Писіоники, не боясь кары боговъ и издѣваясь надъ величествомъ царя. Этого мало: едва она успѣла умереть, какъ Гарпаль уже выписалъ себѣ изъ Аѳинъ другую любовницу, не менѣе знаменитую Гликеру; онъ устроилъ ей резиденцію во дворцѣ Тарса, поставилъ ей статую въ Россѣ, гдѣ думалъ рядомъ со статуей царя поставить свою собственную, и отдалъ приказъ, чтобы никто не подносилъ ему почетнаго золотого вѣнка, не поднося его въ то же время и его наложницѣ, чтобы ей поклонились и привѣтствовали ее именемъ царицы; словомъ, всѣ почести, которыя должны были бы только подобать царицѣ матери или супругѣ Александра, глава казначейства расточалъ передъ аѳинской блудницей ³⁵). Это и тому подобныя сообщенія достигли царя; онъ сначала считалъ ихъ невѣроятными или преувеличенными, убѣжденный, что Гарпаль не будетъ такимъ безумнымъ образомъ ставить на карту уже разъ потерянную имъ милость царя ³⁶); очень скоро самъ Гарпаль подтвердилъ своимъ бѣгствомъ всѣ эти обвиненія. Онъ положился на то, что Александръ никогда не возвратится назадъ; теперь онъ видѣлъ строгій судъ надъ тѣми, которые позволили увлечь себя подобному же заблужденію, и потерялъ надежду вымолить себѣ прощеніе; онъ собралъ всѣ деньги, какія только могъ—то была громадная сумма въ пять тысячъ талантовъ,—навербовалъ себѣ шесть тысячъ наемниковъ, двинулся, сопровождаемый ими, своей Гликерой и маленькой дочерью, которую ему родила Писіоника ³⁷), черезъ Малую Азію на берегъ Іоніи, и собралъ тридцать кораблей, чтобы переправиться въ Аттіку; будучи почет-

нымъ гражданиномъ Аоній, находясь въ дружескихъ отношеніяхъ съ самыми уважаемыми людьми города, и любимый народомъ за щедрую раздачу хлѣба, онъ не сомнѣвался найти тамъ хорошій пріемъ и быть обезпеченнымъ отъ выдачи Александру ³⁸⁾.

Между тѣмъ какъ послѣдній виновный изъ вельможъ государства старался избавиться такимъ образомъ отъ отвѣтственности, Александръ съ своимъ войскомъ въ февралѣ 324 года вступилъ въ Сузу. Вскорѣ послѣ него прибылъ и Гефестіонъ съ остальными войсками, со слонами и обозомъ, а Неархъ привелъ вверхъ по рѣкѣ флотъ, который безъ дальнѣйшихъ опасностей проплылъ вдоль береговъ персидскаго моря. Слѣдуя повелѣнію царя, въ резиденцію явились сатрапы и военачальники со своими свитами, явились приглашенные царемъ государи и вельможи востока съ своими женами и дочерьми; со всѣхъ сторонъ стекались сюда чужеземцы изъ Азіи и Европы, чтобы присутствовать при великихъ торжествахъ, которыя готовились въ Сузѣ.

Предстояло празднованіе изумительнаго, единственнаго въ теченіе многихъ столѣтій дня. Свадебное торжество въ Сузѣ должно было символическимъ образомъ завершить сліяніе запада и востока, идею эллинизма, въ которой царь думалъ найти силу и прочность своего государства.

Очевидцы этого превосходившаго все своею роскошью и торжественностью празднества описываютъ его приблизительно слѣдующимъ образомъ ³⁹⁾: для этого былъ приготовленъ большой царскій шатеръ; верхъ его, затянутый разноцвѣтными, богато вышитыми матеріями, покоился на пятидесяти высокихъ обложенныхъ золотомъ и серебромъ и усыпанныхъ драгоценными каменьями колоннахъ; замыкая это оставленное посреднѣ свободнымъ пространство кругомъ съ обитыхъ золотомъ и серебромъ перекладнѣ свѣшивались драгоценныя, вышитыя золотомъ и разнообразными рисунками ковры; размѣры всего шатра равнялись четыремъ стадіямъ. Посреднѣ зала былъ накрытъ столъ; на одной сторонѣ стояло сто дивановъ для жениховъ; диваны покоились на серебряныхъ ножкахъ и были покрыты свадебными коврами, только диванъ царя посреднѣ былъ изъ золота; напротивъ находились мѣста для гостей царя; кругомъ были разставлены столы для посольствъ, для находившихся въ лагерѣ чужеземцевъ, для войска и флота. Трубы изъ царскаго шатра подали знакъ къ началу празднества; гости царя, которыхъ было девять тысячъ, заняли мѣста за столами. И снова громъ трубъ возвѣстилъ по всему лагерю, что царь свершаетъ теперь возліяніе богамъ; съ нимъ вмѣстѣ совершили возліяніе и его гости, каждый изъ золотой чаши, праздничнаго подарка царя. Затѣмъ снова послышалась труба, и по персидскому обычаю, вступило шествіе покрытыхъ покрывалами невѣстъ, и каждая изъ нихъ приблизилась затѣмъ къ своему жениху: Статира, дочь персидскаго царя, къ Александру, Дринитида, ея младшая сестра, къ Гефестіону, любимцу царя; Амастрида, дочь Оксаора и племянница персидскаго царя, къ Кратеру, дочь повелителя Мидіи Атропата къ Пердиккѣ, Артакама, дочь престарѣлаго Артабаза, къ Лагиду Итоле-мею, тѣлохранителю, и ея сестра Аргопида къ Эвмену, тайному секретарю царя, дочь родосца Ментора къ Неарху, дочь Спитамена сог-

данскаго къ Селевку, предводителю отряда знатныхъ юношей;—точно также и другія, каждая къ своему жениху ⁴⁰⁾.

Пять дней сподрядъ праздники слѣдовали за праздниками; посольства, города и провинціи государства, союзники въ Европѣ и въ Азіи доставили къ царю несмѣтное количество свадебныхъ подарковъ, однихъ золотыхъ вѣнковъ было на 15000 талантовъ. Онъ тоже давалъ полную рукою; многія изъ невѣстъ не имѣли родителей; онъ заботился о нихъ какъ отецъ, далъ всѣмъ царственное приданое, всѣмъ, которые женились вмѣстѣ съ нимъ въ этотъ день, разсыпалъ драгоценнѣйшіе подарки и освободилъ отъ податей всѣхъ македонянъ, которые женились на азіатскихъ дѣвушкахъ ⁴¹⁾—болѣе 10000 записали свои имена. Новые пиры и веселые банкеты, зрѣлища, торжественныя шествія и всевозможныя увеселенія наполнили слѣдующіе дни; лагерь былъ полонъ веселья и радостной суетни, здѣсь были рансоды и арфисты изъ Великой Греціи и Іоніи, тамъ фокусники и канатные плясуны изъ Індіи, тамъ маги и наѣзники изъ персидскихъ земель, дальше снова греческія танцовщицы, флейтистки, труппы актеровъ. Дѣйствительно, были даны и драматическіе агоны—это было время великихъ Діонисій,—въ числѣ ихъ и сатирическая драма, Агипъ, сочиненная, какъ говорить, византійцемъ Пнеономъ, исполненная веселой насмѣшки надъ бѣгствомъ Гарпала, хромого управителя казначейства ⁴²⁾. Затѣмъ герольды возвѣстили, что царь принимаетъ на себя долги своего войска и уплатить ихъ, и что поэтому каждый долженъ записать ту сумму, которую онъ долженъ, и затѣмъ получить ее. Сначала записались только немногіе; большинство, особенно военачальники и высшіе офицеры, вѣроятно боялись, что Александръ желаетъ только узнать, кто не можетъ обойтись своимъ жалованьемъ и живетъ слишкомъ расточительно. Услышавъ это, царь былъ очень оскорбленъ такимъ недоверіемъ, онъ приказалъ разставить столы въ различныхъ пунктахъ лагеря и разложить на нихъ золото съ приказаніемъ уплачивать каждому, кто покажетъ счетъ, не спрашивая даже объ его имени. Тогда пошли всѣ и радовались не столько тому, что имъ удастся освободиться отъ своихъ долговъ, сколько тому, что они останутся неизвѣстными; эти храбрые воины устраивали свои дѣла съ невѣроятной беззаботностью; не смотря на всю добычу и на всѣ царскіе дары, войско до такой степени погрязло въ долгахъ, что для покрытія ихъ потребовалось не менѣе 20000 талантовъ ⁴³⁾. Особенно отличались чрезмѣрной расточительностью офицеры и, такъ какъ царь часто съ неодобреніемъ отзывался объ ихъ безсмысленныхъ расходахъ, они должны были весьма радоваться тому, что могутъ безъ его вѣдома подойти къ столу съ золотомъ и быстро поправить свои пошатнувшіеся финансы. Антигенъ, предводитель гипасистовъ въ битвѣ при Гидаспѣ, потерявшій въ 340 году передъ Перисномъ одинъ глазъ и бывшій равно извѣстнымъ своей храбростью и своимъ корыстолюбіемъ, тоже, какъ рассказываютъ, подошелъ тогда къ столу съ золотомъ и потребовалъ уплаты ему показанной имъ суммы; тутъ открылось, что у него вовсе нѣтъ долговъ и что показанные имъ счета фальшивы. Александръ былъ сильно раздраженъ этимъ грязнымъ поступкомъ, прогналъ Антигена отъ своего двора и лишилъ его

званія. Это посрамленіе вывело изъ себя храбраго стратига и нельзя было сомнѣваться въ томъ, что отъ стыда и огорченія онъ совершитъ что-нибудь надъ собою. Это возбудило жалость царя, онъ простилъ ему, возвратилъ его къ своему двору, возвратилъ ему его званіе и приказалъ выплатить ему ту сумму, которой тотъ требовалъ ⁴³⁾. — Единновременно съ этимъ всеобщимъ погашеніемъ долговъ Александръ роздалъ истинно царственные подарки тѣмъ, кто отличился своею храбростію, опасностями, которыя имъ пришлось перенести, и вѣрною службой около его особы; онъ увѣнчалъ золотымъ вѣнкомъ тѣлохранителя Невкиту, сатрапа Персиды, который въ городѣ малловъ прикрылъ его своимъ щитомъ, тѣлохранителя Леонната, военачальника земли оритовъ, который при этомъ же самомъ опасномъ штурмѣ бился рядомъ съ нимъ, побѣдилъ варваровъ на рѣкѣ Томирѣ и съ увѣнчавшимся успѣхомъ рвеніемъ привелъ въ порядокъ дѣла въ Орѣ; затѣмъ адмирала Неарха, свершившаго столь славное плаваніе отъ Инда къ Эвфрату, Онезикрита, начальствовавшаго царскимъ кораблемъ на Индѣ и отъ Инда до Сузы, а также вѣрнаго Гестіона и остальныхъ тѣлохранителей: Лизимаха изъ Пеллы, Аристона, сына Писея, гиппарха Пердикку, Лагида Птолемея и Писона изъ Эордеи ⁴⁴⁾.

Въ это время должно было совершиться еще другое торжество, серьезное и въ своемъ родѣ трогательное. Одинъ изъ кающихся на равнинѣ Таксилы по приглашенію Александра, удивленный его могуществомъ и его любовью къ истинѣ, послѣдовалъ за македонскимъ войскомъ, не смотря на нежеланіе своего начальника и насмѣшки товарищей по покаянію; его кроткая серьезность, его мудрость и благочестіе доставили ему глубокое уваженіе царя, и многіе знатные македоняне, особенно Лагидъ Птолемей и тѣлохранитель Лизимахъ, охотно вели съ нимъ знакомство; они называли его Каланомъ, словомъ, которымъ онъ обыкновенно привѣтствовалъ ихъ; его настоящее имя было Сфинъ. Онъ былъ очень старъ; въ персидской землѣ онъ въ первый разъ въ жизни почувствовалъ себя больнымъ. Онъ сказалъ царю, что не желаетъ зачахнуть, и что прекраснѣе умереть прежде, чѣмъ физическія страданія заставить его покинуть свой прежній образъ жизни. Тщетны были всѣ возраженія царя; у него на родинѣ, сказалъ онъ, считается всего позорище, когда болѣзнь нарушаетъ спокойствіе духа; правило его вѣры требуетъ, чтобы онъ взмошелъ на костеръ. Царь видѣлъ, что онъ долженъ уступить; онъ приказалъ тѣлохранителю Птолемею воздвигнуть для него костеръ и приготовить все остальное съ величайшей торжественностью. Когда насталъ назначенный день, рано утромъ началось торжественное шествіе войска, впереди шла конница и пѣхота въ полномъ блескѣ вооруженій, и боевые слоны въ своихъ кольчугахъ, затѣмъ шли отряды людей, несшихъ ароматы, затѣмъ другіе, несшіе золотыя и серебряныя чаши и царскія одежды, чтобы бросить ихъ въ пламя вмѣстѣ съ ароматами; затѣмъ слѣдовалъ самъ Каланъ; такъ какъ онъ не въ силахъ былъ идти, то ему былъ подведенъ писейскій конь, но онъ не могъ уже подняться на него; онъ былъ вынесенъ на носилкахъ. Когда шествіе достигло подножія костра, Каланъ сошелъ съ носилокъ, пожатіемъ руки простился съ каждымъ изъ окружавшихъ его македонянъ, попро-

силъ ихъ въ воспоминаніе о немъ провести сегоднѣшній день среди веселыхъ празднествъ со своимъ царемъ, котораго они скоро увидятъ въ Вавилонѣ; онъ подарилъ инсейскаго коня Лизимаху, а чаши и одежды окружающимъ. Затѣмъ благочестивый индусъ началъ готовиться къ смерти; онъ обрызгалъ себя какъ жертвенное животное, падѣлъ на себя по обычаю своей родины вѣмокъ и, распѣвая индійскіе гимны, взошелъ на костеръ; затѣмъ онъ еще разъ взглянулъ на стоявшее внизу войско, обратился лицомъ къ солнцу и опустился на колѣни для молитвы. Это былъ съ его стороны знакъ; подъ костеръ подложили огонь, загремѣли трубы, войско отвѣтило на нихъ боевымъ кликомъ и слоны начали издавать свои страшные крики, какъ бы желая почтить умирающаго покаянника ихъ родины. Погруженный въ молитву, онъ неподвижно лежалъ на кострѣ, пока пламя не сомкнулось надъ нимъ и не скрыло его отъ глазъ войска ⁴⁶⁾.

Самъ Александръ, говорить Арріанъ ⁴⁷⁾, не желалъ присутствовать при кончинѣ дорогаго ему человѣка. По этому поводу онъ сообщаетъ намъ, что самый старый изъ этихъ кающихся, бывший учителемъ остальныхъ, отвѣчалъ царю на его приглашеніе слѣдовать за нимъ, что «если Александръ—сынъ Зевеса, то таковъ же вѣдь и онъ, что онъ не желаетъ ничего такого, что могъ бы даровать ему царь-владыка, и не боится ничего, что тотъ можетъ сдѣлать съ нимъ; пока онъ живъ, ему достаточно почвы Индіи, которая изъ года въ годъ приносить ему все въ свое время; а когда онъ умретъ, онъ освободится отъ непріятнаго общества своего тѣла и будетъ причастенъ къ болѣе чистой жизни». Разсказываютъ тоже, что Александръ съ изумленіемъ выразился о смерти Калана: «онъ побѣдилъ болѣе могущественныхъ противниковъ, нежели я».

Оно звучитъ какъ притча, что въ этомъ царѣ такимъ образомъ встрѣтился умственный міръ запада, заверченный его учителемъ Аристотелемъ, съ тѣмъ міромъ, который выросъ въ землѣ Ганга,—полюсы двухъ противоположныхъ цивилизацій, которыя онъ думалъ соединить въ одно и слить вмѣстѣ во всей ширинѣ и разнообразіи достигнутыхъ уже имъ на практикѣ формъ и условій жизни и крившихся въ нихъ идеаловъ будущаго.

Онъ дѣйствовалъ такъ не по капризу, не на основаніи ложныхъ посылокъ, или цѣпи невѣрныхъ умозаключеній. Всѣ его дальнѣйшіе поступки вытекали совершенно правильными силлогизмами изъ перваго импульса, который какъ бы самъ собою былъ данъ ему исторіей греческой жизни; и то, что каждое слѣдующее умозаключеніе удавалось ему, какъ и предыдущія, было достаточнымъ доказательствомъ того, что онъ разсуждалъ правильно. Ему не выпало на долю счастья найти такого противника, который положилъ бы ему цѣль и предѣлъ; только то, что моральныя силы его войска истошились у Гифазиса, могло убѣдить его, что и его могущество имѣетъ свои предѣлы; и въ пустынѣ Гедрозіи онъ долженъ былъ понять, что природа сильнѣе его воли и его могущества. Но формы, въ которыхъ онъ думалъ надолго упрочить созданное имъ дѣло, введенная имъ система новаго порядка, не были опровергнуты ни на Гифазисѣ, ни въ пустынѣ, и оппозиція со стороны македонянъ и грековъ, попытки воз-

мушенія азіатовъ тамъ и сямъ, были до сихъ поръ такъ быстро и такъ легко подавляемы, что не могли заставить его уклониться отъ предначертаннаго имъ себѣ пути.

Начатое имъ дѣло само вело и принуждало его идти далѣе; если бы онъ даже и желалъ, онъ не могъ бы уже болѣе остановить или поворотить назадъ этотъ мощный потокъ.

За свадебными торжествами въ Сузѣ послѣдовалъ второй актъ крайней важности; долго подготовлявшійся, теперь онъ долженъ былъ совершиться какъ бы самъ собою.

Уже со смерти Дарія азіатскія войска вошли въ составъ арміи Александра; но до сихъ поръ они сражались оружіемъ и приемами своей родины, всегда считались только подчиненными вспомогательными отрядами и, не смотря на ихъ превосходное содѣйствіе въ Индійскомъ походѣ, не признавались среди гордыхъ македонянъ за равныхъ имъ воиновъ. Чѣмъ далѣе шло во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ сближеніе между различными національностями, тѣмъ необходимѣе было уничтожить также и въ войскѣ различія между побѣдителями и побѣжденными.

Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ было принять азіатовъ въ ряды македонскихъ войскъ, и дать имъ то же самое оружіе и тѣ же воинскія почести; уже пять лѣтъ тому назадъ царь принималъ нужныя для этого подготовительныя мѣры, а именно приказалъ набрать во всѣхъ сатрапіяхъ своего государства молодыхъ людей и вооружить и обучить ихъ по македонскому образцу. На эллинизацию этихъ народовъ тоже ничѣмъ нельзя было подѣйствовать такъ быстро и рѣшительно, какъ причѣмъ молодое поколѣніе къ греческому вооруженію и военной службѣ, принявъ его въ ряды арміи и заставивъ его проникнуться тѣмъ воинскимъ духомъ, который на первое время долженъ былъ заступитъ въ этомъ громадномъ государствѣ мѣсто новосозданной единой національности.

Многія соображенія заставляли Александра какъ разъ теперь послѣшить ихъ призывомъ. Походъ въ Индію и переходъ черезъ Гедрозію извели число всѣхъ находившихся въ дѣйствующемъ войскѣ македонянъ чуть ли не до 25000 человекъ; почти половина ихъ сражалась въ походахъ со времени выступленія въ 334 году⁴⁸⁾. Очевидно было, что послѣ такихъ громадныхъ трудовъ, и особенно послѣ пережитыхъ въ Индіи и въ пустынѣ Гедрозіи событій, эти ветераны должны были быть слишкомъ утомлены для новыхъ предпріятій и должны были мечтать объ отдыхѣ и о возможности насладиться наконецъ тѣмъ, что они пріобрѣли; Александръ долженъ былъ понять, что для великихъ проектовъ, занимавшихъ его неутомимый умъ, онъ нуждается въ энтузіазмѣ, въ соревнованіи, въ физической и нравственной силѣ молодыхъ войскъ, что гордость, эгоизмъ и своеволіе этихъ старыхъ македонянъ легко могутъ сдѣлаться задержкой для него самого, такъ какъ они притомъ еще, помня о своей прежней товарищеской близости съ царемъ, привыкли къ такой свободѣ въ сужденіяхъ и въ манерѣ держать себя, которая уже болѣе не казалась гармонирующей съ совершенно измѣнившимися условіями; онъ долженъ былъ наконецъ бояться, что при какомъ-нибудь случаѣ они могутъ попытаться

возобновить разыгравшіяся при Гифазисѣ сцены, такъ какъ имъ, безъ сомнѣнія, было давно ясно, что не всеобщее бѣдствіе, но ихъ твердая рѣшимость не идти впередъ дальше ни на шагъ, принудили царя уступить. Повидимому, съ этого времени въ войскѣ начала чувствоваться нѣкоторая холодность между царемъ и македонянами, и нѣкоторыя позднѣйшія обстоятельства могли только содѣйствовать тому, чтобы усилить ее; даже та нерѣшительность, съ какой войско приняло предложеніе царя о всеобщемъ уничтоженіи долговъ, должна была показать ему, какъ глубоко уже проникло недовѣріе къ нему. Онъ могъ надѣяться овладѣть настроеніемъ умовъ войска съ помощью безграничной щедрости, съ какой онъ осыпалъ македонянъ дарами и почестями, съ помощью торжественной свадьбы, которую онъ отпраздновалъ въ одно время со многими тысячами своихъ ветерановъ: это ему не удалось. Онъ могъ ожидать впереди опаснаго кризиса, который только ускорялся каждымъ дальнѣйшимъ его шагомъ къ эллинистическому устройству государства; тѣмъ болѣе долженъ былъ онъ торопиться окружить себя военной силой, во главѣ которой онъ, въ случаѣ нужды, могъ бы выступить противъ своихъ фалангистовъ.

Въ лагерь при Сузѣ явились сатрапы изъ завоеванныхъ земель и изъ нововыстроенныхъ городовъ съ молодыми войсками, которыя были набраны по данному въ 331 году приказу ⁴⁹⁾; тутъ было всего 30000 человекъ, вооруженныхъ по македонскому образцу и обученныхъ всѣмъ приемамъ македонскаго войска. Въ то же время конница была совершенно преобразована; тѣ изъ бактро-содіанскихъ, аріанскихъ и парѣянскихъ всадниковъ и изъ персидскихъ «эваковъ», которые выдавались своей знатностью, красотой или другими преимуществами, частью были распределены по лохамъ конницы, частью послужили для образованія изъ нихъ и изъ македонскихъ всадниковъ пятой гиппархій ⁵⁰⁾; въ агеумъ конницы тоже были приняты азіаты, а именно Артабелъ и Гидарій, сыновья умершаго сатрапа Мазея, Кофенъ, сынъ Артабаза, Сизинъ и Фрадаменъ, сыновья сатрапа Парѣи Фратаферна, Гистанъ, братъ Роксаны, братья Автобаръ и Миѣробей и наконецъ бактрскій князь Гистаспъ, который получилъ начальство надъ агемой ⁵¹⁾.

Все это вызвало сильное раздраженіе въ македонскихъ войскахъ; Александръ, — такъ говорили они, — превращается теперь совершенно въ варвара, онъ презираетъ Македонію ради Востока; уже тогда, когда онъ началъ показываться въ мидійской одеждѣ, серьезные люди предчувствовали всѣ бѣды, которыя будутъ послѣдствіемъ такого начала; Невкеста осыпанъ царемъ почестями и дарами за то, что онъ самымъ оскорбительнымъ образомъ издѣвается надъ воспоминаніями своей родины; что за важность въ томъ, что Александръ праздновалъ свою свадьбу вмѣстѣ съ другими македонянами, — вѣдь это были азіатскія женщины, да и онъ даже были выданы замужъ по персидскому обычаю; а теперь эти новички въ македонскомъ вооруженіи, эти варвары, пользующіеся равной честью съ ветеранами Филиппа! очевидно, что македоняне надобѣли Александру, что онъ принимаетъ всѣ мѣры, чтобы болѣе въ нихъ не нуждаться, что онъ воспользуется первымъ случаемъ, чтобы совершенно устранить ихъ.

Такъ говорили старія войска; достаточно было только одного толчка, чтобы это настроеніе выразилось открытымъ разрывомъ; и случай къ этому долженъ былъ представиться очень скоро.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

МЯТЕЖЪ СОДѢЛАТЬ ВЪ ОПИСѢ.—УВОЛЬНЕНІЕ ВЕТЕРАНОВЪ.—ГАРПАЛЪ ВЪ ГРЕЦІИ.—РАСКОЛЪ МЕЖДУ ПАРТІЯМИ ВЪ АИНАХЪ.—ПОСТАНОВЛЕНІЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ВОЗВРАЩЕНІЯ ИЗГНАННИКОВЪ.—ПРОИСХИ ГАРПАЛА ВЪ АИНАХЪ, ПРОЦЕССЪ ГАРПАЛА.—ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА АЛЕКСАНДРА И ЕЯ ПОСЛѢДСТВІЯ.

Александръ рѣшилъ двинуться со своимъ войскомъ вверхъ по Тигру къ городу Опису, гдѣ большая дорога раздѣляется на двѣ дороги, ведущія въ Мидію и на западъ; цѣль этого движенія можно было угадать уже изъ топографическаго положенія города. Въ то же время онъ желалъ ознакомиться съ характеромъ устій Эфрата и Тигра, со степенью судоходности этихъ рѣкъ и особенно съ состояніемъ гидрографическихъ сооружений на Тигрѣ, отъ которыхъ зависѣло благосостояніе и бѣдствіе прибрежныхъ низинъ. Онъ передалъ начальство надъ войскомъ Гефестіону, приказавъ ему идти вверхъ по Тигру по обыкновенной дорогѣ. Самъ онъ со своими гипасистами, съ агемой и съ незначительнымъ отрядомъ конницы сѣлъ на корабли Неарха, которые уже поднялись вверхъ по Эвлею и находились по близости Сузы. На нихъ,—это было вѣроятно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ,—онъ отплылъ изъ Сузы внизъ по рѣкѣ. Когда флотъ приблизился къ устью рѣки, большинство судовъ, сильно поврежденныхъ во время переѣзда изъ Индіи, было оставлено здѣсь; царь выбралъ самые быстроходные корабли, чтобы спуститься на парусахъ въ персидскій заливъ, между тѣмъ какъ другіе корабли должны были пройти въ большую рѣку, по каналу, соединяющему Эвлей и Тигръ недалеко отъ ихъ устья ¹⁾.

Самъ онъ спустился по Эвлею въ Персидскій заливъ, проплылъ затѣмъ вдоль морского берега и мимо устьевъ различныхъ каналовъ до устья Тигра и, основательно ознакомившись со всѣмъ и давъ нужныя указанія относительно основанія между Тигромъ и Эвлеемъ на самомъ морскомъ берегу города Александріи ²⁾, вошелъ въ Тигръ и поплылъ вверхъ по рѣкѣ; скоро онъ встрѣтилъ остальные корабли, а черезъ нѣсколько дней и сухопутное войско подъ предводительствомъ Гефестіона, стоявшее лагеремъ на берегахъ Тигра. При дальнѣйшемъ плаваніи флотъ нѣсколько разъ встрѣчалъ громадные рѣчныя плотины, сооруженныя персами, по ихъ словамъ, для того, чтобы сдѣлать невозможнымъ всякое непріятельское вторженіе съ моря; Александръ приказалъ разрушать эти плотины вездѣ, гдѣ ихъ находилъ, не потому, чтобы онъ не боялся болѣе нападений съ моря, но главнымъ образомъ для того, чтобы открыть эту рѣку для торговли и судоходства; въ то же время онъ принялъ мѣры для того, чтобы снова очистить и снабдить необходимыми шлюзами и плотинами каналы, которые частью засорились, частью прорвали свои плотины ³⁾.

Вѣроятно, былъ уже іюль мѣсяцъ, когда войско и флотъ прибыли въ Описъ ⁴⁾; они стали лагеремъ въ окрестностяхъ этого богатаго

города. Недовольное настроеніе македонскихъ войскъ нисколько не уменьшилось со времени выхода изъ Сузы; самые преувеличенные и извращенные слухи о намѣреніяхъ, которыя питаетъ относительно ихъ царь, встрѣчались съ полнымъ довѣріемъ и доводили ихъ опасенія до крайней напряженности.

Въ это время они были созваны на собраніе; войска собрались на равнинѣ передъ Описомъ; Александръ началъ говорить рѣчь, чтобы объявить македонянамъ—какъ онъ думалъ—радостную новость: «многіе между ними утомлены многолѣтнею службой, ранами и трудами; онъ не желаетъ поселять ихъ въ новыхъ городахъ подобно тѣмъ, которые были отпущены раньше; онъ знаетъ, что они рады будутъ увидѣть свою родину; тѣмъ изъ ветерановъ, которые пожелаютъ остаться у него, онъ сѣмѣетъ такъ заплатить за эту преданность, что они будутъ казаться достойными еще большей зависти, чѣмъ возвращающіеся теперь домой, и удвоить въ молодомъ поколѣніи родины жажду такихъ же опасностей и такой же славы; такъ какъ теперь Азія покорена и успокоена, то въ увольненіи могутъ принять участіе весьма многіе». Здѣсь царя прервали дикіе и безпорядочные крики: онъ желаетъ освободиться отъ своихъ ветерановъ, онъ желаетъ имѣть вокругъ себя состоящее изъ варваровъ войско; воспользовавшись ихъ силами до конца, онъ теперь съ презрѣніемъ увольняетъ ихъ, бросаетъ ихъ старыми и безсильными ихъ отечеству и ихъ родителямъ, отъ которыхъ онъ получилъ ихъ иными. Шумъ становился все яростнѣе: пусть онъ отпускаетъ ихъ всѣхъ; пусть отнынѣ ходитъ на поле битвы съ тѣмъ, кого называетъ своимъ отцомъ! Такъ шумѣло собраніе; возмущеніе солдатъ было полное. Александръ, какъ былъ, безоружный, въ сильномъ гнѣвѣ бросился съ трибуны въ шумящую толпу, сопровождаемый окружавшими его офицерами; сильной рукою схватилъ онъ ближайшихъ крикуновъ, передалъ ихъ своимъ гинасимахъ, показывая здѣсь и тамъ, чтобы схватить другихъ виновныхъ. Было схвачено тринадцать человѣкъ; онъ приказалъ увести ихъ и предать смерти. Ужасъ положилъ конецъ шуму. Тогда царь произнесъ вторую рѣчь, въ которой упрекалъ ихъ за мятежъ.

Исходятъ ли тѣ слова, которыя влагаетъ ему въ уста Арріанъ, изъ хорошаго источника, или придуманы соответственно этому положенію, они заслуживаютъ быть приведенными въ виду ихъ важнаго содержанія: «Не для того, чтобы удержать васъ, буду я еще разъ говорить съ вами; но мнѣ, вы можете идти, куда хотите! я хочу только показать вамъ, чѣмъ вы сдѣлались благодаря мнѣ. Мой отецъ Филиппъ сдѣлалъ изъ васъ многое; между тѣмъ какъ прежде вы, бѣдные и не имѣя осѣдлости, бродили по горамъ съ вашими скудными стадами, всегда подвергаясь нападеніямъ фракійцевъ, пллрійцевъ и трибалловъ; мой отецъ поселилъ васъ въ домахъ, вмѣсто шкуръ далъ вамъ платье солдата, сдѣлалъ изъ васъ повелителей надъ окрестными варварами, открылъ для вашего трудолюбія рудники Пангеона, а для вашей торговли море, подчинилъ вамъ Фессалію, Фивы, Аѣны и Целопоннесъ, стяжалъ себѣ полновластную гегемонію надъ всѣми эллинами для войны съ Персіей; это свершилъ Филиппъ, оно велико

само по себѣ, но въ сравненіи съ тѣмъ, что было совершенно поздне, ничтожно. Мой отецъ оставилъ мнѣ въ сокровищницѣ немного золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, не болѣе шестидесяти талантовъ денегъ и пятьсотъ талантовъ долгу; я самъ долженъ былъ прибавить восемьсотъ талантовъ долгу, чтобы имѣть возможность начать походъ; тогда, хотя персы господствовали надъ моремъ, я открылъ вамъ Геллеспонтъ, я побѣдилъ сатраповъ персидскаго царя при Граникѣ; я покорилъ богатые сатрапіи Малой Азіи и далъ вамъ возможность наслаждаться плодами побѣды; вамъ достались богатства Египта и Кирены, вашими сдѣлались Сирія и Вавилонъ, вашею Бактра, вашими сокровища Персія, богатства Индіи и обтекающее вселенную море; изъ вашей среды вышли сатрапы, военачальники, стратиги. Что самъ я имѣю отъ всѣхъ этихъ битвъ, кромѣ пурпура и діадемы? я ничего не приобрѣлъ для себя, и нѣтъ никого, кто бы могъ показать мои сокровища, если онъ не покажетъ вашего имущества и того, что сохраняется для васъ; и къ чему мнѣ накапливать себѣ сокровища, когда я ѣмъ, какъ вы ѣдите, и сплю, какъ спите вы; даже многіе изъ васъ живутъ роскошнѣе меня, и не одну ночь долженъ я проводить безъ сна, чтобы вы могли спать спокойно. Или тогда, когда вы переносили труды и опасности, я не имѣлъ заботъ и огорченій? Кто можетъ сказать, что онъ перенесъ ради меня болѣе, чѣмъ я перенесъ ради него? Пусть тотъ изъ васъ, кто имѣетъ раны, покажетъ ихъ, а я покажу свои; нѣтъ такого мѣста на моемъ тѣлѣ, гдѣ бы не было раны, и нѣтъ такого снаряда или оружія, которое не оставило бы шрама на мнѣ; мечомъ и кинжаломъ, лукомъ и катанультой, камнемъ и палицей былъ я раненъ, когда бился за васъ и за вашу славу и обогащеніе и побѣдоносно велъ васъ по землямъ и морямъ, черезъ горы, рѣки и пустыни. Я заключилъ бракъ одинаковый съ вами, и дѣти многіхъ изъ васъ будутъ находиться въ родствѣ съ моими дѣтьми; я заплатилъ долги за всѣхъ васъ, не спрашивая, какъ вы вошли въ нихъ при такомъ жалованьи и при такой крупной добычѣ; многіе изъ васъ получили золотые вѣнки, какъ вѣчное доказательство своей храбрости и моего уваженія. А тѣ, что пали въ бою, смерть ихъ была славна и погребеніе почетно: многіхъ изъ нихъ воздвигнуты на родинѣ бронзовыя статуи, а родители ихъ пользуются высокими почестями, освобождены отъ податей и общественныхъ повинностей. Наконецъ ни одинъ изъ васъ подъ моимъ предводительствомъ не палъ во время бѣгства. И теперь я думалъ отпустить тѣхъ изъ васъ, которые утомлены войною, на удивленіе и на гордость нашей родинѣ; но вы хотите идти всѣ; такъ всѣ и идите! И когда вы придете къ себѣ домой, то скажите, что вы своего царя, который одолѣлъ уксіевъ, арахозіевъ и драугіанъ, который покорилъ пареянъ, хоразміевъ и гирканцевъ, жившихъ вдоль Каспійскаго моря, который проникъ въ каспійскіе проходы и перешелъ черезъ Кавказъ, который переправился черезъ Оксъ, Танаисъ, Индъ, перейденный до него только однимъ Діонисомъ, черезъ Гидаспъ, Акезинъ и Гіароть и который, если бы вы не помѣшали ему, перешелъ бы и черезъ Гифазисъ, который проплылъ по Инду въ Океанъ, прошелъ по пустынѣ Гедрозіи, по которой никто до него не проходилъ съ

войскомъ, флотъ котораго изъ Инда прибылъ по океану въ Персію, — что вы этого своего царя, Александра, покинули и предоставили защищать его побѣжденнымъ варварамъ; возвѣстивъ это, вы, конечно, «стяжаете себѣ славу въ глазахъ людей и докажете свое благочестіе передъ богами; вы можете идти!» Послѣ этихъ словъ онъ быстрыми шагами сошелъ съ трибуны и поспѣшилъ воротиться въ городъ.

Македоняне остались пораженные и безмолвные; только тѣлохранители и самые приближенные изъ этеровъ послѣдовали за нимъ. Постепенно тягостное молчаніе въ собраніи стало прекращаться; они получили то, чего требовали; спрашивалось: что же будетъ теперь? что будетъ дальше? Они всѣ были отпущены, они не были болѣе солдатами; сдерживавшія ихъ донынѣ цѣпи службы и воинской дисциплины были разрѣшены, у нихъ не было ни вождя, ни плана, ни воли; одни совѣтовали остаться, другіе приглашали выступать; такимъ образомъ смятеніе и беспорядочные крики только росли, никто не приказывалъ, никто не повиновался, ни одинъ отрядъ не держался вмѣстѣ; черезъ нѣсколько минутъ это войско, завоевавшее міръ, представляло собою беспорядочную и смятенную массу.

Александръ удалился въ царскій дворецъ въ Описъ; при томъ сильномъ возбужденіи, въ какомъ онъ находился, онъ пренебрегалъ всѣми заботами о своемъ тѣлѣ; онъ не хотѣлъ никого видѣть, ни съ кѣмъ говорить. Такъ прошли первый и второй день. Между тѣмъ въ лагерь македонянъ беспорядки достигли опасныхъ размѣровъ; съ страшною быстротою начали проявляться послѣдствія мятежа и роковые результаты необдуманнаго требованія, которое было вполне удовлетворено; предоставленные своей участи и своей анархіи, безсильные и лишенные точки опоры, такъ какъ они не встрѣтили сопротивленія, не имѣвшіе ни рѣшимости желать, ни силы дѣйствовать, лишенные права, долга и чести своего званія, — что могли они начать, какъ не прибѣгнуть къ открытому насилію, гонимые голодомъ и отчаяніемъ?

Александръ долженъ былъ остерегаться крайнихъ мѣръ; но въ то же время онъ желалъ сдѣлать послѣднюю и дѣйствительно смѣлую попытку, чтобы заставить македонянъ раскаяться. Онъ рѣшилъ совершенно вѣрнуться азіатскимъ войскомъ, организовать ихъ по образу македонскаго войска и отличить ихъ всѣми почестями, которыя донынѣ доставались македонянамъ; онъ долженъ былъ ожидать, что они, видя такимъ образомъ порваніемъ послѣднее звено между ними и царемъ, или исполнятся раскаянія и будутъ умолять его о прощеніи, или, доведенные до ярости, возьмутся за оружіе; было несомнѣнно, что въ этомъ случаѣ онъ во главѣ своихъ азіатскихъ войскъ одержитъ побѣду надъ лишенной предводителя толпой. На третій день онъ призывалъ въ царскій дворецъ персовъ и мидянъ, открылъ имъ свою волю, выбралъ изъ нихъ предводителей и начальниковъ новаго войска, даровалъ многимъ изъ нихъ почетный титулъ родственниковъ царя и, по восточному обычаю, далъ имъ право пощелуя; затѣмъ азіатскія войска согласно съ македонскимъ устройствомъ были раздѣлены на гиппархіи и фаланги, была образована персидская агема, персидскіе пѣшіе этеры, персидскій отрядъ гинаспистовъ съ серебряными щитами⁶⁾, персидская конница этеровъ и агема персидской конницы;

караулы во дворцѣ были заняты персами и имъ была передана служба при царѣ; македонянамъ былъ посланъ приказъ очистить лагерь и идти, куда они хотятъ, или, если они это предпочитаютъ, избрать предводителя и выступить противъ Александра, ихъ царя, чтобы, когда они будутъ побѣждены имъ, понять, что они безъ него ничто ⁷⁾.

Когда этотъ приказъ царя сдѣлался извѣстнъ въ лагерь, старыя войска не могли долѣе сдерживаться; они ринулись къ царскому дворцу, сложили передъ нимъ свое оружіе въ знакъ покорности и раскаянія; стоя передъ закрытыми дверями, они кричали и умоляли, чтобы ихъ выпустили, что они выдадутъ зачинщиковъ мятежа: они ни день, ни ночь не сойдутъ съ мѣста, пока царь не сжалится надъ ними.

Прошло немного времени, и царь вышелъ къ нимъ ⁸⁾; видя своихъ ветерановъ полными такого глубокаго раскаянія, слыша ихъ радостныя клики и ихъ повныя скорбныя рыданія, онъ не могъ удержаться отъ слезъ; затѣмъ онъ подошелъ ближе, чтобы говорить съ ними; тѣсняя кругомъ, они не переставали упрасивать его, какъ будто бы боялись перваго слова своего, быть можетъ, еще не смягчившагося государя. Впередъ выступилъ одинъ старый уважаемый офицеръ, одинъ изъ гиппарховъ конницы, Каллинь, чтобы говорить отъ имени всѣхъ: болѣе всего, сказалъ онъ, македонянь огорчаетъ то, что онъ сдѣлалъ персовъ своими этерами, что персы получили теперь право называться родственниками царя и цѣловать его, и что эта честь никогда не доставалась на долю ни одному изъ македонянь. Тогда царь воскликнулъ: «Васъ всѣхъ дѣлаю я моими родственниками и съ этой минуты даю вамъ это званіе!» Онъ подошелъ къ Каллину, чтобы поцѣловать его; а его цѣловалъ потомъ каждый изъ македонянь, который только хотѣлъ этого; они снова взяли свое оружіе и, ликуя, возвратились въ лагерь. Александръ же, чтобы торжественно отпраздновать примиреніе, повелѣлъ приготовить большое жертвоприношеніе и принесть жертвы тѣмъ богамъ, которымъ онъ ихъ приносилъ обыкновенно. Затѣмъ было дано большое пиршество, въ которомъ приняло участіе почти все войско; царь сидѣлъ посреди, около него македоняне, за ними персы и далѣе многіе изъ другихъ народовъ Азіи; царь пилъ изъ однихъ и тѣхъ же кратеръ со своими войсками и дѣлалъ одинъ и тѣ же возліянія съ ними; священныя обряды при этомъ исполняли греческіе предсказатели и персидскіе маги. Царь произнесъ тостъ, прося боговъ даровать имъ всѣ блага, а главнымъ образомъ согласіе и единеніе въ государствѣ македонянь и персовъ. Число лицъ, принимавшихъ участіе въ этомъ пиршествѣ, какъ говорить, достигало девяти тысячъ; и всѣ эти девять тысячъ единовременно дѣлали возліянія, сопровождая ихъ хвалебными гимнами ⁹⁾.

Таковъ былъ исходъ этого тяжелаго кризиса; то былъ послѣдній протестъ древне-македонскаго духа, нашедшій себѣ наиболѣе оригинальное и серьезное выраженіе; теперь онъ былъ морально побѣжденъ. Мѣры, передъ которыми онъ долженъ былъ склониться, придавали этой побѣдѣ Александра еще большую важность. Преимущества, которыя до сихъ поръ царь былъ принужденъ оказывать македонскому войску, были уничтожены, азіатскія войска получили доступъ къ именамъ и почестямъ войскъ старо-македонскихъ; отнынь

между побѣдителями и побѣжденными не было никакой другой разницы, кромѣ степени личныхъ достоинствъ и вѣрности своему царю.

Несмотря на всю подавляющую силу, съ какой при этомъ случаѣ выступаетъ личность самого царя, она не объясняетъ намъ всего. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что, если система Александра могла выдержать такое испытаніе, то это служить вѣрнымъ доказательствомъ того, что государственная система, воздвигнутая съ такою быстротою и смѣлостью, была достаточно закончена и утверждена для того, чтобы можно было снять лѣса и подпорки, поддерживавшія ея строй. Но развѣ побѣду въ Описѣ не могли точно также одержать и ветераны и положить такимъ образомъ конецъ оныяненію царя, давъ ему доказательство того, что онъ, подобно Иксиону, пылко обнималъ облако вмѣсто богини? Несомнѣнно, могли бы, если бы сами оставались еще истыми македонянами; но они не были уже теперь ими, они сами восприняли въ себя то новое, съ которымъ упорно боролись; они сжились съ азіатскимъ образомъ жизни, хотъ и не желали признать за этимъ новымъ элементомъ тѣхъ правъ, которыя принадлежали ему; и это высокомѣрное желаніе считаться только побѣдителями того, что побѣдило и проникло и ихъ то же въ самой глубинѣ ихъ существа, было причиной ихъ паденія. Когда македонское войско, орудіе, которымъ было создано это твореніе новаго времени, было сломлено могучею рукою творца, онъ этимъ самымъ объявлялъ, что само его созданіе окончено и что относительно его характера и природы не можетъ быть болѣе никакихъ вопросовъ. Если смуты и безпорядки непосредственно слѣдовавшіе за этимъ временемъ потрясли и разрушили внѣшнія формы новозданнаго государства, то все-таки эллинистическая жизнь, великое объединеніе греческаго и азіатскаго міра со всѣми его благими и дурными послѣдствіями, была упрочена на многіе вѣка.

Такимъ образомъ новый порядокъ вещей побѣдоносно прошелъ черезъ всѣ стадіи внутреннихъ и внѣшнихъ затрудненій; признанный за идею новаго времени, провозглашенный принципомъ новаго царства, пущенный въ ходъ какъ государственная администрація, организованный какъ войско, находившійся въ полномъ разгарѣ работы какъ разложение и пересозданіе народной жизни, онъ долженъ былъ только выразиться по возможности рѣшительно и сообразно съ насущными интересами народовъ. Такова была работа короткаго времени жизни, которое судьбѣ еще было угодно дать царю, такова была ея цѣль и во всякомъ случаѣ результатъ ея.

Даже отправление ветерановъ на родину должно было оказать свое вліяніе въ этомъ смыслѣ; еще никогда войска не возвращались изъ Азій на родину въ такомъ количествѣ, и эти 10000 ветерановъ болѣе, чѣмъ всѣ прежніе, восприняли въ себя азіатскую культуру; ихъ примѣръ, ихъ слава, ихъ богатство, всѣ тѣ измѣнившіеся возрѣнія и потребности, новыя требованія и новый опытъ, который они приносили съ собой, должны были оказать среди ихъ соотечественниковъ на родинѣ не менѣе сильное вліяніе, чѣмъ то, которое уже оказывала западная культура на жизнь восточныхъ народовъ; благотворно ли было это вліяніе на простыхъ людей, на пахарей и пастуховъ

ихъ родины, это другой вопросъ. Ветераны были отпущены самымъ торжественнымъ образомъ изъ лагеря при Описѣ; Александръ объявилъ имъ, что они получаютъ все жалованье до своего прибытія на родину и, кромѣ того, подарокъ въ одинъ талантъ каждый; дѣтей, которыхъ родили имъ женщины востока, онъ требуетъ, чтобы они оставили у него, чтобы они на родинѣ не сдѣлались поводомъ для нарушенія домашняго мира ихъ женами и дѣтьми; онъ позаботится о томъ, чтобы дѣти солдатъ были воспитаны, какъ македоняне и какъ солдаты; и когда они возмужаютъ, онъ надѣется привести ихъ въ Македонію и возвратитъ ихъ отцамъ; онъ обѣщалъ точно также позаботиться о дѣтяхъ воиновъ, павшихъ во время походовъ, и сохранить имъ жалованье ихъ отцовъ до тѣхъ поръ, пока они сами не дослужатся до такого же жалованья и до такой же славы на службѣ царю; въ знакъ своей заботливости онъ даетъ имъ въ покровители и въ предводители преданнѣйшаго изъ своихъ генераловъ, которого онъ любитъ, какъ самого себя, гиппарха Кратера. Такимъ образомъ ветераны выступили изъ Описа, съ ними отправились стратеги гипасистовъ Полисперхонъ, Клитъ, Горгія, и, быть можетъ, Антигенъ, а изъ стратиговъ конницы Полидамъ и Адамантъ; на случай болѣзни Кратера вторымъ предводителемъ войска былъ назначенъ Полисперхонъ ¹⁰⁾.

Данныя Кратеру указанія относились не только къ заботамъ по доставленію на родину ветерановъ; главною цѣлью его миссіи было принять на себя вмѣсто Антипатра политическое и военное управленіе родиной ¹¹⁾, а тотъ въ свою очередь получилъ приказъ привести въ армію войска, долженствовавшія замѣнить возвратившихся на родину ветерановъ ¹²⁾. Врядъ ли впрочемъ это послѣднее было главною причиною; многія обстоятельства должны были вызвать необходимость перемѣны лица, занимавшаго высшій постъ въ Македоніи. Разногласіе между царицей-матерью и Антипатромъ достигли своего высшаго предѣла; вѣроятно, главная, а быть можетъ и исключительная вина была на сторонѣ страстной и властолюбивой царицы; въ землѣ эпировъ, когда ея братъ Александръ палъ въ Италіи, она дѣйствовала какъ хозяйка того края ¹³⁾; и его молодая вдова, ея дочь Клеопатра, избѣгая, быть можетъ, грозившихъ ей лично серьезныхъ опасностей, возвратилась въ Македонію со своимъ пятилѣтнимъ сыномъ, законнымъ наслѣдникомъ македонскаго престола ¹⁴⁾. Александръ всегда высоко чтилъ мать и исполнялъ по отношенію къ ней все сыновнія обязанности, но точно также рѣшительно отклонялъ ея вмѣшательство въ общественныя дѣла; однако она не переставала интриговать, писать своему сыну письма, исполненные всевозможныхъ упрековъ и жалобъ; ревнуя Александра къ Гефестіону, она отправляла недовольныя письма и къ этому любимцу царя, но главнымъ образомъ неутомимо посылала въ Азію самыя сильныя обвиненія противъ Антипатра. Антипатръ съ своей стороны также горько жаловался на царицу-мать и ея вмѣшательство въ общественныя дѣла. Приводятъ знаменательное выраженіе Александра: «Антипатръ не знаетъ, что одна слеза моей матери можетъ погасить тысячу такихъ писемъ». Его довѣрія къ намѣстнику Македоніи они, конечно, не увеличивали; послѣдній

не могъ, пожалуй, устоять противъ соблазновъ обширной власти, которая была ему ввѣрена ¹⁵⁾: и если послѣ казни своего зятя Филота Антипатръ завязалъ тайныя сношенія съ этолянами, то слѣдовало удвоить осторожность, хотя постоянно новыя жалобы и предостереженія, которыя посылала Олимпіада, и должны были, насколько это замѣтно, оказаться неосновательными. Во всякомъ случаѣ Арріанъ свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что не было извѣстно никакого выраженія или поступка царя, которые бы говорили о перемѣнѣ его расположенія къ Антипатру ¹⁶⁾; онъ предполагаетъ, что царь повелѣлъ ему прибыть въ Азію не въ видѣ наказанія, но чтобы предупредить печальные и не могущіе быть исправленными даже имъ самимъ, результаты этихъ раздоровъ для нихъ обоихъ, для его матери и для намѣстника ¹⁷⁾. Притомъ Антипатръ вовсе не долженъ былъ немедленно сложить съ себя свое званіе и спѣшить въ Азію ¹⁸⁾, но продолжать управлять ввѣренными ему землями до прибытія Кратера, которое при медленномъ движеніи ветерановъ могло затянуться на многіе года. Странный оборотъ, который именно теперь приняли дѣла въ Греціи, дѣлалъ присутствіе въ Македоніи этого испытаннаго намѣстника тѣмъ болѣе необходимымъ.

Если въ греческомъ мірѣ сохранилось еще какое-нибудь здоровое національное чувство, то можно думать, что побѣды Александра при Иссѣ, при Гавгамелѣ, освобожденіе эллиновъ Азіи, уничтоженіе торговаго могущества Тира, уничтоженіе персидскаго царства должны были примирить даже непримиримыхъ, освѣжить всѣ нервы греческаго народа; онъ съ радостнымъ соревнованіемъ долженъ былъ принять участіе въ дѣлѣ, взята за которое, согласно заключеннымъ ими договорамъ, было для греческихъ государствъ не только обязанностью, а даже правомъ. Но подававшія тонъ государства понимали патріотизмъ и національное дѣло иначе. Мы видѣли, какъ въ годъ битвы при Иссѣ Аѣины были близки къ тому, чтобы двинуть свой флотъ на помощь Персіи, какъ царь Агисъ, когда Дарій былъ убитъ во время бѣгства, находился въ походѣ противъ македонянъ, какъ маленькія государства ожидали только его первой побѣды, чтобы примкнуть къ нему.

Понесенное спартамцами лѣтомъ 330 года пораженіе возстановило спокойствіе въ Греціи, но недовольство и предубѣжденіе остались; величія этого времени они не видѣли. «Есть ли такія печальныя и неожиданныя событія», говоритъ Эсхинъ въ одной своей рѣчи осенью 330 года, «которыя не случились бы въ наши дни? Вѣдь мы не жили жизнью обыкновенныхъ людей, но наши годы сдѣлались временемъ чудесъ для будущихъ поколѣній». А съ тѣхъ поръ случились еще большія чудеса; эти пять лѣтъ, столь богатые изумительными подвигами въ далекой Азіи, и столь жалко и вяло протекшія на родинѣ въ Греціи: тамъ—завоеваніе бактрскихъ земель, Индіи, открытіе южнаго океана—здѣсь пошлая тривіальность дѣятельности маленькихъ городовъ и фразы громоздимыя на фразы,—дѣйствительно, нравственная цѣнность, или, если такъ будетъ лучше выразиться, настоящій вѣсъ этой политики и политій Греціи падали все ниже и ниже.

Съ тѣхъ поръ какъ могущество Македоніи достигло такихъ громадныхъ размѣровъ, когда дальнѣйшее сопротивленіе передъ нею, единственная мысль, оживлявшая еще до нѣкоторой степени общественную жизнь государствъ Греціи, особенно Спарты и Аѳинъ, сдѣлалось невозможнымъ, тогда исчезъ и послѣдній остатокъ политической дѣятельности въ массахъ, и различія между партіями, которыя развивались, имѣя своимъ лозунгомъ за Македонію и противъ нея, начали исчезать и сглаживаться.

Въ Аѳинахъ можно до извѣстной степени наблюдать это разложеніе партій и все возростающее непостоянство дема. Ликургъ, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ превосходно управлявшій финансами государства, при выборахъ 326 года долженъ былъ видѣть ихъ перешедшими въ руки Миезехма, его политическаго и личнаго противника. Страстный Гинеридъ, всегда прежде державшій сторону Демосѳена, со времени событій 330 года, со времени упушеннаго тогда возстанія противъ Македоніи, отвратился отъ него и очень скоро выступилъ противъ него обвинителемъ. Конечно, Эсхина въ Аѳинахъ болѣе не было; когда въ процессѣ Ктезифона—это было вскорѣ послѣ пораженія царя Агиса—аѳинскіе присяжные рѣшили дѣло въ пользу обвиняемаго и такимъ образомъ въ честь Демосѳена, Эсхинъ покинулъ родину и поселился отплывъ въ Родосѣ. Но въ Аѳинахъ еще оставался Фокіонъ, строгій патріотъ, который отказался отъ блестящихъ подарковъ Александра¹⁹⁾, который въ одинаковой степени и понималъ, и оплакивалъ паденіе своей родины, и старался удержатъ слишкомъ легко возбуждавшійся аѳинскій народъ отъ всякой попой попытки борьбы противъ Македоніи, бывшей, какъ онъ видѣлъ, ему болѣе не по силамъ. Оставался Демадъ, чье вліяніе основывалось столько же на его отношеніяхъ къ Македоніи, какъ и на его политикѣ мира, соотвѣтствовавшей желаніямъ зажиточныхъ классовъ и позволявшей прикармливать жаждавшую наслажденій чернь пиршествами и раздачами денегъ; «не воинъ», говорилъ онъ разъ въ народномъ собраніи, «будетъ оплакивать мою смерть, такъ какъ война ему полезна, а миръ его не кормить; оплатятъ ее поселянинъ, ремесленникъ, купецъ и каждый, кто любитъ спокойную жизнь; для нихъ я защитилъ Аттику не валомъ и рвами, но миромъ и дружбой съ сильными».

И если въ то самое время, когда Агисъ взялся за оружіе, Демосѳенъ въ Спартѣ и, какъ это думали, также и въ другихъ мѣстахъ, подстрекалъ къ возстанію, а въ Аѳинахъ произносилъ только «удивительныя рѣчи», если онъ, какъ это тоже говорили, завязалъ тайныя сношенія съ Олимпиадой и съ самимъ Александромъ²⁰⁾, то это вовсе не способствовало тому, чтобы увеличить довѣріе дема къ его управленію; и если въ годы дороговизны ему, умѣлому администратору, и поручалось званіе надзирателя за подвозомъ хлѣба, то въ вопросахъ политическаго руководства городомъ экклесія выслушивала его одинаково съ его противниками лѣвой и правой стороны, и обыкновенно окончательнаго постановленія самодержавнаго народа нельзя было предвидѣть заранѣе.

Время мелкихъ государствъ миновало; во всѣхъ отношеніяхъ обнаруживалось, что эти государства, которыя были одно меньше дру-

того, сдѣлались невозможными рядомъ съ новообразовавшейся могущественной державой, что вполне перемѣнившіяся политическія и общественныя условія требовали также и полного пересозданія организации этихъ государствъ. И если намѣреніемъ Александра было оставить греческимъ государствамъ ихъ демократію только въ области ихъ общинной администраціи и связать ихъ между собою поставленнымъ надъ ними могуществомъ и авторитетомъ его обширной монархіи, если это дѣло осталось неоконченнымъ благодаря его скорой смерти или, если хотите, благодаря внутренней необходимости греческой жизни, то именно въ этомъ лежитъ причина того печальнаго упадка, которымъ слѣдующее столѣтіе греческой исторіи должно было запятнать славу лучшихъ временъ.

Согласно этому плану Александръ рѣшилъ принять двѣ мѣры, которыя, конечно, должны были задѣть грековъ за живое.

Онъ потребовалъ божескихъ почестей также и отъ эллиновъ. Какимъ бы ни были заключенія, которыя мы можемъ вывести въ этой области относительно личныхъ взглядовъ царя и ихъ перемѣны, во всякомъ случаѣ это не было такимъ неслыханнымъ кощунствомъ, какимъ оно кажется нашимъ развившимся на основѣ монотеизма воззрѣніямъ, и кромѣ того не слѣдуетъ упускать изъ виду существенно политическаго характера этой мѣры. Языческій культъ грековъ уже давно привыкъ къ антропоморфическому взгляду на своихъ боговъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ слова одного древняго мыслителя: «боги суть безсмертные люди, люди смертные боги». Ни ихъ священная исторія, ни догматика не покоились на прочномъ основаніи Писанія, которое было бы имъ открыто и которому разъ навсегда было бы приписано божественное происхожденіе; въ дѣлахъ религіи для нихъ не было другого масштаба и формы, кромѣ чувства и мысли людей, существовавшихъ и развивавшихся вмѣстѣ съ жизнью, и рядомъ съ ними стояли, конечно, предписанія оракуловъ и различныя толкованія знаменій, которыя точно также, подобно плывущей по рѣкѣ пробкѣ, только указывали на движеніе, которому они слѣдовали. Если наконецъ оракуль Зевса Аммона, какъ бы ни смѣялись надъ этимъ, въ концѣ концовъ все-таки называлъ царя сыномъ Зевса, если Александръ, происходившій изъ рода Иракла и Ахилла, завоевалъ и пересоздалъ цѣлый міръ, если онъ дѣйствительно совершилъ болѣе крупныя подвижки, чѣмъ Иракль и Діонисъ, если рационализмъ уже давно отучилъ умы отъ болѣе глубокой религіозной потребности, и оставилъ отъ почестей и празднествъ боговъ только увеселенія, только внѣшнюю церемонію и указаніе календаря, то мы найдемъ весьма понятнымъ что для грековъ того времени мысль о божескихъ почестяхъ и обоготвореніи человѣка вовсе не была такъ далека. Напротивъ, ближайшія десятилѣтія доказываютъ намъ съ полной ясностью, насколько подобный поступокъ былъ согласенъ съ духомъ того времени; Александръ великій былъ только первымъ, потребовавшимъ для себя того, что послѣ него отъ эллиновъ и грековъ, и особенно отъ афинянъ, могли получать за ничтожныя услуги самыя жалкія монархіи и опозоренные люди. Пусть одни думаютъ, что Александръ вѣрилъ въ свое божественное происхожденіе, а другіе, что онъ считалъ это полицейскою

только мѣрой, во всякомъ случаѣ относительно него до насъ дошло слѣдующее изреченіе: «Хотя Зевесъ и отецъ всѣхъ людей, но только лучшихъ онъ дѣлаетъ своими сыновьями» ²¹⁾). Народы востока привыкли чтить своего царя какъ существо высшаго порядка, и во всякомъ случаѣ эта вѣра, какъ бы ни измѣнилась потребность въ такомъ представленіи сообразно съ правами и предразсудками времени, является основой монархіи, и даже всякой формы господства; даже дорическія аристократіи древности даровали потомкамъ ихъ героическихъ основателей, это преимущество надъ подвластнымъ имъ народомъ, а демократическія Аѣны основали на совершенно аналогичномъ съ этимъ предразсудкѣ по отношенію къ рабамъ возможность существованія свободы, передъ которой монархія Александра имѣетъ хотя то преимущество, что не смотритъ на варваровъ какъ на родившихся для рабства. Онъ принималъ отъ варваровъ «поклоненіе», которое они привыкли приносить своему царю, «богоровному человѣку»; если греческій міръ долженъ былъ найти свое мѣсто и свое успокоеніе въ этой монархіи, то первымъ и самымъ существеннымъ шагомъ было привести и приучить грековъ къ той же самой вѣрѣ въ его величіе, которую питала Азія и въ которой онъ видѣлъ самую существенную гарантію своего престола.

Въ то время, когда въ Азіи дѣлались послѣдніе шаги къ сліянію культуры запада и востока, въ Грецію было послано приглашеніе даровать царю божескія почести на основаніи общественныхъ постановленій ²²⁾). Конечно, большинство городовъ исполнило то, что было отъ нихъ потребовано. Постановленіе спартанцевъ гласило: такъ какъ Александръ желаетъ быть богомъ, то да будетъ онъ богомъ ²³⁾). Въ Аѣннахъ это предложеніе внесъ въ народное собраніе Демадъ ²⁴⁾; Писееа выступилъ возражать ему: противно законамъ Солона, сказалъ онъ, чтить другихъ боговъ, кромѣ отечественныхъ. Когда ему замѣтили, что какъ онъ, еще такой молодой, можетъ дерзать говорить о такихъ важныхъ предметахъ, то онъ отвѣчалъ, что Александръ еще моложе ²⁵⁾). Ликургъ тоже возсталъ противъ этого предложенія: какой это можетъ быть богъ, сказалъ онъ, покидая святилище котораго, необходимо очищать себя. Прежде чѣмъ въ Аѣннахъ пришли къ какому-нибудь рѣшенію, къ этому присоединился еще второй вопросъ, непосредственно затрогивавшій общественную жизнь города.

То было распоряженіе царя относительно изгнанниковъ греческихъ государствъ. Изгнанія были по большей части слѣдствіемъ политическихъ перемѣнъ; благодаря побѣдамъ, одержаннымъ македонянами за послѣдніе пятнадцать лѣтъ, они, конечно, главнымъ образомъ, коснулись противниковъ Македоніи. Многіе изъ этихъ политическихъ бѣглецовъ находили себѣ раньше возможность продолжать борьбу противъ Македоніи на службѣ въ войскахъ персидскаго царя; послѣ паденія Персіи они, безпомощные и безродные, бродили по вселенной; нѣкоторые должны были уже поступить на службу въ македонское войско, другіе, пока Александръ находился въ Индіи, были набраны сатрапами лично для себя, а остальные возвратились послѣ своихъ скитаній въ Грецію, чтобы ожидать по соседству своихъ родныхъ

городовъ перемѣны положенія вещей, или отправились на центральный пунктъ вербовки солдатъ на Тенарѣ, чтобы тамъ наняться къ кому-нибудь. Значительное число людей безъ дѣла должно было тамъ сильно возрасти, когда Александръ предложилъ всѣмъ сатрапамъ отпустить ихъ наемниковъ²⁶⁾; и опасность, которой они грозили спокойствію Греціи, должна была усилиться пропорціонально ихъ численности, несчастному положенію и отсутствію всякихъ видовъ на будущее. Единственнымъ средствомъ отвратить эту опасность было доставить изгнанникамъ возможность воротиться на родину; это средство превратило бы въ благодарность ненависть тѣхъ, которые были изгнаны благодаря влиянію Македоніи, и усилило бы македонскую партію въ отдѣльныхъ государствахъ; отнынѣ за внутреннее спокойствіе Греціи были отвѣтственны уже сами государства, и если теперь внутренній расколъ проявился бы снова, то македонская держава имѣла въ своихъ рукахъ средство вступить въ него. Дѣйствительно, эта мѣра была противна постановленіямъ коринѣскаго союза, и была очевиднымъ покушеніемъ на гарантированное ими самодержавіе принадлежавшихъ къ нему государствъ; можно было предвидѣть, что исполненіе этого царскаго велѣнія подастъ поводъ къ безконечнымъ неурядицамъ даже въ семейныхъ и имущественныхъ отношеніяхъ. Но прежде всего это благодѣяніе приносило пользу противникамъ Македоніи; наступило то время, когда передъ единствомъ общаго всѣмъ государства начали исчезать политическія партіи въ греческихъ городахъ и антагонизмъ національной вражды между греками и азіатами; примѣненіе такимъ образомъ и въ такихъ обширныхъ размѣрахъ истинно царскаго права помилованія было первымъ актомъ высшаго авторитета того государства, къ которому Александръ надѣялся пріучить грековъ.

Объявить объ этой мѣрѣ онъ послалъ въ Грецію стагирита Никанора; царскій рескриптъ долженъ былъ быть объявленъ во время празднованія олимпійскихъ игръ 324 года. Извѣстіе объ этомъ распространилось заранѣе; изгнанники со всѣхъ сторонъ стекались въ Олимпію, чтобы услышать слово искупленія. Въ различныхъ государствахъ, напротивъ, возбужденіе проявлялось въ разныхъ формахъ и, между тѣмъ какъ многіе радовались, что снова будутъ жить вмѣстѣ со своими родными и друзьями и что благодаря обширной и всеобщей амнистіи увидятъ возвращеніе спокойствія и благосостоянія лучшихъ временъ, другіе въ этомъ повелѣніи съ негодованіемъ должны были видѣть вторженіе въ права ихъ государства и начало крупныхъ внутреннихъ безпорядковъ. Въ Аѳинахъ Демосѣенъ предложилъ принять на себя архиеорію въ Олимпіи, чтобы тамъ на мѣстѣ вступить въ переговоры съ уполномоченнымъ Александра и изложить ему послѣдствія этой мѣры и святость коринѣскихъ договоровъ; его усилія не могли уже болѣе измѣнить ничего. Во время празднованія сто четырнадцатой олимпиады²⁷⁾, въ концѣ іюля 324 года, въ присутствіи эллиновъ изъ всѣхъ мѣстностей, въ числѣ которыхъ находилось и около 20000 изгнанниковъ, Никаноръ приказалъ глашатаю, получившему въ состязаніи глашатаевъ, прочесть царскій декретъ²⁸⁾: «Царь Александръ шлетъ свой привѣтъ изгнанникамъ греческихъ го-

родовъ. Виною вашего изгнанія были не мы; но мы хотимъ доставить возможность возвратиться на родину всѣмъ, за исключеніемъ тѣхъ, на которыхъ тяготѣетъ убійство. Поэтому мы повелѣли Антипатру принудить къ этому силой тѣ города, которые откажутся принять вась». Слова глашатая были приняты съ безконечнымъ ликоваіемъ и во всѣ стороны потянулись со своими единоземцами изгнанники по направле- нію къ своей родинѣ, которой они такъ долго были лишены ²⁹⁾.

Только аѳиняне и этолине отказались послѣдовать приказу царя. Это- лине изгнали раньше Эпіадовъ и тѣмъ болѣе боялись ихъ мщенія, что Александръ самъ объявилъ себя за нихъ и за ихъ права. Аѳи- няне же видѣли себя угрожаемыми въ обладаніи самымъ важнымъ своимъ островомъ, который остался у нихъ отъ поры ихъ преж- няго господства; во времена Тимоѳея они изгнали жителей Самоса ³⁰⁾ и раздѣлили ихъ землю между аѳинскими клерухами; теперь послѣд- ніе, согласно приказу царя, должны были уступить мѣсто прежнимъ жителямъ и оставить тѣ земли, которыя они болѣе тридцати лѣтъ или воздѣлывали сами, или отдавали въ аренду. Всего болѣе задѣтъ и раздражить ихъ должно было то обстоятельство, что царь далъ этому приказу такую форму, какъ будто бы онъ просто желалъ до- казать полную законность правъ бѣглецовъ, какъ будто бы онъ вовсе не пуждался въ согласіи государствъ, которыхъ это касалось, хотя договоры 334 года яено опредѣляли, что ни одно изъ союзныхъ го- сударствъ не должно содѣйствовать попыткамъ насильственного воз- вращенія на родину изгнанниковъ другихъ союзныхъ государствъ. Можно было сказать, что этимъ приказомъ Александра былъ явно поднятъ вопросъ объ автономіи и самодержавіи аѳинскаго государ- ства, и демъ, слѣдуя ему, призналъ бы себя подданнымъ македон- скаго царя. Неужели демъ былъ уже настолько недостоинъ сво- ихъ предковъ, Аѳины уже столь безсильны, что должны были скло- ниться передъ деспотическимъ приказомъ? Какъ разъ теперь прои- зошло неожиданное событіе, которое, если бы имъ воспользоваться надлежащимъ образомъ, обѣщало значительно поднять могущество аѳинянъ и дать вѣсь ихъ отказу ³¹⁾.

Бѣжавшій главный казначей Александра, Гарпаль, какъ мы уже упомянули, отплылъ въ Аттику отъ береговъ Малой Азіи съ трид- цатью кораблями, шестью тысячами наемниковъ и громадными сокрови- щами, которыя ему были ввѣрены, и приблизительно въ февралѣ мѣсяцъ этого года благополучно достигъ рейда Мунихіи. Онъ разли- чивалъ на благопріятное впечатлѣніе, которое должна была произ- вести на народъ раздача имъ хлѣба въ голодный годъ, и на право гражданства, которое ему тогда было дано постановленіемъ дема; зять Фокіона Хариклъ получилъ отъ него тридцать талантовъ на постройку гробницы Писіоникъ; другіе вліятельные люди тоже были ему обязаны изъ-за подарковъ. Но по совѣту Демосѳена демъ отказался принять его; стратигу Филоклу, въ рукахъ котораго находился надзоръ за гаванью, было приказано отразить его силой въ случаѣ, если бы онъ вздумалъ сдѣлать попытку высадиться насильно. Тогда Гарпаль со своими на- емниками и сокровищами поплылъ къ Тенару; если послѣ заявленія Никанора многіе изъ находившихся на Тенарѣ бродягъ и двинулись

на родину, то у этолянъ и въ Аѳинахъ тотъ же самый декретъ имѣлъ такіе результаты, какихъ Гарпаль могъ только желать. Онъ вторично отправился въ Атику, безъ своихъ наемниковъ и только съ частью украденныхъ имъ денегъ. Филоклъ не преградилъ ему входа; Гарпаль былъ вѣдь гражданиномъ Аѳинъ и прибылъ теперь безъ войска, какъ молящій о защитѣ. Въ такомъ униженномъ видѣ онъ предсталъ передъ демомъ Аѳинъ, предоставилъ въ его распоряженіе свои сокровища и своихъ наемниковъ, позаботившись, конечно, наметнуть при этомъ, что теперь съ рѣшимостью и смѣлостью можно совершить великія дѣла ³²).

Уже изъ Малой Азіи отъ царскаго казначея Филоксена прибыло въ Аѳины требованіе выдать казнокрада ³³). Поднялся оживленный споръ по этому вопросу; страстный Гиперидъ былъ того мнѣнія, что не слѣдуетъ упускать изъ рукъ прекраснаго случая освободить Грецію; друзья Македоніи, вѣроятно, съ такимъ же усердіемъ требовали его выдачи; но даже Фокіонъ воспротивился этому предложенію; Демосѳенъ согласился съ нимъ и предложилъ народу взять подъ стражу молящаго о защитѣ съ его деньгами до тѣхъ поръ, пока Александръ не пришлетъ кого-нибудь за нимъ. Народъ сдѣлалъ постановленіе согласно съ его предложеніемъ и поручилъ ему самому отобрать у Гарпала деньги, что должно было произойти на слѣдующій день. Демосѳенъ тотчасъ же спросилъ у Гарпала, какую сумму онъ имѣетъ съ собой. Тотъ назвалъ 700 талантовъ. На слѣдующій день, когда эта сумма должна была быть принесена на Акрополь, оказалось только 350 талантовъ; Гарпаль, повидимому, воспользовался ночью, на которую страннымъ образомъ у него были оставлены его деньги, для того, чтобы приобрести себѣ друзей. И Демосѳенъ не счелъ нужнымъ назвать народу недостающую сумму; онъ ограничился тѣмъ, что предложилъ поручить ареопагу произвести слѣдствіе, причемъ была обѣщана безнаказанность тѣмъ, кто добровольно отдастъ взятыя ими деньги.

Александръ, повидимому, ожидалъ, что Гарпаль со своими сокровищами и наемниками охотно будетъ принятъ аѳинянами; по крайней мѣрѣ онъ послалъ въ приморскія провинціи приказъ держать наготовѣ флотъ, чтобы въ случаѣ нужды имѣть возможность немедленно напасть на Атику; въ лагерь Александра въ это время шло много разговоровъ о войнѣ противъ Аѳинъ, которой македоняне весьма радовались вслѣдствіе своей старинной вражды къ нимъ ³⁴). Дѣйствительно, аѳиняне, если они серьезно думали противиться возвращенію изгнанниковъ, отказать царю въ божескихъ почестяхъ и предъявить свои права на полную независимость, имѣли въ предложеніяхъ и средствахъ этого молящаго о защитѣ все, что на первое время было имъ необходимо для энергической обороны; они могли надѣяться, что этоляне, спартанцы, ахейцы и аркадяне, общія собранія городовъ которыхъ были запрещены царемъ ³⁵), примкнуть къ нимъ. Но такъ какъ они не могли не видѣть, что Гарпаль во второй разъ нарушилъ свой долгъ на службѣ царю и вызвалъ грозившее ему наказаніе самымъ низкимъ преступленіемъ обширныхъ размѣровъ, то для нихъ вовсе не было бы позорно, согласись они на тре-

буемую выдачу и предоставь дальнейшую отвѣтственность тому, кто потребовалъ ее какъ чиновникъ царя. Они предпочли рѣшиться на полумѣры, которыя, будучи далеки отъ того, чтобы дать имъ вѣрный и почетный выходъ, навлекали на городъ отвѣтственность, которая весьма скоро должна была поставить ихъ въ крайне двусмысленное положеніе.

Само собою разумѣется, что Филоксенъ еще настоятельнѣе повторилъ свое требованіе о выдачѣ; должно быть, вѣрно и то, что то же самое требованіе было предъявлено также и Антинатромъ и Олимпіадой. Въ это время однажды утромъ Гарпаль исчезъ, несмотря на приставленную къ нему стражу. Это было бы невозможно, если бы назначенная для надзора за нимъ коммиссія съ Демосеономъ во главѣ исполнила свой долгъ; понятно, — сейчасъ заговорили и подумали, что Демосеонъ допустилъ подкупить себя и другихъ.

Все, что онъ могъ сдѣлать, это было потребовать немедленнаго слѣдствія, которое по его предложенію точно также было поручено ареопагу. Стратигъ Филоклъ потребовалъ и добился такого же постановленія народа.

Производимое ареопагомъ слѣдствіе подвигалось впередъ весьма медленно. Еще оставался нерѣшеннымъ другой вопросъ, декретировать ли царю божескія почести; насчетъ этого необходимо было придти къ рѣшенію, чтобы имѣть возможность отправить пословъ, которые должны были быть въ Вавилонѣ раньше, чѣмъ царь вернется туда. Снова передъ демомъ повелись дебаты о томъ, должно ли даровать божескія почести и позволить изгнанникамъ возвратиться на родину; въ собраніи говорилъ нѣсколько разъ и Демосеонъ. «Пока ты думалъ, что наступилъ моментъ», говоритъ поздиѣ Гиперидъ въ процессѣ противъ Демосеона, «когда ареопагъ откроетъ имена подкупленныхъ, ты сразу сдѣлался воинственнымъ и привелъ весь городъ въ волненіе, чтобы избавиться отъ этихъ разоблаченій; когда же ареопагъ отложилъ это объявленіе, потому что еще не пришелъ съ своимъ слѣдствіемъ къ концу, тогда ты началъ совѣтовать даровать Александру почести Зевеса, Посейдона и какого только онъ захочетъ бога». Демосеонъ стало-быть совѣтовалъ уступить въ вопросѣ о божескихъ почестяхъ, а относительно изгнанниковъ держаться до послѣдней возможности. Въ этомъ смыслѣ получили инструкціи послы, отправленные приблизительно въ началѣ ноября ³⁶⁾.

Бѣжавъ изъ Аѳинъ, Гарпаль ушелъ на Тенаръ, а отсюда со своими наемниками и сокровищами — на возстаніе въ Греціи, повидимому, не было уже никакой надежды — переправился на Критъ и здѣсь былъ убитъ своимъ другомъ, спартанцемъ Фидрономъ, который затѣмъ съ сокровищами и наемниками удалился въ Кирену ³⁷⁾. Приближенный рабъ убитаго, который велъ его счета, бѣжалъ на Родосъ и былъ выданъ Филоксену. Онъ признался во всемъ, что зналъ относительно денегъ Гарпала.

Такимъ образомъ Филоксенъ могъ послать въ Аѳины списокъ выданныхъ Гарпаломъ суммъ и имена тѣхъ, которые ихъ получили ³⁸⁾. Имени Демосеона между ними не было. Черезъ шесть мѣсяцевъ ареопагъ кончилъ свое дополнительное слѣдствіе и домашніе обыски и

передалъ наконецъ дѣло суду. Начался тотъ замѣчательный рядъ процессовъ по дѣлу Гарпала, гдѣ въ качествѣ обвинителей или обвиняемыхъ участвовали самые знаменитые люди Аѳинъ; въ числѣ обвинителей были Писея, Гиперидъ, Мнесехмъ, Гимерей и Стратоклъ, въ числѣ обвиняемыхъ Демадъ, который будто-бы получилъ 6000 статировъ, стратигъ Филоклъ, зять Фокіона Хариклъ, а также и Демосеенъ. Онъ не отрицалъ, что взялъ изъ денегъ Гарпала 20 талантовъ, но взялъ ихъ только для того, чтобы вознаградить себя за такую же сумму, которую онъ ранѣе одолжилъ кассѣ теорикъ и о которой онъ бы не хотѣлъ говорить; онъ обвинялъ ареопагъ въ желаніи устранить его изъ угоды Александру; онъ привелъ своихъ дѣтей, чтобы возбудить жалость въ присяжныхъ ³⁹⁾. Все было напрасно: онъ былъ присужденъ къ уплатѣ суммы, въ пять разъ превышавшей ту, которую онъ получилъ, и такъ какъ такой суммы онъ собрать не могъ, то былъ брошенъ въ темницу, изъ которой самъ нашелъ или ему былъ доставленъ другими случай бѣжать на шестой день.

Этотъ исходъ процессовъ по дѣлу Гарпала былъ роковымъ для Аѳинъ; присяжные геліен, непосредственное выраженіе общественнаго мнѣнія, конечно, обратили полное вниманіе на слова обвинителей, что они, присяжные, будутъ судить обвиняемыхъ, а другой расудить потомъ и ихъ, и что ихъ долгъ передъ собой самими наказать людей даже и столь значительныхъ; исходя изъ такихъ невѣрныхъ посылокъ, какія были поставлены шатко руководимой аѳинской политикой въ дѣлѣ Гарпала, они, по политическимъ соображеніямъ, рѣшили дѣло съ чрезмѣрной строгостью относительно однихъ, и съ еще болѣе незаслуженной мягкостью относительно другихъ. Оправданъ былъ Аристогитонъ, который, по показанію ареопага, получилъ двадцать талантовъ, самый наглый и достойный наибольшаго презрѣнія изъ вожаковъ народа. Быть можетъ, были оправданы еще и другіе ⁴⁰⁾. Напротивъ, великій противникъ македонской монархіи долженъ былъ покинуть родину, и съ нимъ пала опора старо-демократической партіи и ея традицій. Въ Филоклѣ государство теряло полководца, который все-таки довольно часто избирался народомъ на эту важную должность. Демадъ остался, несмотря на свое осужденіе ⁴¹⁾, и его преобладающее вліяніе утвердилось тѣмъ болѣе, чѣмъ ничтожныѣ, боязливыѣ и безсовѣстныѣ были тѣ люди, которые послѣ этихъ процессовъ принимали участіе въ управленіи народомъ ⁴²⁾; политика Аѳинъ сдѣлалась еще болѣе непостоянной, чѣмъ прежде, а скоро стала она и рабской. Изгнанникамъ было отказано въ дозволеніи возвратиться на родину, но въ городѣ господствовалъ постоянный страхъ, что они, опираясь на амистію царя, перейдутъ изъ Мегары черезъ границу Аттики; и однако, для защиты города ничего не принималось, было только рѣшено отправить къ царю посольство теоровъ, которое должно было просить у него дозволенія не принимать изгнанниковъ, — мѣра, которая въ интересахъ аѳинской свободы была по меньшей мѣрѣ совершенно неумѣстна, такъ какъ съ одной стороны государство уже высказало свое намѣреніе остаться при постановленіяхъ коринѣскаго союза, а съ другой — почти навѣрно можно было предвидѣть отрицательный отвѣтъ царя ⁴³⁾.

Важнѣе внѣшнихъ результатовъ этихъ событій было моральное пораженіе, нанесенное тѣмъ принципамъ, представителями и образомъ которыхъ считались и сами себя считали Аѳины. Однажды извѣстный Клеонъ, бывшій въ глазахъ дема своего времени самымъ крайнимъ демократомъ, сказалъ этому же дему: «демократія неспособна господствовать надъ другими»; если теперь Аѳины должны были подчиниться монархическому авторитету, на который предъявляло права эллинистическое царство Александра, то этимъ разрушалась послѣдняя опора системы мелкихъ государствъ и гордаго партикуляризма, который все еще не хотѣлъ понять, что «вершковый корабль—не корабль вовсе»; начавшаяся организація дѣйствительно могущественной державы спокойно и мощно ложилась также и на греческій міръ, требуя, правда, отъ него великой жертвы, но такой, которой Александръ требовалъ даже отъ себя самого и отъ своихъ македонянъ, которою онъ оправдывалъ и искупалъ то, что совершалъ.

Одинъ знаменитый изслѣдователь называлъ Александра геніальнѣйшимъ государственнымъ мужемъ своего времени. Онъ былъ, какъ государственный мужъ, тѣмъ, чѣмъ Аристотель былъ, какъ мыслитель. Въ тишинѣ своихъ одинокихъ размышленій мыслитель могъ придать своей философской системѣ всю ту стройность и совершенство, которыя возможны только въ мірѣ идей. Если государственное созданіе Александра сначала кажется только наброскомъ, не лишеннымъ различныхъ ошибокъ въ частностяхъ, если пріемъ его дѣйствій кажется внушеннымъ личною страстью, произволомъ и случаемъ, то мы не должны забывать, что эти первыя мысли, высказавшіяся, какъ искра, при треніи исполненныхъ событій, тотчасъ же и еще налету обращаются для него въ нормы, организаціи и условія дальнѣйшей дѣятельности, а точно также должны помнить и то, что каждая изъ этихъ мыслей открывала и освѣщала, какъ молнія, все болѣе обширные горизонты, создавала еще болѣе сильное треніе и ставила на очередь все болѣе и болѣе насущныя задачи.

Скудость дошедшихъ до насъ преданій не позволяетъ намъ проникнуть въ очагъ этой дѣятельности, въ напряженную умственную и нравственную работу того, кто ставилъ себѣ и рѣшалъ такіе громадные задачи. То, что мы знаемъ, позволяетъ намъ только отрывочно опредѣлить внѣшнюю сторону совершеннаго имъ, доведеннаго имъ до исполненія и до результата. Только своимъ протяженіемъ въ пространствѣ эти событія даютъ намъ мѣрило силы, создавшей подобныя результаты, воли, которая ими руководила, и мысли, изъ которой они исходили, даютъ намъ представленіе о величинѣ Александра.

Если, приступая къ великой борьбѣ, подготовленной его отцомъ, ближайшимъ импульсомъ его поступковъ было дать прочность и продолжительность завоеванному имъ для себя государству,—то со счастливымъ радикализмомъ молодости онъ принималъ или изобрѣталъ такіе средства къ достиженію этой цѣли, которыя превосходили смѣлостью его походы, и своею непреодолимую силою его битвы.

Самымъ смѣлымъ его актомъ было то, что до нашего времени моралисты ставятъ ему въ самый тяжелый упрекъ: онъ сломилъ тотъ инструментъ, съ которымъ началъ свою работу, или, если хо-

тите, бросилъ знамя, подъ которымъ выступилъ,—знамя удовлетворенія гордой ненависти грековъ къ варварамъ,—въ пропасть, которую должны были закрыть его побѣды.

Въ одномъ замѣчательномъ мѣстѣ Аристотель указываетъ какъ на задачу своей «политики» найти такую форму государства, которая была бы не самой совершенной сама по себѣ, но самой практичной: «Какое же можетъ быть лучшее законодательство и какая лучшая жизнь для большинства государствъ и для большинства людей, если не та, когда добродѣтели не требуютъ болѣе, чѣмъ соображаясь съ мѣркой средняго человѣка, не болѣе образованности, чѣмъ какая возможна безъ особаго покровительства природы и обстоятельствъ, не такого устройства, какое можетъ быть только въ царствѣ идеаловъ, а требуютъ такой жизни и устройства, жить и двигаться въ которыхъ возможно для большинства людей?» Онъ говоритъ, что главная задача заключается въ томъ, чтобы найти такой государственный порядокъ, который, развиваясь изъ данныхъ условій, легко завоеуетъ себѣ доступъ и симпатіи ⁴⁴⁾; «исправить» государственный порядокъ — нисколько не болѣе легкая задача, чѣмъ создать совершенно новый; переучиваться также трудно, какъ и учиться». Такъ далеко заходитъ философъ въ своемъ реализмѣ; но говоря о большинствѣ людей и о большинствѣ государствъ, онъ думаетъ только о греческомъ мірѣ, такъ какъ варвары для него тѣ же животные и растенія.

И Александръ мыслить вполне реалистически; но онъ не останавливается передъ «данными условіями», или, вѣрнѣе, создаетъ своими побѣдами новыя; земли, съ которыми онъ долженъ сообразовать свою политическую систему, обнимаютъ народы Азіи до Инда и Яксарта. Онъ увидалъ, что эти варвары вовсе не подобны животнымъ и растеніямъ, но что они тоже люди съ своими потребностями, дарованіями, добродѣтелями, что и ихъ жизнь полна здоровыхъ элементовъ, отчасти такихъ, которые уже утрачены тѣми, кто презиралъ въ нихъ варваровъ. Если македоняне были превосходными солдатами, то такими ихъ сдѣлалъ Филиппъ, а Александръ думалъ приучить къ подобной выдержкѣ и дисциплинѣ также и азіатовъ, какъ онъ уже сдѣлалъ равными имъ еракійцевъ, пеоновъ, агриановъ и одризовъ; походъ въ Индію показалъ, въ какой мѣрѣ ему это удалось. Но македонскіе пахари, пастухи и угольщики были такъ же мало затронуты эллинскою образованностью, какъ и ихъ варварскіе сосѣди по ту сторону Родона и Гема; и такой же взглядъ въ греческихъ земляхъ существовалъ на долоповъ, этолянъ, эпіановъ, маліевъ и пахарей Амфиессы. Но сама эта эллинская образованность, при всѣхъ своихъ громадныхъ богатствахъ въ области науки и искусства, при всемъ своемъ необыкновенномъ умѣніи развивать интеллектуальную ловкость и виртуозность личной талантливости,—сдѣлала людей умнѣе, но не лучше; нравственныя силы, на которыхъ зиждется жизнь семейства, гражданскаго и государственнаго организма, она ослабляла и разлагала по мѣрѣ своего собственнаго роста, подобно тому, какъ отъ винограда, когда изъ него выжато вино, остается только шелуха. Если бы Александръ пожелалъ завоевать Азію только для эллиновъ и македонянъ, если бы онъ пожелалъ дать имъ азіатовъ

въ рабы, они тѣмъ скорѣе сдѣлались бы азіатами, въ худшемъ только смыслѣ этого слова. Развѣ господство и порабощеніе приносило уже многіе вѣка греческому міру все большее и большее распространеніе, новыя полныя жизни ростки въ постоянно основываемыхъ или новыхъ колоніяхъ? развѣ греческая жизнь достигла предѣловъ ливійцевъ на Сиртѣ, скивовъ на меотійскомъ озерѣ, жившихъ между Альпами и Пиренеями кельтскихъ племенъ не точно такимъ же образомъ, какъ теперь Александръ думалъ ее распространить на обширный материкъ Азіи ⁴⁵⁾? развѣ появленіе греческихъ наемниковъ, столь долго и постоянно возрастающими толпами тратившихъ свои силы по всему міру и очень часто даже противъ самой своей греческой родины, не служило доказательствомъ, что на греческой родинѣ не было уже мѣста для порождаемыхъ ею силъ? развѣ могущество варваровъ, которыхъ греки считали рожденными для рабства, не поддерживалось уже цѣлое столѣтіе тѣми боевыми силами, которыя продавала имъ Греція?

Конечно, Аристотель былъ вполне правъ, требуя, чтобы постройка продолжалась на данныхъ условіяхъ; но онъ недостаточно глубоко опускалъ зондъ своей мысли, принимая эти данныя такими, какими онѣ были въ своихъ слабыхъ и наиболѣе слабыхъ сторонахъ, въ ихъ сдѣлавшихся отжившими формахъ ⁴⁶⁾. Что греческій и азіатскій міръ палъ подъ могучими ударами македонскаго завоеванія, что имъ была совершена историческая критика вполне сгнившаго, безсмысленнаго и ложнаго порядка вещей,—было только одной стороною великой революціи, принесенной міру Александромъ. Воспоминанія и культура Египта насчитывали за собой тысячелѣтія; какую массу политехническаго искусства, астрономическихъ наблюденій, древнихъ литературъ представлялъ сиріо-вавилонскій міръ; а развѣ въ чистомъ ученіи парсовъ Ирана и Бактріаны, въ религіи и философій страны чуждесъ, Индіи, не открывался цѣлый міръ неожиданнаго развитія, передъ которымъ должна была придти въ изумленіе даже столь самодовольная гордость греческой образованности? Дѣйствительно, эти азіаты не были варварами какъ иллирійцы, трибаллы, геты, не были дикарями и полудикарями, какъ греческій панивизмъ любилъ представлять себѣ все, что только не говорило по-гречески; у нихъ завоевателямъ приходилось не только давать, но и принимать; они должны были учиться и переучиваться.

И тутъ-то—такъ мы можемъ заключить—начиналась вторая часть поставленной себѣ Александромъ задачи: работа мира, которая, будучи труднѣе достигаемыхъ силою оружія побѣдъ, должна была дать имъ оправданіе и будущность, упрочивая ихъ результаты.

Положеніе, въ какомъ онъ нашелъ государство по своему возвращеніи изъ Индіи, должно было показать ему, какіе недостатки были въ его слишкомъ поспѣшномъ твореніи, въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь было. Строгость его наказаній должна была отвратить непосредственно грозившую опасность, предупредить новыя преступленія, показать угнетаемымъ и угнетателямъ, что за ними есть пронизывающій надзоръ и сильная рука. Но труднѣе всего было снова приучить всѣхъ къ спокойной жизни, къ умѣренности и къ повседневности послѣ всего этого подъема страстей, притязаній и жажды наслажденій у побѣдителей, страха и озлобленія у побѣжденныхъ.

Но дѣйствовать такимъ образомъ было, вѣроятно, не въ характерѣ Александра, а быть можетъ и не сообразно съ порядкомъ вещей, съ которымъ ему приходилось считаться. Кульминаціонный пунктъ своей жизни онъ уже переступилъ; его солнце уже клонилось къ закату и вечернія тѣни все росли.

Да будетъ намъ дозволено въ этомъ мѣстѣ указать на главные моменты, изъ которыхъ состояла растущая волна наступившихъ теперь трудностей. По мѣрѣ того, какъ изъ дѣлъ и изъ принциповъ, которые они носили въ себѣ, слагался извѣстный порядокъ вещей, выступали на видъ послѣдствія, противорѣчія и невозможности,—изнанка совершившагося факта; и начавшееся движеніе тѣмъ сильнѣе пошло впередъ.

На политическіе результаты мѣры, возвыщенной Никаноромъ при празднованіи олимпійскихъ игръ, мы уже указали. Но возвращавшіеся теперь на родину изгнанники имѣли тамъ прежде свои дома, свои поля, которыя съ тѣхъ поръ были конфискованы, проданы и перепроданы. Въ каждомъ греческомъ городѣ возвращеніе изгнанниковъ сопровождалось различными неудовольствіями и процессами. Въ Митиленѣ должны были прибѣгнуть къ договору между изгнанниками и оставшимися, по которому общая коммиссія должна была регулировать земельныя отношенія ⁴⁷⁾; въ Эрезѣ «по приказанію царя» потомки и приверженцы изгнанниковъ были восстановлены въ своихъ правахъ судомъ противъ тиранновъ, изгнавшихъ ихъ ⁴⁸⁾; въ Калимнѣ рѣшеніе дѣла было передано пяти гражданамъ изъ Изоса ⁴⁹⁾. Это случайно сохранившіяся замѣтки; но, по самой природѣ вещей, почти каждый греческій городъ долженъ былъ испытать на себѣ такіе же тревоженія.

Одно случайное извѣстіе такого рода показываетъ намъ, что Александръ далъ земельные участки солдатамъ, поселеннымъ имъ раньше у подошвы Сипила въ Старой-Магнезій; когда, при какихъ обстоятельствахъ и на какихъ правахъ это было сдѣлано, болѣе опредѣлить нельзя, какъ нельзя опредѣлить и того, были ли поселенные наемниками, македонянами или чѣмъ либо инымъ ⁵⁰⁾. Несомнѣнно, это былъ не единичный случай; изъ монетъ мы видимъ, что въ Докимей и Блаундѣ были поселены македоняне, а въ Аполлоніи ерархійцы. Принадлежали ли данные такимъ поселенцамъ земельные участки къ имуществу городовъ, или къ царскимъ имѣніямъ ⁵¹⁾? Тотъ же самый вопросъ повторяется «при болѣе чѣмъ семидесяти городахъ», основанныхъ Александромъ; на какихъ основаніяхъ, на какихъ правахъ жили эти поселенцы рядомъ съ прежними жителями и туземцами, которые были принуждены селиться въ одномъ городѣ съ ними? что было или что дѣлалось царскимъ достояніемъ? Въ какомъ смыслѣ располагалъ Александръ городами Хіосомъ, Гергинею, Элеею и Миласой, когда онъ предложилъ Фокіону выбрать себѣ любой изъ нихъ?

Мы не знаемъ, насколько Александръ измѣнилъ или оставилъ прежнюю систему управленія, персидскій податной кадастръ и принятый порядокъ взиманія налоговъ. Арріанъ говоритъ, что царь при своемъ возвращеніи въ Персію наказывалъ такъ строго для того, чтобы запугать тѣхъ, кого онъ оставилъ «въ качествѣ сатраповъ, гетарховъ и номарховъ ⁵²⁾»; были ли это ступени административной

іерархіи? повторялись ли онѣ во всѣхъ сатрапіяхъ, или, какъ мы, повидимому, имѣемъ тому примѣръ въ Египтѣ, въ различныхъ областяхъ его обширнаго царства были различныя системы администраціи, одна въ земляхъ Сиріи, другая въ Иранѣ, третья въ Бактріанѣ? не было ли завѣдываніе казною и взиманіе податей подчинено особымъ чиновникамъ только въ сатрапіяхъ Малой Азіи и въ земляхъ, говорившихъ сирійскимъ языкомъ? Какимъ образомъ были урегулированы отношенія между ними и военными предводителями въ сатрапіяхъ, какъ были разграничены полномочія различныхъ областей, каково было получаемое тѣми и другими жалованье, этого мы точно также опредѣлить не можемъ. По случайно мы узнаемъ, что Клеоменъ изъ Навкрата, управлявшій египетской Аравіей, могъ увеличить вывозную пошлину на хлѣбъ и скупить весь хлѣбъ въ своей провинціи, чтобы извлечь себѣ барышъ изъ голода, который былъ особенно тяжелъ въ Аѳинахъ, что онъ обложилъ налогомъ священниковъ крокодиловъ и т. д. Объ родосцѣ Антименѣ, получившемъ въ Вавилонѣ должность, которой мы не можемъ ясно опредѣлить ⁵¹⁾, разсказывается, что онъ возобновилъ вышедшую изъ обычая десятипроцентную пошлину на всѣ предметы ввоза въ Вавилонъ, что онъ ввелъ страхованіе рабовъ, причемъ вносить десяти драхмъ съ головы гарантировалъ хозяину уплату стоимости каждаго бѣжавшаго раба. Болѣе той или другой отдѣльной подробности такого рода мы не знаемъ, точно также мы не знаемъ, въ какое отношеніе была поставлена администрація города къ племенамъ (ἐθνεῖς), династамъ, жреческимъ государствамъ (Эфесъ, Комана и т. д.) и къ зависимымъ государямъ.

Однимъ изъ сильнѣйшихъ ферментовъ слагавшейся запово жизни должно было быть громадное количество благороднаго металла, данное въ руки Александра завоеваніемъ Азіи. Передъ пелопоннесскою войной Аѳины, имѣвшіе въ Акрополѣ кромѣ серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ 4000 талантовъ серебряной монеты, были первой капиталистической державой греческаго міра, и въ этомъ видѣли главную гарантію своего политическаго превосходства надъ государствами пелопоннесскаго союза, жившими еще вполне натуральнымъ хозяйствомъ ⁵²⁾. Теперь была рѣчь о совершенно иныхъ суммахъ. Кромѣ той добычи, которая досталась Александру въ персидскомъ лагерѣ при Иссъ, въ Дамаскѣ, въ Арбелѣ и т. д., онъ, какъ говорятъ, нашелъ въ Сузѣ 50000 талантовъ ⁵³⁾, въ Персенолѣ столько же, въ Пасаргадахъ 6000, дальнѣйшія суммы въ Экбатанѣ; тамъ, какъ говорятъ, онъ сложилъ 180000 талантовъ. Сколько попало въ руки Александра золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ ⁵⁴⁾, пурпура, драгоценныхъ камней, и т. д., что онъ къ нимъ присоединилъ въ сатрапіяхъ и въ Индіи,—объ этомъ источники намъ не говорятъ.

Мы вовсе не думаемъ, основываясь на этихъ цифрахъ, опредѣлить то количество золота и серебра, которое было снова введено въ обращеніе завоеваніями Александра въ теченіе этихъ десяти лѣтъ. Но когда новая монархія, господствовавшая теперь надъ Азіей, сняла оковы съ этихъ лежавшихъ донынѣ мертвыми богатствъ, когда они полились изъ нея, какъ кровь изъ сердца, то мы видимъ, какъ должна была подняться и усилиться вся экономическая жизнь наро-

довъ, силы которыхъ, подобно вампиру, высосало господство Персін, благодаря тому, что вызванное трудомъ и торговлей усиленіе обмѣна распространяло ихъ по ошѣбаннымъ и долгое время сдавленнымъ членамъ государства. Конечно, съ этимъ было непосредственно связано соответственное увеличеніе цѣнъ⁵⁹⁾, перемѣненіе прежнихъ центровъ тяжести международной торговли, паденіе торговаго баланса въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эта торговля упала⁶⁰⁾, — обстоятельство, которымъ, можетъ быть, можно объяснить многія явленія ближайшаго будущаго въ коренныхъ греческихъ земляхъ.

По словамъ Геродота, ежегодный размѣръ взимавшихся въ персидскомъ царствѣ поземельныхъ сборовъ равнялся 14560 эвбейскихъ талантовъ. По сообщенію одного автора, идущему, правда, не изъ особенно хорошаго источника, въ послѣдній годъ царствованія Александра доходъ отъ податей достигъ 30000 талантовъ и въ софровищѣ было тогда только 50000 талантовъ⁶¹⁾. Во времена персидскаго владычества всего тягостнѣе было безконечное множество натуральныхъ повинностей, каковыхъ для одного только царскаго двора насчитывалось 13000 талантовъ ежегодно; примѣру персидскаго царя слѣдовали въ своихъ владѣніяхъ каждый сатрапъ, каждый гинархъ и династь. Изъ нѣкоторыхъ намековъ мы можемъ заключить, что Александръ уничтожилъ систему натуральныхъ повинностей⁶²⁾; въ той же степени, какъ ранѣе бытность гдѣ-либо персидскаго царя истошала городъ или провинцію, такъ отнынѣ они должны были выигрывать отъ пребыванія въ нихъ царскаго двора. Роскошь, какою особенно въ послѣднее время окружалъ себя царь, уже болѣе не подавляла торговли и благосостоянія, но вызывала ихъ развитіе, и когда намъ рассказываютъ, что онъ, чтобы одѣть весь свой придворный штатъ въ журнуръ, послалъ въ Іонію приказъ скупить всѣ находившіеся тамъ запасы пурпурныхъ тканей, то по одному этому случаю мы можемъ заключить и о другихъ аналогичныхъ ему случаяхъ. Само собою разумѣется, что сатраны, стратиги и другіе должностныя лица провинцій то же получали свое содержаніе уже болѣе не путемъ натуральныхъ повинностей; точно также ясно само собою, что опредѣленные для нихъ размѣры доходовъ были достаточно велики для того, чтобы дать имъ возможность жить съ подобающимъ блескомъ; что бы ни говорили объ ихъ зачастую безумной расточительности, они все-таки давали заработокъ другимъ. Съ помощью богатыхъ даровъ, какъ напр. подарокъ по таланту на человѣка, сдѣланный возвращавшимся на родину изъ Описа ветеранамъ, царь заботился о томъ, чтобы войска, а особенно заслуженныя, могли жить съ удобствами; и если его солдаты нерѣдко тратили болѣе, чѣмъ имѣли, то царь съ неизсякаемою щедростію уплачивалъ ихъ долги. Извѣстно, что рука его была всегда открыта для поэтовъ, художниковъ, виртуозовъ, философовъ и дѣятелей на всѣхъ поприщахъ науки; и когда намъ рассказываютъ, что Аристотель для производства своихъ естественно-историческихъ изслѣдованій получалъ въ свое распоряженіе сумму въ 800 талантовъ, то мы были бы склонны усомниться въ истинѣ этой цифры, если бы ее не дѣлалъ понятной широкій объемъ его трудовъ.

Мы не можем не упомянуть здѣсь о крупныхъ строительныхъ работахъ, о которыхъ говорятъ иные источники: о восстановленіи системы каналовъ въ Вавилоніи, объ очищеніи отводившихъ воду Конаидскаго озера каналовъ ⁶³⁾, о реставраціи пришедшихъ въ разрушеніе храмовъ Эллады, на расходы по которой онъ будто бы назначилъ 10000 талантовъ ⁶⁴⁾, о постройкѣ плотины у Клазоменъ, о прорытіи черезъ перешеекъ ведшаго оттуда въ Теосъ канала и о многихъ другихъ сооруженіяхъ ⁶⁵⁾.

Этого достаточно, чтобы показать, какое значеніе для экономической жизни имѣли побѣды Александра ⁶⁶⁾. Пожалуй, никогда болѣе въ этомъ отношеніи личное вліяніе одного человѣка не производило такого внезапнаго, такого глубокаго и обнимающаго такой обширный районъ переворота. Этотъ переворотъ не былъ результатомъ случайнаго стеченія обстоятельствъ, но, насколько мы можемъ судить, былъ продуктомъ единой воли и произведенъ съ сознательной послѣдовательностью. Народы Азіи пробудились отъ своей спячки, западъ позналъ наслажденія востока, а востокъ искусства запада, и они стали для нихъ потребностью; въ жителяхъ запада, оставшихся въ Индіи или Бактріи, и въ азіатахъ, собравшихся при дворѣ изъ всѣхъ сатрапій, пребываніе на чужбинѣ только усиливало стремленіе къ своему родному, и смѣсь самыхъ противоположныхъ обычаевъ и потребностей, доведенная до высшей роскоши при дворѣ царя, должна была сдѣлаться болѣе или менѣе господствующей модой въ сатрапіяхъ, въ домахъ вельможъ и наконецъ во всѣхъ классахъ общества. Отсюда непосредственно вытекала необходимость крупныхъ и дѣятельныхъ торговыхъ сношеній, и главная задача заключалась въ томъ, чтобы открыть имъ самые безопасные и удобные пути и въ цѣломъ рядѣ значительныхъ центральныхъ пунктовъ создать для нихъ связующее звено и прочную основу. Съ самаго начала при основаніи городовъ и при своей колонизаторской дѣятельности Александръ на ряду съ военными цѣлями имѣлъ въ виду это соображеніе, и большинство основанныхъ имъ городовъ до нынѣшняго дня представляетъ собою самые значительные торговые пункты Азіи; только теперь караваны рискуютъ подвергнуться нападеніямъ разбойниковъ и утѣшеніямъ признающихъ одинъ свой произволъ носителей власти, тогда какъ въ государствѣ Александра дороги были безопасны, разбойничьи племена горъ или пустынь сдерживались страхомъ или были принуждены перейти къ осѣдлому образу жизни, а царскіе чиновники были обязаны и изъявляли полную готовность содѣйствовать развитію торговли и ея безопасности. Торговля Средиземнаго моря тоже необыкновенно разрослась, и уже теперь египетская Александрія начала становиться центромъ торговли этого моря, которая по планамъ царя скоро должна была охраняться отъ грабежей этрусскихъ и иллирійскихъ пиратовъ. Но особенную важность представляла неутомимая заботливость, съ какою Александръ старался открыть новые морскіе пути сообщенія; ему уже удалось открыть путь моремъ отъ Инда къ Эвфрату и Тигру; основаніе въ устьяхъ этихъ рѣкъ эллинистическихъ гаваней создало здѣсь необходимыя для торговли точки опоры; что сдѣлалъ Алек-

сандръ для этой торговли и для созданія непосредственныхъ торговыхъ сношеній между внутренностью сирійской низменности и устьями ея рѣкъ, между устьями Инда и верхнимъ бассейномъ этой рѣки, какъ онъ предполагалъ открыть дальнѣйшій путь моремъ изъ персидскаго залива кругомъ полуострова Аравіи въ Черное море къ окрестностямъ Александріи, какъ онъ намѣревался проложить вдоль южнаго берега Средиземнаго моря военныя и торговыя дороги изъ египетской Александріи на западъ, какъ, наконецъ, надѣясь найти сообщеніе между Каспійскимъ и сѣвернымъ морями и лежащимъ далѣе Индійскимъ океаномъ, онъ приказалъ строить корабли въ лѣсахъ Гирканіи, — обо всемъ этомъ рѣчь будетъ впереди.

Здѣсь слѣдуетъ указать еще и на другой пунктъ: на начавшееся слияніе національностей, въ которомъ Александръ видѣлъ въ то же время и цѣль, и средство своего колонизаторскаго дѣла. Въ теченіе десяти лѣтъ былъ открытъ и завоеванъ міръ, пали отдѣлявшія западъ отъ востока преграды и были отысканы пути, которые отнынѣ должны были соединить страны восхода и заката солнца. «Какъ въ кубкѣ любви», — говоритъ одинъ древній писатель, — «все элементы народной жизни перемѣшались между собою и народы пили вмѣстѣ изъ этого кубка и забывали о старой враждѣ и о собственномъ безсиліи ⁶⁷⁾.»

Здѣсь не мѣсто разсматривать результаты, къ которымъ привело это слияніе національностей; они составляютъ предметъ исторіи слѣдующихъ вѣковъ. Но уже въ этихъ ихъ первыхъ зародышахъ можно опредѣлить направленіе, въ которомъ впослѣдствіи продолжали развиваться далѣе искусство, наука, религія и все отрасли человѣческаго знанія и воли, принимая часто такія уродливыя и безобразныя формы, въ которыхъ только взоръ историка, приводящаго между собою въ связь событія многихъ вѣковъ, можетъ пайти скрытое и могучее теченіе прогресса. Греческое искусство ничего не выиграло отъ того, что научилось усиливать спокойное величіе своихъ гармоническихъ пропорцій азіатскою пышностью колоссальныхъ массъ и соединять идеализмъ своихъ созданій съ роскошью дорогихъ матеріаловъ и реалистическимъ наслажденіемъ для глазъ. Мрачное великолѣпіе египетскихъ храмовъ, фантастическая архитектура дворцовъ и залъ Персеполя, исполинскія развалины Вавилона, памятники индійской архитектуры съ ихъ идолами въ видѣ змѣй и лежащими подъ колоннами слонами, — все это, смѣшавшись съ традиціями отечественнаго искусства, становилось для греческаго художника богатой сокровищницей новыхъ мыслей и плаповъ; уже ихъ концепціи доходили до исполинскихъ размѣровъ; стоитъ только припомнить грандіозный планъ Динократа изваять изъ горы Аѳона статую Александра, одна рука которой должна была нести на себѣ городъ съ десятью тысячами жителей, а другая изливать могучими каскадами въ море цѣлый горный потокъ. Скоро это возбужденное и окрѣпшее искусство достигло въ намопетныхъ портретахъ и въ статуяхъ мыслителей и поэтовъ высшей индивидуальной правды и жизненности, а въ грандіозныхъ созданіяхъ пластики, какъ это было въ Пергамѣ, самаго смѣлаго выраженія полной движенія страсти и широкаго полета мысли.

По затѣмъ послѣдовалъ быстрый упадокъ, по мѣрѣ того, какъ роскошь становилась все безсодержательнѣе, а искусство вырождалось въ промышленность, въ усовершенствованное ремесло.

Поэзія тоже сдѣлала попытку принять участіе въ этой новой жизни; въ такъ называемой новой комедіи и въ элегій она достигла такой тонкости психологическаго наблюденія и такого искусства въ изображеніи характеровъ и положеній повседневности, какъ дѣйствительной, такъ и относящейся къ области идиллическаго вымысла, которая яснѣе всего другого показываютъ намъ, что ужь далеко остался позади великій потокъ серьезныхъ общественныхъ интересовъ и высокихъ мыслей и страстей, придававшихъ цѣну жизни. Отдавшись такимъ образомъ индивидуализму и реализму, греческая поэзія не сумѣла найти себѣ новыхъ путей, если не считать за нихъ страстную галліамбическую поэзію самопостызаній; ни въ совершавшейся теперь героической борьбѣ, ни въ созданныхъ ею изумительныхъ организаціяхъ; она уже не могла принять въ себя полныхъ роскошными красками персидскихъ сказокъ, или дышащихъ неземною торжественностью псалмовъ и пророчествъ монотеизма; когда она хотѣла подняться надъ излюбленной ею будничной жизнью, она возвращалась къ подражанію своей классической порѣ и представила востоку завѣщать изъ поколѣнія въ поколѣніе въ тысячахъ сказаній и пѣсенъ воспоминаніе объ ихъ общемъ героѣ Искандерѣ. Среди ораторскихъ искусствъ эллиновъ только самое юное, процвѣтавшее, полное свѣжести и жизни, между людьми этого поколѣнія, могло сдѣлать попытку вылиться въ новыя формы, и такъ называемое азіатское краснорѣчіе, цвѣтистое и вычурное, является характеристическимъ продуктомъ этого времени.

Тѣмъ плодотворнѣе была начавшая совершаться въ наукѣ перемѣна. Аристотелемъ былъ вызванъ къ жизни мощный эмпиризмъ, въ которомъ нуждалась наука, чтобы овладѣть громаднымъ запасомъ новаго матеріала, завоеваннаго для всѣхъ отраслей человѣческаго познанія походами Александра. Царь, бывшій самъ ученикомъ Аристотеля и знакомый со всѣмъ, что создали до сихъ поръ труды греческихъ врачей, философовъ и риторовъ, всегда сохранялъ къ нимъ самый живой интересъ; въ походахъ его сопровождали дѣятели всѣхъ областей науки; они наблюдали, изслѣдовали, собирали, они измѣряли новыя земли и пересѣкавшія ихъ большія дороги. Въ исторической наукѣ тоже началась новая эпоха; теперь можно было производить изслѣдованія на мѣстѣ, можно было сравнивать сказанья этихъ народовъ съ ихъ памятниками, ихъ судьбы съ ихъ правами, и несмотря на безчисленное множество ошибокъ и сказокъ, распространенныхъ такъ называемыми писателями Александра, только въ это время былъ пріобрѣтенъ матеріалъ, а затѣмъ и методъ для великихъ историческихъ и географическихъ изысканій. Во многихъ отношеніяхъ греческая наука могла прямо учиться у востока, и великая традиція астрономическихъ наблюденій въ Вавилонѣ, медицина, достигшая высокой степени развитія въ Индіи, обширныя свѣдѣнія жрецовъ Египта по анатоміи и механикѣ пріобрѣли въ рукахъ греческихъ изслѣдователей и мыслителей новое значеніе. Своеобразное

развитіе греческаго ума считало философію совокупностью всѣхъ знаній вмѣстѣ; теперь отдѣльные отрасли знанія эманципировались; опираясь на самостоятельный опытъ, начали развиваться точныя науки, между тѣмъ какъ философія, не придя къ твердому согласію насчетъ отношеній мышленія къ дѣйствительности, то ошибочно называла явленія мыслями, то познаніе явленіями.

По самой природѣ вещей, переменны въ народной жизни въ нравственномъ, социальномъ и религіозномъ отношеніяхъ должны совершаться болѣе медленно и, за исключеніемъ отдѣльных взрывовъ, незамѣтно; и если противъ пачалъ, вызванныхъ, какъ это было вполне естественно, къ жизни въ царствованіе Александра слишкомъ внезапно, слишкомъ неподготовленно и перѣдко насильственно, обнаружилась послѣ его смерти реакція, примыкавшая въ тридцатилѣтній періодъ борьбы между діадочами то къ той, то къ другой партіи, то окончательнымъ результатомъ все же оказалось, что новыя пачала вошли наконецъ въ привычку и, умѣряемые сообразно съ особенностями народнаго характера, приняли такія формы, къ которымъ отнынѣ могла приспособляться народная жизнь во имя одного равнаго и общаго для всѣхъ принципа. На постепенномъ исчезновеніи національных предразсудковъ, на обоюдномъ сближеніи потребностей, нравовъ и воззрѣній, на мирныхъ и прямыхъ сношеніяхъ враждовавшихъ прежде между собою національностей создались основы совершенно новой социальной жизни; и какъ въ настоящее время извѣстныя воззрѣнія, предразсудки, условныя формы, до модъ включительно, свидѣлствуютъ объ единствѣ цивилизованнаго міра, такъ въ эту эллинистическую эпоху и, какъ мы вправѣ предположить, въ подобныхъ же формахъ, создавалась космополитическая цивилизація, которая на Нилѣ и Яксартѣ признавала одиѣ и тѣ же условныя формы формами хорошаго общества и образованнаго міра. Аттичскій языкъ и обычай сдѣлался обязательнымъ при дворѣ Александрии и Вавилона, Бактры и Пергама; а когда эллинизмъ былъ лишенъ римскимъ государствомъ своей политической самостоятельности, онъ началъ завоевывать и въ самомъ Римѣ господство надъ модой и образованностью. Такимъ образомъ мы съ полнымъ правомъ можемъ назвать эллинизмъ первымъ объединителемъ міра; между тѣмъ какъ царство Ахеменидовъ было только виѣшнимъ аггрегатомъ земель, народонаселеніе которыхъ имѣло между собою общаго лишь одинаковое для всѣхъ рабство, въ земляхъ эллинизма, даже когда онъ распался на различныя царства, сохранилось высшее единство образованности, вкуса, моды, или какъ бы мы ни назвали иначе этотъ постоянно измѣняющійся уровень условныхъ мнѣній и убѣжденій.

На нравственную жизнь народа политическія переменны всегда будутъ дѣйствовать пропорціонально непосредственному участию въ функціяхъ государства немногихъ, многихъ или всѣхъ. Та же историческая косность, которая до сихъ поръ позволяла народамъ выносить самую отупляющую изъ всѣхъ политическихъ формъ, деспотизмъ и іерархію, въ первое время оставила ихъ по большей части безмолвными и равнодушными къ совершившейся съ ними громадной переменѣ; если Александръ не разъ подчинялся ихъ обычаямъ и убѣж-

деніямъ, то это показываетъ, какимъ путемъ только и возможно было подпять ихъ постепенно выше самихъ себя. Конечно, успѣхъ этихъ стараній былъ весьма различенъ, сообразно съ различнымъ характеромъ различныхъ народовъ: между тѣмъ, какъ уксін и шардіи должны были сначала научиться обрабатывать поля,—гирканы—жить въ бракѣ, согдіанцы содержать своихъ престарѣлыхъ родителей, а не убивать ихъ», египтяне уже начали отвыкать отъ своей несправедливости къ неимѣвшимъ кастъ чужеземцамъ, а финикіяне отъ своихъ омерзительныхъ жертвоприношеній Молоху. Но только съ теченіемъ времени могъ постепенно установиться новый и одинаковый образъ жизни, мысли и дѣйствій, тѣмъ болѣе, что у большинства старыхъ азіатскихъ народовъ основы ихъ морали, ихъ личныхъ и правовыхъ отношеній, которыя греки этого времени находили теперь только въ положительномъ законѣ и въ развитомъ сознаніи нравственныхъ принциповъ, заключались въ религію, и въ ней одной почерпали свою непреложность и силу. Просвѣтитъ народы Азіи, снять съ нихъ оковы суевѣрія и рабскаго благочестія, пробудить въ нихъ стремленія и силу независимой мысли и заставить ихъ принять всѣ ея послѣдствія, благія и опасныя,—словомъ, эманципировать ихъ для исторической жизни, такова была работа, исполнить которую попытался въ Азіи эллинизмъ и которую онъ отчасти и исполнилъ, хотя нѣсколько поздно.

Быстрѣе и рѣшительнѣе проявилась перемѣна въ нравственной фizioноміи македонскаго и греческаго народа. Обоиъ общъ во время Александра подъемъ энергіи и силы воли во всѣхъ ихъ проявленіяхъ, крайній ростъ требованій отъ жизни и отъ отраслей, жизнь настоящимъ и во имя этого настоящаго — безграничный реализмъ; и однако, какъ они различны во всѣхъ отношеніяхъ. Македонянинъ, тридцать лѣтъ тому назадъ еще исполненный мужицкой простоты, прикованный къ своему клочку земли и съ равнодушнымъ безразличіемъ довольствовавшійся своей бѣдной родиной, теперь думаетъ только о славѣ, могуществѣ и борьбѣ; онъ чувствуетъ себя господиномъ новаго міра, презрѣніемъ къ которому онъ гордится болѣе, чѣмъ его завоеваніемъ; изъ постоянныхъ походовъ онъ принесъ на родину то дерзкое чувство собственнаго достоинства, ту холодную суровость солдата, то презрѣніе къ опасности и къ собственной жизни, которое намъ очень часто показываютъ въ каррикатурѣ времена діадховъ; и если пережитыя великія историческія событія придаютъ образу мыслей и фizioноміи народа свой отпечатокъ, то типъ македонянина составляютъ шрамы десятилѣтней восточной войны и глубокія морщины, проведенныя на лицахъ безконечнымъ трудомъ и всевозможными лишеніями и излишествами. Не таковъ былъ характеръ Грека у себя на родинѣ. Его время прошло; не увлекаемые ни стремленіями къ новымъ подвигамъ, ни сознаніемъ политическаго могущества, эти, нѣкогда столь дѣятельные, эллины довольствовались блескомъ своихъ воспоминаній; хвастовство замѣняетъ имъ славу, и пресыщенные наслажденіемъ, они тѣмъ болѣе ищутъ самой поверхностной его формы, перемѣны; тѣмъ легкомысленнѣе, скорѣе и дерзновеннѣе, тѣмъ сильнѣе избѣгая подчиненія отвѣтственности и авторитету отдѣльныхъ лицъ, и тѣмъ распущеннѣе и разнузданнѣе въ

цѣломъ проникается Греція этой остроумной, поверхностной и нервной суетливостью, этой книжной образованностью, которая всегда составляетъ послѣднюю стадію въ жизни народовъ; все положительное, все поддерживающее и связывающее, даже сознаніе своего превращенія въ шлакъ исчезаетъ; дѣло рационализма свершилось.

Мы впрочемъ можемъ сказать, что этотъ рационализмъ, являющійся столь нивелирующимъ и отталкивающимъ въ отдѣльныхъ своихъ чертахъ, сломилъ силу язычества и сдѣлалъ возможнымъ болѣе спиритуалистическое развитіе религіи. Ничто не было дѣйствительнѣе въ этомъ отношеніи того страннаго явленія, — смѣшенія боговъ, *ѳеокрасіи*, въ которомъ въ слѣдующіе вѣка принимали участіе всѣ народы эллинизма.

Если мы можемъ видѣть въ богахъ, культѣ и міоахъ язычества наиболѣе оригинальное и живое выраженіе этнографическихъ и историческихъ различій между народами, то здѣсь заключалась величайшая трудность для дѣла, которое хотѣлъ создать Александръ. Его политика попала въ самый первъ дѣла, когда онъ, въ личности и управленіи котораго прежде всего должно было выразиться это единство, имѣлъ одинаково въ числѣ непосредственно окружавшихъ его лицъ индійскаго кающагоса Калана, персидскаго мага Освана ⁶⁸⁾ и ливійскаго гадателя Аристандра, когда онъ обращался къ богамъ египтянъ, персовъ, вавилонянъ, къ Ваалу Тарса и Іеговѣ іудеевъ точно такъ же, какъ и ихъ вѣрные, и исполняя всѣ церемоніи и требованія ихъ культа, оставлялъ открытымъ вопросъ объ его значеніи и содержаніи, хотя и встрѣчалъ, быть можетъ, по временамъ воззрѣнія и тайныя ученія жреческой мудрости, сближавшія своимъ пантеистическимъ, деистическимъ и нигилистическимъ толкованіемъ народныхъ вѣрованій съ тѣмъ, что давала образованнымъ грекамъ ихъ философія ⁶⁹⁾. Примѣръ царя долженъ былъ оказать весьма скорое вліяніе на все болѣе и болѣе обширный кругъ лицъ; греки съ болѣею смѣлостью, чѣмъ это было прежде въ ихъ характерѣ, начали дѣлать своими родными богами боговъ чужбины и узнавать въ богахъ чужбины отечественныхъ боговъ, начали сравнивать и приводить въ согласіе между собою циклы сказаній и ѳеогоніи различныхъ народовъ; они начали убѣждаться, что всѣ народы, въ болѣе или менѣе удачномъ образѣ, чтили въ своихъ богахъ то же самое божество и старались выразить то же самое болѣе или менѣе глубоко понятое чувство сверхъестественнаго, абсолютнаго, послѣдней цѣли или причины, и что внѣшнія и случайныя различія въ именахъ, атрибутахъ и областяхъ вѣдѣнія боговъ должны быть исправлены и доведены до глубины заключающейся въ нихъ мысли.

Такимъ образомъ, обнаружилось, что пора мѣстныхъ и національныхъ, то-есть языческихъ религій, миновала, что объединенное наконецъ человѣчество требуетъ единой и общей религіи, воспринять которую оно способно; сама ѳеокрасія была только попыткой создать единство путемъ сліянія всѣхъ этихъ различныхъ религіозныхъ системъ; но только этимъ путемъ въ дѣйствительности оно никогда не могло быть достигнуто. Созданіе элементовъ болѣе высокаго и правдиваго единства, развитіе чувства своей бренности и безсилія, по-

требность въ покаяніи и въ утѣшеніи, сила глубочайшаго смиренія и подъемъ до свободы въ Богѣ и до дѣтскаго отношенія къ нему были продуктами работы эллинистическихъ вѣковъ; это вѣка безбожія міра и сердецъ, вѣка глубочайшей потерянности и безнадежности и все усиливавшагося призыва Искупителя.

Въ Александрѣ антропоморфизмъ греческаго язычества нашелъ свое завершеніе; человѣкъ сдѣлался богомъ; ему, богу, принадлежитъ царство этого міра, въ немъ человѣкъ поднялся до высшаго предѣла конечности, и имъ человечество было унижено до поклоненія тому, кто самъ принадлежитъ къ числу смертно-рожденныхъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ПОХОДЪ АЛЕКСАНДРА ВЪ МИДИЮ.—СМЕРТЬ ГЕФЕСТИОНА.—ВОЙНА ПРОТИВЪ КОССЕВЪ.
—ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ ВАВИЛОНЪ.—ПОСОЛЬСТВА.—ОТПРАВКИ ВЪ ЮЖНОЕ МОРЕ.—ВО-
ОРУЖЕНІЯ, НОВЫЕ ПЛАНЫ.—БОЛѢЗНЬ АЛЕКСАНДРА.—ЕГО СМЕРТЬ.

Одинъ великій полководецъ новѣйшаго времени пишетъ по окончаніи семи лѣтъ войны, что столько походовъ сдѣлало его старикомъ; а когда онъ началъ ихъ, онъ находился въ порѣ высшаго расцвѣта силъ и имѣлъ около сорока лѣтъ отъ роду ¹⁾. Александръ находился непрерывно въ походахъ цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, получалъ тяжелыя раны, изъ которыхъ не одна грозила опасностью для его жизни; онъ перенесъ безконечные труды, безпокойства и волненія, сопровождавшія его грандіозныя предпріятія, потрясающія событія на берегахъ Гифазиса, страшный переходъ по пустынѣ Гедрозиі, мятежъ ветерановъ въ Описѣ; онъ закололъ Клита, предалъ казни Филоту и Парменіона. Преданія не говорятъ намъ, сохранили ли его умъ и тѣло еще ту же гибкость и свѣжесть, какъ въ дни похода на Дунай и въ дни битвы при Граникѣ, или онъ началъ дѣлаться «нервнымъ» и почувствовалъ, что старѣется преждевременно. Ближайшему будущему суждено было принести ему новыя и тяжкія страданія.

Вскорѣ послѣ выступленія ветерановъ изъ Описа онъ тоже покинулъ этотъ городъ съ остальными войсками, чтобы двинуться въ Экбатану.

Въ бытность царя въ Индіи Мидія болѣе всѣхъ пострадала отъ своеволія и гордости македонскихъ чиновниковъ и военачальниковъ, но осталась вѣрна, не смотря на неоднократныя подстрекательства къ возстанію; Варіаксъ, тщетно поднявшій знамя возстанія, былъ переданъ сатрапомъ Атропатамъ на судъ царя. Не смотря на это, здѣсь должно было остаться еще довольно поводовъ производить слѣдствіе, водворять порядокъ и примирять; особенно разграбленіе сокровищницы и бѣгство Гарпала должны были требовать болѣе точнаго изслѣдованія. Большая дорога черезъ горы Мидіи тоже

не была на столько безопасна, на сколько этого требовали оживленные сношенія между Сирійскими сатрапіями и верхнею страпою; въ ряду горныхъ народовъ отъ Арменіи до берега Карманіи еще не были побѣждены Коссеи, занимавшіеся разбоемъ обитатели горъ Загра, и всякій транспортъ, вступавшій на ведшую черезъ проходы Мидіи дорогу безъ значительнаго прикрытія, рисковалъ подвергнуться ихъ нападеніямъ. Таковы были приблизительно причины, заставившія царя отложить до слѣдующей веспы его возвращеніе въ Вавилонъ и начало повыхъ направленныхъ противъ юга и запада предпріятій, приготовленія къ которымъ были въ полномъ ходу.

Около августа 324 года онъ выступилъ изъ Описа по обыкновенной мидійской дорогѣ въ Экбатану³⁾; войска слѣдовали нѣсколькими отрядами по сѣвернымъ округамъ Ситтакены. Александръ прошелъ черезъ мѣстечко Карры, а оттуда въ четыре перехода достигъ Самбаты; здѣсь онъ остался семь дней, ожидая, пока соберутся всѣ колонны. Въ три дневныхъ перехода они достигли города Келонъ (Хольванъ), лежавшаго въ нѣсколькихъ миляхъ отъ тѣснины Загра и населеннаго эллинами, которые были водворены здѣсь во время персидскихъ войнъ и сохранили свой греческій языкъ и обычаи, хотя и не въ чистомъ видѣ. Отсюда Александръ прошелъ къ ущельямъ Багистана⁴⁾ и посѣтилъ знаменитыя сооруженія на равнинѣ передъ горами, слышавшія садами Семирамиды. Идя далѣе, онъ прибылъ въ нисейскія поля⁵⁾, гдѣ паслись несмѣтныя табуны царскихъ коней; онъ напелъ ихъ еще отъ пятидесяти до шестидесяти тысячъ. Здѣсь войско пробыло цѣлый мѣсяцъ. Сюда явился сатрапъ Мидіи, Атропатъ, чтобы привѣтствовать царя на границахъ своей сатрапіи, и привезъ съ собою въ лагерь, какъ рассказываютъ, сто конныхъ женщинъ, вооруженныхъ боевыми топорами и маленькими щитами, говоря, что онѣ амазонки; этотъ рассказъ послужилъ поводомъ къ самымъ страннымъ прикрасамъ⁶⁾.

Остановкѣ царя суждено было ознаменоваться непріятнымъ случаемъ. Въ числѣ окружающихъ Александра лицъ находились Эвменъ и Гефестіонъ. Кардіанецъ Эвменъ, занимавшій первое мѣсто въ кабинетѣ царя, неоднократно отличаеый имъ за свою большую ловкость и исполнительность и еще при свадебномъ торжествѣ въ Сузѣ почетный имъ бракомъ съ дочерью Артабаза, повидимому, пользовался дурною репутаціею въ денежныхъ дѣлахъ; говорили, что царь награждалъ самымъ щедрымъ образомъ необходимаго ему *архитрациатѣта* всякій разъ, когда видѣлъ, что выгоды Эвмена шли въ разрѣзъ съ его служебнымъ рвеніемъ или преданностью. Только однажды, — говорятъ, это было еще въ Индіи — когда касса царя истощилась, и онъ, въ видѣ почетнаго отличія, предоставилъ снаряженіе рѣчного флота окружавшимъ его вельможамъ, — Александръ такъ былъ разнѣванъ страннымъ поведеніемъ при этомъ кардіанца, что не могъ удержаться, чтобъ не пристыдить его. Эвменъ долженъ былъ бы дать триста талантовъ; онъ далъ только сто и увѣрялъ, что и эти деньги ему удалось собрать съ большимъ трудомъ; а Александръ зналъ о его богатствѣ. Онъ не сдѣлалъ ему никакихъ упрековъ, но не принявъ предложенныхъ ста талантовъ и приказавъ под-

жечь въ почной тишинѣ шатеръ Эвмена, чтобы подвергнуть его всеобщему поспѣванію, когда онъ, перепуганный огнемъ, который, впрочемъ, тотчасъ же было приказано затушить, будетъ вытаскивать свои сокровища. Но пламя распространилось такъ быстро, что уничтожило шатеръ со всѣмъ находившимся въ немъ, а также и многочисленныя канцелярскіе документы; найденное въ пеплѣ расплавленное золото и серебро одно уже превышало своею стоимостью тысячу талантовъ. Александръ оставилъ ему его деньги и далъ са-трапамъ и стратигамъ приказъ прислать кони съ отправленныхъ къ нимъ Эвменомъ писемъ и инструкцій ⁶⁾. Найдяшіеся въ лагерѣ македоняне не любили Эвмена, служившаго не копьемъ и мечомъ, а «восковыми табличками и стилемъ», и несмотря на это пользовавшагося у царя слишкомъ большимъ вліяніемъ и почетомъ; а больше всѣхъ его не терпѣлъ Гефестіонъ, которому благодаря его близости къ царю очень часто приходилось сталкиваться съ Эвменомъ, и эта нелюбовь была совершенно естественна и лежала въ характерѣ благороднаго гражданина Пеллы. Все, что разсказывается о немъ, показываетъ его благородный, рыцарственный и преданный характеръ, его безграничную и поистинѣ трогательную привязанность къ царю. Александръ любилъ въ немъ товарища игры своего дѣтства; весь блескъ престола и славы, всѣ перемѣны въ его вѣтшей и внутренней жизни, удалившія отъ него многихъ лицъ, которые пользовались его полнымъ довѣріемъ, не могли нарушить ихъ сердечныхъ отношеній; ихъ дружба сохранила мечтательную мягкость юношескаго возраста, которому они почти еще принадлежали; разсказъ о томъ, какъ Александръ читалъ полученное отъ матери полное упрековъ и жалобъ письмо, которыя онъ желалъ бы скрыть даже отъ своего друга, а Гефестіонъ, склонившись на его плечо, читалъ ихъ вмѣстѣ съ нимъ, и какъ царь затѣмъ прижалъ къ его губамъ свою печать на перстнѣ, даетъ намъ картину того, какъ мы должны представлять себѣ обоихъ ⁷⁾.

Гефестіонъ и Эвменъ уже не разъ имѣли между собою столкновенія и ихъ обоюдная антипатія другъ къ другу не нуждалась въ важныхъ причинахъ, чтобы повести къ новымъ раздорамъ. Подарка, полученнаго какъ разъ въ это время отъ царя Гефестіономъ, было достаточно, чтобы возбудить сильнѣйшую зависть въ кардіанцѣ и вызвать перебранку, въ которой оба скоро дошли до забвенія всѣхъ приличій. Александръ остановилъ эту жестокую перебранку; Эвмену онъ далъ такой же подарокъ, а Гефестіону топомъ упрека посоветовалъ болѣе заботиться о себѣ и о своемъ собственномъ достоинствѣ; онъ потребовалъ отъ обоихъ обѣщанія отнынѣ избѣгать всякихъ ссоръ и примириться другъ съ другомъ. Гефестіонъ отказывался; онъ былъ оскорбленной стороной, и Александру съ трудомъ удалось успокоить его; изъ любви къ царю, Гефестіонъ протянулъ наконецъ руку примиренія ⁸⁾.

Послѣ этихъ событій и тридцатидневнаго отдыха въ нисейской долинѣ войско выступило въ Экбатану и черезъ семь дней, около конца октября, достигло этого большого и богатаго города ⁹⁾. Жаль, что древнее преданіе ничего не сообщаетъ намъ о распоря-

женійхъ, основанійхъ колоній и мѣропріятійхъ ¹⁰⁾, составлявшихъ, какъ кажется, предметъ особенной дѣятельности царя въ Экбатанѣ; богаче подробностями описанія празднествъ, устроивавшихся въ столицѣ Мидіи, особенно праздника Діонисіи ¹¹⁾.

Александръ избралъ мѣстомъ своего жительства царскій дворецъ; этотъ дворецъ, бывшій памятникомъ поры величія Мидіи, находился подъ стѣнами городской цитадели и занималъ пространство въ семь стадій; роскошь этого зданія была почти сказочная; всѣ деревянныя части его были сдѣланы изъ кедра и кипариса, балки, потолки, колонны въ портикахъ и во внутреннихъ покояхъ были обложены золотыми или серебряными пластинками, крыши одѣты листовымъ серебромъ. Такимъ же образомъ былъ украшенъ находившійся по близости дворца храмъ Анитистъ; его колонны увѣнчивались золотыми капителями, а крыша состояла изъ золотыхъ и серебряныхъ черепицъ ¹²⁾. Хотя многія изъ этихъ дорогихъ украшеній были уже похищены корыстолюбивыми македонскими военачальниками, столь жестоко хозяйничавшими въ Мидіи, но цѣлое все-таки представляло еще собою картину изумительной роскоши. Окрестность гармонировала съ пышностью царской резиденціи; позади дворца поднимался насыпной холмъ, вершину котораго увѣнчивала крѣпкая цитадель съ башнями, зубцами и погребами полными сокровищъ; передъ ней, почти на три мили въ окружности, раскидывался громадный городъ, а на сѣверѣ видѣлись вершины высокаго Оропта, по ущельямъ котораго тянулись обширные водопроводы Семирамиды.

Въ этомъ по-истинѣ царственномъ городѣ Александръ осенью 324 года отпраздновалъ Діонисіи; они начались грандіозными жертвоприношеніями, которыми Александръ всегда благодарилъ боговъ за то счастье, которое они ему даровали. Затѣмъ слѣдовали всевозможныя торжества, боевыя игры, блистательныя шествія, состязанія художниковъ; пиры и попойки заполняли промежутки. Между послѣдними ширѣ сатрапа Мидіи Атропата отличался самой безумной роскошью; онъ пригласилъ въ гости все войско, и чужеземцы, которые стеклись изблизи и издалека посмотреть на празднества въ Экбатанѣ, окружали длинный рядъ столовъ, за которыми шумно пировали македоняне и при звукахъ трубъ, черезъ герольдовъ, возглашали свои тосты, свои пожеланія счастья царю и дары, которые они ему посвящали; громкое ликованіе послѣдовало за тостомъ Горга, царскаго оружничаго ¹³⁾: «царю Александру, сыну Зевса Аммона, посвящаетъ Горгъ вѣнокъ въ триста золотыхъ монетъ и, если онъ будетъ осаждать Аѳины, десять тысячъ полныхъ вооруженій, столько же катapultъ и всѣ снаряды, сколько ихъ ему нужно для войны ¹⁴⁾».

Таковы были шумныя и богатые торжества этихъ дней; только Александръ не былъ настроенъ радостно; Гефестіонъ былъ боленъ. Тщетно его врачъ Главкія употреблялъ все свое искусство: онъ не могъ остановить пожиравшей Гефестіона лихорадки. Александру нельзя было устранишься отъ празднествъ, онъ долженъ былъ покинуть своего больного друга, чтобы показаться войску и народу. На седьмой день, во время состязанія мальчиковъ, онъ находился какъ разъ среди волновавшейся на стадіи веселой толпы, когда ему было принесено

извѣстіе, что Гефестіону стало хуже ¹⁵); онъ послѣдилъ во дворецъ, въ комнату больного, — Гефестіонъ только что умеръ. Рука боговъ не могла тяжелѣе поразить Александра; три дня просидѣлъ онъ надъ дорогимъ тѣломъ, долго рыдая и затѣмъ смолкая отъ горя, безъ пищи и питья, находя свое утѣшеніе въ скорби и въ воспоминаніяхъ о миломъ другѣ, который былъ отнять у него въ полномъ разцвѣтѣ жизни. Празднества смолкли, войско и народъ оплакивали благороднѣйшаго изъ македонянъ и маги погасили священный огонь въ храмахъ, какъ будто бы умеръ царь ¹⁶).

Когда первые дни скорби прошли и приближенные царя добились своими просьбами того, что царь разстался съ тѣломъ своего любимца, онъ сдѣлалъ распоряженія относительно погребальнаго шествія, которое должно было доставить тѣло въ Вавилонъ. По почину Эвмена стратиги, гиппархи и этеры доставили оружіе, драконѣвности и всевозможные дары, чтобы украсить колесницу, которая везла его тѣло ¹⁷); Пердикка получилъ приказъ сопровождать его въ Вавилонъ, тамъ положено было воздвигнуть костеръ и весною должны были произойти боевыя игры по случаю торжества погребенія; съ Пердиккой отправился Динократъ, чтобы руководить сооруженіемъ роскошнаго костра.

Былъ конецъ 324 года, и въ горахъ лежалъ уже глубокій снѣгъ, когда Александръ выступилъ со своимъ войскомъ изъ Экбатаны, направляясь черезъ горы коссеевъ къ Вавилону; онъ избралъ это время года потому, что жившія въ горахъ разбойничьи племена теперь не могли бѣжать изъ своихъ долинъ на покрытыя снѣгомъ горныя вершины. Пока остальные полчища шли впередъ по большой дорогѣ, онъ съ болѣе легкой частью своихъ войскъ двинулся къ югу, гдѣ жили эти пастушескія племена, раскидывавшія здѣсь свои кочевья до самой области родственныхъ съ ними уксіевъ. Двумя колоннами, одной изъ которыхъ предводительствовалъ царь, а другою Лагидъ Птолемей, они прошли по горнымъ долинамъ, побѣдили по одиночкѣ тѣ небольшія обыкновенно орды, которыя оказывали всегда самое отважное сопротивление, разрушили ихъ разбойничьи башни, перебили и взяли въ плѣнъ многія тысячи, а другихъ заставили покориться, перейти къ осѣдлому образу жизни и заняться земледѣліемъ. По истеченіи сорока дней послѣдній независимый горный народъ въ этой странѣ тесини, какъ это было прежде съ уксіями, кадузіями, мардіями и перетакенами, былъ приведенъ къ покорности и вынужденъ принять хотя лишь первое начало цивилизаціи ¹⁸).

Затѣмъ Александръ двинулся къ Вавилоніи небольшими переходами, чтобы къ нему могли присоединиться отдѣльные отряды арміи, находившіеся въ горныхъ долинахъ. Онъ хотѣлъ сосредоточить въ Вавилонѣ всѣ свои боевыя силы, чтобы предпринять новые походы, и Вавилонъ долженъ былъ сдѣлаться центромъ его государства и резиденціей царя. По своей величинѣ, своей древней славѣ и своему положенію этотъ городъ былъ въполнѣ того достоинъ; онъ служилъ складочнымъ мѣстомъ предметовъ торговли юга, ароматовъ Индіи и пряностей Аравіи, лежалъ посрединѣ между народами запада и востока и былъ ближе къ западу, на который послѣ покоренія востока

долженъ былъ обратиться предприимчивый взоръ Александра. На западѣ лежала вѣдъ Италія, гдѣ мужъ его сестры, царь Эпира, заплатилъ съ честью и жизнью, лежала Иберія съ ея изобильными серебряными рудниками, лежали владѣнія финикійскихъ колоній, метрополии которыхъ подчинялись теперь новому уже государству, лежалъ Карфагенъ, со времени первыхъ персидскихъ войнъ и заключеннаго тогда союза съ Персией не перестававшій вести войны съ греками Ливіи и Сициліи. Крупныя перемѣны въ восточномъ мірѣ распространили славу Александра до самыхъ далекихъ народовъ, которые должны были смотрѣть на его исполинскую державу отчасти съ надеждой, отчасти съ тревогою; они должны были понять необходимость вступитъ въ сношенія съ этой державой, въ рукахъ которой находились судьбы міра, и предупредительнымъ отношеніемъ къ ней проложить дорогу собственной будущности.

Такимъ образомъ въ лагерь прибыли послы даже далекихъ народовъ, одни чтобы изъявить свою покорность и вручить ему свои дары, другіе чтобы просить царя постановить окончательное рѣшеніе по поводу ихъ споровъ съ сосѣдними народами; и только теперь, говоритъ Арріанъ, царю и его приближеннымъ начало казаться, что онъ есть властелинъ надъ землей и морями¹⁹⁾. Александръ приказалъ подать себѣ списокъ посольствъ, чтобы опредѣлить порядокъ ихъ аудіенцій; преимущество было дано имѣвшимъ порученія религіознаго характера, каковы были послы Элиды, Аммоніона, дельфійскаго храма, Коринѳа, Эпидавра и т. д., но мѣръ значенія того мѣста, откуда они прибыли; затѣмъ слѣдовали тѣ, которые привезли дары, которые желали рѣшить свои споры съ сосѣдними народами, которые имѣли порученія по внутреннимъ и частнымъ дѣламъ и наконецъ греческіе уполномоченные, которые должны были представить возраженія противъ возврата изгнанниковъ.

Наши источники для исторіи Александра не нашли нужнымъ трудиться наименовать всѣ эти посольства; они упоминаютъ только о тѣхъ, которые были замѣчательны въ томъ или другомъ отношеніи, и сдѣлать нѣкоторые заключенія относительно ближайшихъ цѣлей ихъ присылки мы можемъ только изъ другихъ фактовъ въ исторіи упомянутыхъ народовъ. Арріанъ, не высказывая никакихъ сомнѣній, говоритъ, что прибыли послы бреттійцевъ, лукановъ, этрусковъ, но сомнѣвается относительно римскихъ пословъ, о которыхъ упоминаютъ нѣкоторые другіе писатели. Положеніе вещей въ Италіи должно показывать намъ, были ли поводы для этого.

Со времени войны съ Александромъ молосскимъ бреттіи и луканы имѣли достаточныя основанія опасаться могущества его шурина, побѣдителя Азіи и естественнаго защитника греческаго міра. Молосецъ былъ призванъ противъ нихъ на помощь богатымъ торговымъ городомъ Тарентомъ; онъ разбилъ ихъ и союзныхъ съ ними самнитянъ въ большомъ сраженіи при Пестумѣ и усмирилъ на восточномъ берегу полуострова мессапійцевъ и давніевъ; его могущество простиралось отъ одного моря до другого и римляне заключили съ нимъ союзъ²⁰⁾ для общаго нападенія на самнитянъ, войнами которыхъ на югѣ они воспользовались для того, чтобы расширить свои владѣнія до Кампаніи

и укрѣпить ихъ римскими поселеніями. Но возрастающее могущество эпирскаго царя, а быть можетъ и опасенія передъ тѣмъ, что онъ желаетъ сдѣлаться властелиномъ Великой Греціи, заставили тарентинцевъ обратиться къ племенамъ, противъ кого они его призвали: одинъ лукапскій бѣглець умертвилъ царя; такимъ образомъ у самнитовъ были развязаны руки, чтобы противустать римлянамъ, которые завладѣли уже Капуей и Кимой (Кумы), древнѣйшимъ греческимъ городомъ на этихъ берегахъ. Съ ихъ попыткой завладѣть также Пеанолемъ и Палеополемъ началась (328) большая самнитская война, которая, послѣ перемѣнныхъ успѣховъ той и другой стороны, должна была скоро найти свое первое завершеніе въ Кавдинскихъ тѣснинахъ и въ договорѣ, которымъ римляне изъявляли свою покорность. Что греческіе города Италіи, вмѣсто того, чтобы воспользоваться благопріятными условіями этихъ лѣтъ, по прежнему были исполнены розни, лишены энергіи и возлагали свои надежды на завоевателя Азіи, было столь же естественно, какъ и опасенія италиковъ передъ тѣмъ, что онъ придетъ наконецъ и вырветъ у нихъ изъ рукъ богатые приморскіе города, которыми они теперь завладѣли: прислалъ же онъ кротоніатамъ часть побѣдной добычи при Гавгамелѣ, потому что нѣкогда одинъ изъ ихъ согражданъ сражался противъ Ксеркса при Саламинѣ. Былъ ли это случай, что среди посольствъ не называется посольство самнитовъ, или отъ нихъ не прибыло такового, но умное и дальновидное патриціанское правительство Рима, съумѣвшее въ своей тяжелой борьбѣ съ самнитами склонить на свою сторону жившіе позади нихъ народы, лукановъ, апулійцевъ и т. д., заключившее союзъ съ молосцемъ, вполнѣ могло, въ тотъ моментъ, когда оно собиралось покорить греческіе города Кампаніи, искать благосклонности того, чьего протеста можно было опасаться. Изъ другого источника мы узнаемъ, что Александръ послалъ римлянамъ договоръ ²¹⁾ по поводу антиатовъ, сдѣлавшихся подвластными Риму и продолжавшихъ вмѣстѣ съ этрусками заниматься морскими разбоями.

Посольство этрусковъ объясняется неоднократными столкновеніями, происходившими у нихъ съ греческими государствами изъ-за ихъ морскихъ разбоевъ; какъ разъ теперь афиняне снарядили экспедицію, чтобы основать при выходѣ изъ адріатическаго моря колонію, которая должна была служить имъ укрѣпленнымъ торговымъ и складочнымъ пунктомъ въ этихъ водахъ и защищать ихъ торговый флотъ ²²⁾.

Точно также легко объяснимы посольства карфагенцевъ, ливійцевъ и иберійцевъ. Захватъ Александромъ Финикіи долженъ былъ заставить и Карфагенъ, и другія пунійскія колоніи Сѣверной Африки и Иберіи, до сихъ поръ еще находившіяся въ тѣсной связи съ метрополіей, обратить особенное вниманіе на повелителя могущественнаго государства, отъ котораго они должны были бояться большаго, чѣмъ соперничества въ торговлѣ ²³⁾; особенно карфагеняне должны были подумать о томъ, что могло ихъ ожидать въ виду ихъ прежнихъ отношеній къ греческому міру и воинственнаго характера царя; а пограничныя столкновенія съ греками Сициліи, не прекращавшіяся со времени побѣдъ Тимолеона, давали достаточно поводовъ къ вмѣ-

шательству, которое могло имѣть слишкомъ опасныя послѣдствія для пупійской республики. Тѣмъ естественнѣе съ ихъ стороны было искать дружбы могущественнаго царя. Говоря, что явились ливійскіе послы съ вѣнками и поздравленіями по поводу завоеванія Азіи, историкъ разумѣютъ подъ этимъ именемъ жившія къ югу отъ Кирены племена.

Въ числѣ другихъ посольствъ упоминаются еще посольства европейскихъ скиновъ, кельтовъ и эоіоновъ, изъ которыхъ послѣднее было, быть можетъ, для царя тѣмъ важнѣе, чѣмъ болѣе его занималъ теперь планъ обогнуть на корабляхъ Аравію и продолжить морской путь, соединившій уже Индъ съ Эвфратомъ, до Чермнаго моря и до восточнаго берега Египта.

Уже въ Финикію былъ посланъ приказъ набирать матросовъ, строить корабли и въ разобранномъ видѣ сухимъ путемъ доставить ихъ къ Эвфрату. Неарху было поручено вести флотъ вверхъ по Эвфрату въ Вавилонъ; вскорѣ послѣ прибытія царя въ Вавилонъ долженъ былъ начаться походъ противъ арабовъ. Въ то же время къ берегамъ Каспійскаго моря былъ посланъ Гераклидъ, сынъ Аргея, въ сопровожденіи отряда корабельныхъ плотниковъ съ порученіемъ рубить корабельный лѣсъ въ лѣсахъ горъ Гирканіи и строить военные корабли съ палубой и безъ палубы по образцу греческихъ. Эта экспедиція тоже имѣла ближайшей цѣлью изслѣдовать, не имѣетъ ли Каспійское море прохода на сѣверъ и не соединяется ли оно съ Меотидскимъ озеромъ, или съ открытымъ сѣвернымъ моремъ и черезъ него съ водами Индіи ²⁴). Александръ могъ надѣяться привести въ исполненіе вмѣстѣ съ этой экспедиціей и тотъ походъ противъ скиновъ, о которомъ онъ пять лѣтъ тому назадъ говорилъ съ царемъ хоразмиевъ. Для сухопутнаго войска тоже были набраны новыя и весьма значительныя подкрѣпленія, которыя должны были прійти въ Вавилонъ въ теченіе весны. Было очевидно, что Александръ имѣлъ обширныя планы; повидимому, одновременно задуманы были походы противъ сѣвера, юга и запада; быть можетъ, онъ предполагалъ поручить ихъ своимъ полководцамъ, сохраняя за собою только руководство цѣлымъ изъ Вавилона, столицы его монархіи.

Войска и ихъ предводители должны были идти къ Вавилону съ безпокойнымъ нетерпѣніемъ, страшась или ожидая новыхъ походовъ. Они не знали, въ какомъ убитомъ состояніи находился царь со времени смерти своего друга, какъ онъ тщетно пытался заглушить скорбь своего сердца планами одинъ другого смѣлѣе; они не знали, что все его радостное наслажденіе жизнью было разрушено, что душа его была полна грустныхъ предчувствій; съ Гефестіономъ онъ похоронилъ свою молодость и началъ стариться, едва вступивъ на порогъ лѣтъ мужественнаго разцвѣта; мысль о смерти закралась въ его душу ²⁵).

Тигръ былъ перейденъ; скоро показались башни исполнискаго города, когда въ войско явились изъ города знатнѣйшіе халдеи и наблюдавшіе за теченіемъ звѣздъ жрецы Вавилона; они приблизились къ царю, отвели его въ сторону и умоляли его не продолжать да-

лѣе своего пути въ Вавилонъ: голосъ бога Бела открылъ имъ, что вступленіе въ Вавилонъ теперь будетъ для него роковымъ ²⁶). Александръ отвѣчалъ стихомъ поэта: лучшій гадатель тотъ, который предсказываетъ счастье. Они продолжали: «Не гляди на западъ, о царь, не съ этой стороны рѣки вступай въ Вавилонъ; обойди городъ, пока не будешь смотрѣть на востокъ».

Онъ оставилъ войско въ лагерѣ на восточномъ берегу Эвфрата, и на слѣдующій день спустился внизъ по этому берегу рѣки, чтобы затѣмъ переправиться на другую сторону и вступить въ городъ съ запада; берегъ рѣки былъ болотистъ на далекое пространство; мосты имѣлись только въ чертѣ города и онъ долженъ былъ сдѣлать большой кругъ, чтобы достигнуть западныхъ кварталовъ Вавилона. Тутъ, какъ говорятъ, къ царю явился софистъ Анаксархъ и философскими доводами старался разсѣять его суевѣрный страхъ ²⁷); вѣроятно же то, что Александръ, справившись скоро съ первымъ впечатлѣніемъ, старался взглянуть на это обстоятельство какъ на слишкомъ незначительное для того, чтобы мотивировать дальнѣйшую потерю времени и далекій объѣздъ кругомъ, что онъ болѣе боялся послѣдствій, которыя должны были вызвать въ войскѣ и въ народѣ такіа чрезвычайныя опасенія съ его стороны, чѣмъ предполагаемой опасности, и что для него не могло быть сомнѣній въ томъ, что халдеи должны были имѣть серьезныя причины не желать его присутствія въ Вавилонѣ. Еще въ 330 году онъ приказалъ реставрировать исполнискій храмъ Бела, стоявшій въ развалинахъ со времени Ксеркса; во время его отсутствія постройка остановилась; халдеи приложили всѣ свои старанія, чтобы не потерять дохода съ богатыхъ имѣній храма, назначенныхъ на содержаніе этого зданія. Такимъ образомъ было понятно, что звѣзды запрещали ему вступить въ Вавилонъ или дѣлали для него это вступленіе какъ можно болѣе затруднительнымъ; вопреки совѣту халдеевъ, Александръ во главѣ своего войска вступилъ въ восточные кварталы города съ востока; онъ былъ радостно принятъ вавилонянами; празднествами и пирами торжествовали они его возвращеніе.

Аристовулъ рассказываетъ, что въ это время въ Вавилонѣ находился амфиолитанинъ Пифагоръ, происходившій изъ греческой семьи и умѣвшій гадать по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ; его братъ Аполлоторъ, бывшій стратигомъ этой области съ 331 года, долженъ былъ при возвращеніи Александра изъ Индіи выйти къ нему навстрѣчу съ войсками сатрапін и, такъ какъ строгая кара, которой Александръ подвергъ виновныхъ сатраповъ, вызывала и въ немъ опасенія за свою будущность, то онъ послалъ къ своему брату въ Вавилонъ просьбу погадать о его судьбѣ по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ. Пифагоръ приказалъ тогда спросить его, кого онъ болѣе всего страшится и относительно кого онъ желаетъ гадать; по полученіи отвѣта отъ брата, который назвалъ царя и Гефестіона, Пифагоръ принесъ жертву и, осмотрѣвъ ея внутренности, написалъ брату въ Экбатану, что Гефестіонъ скоро не будетъ стоять болѣе на его дорогѣ; это письмо Аполлоторъ получилъ наканунѣ смерти Гефестіона. Затѣмъ Пифагоръ принесъ жертву относительно Александра; онъ нашелъ тѣ же примѣты и послалъ своему брату такой

же отвѣтъ. Аполлодоръ, какъ говорятъ, самъ отправился къ царю, чтобы показать, что его преданность сильнѣе заботы о собственномъ благѣ; онъ разсказалъ ему о гаданіи по внутренностямъ жертвенныхъ животныхъ и объ исполненіи его относительно Гекестіона; относительно царя Пивагоръ тоже не нашелъ никакихъ счастливыхъ примѣтъ: пусть же онъ оберегаетъ свою жизнь и избѣгаетъ опасностей, отъ которыхъ предостерегаютъ его боги. Теперь въ Вавилонѣ царь призвалъ къ себѣ Пивагора и спросилъ его, какія примѣты онъ имѣлъ, что написалъ такимъ образомъ своему брату? «Печень жертвы была безъ верхушки», былъ отвѣтъ. Александръ поблагодарилъ гадателя за то, что онъ открыто и безъ обмана сказалъ ему правду, и отпустилъ его со всѣми знаками своей благосклонности. Но онъ былъ пораженъ этимъ совпаденіемъ греческаго гаданія съ предостереженіями астрологовъ; онъ чувствовалъ себя дурно въ стѣнахъ этого города, которыхъ, можетъ быть, ему лучше было бы избѣгать; его тревожило продолжительное пребываніе во дворцахъ, отъ которыхъ тщетно предостерегали его боги. Но уѣхать онъ еще не могъ.

Изъ греческихъ земель прибыли новыя посольства, прибыли также нѣкоторые македоняне и уполномоченные еракійцевъ, илирійцевъ и другихъ зависимыхъ народовъ, чтобы, какъ говорили, принести жалобу на намѣстника Антипатра. Самъ Антипатръ послалъ, говоря, своего сына Кассандра оправдать его дѣйствія; быть можетъ, онъ желалъ также дать этимъ царю, у котораго уже находился въ качествѣ виночерпія его сынъ Юлла, новый залогъ вѣрности въ своемъ старшемъ сынѣ и возстановить при его посредствѣ нарушенныя добрыя отношенія съ Александромъ прежде, чѣмъ придетъ самъ ко двору согласно его приказу. Историки, хотя и мало заслуживающіе довѣрія, разсказываютъ о непріятныхъ столкновеніяхъ между царемъ и Кассандромъ ²⁸⁾.

Мы не имѣемъ никакихъ подробныхъ свѣдѣній о переговорахъ съ посольствомъ грековъ; мѣстные и частныя дѣла были устроены съ принятыми незадолго передъ тѣмъ другими посольствами по большей части согласно желаніямъ заинтересованныхъ лицъ, возраженія же противъ возврата изгнанниковъ разъ навсегда не были приняты во вниманіе, такъ что теперь, вѣроятно, приносились только поздравленія съ побѣдами въ Индіи и съ возвращеніемъ назадъ, подносились золотыя вѣнки и высказывалась благодарность за уничтоженіе изгнанія и за другія благодѣянія царя. Царь отблагодарилъ ихъ почестями и дарами и возвратилъ государствамъ всѣ похищенные нѣкогда Ксерксомъ статуи и приношенія, какія онъ только нашелъ въ Пасаргадахъ, Сузѣ, Вавилонѣ и другихъ мѣстахъ ²⁹⁾.

Устройство мѣстныхъ дѣлъ громадной столицы тоже должно было продлить пребываніе въ ней царя; намъ по крайней мѣрѣ разсказываютъ, что Александръ, постигивъ постройки, которые велѣлъ воздвигнуть, и увидавъ, что реставрація храма Бела почти нисколько не подвинулась впередъ, тотчасъ же приказалъ съ величайшимъ рвеніемъ приступить къ работамъ и командировалъ на постройку войска, находившіяся въ настоящую минуту безъ дѣла. Двадцать ты-

сячь человекъ работало цѣлыхъ два мѣсяца, чтобы только совсѣмъ удалить сперва обломки и очистить мѣсто; приступить къ самой постройкѣ помѣшали дальнѣйшія событія ³⁰⁾.

Наконецъ Александръ могъ покинуть Вавилонъ; рѣчной флотъ подъ предводительствомъ Неарха, пройдя изъ Тигра въ Персидскій заливъ, поднялся вверхъ по Эвфрату и стоялъ теперь подъ стѣнами столицы; корабли изъ Финикіи тоже прибыли; съ находившихся на ея берегахъ верфей были сухимъ путемъ доставлены въ разобранномъ видѣ въ Өапсакъ двѣ пентеры, три тетриры, двѣнадцать тріаръ и тридцать тридцативесельныхъ барокъ, которыя были здѣсь снова собраны и спустились внизъ по рѣкѣ; царь приказалъ строить корабли также и въ самомъ Вавилонѣ и срубить для этого кипарисы, находившіеся во множествѣ въ царскихъ садахъ Вавилона, тогда какъ во всей этой мѣстности не было никакихъ другихъ деревьевъ, кромѣ пальмъ. Такимъ образомъ флотъ скоро достигъ значительныхъ размѣровъ; но въ рѣкѣ не было удобнаго мѣста для гавани, и потому былъ отданъ приказъ вырыть недалеко отъ столицы большой водоемъ, который долженъ былъ заключать въ себѣ верфи и помѣщеніе для тысячи судовъ. Изъ Финикіи и другихъ приморскихъ странъ явились массы матросовъ, плотниковъ, кушцовъ и мелочныхъ торговцевъ, чтобы, слѣдуя царскому приглашенію, воспользоваться на своихъ корабляхъ новымъ торговымъ путемъ, или поступить на службу во флотъ для ближайшаго похода. Во время этихъ приготовленій изъ Финикію и Сирію былъ посланъ съ 500 талантами Миккалъ клазоменецъ, чтобы на вербовать тамъ какъ можно болѣе приморскихъ жителей и корабельщиковъ и доставить ихъ къ низовьямъ Эвфрата; планъ цари состоялъ въ томъ, чтобы основать колоніи на берегахъ персидскаго залива и на его островахъ, развить съ помощью ихъ торговлю въ южныхъ водахъ и въ то же время создать въ нихъ защиту для аравійскихъ береговъ. Александру была извѣстна многочисленность и своеобразие продуктовъ этой страны, которые онъ рассчитывалъ сдѣлать предметами торговли тѣмъ легче, что берега полуострова были весьма обширны и изобиловали гаванями. Но обширной пустынь, простиравшейся отъ границъ Египта до окрестностей Өапсака и Вавилона, бродили племена бедуиновъ, весьма часто тревожившія дороги и границы смежныхъ съ нею сатрапій; принуждая ихъ покориться, Александръ кромѣ безопасности границъ и дорогъ пріобрѣталъ соединительный путь между Египтомъ и Вавилономъ, который былъ значительно короче прежняго; въ такомъ случаѣ слѣдовало прежде всего захватить и колонизовать петрейскую область и сѣверные берега Чермнаго моря; въ этихъ пунктахъ должны были соединиться перерѣзывавшія Аравію дороги и путь моремъ кругомъ ея береговъ, открытіе котораго составляло цѣль ближайшей экспедиціи ³¹⁾.

Внизъ по рѣкѣ въ море уже было послано три корабля. Первымъ возвратился Архіа со своимъ тридцативесельнымъ судномъ; онъ открылъ островъ ³²⁾ къ югу отъ устья Эвфрата и сообщилъ, что этотъ островъ не великъ, покрытъ лѣсами и заселенъ народцемъ, поклоняющимся богинѣ Артемидѣ и въ честь ея дозволяющимъ свободно пастись оленямъ и дикимъ козамъ; онъ лежитъ недалеко отъ залива

города Герры, откуда ведетъ большая дорога черезъ внутренность Аравіи къ Чермному и Средиземному морямъ и обитатели котораго слывуть дѣтельными и богатыми торговыми людьми. Александръ возымѣлъ странную идею дать этому острову имя Икара, дерзнувшаго направить свой смѣлый полетъ въ близкія къ солнцу мѣста и поплатившагося за это преждевременной смертью въ волнахъ. Отъ острова Икара, — сообщалъ Архіа далѣе, — онъ направился къ юго-востоку и достигъ другого острова, который туземцы называли Тиломъ³³⁾; онъ былъ великъ, не былъ ни каменистъ, ни лѣсистъ, былъ удобенъ для земледѣлія и представлялъ собою счастливый уголокъ; онъ могъ бы прибавить, что онъ лежитъ среди неистощимыхъ жемчужныхъ рифовъ, о которыхъ уже ранѣе распространилось много разсказовъ между македонянами. Вскорѣ послѣ этого воротился и второй корабль, которымъ командовалъ Андросеенъ; онъ избралъ себѣ путь около самой суши и осмотрѣлъ значительную часть береговъ Аравіи. Дальше всѣхъ изъ посланныхъ кораблей проникъ тотъ, которымъ командовалъ кормчій Геронъ изъ Солъ; онъ получилъ приказъ обогнуть весь полуостровъ Аравію и постараться войти въ заливъ, тянущійся къ сѣверу и недоходящій только на нѣсколько миль до Герооніоля въ Египтѣ; оставивъ позади себя уже значительную часть береговъ Аравіи, онъ не рѣшился идти далѣе; но принесъ извѣстіе, что размѣры полуострова громадны и равняются, вѣроятно, размѣрамъ Индіи; онъ проникъ на югъ до далеко выдававшагося на востокъ въ открытое море мыса; здѣсь обнаженные и пустынные песчаные берега могли бы крайне затруднить дальнѣйшее плаваніе³⁴⁾.

Пока шли дѣятельныя работы по постройкамъ въ Вавилонѣ и кругомъ его, пока быстро подвигались впередъ работы на корабельныхъ верфяхъ, сооруженіе водоема для гавани, разборка башни Бела, и представлявшій собою грандіозное сооруженіе погребальный костеръ для Гефестіона, Александръ спустился съ нѣсколькими кораблями внизъ по Эвфрату, чтобы осмотрѣть обширныя дамбы, которыми регулировался Паллакопъ³⁵⁾. Этотъ каналъ, вырытый миляхъ въ двадцати ниже Вавилона, выходитъ изъ Эвфрата по направленію къ востоку и приводитъ въ озеро, которое питается водами рѣки и, образуя рядъ болотъ, тянется къ югу вдоль границъ Аравіи до самыхъ береговъ Персидскаго залива. Каналъ этотъ имѣетъ громадное значеніе для той мѣстности; когда весною воды рѣки начинаютъ подниматься и тающій подъ лучами лѣтняго солнца снѣгъ на горахъ Арменіи изливается все болѣе и болѣе обильными и бурными потоками, вся эта мѣстность была бы залита водою, если бы вода не могла выливаться черезъ каналы и особенно черезъ Паллакопъ, который такимъ образомъ защищаетъ и бассейнъ Эвфрата и приноситъ болѣе отдаленнымъ отъ рѣки мѣстностямъ благодѣтельное обильное орошеніе; когда же осенью уровень воды въ Эвфратѣ падаетъ, необходимо быстро закрыть этотъ каналъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ рѣка избрала бы себѣ болѣе краткій путь, чтобы изливать свои воды, и покинула бы свое прежнее ложе. Работа затруднена тѣмъ, что то мѣсто берега, гдѣ начинается каналъ, имѣетъ мягкій грунтъ, такъ что сооруженіе насыпей требуетъ громадныхъ усилій, да и тогда онъ не представляетъ

достаточнаго сопротивленія напору воды въ Эвфратѣ; гати канала во время высокаго уровня воды постоянно подвергаются опасности быть совершенно разрушенными, а снова исправить ихъ во-время для закрытія канала стоить громадныхъ трудовъ. Поэтому теперь, по приказу сатрана Вавилоніи, уже три мѣсяца на этихъ гатяхъ работало десять тысячъ человѣкъ; Александръ спустился внизъ по рѣкѣ, чтобы осмотрѣть работы; онъ желалъ пайти какое-либо средство противъ этихъ неудобствъ. Онъ поплылъ далѣе внизъ по рѣкѣ, чтобы осмотрѣть берегъ и въ частъ пути ниже устья канала нашелъ плотный берегъ, соотвѣтствовавшій всѣмъ его ожиданіямъ; онъ приказалъ прорыть здѣсь каналъ и провести его къ сѣверо-западу въ прежнее русло Паллакона, устье котораго затѣмъ навсегда должно было быть заграждено плотиною и засыпано землей; такимъ образомъ, какъ онъ надѣялся, будетъ одинаково легко прекращать осенью стокъ воды изъ Эвфрата и снова открывать его весной. Чтобы лучше ознакомиться съ природою этой мѣстности со стороны запада, онъ возвратился къ Паллакону, прошелъ по немъ въ озеро и поплылъ вдоль границы Аравіи; красота береговъ, а еще болѣе важное значеніе этой мѣстности пробудили въ немъ мысль заложить здѣсь городъ³⁶), который долженъ былъ въ одно и то же время открывать путь въ Аравію и защищать Вавилонію отъ нападений бедуиновъ, такъ какъ далѣе къ югу до самаго залива бассейны рѣки защищали озеро и болота. Постройка города и его укрѣпленій была тотчасъ же начата и здѣсь были поселены греческіе наемники, частью ветераны, частью волонтеры.

Между тѣмъ въ Вавилонѣ было окончено сооруженіе погребальнаго костра для Гестіона и должны были начаться грандіозныя похоронныя игры въ память его; это и прибытіе новыхъ войскъ дѣлало возвращеніе царя въ столицу необходимымъ. Царь, какъ рассказываютъ, нисколько не колебался возвратиться, тѣмъ болѣе, что во время его недавняго, хотя и весьма непродолжительнаго пребыванія въ Вавилонѣ уже повидимому обнаружилась лживость предсказаній халдеевъ. Начался обратный путь; тутъ же кстати положено было посѣтить выстроенныя въ болотахъ гробницы прежнихъ вавилонскихъ царей. Александръ самъ стоялъ на рулѣ своего корабля и велъ его по этимъ неудобнымъ для плаванія, вслѣдствіе отмелей и тростниковъ, водамъ; внезапный порывъ вѣтра сорвалъ съ его головы царскую *кавзію*, которую онъ носилъ по македонскому обычаю; отвязавшаяся отъ нея діадема была унесена вѣтромъ и зацѣпилась въ тростникахъ около одной изъ древнихъ царскихъ гробницъ, а сама *кавзія* погрузилась въ воду и болѣе ужъ не нашлась; доставать діадему поплылъ одинъ находившійся на томъ же кораблѣ финикійскій матросъ и, чтобы ему удобнѣе было плыть, обвязалъ ее вокругъ своей головы;—дурное предзнаменованіе: діадема на головѣ чужого человѣка! Гадатели, которыхъ царь теперь имѣлъ постоянно около себя, заклинали его уничтожить эту примѣту обезглавленіемъ несчастнаго матроса; Александръ, какъ говорятъ, приказалъ предать его бичеванію за то, что онъ счелъ царскую діадему ни по чѣмъ и рѣшился обвязать ею свою голову; а за то, что онъ быстро

и смѣло вернулся съ этимъ знакомъ царской власти, онъ далъ ему въ подарокъ цѣлый талантъ ³⁷⁾).

Возвратившись въ Вавилонъ, Александръ нашелъ тамъ новыя войска, которыхъ ожидалъ. Сатрапъ Персін, Певкеста, привелъ 20000 персовъ и, кромѣ того, значительное число коссеевъ и тапурійцевъ, принадлежащихъ къ самымъ воинственнымъ племенамъ Персін; изъ Каріи прибылъ Филоксенъ съ войскомъ, изъ Лидіи съ другимъ еще войскомъ Мепандръ ³⁸⁾, а изъ Македоніи Менида со всадниками, которыхъ онъ долженъ былъ оттуда привести ³⁹⁾. Особенно большую радость доставило царю прибытіе персидскихъ войскъ; онъ похвалялъ сатрапа за ихъ превосходную выучку, а воиновъ за ту готовность, съ которой они послѣдовали призыву его и сатрапа.

Замѣчательна новая организація, которую онъ далъ по прибытіи этихъ азіатскихъ войскъ своей пѣхотѣ, или по крайней мѣрѣ части ея. До сихъ поръ въ македонскомъ войскѣ не существовало корпуса, составленнаго изъ разныхъ родовъ оружія, не было арміи въ малыхъ размѣрахъ. Если почти во всякомъ дѣлѣ и употреблялись рядомъ другъ съ другомъ пѣхота и конница, легкія и тяжелыя войска, то они соединялись въ одно цѣлое только для этого отдѣльнаго случая и оставались отдѣльными родами оружія. Новая организація уничтожила прежній характеръ фаланги; она создала комбинацію тяжелооруженныхъ, пелтастовъ и легкой пѣхоты, совершенно мѣнявшую характеръ тактики. До сихъ поръ каждый такисъ фаланги состоялъ изъ шестнадцати рядовъ гоплитовъ; теперь же отрядъ составлялся такъ, что въ первомъ ряду стоялъ командовавшій отрядомъ декадархъ изъ македонянъ, во второмъ македонянинъ, получавшій двойное жалованье (*διμυρίτης*), въ третьемъ македонскій ветеранъ (*βετεράτης*) ⁴⁰⁾, и таковой же въ шестнадцатомъ, въ званіи предводителя аррьергарда (*οπισθοφύλαξ*); промежуточные ряды состояли изъ персовъ, отчасти изъ аконтистовъ, вооруженныхъ дротиками съ метательнымъ ремнемъ, отчасти изъ стрѣлковъ ⁴¹⁾. При такомъ распредѣленіи вышеупомянутыхъ 20000 персовъ, они должны были образовать вмѣстѣ съ присоединенными къ нимъ македонянами корпусъ болѣе чѣмъ въ 26000 человекъ, — слѣдовательно, даже за неизбежными недочетами, 12 такисовъ по 125 человекъ въ ряду. При этой организаціи наступленіе велось сомкнутой массой; затѣмъ въ бою фаланга развѣтывалась тремя отрядами; слѣва и справа въ промежуткахъ развѣтывались стрѣлки изъ лука для перваго нападенія издали, затѣмъ выступали аконтисты; три первыхъ ряда и послѣдній оставались сзади въ качествѣ тріаріевъ, или, вѣрнѣе, въ качествѣ поддержки, и когда послѣ первой схватки стрѣлки и аконтисты отступали черезъ промежутки и становились въ свои ряды, весь такисъ сомкнутой массой двигался на приведеннаго уже въ разстройство непріателя. Тактика этой новой организаціи соединяла въ себѣ всѣ преимущества италійскаго легіона и его системы манипулъ съ главными преимуществами прежней фаланги, дѣйствіемъ массами и подвижностью, — легкія войска скорѣе могли быть пушены въ дѣло противъ нападающаго непріателя и находились подъ надежнымъ прикрытіемъ во время рукопашнаго боя, — фаланги все еще были движущимися

крѣпостями, по такимъ, которыя могли производить изъ себя вылазки легкихъ войскъ и господствовали такимъ образомъ надъ болѣе обширнымъ райономъ, осыпая его стрѣлами и дротиками.

Уже эта новая организація, сдѣланная, повидимому, по образцу народовъ Италіи, должна была обратить на себя вниманіе ⁴²⁾; затѣмъ распространились слухи о томъ, что въ провинціи Средиземнаго моря были посланы распоряженія о вооруженіи несчетнаго множества кораблей, и слухи о походахъ въ Италію, Сицилію, Иберію и Африку. Дѣйствительно казалось, что, между тѣмъ какъ флотъ долженъ былъ подойти моремъ къ берегамъ Аравіи, сухопутная армія должна была двинуться къ западу черезъ Аравію или какимъ-либо инымъ путемъ, чтобы покорить варваровъ запада и враговъ греческой народности въ Африкѣ и Италіи ⁴³⁾.

Александръ лично руководилъ распредѣленіемъ новыхъ, особенно персидскихъ войскъ; оно происходило въ царскомъ саду, при чемъ царь сидѣлъ на золотомъ тронѣ, въ діадемѣ и въ порфирѣ; по обѣимъ его сторонамъ сидѣли его приближенные на болѣе низкихъ креслахъ съ серебряными ножками; позади нихъ на почтительномъ разстояніи стояли евнухи въ индійскихъ одеждахъ и со скрещенными по восточному обычаю на груди руками; новыя войска проходили мимо отрядъ за отрядомъ, подвергались осмотру и распредѣлялись между фалангами. Такъ прошло нѣсколько дней; въ одинъ изъ нихъ царь, утомленный продолжительнымъ трудомъ, поднялся съ трона, оставилъ на немъ свою діадему и порфиру и пошелъ купаться въ находившемся тутъ же водоемѣ; согласно придворному этикету, за царемъ послѣдовали его приближенные, а евнухи остались на своихъ мѣстахъ. Немного времени спустя, появился какой-то человѣкъ, спокойно прошелъ черезъ ряды евнуховъ, которые, по персидскому обычаю, не имѣли права его удерживать, поднялся по ступенямъ трона, украсилъ себя порфиною и діадемой и сѣлъ на мѣсто царя, тупо глядя впередъ; евнухи разорвали на себѣ одежды, начали бить себя въ грудь и лобъ и встрѣтили это страшное знаменіе криками скорби. Какъ разъ теперь возвратился царь и пришелъ въ ужасъ, видя на тронѣ своего двойника; онъ приказалъ спросить несчастнаго, кто онъ такой и чего тутъ хочетъ? Тотъ продолжалъ сидѣть неподвижно, по прежнему тупо глядя впередъ; наконецъ онъ сказалъ: «Я называюсь Діонисіемъ и родомъ изъ Мессены; я обвиненъ и привезенъ сюда съ берега въ цѣпяхъ; теперь богъ Сараписъ освободилъ меня и приказалъ мнѣ надѣть порфиру и діадему и смирно сидѣть здѣсь». Его подвергли пыткамъ, чтобы вырвать у него сознаніе въ преступныхъ намѣреніяхъ, которыя онъ имѣлъ, и заставить его назвать своихъ соумышленниковъ; онъ продолжалъ утверждать, что такъ ему приказано богомъ. Видно было, что разсудокъ этого человѣка не въ порядкѣ; предсказатели требовали однако его смерти ⁴⁴⁾.

Былъ май мѣсяцъ 323 года. Городъ Вавилонъ былъ полонъ военнаго оживленія; тысячи новыхъ войскъ, нетерпѣливо ожидавшихъ похода, въ которомъ они должны были впервые испытать свое оружіе, обучались боевымъ приѣмамъ въ новомъ для нихъ строю; флотъ, стоявшій уже на якорѣ подъ нирусами, почти ежедневно при

большомъ стеченіи зрителей изъ столицы покидалъ мѣсто своей стоянки, чтобы матросы приучились управлять кораблемъ и грести; самъ царь по большей части присутствовалъ при этихъ маневрахъ, хваля и раздавая золотые вѣнки побѣдившимъ въ состязаніи ⁴⁵⁾. Было извѣстно, что скоро долженъ былъ начаться походъ; всѣ ждали, что обычныя жертвоприношенія и пиры, за которыми царь обыкновенно возвѣщалъ о началѣ новыхъ боевыхъ операций, послѣдуютъ непосредственно за торжественными похоронами Гефестіона.

Безчисленное множество чужеземцевъ собралось на это празднество и въ томъ числѣ прибыли посольства изъ Эллады, которые вслѣдствіе постановленій, которыми даровались царю божескія почести, приняли характеръ священнѣйшихъ оеоръ. Явившись къ царю въ качествѣ таковыхъ и воздавъ ему поклоненіе по греческому обычаю, они посвятили ему золотые вѣнки, которыми непрерывно другъ передъ другомъ старались почтить государства ихъ родины своего царя бога. Потомъ возвратились также изъ Аммонія оеоры царя; они были посланы спросить о томъ, какимъ образомъ богъ повелѣваетъ чтить Гефестіона; они принесли отвѣтъ, что ему слѣдуетъ приносить жертвы, какъ герою ⁴⁶⁾. По полученіи этого извѣстія, царь приказалъ приступить къ торжественному погребенію героя Гефестіона и къ первымъ жертвоприношеніямъ въ честь его.

Часть стѣпъ Вавилона была снесена; тамъ на пяти лежавшихъ одна на другой террасахъ высилось роскошное зданіе костра, достигая высоты двухсотъ футовъ; на сооруженіе его царь пожертвовалъ десять тысячъ талантовъ, а друзья, вельможи, послы и вавилоняне прибавили двѣ тысячи своихъ; все блестяло золотомъ и пурпуромъ, картинами и статуями; на вершинѣ костра стояли изваянія сиренъ, изъ которыхъ звучали погребальныя хоры въ честь умершаго ⁴⁷⁾. Костеръ былъ зажженъ среди жертвоприношеній, траурныхъ процессій и скорбныхъ пѣсень; Александръ присутствовалъ при этомъ, на его глазахъ это чудное сооруженіе было охвачено пламенемъ, оставляя послѣ себя только разрушеніе, пустоту и скорбь по утраченномъ. Затѣмъ слѣдовали жертвы въ честь героя Гефестіона; Александръ самъ сдѣлалъ первое возліаніе принятому въ сонмъ героевъ другу; въ его память было принесено въ жертву и раздѣлено между всѣмъ войскомъ, которое царь пригласилъ на пиръ, десять тысячъ быковъ.

Слѣдующіе дни наполнялись другими празднествами; былъ уже назначенъ день для отплытія флота и начала похода въ Аравію, и царь согласно обычаю принесъ жертву богамъ, которымъ онъ всегда молился передъ походомъ; онъ принесъ жертву Счастливому Успѣху и по совѣту своихъ предсказателей также отвращающимъ несчастіе богамъ. Пока все войско веселилось и пировало за жертвеннымъ виномъ Александра, онъ собралъ къ себѣ своихъ друзей на прощальный пиръ, который давалъ адмиралу Неарху. Это было вечеромъ 15 Дэсія; когда большинство гостей уже разошлось, явился вессалиецъ Мидій, бывший однимъ изъ этеровъ, и попросилъ царя почтить еще своимъ присутствіемъ собравшееся у него небольшое общество; должна была произойти веселая пирушка. Александръ любилъ благороднаго вессалийца и отправился съ нимъ; веселое настро-

еніе близкихъ ему людей развеселило и его; онъ по очереди пилъ за ихъ здоровье; подъ утро общество разошлось, обѣщавъ собраться опять на слѣдующій вечеръ ⁴⁸⁾.

Александръ возвратился домой, выкупался и спалъ до поздняго дня; вечеромъ онъ снова отправился къ Мидію и веселая попойка снова продолжалась до глубокой ночи. По возвращеніи къ себѣ царь почувствовалъ себя дурно; онъ выкупался, немного поѣлъ и легъ спать въ лихорадочномъ жару. Утромъ 18 Дэсія онъ чувствовалъ себя очень дурно; волненія послѣдняго времени и быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ пиры настолько усилили его болѣзненную воспримчивость, что лихорадка крайне повліяла на него; онъ долженъ былъ приказать снести себя на своемъ ложѣ къ алтарю, чтобы отправить тамъ утреннюю жертву, какъ онъ это дѣлалъ ежедневно; затѣмъ онъ лежалъ на постели въ мужскомъ чертогѣ и велѣлъ явиться туда военачальникамъ, чтобы отдать имъ необходимыя приказанія относительно похода; войско должно было выступить 22, флотъ, на которомъ онъ предполагалъ ѣхать самъ, днемъ позже. Вечеромъ онъ приказалъ нести себя на своемъ ложѣ къ Эвфрату, прямо на корабль, и плыть въ лежавшіе на другомъ берегу сады; тамъ онъ выкупался; лихорадочныя припадки не оставляли его во всю ночь.

На слѣдующее утро послѣ купанія и утренняго жертвоприношенія онъ перешелъ въ свой кабинетъ и пролежалъ тамъ весь день на постели; у него былъ Мидій, старавшійся развлечь его своимъ разговоромъ; на слѣдующее утро царь назначилъ военачальникамъ явиться къ нему; вечеромъ, поѣвъ немного, онъ легъ спать; лихорадка усилилась, и состояніе царя стало хуже; всю ночь онъ провелъ безъ сна.

Утромъ 20 числа, послѣ купанія и жертвоприношенія, къ царю были допущены Неархъ и другіе офицеры флота; царь заявилъ имъ, что вслѣдствіе его болѣзни отплытіе прійдется отложить на одинъ день, но что за это время онъ надѣется настолько оправиться, что 23 числа будетъ въ состояніи вступить на корабль. Онъ остался въ купальной комнатѣ; Неархъ долженъ былъ сѣсть около его постели и рассказывать о своемъ плаваніи по океану; Александръ внимательно слушалъ его; онъ радовался, что ему скоро самому придется пережить такія же опасности. Между тѣмъ его состояніе все ухудшалось, лихорадка усиливалась; тѣмъ не менѣе утромъ 21 числа послѣ купанія и жертвоприношенія онъ призвалъ къ себѣ офицеровъ флота и приказалъ къ 23 числу приготовить все на корабляхъ къ его приему и къ отплытію. Послѣ вечерняго купанія съ нимъ послѣдовалъ страшный приступъ лихорадки; силы царя видимо исчезали; онъ провелъ бессонную, мучительную ночь. Не смотря на то, Александръ приказалъ вывести себя утромъ къ большому водоему и съ трудомъ совершилъ жертвоприношеніе; затѣмъ онъ повелѣлъ допустить къ себѣ офицеровъ, отдалъ еще нѣсколько приказаній относительно плаванія флота, говорилъ со стратигами о замѣщеніи нѣсколькихъ офицерскихъ мѣстъ и поручилъ имъ выборъ лицъ для производства, совѣтуя быть строгими въ своемъ выборѣ.

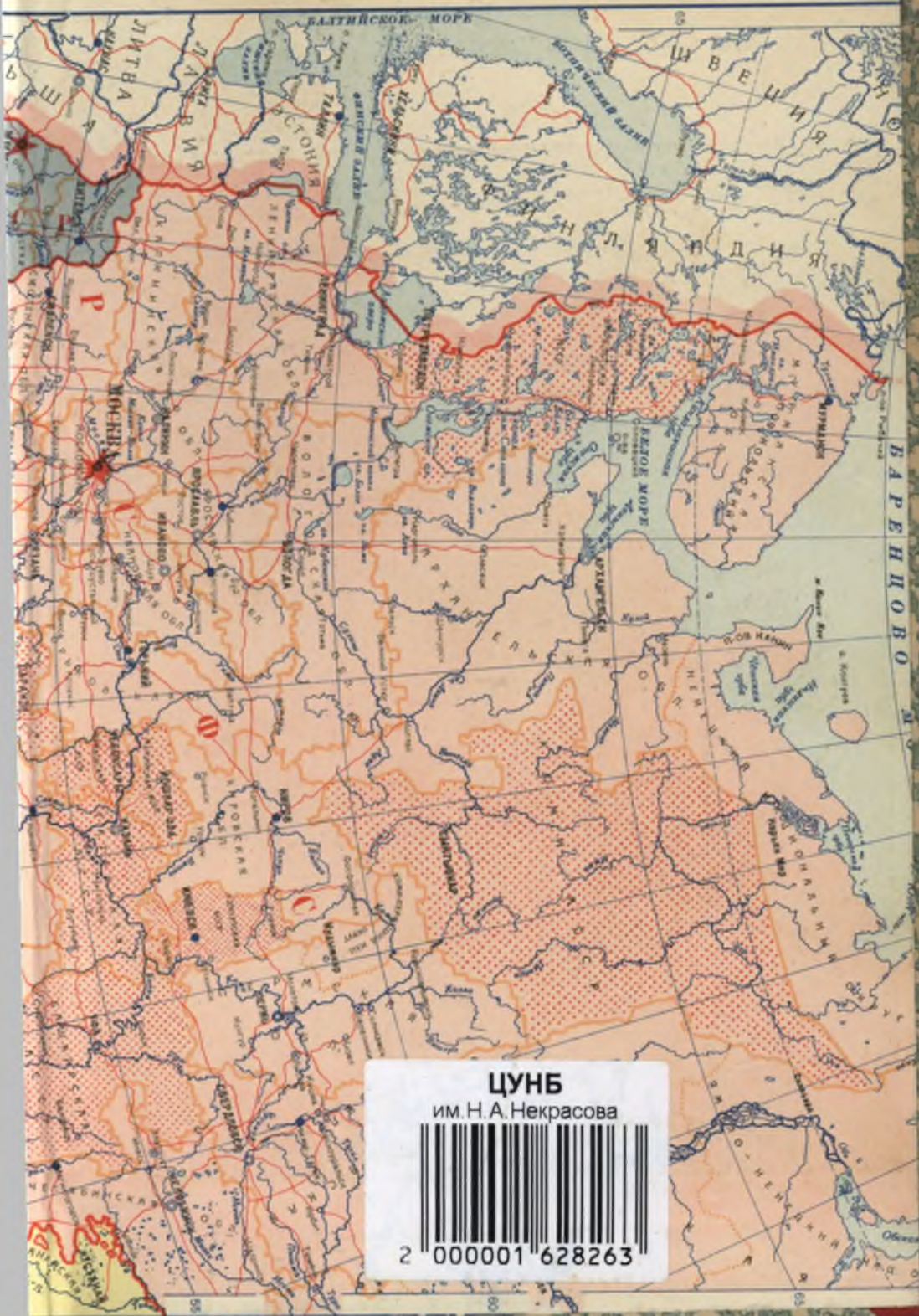
Наступило 23 число, а царь лежалъ тяжело больной; однако онъ велѣлъ отнести себя къ алтарю и совершилъ жертву; но отплытіе

флота приказалъ отложить. Наступила тяжелая ночь. На слѣдующее утро царь былъ едва въ силахъ принести жертву; онъ приказалъ стратигамъ собраться въ переднихъ комнатахъ дворца, а хиліархамъ и пентакосіархамъ находится на дворѣ; себя велѣлъ перенести изъ садовъ обратно во дворецъ. Онъ слабѣлъ съ каждой минутой; когда вошли стратиги, онъ, хотя еще узналъ ихъ, но уже не могъ говорить. Ночь, слѣдующій день и слѣдующую ночь лихорадка не прекращалась,—царь лишился употребленія языка.

Извѣстія о томъ впечатлѣніи, какое произвела въ лагерь и войскъ болѣзнь царя, заслуживаютъ полнаго довѣрія. Македоняне тѣснились около дворца, требуя видѣть своего государя; они боялись, что онъ уже умеръ и что отъ нихъ это скрываютъ; они не прекращали своихъ жалобъ, угрозъ и просьбъ до тѣхъ поръ, пока имъ не были отперты ворота; затѣмъ всѣ по очереди они проходили мимо ложа своего царя, и Александръ немного склонялъ голову, подавалъ каждому правую руку и глазами посылалъ послѣднее прощаніе своимъ ветеранамъ. Въ тотъ же день,—то было 27 Дасія,—Пионъ, Певкеста, Селевкъ и другіе отправились въ храмъ Сараписа и спросили бога, не лучше ли будетъ царю, если онъ прикажетъ перенести себя въ храмъ бога и помолится ему здѣсь; имъ былъ данъ такой отвѣтъ: «не приносите его; если онъ останется тамъ, ему скоро станетъ лучше». На слѣдующій день, 28 Дасія вечеромъ Александра не стало.

О событіяхъ этихъ послѣднихъ дней существуетъ множество еще и другихъ извѣстій; но они мало заслуживаютъ вѣры и отчасти явно выдуманы съ добрымъ или худымъ намѣреніемъ. Напримѣръ, ни одно достовѣрное извѣстіе не говоритъ, что Александръ на своемъ смертномъ одрѣ сдѣлалъ какія либо распоряженія на словахъ или съ помощью знаковъ о порядкѣ наслѣдованія въ государствѣ, о регентствѣ и о необходимыхъ ближайшихъ мѣропріятіяхъ. Если онъ этого не сдѣлалъ, то единственно потому, что уже утратилъ ту силу и энергію ума, которая обнаружила бы ему послѣдствія его смерти, когда онъ почувствовалъ ея приближеніе. Это безмолвное прощаніе со своими македонянами было послѣднимъ усиліемъ его погасавшаго сознанія и наступившая затѣмъ агонія должна была скрыть отъ его умирающихъ глазъ безотрадную будущность его созданій и плановъ.

Съ его послѣднимъ вздохомъ начались раздоры между его вельможами, мятежъ его войскъ, разрушеніе его дома и паденіе его государства.

ЦУНБ

им. Н. А. Некрасова

2 000001 628263

